

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НОВО INSTITUTIUS

ЧЕЛОВЕК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ

Под редакцией
доктора экономических наук
О.В. Иншакова

Волгоград 2005

ББК 60.560

X76

*В оформлении обложки
использована картина Рене Магритта «Трансфер»*

X76 **Homo institutus** – Человек институциональный : [моно-
графия] / под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. – Волгог-
рад : Изд-во ВолГУ, 2005. – 854 с.

ISBN 5-85534-985-3

В книге впервые в отечественной науке на базе междисциплинарно-го синтеза рассматривается феномен «человек институциональный», раз-виваются методологические основы его познания; предлагаются критерии и новые подходы к формализации социального содержания акторов и их окружения. Раскрывается как специфика исторического генезиса, так и актуальные характеристики бытия институциональных агентов, способы отражения анализируемых понятий в лингвистических системах.

Авторы предлагают комплексно осмыслить статус человека, выя-вить его онтологические, гносеологические и экзистенциальные проти-воречия, определить направления интеграции гуманитарных наук на современном этапе в исследовании этого объекта.

Дискуссионный характер затрагиваемых проблем определяет ши-рокие рамки аудитории, которой адресована книга, представляющая ин-терес для специалистов, работающих в различных отраслях обществен-ных наук, студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних учебных заведений.

ББК 60.560

ISBN 5-85534-985-3

© Коллектив авторов, 2005

© Издательство Волгоградского

государственного университета, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек – исходный элемент и творец социального бытия. Социальные институты во всех сферах жизни людей формировались не до возникновения человека и общества, а вместе с ними, они функционируют не вне отдельного человека, а через него и для него. Понять многогранность проявления родовой сути человека – означает осознать также системность институций, которые он реализует, и институтов, в которых он состоит и функционирует, определить его место в «социальном космосе».

Выход в свет предлагаемой вниманию читателей коллективной монографии, несомненно, можно отнести к разряду значимых событий в научной жизни России. Эта книга – новый шаг во взаимодействии наук об обществе. В ней мы обретаем оригинальный опыт междисциплинарного синтеза в области институциональной теории, когда социальное содержание человека раскрывают под профессиональным углом зрения экономисты, социологи, философы, историки, лингвисты, юристы и математики. Для некоторых участников проекта это первое обращение к институциональному анализу, и, надо отметить, оно оказалось успешным.

Каждый из авторов пытается найти свою грань в ответе на узловую вопрос совместного исследования, составляя довольно интересный портрет *homo institutus* – «человека институционального». Каков он, этот человек институций? Чем определяются его существенные черты? Что движет им в его поступках? В чем проявляется его специфика в современных российских реалиях?

Опыт отечественных социально-экономических трансформаций показывает, что современное прогрессивно ориентиро-

ванное хозяйство должно служить всестороннему развитию человека. Невнимание к людям оборачивается катастрофами и многолетними спадами в экономике. В России, преодолевающей исторический перевал, жизненно необходимо создание материальных условий реализации человеческого потенциала посредством специальных институциональных механизмов, основанных на справедливом использовании национального богатства.

Все более очевидным становится «торможение» институциональной теории по причине затянувшегося и принявшего инерционный характер поверхностного освоения трудов иностранных ученых. Надо отойти от некритического заимствования и тиражирования абстрактных и вульгарных положений, имеющих в зарубежной науке. Отечественная наука способна и должна найти внутренние источники творчества, используя свой исторический опыт, крепкий методологический фундамент, впитывая и развивая лучшее из мировой экономической мысли. Стоит пристально оглядеться по сторонам, чтобы увидеть не надуманные, а многочисленные реальные проблемы экономики и общества современной России, часто оборачивающиеся бедственным положением ее народа...

Надо сбросить методологические шоры упрощенных представлений об экономических институтах, до сих пор воспроизводимые по причине ослабления преемственных связей в научных школах, созданных в дореволюционное и советское время. Недопустимо игнорировать классические подходы, но, обновляя их, можно пасть жертвой догматизма и вульгарности, поскольку эти теории и концепции требуют новых продвижений в условиях современной глобальной динамики, иначе они стремительно утрачивают свою ценность.

Пока же отечественные теоретики институционализма больше преуспели в построении концептуально усложненных, оторванных от экономической реальности конструкций. А для практики институциональных преобразований необходимы систематические эмпирические наблюдения и обобщение огромного массива фактов. Без этого не решить насущные задачи модернизации экономики и не создать достаточно развитую теорию. Поэтому нужны новые содержательные трактовки, свежие оригинальные идеи и подходы к изучению институтов отечественного хозяйства.

Закономерен крах эгоцентричной индивидуалистской методологии, ставший особенно очевидным в 90-е гг. XX века. Представлять человека как бесполой, полностью рациональный, нацеленный на максимизацию своего удовольствия социальный автомат, как это делалось в неоклассической теории на протяжении всего прошлого века, означает конструировать в высшей степени некорректные экономические модели. Результаты первого этапа рыночных реформ подтверждают, как важно задействовать опыт самобытного российского коллективизма для выхода на путь истинного социально-экономического прогресса. Ведь реальность такова, что не только хозяйственные институты определяют существо человека и его поведение, но и каждый человек развивает эти институты, работая на себя и на общество. Эту взаимосвязь следует рассматривать диалектически и восстановить практически.

В начале XXI века российский институционализм, на мой взгляд, должен сделать пять первоочередных шагов по пути его модернизации.

Шаг первый. Современная институциональная теория страдает прежде всего от недостаточной разработки методологической и философской базы. Философия институтов призвана быть реалистичной, целесообразно использующей единство материального и идеального в русле эволюционного подхода. Нужна системность, раскрывающая все элементы и связи, функции и отношения, закономерности и противоречия развития институциональной структуры общества. Требуется усилить критический, диалектический, динамический и адаптивный аспекты научного анализа.

Быстро распространяющая свое пессимистическое влияние постмодернистская философия ограничена и во многом ущербна по своей сути. Конечно, ускорение перемен, в том числе быстрые трансформации социальных институтов, становятся мощным источником стресса, ввергая людей в психологические ямы депрессии, отчаяния, агрессии и апатии. Если же упадочные настроения или же, напротив, «игривое» отношение к общественным процессам, передадутся ученым, то о каком будущем можно вообще вести речь? Верю, что российская наука в состоянии оказать сопротивление навязываемому постмодернистскому давлению, что отечественные исследователи смогут сохранить при-

суший им дух конструктивного реализма. Подчеркну: если сейчас не начать активное философское переосмысление места и роли институтов в обществе, дальнейшее развитие методологии их изучения с каждым годом будет все более затруднительным.

Шаг второй. Теория институтов должна уделить больше внимания функциональным диспропорциям воспроизводства, механизмам институционализации секторов и сфер хозяйства, оценке институциональной эффективности законодательных актов и административных решений, прогнозированию и планированию институционального развития. Важно разработать логичный и обоснованный категориальный ряд институциональной теории, уточнить всю систему сопутствующих понятий, уйдя от преобладающего в этой методологической области словоблудия (по-другому не скажешь!). Научный аппарат институционального анализа должен быть четким и определенным, а не метафорично-загадочным.

Стимулом концентрации научных усилий, очевидно, могла бы стать идея создания фундаментального учебника по институциональной экономике с учетом связей с политической, правовой, социальной, культурной системами общества. Уже сейчас надо готовить предложения об его структуре и обсуждать их в рамках Секции экономики и Отделения общественных наук РАН. В вузах страны читаются многочисленные учебные курсы, опубликована масса пособий и сводов лекций, которые, будучи по сути фрагментарными, а содержательно – поверхностными, не дают системного представления об институциональных отношениях в обществе. Студенты же с младых ногтей приучаются пассивно следовать мнениям западных «гуру» этой отрасли знаний. А нужны интерактивные, творческие технологии освоения институциональной теории и практики.

Шаг третий. Осуществление институциональной теорией ее нормативной функции невозможно без формализации изучаемых явлений, позволяющей перейти к имитационному компьютерному моделированию их динамики. Этот аспект институциональных исследований развит все еще недостаточно. Здесь не обойтись без подключения математиков и логиков, способных в сотрудничестве с обществоведами разработать принципы и общую концепцию такой формализации. Недостаточное использование

математических методов в институциональном анализе снижает его научный статус, ставит под сомнение обоснованность прогнозов и предложений для практики. Формализация институтов не должна восприниматься как дань научной моде, но призвана служить методом системного исследования их содержания и форм.

Шаг четвертый. Пора преодолеть разобщенность и профессиональную замкнутость ученых, развивающих институциональные концепции в рамках узко дисциплинарных «картин социального мира». Спектр вопросов, требующих глубокого институционального изучения, очень широк, и сами по себе его не в состоянии полностью охватить ни экономическая наука, ни социология, ни юриспруденция, ни политология. Необходимо активизировать совместные исследования институциональных проблем в рамках всего блока общественных наук. Ведь даже термин «институт» по-разному понимается современными юристами и экономистами, социологами и политологами, историками и культурологами. Университеты должны стать «точками роста» интенсивной междисциплинарной интеграции, поскольку в образовательном процессе в них естественно объединены представители разных отраслей знания. Целесообразно наладить эффективную систему обмена специализированной научной информацией между академическими структурами, региональными научными центрами и вузами.

И, наконец, **пятый шаг.** Теоретикам, ведущим институциональные исследования, следует целенаправленно расширять прикладной аспект своих концепций. Зачем формализовать и математически моделировать институциональные отношения, не обосновывая системы индикаторов их состояния и развития? К чему многократно констатировать институциональные проблемы российского общества, не предлагая реальных механизмов их преодоления? Поле региональных институциональных исследований также еще чрезвычайно узко. Следовало бы в большей степени переходить от макроэкономических обобщений (на не всегда достаточной информационной и эмпирической базе) к анализу региональных институтов, норм, законов, обычаев, этноэкономических отношений и т. д. Но нельзя забывать и о мировых институциональных сопоставлениях, о поиске механизмов рационального взаимодействия России с международными институтами, без чего невозможно объективно представить богатство и

нищету нашей страны, понять ее действительный статус и траекторию эволюции в меняющемся мире.

Хорошо, что многие направления развития институциональных исследований нашли отражение в данной книге. Это – новые подходы к содержанию отдельных понятий и всего категориального ряда познания институциональной сути человека как фактора и продукта, принципала и агента, предпринимателя и гражданина, фракционера и лоббиста, верующего и творца социальной эволюции. Попытки моделирования принципов изменения институциональных структур, механизмов их функционирования позволяют выйти на формирование оригинальных концепций рационального выбора. Выявление особенностей отражения институтов в разных языках открывает глобальное видение эволюции и роли институционального фактора в хозяйственной истории человечества.

Подготовленная усилиями высокопрофессионального коллектива ученых монография «Homo institutus» – верный шаг к сближению и продуктивной интеграции представителей различных гуманитарных наук. Такого рода комплексные исследования должны стать традиционной формой междисциплинарной дискуссии по актуальным теоретическим и практическим проблемам.

Отмечу как отрадный факт, что предлагаемая монография представляет собой не только творческий союз ученых разного профиля, но и результат кооперации представителей российской академической науки и высшей школы, который на деле воплотил животворную тенденцию их сближения на современном этапе.

Хочу пожелать всем авторам коллективной монографии «Homo institutus» еще большей научной смелости в решении актуальных научных задач и целеустремленности в продвижении к новым знаниям о человеке на пути междисциплинарных исследований. Заинтересованным читателям желаю обрести в книге импульс к плодотворным творческим размышлениям и успешной деятельности, направленной на утверждение высокого статуса человека в России и мире.

*Академик РАН Д.С. Львов
Москва, 24.11.2004 г.*

ВВЕДЕНИЕ

Образование Отделения общественных наук в Российской академии наук в 2001 г. стало своего рода институциональным рубежом, закрепившим стремление к междисциплинарной интеграции в отечественной науке. Это отразило наличие необходимых концептуальных и методологических предпосылок многогранного «высвечивания» сущности центрального объекта гуманитарных исследований – человека.

Обращение к человеку вызвано прежде всего закрепившимся игнорированием его значимости как субъекта и объекта всех хозяйственных процессов, принимающего на себя испытания и достижения, стрессы и «шоки» любых социально-экономических трансформаций.

Замысел предлагаемой книги вызревал постепенно. Интенсивные продвижения в разработке основ институциональной экономики, проведенные группой ученых ЦЭМИ РАН под руководством академика Д.С. Львова, спровоцировали целый ряд вопросов, ответов на которые было великое множество, но ощущения ясности они не приносили. Среди них: в чем отличие институтов от организаций? Допустимо ли, вслед за Д. Нортон, отождествлять институты с «правилами игры», а организации – с «командами игроков»? Можно ли считать институты тождественными нормам, законам и контрактам или же последние суть атрибуты, инструменты и продукты их реализации? Чем институциональный субъект отличается от институционального агента, а он, в свою очередь, – от экономического актора? Каков институциональный механизм функционирования и развития экономики?

Уточняя в 2003 г. методологический аспект своей концепции, Дж. Ходжсон определяет институты «в основном как долговечные системы сложившихся и укорененных правил, которые придают структуру социальным взаимодействиям» (Ходжсон, 2003, с. 11), что также способствует расширительной трактовке данного термина и вульгарному его использованию. Он развивает свою мысль следующим образом: «Короче говоря, институты суть системы социальных правил. Термин “правило” здесь трактуется в широком смысле, как предписание или установка в ситуации *X* делать *Y*. Тем самым сюда включаются как нормы поведения и социальные конвенции, так и юридические и формальные правила. По своей природе институты должны основываться на некоторых общих концепциях – только тогда правила будут действительными. Языковые, денежные, правовые системы, системы мер и весов, правила дорожного движения и поведения за столом, а также фирмы (равно как и все прочие организации) – все это институты» (там же, с. 11–12).

Но не кажется ли абсурдным предлагаемый вывод? Ведь далеко не все, что так или иначе упорядочено, можно рассматривать в качестве институтов. Скорее, все это можно отнести к сфере действия институтов – прямого или косвенного, непосредственного или опосредованного другими факторами и продуктами общественного бытия. Приняв же точку зрения Дж. Ходжсона в качестве методологически верной и распространяя ее на всю «картину» общественной жизни, можно прийти к парадоксальным выводам. Доводя ситуацию до гротеска, допустимо определить трудящегося как все, что так или иначе связано с трудом, неправомерно «синтезировав» в этом понятии предметы и орудия, продукты и эффекты, субъектов и факторы трудовой деятельности. Тогда трудящийся – это топор и автомобиль, дом и лесопосадка, рантье и семейный бюджет, завод и книга, штатное расписание и замочный ключ... Аналогично поступают многие современники, расширяя понятие института до пределов предметного мира общественного бытия.

Длительная работа над теорией эндогенных факторов производства привела к выделению в их числе институции как социальной формы возникновения, типизации, закрепления и осуществления функций хозяйственными субъектами. Результаты переосмысления сути отдельных элементов категориального ряда ин-

ституциональной и эволюционной теории, взаимосвязей между ними легли в основу уже опубликованного исследования «Институционализм в российской экономической мысли» (Иншаков, Фролов, 2002). В нем была освещена тысячелетняя эволюция институциональных идей, понятий, проектов и решений, ставших основой формирования особого научного направления в нашей стране. Начиная с условного момента зарождения (862 г.) и до все еще продолжающегося «бума» современных институциональных исследований была дана периодизация процесса становления и развития этого научного направления. С привлечением значительного массива первоисточников было доказано, что российский институционализм в последней трети XIX века дифференцировался, образовав несколько во многом пересекающихся направлений – политэкономическое, философско-хозяйственное, юридическое, политологическое, социологическое, историческое и др. Выдвинутая методологическая основа институционального анализа нашла интерпретацию посредством привлечения масштабного лингвистического аппарата, позволившего выявить типовую конструкцию обозначения институциональных понятий в русском языке. Эти исследования показали, что институциональность пронизывает все сферы человека и общества. Следовательно, усилиями многих общественных наук только и возможно создавать поистине многогранный портрет «человека институционального».

Предлагаемая книга задумывалась как попытка преодоления «растерянности умов» перед феноменом *homo institutus*, этого центрального объекта институционализма, как стремление описать его бытие посредством разнообразных институций и институтов, ставших реальными продуктами эволюции человеческого общества в бесконечном многообразии ее форм и проявлений.

При этом представлялось нецелесообразным искусственно ограничивать круг авторов в рамках институционального направления одними экономистами, тем более, что обособление данной профессиональной группы ученых можно связать лишь со второй половиной XIX столетия. Конечно, хотелось избежать и крайности «впадения в эклектичность», поскольку реальное богатство содержания институционального фактора отражается не только в трудах ученых (экономистов, историков, правоведов, политологов, социологов, культурологов, философов и т. д.),

но и в работах публицистов, писателей и др., охватить которые не в состоянии, пожалуй, ни одно исследование.

Наиболее развернутыми системами категориального отражения институционального устройства общества традиционно обладают социология, экономическая теория и юриспруденция, черпающие эмпирический материал из истории и актуальной реальности. Существенные различия в категориальных системах этих наук мешают созданию полной институциональной концепции. Настало время «движения навстречу друг другу» в русле интеграции наук об обществе для преодоления разобщенности сформировавшегося конгломерата институциональной теории, перехода к системности представлений об институтах общества от односторонности в их исследовании.

Так утвердилась идея осуществления междисциплинарного исследования в контексте проблем институциональной теории. На выбор его объекта натолкнули также публикации оригинальных работ Г.Б. Клейнера и Б.А. Ерзнкяна, в которых использовался теоретический конструкт «человек институциональный» (*homo institutus*), в том или ином виде противопоставлявшийся неоклассической модели индивидуального выбора, обобщенной в концепции «человека экономического» (*homo economicus*). Однако в предлагаемой книге этот термин толкуется более широко — как человек, живущий и ведущий хозяйство в неизбежном и неотделимом от него институциональном существовании и окружении.

Стоит вспомнить, что внимание к человеку как объекту исследования в общественных науках постоянно возрастало и привело к широкому использованию, помимо основного и традиционного линнеевского *homo sapiens*, таких определений, как *homo economicus*, *homo ludens*, *homo ierarchicus*, *homo aequalis*, *homo faber*, *homo contractus*, *homo institutus*... (Тейяр де Шарден, 2002; Дюмон, 2000; Хейзинга, 2003; Автономов, 1998; Нестеренко, 2002; Клейнер, 2004). Столь многогранен и непостижим этот объект познания, что дошло даже до создания модернизированной модели REMM (Resourceful, Evaluating, Maximizing, Man) (Бруннер, 1993) «человека экономического», а в отечественной реальности, поскольку «умом Россию не понять», и до «парадоксального человека» (Тощенко, 2001).

Объектом исследования предлагаемой вниманию читателей книги стал человек в системе социально и нормативно закрепленных функций, человек в статусе, агент институций и институтов. Предмет ее, на первый взгляд, довольно узок, поскольку предполагает лишь институциональный анализ, но и чрезвычайно сложен, ведь даже в одной этой грани высвечивается вся неизмеримая глубина сущности человека – уникального феномена и результата эволюции Вселенной, постижение которого предполагает непрерывное переосмысление всех факторов и тенденций общественного бытия.

Открывают книгу методологические проблемы исследования институционального содержания человека, которые характеризуют актуальное состояние и перспективы развития концепции «человека институционального», сложившиеся подходы к его пониманию, проблемы интерпретации роли акторов и агентов в экономической науке.

Агенты и институты хозяйственной системы связаны в книге с проблемой институционального выбора в контексте взаимодействия комплексных норм поведения и включенных в них индивидов. В зависимости от характера целей деятельности в современной экономической теории выделяются два типа хозяйственных субъектов – «человек экономический» и «человек институциональный», которые сравниваются по различным критериям (рациональность действий, временной диапазон принимаемых решений, системность представлений о мире и т. д.). Однако разделение это относительно, поскольку «человек экономический» по определению уже обрел специфический статус аспекта, в котором получает свою структурную, функциональную и эволюционную характеристику.

«Человек экономический» предстает в реальном времени и пространстве одновременно как производитель и потребитель, предприниматель и принципал, кредитор и заемщик, управленец и исполнитель. Он не существует и не проявляется в обществе без статуса, вне норм и правил, вовлекается в соглашения и процедуры, исполняет должности и получает чины, становится участником ритуалов и обрядов. Все это, социально детерминируя его действия, проявляется в его поведении в хозяйственной системе.

«Человек экономический» уже содержит в себе «человека институционального», рационализм первого стоит на фундамен-

те ценностей второго. Поведение *homo economicus* становится формой проявления и следствием социально обусловленных действий *homo institutus*, часто скрывая или искажая их истинный смысл и цель. Поведение выступает как демонстрация и трансляция многих аспектов трансформированного действия в зависимости от конкретной ситуации. Действие – существенно, поведение – действительно. На этой методологической основе проведен анализ институционально обусловленного выбора, выявлены взаимодействия и противоречия его субъектов и объектов, раскрываются его стадии и проблемы.

В исследовании соотношений рациональности, неполной рациональности и иррациональности с учетом психологических факторов представлена более реалистичная по сравнению с неоклассической концепция процесса принятия решений хозяйственными субъектами. Она исходит из учета величины отклонения от абсолютной рациональности под влиянием психологических характеристик личности осуществляющего выбор актора. Обосновывается классификация психологических факторов нарушения рациональности институциональных решений и форм их проявления с использованием медицинских аналогий, что позволило выявить многочисленные «экофобии», характерные в том числе и для современного российского общества.

Авторы проводят анализ культурно-исторических условий формирования пропорций между различными типами агентов в России. Теоретически моделируется образ общества *homo institutus*. На основании качественного анализа соотношения популяций «экономических» и «институциональных» людей в нашей стране сделан вывод о преобладании последних, что позволило прийти к ряду интересных заключений об изменении психологии и идеологии россиян в отечественном пространстве институциональных трансформаций. Обосновано, что средний класс и его представители – люди, отличающиеся чувством ответственности, стабильными, взвешенными взглядами и определенными нравственными устоями, – должны стать объектом стратегического государственного воздействия.

Исследование приводит к методике синтеза понятия «институт» на основе системы детерминант. В книге представлен один из возможных подходов к уточнению категориального аппарата

институциональной теории, в его основе – системный базис детерминирующих характеристик определяемого понятия. Применительно к категории «институт» осуществлен анализ, в результате которого сформирована система множеств характеристик данного феномена, и синтез определения путем группирования выявленных признаков с учетом логических связей.

Используемые определения социальных институтов изначально многозначны настолько, что могут ввести в глубокое заблуждение. К институтам относят все: нормы и правила, организации и учреждения, органы и отношения, сообщества и статусы, рутины и ритуалы, обычаи и традиции, образ мышления и поведения. При таком собирательном подходе понятие социального института теряет границы и масштабы собственного содержания, перестает быть тем особенным, которое есть результат взаимодействия всеобщего и единичного для определенного класса феноменов с качественно специфической информацией.

Экономический институт можно назвать, пользуясь метафорой Р.И. Полякова (Поляков, 1984, с. 7), «понятием-сфинксом», имея в виду предельную неопределенность предлагаемых определений и трактовок, придающую данному феномену некий мистический характер. Это понятие балансирует на грани нулевого и всеобъемлющего смысла, «лишнего» термина и «ключа к тайнам хозяйства»... Но следует иметь в виду, что «образность в научном доказательстве вообще возникает там, где обнаруживается недостаток логики, слабое место в подлинно теоретическом категориальном движении мысли» (Экономическая теория..., 1990, с. 115).

Поэтому одним из стимулов написания книги было стремление преодолеть имеющуюся фрагментацию и нарастающую вульгаризацию институциональной теории. Мощный поток якобы «институциональных исследований» заполонил отечественное информационное пространство. Сложившаяся к настоящему времени нечеткость понятийной системы институционализма, упрощение или, напротив, чрезмерное расширение определений его основных категорий порождают искаженное отражение и торможение процессов практической модернизации хозяйственной действительности. Это в значительной степени дискредитирует институциональную теорию, которая нередко рассматривается как некая скоропреходящая научная мода; институционализму

подчас отказывают в экономическом содержании, сводя его предмет исключительно к области социологии или правоведения¹. Экономисты же далеко не всегда используют достижения других наук в данной области исследований.

В отечественном институционализме имеет место плюрализм поверхностных мнений и фрагментарность суждений. В итоге теряются действительно важные моменты – четкость изложения и чуткость восприятия научных текстов. Масштабная эмиссия идей, касающихся различных вопросов институциональной теории и практики, но имеющих под собой слабую теоретическую основу, ведет к раскручиванию инфляции гносеологических продуктов институционального фактора и девальвации статуса институционализма в экономической науке современной России. Категория «общественный институт» стала широко употребляться в быту, где приобретает любые значения и изменяется до неузнаваемости.

Институт и организация (в меньшей степени – институция) рассматриваются как «понятия подвижные, а не застывшие; они изменчивы и текучи. Они то употребляются как синонимы, то противопоставляются друг другу. Каждый использует их с тем большей легкостью, чем меньше знает, что именно они обозначают. Но когда пытаешься эти понятия определить и отделить друг от друга, возникает множество проблем и трудностей» (Маритен, 2000, с. 11). Исследователями все еще отождествляются институции и институты, органы и организации, а достижения тектологии и конституционной экономики не могут проявить свой истинный эвристический и практический потенциал.

Действительно, к социальным институтам причисляют церковь и рынок, искусство и профсоюз, армию и собственность, семью и образование, здравоохранение и предприятие, дружбу и государство, суд и партии, науку и управление, религию и деньги, полицию и многие другие явления общественной жизни. Их связывают как с отдельными людьми, так и с их группами, классами, нациями, сообществами и человеческим обществом в целом. В различных науках доминируют трудносовместимые трактовки институтов, которые демонстрируют неприятие понятий смежных областей знаний. Это приводит к сохранению и углублению разобщенности наук об обществе в рамках реализации институционального подхода, подтверждает и консервирует сис-

темную незавершенность его категориального аппарата, препятствует интеграции исследований и исследователей.

Феномен институции раскрывается в аспекте латентного обеспечения функции производства многообразия общественно-го бытия, формирования все большей глубины социума и его внутренней структуры, что отражается в сознании людей, действующих в мире смыслов и значений. Эта сторона институций противопоставляется их явным задачам формирования целей и схем поведения хозяйственных субъектов. Отсутствие рефлексии по поводу институциональной структуры и неявный характер последней определяют частичный и поверхностный характер любых моделей социальной трансформации. Воспроизводство рассматривается как своего рода символический универсум, в котором институции интегрируют функционально-производственные и субъектно-ценностные аспекты бытия людей.

Авторами книги предлагается рассматривать экономического актора с позиций институционализма в облике феномена *homo institutus*. В гносеологическом ракурсе он предстает конкурентоспособным антиподом неоклассической модели *homo economicus*, которая критикуется сразу по ряду позиций. Интеграция психологических, биологических и философско-антропологических продвижений в познании природы человеческого поведения позволила развить модель экономического актора, дополнив ее когнитивными ограничениями, страстями и эмоциями, углубить понимание механизма взаимодействия агента и окружающих его институтов.

Достаточно продуктивно рассмотрение *homo institutus* как антипода *homo economicus*, когда нерациональный, автоматически соблюдающий правила или полностью ограниченный определенной ему извне ролью агент противопоставляется полностью рациональному, изолированному от социального окружения и максимизирующему свою полезность индивиду. Это позволяет инкорпорировать в модель человека неэкономические мотивы, важность которых несомненна. Схемы человеческого поведения, согласно Н. Элиасу, «многослойны, как и вся система контроля над поведением, как строение наших душевных функций вообще. В их формировании и воспроизводстве на равных принимают участие эмоциональные и рациональные побуждения» (Элиас,

2001, с. 320). Но основанная на дихотомии этих двух социальных типов хозяйственного субъекта модель «человека институционального» по степени абстракции от реальности вполне сопоставима с неоклассической моделью человека, хотя и внесла в нее ряд существенных поправок. Такое разграничение двух непересекающихся моделей экономического поведения акторов не соответствует реальным характеристикам природы человеческого фактора, редуцируя богатство его содержания.

Современные трактовки *homo institutus* во многом восходят к идеям скандинавского институционалиста Н. Брунссона и являются их неявной интерпретацией применительно к наноуровню хозяйственной системы. Этот ученый, которого Б.Д. Скелли называет одним из основоположников «радикального институционализма» (Skelley, 2000, pp. 112–122), концентрированно выразил свою точку зрения следующим образом: «Мой главный аргумент, адресуемый практикам, состоит в том, что во многих ситуациях иррациональность решений и идеологическая ограниченность может быть функционально эффективной» (Brunsson, 1985, p. 182). В реальности «человек институциональный» иррационален, но отнюдь не органично, он рационален, но не безгранично.

Транзакционная модель бытия *homo institutus*, предложенная в одной из глав книги, исходит из сопоставления конструктов «институциональное поле» и «экономическое пространство», на условном «стыке» которых и возникает транзакция, понимаемая как «акция, выходящая за свои пределы». Точнее, речь идет о взаимном переходе двух встречно направленных акций, осуществляемых двумя субъектами сделки, благодаря чему разрешается возникающее между ними противоречие и удовлетворяются их потребности. Транзакция в методологическом статусе единицы институционально-экономического анализа позволяет преодолеть многочисленные проблемы, возникающие при акценте на индивидов или институты. «Человек институциональный» представлен как модель реального хозяйственного субъекта, учитывающая его сильные и слабые стороны, а также транзакционную способность (институциональную компетентность), позволяющую преодолеть и содержательно изменить «дырявый» характер экономического пространства между акторами сделок, следующий из представлений теоретиков неоклассического направления. Осу-

ществлена оригинальная попытка семиотического моделирования механизма взаимодействия трансакторов на примере ситуации из романа У. Эко.

Доказана необходимость дополнения традиционной схемы функционально-структурного анализа «институт – агент» понятием институциональной фракции, позволяющим системно раскрыть актуальные тенденции и направления социальной фрагментации. Внутренний и межинституциональный фракциогенез представлен как взаимодействие коалиций, кланов, династий, клик и иных группировок агентов разного уровня иерархии. Внутренняя неоднородность института раскрывается через систему межфракционных противоречий, сопровождающих углубление стратификации общества по пути формирования мозаичной гетерогенности и нуждающихся в изучении соотношения статики и динамики в рамках общей кинетики. Введены и обоснованы производные понятия экономической рефракции, дифракции и интерференции.

В процессе раскрытия институциональной сущности человека через систему статусов и ролей определяются ее генотипический и фенотипический аспекты. Использование конструкта «институциональная сфера» позволяет ввести условные индикаторы ее состояния – «радиус», «объем» и «плотность», раскрыв их экономическую природу. Как элементы социально-функциональной сферы человека, институции представлены в структурном, пространственном и временном аспектах, реализуясь как эскалаторы и конвейеры, катализаторы и ингибиторы, амортизаторы и стабилизаторы статуса акторов. Разработаны понятия институциональной интериоризации и экстериоризации, трансмиссии и трансляции.

Исследование институтов и институций в коммуникативном пространстве проводится на материале русского, немецкого, английского и французского языков. Показана сложная семантическая структура существительных «институция» и «институт» в западноевропейских лингвистических пространствах, отражающая структурно-функциональную специфику соответствующих обществ. В ходе компаративного анализа, проведенного с использованием системы релевантных интегральных сем, обосновано, что институциональные наименования в русском языке представлены исторически и актуально, в потоке эволюционных трансформаций, являя собой языковое отражение реальной институ-

циональной структуры общества на разных этапах его развития. Очевидно, что «слова имеют свою историю и с течением времени изменяются в своем значении. Это – несомненная истина, однако мы, формируя свои представления о каком-нибудь новом вопросе, очень часто забываем эту истину или упускаем ее из вида, что порождает недоразумения» (Веселовский, 1936, с. 12). Особый интерес вызывает новаторское освещение проблем межкультурной коммуникации, возникающих при статусном несоответствии субъектов и недостаточном учете институционального контекста общения. Это еще раз подтверждает идею о том, что для выяснения истины в отношении институционального содержания человека нужны совместные исследования историков, лингвистов, этнографов, антропологов, культурологов и других представителей различных областей знания.

Предлагаемый Вашему вниманию первый опыт междисциплинарного подхода к познанию «институционального человека», предпринятый по инициативе экономистов и вовлекший в общее русло исследований представителей многих гуманитарных наук, можно оценивать и как эксперимент. А любые эксперименты, безусловно, чреваты неожиданностями, но необходимы, ведь без них невозможно смахнуть с глаз «сон исследовательской рутины», пользуясь выражением Н. Хомского. Поэтому сердца авторов согревает надежда на благожелательное и, вместе с тем, конструктивно критическое отношение читателей. Это будет означать, что коллективные издержки выполненного интеллектуального труда оказались общественно необходимыми, а выбор тематики исследования – адекватным институциональным вызовам, перед которыми находится Россия в начале XXI века.

Книга подготовлена авторским коллективом в составе: акад. РАН В.Л. Макаров – глава 1; чл.-кор. РАН Г.Б. Клейнер – главы 3, 9, 34; чл.-кор. РАН Ф.И. Шамхалов – главы 1, 18; чл.-кор. РАН Б.Г. Юдин – глава 17; д. филол. н. Т.Н. Астафурова – глава 30; д. ф. н. Э.В. Баркова – глава 22; д. ф. н. М.П. Бузский – глава 16; д. с. н. И.В. Василенко – глава 39; д. ю. н. Н.Н. Вопленко – глава 28; д. ф.-м. н. А.А. Воронин – глава 12; д. э. н. А.В. Дьяченко – глава 13; д. э. н. Б.А. Ерзнкян – главы 4, 5; д. э. н. О.В. Иншаков – введение, главы 2, 8, 10; д. филол. н. В.И. Карасик – главы 31, 32; д. и. н. Г.П. Кибасова – глава 27; д. э. н.

С.Г. Кирдина — глава 11; д. и. н. А.И. Кубышкин — глава 26; д. э. н. Н.Н. Лебедева — глава 20; д. ю. н. Л.В. Лобанова — глава 36; д. э. н. В.О. Мосейко — главы 7, 14; д. э. н. А.Ф. Московцев — главы 35, 38; д. филол. н. А.В. Олянич — глава 30; д. ф. н. Н.В. Омельченко — глава 25; д. ф. н. И.А. Петрова — глава 27; д. ф. н. Ю.М. Резник — глава 19; д. ф. н. О.И. Стибнева — глава 24; д. ф. н. А.Л. Стризое — главы 21, 23; д. э. н. О.С. Сухарев — главы 6, 15; д. филол. н. Н.А. Тушикова — глава 29; д. и. н. И.О. Тюменцев — глава 37; д. филол. н. Н.Л. Шамне — глава 33; к. ю. н. Ю.Ю. Ветютнев — глава 28; к. э. н. Р.Г. Нургалиев — глава 1; к. и. н. Н.В. Рыбалко — глава 37; к. э. н. Д.П. Фролов — главы 8, 10.

Литература

Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998. (Этическая экономия: Исследования по этике, культуре и философии хозяйства. Вып. 2).

Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 3.

Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л.: ОГИЗ: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936.

Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

Дюмон Л. Homo aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии. М.: Издат. дом «NOTA BENE», 2000.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли: В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. Т. 1. 486 с; Т. 2. 626 с.

Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем / ЦЭМИ РАН. М.: Наука, 2004. (Экономическая наука современной России).

Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000.

Мамедов О.Ю. Институционализм — приоритет вторичности? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1, № 1.

Маритен Ж. Человек и государство. М.: Идея-пресс, 2000.

Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: ЗАО «Финстатинформ», 2000.

Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория / Отв. ред. акад. Л.И. Абалкин. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Поляков Р.И. Обобществление производства в условиях развитого социализма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. СПб.: Наука, 2001.

Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001.

Тайлор Э.В. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Вселенская месса. М.: Айрис-пресс, 2002.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.

Хейзинга Й. Homo Ludens / Человек играющий: Статьи по истории культуры. М.: Айрис-пресс, 2003.

Ходжсон Дж. Предисловие к русскому изданию // Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. С. 9–14.

Экономическая теория – хозяйственной практике / С.Н. Мареев, В.И. Панченко, А.К. Покрътан, Г.П. Солодков. М.: Экономика, 1990.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

Banfield E.C. The Moral Basis of a Backward Society. N. Y.: Free Press, 1958.

Brunsson N. The Irrational Organization: Irrationality as a Basis for Organizational Action and Change. Chichester, England: John Wiley & Sons, 1985.

Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y.: Simon and Shuster, 1996.

Nee V. Sources of the New Institutionalism // The New Institutionalism in Sociology / M. Burton and V. Nee, eds. N. Y.: Russel Sage, 1998. P. 1–16.

Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti K.Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton U. Press, 1993.

Skelley B.D. Radical Institutionalism and Public Administration: a Review of Nils Brunsson's Contributions to Understanding Public Sector Organizations // Public Administration & Management: An Interactive Journal. 2000. 5, 3.

¹ См., например, работу (Мамедов, 2003).

РАЗДЕЛ I

МЕТОДОЛОГИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ЧЕЛОВЕКА

Глава 1

«ЧЕЛОВЕК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ» В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ СПИРАЛИ

Правомерно ли противопоставлять коллективизм индивидуализму, свободу — власти, институционализм — атомизму, организацию — самоорганизации, государство — рынку? Ведь в современном мире, именно принадлежа к той или иной организации, отдельно взятый человек может отстаивать свои права и интересы. Большею частью человек участвует в общественной, в том числе и политической жизни через ту или иную референтную группу, как член какого-нибудь объединения, союза, организации, партии и т. д. Поэтому естественно, что вопрос о включенности и интеграции человека в экономическую, социальную,

политическую и иные сферы общественной жизни занимает умы мыслителей и ученых со времен Сократа, Платона и Аристотеля.

В предлагаемой вниманию читателя статье предпринята попытка проанализировать эту проблему в основном с точки зрения соотношения моделей «человека экономического» и «институционального».

На протяжении всей статьи проводится мысль о единстве различных ипостасей человека (экономической, политической, институциональной, психологической, социальной). В историческом аспекте прослеживается спираль от понимания человека во всей его полноте античными мыслителями через расчленение и анализ отдельных сторон его поведения мыслителями прошлого и настоящего к синтетическому рассмотрению на новом этапе.

1. Начало спирали

Концепции «человека экономического», «социологического», «политического», «институционального» и другие представляют собой исторические феномены, возникшие с формированием и утверждением современных социально-экономических и общественно-политических институтов, отношений и ценностей. По-видимому, говорить о человеке в подобных определениях применительно к античному и средневековому человеку представляется не совсем корректным, поскольку аристотелевский «человек – существо политическое», понимался не буквально в современном его смысле, а как человек со всеми его сущностными параметрами – экономическими, политическими, социальными и т. д. В период античности и Средневековья все сферы жизни людей были пронизаны государственным или политическим началом. Античные мыслители были убеждены в том, что человек способен приобрести свою подлинную сущность только в государстве, которое олицетворяет единый образ жизни и деятельности каждого входящего в него члена. Как считал Платон, человек способен осознать подлинный смысл жизни только в государстве. Вне государства, по его мнению, не может быть реализован смысл жизни человека. По мнению же Аристотеля, государство существует от природы, которая определяет и природу самого человека. Поэтому, утверждал он, человек немыс-

лим без общества (или полиса), вне него могут жить только боги и звери.

В Средневековье, когда власть была распределена между множеством ее носителей, между верховным сюзереном, феодалом, земельными общинами, сословиями и т. д., были как бы стерты грани между господством как политическим главенством и господством как правом собственности на землю и людей. Отношение господина к своим подданным по большей части отождествлялось с отношением к собственности, или, иначе говоря, оно превратилось в отношение вещно-правовое. Рабовладелец, феодал, сеньор, барон, дворянин, помещик осуществляли власть не только над вещами, но и над людьми, в том смысле, что и те и другие считались его собственностью, и он мог распоряжаться ими по своему усмотрению.

Действовала система внеэкономического принуждения, при которой крамольной считалась сама мысль о возможности отделения политической власти от власти экономической. Хозяин людей и вещей был одновременно носителем обоих этих видов власти. Преобладал традиционный взгляд на общество как единый организм, в котором все классы, сословия и социальные группы взаимозависимы друг от друга, и каждый человек занимает отведенное ему самим Провидением место в социально-классовой иерархической структуре. Имело место фактическое слияние всех важнейших сфер жизнедеятельности людей — духовной, социальной, экономической, политической, культурной, религиозной и т. д. Поэтому экономика, как и другие сегменты человеческой организации, считалась органическим элементом государства, полностью находившимися под его контролем. Как отмечал О. Бруннер, сословия представляли собой не просто социальные или экономические классы, противостоящие государству как носителю суверенитета, а структуры, политически оформленные и осуществляющие политическую власть (Brunner, 1973, s. 401).

Очевидно, что при таком положении вещей не могло быть и речи о гарантированных государством неотчуждаемых правах и свободах личности вообще и свободе экономической деятельности, в частности, составляющих основу современного правового государства и рыночной экономики. Свободно, без каких бы то

ни было препятствий человек мог заниматься экономической деятельностью лишь тогда, когда он получил возможность свободно, без каких-либо препятствий внеэкономического характера распоряжаться своей собственностью, свободно открыть свое дело, производить товары и на равных конкурировать с другими участниками на рынке.

Другими словами, о разделении государства и общества, а также связанной с ним экономики, можно говорить лишь с возникновением современного типа национального правового государства и гражданского общества. В этом контексте суть перехода от феодализма к буржуазному обществу и правовому государству как раз и состояла в том, что были ликвидированы всякого рода сословные, наследственные и иные привилегии. В результате все граждане государства, вне зависимости от их имущественного и социального статуса, а также национальной и конфессиональной принадлежности, получили равные политические права.

2. Интеллектуальный прорыв :

ОСОЗНАНИЕ РОЛИ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

В Новое время идейно-политическое обоснование эта трансформация получила в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, а затем и других мыслителей того периода. Их заслуга состояла в обосновании тезиса, согласно которому, несмотря на тесную взаимосвязь общества и государства, они составляют самостоятельные и автономные сферы человеческой деятельности, интересы которых зачастую могут не совпадать друг с другом. На этом основании были сформулированы идеи о разделении общества и государства, социальной, экономической и политической сфер, как самостоятельных, хотя и тесно связанных между собой областей деятельности людей. Это новое мировоззрение перевернуло весь строй миропонимания людей, трактовки ими места и роли человека в обществе и государстве, отношении человека к обществу и государству, с одной стороны, общества и государства – с другой.

В разработке и утверждении этих идей в конце XVIII – начале XIX в. ключевую роль сыграли отцы-основатели классического либерализма А. Смит, Д. Риккардо, Ж.-Б. Сэй и их пос-

ледователи. Они объявили центральной единицей общественного организма, главным субъектом социальной деятельности отдельно взятого человека. Было заявлено, что социальные ценности представляют собой не что иное, как общепризнанные и поддерживаемые всеми членами общества индивидуальные ценности. Социальные процессы и ценности определяются характером взаимодействия между отдельными членами каждой социальной группы. Провозгласив неприкосновенность частной собственности, капитализм сделал ее основой индивидуальной свободы, а рынок с его основополагающим принципом свободной конкуренции – полем свободного выбора индивидуальных участников рыночных отношений. Было заявлено, что именно на рынке в процессе взаимоотношений между отдельными субъектами экономической деятельности и рыночных отношений формируется механизм саморегуляции, который А. Смит назвал «невидимой рукой». Считалось, что этот механизм без всякого вмешательства какой-либо внешней силы, прежде всего государства, действует подобно законам природы и определяет основные направления и тенденции общественного и, прежде всего, экономического развития.

С разграничением экономической, социальной и политической сфер в качестве самостоятельных, хотя и теснейшим образом связанных между собой областей жизнедеятельности людей, возникли понятия «экономический человек», «социологический человек», «политический человек» и т. д. и концепции, призванные объяснить выражаемые ими феномены. Среди них центральное место заняла концепция «экономического человека», особенно у приверженцев классической и неоклассической школ. Этому в значительной степени способствовал тот факт, что для разграничения экономической, социальной и политической сфер друг от друга, и, в свою очередь, от государства, ключевое значение имели возникновение института частной собственности, демонтаж институтов и механизмов внеэкономического принуждения, формирование и утверждение принципов и структур рыночной экономики, прежде всего свободной конкуренции, которые оказали определяющее влияние на весь ход развития западной цивилизации.

В данной связи симптоматично, что одной из первых среди современных научных дисциплин на передний план выступила

политическая экономия, особенно после выхода в свет знаменитой книги А. Смита «О природе и причинах богатства народов» в 1776 году. Если сам А. Смит являлся профессором моральной философии, то сферу научных интересов политических философов, экономистов и социальных теоретиков начиная с конца XVIII в. и на протяжении почти всего XIX столетия нередко определяли как предмет «политической экономии».

3. ГИПЕРТРОФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Именно к этой традиции восходят те установки, идеи и принципы, с помощью которых представители неоклассической теории и методологического индивидуализма пытались обосновать приоритет экономической науки над всеми другими гуманитарными дисциплинами, а в ее рамках догматизировать концепцию экономического человека. Ратуя за такой приоритет, Л. фон Мизес подчеркивал, что «обычное у экономистов различие “экономических” или “чисто экономических” и “неэкономических” действий столь же неудовлетворительно, как старое различие духовных и материальных благ». По его мнению, поскольку «желание и действие, в сущности, едины», необходим единый критерий для оценки удовлетворения как потребностей, желаний и порывов людей в процессе их взаимодействия с внешним миром, так и духовных потребностей.

Иначе говоря, духовные блага предлагается оценивать по той же шкале, что и блага материальные. Утверждается, что, «выбирая между хлебом и честью, верой и богатством, любовью и деньгами, мы меряем альтернативы одной меркой» (Мизес, 1994). По Л. фон Мизесу, поскольку «экономическая деятельность есть деятельность рациональная, ... сфера экономической деятельности совпадает со сферой рационального действия». Вся экономическая деятельность зависит от существования целей, именно они составляют ее смысл. Поскольку же принцип экономичности приложим ко всем действиям людей, то невозможно отделить чисто экономические действия от всех остальных. Так как цель человека состоит «в максимальном увеличении дохода, исчисляемого в деньгах», невозможно ограни-

читать ее какой-либо одной специально выделенной сферой действий (там же).

Вполне в духе Л. фон Мизеса, Р. Холл из института Гувера выразил позицию своих коллег, заявив, что «прекращает читать любую экономическую статью, как только встречает в ней слово “социологический”» (Wall street journal, 1985). Отказ от неоклассической теории, подчеркивал Д. Норт, «равносилен отказу от экономической науки как подлинно научной дисциплины» (North, 1978, p. 974).

Обосновывая подобную оценку места и роли экономической науки, Дж. Хиршлайфер утверждал, что «экономическая теория пронизывает все социальные науки точно так же, как эти последние пронизывают ее саму. *Социальная наука едина*. Экономическая теория обязана своими возможностями захвата чужих территорий тому, что используемые ею аналитические категории – ограниченность ресурсов, издержки, предпочтения, выбор – являются по сфере своего применения подлинно универсальными... Таким образом, экономическая теория – это по истине универсальная грамматика общественной науки» (Hirshleifer, 1985, p. 53). По мнению Дж. Хиршлайфера, этот высокий статус экономическая наука приобрела в силу того, что она составляет неотъемлемую часть социальной теории, другую часть которой составляет социобиология. Объединение этих двух наук, на его взгляд, образует единую общественную науку, в которой учет «универсальных биоэкономических процессов конкуренции и отбора имеет непреходящее значение для анализа и предсказания человеческого поведения и хода развития социальной организации» (ibid, p. 66).

Такую же позицию отстаивал Г. Беккер, который утверждал, что «экономический подход является всеобъемлющим, он применим ко всякому человеческому поведению». По его мнению, «экономический подход уникален по своей мощи, потому что он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения», поэтому его трудно отличить от социологического, психологического, антропологического, политического и даже генетического подходов, что позволяет эффективно использовать методы экономического для изучения широкого круга проблем, которые традиционно

являются объектами исследования социологии, политологии и других научных дисциплин. При этом Г. Беккер признавал, что «экономическому подходу не всегда одинаково успешно удастся проникать в сущность различных форм человеческого поведения и объяснять их». В качестве примеров приводятся войны, отдельные формы политической деятельности, воспитание детей и т. д. Однако, по мнению ученого, этот недостаток – явление временное, и оно будет преодолено в процессе совершенствования инструментария экономического исследования (Беккер, 1993, с. 29).

Весьма трудно изобразить сколько-нибудь четко очерченный портрет экономического человека. Концепция экономического человека восходит своими корнями к идеям классического либерализма, но в законченной форме она была разработана и сформулирована представителями неоклассической школы и методологического индивидуализма. И если, как полагают, само понятие «методологический индивидуализм» было введено Й. Шумпетером, то заслуга его закрепления в лексиконе экономистов принадлежит Л. фон Мизесу.

В своих крайних версиях концепция методологического индивидуализма предполагает, что все социальные явления следует объяснять исключительно на уровне индивидов. Как отмечал, например, Дж.С. Милль, «законы общественных явлений суть (и не могут быть ничем иным) законы активных и пассивных проявлений людей», то есть «законы индивидуальной человеческой природы... Соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое, обладающее другими свойствами» (Милль, 1914, с. 798). По мнению Л. фон Мизеса, «все действия производятся индивидами», «коллектив не существует вне деятельности отдельных членов» (Мизес, 2000, с. 43).

Но, справедливости ради, следует отметить, что его сторонники для объяснения экономических феноменов, в том числе и экономического поведения людей, нередко допускают возможность учета влияния общественных отношений или институтов. Да и сам Л. фон Мизес признавал, что «в области человеческой деятельности реально существуют общественные образования. Никто не рискнет отрицать, что нации, государства, муниципалитеты, партии, религиозные общины являются реаль-

ными факторами, определяющими ход человеческих событий» (там же, с. 42).

Сама концепция методологического индивидуализма, как не без оснований отмечал Дж. Ходжсон, «используется в качестве “упаковки” для самых разнообразных методологических и теоретических предписаний» (Ходжсон, 2003, с. 93). Неудивительно, что в 1990-х гг. многие ведущие экономисты неоинституционального направления отказались от ее постулатов. Так, в своей Нобелевской лекции 1989 г. Т. Хаавельмо, подвергнув сомнению установку на отдельно взятого индивида как отправную точку экономической теории, пытался обосновать мысль о необходимости анализировать исторически сложившиеся экономические институты. Институты, утверждал он, представляют собой нечто большее, нежели просто человеческая натура в увеличенном масштабе (Haavelmo, 1997).

Поэтому методологический индивидуализм не следует путать с сугубо атомистическим подходом к обществу в целом и к экономике – в частности, – где отдельно взятому индивиду как центральному элементу социального действия отводится определяющая роль в функционировании и развитии общества. Хотя большинство сторонников методологического индивидуализма и признает роль социальных и иных факторов для объяснения человеческой деятельности и формирования индивидуальных целей и предпочтений, им придается очень ограниченное значение. В этом русле предпринимаются попытки построить макроэкономическую теорию на микроэкономическом «фундаменте». Как справедливо подчеркивал Дж. Ходжсон, «макроэкономическая теория растворяется в микроэкономической, первая превращается в элементарный “продукт” последней» (Ходжсон, 2003, с. 113).

В целом «экономический человек» рассматривается как прагматическое, рационально мыслящее, свободное в своем выборе существо, которое в своих действиях полностью руководствуется экономическими мотивами, своекорыстным интересом, всецело связанным с соображениями личного благополучия. Считается, что при наличии определенных общих для всех «правил игры» стремление каждого члена общества реализовать собственный интерес ведет к гармоническому развитию общества в целом. Рассматривая общество как совокупность разнообразных кон-

трактных отношений и межличностных договоров, приверженцы неоклассической теории и методологического индивидуализма, внесшие основной вклад в разработку этой концепции, придают преобладающее значение рациональному расчету, где преобладает установка на максимизацию выигршей и минимизацию потерь. Значимость и ценность окружающих «человека экономического» людей и материальных ценностей определяются им исключительно с точки зрения полезности.

При таком понимании человек немислим без рынка и рыночной деятельности. Он прежде всего субъект экономической деятельности и рыночных отношений. «Представьте себе мир, – писал германский исследователь П. Вайзе, – в котором все действия координируются через рынки и равновесные цены, и станет очевидным, что человек в этом смоделированном мире полностью автономен, свободен в своих поступках и основывает свои действия только на своем собственном выборе... Перед нами свободно действующий *homo economicus*, который эгоцентрически, без каких-либо чувств ненависти и любви, реализует свои представления о выгоде и поддерживает с себе подобными лишь эквивалентно-ценностные отношения» (Вайзе, 1993, с. 117).

Разумеется, такая установка играет немаловажную роль в поведении человека, но все и вся в человеческой деятельности не сводится к ней, ведь целесообразность не должна вытеснить ценности. Результатом столь упрощенного подхода становится чрезмерно узкое, редуцированное, одномерное понимание социальной природы человека как «высушенного, сморщенного го-мункулуса», являющегося «довольно сомнительным отражением реальности» (Brunner, 1987, p. 370).

В таком понимании «экономический человек» – не более, чем абстракция, поскольку людей, полностью соответствующих критериям такой модели, возможно, практически не существует. В этом отношении был совершенно прав Э. Дюркгейм, который писал: «Чтобы упростить вещи, экономисты его (индивида. – Авт.) искусственно обеднили. Они не только абстрагировались от всех обстоятельств времени, места, страны, придумывая абстрактный тип человека вообще, но в самом этом идеальном типе они оставили без внимания все, что не относится исключительно к узко понятой жизни индивида, так что в результате движения

от одних абстракций к другим у них в руках остался лишь внушающий грусть портрет замкнутого в себе эгоиста». Представляемый в таком виде «этот теоретический эгоист», по утверждению Э. Дюркгейма, представляет собой всего лишь «абстрактное понятие» (Дюркгейм, 1996, с. 174).

4. «Расклад по ящикам»

В результате экономический анализ ограничивается исключительно сферой своекорыстных интересов и коммерческих мотивов, что, в свою очередь, подтолкнуло представителей других социальных и гуманитарных наук разработать собственные концепции человека, призванные объяснить соответствующие стороны и аспекты жизнедеятельности людей. Так сформировались подходы, в соответствии с которыми социальные науки стали рассматриваться как некий набор «ящиков», покрывающих собой различные сферы общественной жизни. «Каждому ящику соответствует некоторая модель человека. “Экономический человек” владеет ящиком с ярлыком “Экономика”, “социологический человек” — ящиком под названием “Социология”, “политический человек” и “антропологический человек” представляют особые случаи “социологического человека”». Встречается еще «психологический человек» (Brunner, 1987, p. 369).

Как можно убедиться из вышеизложенного, сторонники концепции «экономического человека» и методологического индивидуализма пытаются найти решение любой экономической проблемы в терминах рыночных принципов поведения, целей и рационального расчета отдельно взятого хозяйственного агента. Более того, эти принципы используются для объяснения и других сфер общественной жизни, о чем свидетельствует появление в последние десятилетия множества работ такого профиля. Речь идет, в частности, о политической деятельности (Buchanan, Tullock, 1962); правовой системе (Posner, 1977, 1987), социальных отношениях (Becker, 1976; Hirshleifer, 1985, p. 53) и т. д.

Наибольший интерес представляют разработки основателей и приверженцев так называемых экономической теории демократии и концепции общественного выбора. В них конструкции «экономического человека» и «методологического индивидуализ-

ма» используются для объяснения сущности политических процессов и институтов, а также для обоснования и разработки механизма социальной политики государства. Среди исследователей, внесших значимый вклад в развитие данной области научных исследований, следует назвать Дж. Бьюкенена, Г. Таллока, Й. Шумпетера, Дж. Даунса и др. В их работах правительство, парламент, партии и исполнительные органы рассматриваются как институты и организации, состоящие из индивидов, преследующих в политической сфере свои цели по аналогии с рыночной конкуренцией в сфере экономики.

Отдельно взятый индивид делает свой выбор как на рынке, покупая тот или иной нужный ему товар, так и в кабине для голосования, отдавая свой голос за представителя той или иной партии. Взяв за основу этот принцип, Дж. Бьюкенен пришел к выводу, что «методы анализа рыночного поведения можно применить к исследованию любой сферы деятельности, где человек делает выбор». По его мнению, «причина различия результатов функционирования рыночной и политической систем кроется в их неодинаковой структуре, а не в разных побуждениях людей, занятых в этих сферах». Утверждается, что «человек, делающий выбор, отождествляет свои экономические интересы с благами, имеющими для него субъективную ценность. Такое поведение характерно не только для рынка, но и для политики» (Бьюкенен, 1997, с. 20–22).

Руководствуясь прежде всего своими интересами, избиратели делают выбор в пользу того кандидата, позиция которого наиболее близка их собственным взглядам. Иначе говоря, политические деятели и кандидаты, участвующие в выборах, предлагают в качестве товара свои политические программы, в то время как избиратели «покупают» этот товар, полагая, что он обернется выгодой для них. Для многих людей участие в выборах представляет собой акт личного и общественного выбора. Исходя из подобных установок, политику зачастую всецело отождествляют с борьбой за власть и конкуренцией между различными социально-политическими силами, группами, партиями или отдельно взятыми индивидами за распределение существующих в обществе благ и привилегий. Что касается такого самоочевидного признака рынка, как конкуренция, то при ближайшем рассмот-

рении обнаруживается, что политика также является ареной ожесточенной конкуренции между различными конфликтующими между собой политическими силами, партиями, объединениями, идейно-политическими течениями, индивидуальными претендентами на тот или иной государственный пост. В политической сфере человек делает такой же выбор, как и в экономической, причем на рыночных принципах. Решение голосовать на выборах за того или иного кандидата представляется как такой же выбор, как и покупка того или иного нужного товара на экономическом рынке. Как справедливо отмечал Й. Шумпетер, во время избирательных кампаний многочисленные кандидаты пытаются продавать избирателям свои программы, точно так же, как, например, производитель автомобиля пытается продать свою продукцию потребителям на рынке. К тому же, в любом государственном учреждении существует конкуренция между служащими за продвижение по служебной лестнице. Следовательно, конкуренция присуща не только рынку, но и государственному сектору (Шумпетер, 1995).

Как принятые решения отражают различные подходы, так и люди делают свой выбор исходя из определенных комплексов ценностей и предпочтений. В этой связи писал Дж. Бьюкенен, что «предположение о наличии определенных предпочтений при принятии решений, предложенных рынком, является исключительно важным для развития самой экономической теории. Однако распространение такого предположения на индивидуальные ценности в процессе голосования не учитывает одну из самых важных функций голосования как такового. Определение демократии как «правления на основе обсуждения» подразумевает, что индивидуальные ценности могут влиять и влияют на процесс принятия решений» (Buchanan, 1960, p. 85). Хотя нужно признать, что, когда дело доходит до голосования за кандидатов политических партий, предлагающих различные программы, избиратель, принимающий или делающий выбор относительно того, кому отдать свой голос, отчасти может руководствоваться мнениями других людей. Здесь мы имеем факт слияния личного интереса с интересами коллектива, делающего коллективный выбор, осознание того, что благосостояние отдельного человека зависит от благосостояния других членов общества.

Чисто экономический подход объясняет экономическое поведение отдельно взятых индивидов, движимых личными интересами, в терминах максимизации материальных благ. Однако в политэкономической литературе, особенно посвященной проблеме общественного выбора, экономическое поведение людей трактуется как стремление к максимизации материальных благ путем взаимного обмена на рынке, а политическое поведение – как участие в процессе голосования на периодически проводимых выборах и присоединение к разного рода заинтересованным группам и политическим партиям.

Вышесказанное отнюдь не означает полного отождествления сторонниками теории общественного выбора экономической и политической сфер, поскольку между ними есть и существенные различия, хотя различие между рыночным и политическим обменом заключается в том, что участники политического процесса стремятся к разным целям. Но поведение в государственной и частной сферах в значительной степени отличается не в силу разнонаправленных целей индивидов, а по природе этих двух сфер. Государственные решения рассматриваются в этой модели только как средства достижения целей по аналогии с фирмой, которая ставит своей целью получение прибыли. В реальности же законодатели и представители исполнительной власти пытаются не столько выполнить требования, интересы и предпочтения избирателей, сколько осуществить в жизнь собственные предпочтения.

С этой точки зрения представляет интерес позиция оригинального шведского экономиста XIX в. К. Викселля, который утверждал, что «основное различие между рынком и политической системой.. заключается не в отличающихся типах ценностей и интересов людей, а в условиях, в которых они исповедуют свои многообразные убеждения. Политика есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных. На рынке люди меняют яблоки на апельсины, а в политике – соглашаются платить налоги в обмен на необходимые всем и каждому блага: от местной пожарной охраны до суда» (цит. по: Бьюкенен, 1997, с. 23).

Развивая эту мысль, Дж. Бьюкенен обосновывал, что в политике нет такого децентрализованного обмена, как в рыночной экономике. Субъекты политического процесса не могут руководствоваться обычными правилами торговли, поскольку потребителем общественных благ является не отдельный индивид, а общество в целом. Тем не менее, утверждал он, в политике все же существует аналог свободной торговли. Это – согласие между людьми, присущее любому виду обмена. Единогласие, достигнутое участниками коллективного выбора в политике, аналогично добровольному обмену индивидуальных товаров на рынке. Отсюда – общественный выбор, сочетающийся с методологическим индивидуализмом, согласно которому действия людей во всех сферах общественной жизни определяются принципами конкуренции, рационального выбора и максимизации личной полезности.

Если взять такой подход за точку отсчета, то не остается ничего кроме, как признать, что во всех сферах – социальной, политической, правовой, духовной и т. д. – действует именно «человек экономический», руководствующийся установками неоклассической теории, теории общественного выбора и методологического индивидуализма. Однако этот подход отражает лишь определенную часть элементов, из которых складывается экономика и, соответственно, «экономический человек». При этом он ведет к раздроблению общества на автономные экономическую, социальную, политическую и иные сферы, а человека трансформирует в существо, наделенное узким комплексом признаков, характеризующих преимущественно экономические аспекты его природы. То же самое с соответствующими уточнениями верно и применительно к другим концепциям человека – социологического, политического, психологического и т. д.

Концепция «человека социологического» построена по сути дела на придании преимущественного значения социальным факторам при сдвиге на задний план и даже полном игнорировании экономических, политических и иных факторов. Концепция «политического человека», в свою очередь, отдает приоритет сугубо политическим факторам при явном недоучете или даже игнорировании всех остальных.

5. О «ЧЕЛОВЕКЕ ПОЛИТИЧЕСКОМ»

Поскольку в одной работе невозможно сколько-нибудь подробно рассмотреть эти концепции, для выявления сути рассматриваемой проблемы в самом кратком виде затронем один из вариантов модели «политического человека». Впадая в другую, нежели сторонники концепции «экономического человека», крайность, некоторые авторы склонны крайне политизировать человека. Как отмечал, например, известный американский социолог Т. Парсонс, «политические отношения служат центром объединения всех аналитических элементов социальных систем, и не только их» (Parsons, 1951, p. 126).

Эту тенденцию наиболее развернуто обозначил французский исследователь Ж. Элльюль. По его мнению, в современном мире национальное государство представляет собой значительно более фундаментальный фактор, чем экономика. Именно государство определяет направление развития экономики, хотя оно и должно принимать во внимание экономические факторы (Элльюль, 2003, с. 39). Из этой посылки Ж. Элльюль делает далеко идущий вывод: «Мыслить обо всем как о политическом, маскировать все употреблением этого слова (наряду со ссылками на мыслителей, начиная от Платона и др.), отдавать все в руки государства, апеллировать к государству при всяких обстоятельствах, подчинять проблемы индивидуальности групповым проблемам, полагать, что каждый поднялся на уровень политических отношений и достаточно зрел, чтобы заниматься ими, – вот факторы, характеризующие политизацию современного человека» (там же, с. 43).

В итоге, как подчеркивал Ж. Элльюль, «всякая попытка какого-нибудь предприятия, университета или благотворительного заведения оставаться независимым от государства кажется нам анахронизмом». Дело представляется таким образом, что «государство есть непосредственное воплощение общего благосостояния. Государство есть великий распорядитель, великий организатор, центр, из которого проистекают все разумные, уравновешенные, беспристрастные, то есть справедливые решения» (там же, с. 44–45). Причем, определяющее значение имеет не столько сам факт расширения роли государства, сколько признание людь-

ми этого факта. Результатом такого положения вещей является то, что о человеке в целом судят с точки зрения политических отношений, которые возведены в высшую ценность и служат людям универсальным ориентиром и критерием. Более того, в силу возрастания значимости общественного мнения, факт становится фактом в той мере, в какой он стал достоянием общест-венности. Иначе говоря, тот или иной факт, независимо от его значения, перестает быть фактом, если он не стал политическим фактом (Элжюль, 2003, с. 54–55, 181).

И, действительно, в рассуждениях Ж. Элжюля присутствует значительная доля истины, поскольку в современном высоко-развитом обществе наблюдается двуединый процесс: с одной сто-роны, имеет место тенденция к расширению сферы деятельнос-ти людей в гражданском обществе, а с другой – государство стремится все более активно вторгаться во все сферы обществен-ной жизни, в том числе и в сферы и процессы социализации, обучения подрастающего поколения, регулирования различных сторон его жизнедеятельности. Но, тем не менее, было бы не совсем корректно утверждать, что максима Аристотеля – «чело-век есть существо политическое» – наконец-то в наши дни стала реальностью, что человек стал полностью политическим, поглоти-в экономическую, социологическую и иные ипостаси своей сущности, что все стороны жизни современного человека про-низаны политическим или государственным началом.

Здесь в преувеличенной форме отражается тот факт, что че-ловек есть существо социальное, социокультурное, политико-куль-турное, социально-психологическое и т. д., то есть существо, при-рода и сущностные характеристики которого в значительной сте-пени определяются средой, разного рода институтами. Разделение труда уже само по себе создает условия для формирования много-гранной организации человека в социуме. «Самым важным ре-зультатом системы разделения труда, – писал ни кто иной, как Л. фон Мизес, – является то, что она превращает независимого индивидуума в зависимое общественное существо. Под действием системы разделения труда «общественный человек» изменяется по-добно клетке, которая приспособливается к жизни организма. Он приспособливает себя к новым способам жизни, отбрасывает не-

которые прежние силы и органы и развивают другие. Он делается односторонним» (Мизес, 1994).

Система разделения труда, с одной стороны, освобождает человека от многих оков традиционных обществ, с другой — усиливает его зависимость в иных аспектах общественной жизни. Абстрагируясь от множества популярных концепций о формировании в условиях капиталистического общества так называемого одномерного человека, отметим, что в силу специализации в какой-то одной области трудовой деятельности человек оказывается отнюдь не в меньшей, чем в прежние эпохи, зависимости от общественных институтов, от результатов труда других людей, хотя и в качественно иных формах. Такая зависимость особенно возрастает в современном обществе с его массовой культурой и массовым потреблением.

Технологический прогресс сопровождался неуклонной рационализацией человеческого мышления, которой постепенно в той или иной форме и степени подчинялись все сферы жизни людей. В результате само государство стало рассматриваться как воплощение Разума. По мере совершенствования общества технологический прогресс создает условия для проникновения принципов организации, порядка, дисциплины во все сферы общественной жизни. В этой связи следует отметить, что гражданское общество состоит не только из всей совокупности его индивидуальных членов, но также из мириадом разного рода институтов, организаций, союзов, партий и т. д. Признавая правомерность экстраполяции на сферу политики рыночных принципов конкуренции, вместе с тем нужно отметить, что субъектами политических отношений выступают не только отдельно взятые граждане, но и институты в лице, например, политических партий, организаций, объединений, блоков, союзов и иных институциональных субъектов. Борьба за власть большей частью ведется ими, нежели отдельными гражданами. Даже в тех случаях, когда тот или иной претендент на место в законодательном собрании выдвигает свою кандидатуру в одномандатных округах по мажоритарной избирательной системе, в глазах избирателей он большей частью ассоциируется с определенной партией или во всяком случае с ее программой.

То же самое можно сказать о рыночной экономике, которая немыслима без организаций, коллективов и институтов.

6. От политики — к институтам

Собственно говоря, в сфере экономики, наряду с индивидуальными предпринимателями, субъектами экономической деятельности выступают крупные корпорации, со своими корпоративными интересами, духом, этикой, дисциплиной, правилами игры и т. д. Ведь общеизвестно, что корпорация, представляющая собой наиболее законченное воплощение экономической организации, выступает в качестве стержневой составляющей современной экономической системы. Соответственно, здесь речь может идти о конкуренции не только между индивидуальными предпринимателями, но и между экономическими институтами в лице малых, средних и крупных предприятий. Поэтому и говорят о «политических институтах частной собственности», «институтах в экономике», «институтах, институциональных изменениях экономики», «экономических институтах капитализма» и т. д. (см.: Норт, 1997; Уильямсон, 1996; Malcolm, 1994; Sened, 1995).

Как тавтология выглядит утверждение, что институты и, в более широком понимании, общее социокультурное наследие оказывают более или менее существенное влияние на цели и предпочтения отдельных членов общества. Но для правильного понимания рассматриваемой проблемы необходимо напомнить, что характерологические признаки современного человека формируются в процессе социализации, в котором самое непосредственное участие принимают как экономические, так и социальные, политические, образовательные, культурные и иные институты.

Институты представляют собой определенным образом структурированные организационные системы, созданные для выполнения более или менее четко сформулированных целей и функционирующие на основе некоторых принципов или правил. Здесь под правилами понимаются предписания, установки, нормы поведения и социальные конвенции, юридические и формальные правила, а институты — языковые, денежные, право-

вые системы, системы мер и весов, правила дорожного движения и поведения за столом, а также фирмы, равно как и все прочие организации. Институты зависят от мыслей и поступков индивидов, но не сводятся к ним. Придавая форму и логическую последовательность человеческой деятельности, они «создают возможности для упорядочения мышления, ожиданий и действий» (Ходжсон, 2003, с. 12). Институты накладывают определенные ограничения на поведение людей, но, в то же время, расширяют их возможности, открывают новые варианты выбора действий, поощряют «способность не просто создавать условия для устремлений людей, но и формировать и изменять сами устремления... Институты не только зависят от деятельности индивидов, но и сдерживают и формируют ее, и наличие такой положительной обратной связи способствует еще большему укреплению и увечиванию институтов» (там же).

Особо важное значение с рассматриваемой точки зрения имеет тот факт, что зачастую институты и организации предшествуют индивиду. От рождения до самой смерти именно многочисленные институты обеспечивают условия его жизнедеятельности, воспитания, социализации и т. д. Это и семья, и детский сад, и школа, и университет, и т. п. Даже появление человека в этом мире и уход из него не обходятся без тех или иных услуг соответствующих институтов. Это естественно, поскольку реальный человек принадлежит определенному времени и определенной этно-национальной группе, семье, социокультурному, религиозному, политическому и иным сообществам.

Иначе говоря, будучи целеустремленными и обладая возможностью выбора, люди, в то же время, формируются окружающей их социокультурной и институциональной средой. Поэтому сущность современного человека раскрывается через анализ всех составляющих его жизнь общественных отношений. Разумеется, человек как рационально мыслящее существо ставит перед собой определенные, в том числе и экономические, цели. Но эти цели формируются в системе его отношений с другими людьми, в социальном окружении, в рамках тех ли иных коллективов или институтов. Можно без преувеличения утверждать, что многие цели, которые люди ставят перед собой, носят институциональный или, в более широком плане, социальный

характер. Немаловажное значение в этом отношении имеет тот факт, что на рынке действуют и нерыночные элементы, а в самой экономической деятельности наличествуют множество неэкономических мотивов, корни которых лежат в широком комплексе общественных отношений. Например, один из мотивов вступления в партию, группу, коллектив, в том числе в коллектив экономический, носит психологический характер и вызван потребностью индивида обрести уверенность и безопасность, а то и отказ от личной ответственности за свои действия.

Экономическая организация общества невозможна без обрамляющей ее политической организации. Современная экономика, какой бы совершенной она ни была, невозможна без структурирующих ее политических, в том числе государственных, институтов в правовой, конституционной, законодательной и иных формах. Их единство и взаимосвязь выражаются, в частности, в том, что именно от типа общества и экономики, составляющей его интегральную часть, зависит форма государства и его институтов, и наоборот. Так, гражданское общество и рыночная экономика в полном смысле слова немыслимы друг без друга. Нельзя забывать, что цели экономической деятельности часто ставятся вне самой экономической системы, то есть в гражданском обществе. Здесь особенно важно отметить, что экономика выступает как подсистема по отношению к обществу в целом, которое представляет собой внешнюю среду, с которой экономика находится в постоянном взаимодействии. Причем это взаимодействие представляет собой двуединый процесс, осуществляющийся одновременно по двум направлениям – от общества к экономике и обратно, от экономики к обществу, создавая таким образом систему прямых и обратных связей между объектом (в «лице» экономики) и внешней средой (в «лице» общества). По сути, экономика и политика являются производными от общества. Во все времена экономика подчинялась требованиям, предъявляемым обществом. Именно в гражданском обществе, социокультурной сфере формируется базис, на котором зиждутся экономические отношения, инфраструктура экономики, формируются интересы, потребности и устремления людей. Об обоснованности этого тезиса свидетельствует хотя бы тот факт, что «здоровье» экономики зависит от «здоровья» общества и властной

системы. Социальная и политическая нестабильность самым непосредственным образом негативно сказывается на экономике. И, в свою очередь, экономические пертурбации и кризисы отрицательно влияют на общество и политическую систему.

Таким образом, очевидно, что невозможно объяснить все человеческие проблемы законами и принципами рынка. Современная рыночная экономическая система сохраняет действенность именно потому, что рыночные принципы обмена еще не во всех сферах общественной жизни одержали верх. Действия субъектов экономической деятельности в силу разделения труда и высокой специализации осуществляются на принципах организационной, временной и пространственной разобщенности. Нельзя отрицать тот непреложный факт, что сам рынок является историческим феноменом, возникшим на определенном этапе развития человеческого общества. Поэтому он, прежде всего, есть общественный институт. Здесь нельзя не согласиться с Дж. Ходжсоном, по мнению которого «рынки – это организованный и институционализированный обмен. Главную роль играют те институты, которые способствуют упорядочению цен, установлению консенсуса в связи с ними и в более общем виде распространению информации о продуктах, ценах, объемах, а также о потенциальных покупателях и продавцах» (Ходжсон, 2003, с. 251).

Более того, рынок в той или иной форме навязывает свои принципы поведения индивиду, не всегда и не обязательно являясь гарантией свободы индивидуального участника рыночных отношений. Часто на рынке человек выступает не только в своей экономической, но также в социологической и политической ипостасях. Как уже отмечалось, здесь в качестве субъектов выступают не только отдельно взятые индивиды, но и разного рода организации, объединения, коллективы, союзы и т. д., создаваемые гражданами для совместного решения своих проблем. Все они вступают в миллионы связей между собой, для реализации которых необходимы определенный порядок, соответствующие институты, нормы и правила, регулирующие функционирование и взаимодействие всевозможных субъектов и агентов. Они призваны решить вопрос относительно возможных форм и средств координации экономической деятельности миллионов хозяйственных субъектов таким образом, чтобы экономический процесс по

возможности протекал без помех при максимально возможной эффективности.

Важно учесть и то, что экономическая деятельность осуществляется в рамках правовых норм, устанавливаемых государством. Более того, государство выступает важнейшим фактором социально-экономического и духовного развития общества, интеграции различных групп вокруг общепризнанных целей и эффективным механизмом их реализации, в том числе в сфере экономики. И действительно, для развития и функционирования общества власть всегда играла и продолжает играть незаменимую роль. Именно власть является тем стержнем, который объединяет людей в единое целое, делает из хаотического множества индивидов единое сообщество, имеющее свои особые интересы и волю к совместной жизни. Именно власть обеспечивает реализацию интересов всего общества, в том числе в сфере экономики.

На образ жизни и мировидение людей оказывают влияние не только те или иные решения и рациональный выбор, но и подспудные, глубоко укоренившиеся принципы, унаследованные социальные нормы и правила, рутинизированные, безликие привычки, стереотипы поведения, обычаи, традиции и т. д., которые теснейшим образом связаны с социальными институтами, играющими ключевую роль в ориентации в сложных, все более уплотняющихся и возрастающих потоках информации. Их признание и соблюдение служит условием вхождения человека в мир бизнеса, а со стороны других субъектов — знаком доверия.

Здесь можно согласиться с теми исследователями, по мнению которых поведение в целом и конкретные поступки человека подчиняются так называемому «закону разнообразия» Р. Эшби. Согласно ему любая открытая система должна быть достаточно сложна и многообразна, чтобы справляться со всеми потенциальными изменениями окружающей среды (Эшби, 1964). Существуют элементы, которые, казалось бы, не нужны такой системе, но в действительности без них она не может нормально функционировать.

Э. Дюркгейм в своей работе «Разделение труда в обществе» утверждал, что причины социальной интеграции следует искать не в гоббсовском правителе-левиафане, а в самом микрокосме

контракта и обмена. Признавая значение контракта и обмена, ученый вместе с тем обосновывал мысль о существовании и необходимости неконтрактных элементов во всех социальных отношениях (Дюркгейм, 1996, с. 214). По его мнению, помимо взаимных обязательств, закрепленных контрактом, значение имеют органическая социальная солидарность, правила-ограничения, не формулируемые четко и детально ни одной из вовлеченных сторон (там же, с. 218). Например, лица свободных профессий в своих действиях помимо формальных контрактных соглашений во многом руководствуются моральными обязательствами. Врач, работающий в частном секторе, обязан сохранить верность духу клятвы Гиппократата; учитель должен проявлять преданность своему предназначению формировать из своих учеников образованных людей, а ученый – быть объективным и добросовестным в своих исследованиях, чтобы внести вклад в фонд человеческих знаний. В этих сферах отказ от моральных норм и ценностей подорвал бы всю систему отношений. Модель «рационального экономического человека» по сути игнорирует или не способна учитывать сложность и многогранность природы человека, его приверженность духовным, морально-этическим нормам, органическое сочетание в его поведении рационального и иррационального начал и т. д.

Очевидно, что часто многие вещи в поведении людей невозможно объяснить на основе рационального взвешивания наказаний и вознаграждений, выигрышей и потерь. Как отмечал У.О. Хагстром, «можно усомниться в лояльности граждан, не предающих свою страну только потому, что такое деяние карается законом; если отец воздерживается от incesta только из страха перед общественным мнением, то он недостойн родительских прав; ученых, выбирающих для своих исследований такие проблемы, решая которые они, как им кажется, завоюют больше признания у своих коллег, нельзя считать хорошими учеными» (Hagstrom, 1965, p. 20).

7. Снова спираль

Суть проблемы состоит в том, что экономику, политику, социальную сферу по большому счету невозможно отделить друг

друга. Непреложным фактом остается то, что все важнейшие институты и элементы инфраструктуры человеческих сообществ на протяжении истории человечества возникали в тесной взаимосвязи друг с другом, взаимно поддерживаясь, дополняясь и усиливаясь. Во всяком случае было бы не совсем корректно утверждать, что сначала возникли, например, государственные институты, вслед за ними институты социальные, а лишь затем экономические, или наоборот. Причем в становлении, формировании и развитии каждой из этих сфер действовали как сугубо эндогенные, то есть внутренне присущие им механизмы, определяющие их самоорганизацию и саморегулирование, так и экзогенные, то есть внешние механизмы, призванные обеспечить структурную и функциональную организацию и регулирование этих сфер для нейтрализации возможных сбоев и негативных последствий их деятельности для общества.

В так называемую «эпоху свободного предпринимательства» эти сферы, хотя и рассматривались как самостоятельные, отделенные друг от друга, но функционировали совместно. Из этого следует, что нельзя рассматривать экономику, политику, социокультурную сферу или общество в целом как замкнутые в себе автономные системы. Социокультурные, политико-культурные, морально-нравственные, властные институциональные параметры определяют внеэкономические характеристики экономической деятельности. В современных же условиях они настолько тесно связаны между собой, что их практически невозможно адекватно изучать в отдельности друг от друга.

Современная экономика, взятая сама по себе, вне связи с другими сферами общественной жизни, является абстракцией. Рыночная экономика занимает равновеликое место в триаде, двумя другими составляющими которой являются гражданское общество и политическая демократия. Естественно, как неотъемлемая часть этой триады, она оказывает существенное влияние на две другие ее компоненты, и, наоборот, обе последние влияют на экономику. Каждая из них представляет собой открытую для других и тесно связанную с ними неравновесную динамическую систему. Уместно напомнить в связи с этим, что тип экономики всецело зависит от типа общества, рыночная экономика и гражданское общество теснейшим образом связаны друг с другом, а

они, в свою очередь, с политической демократией. В результате они как бы составляют треугольник, для которого одинаково необходимы все три угла и все три стороны, без каждой из которых он перестает быть треугольником.

В свете изложенного очевидно, что с позиций концепции экономического человека и методологического индивидуализма невозможно объяснить, каким образом открытое, сложное и многообразное общество с высокой степенью дифференциации, основанное на рыночных принципах, не впадает в состояние раскола, хаоса и «войны всех против всех», умудряясь сохранять свою целостность и необходимый уровень социального единства. Этот аспект особенно актуален для современного открытого, динамично развивающегося, неравновесного и неустойчивого общества.

Разумеется, подходы, предлагаемые представителями неоклассической теории, не могут устраивать приверженцев других направлений экономической мысли, тем более – представителей других социальных наук. Констатируя тот факт, что «в среде экономистов хорошо заметна тенденция рассматривать неортодоксальные подходы или направления научной мысли как нечто выходящее за рамки экономической теории», Дж. Ходжсон довольно резко отмечал, что «такой антиплюрализм, или, если выразиться покрепче, интеллектуальный фашизм, недопустим, когда речь идет о предмете, который, хорошо это или плохо, требует большой “свободы” контактов” (Ходжсон, 2003, с. 21–22). Не менее категорична позиция других противников такого подхода. Как выразился Н. Кэй, «тот, кто намеревается делать карьеру экономиста, должен быть достаточно умен, чтобы постичь абстрактные результаты неоклассической теории, и достаточно туп, чтобы поверить в их истинность» (Кау, 1984, р. 188). Отстаивая такую точку зрения, А.С. Эйхнер писал: «Сохранение неоклассического ядра и непрекращающиеся настойчивые требования считать овладение им необходимым условием признания компетентности в данной области означают... [что] у экономической науки нет надежды когда-либо стать подлинно научной дисциплиной» (Eichner, 1983, р. 518).

В этом плане интерес представляет позиция Р. Хейлбронера, который сетовал на то, что, провозгласив себя «царицей соци-

альных наук», экономическая наука предъявляет свои права на «обширную территорию, простирающуюся от семейных отношений до спорта, от антропологии до государственного права». В связи с этим он обращал внимание на тот факт, что экономическая наука единственная из социальных наук удостоена чести быть причисленной к когорте тех дисциплин, за высшие достижения в которых присуждается Нобелевская премия (Heilbroner, 1991, p. 457). Обосновав тезис о несостоятельности таких «имперских притязаний», Р. Хейлбронер пришел к выводу, что экономическую науку, которую многие считают «первой дамой среди общественных наук», возможно, «следует разжаловать в валеты» (Heilbroner, 1980).

Действительно, была бы просто банальностью констатация столь очевидного факта, что современное обществознание невозможно представить без экономической науки, без ее вклада в разработку важнейших закономерностей и направлений общественно-исторического развития, жизнедеятельности и функционирования человеческих сообществ. Незаменима ее роль в изучении прежде всего хозяйственных систем на протяжении всей истории человечества, особенно современной рыночной экономики. Но нельзя забывать, что всю систему общественных отношений нельзя свести к одному лишь экономическому аспекту, а самого человека измерить и оценивать одной только экономической меркой. Здесь нельзя не согласиться с Р. Хейлбронером, по мнению которого «экономическая наука действительно имеет огромное значение для изучения рыночной системы, но, когда ее пытаются применять для анализа социального порядка, которому эта система служит, она превращается в ловушку для простаков и источник иллюзий» (Heilbroner, 1991, p. 467).

Именно стремлением преодолеть недостатки концепции методологического индивидуализма объясняется возникновение в конце XIX — начале XX вв. классического («старого») институционализма. Эта тема в отечественной и зарубежной экономической науке настолько подробно разработана, что нет особой необходимости на ней останавливаться. Отметим лишь, что приверженцы институционализма Т. Веблен, Дж. Коммонс, Дж. Гобсон, У. Митчелл и другие видели коренной порок неоклассической теории в том, что, исходя из идеи незыблемости приоритета

рыночных принципов и суверенности потребителя на рынке, она игнорирует глубинные, долговременные факторы функционирования как экономической системы, так и общества в целом, на которых они концентрировали свое главное внимание. Эта позиция с теми или иными изменениями и корректировками получила дальнейшее развитие в работах представителей неoinституционализма, таких как Дж. Гэлбрейт, Г. Мюрдаль, Р. Хейлбронер и др. Свое название рассматриваемое направление получило в силу того, что для объяснения экономического поведения людей и закономерностей формирования и функционирования самой экономической системы они использовали неэкономические факторы, такие как социальный, политический, технологический, правовой, морально-этический и др. Их объединяло понимание в качестве главной задачи экономической науки исследования социальных факторов или, в их терминологии, институций, к которым они относили государство, властную систему, семью, традиции и т. д., определяющие экономическую жизнь. При этом они ставили в центр своего анализа категорию института, рассматриваемого как комплекс словесных символов, способов мышления, обычаев, традиций, привычек и т. д., устанавливающих границы и формы человеческой деятельности. Новаторство идей одного из основателей институционализма Т. Веблена состояло в интерпретации институтов как единиц отбора в эволюционном процессе (в дарвиновском понимании последнего).

Одно из центральных мест в исследованиях институционалистов и неoinституционалистов занимает корпорация, рассматриваемая в качестве основной структурной составляющей современной экономической системы. В поле их зрения находятся также государство и его роль в развитии экономики, профсоюзы, различные общественные организации и т. д. Институционалистам принадлежит заслуга в разработке основ технократической трактовки общественных явлений и процессов, когда научно-технический прогресс понимается как детерминирующий фактор эволюции общества. Уместно отметить наличие обширной литературы, посвященной математическому моделированию процессов, связанных с институтами, их порождением, исчезновением, слияниями и др.¹

Для полноты картины и восстановления справедливости следует заметить, что российские ученые имеют солидные исследования по институциональной экономике и смежным вопросам. Поскольку в задачи настоящей работы не входит обзор достижений в этой области отечественных ученых, упомянем лишь работы наших ближайших коллег по ЦЭМИ РАН (Ерзнкян, 2000; Клейнер, 2004).

8. Синтез

Сопоставив подходы, предлагаемые представителями обоих упомянутых направлений экономической мысли, сделаем вывод, что сама постановка вопроса в форме «что важнее: политика или экономика, общество или государство, общество или отдельно взятый индивид?» и т. д. представляется не совсем корректной. Поэтому каждого отдельного индивида необходимо рассматривать как социальное существо, которое формируется социально-экономической, социокультурной и политико-культурной, духовной средой. Это не абстрактный, а реальный феномен, который является творением среды и ее институтов и, одновременно, творцом этих институтов. Между ними существует сложная причинно-следственная взаимосвязь, на которой основывается теснейшая взаимообусловленность каждой из граней общества. Человек выражает свои мысли и интересы на языке общества, его повседневный язык и понятийно-категориальный аппарат формируется в социальной среде. Нельзя не согласиться с П. Берманом, который призывает избегать «бесплодной противоположности между индивидуальным и общественным» (Burman, 1979, p. 374–375).

Было бы недопустимой ошибкой и теоретическим произволом рассматривать индивидуальные цели в качестве универсального принципа, определяющего все действия людей. Но, наряду с этим, насильем над реальностью будет представление институтов как неких образований самостоятельно, независимо от составляющих их индивидов ставящих цели своего существования. Было бы неверно, в противовес сторонникам методологического индивидуализма, утверждать, что все планы, цели, устремления, поведение отдельно взятого индивида определяются ис-

ключительно его социокультурной средой и составляющими ее институтами. Институт, коллектив не есть целостность, составленная из механического соединения определенного набора элементов. Целое нельзя рассматривать как некий механический агрегат составляющих его частей, например, макроэкономику как результат простого суммирования единиц микроуровня. Институт – нечто качественно отличное от арифметической суммы его составных частей, поскольку они приобретают в его рамках новые, внутренне присущие ему свойства.

Как представляется, одинаково несостоятельны и бесплодны попытки отдавать примат как отдельно взятому индивиду, так и обществу. За единицу отсчета следует принимать не просто некоего абстрактного индивида, а человека социального, занимающего определенное место в общественной системе, принадлежащего к определенной группе, коллективу. Естественно, при таком положении вещей индивидуальный человек как личность в той или иной степени теряет свободу действий и суждений. В этом смысле выражение «суверенитет индивида» следует принимать лишь метафорически, поскольку в действительности не существует и не может существовать индивид, полностью самодостаточный, абсолютно независимый от общества и его институциональной среды.

Соответственно, одинаково несостоятельны и бесплодны попытки придавать примат какой бы то ни было сфере общественной жизни, будь то социальной, экономической, политической и т. д. Между ними нельзя создавать жесткие и догматические перегородки. Они не исключают, а дополняют друг друга и не могут существовать друг без друга. То же самое верно и применительно к «человеку экономического», «социологическому», «политическому» и т. д., которые возможны лишь при возведении догматических перегородок между ними. Не может быть просто «человека экономического», «социологического», «политического» и т. д. Он одновременно *homo sapiens* – «человек разумный», *homo faber* – «человек делающий» и т. д. Любые его определения отражают лишь отдельные характерологические признаки человека как социально-биологического существа. Они в совокупности и составляют его природу. Точно так же человек «экономический», «социологический», «политический» и т. д. суть

понятия абстрактные, которые призваны выразить отдельные атрибуты «человека институционального»².

Есть рациональное зерно в доводах тех исследователей, которые говорят о целесообразности введения понятия «институциональный индивидуализм» (Agassi, 1960, 1975; Boland, 1982). Точно так же можно было бы ввести понятие «индивидуалистический институционализм», а по аналогии с методологическим индивидуализмом – «методологический институционализм». При чем не обязательно их противопоставлять, поскольку для целей выявления различных проявлений поведения человека они могут дополнять друг друга. Этот факт важно подчеркнуть, если учесть возможность применения несоциологических подходов к социологическим проблемам, неэкономических подходов – к экономическим, неполитологических подходов – к политическим и т. д.

Понятия «экономический», «социологический», «политический» и т. д. при характеристике человека можно использовать сутобо в эпистемологических целях, для изучения поведения человека в отдельно взятых сферах деятельности, но не для раскрытия природы человека как такового. Проще говоря, корректнее вести речь о «человеке институциональном», а не об изолированном от других своих ипостасей «человеке экономическом», «человеке социологическом», «человеке политическом» и т. д.

Следует отметить, что «человека институционального» нельзя смешивать с «человеком организации» или «корпоративным человеком». Под «человеком организации», в частности, понимался индивид, полностью слившийся со структурой, в каких-то важных аспектах потерявший свои личностные характеристики, не способный иметь свою личную позицию по основополагающим вопросам жизнеустройства и т. д. В этом смысле сама концепция «человека организации», которая в более или менее завершенной форме была изложена в одноименной книге А. Уайта, опубликованной в 1956 г., весьма созвучна концепции «одномерного человека», разработанной в 50-х гг. XX в. представителями Франкфуртской школы (прежде всего Т. Адорно, Г. Маркузе и др.), обосновавшимися в Соединенных Штатах.

Собственно говоря, этим концепциям присуща та же абсолютизация негативных сторон современного общества, которое

будто бы не оставляет человеку возможностей для самореализации и обрекает его на конформизм, приспособление к коллективам, в которых он растет и социализируется. Верно, что научный и технологический прогресс, беспрецедентно усиливающий роль разделения труда и специализации, ведущих к сужению сфер, в которых, с одной стороны, человек оказывается некомпетентным выносить профессиональные суждения, с другой – беспрецедентно расширяющих диапазон возможностей реализации личностного потенциала.

Очевидно, что всякие попытки поиска или разработки какой бы то ни было единственной универсальной науки об обществе или единственно верной теории, способной охватить все – даже наиболее очевидные – аспекты и сущностные характеристики человека и общества, равно как и единственной методологии их исследования, по-видимому, обречены на неудачу. Данным обстоятельством в значительной степени определяется существование разных экономических теорий, таких, например, как классическая, неоклассическая, кейнсианская, неолиберализм, учение австрийской и чикагской школ, монетаризм, экономика предложения и т. д. Если исходить из отражаемых этими теориями реальностей, они, так сказать, верны в деталях, но не совсем верны с точки зрения выявления комплекса основополагающей социобиологической и духовной природы человека во всей совокупности движущих мотивов его поведения. Многие отстаиваемые представителями каждой из этих теорий положения верны в том смысле, что отражают те или иные отдельно взятые аспекты экономической системы и человеческой деятельности. Одновременно их можно считать неверными, поскольку они объясняют лишь отдельные аспекты и проявления исследуемого предмета, а без учета остальных его граней возможно получить лишь одностороннее, искаженное представление о нем. Это тем более верно, когда речь идет о предметах исследования социальных и гуманитарных дисциплин. Поэтому нельзя отдать приоритет какой-либо одной, даже самой главной научной дисциплине, изучающей какую-либо одну из сфер общественной жизни, равно как и какой-либо из вышеназванных ипостасей человека. Впрочем, попытку определить какую бы то ни было градацию научных дисциплин по некоей иерархической лестнице на низ-

шие и высшие, второстепенные и главные можно заранее считать делом благодарным. Они все одинаково необходимы для адекватного изучения сущности человека, его места и форм жизнедеятельности в обществе.

В то же время, как показывает опыт развития социальных и гуманитарных наук, в том числе и экономической науки, методы исследования, разработанные в одних научных дисциплинах, можно успешно использовать в других для правильного понимания различных аспектов поведения человека в экономической, социальной, политической и иных сферах общественной жизни. В этом контексте нужно понимать наблюдающийся в последние десятилетия рост интереса к междисциплинарным исследованиям, который, в частности, проявляется в постепенном возвращении в научный лексикон и в круг научных дисциплин новой политической экономии, предмет которой складывается на пересечении макроэкономики, теории игр и теории социального выбора. Под новой политэкономией, как правило, понимается научная дисциплина, выходящая за пределы экономики и характеризующаяся стремлением более широкого осмысления экономических проблем. Она претендует на объединение в единое целое экономики, политической науки и социологии. Как отмечал А.Б. Аткинсон, наполнение термина «политическая экономия» новым содержанием, отличным от содержания понятия «экономика», стало естественной реакцией на современные проблемы, связанные с изменением исторических обстоятельств и мировоззренческих тенденций (Аткинсон, 1999, с. 689).

Новизна понимаемой так политической экономии состоит прежде всего в значительно более высокой степени взаимодействия между экономистами, политологами, и социологами. Здесь, как отмечал М. Олсон, предпринимаются попытки достижения органического слияния двух моделей человека – *homo economicus* и *homo sociologicus*. В этом русле интерес представляет тот факт, что представители институционализма и неинституционализма пытались соединить экономику с социологией, добиться синтеза социологического и экономического анализа. Показательно, что работы многих исследователей в этой области относятся к междисциплинарным, пограничным областям знания. Например, известный труд Й. Шумпетера «Капитализм, социализм и де-

мократия» нельзя отнести целиком ни к области экономики, ни к сфере политической науки. То же самое можно сказать о работе Дж. Даунса «Экономическая теория демократии» и целом ряде других работ, примером которых стал сборник трудов под редакцией А. Алезини и К. Карлайнера (*Politics and economics...*, 1991). Среди его авторов были как политологи, так и экономисты. Это свидетельствует, во-первых, о стремлении представителей двух дисциплин соединить усилия для правильного понимания взаимоотношений экономической, социальной и политической сфер, во-вторых, перенимать друг у друга методы и приемы исследования. Такая тенденция особенно отчетливо наблюдается в социологии организаций, экономической социологии, политической социологии, исследованиях проблем неравенства, социологической теории институтов и т. д. (см.: March, 1988, p. 82).

С учетом сказанного можно утверждать, что для экономической науки, социологии, культурологии, политологии существует некое общее проблемное поле, которое служит предметом спора и взаимных претензий, с одной стороны, взаимодействия и взаимообогащения, — с другой. Человек рождается, растет, проходит все ступени социализации в этом поле, поэтому задача социальных и гуманитарных дисциплин, как представляется, состоит в том, чтобы найти те узлы, где сливаются в органическое целое институциональные и индивидуалистические начала, которые в совокупности пронизывают социокультурные, экономические, политико-культурные и иные сферы общественной жизни. Именно в этом контексте можно говорить о возможности и необходимости разработки и соединения принципов и методов методологического индивидуализма и методологического институционализма.

Литература

- Аткинсон А.Б. Политэкономика: вчера и сегодня // Политическая наука. Новые явления. М., 1999.
- Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Thesis. 1993.
- Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. М., 1997.

Вайзе П. Homo economicus и homo logicus: монстры социальных наук // Thesis. 1993. № 3.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

Ерзнкян Б.А. Человек институциональный или эволюция концепции homo economicus // Вестник университета. Серия «Институциональная экономика». М.: Гос. ун-т упр., 2000. № 1.

Клейнер Г.В. Эволюция институциональных систем. М., 2004.

Макаров В.Л. Исчисление институтов // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 2. С. 14–32.

Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994.

Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М., 2000.

Милье Дж.С. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1914.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. СПб., 1996.

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М., 2003.

Шамхалов Ф.И. Государство и экономика: власть и бизнес. М., 1999.

Шумпетер Й. Капитализм, Социализм и Демократия. М., 1995.

Элльлюль Ж. Политическая иллюзия. М., 2003.

Эшби Р. Конструкция мозга. М., 1964.

Agassi J. Institutional individualism // British journal of sociology. 1975. Vol. 26. P. 144–155.

Agassi J. Methodological individualism // British journal of sociology. 1960. Vol. 11. P. 240–270.

Becker G.S. The Economic approach to human behavior. Chicago, 1976.

Boland L.A. The foundations of economic method. L., 1982.

Brunner K. The Perception of Man and the Conception of Society: Two Approaches to Understanding Society // Economic Inquiry. 1987. July. Vol. 25.

Brunner O. Land und Herrschaft. Darmstadt, 1973.

Buchanan J.M. Fiscal theory and political economy. Chapel Hill, 1960.

Buchanan J.M., Tullock G. The Calculus of Consent. Ann Arbor, 1962.

Burman P. Variations on a dialectical theme // *Philosophy of the social sciences*. 1979. Vol. 9.

Eichner A.S. Why economics is not yet a science // *Journal of economic issues*. 1983. Vol. 17. № 2.

Haavelmo T. Economics and the welfare state (Nobel lecture) // *American economic review*. 1997. Vol. 87 (supplement).

Hagstrom W. O. *The Scientific community*. N. Y., 1965.

Heilbroner R. L. Economics as Universal Science // *Social Research*. 1991. Summer. Vol. 58. № 2.

Heilbroner R. The New economics // *The New York review of books*. 1980. Feb. 20.

Hirshleifer J. The Expanded domain of economics // *American economic review*. 1985. Dec.

Kay N.M. *The Emergent firm: Knowledge, ignorance and surprise in economic organization*. L., 1984.

Malcolm H. *Institutions in economics: The Old and new institutionalism*. Cambridge, 1994.

March J.G. *Decision and organizations*. N. Y., 1988.

North D.C. Structure and performance: The Task of economic history // *Journal of economic literature*. 1978. Vol. 16.

Parsons T. *The Social System*. Glencoe, 1951.

Politics and economics in the eighties / Ed. by A. Alesina, C. Carliner. 1991.

Posner R. *Economic analysis of law*. Boston, 1977.

Posner R. The Law and economic movement // *American economic review*. 1987. Vol. 77. № 2.

Sened I. *The Political institution of private property*. Cambridge, 1995.

Wall street journal. 1985. Dec. 26.

¹ См. статью (Макаров, 2003), где, в частности, указана литература по этому направлению.

² Один из авторов настоящей главы довольно подробно обыгрывал этот тезис применительно к проблемам российской экономической действительности (см.: Шамхалов, 1999..).

Глава 2

«ЧЕЛОВЕК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ» — СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО ОСВЯЩЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

1. ФЕНОМЕН ИНСТИТУЦИИ В ФОКУСЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

Как самостоятельная сущность и понятие человек изначально должен восприниматься в качестве представителя живого общественного созидающего рода — человечества. Человек институционален по своему общественному происхождению, поскольку отношение каждого индивида к человечеству как особой форме и виду жизнедеятельности закрепляется его сородичами в процессе совместного бытия и становится способом его существования.

Системно обобщенная жизнедеятельность целостно представленного человека обладает родовыми признаками в отношениях:

- сознательности и созидательности, поскольку целенаправленно творит новую предметность и поле бытия;
- совместимости и современности, поскольку соотносится с эволюцией природы и общества во времени;
- согласованности и совместности в рамках неразрывно связанных отношениями общественных функций и структур.

Деятельность человечества в целом ведется каждым отдельным индивидом, различными группами и сообществами людей, как и человеческим обществом в целом в их непрерывном и многообразном взаимодействии со средой. Поэтому ее результаты и последствия, где и как бы она ни проявлялась, кто бы ее ни осуществлял, прямо или косвенно, также будут иметь значение для всего человечества, хотя и в разной степени, в зависимости от мощности каждого отдельного действия.

Она столь многогранна и развивается в универсальную деятельность в соответствии с универсальностью природы, не только в фантазиях человека, но и в реальности по мере его коэволюции с природой на основе опыта и культуры. Чем больше масштабы и глубина проникновения человечества в природу, чем больше количество созидательных событий, сложнее и раз-

нообразнее их качество, чем выше скорость потока взаимодействий, тем более универсальна человеческая деятельность. Эволюция естественного мира привела к человеку, а человек начал эволюцию искусственного мира.

Отечественная экономическая наука, развивая антропоцентрический подход, все больше обращается к пониманию многогранности человека. Но далеко не всегда удается преодолеть поверхностное представление о человеке как существе и силе созидания без опоры на глубокое философское осмысление этого феноменального продукта эволюции. Особое значение приобретает в этом познавательном процессе пограничное взаимодействие экономической теории с другими общественными и естественными науками, которое позволяет полнее познать человеческую сущность в калейдоскопе форм ее проявлений в хозяйстве.

Попытки продвинуться в понимании человека, основанные на рутинных и вульгарных экономических концепциях, не дают желаемых результатов. Получаются искусственные конструкции, во многом тормозящие развитие теории и практики хозяйства. Но и варианты упрощенного представления человека с выделением в нем характеристик творчества, функций и живой природы служат стимулом для дальнейших исследований. Вот один из таких примеров, который вполне выполняет роль стимула для дальнейших размышлений:

«Человек в экономической теории представлен тремя понятиями:

- Человек – демиург, создатель Экономики, что эквивалентно понятию человечество;
- Человек – носитель фактора производства Рабочей силы;
- Человек – живое существо, потребляющий индивидуум, представляемый в экономике семьей» (Бабинцева, 2003, с. 15).

Эклектика и неполнота приведенной характеристики человека настолько явна, что вводит в заблуждение и справедливо вызывает недоумение. Где же основные характеристики деятельности этого демиурга? Может ли это живое существо производить, распределять и обмениваться благами с другими ему подобными? Зачем ему создавать экономику и каким образом пос-

ледняя эквивалентна человечеству? Кто и как ввел этого создателя в столь высокий статус?

Универсальность жизнедеятельности человека осуществляется, закрепляется и развивается в естественных и общественных формах дифференциации и интеграции путем присвоения статусов индивидами, их группами и сообществами. Социальное, имплицитное или эксплицитное, закрепление конкретных форм деятельности за человеком осуществляется посредством добровольной или принудительной, свободной или вынужденной институции. Институция означает введение в статус, она есть фактор и процесс создания и закрепления статуса каждого человека.

Но отдельный индивид в одиночестве не может быть не только сознательным и созидательным, совместным и согласованным, но даже совместимым и современным относительно природы и общества. Поскольку индивидуально он может быть выделен только как представитель обобщенного рода и институции человечества, то онтологически и гносеологически он выступает в триединстве основных форм или ипостасей своего бытия – *существа, средства и свойства* – институций, которые устанавливают и закрепляют его родовой статус.

Во-первых, в качестве *существа* человек есть новая социальная сущность бытия, которой не было в природе ранее. Как существо, он рождается и функционирует не только естественно, принадлежа природе, но и искусственно, противостоя ей, как созидатель и носитель новой социальной формы реальности. Он выделяет себя из природы сознательно и деятельно, заменяя смерть своего естества социальным бессмертием искусства, преобразуя данную ему натуру в созданную им культуру. Он – персонально воплощенная институция социального рода.

Во-вторых, как *средство*, человек связан с природной и общественной средой всей своей жизнью и только через него возможна связь природы и общества. Будучи средством, он служит себе и другим, целенаправленно и универсально преобразуя природу, создавая полезные искусственные вещи, перемещая их в пространстве и времени, устанавливая связи и отношения, принося доход и ущерб, умножая и растрачивая капитал и бо-

гатство. Он — персонально воплощенная институция взаимодействия со средой.

В-третьих, в аспекте *свойства*, он свой для других людей, и вместе с ними он составляет и воспроизводит это общество. В этой ипостаси заключается суть и идея возможности равенства, братства и свободы, без которых нет и не может быть будущего у гражданского общества. Без понимания этой институции человечество не может прийти к своему глобальному синтезу.

Универсальная сущность каждого человека индивидуально выражает его глобальную сущность и многообразие видов реализуемой им деятельности, поэтому разделение и объединение форм этой деятельности и их общественное закрепление неизбежно и необходимо для эффективной эволюции всего человечества. «“Квантом”» масштабов футурологического мышления каждого человека ныне должен быть масштаб Земли в целом» (Раушенбах, 2003, с. 179).

Получая в процессе институции статус, индивид вводится с этим статусом в систему взаимодействия природы и общества, то есть в человеческое бытие. Человек рождается существом, в котором институция его естества в единстве с институцией общества создает институцию человечества как системного родового совместного существования индивидов¹. Индивид признается человечеством как сородич, то есть посредством институций родства, единства и общества за ним закрепляется принадлежность к человеческому роду. *Homo sapiens* исходно предстает как *homo institutus*.

Таким образом, институция должна быть понята как процесс и как форма социальной спецификации и закрепления функций человеческой жизнедеятельности за индивидами, группами или сообществами, присваиваемая и воспроизводимая ими. Формирование и функционирование, субординация и координация институций происходит на уровнях существования, бытия и действительности, а также между ними. В переплетениях отношений тождества и различия институций человек обретает свое место и играет свою роль в обществе.

Безусловно, в основе понимания институциональной природы и специфики человека должно лежать понимание институ-

ции как фактора и продукта жизнедеятельности человека. Для этого надо исходить из новой генетической теории факторов производства как общественного бытия, в которой производственная функция хозяйственного субъекта (системы) любого уровня масштаба и сложности представлена следующим образом: $Q = F(A, T, Rn, Ins, O, Inf)$, где Q – произведенный продукт, A – человеческий, T – технико-технологический, Rn – природно-ресурсный, Ins – институциональный, O – организационный, Inf – информационный факторы его создания. Каждый фактор путем трансформаций или трансакций создает адекватные ему свойства искусственных продуктов, тогда: $Q = F(Tf; Ta)$, где Tf – совокупность трансформационных факторов производства (A, T, Rn); Ta – совокупность трансакционных факторов (Ins, O, Inf). Исходя из приведенного выражения, справедливо и другое: $Ins = \varphi(A, T, Rn, O, Inf, Q)$. Каждая институция зависит от своего агента-актора; его знаний, умений и навыков; используемых им технических средств; предметов деятельности и среды; внутренней структуры, места и роли в обществе; пространственно-временной континуум и контур.

Будучи социальной формой типизации и закрепления функций хозяйственных субъектов и объектов, институция раскрывает свое содержание как функциональное отношение или отношение функций людей в процессе воспроизводства их жизни. Такая всеобщая форма предполагает соотношение не с конкретным единичным, отдельным и преходящим действием, но способствует пониманию связи и сцепления постоянно воспроизводимых общественно значимых действий в значении более самостоятельном и отвлеченном. Это не просто действия любого существа, а действия социализированные, обобществленные по своей сути, вводящие их исполнителей в статус, определяемый в соответствии с потребностями общества. При таком понимании институции объединяются функция индивида и социум.

Действие, которое исторически институционально закрепляется, должно быть:

- субъектно и объектно определенным;
- способным персонифицироваться;
- возобновляемым по способу осуществления;
- законченным по форме и результату;

- не единичным актом и не отдельной операцией;
- не случайным и не скоротечным;
- порождающим определенное устойчивое поведение;
- приводящим к постоянной роли в обществе;
- создающим статус в структуре общественной иерархии;
- определяющим специфику и размер результата;
- обуславливающим вид издержек и дохода;
- накапливающим и возмещающим факторы реализации;
- подверженным специфическим рискам;
- испытывающим конкуренцию и стремящимся к монополии;
- оцененным обществом с позитивной или негативной стороны и т. д.

При потере отдельными функциями общего значения и масштабности они возвращаются в состав обычных незакрепленных, случайных, спонтанных или скоротечных действий, частично теряют величину своей социальной ценности. Они перестают быть институциями, трансформируясь в обычные промежуточные действия, устойчиво не разделяющие и не объединяющие индивидов и их группы по роли и месту в процессе общественного бытия. Ведь, хотя институция как социальная форма функции человека вообще объективна и имеет характер всеобщности, она как сущность – «голая абстракция», которая проявляется только в содержании и форме конкретных действий.

Необходимость «достройки» категориального аппарата институциональной теории понятием институции объективно обусловлена неоправданностью редукции всего многообразия институциональных явлений к категории «институт». Столь примитивно понимаемый институциональный монизм является непродуктивным. Его историческим импульсом можно считать издание в СССР фундаментального труда Т. Веблена «Теория праздного класса» (1984 г.), в переводе которого был полностью опущен авторский подзаголовок, в котором указывалось именно понятие институции – «An Economic Study of Institution». Такой подход стал традицией и воплотился в переводе трудов Д. Норта, Т. Эггертссона, Дж. Ходжсона и других², в то время как в оригинале их труды посвящены прежде всего экономическим институциям³. Это закрепило применение термина «институт» и

способствовало отказу от категории «институция» при описании феноменов соответствующего характера.

На современном этапе такой подход становится тормозом развития категориального ряда институционализма в его социологическом, экономическом, правовом и др. аспектах и часто приводит к отождествлению понятий, описывающих социальные формы структур и функций, примером верного различения которых могут служить исследования А.Р. Рэдклиффа-Брауна (Рэдклифф-Браун, 2001). Это значительно затрудняет восприятие и анализ оригинальных зарубежных текстов, где наибольшее употребление находит термин «институция»⁴, и обедняет научный инструментарий отечественных исследователей.

Поскольку институция как содержательная основа института обуславливает звание, должность, социальную группу, сословие, общность интересов и взглядов, она фиксирует однотипные свойства субъектов посредством закрепления социальной специфики их действий, что нормирует их и становится основой правил их поведения. Институционально определенное действие не может быть единичным в данном обществе; оно – совокупность повторяемых одним лицом либо многими лицами одновременно или исторически действий и их результатов. Это приводит к образованию социальных типов людей с соответствующими общественно признанными ролями, образами и нормами действия и поведения. Вводя человека в статус исполнителя особого социально значимого типа действий, институция обуславливает его принадлежность к особой общности субъектов, равных по функции или функциональному свойству.

Таким образом, система институций, отражая функциональный аспект общественных отношений в любой сфере жизни человека, обеспечивает его универсальное отношение к миру закреплением за ним способов деятельности посредством дифференциации и интеграции индивидов и их групп относительно других.

Комплекс различных институций в отдельном человеке определяет его социальную конституцию, а консенсус индивидуальных и групповых институций формирует конституции сообществ различного уровня. Все человечество конституировано, что

проявляется во всеобщих признаках его жизнедеятельности, которые характерны для любого ее вида. По мысли Ф.А. Хайека, это «означает лишь, что институции... подразумевают целый ряд принимавшихся по умолчанию принципов, которые должны превратиться в статьи конституций там, где подобное умолчание не работает... Следовательно, имеются все основания задаться вопросом о том, как явно внести эти принципы и концепции в конституцию» (Хайек, 1990, с. 163).

Несмотря на то, что институции – реальное социальное явление, их, равно как статусы и иные формы атрибутивного сопровождения человеческой деятельности, можно представить лишь мысленно, вычлняя существенное, всеобщее в конкретных формах проявления. При всем том, они – отнюдь не просто некий «символический капитал», а капитал реальный. Это можно объяснить действительной силой институции как важного фактора бытия, результаты которого неизменно материализуются:

- во времени и пространстве действия;
- в доходах и затратах, представленных в натуральном или денежном выражении;
- в уровне и объеме располагаемых благ;
- в особенностях ведения хозяйства (разный уровень устойчивости и риска, условий и ресурсов, факторов и запасов для представителей различных статусных позиций);
- в ограничениях и потенциале взаимодействия с другими людьми, их группами и сообществами.

Потенциально и реально каждый человек является агентом многих институций, реализуя их в своих действиях и выступая при этом представителем соответствующего институционального субъекта. Институции неизбежно «перетасовывают» своих представителей в группы по общим, дополняющим и противостоящим признакам. Происходит институциональная кооперация, интеграция, комбинация, трансформация, конвергенция, диверсификация, модификация... Процессы социального закрепления функций основываются на устойчивом положительном или отрицательном отношении к ним общества, на его оценках результатов выполнения этих функций в различных сферах жизни: хозяйстве, науке, религии, политике, праве, морали, искусстве, семье, государстве и пр.

В эволюции системы институций человека в соответствии с диалектическим законом отрицания отрицания представляется возможным выделить три основных стадии.

Первая стадия (тезис) связана с первобытным синкретизмом институций в каждом индивиде, что означало неразвитое тождество социальных форм различных сторон его жизнедеятельности и преобладание их естественного разделения по половозрастным признакам. На этой стадии слабо разделены по статусу многие средства производства и потребления, недостаточно сложились и укоренились нормы и правила поведения, непосредственно происходит обмен деятельностью и ее продуктами. Социальные границы между «своими» и «чужими» статусами и ролями размыты, а контуры присвоения и отчуждения институций четко не сформировались. Связи и отношения непосредственны, они «пришли» из природной среды и социально не дифференцированы. Первобытный институциональный синкретизм проявлялся в собирательстве, охоте, искусстве, культовых действиях, мобильно по обстоятельствам рационально распределяя, но социально не закрепляя функции за определенными агентами внутри человеческих сообществ и между ними. Институциональная информация только начинается. Но господство естественного разделения труда сменяется общественным.

Вторая стадия (первое отрицание – антитезис) характеризуется переходом от неразвитого институционального тождества людей к многосторонне развитому социальному разделению индивидуальных и групповых пространственно-временных континуумов их деятельности, закреплению различий их статусов и ролей, правил и норм жизни, обычаев и ритуалов. На этой стадии сильно разделены по статусу многие средства производства и потребления, сложились и укоренились нормы и правила поведения, обмен деятельностью и товарами осуществляется в основном посредством рынка. Социальные границы между «своими» и «чужими» статусами и ролями резки, а контуры присвоения и отчуждения институций сформировались четко. Связи и отношения обуславливают жесткую институциональную дискретность общества, социально закрепляя функции за определенными агентами внутри человеческих сообществ

и между ними. Институциональная информация бурно развивается. Социальная дифференциация обусловлена общественным разделением труда как процесса закрепления и персонификации функциональных форм человеческой жизнедеятельности с последующей специализацией акторов по ним. Соответственно, социально разделяются функции акторов и их групп, сфер и отраслей хозяйства, факторов и продуктов производства. Развиваются адекватные им функциональные структуры общественной жизни – локальные, региональные, национальные и интернациональные институты.

Третья стадия (второе отрицание – синтез) предполагает глобальное объединение людей в рамках тождества их родовой сущности для более полного осуществления системной универсальности человечества. Тождественность родовой сути каждого человека теперь должна проявиться через развитое единство социально многообразного человечества, через взаимопроникновение и отбор лучшего из многообразия опыта и культур отдельных стран и народов. Базисом нового институционального перехода становится глобальная экономика, основанная на знаниях, высоких технологиях, ценностях и постиндустриальной организации, обеспечивающая коэволюцию с природой и открытость информации, доступность межкультурных и мобильность социальных коммуникаций. Глобальные сети международных институтов становятся регулирующими центрами общечеловеческого развития. Трудно прогнозировать черты этого синтеза ранее развившихся альтернатив до тонкостей, да и не стоит, поскольку реальность человеческой жизни все равно окажется богаче и интереснее.

2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И АТТРИБУТЫ ЧЕЛОВЕКА В ТРАНСАКЦИОННОМ ПОЛЕ БЫТИЯ

Из многократного (массового) повторения людьми социально закрепленных за ними действий эволюционно возникают и нормы выполнения социально признанных (формально или неформально) функций, а также правила, порядки, алгоритмы, обряды, ритуалы, законы, принципы их реализации. Норма связана со статусом, она его критерий, а вместе – это атрибуты

институций. «Каков бы ни был тип общества, жизнь конкретного человека обусловлена последовательными переходами от... одного рода деятельности к другому. Там, где переход от одной деятельности к другой является жизненной вехой, он сопровождается особыми действиями» (ван Геннеп, 1999, с. 8–9), предполагающими, если продолжить эту мысль, адекватные институциональные атрибуты.

Поскольку институции, с одной стороны, соответствуют потребностям людей, они обладают полезностью, а с другой стороны, требуют осуществления затрат на их воспроизводство, следовательно, обладают стоимостью. Отношение полезности к стоимости выражает ценность институции в статусе, который она присваивает своему агенту. Статус также обладает полезностью и стоимостью не только для своего носителя, но и для общества. Изначально статус существует как продукт институции, пока он производится как бы для себя. Но, когда статус начинают производить для других, на продажу, он превращается в товар, а производящая его институция – в капитал, приносящий доход. Поэтому статус как единство блага и затрат, то есть как товар, можно создавать, распределять, потреблять, обменивать, продавать, покупать, дарить, наследовать, сдавать в аренду, терять и т. д., получая при этом возмещение произведенных затрат, доход, неся соответствующие издержки и потери, порождая эффекты и ущербы.

Институциональный капитал – одна из конкретных форм капитала, отражающая возможность получения дохода за счет приобретения, эксплуатации и накопления статуса теми или иными субъектами хозяйствования, обусловленного их принадлежностью к определенным институциям и институтам. Институциональный капитал целесообразно рассматривать как составную часть транзакционного капитала наряду с организационным и информационным.

Индивидуальный институциональный капитал свойственен отдельному человеку или фирме, ассоциированный – целым отраслям, сферам или национальным и интеграционным экономикам. Идет процесс формирования глобального институционального капитала. В этих организованных системах отношений интегрируются большие группы людей на основе признанного

их участниками механизма согласования общих интересов, предусматривающего определенные правила, нормы, традиции и стимулы воспроизводства сложившихся ценностей. Институциональные издержки также можно разделить на индивидуальные (для создания статуса агента отдельного института) и общественно необходимые (средние – для создания наиболее массовых статусов, масштабных и распространенных в обществе институтов). Представляется целесообразным выделять как индивидуальную, так и общественную потребительную стоимость институций, институтов и даваемых ими статусов. В этих категориях станет возможным более детально отразить экономическое содержание атрибутов и структур жизни *homo institutus*.

Институции, присваивая своим агентам постоянные статусы как особым действующим лицам с закрепленными типическими «надындивидуальными» качествами, обуславливают их общественную ценность для исторически конкретных условий жизни. Агенты институций в быту легко определяются, отождествляются и различаются через их состояние, чин, звание, которые поддерживаются специфическими механизмами обращения, чествования, общения и т. д., свойственными определенным социальным типам субъектов. Институции формируют власть и авторитет, определяют достоинство и важность людей.

Система общественных связей и отношений в функциональном ракурсе выражается институционально, а в структурном – организационно. Взаимодействие между функциями и структурами в системе общественных отношений приводит к формированию органов и институтов как, соответственно, структурированных функций и функциональных структур. Или, иначе говоря, посредством форм социальной структуризации институции организуются в институты, которые можно назвать институциональной организацией.

Институции есть социальные формы закрепления и воспроизводства функций объектов и субъектов общественного бытия. Это – системы функциональных отношений дифференциации и интеграции видов деятельности, определяющие образ жизни ее субъектов. Они относятся как к действующим людям, так и к используемым ими предметам, придавая им особый социальный статус. Ведь создаваемые и используемые институционально оп-

ределенными людьми предметы также обретают институциональные формы, что выражается в их социальном назначении и применении. Искусственные продукты человеческой деятельности приобретают социальные роли и статусы предметов труда или роскоши, потребления или производства, досуга или культа, которые есть отраженные опредмечиванием статусы людей.

Институты есть социальные формы структур, закрепляющих и воспроизводящих институции, или функционально специфицированные модели общественных организаций. Это – системы структурных отношений между людьми в процессе локализации и реализации функций, субъектно персонифицированных и специфицированных в конкретных организациях. Содержание института составляют связи и отношения между институционально определенными и организованными людьми.

Вызывает сомнение доминирующая в современной науке трактовка институтов как внешних «рамоч», ограничений действий субъектов и их агентов посредством различных норм, правил, обычаев, контрактов и т. д.⁵ Становится непонятным, как же в результате действия институтов могут сокращаться транзакционные издержки, если при этом количество препятствий у социальных акторов возрастает? Поскольку «институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь», они, по замечанию А.Н. Нестеренко, все же – «набор ограничений, внутри которых человек свободен и может поступать так, как подсказывает ему его чувства, желания и интересь» (Нестеренко, 2002, с. 308).

Однако уже в трудах В.О. Ключевского имеется понимание того, что институты по своей природе являются не только ограничениями, рамками, но и средством раздвижения границ возможностей субъекта. Рассуждая о сословном делении общества, ученый пишет: «Существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит *различие прав, а не обязанностей*. Довольно простого анализа обоих этих понятий, чтобы видеть, что, когда речь идет о сословном различии обязанностей, то при этом разумеется собственно различие прав: обладая различными правами, классы общества могут нести одинаковые государственные обязанности; но если на них положены неодинаковые обязанности, то они не могут обладать равными права-

ми» (История сословий..., 1914, с. 2). Права институциональных субъектов, следовательно, представляют для них известные возможности, тогда как обязанности накладывают определенные ограничения на их деятельность.

Гипертрофированная жесткость ограничений и норм реализуется в крайней форме институтов — кастах. Касты «разрывают» общество, несокрушимыми стенами отгораживая друг от друга его членов, препятствуя постепенному «рубцеванию» институциональных противоречий. Дезинтеграция общества на касты часто происходит в эпохи общественных «взрывов» и потрясений при отсутствии или неэффективности соответствующих институциональных «амортизаторов», как это было, в частности, в поздней Римской империи (Ростовцев, 2001, с. 232).

Следовательно, в основе природы институциональных феноменов лежит, выражаясь языком XIX в., «возревание», то есть стремление к более высокому общественному положению, статусу, а не «воспашение», иначе говоря — препятствие, помеха или ограничение возможностей. Принцип приоритета прав (расширения институциональных возможностей) был положен В.О. Ключевским в основу выделения сословий Русского государства. Существующие же в реальности ограничения и параметры «русла» институтов как социальных составляющих «варируются», но и степень их отличия также неодинакова — от воображаемой тонкой линии до широкой промежуточной области» (ван Геннеп, 1999, с. 175).

Очевидно, что в предлагаемой интерпретации институты — это не «правила игры», а организации — отнюдь не «игроки», как это представляет Д. Норт в рамках развиваемой им «игровой концепции». Он сам это неявно отвергает, когда утверждает, «говоря профессиональным языком экономистов, институты определяют и ограничивают набор альтернатив, которые имеются у каждого человека» (Норт, 1997, с. 18) Иными словами, институты создают и воспроизводят правила поведения, но не сводятся к ним. Институты и институты масштабнее своих продуктов, хотя и воплощаются в них, а нормы, статусы, правила, контракты и т. п. — это лишь различные виды их продуктов и инструментов.

Как можно назвать правилом поведения предприятие, партию, налоговую инспекцию, университет, дом терпимости, биржу или церковь? Всем им соответствуют свои правила и нормы поведения, которые, однако, не только не исчерпывают содержание институтов, но и постоянно меняются в их эволюции, под влиянием инновации и рутинизации. Кроме того, мир, моделируемый в игре, всегда упрощен, конечен, замкнут и однозначно задан, что не характерно для действительности, которая всегда открыта инновации и богаче своей исходной модели. Жизнь постоянно эволюционирует, меняя правила и нормы, статусы и роли.

Институты создаются для разрешения конкретных проблем бытия посредством генерирования необходимых правил. Они основаны на общественном согласии относительно необходимости выделения конкретных институций и признании тех или иных правил их воспроизводства. «Согласие по конкретной проблеме достигается отнесением ее к определенному классу проблем или переносу в контекст определенных правил, называемых релевантными в данном случае. Именно обнаружение правила, по поводу которого мы можем согласиться, ведет нас к соглашению в каждом конкретном случае» (Хайек, 1990, с. 44).

Нормы и правила, регламенты и табу, стандарты и ритуалы, обычаи и статусы не тождественны институтам, но становятся их неотъемлемыми атрибутами. Они воплощают в себе результаты и факторы воспроизводства институтов, инструменты механизма их функционирования. Следовательно, институты — это не только ограничения и эндогенные рамки человеческой деятельности. Дж. Ходжсон вынужден признать, что «институты одновременно и накладывают ограничения на поведение, и расширяют его возможности. Вообще говоря, сам факт существования правил подразумевает ограничения. Однако благодаря ограничению могут открыться новые возможности, а именно могут появиться варианты выбора действий, которые при отсутствии данного ограничения не существовали бы» (Ходжсон, 2003, с. 12). Косвенно с этим соглашается и Н. Флигстин, отмечая, что, хотя «правила выступают в качестве источника ограничений, они также открывают и новые возможности. Этим подчеркивается, что акторы сами осуществляют свой выбор и что они дей-

ствуют в целях обеспечения наиболее позитивных результатов для самих себя. Попадая в определенную ситуацию, акторы оценивают свои ресурсы и предпочтения, а затем выбирают способы действия, направленные на максимизацию этих предпочтений» (Флигстин, 2002, с. 131).

Институции и институты (как продукты человеческой деятельности) существуют объективно вне отдельных людей, которые становятся их агентами посредством интериоризации и экстериоризации соответствующих статусов. Но одновременно все институты и институции представлены конкретными носителями их свойств – агентами. Каждый агент индивидуально исполняет свои функции, внося элементы неповторимого единичного во всеобщие институциональные характеристики, приобретает и играет особые роли (лидеры, новаторы, рутинеры, консерваторы, фланеры, трансляторы, реформаторы и т. п.). Внутри институтов и институций образуются различные специфические «случки», вертикально и горизонтально связанные по способностям и интересам группы агентов (слои и уровни, фракции и страты, центр и периферия, круги и фланги и т. п.). Институция, институт и статус неизбежно приобретают свойства всеобщего, особенного и единичного.

Институциональный человек транслирует свою принадлежность к институции и институту открыто или скрыто в зависимости от их общественной ценности и степени признания. Внутри них он обретает свой внутренний и внешний статус, который находит свое выражение в доходе и издержках в конечной форме всеобщего эквивалента.

Общий статус человека складывается в процессе его институции, когда он присваивает или отчуждает определенный комплекс норм и правил общественной жизни, осуществляет его воспроизводство. Человек представлен системой присвоенных им статусов, которыми он наделен путем вменения или выбора не только от рождения. Сама деятельность, ее факторы и результаты в конечном счете определяют систему конкретных социальных статусов человека, общее направление и динамику ее развития.

Степень присвоения и отчуждения статусов, норм и правил может значительно различаться. Один человек лишь «примеряет» себе институциональные продукты и факторы, другой привле-

кает их в свою жизнедеятельность регулярно, третий постоянно и непрерывно привержен их воспроизводству. В каждом человеке мы также находим одновременно функционирующее сочетание всех описанных вариантов. Одними статусами индивид (сообщество, общество) только пользуется, извлекая из них свою пользу; другими владеет, создавая, распределяя, обменивая и потребляя различные институциональные продукты; третьими распоряжается, устанавливая свой институциональный порядок. Таким образом, можно выделить сложную систему субординации и координации отношений присвоения и отчуждения институциональных условий, ресурсов, факторов и продуктов для отдельных людей, их групп и сообществ. Особенно интересным представляется исследование проблемы институциональных запасов и резервов в человеческой жизнедеятельности. Но отношения институциональной структуры собственности, а также многообразие и метаморфоза ее институциональных объектов пока не стали предметом специальных исследований.

Статусы человека могут интегрироваться, дифференцироваться и комбинироваться в процессе его жизнедеятельности (даже независимо от него), создавая вертикальные, горизонтальные и смешанные статусные комплексы. Среди статусов есть как базовые, ведущие, наиболее актуальные и значимые, так и производные, зависимые, незначимые, неактуальные. Особо следует выделять явные и неявные, формальные и неформальные, легитимные и теневые статусы.

Однако общество непрерывно оценивает каждого индивида как субъекта деятельности системно, исходя из всех его институциональных обязательств и предпочтений, и определяет его общий статус. Эта оценка ведется по выявленной индивидуальной комбинации совокупности его статусов в конкретном сообществе. В связи с этим можно говорить о составе и структуре, функциях и масштабе, пространстве и времени системного статуса как особой характеристики человека. Институциональные нормы, которые эволюционируют во времени, формируют границы этого пространства, постоянно изменяя его контуры. Исходный статус дает лишь потенциальную траекторию жизни, а реальная дорога жизни зависит от целей и эффективности деятельности конкретного человека в конкретных обстоятельствах.

Поразительно утверждение Ф.А. Хайека о том, что «в экономической системе с глубоким разделением труда у людей не может быть общих целей, а только общие правила поведения. Но именно такой подход большинство пока отказывается принять» (Хайек, 1990, с. 239). Но тогда отрицаются цели сохранения и поддержания общих правил, норм и институтов, которые обеспечивают эффективную жизнедеятельность людей. Ведь потеря статуса часто ведет к значительному росту транзакционных издержек, что противоречит интересам его носителей.

В значительно большей степени статусы – вынужденные или свободные приобретения жизнедеятельности человека. В этом смысле некорректно отождествлять институции и институты только с ограничениями; они предоставляют и возможности, определяют свободу индивида. Как никто не рождается сразу директором, менеджером, артистом или ученым, так и каждый может потерять свой исходный статус собственника, отца, гражданина, богача или бедняка в обществе.

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЫБОР НОМО *INSTITUTUS*

Институциональная система человечества изменяется вместе с саморазвитием его родовой сущности. Если универсальность человека определяется его отношением к окружающему миру и реализуется в деятельности, то экономические институции не могут не возникать вместе с другими институциями, но могут и должны изменяться вместе с ними в процессе эволюции родовой сущности человека.

Наивно предполагать, что экономические институты возникают после всех иных (родственных, религиозных, политических и т. д.), что неэкономические институты господствуют в Древнем мире, как это делали и делают многие ученые. Древние народы не могли жить без ведения хозяйства. Институции и институты хозяйства возникают, как только определяется пространство и время жизнедеятельности группы первобытных людей. За это пространство они борются, от него они кормятся, в нем они плодятся, рождаются и умирают как люди. Попытки некоторых обществоведов объяснить это гораздо более поздним возникновением термина «экономика» лишены всякого основания.

Исходные институции (естество и родство, существо и пространство, средство и мастерство, единство и общество, хозяйство и производство и т. п.) возникают не по очереди, а системно-целостно, характеризуя качественный скачок в эволюции реального мира и образование человечества. Они все изначально представлены неразвитым тождеством, затем переходят в развитое различие вплоть до противостояния и затем стремятся к синтезу зрелого состояния. Таковы основные закономерные стадии их эволюции.

Поскольку экономическая сфера по мере развития общества обособляется, то и экономические институции обособляются от иных – семейных, религиозных, политических, этических, культурных и т. д. Но доминанта экономических институций и институтов как базовых и в современном обществе сохраняется. Каждый человек подтверждает в своем выборе весь комплекс актуальных институций, но их влияние неравнозначно. В этом смысле можно говорить о непосредственном влиянии доминирующих социально-экономических институций на выбор и об опосредованном влиянии на него вторичных или производных институций.

Развитие каждого человека происходит через механизм выбора условий, ресурсов, факторов и продуктов его жизнедеятельности. Индивидуальный выбор, кроме прочего, исходит из критериев сложившейся системы институций и статусов конкретного человека, обусловленных организационно институтами, агентом которых он является. Следовательно, справедливо: если $Ch \equiv Q$, то $Ch = f(A, T, Rn, Ins, O, Inf)$, где Ch – выбор.

Принятие решений статусным человеком исходно предполагает институциональный аспект. Насилие ли это относительно человека или благо? Включает ли рациональность институциональный аспект изначально? Учитывает ли рациональность статус человека и выбирает ли он рационально то, что соответствует его статусу? Или рациональность предшествует институциональной коррекции выбора? Традиционные принудительная и ограничительная теории институтов не позволяют понять их как источник благ и свобод для своих агентов.

Если человек осуществляет свой выбор вопреки своему статусу, то он теряет преимущества отношения к определенному

институту. Издержки его выбора растут, поскольку предполагают дополнительные затраты на восстановление соответствия своему статусу в будущем. Здесь действуют законы гомеостазиса и гистерезиса относительно статуса человека. Странно, что до сих пор бытует мнение, согласно которому институциональный фактор порождает отклонение от рационального поведения...

Конечно, экономическую науку, как справедливо считал А. Маршалл, особенно интересует та сторона жизнедеятельности человека, «где он чаще всего высчитывает выгоды и невыгоды какого-либо конкретного действия, прежде чем к нему приступить». Но не менее важна и «та сторона его жизни, в которой он, следуя привычкам и обычаям, поступает в данный момент без предварительного расчета, но при этом сами эти привычки и обычаи почти наверняка возникли в процессе тщательного выявления выгод и невыгод различных образов действий» (Маршалл, 1993, с. 76–77). При этом «то, что делает один образ действий предпочтительнее другого, вовсе не обязательно сводится к корыстной или материальной выгоде» (там же, с. 77).

Под влиянием различных экзогенных факторов процессы восприятия, осмысления, синтеза, интерпретации информации и последующего выбора могут утрачивать элементы адекватности и приводить к отклонениям от рациональности выбора. «Надо не только думать о рациональном, а иметь и нелогический, нерациональный канал мотивов каких-то поступков» (Раушенбах, 2003, с. 398). Но сознательный, то есть учитывающий возможные доходы и потери, выбор, сделанный в соответствии с реальным статусом индивида или группы лиц, следует считать рациональным, поскольку он обусловлен институцией как эндогенным фактором. «Рациональность – относительно устойчивая совокупность правил, норм, стандартов, эталонов духовной и материальной деятельности, а также ценностей, общепринятых и однозначно понимаемых всеми членами данного сообщества (социальной, профессиональной или этнической группы, класса, сословия и т. п.)» (Философский словарь, 2001, с. 485). Значит, рациональность имманентно содержит в себе институциональность как фактор осуществления.

Предпочтения не всегда явно и непосредственно ведут к повышению дохода, но учитывают также и возможность эконо-

мии издержек, в том числе социальных (институциональных), за счет преодоления таких ситуаций, которые могут «подмочить репутацию», спровоцировать неловкость, «выставить в дурном свете», создать «затруднительное положение» и т. д. Лишь при первом приближении кажется, что отклонения от рациональных решений бескорыстны. Рациональному субъекту ясно, что игнорирование общественных установлений и персонафицированных им институций обернется в будущем дополнительными издержками и потерями. Он просто не хочет их осуществлять и терять не видимую глазом выгоду. Он помнит, что другие агенты общей с ним институции зорко наблюдают за ним и обвинят его в оппортунистическом поведении, а потом потребуют плату за это.

Реальные решения и выборы основаны на действительных условиях, ресурсах и факторах осуществления имеющихся у субъекта (ов) целей. Рационализм основывается на способности разума постичь реальность и принять разумное решение в действии или поведении. «Рациональное решение, действие – продуманное, взвешенное решение, принятое на основе выбора, сравнения вариантов и учета многих факторов, выгодное целесообразное решение» (Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 1997, с. 277). Рациональный выбор осуществляется как разумно обоснованный, целесообразный и целенаправленный. Рациональный выбор есть сознательное целесообразное действие или рациональная функция. Можно ли сказать, что функция выбора имеет значения, которые получаются в результате применения к независимому переменному конечного числа действий сложения, умножения и деления?

Рациональность включает в себя институциональность, и наоборот. «Имеется много признаков того, что в решающих моментах для человека большую роль играет не только логика, но и внелогическое знание» (Раушенбах, 2003, с. 211). При выборе, когда индивид затруднен в своем рациональном решении, часто активно «работает внелогическое чувство красоты, наше подсознание гармонизирует "хаос", который возник от беспешной деятельности логической части сознания» (Раушенбах, 2003, с. 212).

Действие в соответствии со своим статусом рационально, поскольку направлено на сохранение и воспроизводство этого

статуса. Подлинно свободный и рациональный субъект осознает необходимость реализации в своем выборе имеющегося институционального статуса, то есть всего индивидуального комплекса своих институций, определяющих его образ жизнедеятельности, и становится хозяином собственной судьбы, насколько вообще в силах человека «быть хозяином своей судьбы».

Институционально обусловленный выбор не означает, что осуществляющий его субъект становится инструментом институтов. Он лишь агент институтов и может выбирать участие в них в разной мере, а также отвергать иные из них полностью. Если институты делают своих агентов инструментами достижения чуждых их большинству целей, то это вызывает или полную потерю свободы, или оппортунистическое поведение субъекта, и, в соответствии с этими состояниями, – вынужденный или протестный выбор.

Синдром оппортунизма – это стечение, сочетание признаков отступнического (по отношению к принятым обязательствам) поведения, имеющих общую причину возникновения и механизм воспроизводства, в устойчивый комплекс реакций индивида, характеризующийся ослаблением лояльности институту или институции. Нельзя утверждать, что от людей зависит выполнение какого-либо дела целиком, ибо оно может быть выше их сил. Следовательно, ограничение исполнения действия существует объективно. Но от человека зависит сам процесс его осуществления. Если достижение определенного конечного результата может быть кое-кому не под силу, то продвижение по пути доступно каждому.

Нельзя утверждать абсолютной полноты свободы выбора, поскольку люди не всегда могут переменить свое положение или судьбу, избрать иное бытие и развитие событий. Однако они и не лишены свободы выбора совсем, только этот выбор предстает своеобразно для каждого в соответствии с его положением в обществе, его статусом. Ф.А. Хайек критикует картезианский подход, согласно которому «хороши только те правила, которые врожденны или выбраны сознательно, тогда как все остальное – результат случая или каприза» (Хайек, 1990, с. 229). Однако в рамках любого случая человек пользуется ранее «усвоенными» любым способом правилами и применяет их сознательно. Ведь

бессознательная деятельность вообще не может быть квалифицирована как вполне человеческая.

Действие, направленное на отторжение статуса, возникает не только из неудовлетворенности им и стремлением к отказу от него, но и при невозможности подтверждения статуса (деньгами, дарами, действиями, связями и т. д.). В последнем случае рациональный выбор отсутствует, и поведение агента не должно определяться как оппортунистическое в институциональном плане.

Выбор заключается не в обязательной перемене статуса, неизбежно и своеобразно складывающегося для каждого человека, а в принятии решения по поводу участия в осуществлении своей собственной институциональной судьбы. Перед человеком иногда встает и такой выбор: либо продвинуться вперед на этом пути, либо остановится, отказавшись от личного участия в осуществлении институций и институтов, агентом которых он является. По существу, встать означает отстать, или идти назад в своем институциональном развитии, к потере актуальной институциональности.

Свобода институционально обусловленного выбора дается каждому, но реализовать ее удастся не всем. Для того, чтобы включиться в такой выбор и в нем осуществить адекватное воплощение любого своего статуса, требуется знание норм, правил, ритуалов, обычаев, процедур института, определившего этот статус. Рациональный субъект должен произвести оценку своей объективно обусловленной институции.

Неполное включение в выбор институционального компонента означает институционально несоответствующее или оппортунистическое поведение субъекта, навязанное ему извне чужой монополией на его решения. Оно предполагает, что агентство данного субъекта в том или ином институте неэффективно или неэффективен сам институт. В этом ракурсе интересно замечание Ф.А. Хайека: «Мы должны, наконец, понять, что современный общественный строй есть не результат сознательного планирования, а результат выживания более эффективных институтов в процессе конкуренции» (Хайек, 1990, с. 228). Причем институциональная конкуренция происходит параллельно на разных уровнях социального бытия:

- во-первых, при «подборе» институций в индивидуальный «набор», когда отдельные агенты осуществляют выбор между различными институциями, сравнивая их предельную полезность для себя и рыночную цену вступления в соответствующий статус;
- во-вторых, внутри «набора» институций конкретного человека, то есть между уже присвоенными статусами, когда выбор осуществляется в основном с позиций актуальной и потенциальной эффективности имеющихся институций для достижения жизненных целей;
- в-третьих, между институциональными «наборами» разных людей;
- в-четвертых, эволюционная конкуренция между новыми и традиционными институциями, между институциональными новациями и рутинами.

В последнем случае человеку, поднимаемому на новый уровень своего бытия, соответственно требуется институциональное закрепление соответствующих новых функций и типовых действий. И не обязательно, что наиболее целесообразными окажутся новые институции, напротив, вполне возможно, что старые останутся «непобежденными», подтвердив свою эффективность и устойчивость.

Каждый рациональный субъект обладает в той или иной мере знанием своего системного статуса как совокупного результата противоречивого взаимодействия отдельных статусов многих институтов, в которые он включен. При принятии решения он стремится оптимизировать институциональный компонент своего выбора исходя из той полноты информации, которая сложилась в его сознании. Степень этого сознания и внешними ограничениями определяется степень его нерациональности. В этом процессе проявляется иерархия и гетерархия его статусов, и обычно (хоть и не всегда) выбор определяют только наиболее значимые из них с незначительным учетом второстепенных и ничтожных. Оптимальная для актуального пространственно-временного континуума комбинация статусов определяет выбор рационального субъекта. Этот выбор и есть рациональный с точки зрения институционального дохода и снижения институциональных издержек: $Ch = \Phi (Y_{Ins})$.

Реальный институциональный выбор совершается не в тепличных условиях неоклассической реальности с ее кладбищенской тишиной и вечным покоем, отражающими экономическую суть нулевых транзакционных издержек. На индивидуальные и коллективные комбинации институций влияют многие моменты, в том числе накопленный институциональный опыт, связанный с многократным воспроизведением своих ролей, и способности к обучению. Но если, с одной стороны, «неоднородный опыт жизни, таланты, интуиция и др. в совокупности определяют композицию (дальнейшего. — *О. И.*) обучения» (Iribarren, 2003, p. 6), формирования новых навыков и рутин действия в изменившихся институциональных условиях, то с другой — аккумулярованная в течение многих лет совокупность практик и техник исполнения некоторых частичных трудовых функций как бы «кристаллизует» индивида, жестко фиксирует контуры его институциональной сферы, издержки преодоления инерции которых чрезвычайно велики. Более того: в конечном итоге «нет никакой возможности проверить, какое решение лучше, ибо не существует никакого сравнения (а если и существует, то только относительное. — *О. И.*). Мы проживаем все разом, впервые и без подготовки. Как если бы актер играл свою роль в спектакле без всякой репетиции» (Кундера, 2004, с. 14). Высказанная М. Кундерой мысль подтверждает факт девальвации любого, даже самого значимого институционального опыта с течением времени, необходимость его коррекции адекватно изменениям внешних условий.

Процесс институционального выбора базируется на мысленном уравновешении актором настоящих и будущих выгод от потенциально «своих» институций, исходя из чего и осуществляются комбинации элементов социально-функциональных сфер акторов. Трудность учета неопределенности в процессе мысленного конструирования будущего ведет к тому, что каждый институциональный выбор порождает систему интернальных (для самого агента) и экстернальных (для ближнего и дальнего окружения, общества в целом) рисков, которыми можно и нужно управлять⁶.

«Человек институциональный» постоянно, многогранно опередмечивает и воспроизводит себя в предметах своего выбора — действиях, продуктах, средствах, целях, ценностях, образах, символах... Одновременно человек институционально распределмечивает окружающий его мир, социально закрепляя за создаваемыми искусственными вещами новые функции.

Со-бытие «человека институционального» с социальной средой реализуется через присвоение факторов и продуктов производства для формирования исходных условий своего бытия, предполагающего приложение целесообразных «усилий во времени» (М. Пруст) путем активного творческого универсального изменения себя с последующей трансформацией общества через отчуждение продукта. И, наконец, сам *homo institutus* — особый процесс, перемещающаяся в пространстве и времени хозяйственной системы точка реализации всех ее институций — прошлых, настоящих и будущих, так как любые проекты, продукты и эффекты структурных трансформаций в конечном итоге «отзываются» на человеке, меняя его определенным образом.

В нашем понимании *homo institutus* — человек, балансирующий в поисках меры своих институтов и институций в «бескрайнем море» институциональных альтернатив. Каждый актер одновременно творец институций и их раб, заложник действующей социальной структуры и ее «подрывной элемент», единственная цель всех создаваемых институтов и средство их утверждения в обществе. Он то хаотично, то планомерно смещается, мечется, застывает между стремлением поддержать свои номинальные статусы и желанием реализовать свой потенциал в других функциональных формах, между тягой к выходу за все пределы и потребностью жить полностью упорядоченной «правильной жизнью», между конформизмом и дисформизмом. *Homo economicus*, как и любой реальный человек, непрерывно совершает институциональный выбор, более того, каждый его выбор характеризуется явно или неявно выраженной институциональной «окраской».

Эволюционируя, создавая новые и изменяя уже существующие институты и институции, современный *homo institutus* ожесточенно и одухотворенно пытается совместить преодоление

отчуждения от экзогенных по отношению к нему социально-функциональных форм и самоликвидацию рабства от вменяемых и навязываемых ему моделей, шаблонов, алгоритмов и эталонов целевого действия.

«Институциональный человек» начала XXI века своим реальным поведением кардинально отличается от традиционных моделей *homo economicus* и *homo institutus*, когда их представляют, соответственно, как «серого человека толпы» или «иррационального безумца». Во многом он приближается к креативному «отрицанию всего, что отдает апробированной идеей, традицией, заурядной структурой, основанной на страхе и на псевдовзаимных выгодах. Он без труда мог бы стать Робинзоном. Он не мизантроп, но в мужчинах и женщинах принимает лишь те их стороны, которые не подверглись формовке со стороны общественной надстройки; и у него самого тело – наполовину в матрице, и он это знает, однако его знание активное, оно не чета смирению, кандалами виснущему на ногах... <...> ...иная, тайная и не дающаяся чужому взгляду свобода творится в нем, но лишь он сам (да и то едва ли) мог бы проникнуть в суть ее игры» (Кортасар, 2004, с. 411–412).

Литература

Бабинцева Н.С. Некоторые новые подходы в экономической теории: Очерки. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.

Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

История сословий в России проф. В. Ключевского: Курс, читанный в Московском университете в 1886 году. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1914.

Качалов Р.М. Управление хозяйственным риском. М.: Наука, 2002.

Кортасар Х. Модель для игры. М.: Изд-во «ЭКСМО»; СПб.: Изд-во «Домино», 2004.

Кундера М. Невыносимая легкость бытия. СПб.: Азбука-классика, 2004.

Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Издат. группа «Прогресс», 1993. Т. I.

Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. книги «Начала», 1997.

Олейник А.Н. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2000.

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997.

Раушенбах Б.В. Праздные мысли: Очерки. Статьи. Воспоминания. М.: Гареева: Аграф, 2003.

Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. СПб.: Наука, 2001. Т. II.

Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001.

Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.

Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2002.

Хайек Ф.А. Общество свободных. L.: Overseas Publication Interchange Ltd, 1990.

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003.

Шаститко А. Условия и результаты формирования институтов // Вопросы экономики. 1997. № 3.

Шаститко А.Е. Неинституциональная экономическая теория. М.: Экон. фак. МГУ: ТЕИС, 1998.

Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.

Best M.H. The New Competition / Institutions of Industrial Restructuring. Polity Press, 2002.

Eggertsson T. Economic Behavior and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Hodgson G.M. Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics. Polity Press, 1988.

Iribarren D. From Economic Activity to Understanding Spaces / ESRC Centre for Research on Innovation and Competition. 2003. March.

Nee V., Ingram P. *Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange, and Social Structure* // *The New Institutionalism in Sociology* / M. Burton and V. Nee, eds. N. Y.: Russel Sage, 1998.

North D. *Institutions* // *J. of Economic Perspectives*. 1991. Vol. 5:1.

North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

¹ Вместе с тем статус человека в достаточной степени не стал еще предметом категориального описания диалектической логики, системного подхода и отдельных философских систем.

² См. переведенные на русский язык работы указанных авторов (Норт, 1997; Эггертссон, 2001; Ходжсон, 2003).

³ См. оригинальные произведения (North, 1990; Eggertsson, 1990; Hodgson, 1988).

⁴ См., например, работы (North, 1991; Nee, Ingram, 1998; Best, 2002).

⁵ Такой подход представлен в работах (Шаститко, 1997, с. 67; Шаститко, 1998, с. 84; Олейник, 2000, с. 188) и др.

⁶ Анализ подходов к управлению рисками см. в работе (Качалов, 2002).

Глава 3

АГЕНТЫ И ИНСТИТУТЫ: К ПРОБЛЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

В последние десятилетия XX века произошли не только кардинальные перемены в реальной экономике, связанные с изменением социально-экономического уклада целого ряда стран (переход от социализма к капитализму, геополитические изменения) и мирового сообщества в целом (глобализация, Интернет), но и весьма существенные сдвиги в теоретическом базисе экономической науки (см. табл. 1). Взамен традиционных для основного течения экономической теории представлений о рыночной экономике как «пустом» пространстве —

вместилище автономных микроагентов (своеобразных «амеб», реагирующих на изменение конъюнктуры спроса и предложения таким образом, чтобы максимизировать собственную прибыль), пришли иные концепции, в которых главную роль играют социальные и экономические институты, различного рода интеграционные связи, системы доверия и кооперации, связывающие не только потребителей и производителей, но и государство и предприятия. Другими словами, теоретики стали обращать внимание не только на конкурентные «силы отталкивания» между экономическими агентами, стремящиеся превратить экономику в атомизированную систему, своего рода бесструктурный песок, но и на кооперационные «силы притяжения», способствующие структурированию, организации и взаимозависимости. Социально-экономическое пространство из «ньютоновского» – однородного и пустого превратилось в «эйнштейновское» – анизотропное, наполненное институтами, интересами, ожиданиями. Кроме того, более активно, чем раньше, во внимание стали приниматься и «силы инерции», реализующие эволюционное развитие экономических объектов и систем во времени. Трассы, описывающие движение социально-экономических объектов в соответствующих пространствах, стали предметом специального рассмотрения под углом зрения козволюции – согласованного параллельного развития (Ходжсон, 2003).

В свете новых теоретических концепций наполнение социально-экономического пространства предстает как совокупность *агентов* («тел» в социально-экономическом пространстве), *институтов* (объективных «геометрических» особенностей пространства), *ожиданий* агентов (субъективного видения и восприятия этих особенностей) и *интересов* («сил», действующих в этом пространстве). При таком взгляде выбор, совершаемый агентами в ходе принятия решений, предстает как результат многообразных воздействий, обусловленных и особенностями пространственной конфигурации артефактов, и структурой институтов, и субъективным восприятием ситуации конкретным агентом и его референтной группой, и траекториями развития отдельных компонентов и всей ситуации в целом.

Таблица 1

**Наиболее значимые изменения,
касающиеся базисных разделов экономической теории**

№ п/п	Раздел экономической теории	Сущность изменений
1	Теория экономического поведения человека	Признание иррациональности поведения, учет устойчивых и ситуационных психологических особенностей
2	Теория факторов и результатов производства	Учет влияния нематериальных факторов и активов, и индивидуальных и коллективных знаний, способностей, талантов
3	Теория предприятия (фирмы)	Признание многофункциональности, многоуровневости, многомерности, полисубъектности и системности предприятия
4	Теория организации рынков	Выявление, наряду с ролью конкуренции, также важности отношений сотрудничества и коэволюции взаимодействующих субъектов. Поиск оптимальных сочетаний этих сил
5	Теория стратегического планирования	Обоснование эффективности «открытого» и демократизированного стратегического планирования, теория «открытой инновации»
6	Теория государства, общества, экономики	Признание взаимозависимости и необходимости сбалансированности участников при асимметрии функций
7	Теория «социально-экономического пространства»	Отказ от «ньютоновских» представлений о социально-экономическом пространстве как автономном, пустом и однородном вместилище агентов и артефактов, переход к «эйнштейновскому» пространству, свойства которого зависят от наличия в нем экономических систем. Признание роли «сил отталкивания», «сил притяжения» и «сил инерции», определяющих поведение агентов, учет влияния сложного «институционального ландшафта» на их действия

Таким образом, социальные агенты – лица, коллективы, группы – находятся в отношении институтов в позиции, которую можно охарактеризовать как двойственную. С одной стороны, институты выступают в роли независимых от каждого агента в отдельности факторов, ограничений и стимулов, структурирующих принятие решений или (более широко) – поведения агентов (Норт, 1997). С другой стороны, институты являются неким побочным (в некоторых относительно редких случаях – основным) результатом совместной социально-экономической деятельности большинства агентов. «Люди рассматриваются как... <...> ...единственные субъекты, принимающие окончательные решения по поводу как коллективных, так и индивидуальных

действий» (Бьюкенен, Таллок, 1997, с. 34). Таким образом, с одной стороны, взаимоотношения между агентами и институтами можно выразить перефразированной строчкой из песни В. Токарева о небоскребах Нью-Йорка: «Институты, институты, // – А я маленький такой». С другой стороны, вспоминая слова монтера Мечникова из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, можно сказать, что институт (как и согласие у Ильфа и Петрова) – «продукт при полном непротивлении сторон».

В конечном счете, то есть в долгосрочном аспекте и при предположении отсутствия внешних влияний, население автаркической страны могло бы в принципе придти в состояние гармонии или равновесия с институтами, составляющими страновую институциональную систему. Однако влияние динамики мировой экономической системы, мировых научно-технической, инновационной и институциональной систем неизбежно вносят коррективы, что приводит к уходу от точки институционально-функционального равновесия. В связи с этим возникают различные концепции неравновесной динамики агентов и институтов.

В итоге на современном этапе развития в экономической науке сосуществуют три основные теоретические парадигмы, определяющие подходы к экономическому анализу на всех уровнях экономики. В стилизованном и огрубленном виде их можно описать следующим образом.

Согласно первой – традиционной концепции неоклассики, экономическая система рассматривается как совокупность взаимодействующих агентов (физических или юридических лиц), осуществляющих в свободном экономическом пространстве процессы производства, потребления и обмена и исходящих при этом из собственных интересов, понимаемых главным образом как максимизация прибыли от всех видов деятельности. Главный объект исследования здесь – экономический агент, его интересы и ожидания, а основной предмет анализа – действия агента на рынке.

Согласно второй парадигме – парадигме институциональной экономики, действия агентов разворачиваются не «в чистом поле» свободного рынка, а в сильно «пересеченной местности», наполненной разнообразными институтами – организациями, правилами, традициями и т. п. Побудительными мотивами дей-

ствий агентов в этой концепции являются не столько попытки обеспечения максимальной прибыли, сколько стремление к соответствию данного агента институциональным нормам и правилам, к улучшению своего положения в рамках этих институтов. Главным объектом исследования при таком подходе выступает уже не агент, а институт, а предметом являются отношения между агентами и институтами.

Третья (эволюционная) парадигма, в отличие от двух первых, опирается на динамическое представление о деятельности агентов, на наследование основных особенностей такого поведения в рамках эволюции вида и рода. Поведение агентов при данном подходе рассматривается в контексте факторов эволюционного характера и требует обнаружения и изучения механизмов, аналогичных механизму наследования генотипа агента, популяции агентов, общества в целом. Главным объектом изучения здесь является популяция агентов, обладающих аналогичным социально-экономическим генотипом, а предметом изучения – поведение агента (популяции агентов) с точки зрения влияния наследственных или приобретаемых факторов.

В последние годы можно наблюдать конвергенцию и попытки синтеза этих трех подходов, связанные главным образом с признанием всех трех факторов (личного интереса, институционального влияния и эволюционной составляющей) как одновременно значимых аргументов при объяснении действий экономических агентов и протекания экономических процессов. Развитие системной парадигмы, связываемой с именем Я. Корнаи (Корнаи, 2002), как можно полагать, приведет к интеграции неоклассической, институциональной и эволюционной концепций. Исследования в рамках данной парадигмы опираются на многостороннее рассмотрение социально-экономических образований как комплексов, носящих черты технологических, экономических, социальных, институциональных, биологических и иных систем¹. Главным объектом рассмотрения здесь служат социально-экономические системы, а предметом – их развитие, основанное на взаимодействии внутренних подсистем и влиянии внешних систем и сред.

Однако наиболее существенным препятствием на пути развития этого перспективного направления является нерешенность

вопроса о причинах и факторах возникновения, распространения, закрепления и смены институтов.

Данный вопрос носит не только теоретический характер. В течение последних лет Россия ведет интенсивное и целенаправленное институциональное строительство, но результаты его пока удовлетворяют немногих. В наибольшей степени это касается институтов, имеющих значимую социальную компоненту. К началу 2004 г. (в том числе – в результате очередных выборов в Государственную Думу) стало отчетливо видно, насколько не похожи демократические институты современной России на то, что реально понимается под демократией. Институты демократии не сводятся к свободным и конкурентным выборам президента, парламента или местных властей. Истинная демократия представляет собой многоуровневую и разветвленную систему институционализированных норм, традиций и оценок, охватывающую все уровни социально-экономического пространства – от макро- до наноуровня (сознания отдельного человека), предусматривает целый ряд ограничений и требований к социально-экономическим механизмам, в частности, требования учета разнообразных факторов различного уровня. Формирование такой системы требует времени, особых усилий, гибкости и целеустремленности общества и его членов. Подобная картина имеет место и в отношении других социально-экономических институтов.

На примере демократических институтов становится ясно, что социально-экономические институты не столько *строятся*, *учреждаются* или *конструируются*, сколько *выращиваются*, подобно тому, как ведется выращивание кристалла. Одновременно становится ясно, что одна из основных причин недостаточной эффективности институционального конструирования в новой России связана с недостаточной разработанностью теоретико-методологической базы. Необходима целостная концепция, призванная, с одной стороны, дать убедительные ответы на вопросы о том, как создаются (рождаются), распространяются и закрепляются институты в той или иной стране, как они переходят из одной страны в другую, из прошлого – в сегодняшний день, как реализуется взаимодействие агентов и институтов, с другой – стать базой для методологии и методики институционального строительства.

В последние годы стала ясна и необходимость глубокого переосмысления самой роли институтов в текущей экономической и социальной деятельности. Выяснилось, что институты не только влияют на поведение социальных агентов, но и лежат в самом основании восприятия ими действительности. Институты создают не только ограничения или стимулы для социальных действий, как считалось ранее, но и сам повод или возможность для них. В качестве примера действий, не существующих вне институтов, Дж. Серл, например, называет игру в шахматы (Searle, 1995). В экономической сфере к таким действиям относится, скажем, игра на фондовом рынке (невозможная вне института фондового рынка) и множество других экономических действий². Наряду с понятием «институционального фактора» общественного развития возникает понятие «институционального факта», то есть социально-экономического явления, существующего лишь благодаря определенным институтам (антонимом, по Дж. Серлу, является понятие «грубого факта», имеющего место безотносительно к социальной структуре).

Институциональная структура общества, хотя и является более устойчивой, чем его функциональная структура, все же находится в состоянии постоянного изменения. Особенности и тенденции институциональной динамики определяют, в свою очередь, потенциальные возможности достижения высокого уровня социально-экономического развития. Вместе с тем динамика институциональных систем относится к числу недостаточно изученных процессов, как с теоретической, так и с эмпирической точки зрения. До сих пор в литературе активно дискутируются не только факторы генезиса страновых институтов, взаимосвязи между институтами различных уровней, характер и степень влияния экономической практики на формирование институциональной структуры экономики, но и подходы к определению и анализу сущности самого понятия института, а также к его ценностной характеристике и эмоциональной окраске (обзоры можно найти, например, в работах: Тамбовцев, 1997; Иншаков, Фролов, 2002; Дементьев, 2001; Сухарев, 2001).

Формирование институтов часто рассматривается как результат институционального выбора. При этом такой выбор осуществляется либо множеством независимых агентов (пример: до-

рожки, протоптанные в снегу), либо властью, которая учреждает институт (пример – институт денежных льгот взамен натуральных). Как осуществляется институциональный выбор? Ложат ли в его основе рациональные соображения? В данной главе, отражающей результаты исследования, поддержанного РФФИ (проект № 02–06–80170), рассматриваются устойчивые психологические и поведенческие особенности агентов, которые оказывают существенное влияние на процессы институционального выбора. Отталкиваясь от фундаментальной концепции неполной рациональности индивида, мы развиваем в контексте институционального выбора теорию «органической иррациональности» большинства субъектов (см. также: Клейнер, 2001), указывающую на психологические предпосылки, факторы и последствия отклонения от принципов рациональности; истоки действия таких факторов, как мы пытаемся показать, коренятся в менталитете индивидов и особенностях социокультурного развития страны. Обосновывается предположение о разделении агентов на два типа в зависимости от характера преследуемых целей, восприятия и использования имеющейся информации: *homo economicus*, для которых главным мотивом выбора является достижение экономических (финансовых) целей, и *homo institutus*, для которых мотивация связана главным образом с изменением институционального положения агента. Исследуются функции этих экономических агентов в ходе выбора и закрепления социально-экономических норм и правил, формирования институциональных систем.

НОМО ECONOMICUS И НОМО INSTITUTIVUS

КАК ТИПЫ ЛИЧНОСТЕЙ

В предыдущем пункте не рассматривалась содержательная интерпретация целей и ограничений, определяющих ситуацию выбора, хотя вряд ли кто-либо стал бы спорить с тем, что содержание рассматриваемых альтернатив и целевых ориентиров влияет на особенности принятия решений. Концепция рационального выбора даже в своем чистом варианте, варианте «железной клетки», по выражению Макса Вебера, не определяет полностью поведение агента, в том числе агента, формирующе-

го свои взаимоотношения с той или иной общественной нормой, поскольку за пределами этой концепции, по существу, остаются «постановочная» и «постпостановочная» стадии процесса принятия решений.

Рассмотрим в этой связи более детально вопрос о характере целей, определяющих мотивацию индивидов в социально-экономической сфере. В контексте исследования институционального выбора и индивидуальных факторов институциональной динамики представляется целесообразным выделить две основные группы целей и, соответственно, специфицировать два типа личности агентов, для которых эти виды целей являются доминирующими.

В каждый момент времени агент занимает некоторое положение в определенной системе социально-экономических «координат»: в мире конкурентных отношений, в пространстве финансовых измерителей, во властном пространстве и т. д. Суть принимаемых им решений связана с переходом из одного положения в этих пространствах в другое, более для агента желательное. В этих терминах цель определяет характеристики «желательной области», где хотел бы позиционировать себя агент. В зависимости от того, какие «координаты» являются для него предметом первоочередного внимания, мы получаем различные варианты типов целей.

В перечне этих «координат» можно выделить две большие группы. Первая группа целей связана с улучшением материального *состояния* индивида, вторая — с его *положением* в обществе³. Первый тип индивидов ориентирован, соответственно, на максимизацию выгоды, понимаемой им как приращение лично контролируемых материально-финансовых ценностей. Второй тип стремится к занятию более высокой *позиции* в структуре социальных институтов, повышению своего социального статуса.

В художественной и публицистической литературе с помощью крайних и отрицательно эмоционально окрашенных терминов эти типы характеризуются соответственно как «рвач» («стяжатель», «корыстолюбец») и «карьерист» («честолюбец»)⁴. Если «рвач» рассматривает карьерные достижения как средство получения материальной выгоды, то «карьерист», наоборот, рассматривает материальные ценности как средство достижения власт-

ных или авторитетных позиций. При этом такие позиции могут рассматриваться в системе как локальных (предприятие, учреждение, круг друзей), так и глобальных (религия, нравственные ценности, политические организации и др.) институтов. Понятия «карьерист» и «рвач» не следует воспринимать буквально: так, объектом устремлений «карьериста» могут быть не только должность или звание, но и установление дружеских или иных тесных отношений и т. п. Если «рвач» ориентирован на приобретение *экономических* ресурсов – денег, товаров, средств производства, то второй – на завоевание так называемых *символических* ресурсов – уважения, власти, почета.

Первый тип близок к хорошо известному в классической теории *homo economicus* (*HE*), второй тип можно было бы назвать *homo institutus* (*HI*) – «человек институциональный»⁵. При этом принадлежность к тому или иному типу является устойчивой чертой личности данного субъекта и может измениться только в результате помещения субъекта в необычные, экстремальные условия, например, в ситуацию, где речь идет о его выживании.

Если трактовать выбор агента как решение оптимизационной задачи на максимум при заданных ограничениях, то для *HE* материальная выгода относится к критериальной части задачи, а институциональные характеристики ситуации – к ограничительной, в то время как для *HI*, наоборот, доступные материально-финансовые ресурсы играют роль ограничений, а личностная оценка институциональной ситуации – роль критерия⁶.

Соответственно, субъекты типа *HE* наиболее активно реагируют на материальное (денежное) стимулирование, в то время как субъекты типа *HI* наиболее успешно мотивируются с помощью институциональных изменений своего положения: присвоения званий, степеней, занятия более высоких должностных позиций, а также с помощью применения мер морального поощрения (последние привлекательны для *HI* в случае, если они носят кумулятивный, а не временный характер, повышают престиж субъекта).

Поскольку *HE* ориентирован на решение тактических задач, представитель этого типа может эффективно работать в условиях неполных контрактов, *HI* – нет.

Стоит отметить, что распределение сотрудников организации по указанным двум типам следует иметь в виду и при расстановке кадров. Если в результате стечения обстоятельств в руках *HE* сосредоточивается слабо контролируемая власть, то это, как правило, приводит к использованию ресурсов организации в личных целях данного индивида. Поэтому, по нашему мнению, следует говорить не столько о *рентоориентированном поведении* как сознательном выборе экономических агентов, сколько о *рентоориентированном типе* таких агентов.

Исходное различие в мотивации *homo economicus* и *homo institutus* обуславливает и существенные различия в других чертах личности, в том числе – восприятии и интерпретации внешней информации и поведении индивидов. Для описания этого различия рассмотрим эти особенности, опираясь на психологическую характеристику этих субъектов, в том числе – классификацию типов личности, предложенную Альфредом Адлером (Хьелл, Зиглер, 2000). Если *HE* склонен к эгоистическому взгляду на мир и соответствующему поведению («берущий тип» по А. Адлеру), то *HI* часто демонстрирует социальную вменяемость и является «социально полезным» типом в классификации А. Адлера. В то время как *HE* имеет более авантюристичные наклонности, склонен к экстремальным и порой неожиданным для окружающих и для себя решениям, *HI* чаще представляет консервативное начало, избегает экстремальных вариантов, старается находиться внутри поля, где чувствует себя уверенно. «Границы дозволенного», по сути, относящиеся к институциональным характеристикам ситуации, ощущаются *HI*, в отличие от *HE*, как весьма существенная на каждый данный момент преграда.

Окружающий мир для *HI* представляется более разнообразным, мозаичным из-за большого количества разнородных институциональных ограничений, причем мышление *HI* носит более формальный характер. Напротив, для *HE* характерно видение мира как системы более или менее «сводимых» друг к другу (ввиду возможности денежной оценки) благ. Таким образом, восприятие мира представителями *homo institutus* базируется скорее на концепции партикуляризма, согласно которой мир состоит из взаимосвязанных, но качественно различных сущностей, в то время как представителями *homo economicus* – в основном на концепции общего

редукционизма, согласно которой существует возможность аналитической и синтетической сводимости сущностей друг к другу. «Презумпция сводимости», которой часто неосознанно придерживается *HE*, позволяет ему сосредоточиться на решении тактических, краткосрочных задач, в то время как *HI*, воспринимающий мир как относительно устойчивую институциональную структуру, уделяет внимание стратегическим задачам и демонстрирует стратегический тип мышления. Представитель *HI* значительно легче воспринимает социальный аспект окружающей среды, где каждый субъект обладает собственной идентичностью, в то время как для *HE* легче воспринимается экономический аспект мира, объектами которого являются редуцируемые экономические блага. Условно говоря, *HI* живет в мире институтов, а *HE* – в мире интересов.

В этих условиях упорядочение альтернатив – достаточно сложная задача для *HI*, поскольку его предпочтения не носят скалярный характер и с трудом допускают сопоставимую оценку. Если ценности *HI* сильно зависят от институциональной структуры общества и в значительной степени воспринимаются субъектом как экзогенные, то ценности *HE* формируются в основном им самим. Агенты типа *HI* являются наиболее чувствительными как к осуществившимся, так и к предполагаемым институциональным изменениям и служат тем самым проводниками этих изменений.

Вместе с тем *HI*, как правило, легче ориентируется в сложной институциональной обстановке и не делает ошибок атрибуции при разграничении реальных и невозможных вариантов действий. Более детальное знание обстановки и некоторая осторожность часто удерживают *HI* от принятия экстремальных вариантов как в смысле конфигурации в пространстве решений, так и в смысле конфигурации в пространстве критериев, к чему, как правило, обнаруживает склонность *HE*. Партикулярность (разнообразие и детальность) восприятия окружающего мира определяет предпосылки «уважения» *HI* к экзогенным границам выбора, зачастую отсутствующего у *HE*, а также различие в степени влияния прошлого опыта на текущее поведение (ситуации, представляющиеся *HE* сходными, полны различий для *HI*).

Поскольку ценностная система *HI* определяется внешней институциональной структурой, основные принципы его поведения существенно зависят от экзогенной информации, в то

время как основные черты поведения *HE* в большей степени носят эндогенный характер.

Для дальнейшей характеристики *HI* и *HE* целесообразно воспользоваться предложенной структуризацией психологических факторов нарушения рациональности в принятии решений (см. табл. 2).

Таблица 2

Homo economicus* и *homo institutus
с точки зрения рациональности принимаемых решений

№ п/п	Особенности личности субъектов, вызывающие отклонение от рациональности поведения	Степень характерности данной особенности	
		для <i>homo economicus</i>	для <i>homo institutus</i>
1	Антипатия к целеполаганию	В слабой степени	В сильной степени
2	Мнимое целеполагание	В слабой степени	В сильной степени
3	Трудности разграничения реальных и нереальных вариантов действий	В сильной степени	В слабой степени
4	Антипатия к рейтинговой деятельности	В слабой степени	В сильной степени
5	Склонность к выбору пограничных (в пространстве решений) вариантов решений	В сильной степени	В слабой степени
6	Антипатия к выбору пограничных (в пространстве решений) вариантов решений	В слабой степени или нейтрально	В сильной степени
7	Трудности соблюдения одинаковых условий оценки альтернатив	Не является дискриминирующим признаком	Не является дискриминирующим признаком
8	Неосознанные ассоциации с предшествующим опытом	В сильной степени	В слабой степени
9	Склонность к выбору обратимых/необратимых (быстро исполнимых/отложенных) решений	Не является дискриминирующим признаком	Не является дискриминирующим признаком
10	Предпочтение решений, обладающих/не обладающих признаками новизны	Не является дискриминирующим признаком	Не является дискриминирующим признаком
11	Предпочтение обратимых/необратимых решений	Предпочтение необратимых решений	Предпочтение обратимых решений
12	Неосознанное нежелание оставаться в заданных пределах множества допустимых альтернатив	В сильной степени	В слабой степени
13	Антипатия к выбору наилучшего варианта	В слабой степени	В сильной степени
14	Предпочтение традиционных процедур принятия решений	В слабой степени	В сильной степени

Данная таблица не означает, что можно определить психологические характеристики агента, вызывающие отклонения от рациональности, на основании его принадлежности к типу *homo economicus* или *homo institutus*. Принадлежность к тому или другому типу определяет характер цели и ограничений, но не их непосредственное выражение. Соответственно, не могут быть выявлены на базе *HE-HI*-анализа и характеристики органической иррациональности субъекта. Поэтому таблицу 2 следует воспринимать скорее как выражение некой корреляции.

Заметим: предложенная классификация «*homo economicus* – *homo institutus*» отличается от традиционного деления агентов на «предпринимателей» и «наемных работников». Для того, чтобы быть предпринимателем, вовсе не обязательно принадлежать к типу *HE*, поскольку предприниматель может преследовать разнообразные цели, в том числе – организацию, укрепление и расширение бизнеса как такового; часто в текущем аспекте такая цель может конкретизироваться в виде чисто институциональных мероприятий (например, заключения престижного контракта). С другой стороны, далеко не каждый индивид, ориентированный на накопление материально-финансовых ценностей, склонен к предпринимательской деятельности; он может успешно продвигаться к достижению своей цели и будучи наемным служащим. Каждый из читателей может найти таких людей среди своих коллег и знакомых.

Как можно выявить принадлежность агента к типу *homo economicus* или *homo institutus*? Ответы на прямые (в рамках интервьюирования агента или заполнения им анкет) вопросы по поводу предпочтения материальных или символических ценностей не могут стать достоверной базой для классификации. Лучше всего дифференциация достигается в ходе анализа результатов структурированных интервью, в которых беседа направлена на оценку *прошедших* этапов в жизни индивида. Каковы эти этапы; были ли они, по мнению субъекта, успешными или неуспешными; в чем состоит этот успех или неуспех; как испытуемый оценивает положение своих коллег, в чем видит их успехи или поражения; чем интервьюируемый может пожертвовать для достижения успеха. Такого рода вопросы дают возможность отнести индивида к одному из двух типов.

Перспективным представляется «*HE-NI*-анализ» вариантов решения проблемной ситуации «принципал – агент» на предприятиях. Если воспользоваться описанием четырех типов предприятий, приведенным в (Олейник, 2000) и выделяющим отечественное предприятие периода командной экономики («предприятие К») и периода переходной экономики («П»), типовое американское предприятие («А») и японское предприятие («J»), то можно кратко охарактеризовать указанное соответствие *HE-NI*-типов работников и руководителей предприятий и типа предприятия в целом с помощью таблицы 3.

Таблица 3

**Соответствие
между типами работников и руководителей и типами предприятий**

	Типы предприятий			
	«К»	«А»	«J»	«П»
Руководитель (директор)	<i>NI</i>	<i>HE</i>	<i>HE</i>	<i>HE</i>
Работники	<i>NI</i>	<i>HE</i> и <i>NI</i>	<i>NI</i>	<i>HE</i>

Разумеется, классификация «*HE-NI*», как и каждая типология, является результатом абстрагирования, и каждый конкретный субъект может сочетать черты *HE* с чертами *NI*. Вместе с тем хотелось бы выделить не просто смешанные *HE-NI*-варианты агентов, а некий специфический тип, в котором черты *HE* и *NI* не только сочетаются, но и определенным образом взаимодействуют. Речь идет об агентах, осознающих или ощущающих недостаточность или ограниченность каждого из рассмотренных критериев (экономических или символических ценностей) и меняющих предпочтения экономических и символических ресурсов более или менее регулярно, чередующие, *альтернирующие* их. Такой тип можно было бы назвать *homo alternatus*. Можно представить себе, наконец, и четвертый тип, как бы замыкающий классификацию «*HE-NI*»: субъекта, беспорядочно или хаотично меняющего типы критериев принятия решений – *homo oscillatus*. Рассмотрение этих типов требует отдельного исследования и выходит за рамки настоящей работы.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

«В экономической системе идет непрерывный и массовый децентрализованный процесс выбора экономическими агентами различных форм обменных и иных институтов. Этот выбор представляет собой конкуренцию институтов, что предполагает существование институционального рынка, на котором осуществляются явные (действия индивидов, непосредственно направленные на изменение существующего институционального устройства) и неявные (совместные действия на основании того или иного правила) институциональные сделки. <...> Центральной характеристикой институционального рынка, как, впрочем, и любого другого рынка, является механизм осуществления институционального выбора, сопоставления выгод и прямых и косвенных издержек, связанных с таким выбором» (Тамбовцев, 2001). По моему мнению, рациональный характер индивидуального институционального выбора, который подразумевается данным подходом, имеет мало общего с реальным процессом принятия решений. Проведенное выше рассмотрение общих психологических предпосылок отклонения от рациональности агентского выбора позволяет утверждать, что иррациональный выбор является значительно более распространенным явлением, чем рациональный. В самой существенной степени это относится к институциональному выбору.

Институциональный выбор имеет целый ряд отличий от функционального. Первое заключается в неопределенности альтернатив. Как правило, в качестве институциональной альтернативы выступает не само решение, а его образ, формирующийся у агента на основании весьма приблизительных данных. В качестве примера вспомним, каким образом происходил в стране институциональный выбор между централизованным и рыночным способом организации общества и экономики. Состав альтернатив («киного не дано») и их образы по самым разным причинам (от злонамеренности до наивности) были сформированы с упором не на рациональный анализ, а на эмоциональное восприятие. В результате реальное множество альтернатив до сих пор остается неизвестным и служит предметом дискуссий.

В условиях неопределенности образа будущего института основной компонентой анализа становится не сам институт, а будущая позиция агента по отношению к институту. Выражаясь словами К.С. Станиславского, анализ «искусства в себе» подменяется анализом «себя в искусстве». Такой подход неизбежно связан с аберрацией восприятия.

Еще одной особенностью институционального выбора по сравнению с функциональным является сильное влияние групповых (общественных) установок. Институциональный выбор редко осуществляется в одиночку, редко бывает индивидуальным. Вопросы формирования обобщенной модели выбора, учитывающей влияние групповых установок, рассмотрены в работах Ю.Н. Гаврильца (см., напр., Гаврилец, 2002).

Обычно считается, что индивидуальный институциональный выбор для каждого агента заключается в принятии или отторжении данного института и имеет, таким образом, бинарный характер: «агент предьявляет положительный или отрицательный спрос на институт в зависимости от того, считает ли он этот институт “полезным” или “вредным”» (Полтерович, 2001). Такой же точки зрения на институциональный выбор придерживается и В.Л. Макаров (Макаров, 2003). Вместе с тем в упомянутой работе В.М. Полтерович говорит также и о других вариантах институционального выбора, в частности, о создании «групп давления». Для более детального моделирования институционального выбора в (Полтерович, 2001) говорится даже о возможности использовать непрерывную шкалу институционального выбора: «возможно, сторонник института готов уплатить некоторую сумму денег за его внедрение и поддержку, а противник — за отмену и сохранение действовавшей ранее нормь». В этом случае институциональный выбор — это точка в положительной или отрицательной части действительной оси.

Таким образом, в первом случае шкала представляет собой множество значений булевой переменной, во втором — множество действительных чисел. Представляется, однако, что наиболее адекватный выбор шкалы лежит «посередине» между булевой и количественной шкалами.

Для классификации ролевого поведения агентов по отношению к институциональной динамике предлагается выделить

следующие виды участия агентов в институциональной динамике: осознание потребности в институте; формулирование его сущности; продвижение (включая агитацию, лоббирование и т. п.); исполнение обязанностей, налагаемых на агента членством в данном институте; поддержание функционирования института.

Каждый социально-экономический агент может на этих стадиях исполнять одну из следующих ролей:

- *адаптер* – субъект, способный воспринимать общественные ощущения, связанные с институциональной потребностью в данном институте или с ее отсутствием;
- *инициатор* – субъект, активно участвующий в создании (формировании) данного института;
- *прозелит* – горячий сторонник введения и распространения нового института;
- *пропагандист* – приверженец данного института, лоббист, активно распространяющий позитивную информацию об этом институте;
- *дистрибьютор* – лицо, уполномоченное помогать субъектам в адаптации к данному институту, предоставлять необходимые документы, разъяснять особенности функционирования применения института;
- *контролер* – лицо, осуществляющее мониторинг процесса функционирования и распространения института и контролирующее нарушения данной нормы;
- *реципиент* – агент, принимающий решение следовать данной норме (примкнуть к данному институту).

По первоначальному смыслу наименования этих «ролей» соответствуют положительному отношению к институту. Симметричным образом их можно рассматривать как роли агентов, отрицательно относящихся к данному институту и препятствующих его формированию и внедрению. По нашему мнению, нет нужды во введении для «отрицательных» ролей новых терминов – в случае необходимости можно использовать надстрочные знаки «+» или «-». Так, «реципиент⁺» – это агент, принявший решение следовать данному институту; «реципиент⁻» – агент, принявший решение не следовать данному институту; «инициатор⁻» – лицо, активно препятствующее созданию института; «прозелит⁻» – горячий противник внедрения данного института

и т. д. Для обозначения нейтральной роли и индифферентного отношения агента на том или ином этапе образования данного института можно использовать термин «статист».

Таким образом, институциональный выбор в данном подходе отражается с помощью 15-элементной, частично упорядоченной (по степени вовлеченности в процесс формирования института) шкалы.

Отметим, что обычно считается, что формирование у агента отрицательного или положительного отношения к данному институту – это результат рационального выбора, в то время как выбор позиции в рамках шкалы «кадаптера» до «контролера» является результатом сочетания личных качеств со складывающимися обстоятельствами (аналогия – процесс распределения ролей в труппе театра). По нашему мнению, для условий нашей страны ситуация не такова. Сначала агент осуществляет выбор желаемой ролевой позиции (грубо говоря, должности) и лишь после этого определяет, по какую сторону от «нуля» она будет расположена. Смена субъектом знака с «+» на «-» по отношению к тому или иному институту в обществе *homo institutus* происходит быстро и безболезненно (достаточно вспомнить современных «большевиков со свечками»).

Как влияют на институциональный выбор отклонения от рационального поведения? Для обобщенного анализа этого вопроса рассмотрим влияние органической иррациональности на выбор в соответствии с четырьмя группами ошибок рационального выбора. Речь идет об ошибках в процессах:

- 1) идентификации целевых установок и допустимого множества;
- 2) формирования отношения предпочтения на множестве альтернатив;
- 3) отделения реально значимой и допускающей интерпретацию информации от сопутствующей;
- 4) выбора наилучшей альтернативы.

Для институционального выбора осознание и формулирование цели представляет особую трудность. Ввиду того, что принадлежность к институту относится к числу так называемых стратегических решений (Стратегии бизнеса, 1998), речь должна идти об идентификации долгосрочных целей. Это про-

цесс, требующий особых условий и серьезных мыслительных и иных затрат. Поэтому на практике цель во многих случаях институционального выбора не является существенным параметром при позиционировании агента по отношению к институту. Склонность агента к мнимому целеполаганию, конечно, может существенным образом исказить его «истинную» позицию; при этом в качестве мнимой цели может выступать само занятие позиции. Это имеет место, в частности, если индивидуальный выбор индуцируется групповыми предпочтениями, что весьма часто имеет место по отношению к институциональному выбору.

Трудности разграничения реальных и нереальных вариантов действий обычно не возникают, поскольку выбор вариантов существенно ограничен.

Формирование агентом индивидуальных «позиционных» альтернатив по отношению к институту (в частности, выделение позиций, аналогичное представленному выше) вызывает обычно серьезные трудности и часто выходит за рамки ограниченного во времени процесса. Это создает дополнительные препятствия для рационального исследования ситуации. Что же касается выбора наилучшей альтернативы, то наиболее влиятельными здесь оказываются факторы, связанные с субъективной или даже эмоциональной оценкой последствий от выбора той или иной альтернативной позиции. Как правило, имеющаяся в распоряжении агента информация недостаточна для объективного сравнения альтернатив, и роль играют либо входящие или чисто эмоциональные ситуативные факторы, либо перенос предыдущего опыта (в позитивном ключе: «раньше так жили, и ничего», либо в негативном: «это мы уже проходили, и ничего хорошего не получилось»). Вообще в институциональном выборе рациональная компонента оценки обычно существенно ниже, чем в других ситуациях принятия экономических решений. Значительно большее значение имеет психологическая конституция личности, в том числе склонность к консерватизму/новациям.

В целом органическая иррациональность агентов в большей степени проявляется именно в институциональном выборе. В частности, большое значение имеет принадлежность к *НЕ-*

или *HI*-типу. Ниже описываются роли этих агентов на каждой из стадий появления нового института.

Осознание потребности в институте. Позиции *HE* и *HI* здесь могут в равной степени быть весомыми. *HE* как денежно ориентированному субъекту легче ощутить внутреннюю потребность в новом институте, найти пути использования (или обход) предлагаемой нормы, однако его меньше волнуют вопросы формализации, поддержания, институционализации данного новшества. Наоборот, *HI* вряд ли ощутит нужду в новом институте, поскольку он ориентирован на существующую структуру норм, однако он в состоянии осознать (по аналогии с существующими в его окружении или в других странах) предметно оформленную институциональную потребность. В случае, когда общественная потребность начинает затухать, *HI* раньше, чем представители другого типа, может ощутить наступление данной стадии институционального цикла.

Формулирование сущности института. Здесь роль *HI* представляется более значимой, поскольку данный тип свободно владеет аппаратом формулирования и легче осознает «кустовой», системный характер институциональных норм.

Инициирование и продвижение института. Зачастую основными инициаторами введения института выступают более пассивные представители *HE*-типа. В это же время субъекты типа *HI* играют роль дистрибьюторов и распространителей информации об институте с целью расширения числа его носителей. *HE* могут, не меняя своей целевой функции, рано или поздно обучиться находить «лазейки» в любой системе норм. Вместе с тем некоторое меньшинство представителей типа *HI* может образовывать сообщество антагонистов данной нормы и содействовать развитию того самого «антиинститута», на возможности возникновения которого указывал В.М. Полтерович.

Исполнение норм. Если представители типа *HI*, как правило, поддаются убеждению и склонны к выполнению предписываемых и вводимых вновь норм, то *HE* стараются расширить свои институциональные ограничения и обходить имеющиеся нормы. Следует отметить, что распространение институтов обязано особенностям поведения *HI*, для которых характерно «заразительное» для личностей такого же типа поведение. Поэтому в

случае, если фактические носители двух различных норм – старой и новой – состоят из личностей типа *HI*, то автоматически возникает как бы третья норма, представляющая собой «пересечение» этих норм, фактическим носителем которой быстро становится теоретико-множественное объединение носителей исходных норм.

Поддержание или завершение действия нормы. Контроль за исполнением норм – традиционная функция экономически ориентированных агентов, институционально-ориентированные агенты здесь чаще занимают второстепенные позиции. Велика роль *HE* и в качестве провозвестника наступления завершающих этапов жизненного цикла института.

В таблице 4 суммировано ролевое распределение *HI*- и *HE*-типов в процессе введения и институционализации норм.

Таблица 4

Участие *homo economicus* и *homo institutius* в различных стадиях реализации жизненного цикла института

Стадия	Роль <i>homo institutius</i>	Роль <i>homo economicus</i>
Осознание потребности	Адаптер	Адаптер, инициатор
Формулирование потребности	Прозелит, пропагандист	Статист, антагонист
Продвижение	Дистрибьютор/антагонист	Статист
Исполнение	Реципиент	Реципиент-имитатор
Поддержание/завершение	Статист/реципиент	Контролер/адаптер

В принципе, все отмеченные выше особенности психологической структуры личности агентов оказывают влияние на результаты принятия агентами любых социально-экономических решений, в том числе и при выборе социально-экономическим агентом решения относительно включения в систему функционирования того или иного института или следования той или иной норме индивидуального поведения. Может показаться, что применительно к проблеме принятия первичного институционального решения, то есть решения о следовании той или иной норме, влияние психологических факторов на результат выбора в сторону его «иррационализации» невелико, поскольку ситуация представляется более простой, чем в общем случае принятия социально-экономических решений: выбор часто носит дихотомический характер. Поэтому в обществе

homo institutius долгосрочные эффекты мероприятий, связанных с чисто экономическим стимулированием агентов к принятию тех или иных решений, ограничены. Это обстоятельство следует учитывать при выборе средств целенаправленной трансформации институциональных систем.

Бинарная ментальность сказывается не только на принятии текущих социально-экономических решений, но и на результатах метаконкуренции институтов. В результате основополагающие общественные институты также носят бинарный характер.

Приведем в заключение важнейшие выводы, касающиеся процедуры осуществления и содержания институционального выбора:

1. Сфера рационального в ситуации институционального выбора существенно ниже, чем в ситуации функционального выбора.

2. На первый план в ситуации институционального выбора выходят внецелевые факторы, в первую очередь – отражающие влияние тех видов информации, которые не являются релевантными содержанию ситуации принятия решений, а относятся к ее форме, носят характер эмоционального воздействия.

3. Индивидуальный институциональный выбор в значительной степени базируется на предшествующем жизненном опыте агента и тех чертах его личности, которые отражают степень его консерватизма или, наоборот, стремления к новизне.

4. Для создания страновой институциональной системы, адекватной особенностям населения и принятой стратегии развития страны, необходимо развитие специального вида маркетинга – институционального, позволяющего осуществлять сегментацию агентов в соответствии с их психологическими особенностями и воздействовать на те или иные сегменты с помощью внерациональных методов мотивации агентов.

5. В обществе *homo institutius* неустойчивость агентского институционального выбора должна быть амортизирована специальными механизмами обеспечения эволюционного процесса институциональных изменений.

6. Подход к исследованию влияния психологических характеристик агентов на институциональный выбор, представленный в данной работе, является частью развиваемой автором общей концепции многоуровневого взаимообусловленного анализа экономики как в структурно-институциональном, так и в фун-

циональном разрезе. В рамках этого подхода проблема институциональной эволюции из чисто экономической должна быть переведена в комплексную научную область, включающую, кроме экономических, смежные социальные, психологические, исторические и другие исследования.

Литература

Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия: Логические основания конституционной Демократии // Бьюкенен Дж. Сочинения. М.: Таурс Альфа, 1997.

Вайзе П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // THESIS. 1993. Вып. 3.

Гаврилец Ю.Н. Опыт статистического оценивания параметров модели формирования установки // Современные проблемы микро-математического моделирования. М.: ТЕИС, 2002.

Дементьев В.Е. Квазиинтеграция в фокусе институциональной теории // Вестник Государственного института управления. Серия «Институциональная экономика». 2001. № 2.

Джонс Л. Homo hierarchicus: Опыт описания системы каст. СПб.: Евразия, 2001.

Ерзнкян Б.А. Человек институциональный, или Эволюция концепции homo economicus // Вестник Государственного университета управления. Серия «Институциональная экономика». 2000. № 1.

Институциональная экономика: Учеб. пособие / Под ред. Д.С. Львова. М.: ИНФРА-М, 2001.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли: (IX–XXI вв.): В 2 т. Т. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

Клейнер Г.Б. Особенности процессов формирования и эволюции социально-экономических институтов в России: Препринт. М.: ЦЭМИ РАН, 2001.

Корнай Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4–22.

Макаров В., Клейнер Г. Бартер в России: институциональный этап // Вопросы экономики. 1999. № 4.

Макаров В.Л. Исчисление институтов // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39, № 2.

Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3.

Олейник А.Н. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2000.

Полтерович В.М. Трансплантация институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.

Стратегии бизнеса (аналитический справочник) / Под ред. Г.В. Клейнера. М.: КОНСЭКО, 1998.

Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика. М.: ИЭ РАН, 2001.

Тамбовцев В.Л. Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопросы экономики. 1997. № 3.

Тамбовцев В.Л. Институциональный рынок как механизм институциональных изменений // Общественные науки и современность. 2001. № 5.

Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2000.

Camic C. Structure after 50 Years: the Anatomy of a Charter // *American Sociological Review*. 1989. № 95 (1). Pp. 38–107.

Searle J. *The Construction of Social Reality*. N. Y.: Free Press, 1995.

¹ Существовавшее и соблюдавшееся в течение нескольких десятилетий конвенциональное разделение предметов исследования социологии («ценность») и экономики («стоимость») (см., напр., Camic, 1989) выглядит сегодня на микроуровне особенно искусственным.

² Вместе с тем обращение с безусловно важным принципом институтоцентризма требует аккуратности. Если любой фактор, оказывающий воздействие на процесс совместной деятельности людей и его результаты, «действует через институты и благодаря институтам» (Институциональная экономика, 2001, с. 39), то это совсем не означает, что «некорректно говорить о “мире институтов”, поскольку социального мира вне институтов попросту не существует» (Иншаков, Фролов, 2002, с. 284). Мир институтов всепроникающ, но не всеобъемлющ. Кроме институтов, в социальном мире действуют интересы, ожидания, намерения, культурные артефакты и т. д.

³ Ни в каком обществе эти два критерия не совпадают, можно говорить только о коррелированности этих показателей. Для России их расхождение наиболее очевидно.

⁴ Контраст между двумя типами личности можно проиллюстрировать на примере Плюшкина и Ноздрева – персонажей поэмы Н. Гоголя «Мертвые души». Если первый (корыстолюбец) озабочен сохранением и приращением вещественных и денежных ценностей, то второй (честолюбец) идет на все ради завоевания внимания и интереса любой, пусть даже временной, аудитории. Разумеется, оба персонажа представлены в шаржированном виде, но различие в ориентации весьма показательно.

⁵ Независимо от автора и в другом смысле (как развитие концепции *homo economicus*) это понятие использовал также Б.А. Ерзнкян (см.: Ерзнкян, 2000). В литературе также известны категории «работающий человек» (*working man*), «политический человек» (*political man*), «контрактный человек» (*contractual man*) (Уильямсон, 1996), «социологический человек» (*sociological man*) (Вайзе, 1993), «иерархический человек» (*hierarchical man*) (Джонсон, 2001), «исторический человек» (*historical man*). Эти понятия, однако, использовались в качестве научных абстракций, а не как классификационные категории. Поэтому окончательное расставание с концепцией «экономического человека», объявленное Дж. Ходжсоном (часть вторая книги Ходжсона так и называется: «Прощай, "экономический человек"!») – см.: Ходжсон, 2003), по нашему мнению, преждевременно.

⁶ Предлагаемая классификация связана с предложенной в (Макаров, Клейнер, 1999) типологией личностей на две группы: ориентированных, соответственно, на «мир денег» и «мир товаров». Представители первой группы предпочитают обмены типа «товар – деньги», представители второй – обмены «деньги – товар», а также «товар – товар». Именно благодаря поддержке членов второй группы в России объем бартера многократно превосходил уровень, допустимый в рыночной экономике. Таким образом, если говорить о более глубокой дифференциации, то следовало бы различать «денежно-ориентированных», «товарно-ориентированных» и «институционально-ориентированных» агентов. В рассматриваемом контексте мы объединяем две первые группы в одну – *homo economicus*.

Глава 4

«ЧЕЛОВЕК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ» КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АКТОР *

«Человек институциональный» (*homo institutus*; далее – *HI*) в роли актора хозяйственной системы является антиподом «человека экономического» (*homo economicus*; далее – *HE*) – главного действующего лица классической экономической теории А. Смита с его атомистической моделью рынка в качестве методологического ядра, где каждый индивид заботится лишь о собственной выгоде, а рыночная «невидимая рука» обеспечивает благосостояние общества в целом.

В роли трансактора, то есть взаимодействующего лица, *HI* остается, пожалуй, вне конкуренции: неоклассическая теория особенно не интересуется взаимодействием людей, считая это выходящим за рамки собственно экономики, несмотря на то, что сам А. Смит не был так вульгарен, как многие его последователи, и прекрасно понимал, что экономическую жизнь «невозможно понять отдельно от обычаев, нравов и устоев конкретного исследуемого общества» (Фукуяма, 2004, с. 31). Экономическая жизнь укоренена в социальной жизни, а стало быть, неотделима от культуры; само наличие институтов является культурным феноменом, и концепция *HI* в отличие от концепции *HE* это фиксирует. Для понимания феномена взаимодействия важное значение имеет понятие *доверия*. Позиция, которая пытается примирить неоклассическую теорию с институциональной, *HE* с *HI*, напротив, обходится без этого понятия, более того, усиливает обычный эгоизм *HE*, заменяя его на *оппортунизм*, что в итоге приводит к появлению *модифицированного «человека экономического»*.

В отличие от *HE* (неограниченно рационального человека неоклассической теории или ограниченно рационального человека неинституциональной теории), *HI* руководствуется в своих оценках и поступках скорее институтами, нежели разумом.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 03-02-00140а.

Такой человек воспринимает «внешний мир путем переработки информации с помощью пред-существующих ментальных конструкций, обеспечивающих понимание окружающего и решение возникающих проблем» (Норт, 1997, с. 37). При этом сам он может и не осознавать, что его разум находится во власти институтов, которые манипулируют рациональным или ограниченно рациональным выбором индивида в такой мере, что позволяют нам говорить о таком индивиде, как о человеке институциональном. Обитая в устойчивом пространстве экономических взаимодействий, «человек институциональный», образно говоря, «насквозь пропитан» институтами — формальными и неформальными «правилами игры», включающими как законы и конституции, так и договоры, и кодексы поведения, а также факторы принуждения, структурирующие взаимодействия.

В расширительной трактовке к институтам можно отнести и устойчивые стереотипы умонастроения, и витающие в воздухе идеи. На влияние, которое оказывают они на людей, прямо указывал Дж.М. Кейнс в своей знаменитой работе «Общая теория занятости, процента и денег»: «Идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого... Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей. Правда, это происходит не сразу, а по истечении некоторого периода времени... Но рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла» (Кейнс, 1993, с. 432).

И если «компьютер» (неважно, хороший или плохой, с неограниченными возможностями или с ограниченными), производящий вычисления полезности, находится у рациональных существ в голове, то у *НИ* он локализуется вовне — в институтах. Хотя сам «институциональный человек» может вносить свою лепту в создание и развитие институтов, от этого общая картина не изменяется: *НИ* является объектом институционального манипулирования и воздействия. Чтобы понять необходимость введения

концепции *homo institutus* и ее суть, следует пересмотреть базовые положения о поведении индивидов в функционировании экономики.

Для неоклассической экономической теории центральным является понятие *HE*. В рамках данного научного направления поведенческие аспекты, допущения, предположения относительно характера действий хозяйственных акторов представлены в основном в рамках двух теорий – потребления и фирмы. Согласно первой из них, потребители при принятии решения руководствуются стремлением к максимизации полезности, согласно второй – предприниматели стремятся максимизировать свою остаточную долю, то есть нормальную прибыль.

Такое поведение экономических акторов призвано разрешить основную проблему неоклассической теории, связанную с распределением и использованием ограниченных благ. Ее разрешение достигается посредством рационального индивидуального выбора. Существо, реализующее рациональный выбор, носит название «человека экономического», суть которого можно прояснить с помощью следующих характеристик.

Во-первых, *homo economicus* является изолированным субъектом, самостоятельно участвующим в экономических отношениях и преследующим при этом свои собственные, четко осознанные интересы. Во-вторых, он нацелен на максимизацию своей полезности, под которой на практике чаще всего понимается прибыль. В-третьих, для достижения своей цели такой субъект умеет и может осуществлять выбор из альтернативных решений. В-четвертых, этот выбор рационален, то есть осмыслен и нацелен на достижение максимальной личной выгоды. В-пятых, такой «индивид» располагает по определению устойчивой шкалой предпочтений, в противном случае процесс выбора застопорится и цель не будет достигнута.

По поводу перечисленного к настоящему времени высказано немало критических замечаний, которые в основном касаются проблемы максимизации. Что является объектом максимизации, в чьих интересах и в какие сроки должна она осуществляться, не следует ли вообще заменить максимизацию, скажем, на сатисфакцию? В зависимости от ответов на эти и другие воп-

росы концепция поведения «экономического человека» может претерпевать существенные изменения.

Такие изменения делают предположения о поведении индивида в экономической жизни более реалистичными. Разумность человека в целом не подвергается сомнению, но принятие во внимание ограниченности его познавательных, вычислительных способностей заставляет корректировать концепцию неограниченной рациональности в сторону ограниченной рациональности. «Человек-компьютер» таким и остается, но его «компьютер» перестает быть универсальным, всезнающим, превращаясь в реальный: бог с ней, с максимизацией полезности, если можно получить полезность удовлетворительную.

Сказанным, разумеется, изъяны модели *HE* не исчерпываются. Возникает вопрос: почему неоклассическая экономическая теория упорно придерживалась этой модели, о несостоятельности которой говорили многие, и в первую очередь – приверженцы институционализма. Ответ прост: модель рационального актора давала хорошо предсказуемые результаты, в то время как альтернативой ей мог бы стать «ящик Пандоры», таящий в себе бесконечное множество возможных вариантов иррационального поведения.

Неоклассическая трактовка *HE* рисует его в виде лишнего эмоций изолированного субъекта, чей разум озабочен исключительно проблемами максимизации собственной выгоды. В реальной жизни, несомненно, найдется масса таких субъектов, но для экономической теории, претендующей на адекватное описание экономической реальности, превращать таких людей в единицу анализа, мягко говоря, опрометчиво и некорректно.

По мере развития психологии, биологии, антропологии и других научных дисциплин, проливающих свет на биологическую сущность человека и механизмы принятия им решений, проблема выхода за рамки неоклассической интерпретации *HE* стала все более осознаваемой и начала выходить на первый план среди ученых-экономистов. Пионерами в этом стали приверженцы институциональной экономической теории.

Т. Веблен подверг критике концепцию рациональности и соответствующий ей принцип максимизации как основной в объяснении поведения экономических агентов. Его основная идея: ин-

дивидуальное поведение базируется на мощном фундаменте социально обусловленных правил, законов, привычек и стереотипов со всеми вытекающими отсюда последствиями (Veblen, 1919).

А. Сен сделал тонкое разграничение индивидуальных предпочтений. Согласно предположениям неоклассической экономической теории, индивидуальные предпочтения суть экзогенные, упорядоченные и стабильные. Проблема формирования предпочтений остается за рамками экономической теории, поскольку, по предположению, индивид осуществляет независимый рациональный выбор с целью максимизации своей полезности. В ответ на это А. Сен предложил отличать предпочтения (то, чего мы желаем) от метапредпочтений (то, чего, как нам кажется, нам следует желать) (Sen, 1977). Таким образом, А. Сен вводит социализированного индивида в анализ полезности как раздвоенную и рефлекторную личность, которая максимизирует свою полезность в акте выбора, находясь неизвестно на какой оценочной платформе. Такой индивид может игнорировать логику рынка, одновременно получая больше и имея меньше. Объяснение этого феномена требует социализированной идентичности, понимания путей аккумуляции индивидуальных обязательств во времени и усиления через социальную локализацию как внутри, так и вне рынка. Образование предпочтений перестает быть независимым, а Парето-оптимальность подвергается эрозии.

Г. Саймон предложил весьма плодотворную концепцию ограниченной рациональности (*bounded rationality*), которая подразумевает экономическое поведение, являющееся преднамеренно рациональным, но в объективно ограниченной степени, и отражает лимитированный характер познавательных способностей человека в получении, хранении, восстановлении и обработке информации. Если говорить о контрактах, то все сложные контракты неизбежно являются неполными по причине ограничений рациональности поведения человека.

Концепция Г. Саймона базируется на осознании «латентности» информации и на том, что человек не в состоянии собрать весь ее массив, необходимый ему для принятия оптимального решения, обеспечивающего получение максимума полезности. Чаще всего человек не знает о всех открытых для него возможностях, вследствие чего ему приходится ограничиваться лишь

доступной информацией. Можно сказать, что он поступает рационально (с учетом сделанных оговорок), но не сточки зрения стороннего наблюдателя, владеющего всем объемом информации. Идея об ограниченной рациональности поведения акторов помогла объяснить некоторые изъяны модели рационального выбора, оставив вне своего ракурса многие другие.

Люди стремятся быть эффективными обработчиками информации, то есть «людьми-компьютерами», но ее принципиальная неполнота — это отнюдь не главная проблема. Ведь люди осуществляют действия с систематическим совершением ошибок оценочного характера (*systematic judgmental errors*), которые (действия) Р. Фрэнк относит к *иррациональному поведению с сожалением* (*irrational behavior with regret*), поскольку люди обычно хотели бы поступить иначе, как только последствия их поведения проясняются. Данный тип поведения следует отличать от *иррационального поведения без сожаления* (*irrational behavior without regret*).

Нашему пониманию институционального выбора ближе иррациональное поведение без сожаления, в то время как концепция ограниченной рациональности во многом пересекается с моделью рационального поведения с сожалением, а под так называемой институциональной рациональностью будет пониматься рациональное поведение без сожаления.

Вообще-то, следуя А. Смитту, рациональность можно трактовать как синоним эгоистичности (*rational, self-interested behavior*). Но на основе строго эгоистической модели (*strict self-interest model*) возникают сложности даже при объяснении того, почему люди возвращают пропавшие вещи их законным владельцам.

Под сомнение общепринятые представления о рациональном характере управленческой деятельности ставят сторонники экзистенциального менеджмента (60–70-е гг. XX века), которые в противовес традиционному использованию формально-аналитических построений и эмпирических исследований как основного инструмента науки об управлении акцентируют значение личных переживаний и жизненных ситуаций субъектов действия, не поддающихся эмпирической верификации. Теоретическим источником этого направления является экзистенциальная ориентация в социологии, опирающаяся на философию Кьеркегора, Сартра и

Каю. В основе экзистенциального менеджмента лежит тот факт, что в реальной действительности менеджер далеко не всегда соблюдает требования научной организации труда и управления, часто нарушает их и ведет себя самым непредсказуемым образом.

В последнее время проблема воздействия эмоций на процесс и результат выбора начинает привлекать внимание также и экономистов, ранее, по существу, игнорировавших эту проблему (см., например: Elster, 1998). Таким образом, экономические агенты приобретают черты не только разумных созданий, но и существ, обладающих страстями (passions) и эмоциями (emotions). Но дело не только в «пассиях» и эмоциях, а в том, что сам разум – относителен. Институты (как системы отсчета) задают эту относительность. Предлагаемая нами концепция фактически является концепцией относительного выбора (в меру рационального, в меру эмоционального).

Теория и практика управления, не довольствуясь узкорационалистическим подходом к человеку, наделяет его чертами человека организационного. Такой человек не только вычисляет, но и общается с другими людьми, сосуществует в организации, выполняет возложенные на него функции и, в целом, делает много полезного, а возможно, бесполезного и даже вредного для организации. Здесь используются такие концепции индивидуального поведения, определяющие методологию, методы и инструментарий управления, как «социальный человек», «административный деятель», «безукоризненный исполнитель», «комплексный человек» и др. Учет психологических, эмоциональных и иных экзистенциальных факторов приводит к трактовкам человека как психологического существа, сгустка нервов, экзистенциального субъекта и т. д. Если подытожить все представления о природе человеческого поведения, развиваемые в управленческих (организационных) науках, то можно прийти к выводу об эволюции концепции человека от «экономического животного» до человека-личности.

HI – открытое существо. В общем случае он воздействует на институты, формируя их, и сам же подвергается их воздействию. Эти две особенности институционального человека могут быть развиты в людях неравномерно. В процессе разделения труда одни из них могут специализироваться на производстве (формирова-

нии) институтов, другие – быть пассивными объектами институционального воздействия. Так, правове­ды, языковеды, специа­листы в области рекламы и PR и т. п. в меру своих сил и воз­можностей, а также исполняя тот или иной заказ, могут в раз­личной степени подвергать людей прямому или косвенному ин­ституциональному воздействию. Их можно назвать специалистами по институциональным технологиям. Другие (потребители, граждане, избиратели) – это действующие, как им кажется, сознательно, а на самом деле – якобы рациональные люди, оперирующие в регламентированном институциональном про­странстве. Такие детерминация и регламентация могут быть раз­личными: институты могут создать кантовского человека, испы­тывающего трепет и изумление перед звездным небом над голо­вой и нравственным законом внутри себя, но они же могут сформировать и разного рода монстров.

Рассмотрим теперь рынок как институт. Образно говоря, нео­классический экономист видит в рынке «бестелесное существо», лишенное протяженности во времени и пространстве, причем это существо без свойств. Оно наличествует в головах у экономистов, на практике же в силу своей «бестелесности» просто-напросто от­сутствует. В ходе осуществления тран­сакции обмена предполагается, что реально фигурируют только продавец и покупатель, но рынка, их сводящего, нет; он лишь служит спасительной метафорой для объяснения факта свершения тран­сакции.

«Институциональный» экономист (в отличие от своего нео­классического собрата) наделяет рынок «плотью», благодаря чему тот обретает экзистенциальное (в противоположность менталь­ному) существование – во времени и пространстве. У такого существа появляются свойства: он – посредник между продав­цом и покупателем, и без него сам процесс тран­сакции обмена неосуществим. Но «институциональный» экономист не доволь­ствуется лишь экзистенциальной сущностью рынка: рассматри­вая его в историческом плане, он замечает, что под воздействи­ем традиций, обычаев, норм, правовых актов и прочих, как теперь принято говорить, «правил игры» рынок формируется, организуется, меняется, эволюционирует, то есть, одним сло­вом, институционализируется. И поскольку рынок выступает как институт, любая рыночная тран­сакция наполняется физическим

содержанием, которое характеризуется местом действия, сроками, вовлеченными лицами и др.

Обычный предприниматель, комбинируя факторы производства, добивается своих целей, «институциональный» же предприниматель создает не новаторские товары и методы производства, а институциональную структуру. Так, национальный рынок в Англии в XVII–XVIII вв. возник не путем расширения местных сетей обмена, а был «социально сконструирован *de novo* особой группой институциональных предпринимателей. Их усилиями рынок-место был замещен нуль-местным рынком, в котором способности потребителей контролировать цены были радикально ослаблены» (Friedland, Robertson, 1990, p. 7).

Все вышесказанное можно подытожить следующим образом: «...проблема гармонизации рационального поведения индивидуумов и максимизации благосостояния общества не может быть решена в границах *атомарного экономического мировоззрения*. Необходима его замена *парадигмой социализации*» (Гринберг, Рубинштейн, 1998, с. 10).

Поведение *HI* как хозяйственного актора сродни поведению «идеологического человека», каким он представлен в следующих рассуждениях Г. Саймона и Д. Норта.

«Если мы признаем ценности объективными и данными извне, если мы постулируем объективность описания мира таким, каков он на самом деле, и если мы считаем, что индивид, принимающий решения, располагает неограниченной способностью производить вычисления и расчеты, то из этого последует два очень важных вывода. Во-первых, нам не нужно проводить различие между реальным миром и его восприятием со стороны индивида, принимающего решения. Индивид воспринимает мир таким, каким он действительно является. Во-вторых, мы можем предсказать выбор, который будет сделан рациональным индивидом, исключительно на основе наших знаний о реальном мире, и нам не обязательно знать, как индивид воспринимает мир и вырабатывает решение. (Но, конечно, нам нужно знать его функцию полезности.)

С другой стороны, если придерживаться взгляда на существенную ограниченность знаний индивида и его способности к вычислениям и расчетам, то следует проводить различие между

реальным миром и его восприятием со стороны индивида. Иными словами, мы должны выработать теорию процесса принятия решений (и проверить ее эмпирически). Эта теория должна описывать не только мыслительный процесс, но и процесс выработки в сознании индивида субъективного представления о стоящей перед ним проблеме, требующей решения, и его внутреннюю систему координат.

В неоклассических теориях рациональный индивид всегда вырабатывает решение, которое объективно или по существу является наилучшим с точки зрения заданной функции полезности. Рациональный индивид когнитивной психологии следует такому процессу принятия решения, который разумен и обоснован с точки зрения доступного индивиду знания и методов расчета» (Simon, 1986, p. 210–211).

«В этих рассуждениях Саймону удалось, — пишет Д. Норт, — ухватить суть вопроса о том, почему субъективная и неполная переработка информации играет главную роль в принятии решений. Они объясняют, почему идеология, основанная на субъективном восприятии реальности, имеет важное значение для человеческого выбора. Они вводят понятия сложности и неполноты нашей информации, показывая, как мы пытаемся на ощупь расшифровать ее. Саймон обращает внимание на необходимость устойчивых стереотипов человеческого взаимодействия для того, чтобы справиться с этой сложностью, и полагает, что эти устойчивые взаимодействия, которые мы называем институтами, могут быть очень неадекватными или далеко не оптимальными (что бы мы ни понимали под оптимальностью)» (Норт, 1997, с. 41).

Изложенные выше взгляды Г. Саймона и Д. Норты на поведение человека, институты и идеологию близки к нашему пониманию этих понятий. Идеологию далее будем трактовать как «субъективное восприятие (модели, теории), которым располагают все люди для того, чтобы объяснить окружающий мир. Будь то на микроуровне индивидуальных взаимоотношений или на макроуровне организованных идеологий, дающих целостное объяснение прошлого и настоящего, таких, как коммунизм или религии, — в любом случае теории, создаваемые отдельными людьми, окрашены нормативными представлениями о том, как должен быть организован мир» (Норт, 1997, с. 41). Что же касается

отношения между знанием и идеологией, то они носят «характер двухсторонней зависимости: развитие знания формирует наше восприятие окружающего мира, что, в свою очередь, направляет наши исследовательские усилия... То, каким образом развивается знание, влияет на восприятие людьми окружающего мира и, следовательно, на то, как они [рационализируют,] объясняют и оправдывают его» (Норт, 1997, с. 100–101). Глагол, взятый в квадратные скобки, почему-то «выпал» из русского перевода. Между тем, именно термин «rationalize» является здесь ключевым, поскольку рационализация людьми окружающей среды выступает функцией восприятия ими мира, что равнозначно признанию институциональной природы рационального поведения.

Теперь мы «созрели» для введения понятия и концептуального описания «человека институционального». Здесь на первый план выходят не проблемы, связанные с преодолением ограниченности познавательных способностей человека или с получением информации, а проблемы логического характера. Вот что пишет Ф.А. Хайек, размышляя о конкуренции и рациональности: «Рациональное поведение вовсе не является логической посылкой экономической теории, как это часто изображается. Основное содержание теории предполагает скорее, что конкуренция заставляет действовать рационально (разумно), чтобы свести концы с концами» (Хайек, 1990, с. 119). Развивая эту идею, далее ученый добавляет: «Нет смысла быть более рациональным, чем другие, если это никак не вознаграждается. И, таким образом, *не рациональное поведение заставляет работать конкуренцию, а конкуренция или традиции, допускающие конкуренцию, толкают к рациональному поведению*» (курсив наш. — Б. Е.) (Хайек, 1990, с. 120). В этих словах Ф.А. Хайека, как представляется, находится ключ к пониманию природы «институционального человека». Именно институты (традиции) предопределяют рациональное поведение человека, поэтому их множественность является определяющей для появления целого ряда видов рационального поведения.

Более того, современные достижения в социологии и психологии показывают, что некоторые образцы индивидуального поведения могут быть систематически повторяющимися в обществе, даже если они иррациональны. Экономическая наука инте-

решается исследованием предсказуемого поведения, В этой связи следует обратить внимание на существенную деталь: «... тот факт, что поведение не является в каком-то смысле рациональным, не означает, что оно непредсказуемо» (Stiglitz, 1992, p. 138). Кстати, упомянутый интерес науки может быть включен в экономические модели (см., например: Akerlof, 1982).

Итак, институты воздействуют на человека. Возникает вопрос: на человека непосредственно или на какие-то присущие ему атрибуты или действия, иначе говоря, на что человеческое воздействуют институты? Предпочтения, потребности, интересы, мышление или принимаемые решения? Возникает также вопрос идентификации «институционального человека» и характера его поведения. Рассмотрим эту проблему в трех измерениях – индивидуальном, групповом и общесоциальном.

Само понятие *НИ* является, разумеется, абстракцией. Он может «обитать в теле» конкретного реального человека, в большей или меньшей степени с ним пересекаясь. Но мы допускаем разные уровни абстракции. Что касается индивида, то антропоморфная идентификация «человека институционального» является само собой разумеющимся методологическим шагом. В случае с группой индивидов она, будучи сводима к индивидам, также антропоморфна. Следующей ступенью абстракции являются неантропоморфные «институциональные люди», в качестве которых могут выступать группы (обладающие собственными интересами и несводимые к отдельным индивидам), организации, общество в целом. Если неантропоморфные субъекты имеют статус юридических лиц или же не имеют формального статуса, но организационно оформлены, то применение к ним концепции человека институционального особых методологических трудностей, по-видимому, вызывать не должно. Сложнее ситуация с неформальными образованиями большого масштаба, таких как социум, который, будучи особым институциональным субъектом, весьма специфичен. Для его характеристики С.Н. Булгаков ввел понятие трансцендентального субъекта, под которым понимаются не отдельные человеческие индивиды, но «целокупное человечество».

«Истинным и притом единственным трансцендентальным субъектом хозяйства, олицетворением *чистого хозяйства*, или самой функции хозяйствования, является не человек, но челове-

ство. Хозяйство было бы невозможно и непонятно вне предположения о том, что существует такой трансцендентальный носитель хозяйственной функции, вносящий единство и связность в разрозненные акты хозяйства, их организующий» (Булгаков, 1990, с. 94). Такой трансцендентальный субъект есть одновременно «субъект и знания, и хозяйства, и истории» (там же, с. 99).

Общим основанием для всех уровней абстрагирования является институциональная природа *НИ*. От «лица» социума может выступать государство, соответствующим образом оформленное, организованное, институционализированное. В экономике социализма эти функции выполнялись комплексно, а в наши дни они разнесены по отдельным специализированным государственным институтам. В качестве носителя несводимых общественных потребностей государство является непосредственным участником рыночных отношений. Ряд принципов рационального поведения государства рассмотрены Гринбергом и Рубинштейном (1998). Но коль скоро государство – это *НИ*, то все сказанное выше приложимо и к нему.

Здесь уместно обратить внимание на имеющую место путаницу между понятиями «государство» и «общество». Государство представляет собой организацию, созданную «живущими на одной территории людьми в целях единообразного управления». Оно хоть и является необходимым условием развития общества, но ни в коем случае не идентично ему. Что касается общества, то оно представляет собой «набор самоорганизующихся структур, обладающих известной степенью свободы, которая и делает общество обществом». «В свободном обществе, – считает Ф.А. Хайек, – государство – одна из многих организаций, необходимых лишь для того, чтобы обеспечить внешние рамки, в которых зарождается и существует спонтанный порядок. Эта организация ограничена правительственным аппаратом и не определяет деятельности свободных индивидов. Государство может включать в себя множество добровольных организаций, но именно спонтанно развивающаяся сеть связей между индивидами и различными организациями составляет общество. Общество создает, государство создается» (Хайек, 1990, с. 208).

Но если каким-то образом суметь непосредственно институционализировать общество, хотя бы в смысле наделения его при-

знаками юридического лица, то социум может выступать в роли экономического агента, и тогда, в частности, общественная собственность приобретет действительный юридический смысл.

Интересные исследования в области группового и командного поведения в скором времени расширят наше понимание «человека институционального» (см., например: Bonini, Egidi, 1999). В отличие от *HE*, *homo institutus* может не следовать логике рынка. Так он поступает вслед за «раздваивающим» человеком А. Сена, игнорирующим логику рынка, вслед за человеком П. ДиМаджио, у которого социальная структуризация вкусов может привести к изменению (непостоянству) предпочтений.

Подобные черты мы встречаем и в модели человека Г.Б. Клейнера¹, который традиционное «отвращение» к риску (*risk aversion*) заменяет (дополняет) отвращением к самим элементам рационального выбора. В рациональном человеке нарастает отвращение к себе, возникает своего рода шизофрения. Он бунтует, хоть и пассивно, против рационализма и, как вариант, может эволюционировать в сторону «человека институционального». Возможно, в будущем из «недр» *HI* вырастет человек иной природы и атрибутики. Между интересами и институтами Г.Б. Клейнер помещает систему взаимных ожиданий, которая соединяет интересы и институты по горизонтали и по вертикали. Нерациональность поведения человека ассоциируется с распадом, говоря словами У. Шекспира, связи времен. Вот пять источников нерационального поведения по Г.Б. Клейнеру: отвращение к целеполаганию, выбору, границам выбора, рейтинговой деятельности, экстремальному выбору. Откуда же растет система взаимных ожиданий? Ответ Г.Б. Клейнера: на микроуровне. Эта система представляет собой протоинституты.

Еще одно фундаментальное различие между *HE* и *HI* заключается в том, что «компьютер», подсчитывающий полезность, у первого помещается в голове, а у последнего — в институциональной среде (в частности, в рынке). Идея перемещения «компьютера» из головы индивида в рынок почерпнута нами у американского институционалиста Ф. Мировски.

Литература

- Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М.: Наука, 1990.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. К общей теории социальной экономики // Труды научного семинара «Неизвестная экономика». Вып. 6. М.: ЦЭМИ РАН, 1998.
- Кейнс Д. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. М.: ЭКОНОВ: Ключ, 1993. С. 137–432.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
- Хайек Ф.А. *Общество свободных*. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990.
- Akerlof G.A. Labor Contracts as Partial Gift Exchange // *Quarterly Journal of Economics*. 1982. Vol. 97 (Nov.). P. 543–569.
- Bonini N., Egidi M. Cognitive Traps in Individual and Organizational Behavior: Some Empirical Evidence: WP 1999-04 / CEEL. 1999.
- Elster J. Emotions and Economic Theory // *Journal of Economic Literature*. 1998. 36. P. 47–74.
- Friedland R., Robertson A.F. Beyond the Marketplace // R. Friedland, A.F. Robertson (ed.). *Beyond the Marketplace. Rethinking Economy and Society*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1990. P. 3–49.
- Sen A. Rational Fools: a Critique of the Behavioral Foundations of Economic Theory // *Philosophy and Public Affairs*. 1977. 6 (4). P. 317–344.
- Simon H. Rationality in Psychology and Economics // *The Behavioral Foundations of Economic Theory. Journal of Business (supplement)*. 1986. 59. P. 209–224.
- Stiglitz J.E. Another Century of Economic Science // *The Future of Economics / J.D. Hey (ed.)*. Oxford (UK) & Cambridge (USA): Blackwell, 1992. P. 134–141.
- Veblen T. *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays*. N.Y.: Huebsch, 1919.

¹ Далее изложена интерпретация концепции Г.Б. Клейнера, основанная на впечатлении от его выступления на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы управления-99» (20–21 октября 1999 г., Москва, ГУУ).

Глава 5

**ТРАНСАКЦИОННАЯ МОДЕЛЬ БЫТИЯ
«ЧЕЛОВЕКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО» ***

Концептуально трансакция как нельзя лучше подходит для ее представления в качестве единицы институционально-экономического анализа. Она по своей природе способна преодолеть целый ряд научных дихотомий – индивидов (как единиц экономического анализа) и институтов (как единиц институционального анализа), методологического индивидуализма и методологического коллективизма, научного мэйнстрима и научной периферии и других, каждая из которых раскрывает отдельный аспект взаимодействия части и целого.

Наличие этих дихотомий далеко не очевидно. Так, подавляющее большинство приверженцев мэйнстрима критикует, а чаще просто игнорирует работы по институциональной экономике, считая их не совсем относящимися к экономической науке. Дело доходит до курьезов, когда этим занимаются экономисты, обоснованно считающиеся гордостью институционального направления. Достаточно вспомнить высказывание Й. Шумпетера об институционализме как о сплошных методологических ошибках немецких историков, которые примешались «к большому и долговечному вкладу в экономическую науку. Здесь одни ошибки и никаких достижений. Безусловно, это единственное темное пятно в атмосфере Америки» (Schumpeter, 1991, p. 292). А чего стоит заявление П. Хомана о том, что институциональная экономика «представляет собой некую интеллектуальную фикцию, по существу лишенную содержания» (Homan, 1932, p. 15)? Можно еще сослаться на Дж. Стиглера, охарактеризовавшего институциональную экономику как странную смесь великолепных методологических тезисов и убогого анализа *ad hoc*, и на Р. Коуза, назвавшего американский институционализм «мрачной темой», а представителей этого направления – «антитеоретиками», не сумевшими «предложить ничего, кроме груды описательного

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 03-02-00140а.

материала, ожидающего теоретического осмысления или сожжения» (Coase, 1984, p. 230).

Разумеется, имеется и множество положительных отзывов, порой принадлежащих экономистам традиционного толка, но большей частью – все тем же институционалистам. Ясно одно: современной экономической науке все труднее обходиться без некоторых сюжетов, выдвинутых «старо-институционалистами», таких как, например, «обусловленность действий людей обычаями и нормами» и «институты как возможные основы или единицы анализа». Таково, в частности, мнение Дж. Ходжсона (2003), ссылающегося в качестве подтверждения своей правоты на траекторию развития значительной части современной экономической теории. Но если с институциональной обусловленностью действия людей можно согласиться, то относительно тезиса об институтах как возможных единицах анализа возникают сомнения. Развеять их нам поможет обращение к понятию «транзакция».

Наше понимание транзакции близко, но не тождественно трактовке О. Уильямсона, будучи неразрывно связано с понятиями экономического пространства и институционального поля (Ерзнкян, 2001).

Экономическое пространство в широком смысле – это множество ресурсов, продуктов (товаров и услуг) и технологий. В узком смысле границы экономического пространства совпадают с технологическими границами. Товар или услуга, покидая границы технологических участков, покидают тем самым границы узко понятого экономического пространства. Вне последнего они являются объектом воздействия внеэкономических факторов. Но в силу того, что товар или услуга являются сами носителями экономического пространства, они как бы тащат за собой это пространство за его пределы, расширяя тем самым содержание данного понятия. Методологически полезно различать закрытое и открытое, узкое и широкое, внутри- и внеэкономическое пространство. «Черный ящик» очерчивает границы внутреннего (при взгляде извне) и фиксирует границы внешнего (при взгляде изнутри) экономического пространства. Если предположить, что товар или услуга не выходят за рамки «черного ящика» экономики, то расширительная трактовка экономического пространства совпадает с его узким определением. Если обра-

тяться к экономической теории, то такое пространство в узком смысле описывается понятийным аппаратом неоклассики. Такие процессы, как рыночный обмен, в неоклассической теории происходят фактически в вакууме: рынок является абстракцией, поэтому неудивительно, что и трансакционные издержки рыночного взаимодействия отсутствуют; это мир с нулевыми трансакционными издержками и с нулевым расширением экономического пространства.

Институциональное поле в широком смысле – это множество всевозможных взаимодействий между участниками трансакций; в узком смысле оно выступает скорее как поле социальное, то есть внешнее по отношению к узко понятому экономическому пространству. Покидая границы последнего, товар или услуга автоматически попадают в поле действия институциональных сил. В более широкой трактовке институциональное поле пронизывает также внутризкономическое пространство. Экономическая теория касалась институционального поля лишь фрагментарно, полагая, что в нем происходит развертывание производственных отношений. Неудивительно, что основные результаты в институциональной теории были достигнуты скорее социологами, нежели экономистами.

Осознание факта пересечения экономического пространства в расширительной трактовке с институциональным полем привело к появлению теории трансакционных издержек, первоначально понимавшихся лишь как издержки рыночного обмена (Р. Коуз). «Расширение» институционального поля во внутреннее экономическое пространство привело к расплывчатой трактовке трансакционных издержек как затрат на любые взаимодействия, включая внутрифирменные.

Трансакция является связующим звеном, перекрестком, местом встречи экономического пространства с институциональным полем. Действие современной институциональной экономической теории развертывается на пересечении пространства хозяйственной системы с институциональным полем. Далее рассмотрим направленность экономических, трансакционных и институциональных действий.

Трансакция – это акция (то есть единичный акт действия) выходящая за свои пределы. Это – выход из «черного ящика»

хозяйственной системы во внешнюю среду. Чтобы этот выход был осмысленным (и в силу этой осмысленности транзакция могла бы стать единицей анализа), необходимо ее «закоротить», замкнуть на другой (как частный случай – на себя) «черный ящик». Транзакция в таком случае превращается в интеракцию, хотя и сохраняет по традиции свое название.

Возникает вопрос: а что за сила заставляет транзакцию вернуться обратно? Транзакция направлена изнутри экономического пространства вовне, значит сила, о которой мы говорим, должна быть направлена извне вовнутрь, то есть должна иметь направление, обратное транзакционной. Наш ответ: такой силой является институт, действие которого по направлению прямо противоположно действию транзакции. Таким образом, транзакция и институт предстают взаимосвязанными и взаимодополняющими сущностями, а предложенная теоретическая конструкция обретает цельность.

Кстати, О. Уильямсон определяет институциональное устройство как нечто, в рамках которого транзакция приобретает цельность, что видно из следующих определений: «Институциональное устройство (institutional arrangement) – контрактное отношение или структура управления, объединяющая хозяйственные единицы и определяющая способ их кооперации и/или конкуренции» (Уильямсон, 1996, с. 688). В свою очередь, «транзакции опосредуются управленческими структурами (рынками, иерархиями и их смешанными формами)», тогда как «структура управления (governance structure) – институциональное образование, в рамках которого предопределяется цельность транзакции» (там же, с. 690).

Зададимся теперь вопросом: почему агенты – участники транзакции с неразрывно связанным с ней институтом (институциональным устройством) позволяют себе «втянуться» в транзакцию? В какой степени институты способны оказывать такое воздействие? Каковы стимулы контрагентов? Являются ли институты экзогенными по отношению к ним или у контрагентов есть свои внутренние механизмы, перекликающиеся с внешними? В какой степени эти механизмы эндогенны?

Чтобы ответить на эти вопросы необходимо по-новому взглянуть на место и роль транзакций в институционально-экономи-

ческом поле-пространстве. Всю совокупность возникающих вопросов можно в принципе свести к одному фундаментальному: что считать единицей анализа?

Приверженцы неоклассической теории в качестве *единицы анализа* принимают *индивидов* – не отличающихся друг от друга рациональных существ, скорее роботов, нежели людей, которые, однако, весьма удобны для построения различных моделей. Попытки наделения «экономических людей» человеческими качествами, оставаясь при этом в рамках неоклассической парадигмы, как правило, дают сбой. К такому же результату приводят попытки выхода за рамки экономического пространства людей, запрограммированных по определению только на примитивные действия по максимизации собственной полезности. Вывести из таких действий сам факт существования институтов и дать объяснение последним посредством традиционной экономической терминологии – задача в методологическом отношении практически нереализуемая.

Так, А.Т. Ризви, изучая работы Зонненштайна (Sonnenschein, 1972, 1973), Дебре (Debreu, 1974) и Мантеля (Mantel, 1974), приходит к выводу, что «их основной смысл в том, что гипотеза рационального индивидуума и другие предположения, сделанные на микроуровне, не дают никакого руководства для анализа явлений макроуровня: допущения рациональности или максимизации полезности недостаточно, чтобы говорить о социальных закономерностях» (Rizvi, 1994, p. 363). Экономика, сконструированная из индивидуумов, неизбежно сталкивается с проблемой невозможности получения детерминированных и устойчивых равновесных состояний, если не принять допущение о «поведении» всего общества наподобие поведения отдельного индивида. Но, как справедливо замечает А. Кирман, «нет никаких правдоподобных формальных оснований для допущения, что совокупность индивидуумов, пусть даже индивидуумов-«максимизаторов», поступает так же, как индивидуальный максимизатор» (Kirman, 1992, p. 18). В качестве выхода он предлагает следующее: «...если мы намерены продвигаться дальше, то нам придется теоретизировать в терминах групп с коллективно согласованным поведением. <...> Идею начать с уровня изолированного индивидуума можно без ущерба отбросить» (Kirman, 1989, p. 138).

С не менее сложными методологическими трудностями сталкиваются исследователи-институционалисты, принимающие в качестве *единицы анализа институты*, с той лишь разницей, что движение мысли здесь направлено в противоположную сторону: предлагается идея взаимодействующих агентов, сплетенных в долговечные и самоусиливающиеся институты. Такая идея восходит к «старым» институционалистам, полагавшим, что институты связаны с индивидуальными обычаями, которые, в свою очередь, укрепляют эти институты и сами укрепляются ими.

По мнению сторонников этой методологической позиции, институты заполняют существенный концептуальный пробел, являясь как «субъективными» идеями в головах агентов, так и «объективными» структурами, с которыми эти агенты сталкиваются. Понятие института связывает микроэкономический мир индивидуального действия, обычая и выбора с макроэкономической сферой, казалось бы, отстраненных и безликих структур. При этом, на что указывает Дж. Ходжсон (2003), выбор институтов в качестве единиц анализа не обязательно подразумевает подчинение индивида их господству. Индивиды и институты взаимно конституируют друг друга. Дж. Ходжсону вторит Ф. Миrowsки, подчеркивающий, что институт есть «инвариант, сконструированный обществом» (Mirowski, 1987, p. 1034a). При этом существенна не абсолютная, а относительная инвариантность и самоусилительный характер институтов, связанные с представлением социально-экономического развития в виде периодов институциональной непрерывности, чередующихся с периодами кризисов и крутых перемен. В пользу институтов как единиц анализа говорит, по мнению сторонников этого подхода, уже тот факт, что они, как правило, демонстрируют постоянство в течение длительных промежутков времени и могут существовать гораздо дольше, чем отдельные индивиды.

Обратимся теперь к *транзакции* как *единице анализа*, принятой в таком методологическом статусе в экономической теории транзакционных издержек. Впервые данную идею высказал Дж.Р. Коммонс, обозначивший способ исследования процессов торговли на более глубоком микроаналитическом уровне, чем это было принято раньше (Commons, 1934, p. 4–8), на что указывает в своем знаменитом труде «Экономические институты

капитализма» О. Уильямсон: «Коммонс понимал экономическую организацию не просто как результат действия технологических факторов (выражающегося в экономии от масштаба производства и продуктового разнообразия и в других технико-экономических аспектах функционирования фирмы), а как явление, призванное гармонизировать отношения между участниками сделки, находящимися в состоянии реального или потенциального конфликта» (Уильямсон, 1996, с. 30). Сказанное О. Уильямсон подытоживает следующим образом: «...предположение о том, что экономическая организация имеет целью обеспечение непрерывности отношений сторон путем создания специализированных структур управления их взаимодействием (что не допускает разрушения этих отношений, возможного в условиях не поддерживаемой специальными механизмами рыночной контрактации), перерастает в вывод, который можно было сделать из рассуждений Коммонса. Но его послание достигло не многих, поскольку среди ученых преваляровала точка зрения о том, что суды являются главным местом разрешения хозяйственных конфликтов» (там же, с. 30–31).

Соглашаясь в целом с О. Уильямсоном, отметим, что ссылки на транзакцию как базовый элемент анализа обнаруживаются и в более ранних работах Дж. Коммонса. В подтверждение приведем весьма любопытный фрагмент из его работы, датированной 1931 г. (Commons, 1931). Рассуждая о коллективных и индивидуальных действиях и определяя институт как «коллективное действие по контролю, либерализации и расширению индивидуального действия», автор писал: «Эти индивидуальные действия в действительности являются "транс-действиями" либо вместо индивидуального поведения, либо вместо обмена товарами. Это есть смена товаров и индивидуумов транзакциями и рабочими правилами коллективных действий, которая отмечает переход от классической и гедонической школ к институциональной школе экономического мышления. Этот переход есть изменение в конечной элементе экономических исследований. Экономисты классической и гедонической школ, а также их коммунистические и анархические ответвления, основывали свои теории на отношении человека к природе, а институционализм основан на отношении человека к человеку. Наименьшей единицей измерения

классической школы был товар, произведенный с помощью человеческого труда. Наименьшей единицей измерения гедонической школы был такой же или подобный ему товар, которым обладают конечные потребители. Первый подход представляется объективным, второй – субъективным. Результатом же, в любом случае, была материалистическая метафора автоматического равновесия, аналогичного океанским волнам, но персонифицированного как “поиск их собственного горизонта”. Но *наименьшей единицей измерения институциональной экономики является единица деятельности – транзакция с ее участниками* (курсив наш – Б. Е.)» (Commons, 1931, p. 652).

В этом фрагменте можно найти указание на транзакцию не только как на *единицу анализа*, но и как на *транс-действие*, что очень похоже на приведенное выше понимание транзакции как *акции, выходящей за свои пределы*. Примечательно, что этот тезис был высказан автором данной главы до ознакомления с работой Дж. Коммонса, что может являться либо чистой случайностью (во что верится с трудом), либо свидетельством того, что «послание» Дж. Коммонса дошло до наших времен. Не вдаваясь в остальные «либо» (времена изменились, тезис оказался востребованным и др.), отметим, что такое понимание транзакции открывает широкие возможности для современного институционально-экономического дискурса, для понимания роли «человека институционального» как трансактора.

Субъекты институциональной экономики – это не просто пресловутые «экономические люди», «обитатели» в «черных ящиках» экономического пространства; они суть участники транзакций, открытые воздействию институционального поля, сила которого настолько велика, что впору говорить о главном действующем лице хозяйственных процессов (и не только институциональных) не как о «человеке экономическом», а как о «человеке институциональном» (Ерзнкян, 2000). Тем самым акцентируется социализация действующего лица, который вследствие его социальной ориентированности перестает быть «простым актором», превращаясь в потенциального трансактора.

Сказанное отнюдь не означает, что природа человека настолько меняется, что от эгоизма не остается и следа. Нет, просто наряду с эгоизмом человеку свойственно такое же, не менее

естественное желание ощущать себя частью того или иного общественного образования. Именно этот аспект чаще всего упускается приверженцами концепции *homo economicus* (HE). «В отсутствие норм и правил, связующих человека с себе подобными, он испытывает острое беспокойство», — напоминает нам Ф. Фукуяма тонкое замечание Э. Дюркгейма относительно вреда, который может быть нанесен не только обществу, но и отдельному человеку анархией. Взаимодействие, или работа в нынешнем понимании этого слова, как раз и является тем пространством, «где человек, частично или полностью, способен от этого беспокойства избавиться» (Фукуяма, 2004, с. 19). Быть транзактором означает прежде всего быть наделенным транзакционной, институциональной компетентностью.

Чтобы дать приемлемое объяснение и логическое обоснование институциональной компетенции человека — способности усваивать институты (понимать и принимать «правила игры»), порождать и адекватно ориентироваться в ходе транзакции (начинать и вести «игру», улавливать ее смысл и подтекст), концепция HE нуждается в развитии. В самом деле, может создаться впечатление, что *homo institutus* (HI) — это всего лишь «существо», реагирующее на внешние институциональные сигналы. Это так, но лишь отчасти. Истинная природа его реакций на институциональное воздействие эндогенна. В человеке заложен некий механизм, приходящий в действие под влиянием экзогенных факторов. Институты «пробуждают» в человеке имманентно присутствующую ему способность к «усвоению» конкретных правил взаимодействия, в результате чего транзакции оказываются потенциально реализуемыми. Человек рождается социальным существом, можно сказать, что его социальность заложена на биологическом, генетическом уровне. Маугли — социальное существо, институциональная компетенция которого в силу известных обстоятельств не была вовремя «пробуждена», а механизм генерации потенциальных транзакций, не будучи развит, захирел. И ни одно другое живое существо, кроме человека, не обладает институциональной компетентностью (транзакционной способностью).

Предложим фрактальное объяснение транзакционной способности человека (См.: Ерзнкян, 2003). Континуум экономических агентов, будучи образованным из множества HE, являет-

ся канторовским множеством и поэтому представляет собой *фрактальный объект*, включающий, помимо явным образом представленных агентов, также имплицитные дырки, пустоты, причем имплицитные не в реальности, а в представлении адептов неоклассической экономической теории. Мир неоклассики как континуум экономических агентов на самом деле «дыряв», между агентами существуют «дырки» (gaps). Такому континууму соответствует дробная размерность – большая, чем 0 (размерность точки) и меньшая, чем 1 (размерность линии). И что важнее всего, *фрактальная размерность* – это реальность. «Спасти» этот мир можно, если принять реальность «дырок» и придать им конструктивный характер. Последнее означает, что элементарная конструкция из двух агентов должна включать еще и одну «дырку» в качестве неотъемлемого элемента. Именно благодаря использованию такой тернарной конструкции как единицы анализа можно объяснить неразложимость «мира неоклассики», который, строго говоря, перестает им быть в прежнем, «недырявом» смысле этого слова.

Поскольку триада «агент – структура – агент» представима как двоичное дерево и она являет собой фрактал, то есть самоподобие, то такая тернарная единица анализа может быть распространена на всю совокупность структурированных агентов в качестве реалистичного инструмента исследований.

Как устроена структура, заполняющая «дырку»? Что представляет собой институциональное устройство? Эта структура и ее устройство многовариантны. Р. Коуз показал, что есть как минимум два альтернативных варианта – фирма и рынок. К ним добавим еще два дополнительных вида структур – посредническую и сетевую. Что же общего между этими четырьмя типами структур и в чем их отличие?

Общее состоит в том, что все они являются институциональными устройствами, структурирующими взаимодействие экономических агентов. Такие устройства или формы экономической организации выступают в институциональной теории в качестве альтернативы неклассическим «дыркам». Благодаря введению этих конструктов в науку о хозяйстве совокупность экономических (которых уже следует мыслить как институциональных) агентов обретает целостность. Это уже не агенты сами по

себе, они суть элементы целого. Индикатором целостности служат ненулевые трансакционные издержки, формирующие вкупе с трансформационными величину общих затрат взаимодействующих агентов экономической системы.

Суть институционализации (социализации) «дырки» заключается в представлении трансакционной способности, под которой понимается не просто «склонность к торговле, к обмену одного предмета на другой» (Смит, 1962), которая присуща человеческой натуре, а склонность, воплощаемая нами в структурных формах, которая может быть распределена в том числе и между экономическими агентами с последующей интернализацией ими.

Для изучения механизмов взаимодействия трансакторов используем литературный пример. В романе «Остров накануне» («L'isola del giorno prima») известный семиотик и писатель У. Эко описывает глазами фатера Каспара Вандердросселя историю гибели команды шхуны «Дафна» от рук туземцев (Эко, 2002). С институциональной точки зрения этот случай интересен тем, что сторонами конфликтной ситуации выступают люди, принадлежащие различным цивилизациям, разным культурным мирам. Институты, которыми они руководствуются, принципиально различны. Если и есть что-то общее между институтами матросов и туземцев, то это или случайное совпадение, или нечто, свойственное человеку не на социальном, а на биологическом уровне.

Контакт в форме столкновения с потенциально возможным мирным исходом может быть описан в терминах многих подходов – теоретико-игрового, теоретико-контрактного, теории знаковых систем, семиотики и др. Применительно к нашему случаю данный литературный пример можно истолковать следующим образом. Актеры анализируют ситуацию и выбирают линию своего поведения, ориентируясь непосредственно на увиденные и интерпретируемые с позиций своих институтов визуальные образы. Эти образы являются как бы моментальными снимками, срезами, знаками, остановленными мгновениями, поэтому могут быть соотносимы с ментальными образами, которые «отчеканены» в мозгах трансакторов и которые суть представленные в символической форме институты – правила, алгоритмы, предписывающие им тот или иной способ поведения.

Предположим, что у каждой из сторон возможной трансакции имеется некий репертуар таких знаков и соответствующий каждому знаку тип поведения. В сложившейся ситуации у каждой стороны потенциально лишь две стратегии – война или мир, причем у туземцев спина противника означает его трусость, что диктует стратегию войны, «убить», а рыжая борода символизирует нечто божественное, чему соответствует стратегия мира, «подчиниться». Огонь вызывает у туземцев испуг, следовательно, выбор мирного исхода, то есть поведенческой стратегии «подчиниться», становится очевидным.

Эпизод 1

[Матросы] зажгли огромные костры вечером на берегу моря и гуляли-пировали несколько дней и ночей.

Вероятно, эти костры привлекли внимание туземцев... Настало утро, когда фатер Каспар увидел с десятка «пирагв», возникших непонятно откуда...они правили к месту пира...

Священник пытался кричать, оповещать команду, но все спали, пьяные. Короче матросы оказались с ними нос к носу, когда пришельцы повыскакивали из-за деревьев.

Туземцы выглядели воинственно, пьяная команда не могла припомнить, где побросала оружие. Только шкипер двинулся им навстречу и уложил первого выстрелом из пистолета. Услышав грохот и увидев товарища на земле без жизни, хотя никто к нему не прикасался, дикари выразили, что готовы подчиниться, и один стащил ожерелье и поднес капитану. Тот наклонился посмотреть, потом, явно ища что-то взамен, обернулся к своим людям.

Тем самым он показал черным дикарям спину.

Фатер Вандердроссель предполагал, что туземцы, скорее всего, еще до выстрела были смущены поведением и фигурой капитана, великана батава с русской бородой и светло-голубым взглядом; надо подумать, что у туземных обитателей подобная внешность считалась приметой богов. Но сразу же после зрелища его тыла (а несомненно эти лесные троглодиты не допускали мысли, чтобы у богов мог иметься тыл) их начальник, державший в руке дубину, занес ее и с размахом опустил тому на череп, и капитан рухнул лицом в песок и остался недвижим. Черные люди налетели на матросов «Дафнь» и еще до того, как те начали обороняться, всех поубивали (Эко, 2002, с. 236–237).

Семиотическая интерпретация эпизода 1

Шаг 1.1. Дикари, готовые убить матросов, в замешательстве от рыжей бороды капитана. Причина замешательства в том, что «рыжая борода» ассоциируется с божеством, что приписывает стратегию «подчиниться», на которую, однако, трудно переключиться в силу инерционности принятого ранее решения «убить». Отсюда и замешательство. Это ситуация с максимальной энтропией, $H_{\max} : p_1 = p_2 = 0,5$. Вероятность выбора любой из стратегий равновелика.

Шаг 1.2. Неустойчивое состояние с H_{\max} склонилось, возможно неосознанно для туземцев, к стратегии «убить». Можно сказать, что «рука» провидения «дрогнула», либо природа сделала свой выбор, подтолкнув туземцев к агрессии. Ситуация с минимальной энтропией: стратегия «убить», $H = 0$.

Шаг 1.3. Ответом на агрессивные действия туземцев стал выстрел шкипера (выбравшего и реализовавшего таким образом стратегию «убить»), что ментально склонило дикарей к выбору стратегии «подчиниться». Бесконтактное убийство туземцы интерпретировали как явление сверхъестественное, божественного происхождения. Результатом выстрела стало переключение поведения туземцев со стратегии «убить» на «подчиниться», символом чего стало подношение ожерелья капитану. Ситуация с минимальной энтропией: стратегия «подчиниться», $H = 0$.

Шаг 1.4. Институт дарения оказался присущим как туземцам, так и матросам. Капитан оценил жест туземцев как попытку установления мира. Появилась возможность переключения стратегии – с войны на мир. Дай капитан туземцам что-нибудь взамен, состоялась бы бартерная сделка, пострадавшие жизни можно было бы отнести на счет *ex ante* транзакционных издержек установления контакта, мира, а цена сделки составила бы одно ожерелье или эквивалентную ему стоимость. Одним словом, ситуация зависла между миром и войной: $H_{\max} : p_1 = p_2 = 0,5$.

Шаг 1.5. Ситуация неустойчивого равновесия раз-
решилась в пользу стратегии войны. Капитан повер-
нулся в поисках достойного ответа туземцам, и ди-
кари увидели его спину. Наличие «тыла» у божества
в репертуаре знаков туземцев не предполагалось. Сама
по себе спина символизировала слабость противни-
ка, но в данном контексте она была многократно
усилена, доведена до абсурда: божество, сила,
мощь – и одновременно слабость – это нонсенс,
ситуация умопомешательства, несовместимости/про-
тиворечивости институтов и, как следствие, невоз-
можности осуществления выбора. Так или иначе, но
туземцы этот знак интерпретировали однозначно: для
них это стало сигналом «убить», и капитан был убит.
В отличие от шага 1.2 не природа сделала свой вы-
бор, а туземцы – свой, причем осознанный выбор.
Ситуация с минимальной энтропией: стратегия
«убить», $H = 0$.

Эпизод 2

Наевшись, язычники стали показывать пальцами
на «Дафну»... По мнению фатера Каспара... дикари сочли
«Дафну» животным...

И «пиратъвъ» повернули носы к «Дафне». [Фатер Кас-
пар] подпалил фитиль одной из пушек, заранее заряжен-
ной и нацеленной на берег, и выпустил одно ядро. Ядро
с великим шумом, притом что бока «Дафны» окраси-
лись ореолом дыма, как будто левиафан пыхнул зло-
стью, хлопнулось посередине эскадры черных, перевер-
нув две их ладьи.

Этого хватило. Туземцы повернули суда к берегу и
удалились в рощу, а вышли с венками из листьев и цве-
тов и уложили венки на воду, почтительно наклоняясь
и приплясывая. Затем направились курсом на юго-запад
и исчезли за западным отрогом Острова. Они выплатили
большому злему существу сколько нашли справедливым
и, безусловно, не помышляя соваться снова на эти бе-
рега, в бухту, ибо она стала беспокойной по вине засе-
лившейся в нее мнительной и гневливой твари (Эко,
2002, с. 238–239).

Семиотическая интерпретация эпизода 2

Шаг 2.1. Полагая, что «Дафна» это большое и вкусное животное, дикари решают ее съесть. Стратегия «кубить». Энтропия минимальна.

Шаг 2.2. Фатер Каспар с корабля выпускает ядро. Иными словами, он решает на агрессивные действия туземцев ответить такой же стратегией.

Шаг 2.3. Действия фатера Каспара заставили туземцев тотчас же сменить свою воинственную стратегию на миролюбивую. Формой заключения соглашения о мире с их стороны явилось решение ретироваться с «боевых позиций», а платой за мир – венки из листьев и цветов. Эта была справедливая (по мнению дикарей) цена, которая должна была устроить «Дафну». Стоимость ядра и нервов отца Каспара можно отнести на счет *ex ante* транзакционных издержек. Транзакция – «мирное соглашение»: дикари заплатили за мир столько, сколько сочли справедливым (в соответствии с их представлениями о транзакциях обмена) и «купили» мир.

Шаг 2.4. Фатера Каспара отходные действия дикарей устроили. Молчание пушек «Дафны» можно трактовать как знак согласия. Мир достигнут. Сделка состоялась.

В рассмотренном примере выбор стратегий институционально обусловлен репертуаром знаков. В этом смысле институциональные люди в лучшем случае являются интерпретаторами знаков, в худшем – они суть простые исполнители того, что «велят» им делать институты/знаки. Но даже в такой постановке остается место для новаторства. Так, например, в шаге 1.5 состояние неустойчивого равновесия могло в принципе повернуться иначе. Здесь, по сути, возникла точка бифуркации, в которой выбор был сделан в пользу стратегии войны, хотя объяснить причины этого довольно затруднительно. Если бы туземцы сумели проинтерпретировать спину не вне контекста, как они это сделали в конечном итоге, а с учетом контекста, то акцент с божественной *спины* перешел бы на *божественную* спину, и,

вполне вероятно, «игра» окончилась бы по-другому. Туземцы в этом случае предстали бы в качестве новаторов – если и не плане обогащения репертуара знаков, то в плане его новой интерпретации.

Допущение возможности институционального обновления имеет существенное значение для построения семиотической модели социально-экономического взаимодействия. Такое построение, допускающее к тому же возможность расширения модели, может оказаться полезным инструментом для анализа различных, в том числе неэкономических, трансакций, а также рыночных, внутрифирменных и «отношенческих» контрактов.

Экономическая теория начала третьего тысячелетия не может довольствоваться ни неоклассическим представлением человека в роли рационально действующего актера, максимизирующего собственную выгоду, ни различными модификациями *homo economicus* за счет замены максимизации сатисфакцией, полной рациональности – ограниченной, бесстрастного поведения – эмоциональным, атомарного субъекта – социальным существом и т. д. При всей прогрессивности этих поведенческих инноваций они остаются в рамках парадигмы как (отчасти) неоклассического, так и институционального направлений экономической теории. Альтернативу им может составить новая парадигма институциональной экономики с «человеком институциональным» в качестве главного действующего лица. Это принципиально новый конструкт по сравнению с «экономическим человеком», пусть и прошедшим путь от «рационального глупца», «полезного идиота» или просто «человека-компьютера» до современной своей «модификации» в виде ограниченно рационального и подверженного оппортунизму экономического актора. Принципиальное отличие человека институционального от своих прежних «собратьев» заключается в его неотрывности от определенной социальной среды, в рамках которой только и возможно его существование.

В пересмотре взглядов на природу человека можно выделить две тенденции: от полностью разумного до менее разумного (эволюция по все большему ограничению субъекта) и по расширению возможных действий человека, по выходу его за круг институциональных ограничений (учет возможности оп-

портунизма). Эти тенденции сводятся к деидеализации человеческого поведения, как в сторону все большего ограничения рациональности, так и в направлении учета потенциала обмана, мошенничества и других форм выхода за пределы институциональных ограничений.

Человек О. Уильямсона именно таков: ограниченно рационален и оппортунистически настроен. Если рациональный человек всезнающ, то ограниченно рациональный субъект – гораздо менее осведомлен. Институциональные ограничения накладывают на часть знаний таких людей табу, например, евангельские принципы «не укради», «не убий» и т. п., которые неизбежно сужают возможности выбора. Такие люди знают о нечестных путях достижения большей полезности и могут не устоять перед выходом за пределы «правил игры». Концепция оппортунизма, учитывая это, раздвигает рамки возможных действий рационального человека.

Homo institutus – наименее знающий: он живет в институциональном мире, который можно расширить, включив в него и понятие оппортунизма. Такой человек понятия не имеет о «неинституциональном мире», в его пространстве столько измерений, сколько было исходно заложено, навязано ему и развито им самим на основе имитации практики других. Когда он действует, думая, что действует сам, полагаясь на свой разум и опыт, то на самом деле выражает либо не свои идеи, либо свои, но пропущенные через среду и потому подвергшиеся в той или иной степени модификации.

Природа «человека институционального», говоря словами Б. Спинозы, одновременно творящая и сотворенная, это – своего рода *natura naturans* и в то же время *natura naturata*, субстанция и ее порождение. Продуктом – сознательного или бессознательного – человеческого творения являются институты, объектом воздействия которых в свою очередь выступает сам человек. Эти два взаимосвязанных аспекта можно развести лишь аналитически, но в реальности они выступают только в совокупности, взаимно обуславливая друг друга.

Концепция *NI* идет дальше концепции Г. Саймона, предполагающей, что человек – это «удовлетворяющееся живое существо, которое решает проблему путем поиска, исследования,

для того чтобы удовлетворить определенный уровень устремлений, а не *максимизирующее* существо, которое при разрешении проблемы пытается найти наилучшую (на основе определенного критерия) альтернативу» (Саймон, 1995, с. 71).

В радикальной постановке под *НИ* понимается индивид, который в своей деятельности руководствуется исключительно институтами, в менее радикальной версии *НИ* руководствуется скорее институтами, чем разумом. При этом допускается как антропоцентрическая, так и институтоцентрическая трактовки предложенной концепции.

Представляется, что дальнейшее развитие концепции человека институционального – и как актора, и как трансактора – будет идти параллельно с развитием ментальных моделей, соединяющих в себе достижения экономики, социологии, психологии, математики, теории управления и других дисциплин.

Литература

Ерзнкян Б.А. О логических основах институциональной экономики // Вестник университета. Серия «Институциональная экономика». 2001. № 1(2). С. 60–74.

Ерзнкян Б.А. Человек институциональный, или эволюция концепции homo economicus // Вестник университета. Серия «Институциональная экономика». 2000. № 1. С. 28–44.

Ерзнкян Б.А. Этот «дырявый» мир неоклассики, или место институционализма в экономической науке // Россия: тенденции и перспективы развития. М.: ЦЭМИ РАН, 2003.

Саймон Г.А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 54–72.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003.

Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Эко У. Остров накануне / Пер. с итал. Е.А. Костюкович. СПб.: «Симпозиум», 2002.

Coase R.H. The New Institutional Economics // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1984. № 140, March. P. 229–231.

Commons J.R. Institutional Economics // American Economic Review. 1931. № 21. P. 648–657.

Commons J.R. Institutional Economics. Madison: University of Wisconsin Press, 1934.

Debreu G. Excess Demand Functions // Journal of Mathematical Economics. 1974. № 1(1), March. P. 15–21.

Homan P.T. An Appraisal of Institutional Economics // American Economic Review. 1932. № 22 (1), March. P. 10–17.

Kirman A.P. The Intrinsic Limits of Modern Economic Theory: The Emperor Has No Clothes // Economic Journal (Conference Papers). 1989. № 99. P. 126–139.

Kirman A.P. Whom or What Does the Representative Individual Represent? // Journal of Economic Perspectives. 1992. № 6(2), Spring. P. 17–36.

Mantel R.R. On the Characterization of Aggregate Excess Demand // Journal of Economic Theory. 1974. № 12(2). P. 348–353.

Mirowski Ph. The Philosophical Bases of Institutional Economics // Journal of Economic Issues. 1987. № 21(3), September. P. 1001–1038.

Rizvi S.A.T. The Microfoundations Project in General Equilibrium Theory // Cambridge Journal of Economics. 1994. № 18(4), August. P. 357–377.

Schumpeter J.A. The Economics and Sociology of Capitalism – Princeton: Princeton University Press, 1991.

Sonnenschein H. Market Excess Demand Functions // Econometrica. 1972. № 40(3). P. 549–563.

Sonnenschein H. The Utility Hypothesis and Market Demand Theory // Western Economic Journal. 1973. № 11(4). P. 404–410.

Глава 6

ИНСТИТУТЫ, ЧЕЛОВЕК И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА

В экономической науке получила широкое распространение в качестве базисной методологической установки модель человека как максимизирующего и рационального субъекта. Согласно этому подходу, разделяемому большинством представителей ортодоксальных течений и нового институционализма, экономика считается гомогенной системой, в которой действуют одинаковые максимизаторы удовольствий, а механизм цен признается гибким, работающим без издержек и точно сигнализирующим обо всех изменениях на рынках. Однако различные «модели действия» приводят к существенным вариациям промежуточных результатов часто при полном совпадении общего результата в области регулирования на государственном уровне.

Традиция моделирования принципов поведения человека заложена классиками экономической науки, которые считали такую модель «категорическим императивом» развития экономического анализа, его базовой предпосылкой. Поскольку цели общества сводились к необходимости максимизации благосостояния, то есть наиболее полному удовлетворению имеющихся потребностей при располагаемом наборе ресурсов и технологий, то и индивид представлялся как утилитарист, тем более, что такая черта характера и поведения позволяла четко определить набор возможных действий в рыночных сделках.

Фактически программировался механизм «невидимой руки», а у экономистов появлялся очень удобный аналитический инструментарий. Однако эта модель человека не была единой для различных экономических школ. Каждая из них добавляла что-то свое в базовую концепцию, особенно в том случае, если предшествующий анализ не давал убедительных объяснений хозяйственной действительности. Так, возникали расхождения в вопросах предпочтений и ограничений, потребностей и выбора. Эволюция модели человека в экономической мысли прошла этапы доминирования и конкуренции различных ее вариантов, начиная с Homo economicus, вплоть до моделей «Изобретательного,

Оценивающего, Максимизирующего Человека» (REMM), ограниченной и переменной рациональности, неявного и рассеянного знания (неоавстрийская школа), плюралистической мотивации, а также модели современных социозэкономистов, утверждающих, что рациональное поведение индивида протекает в условиях, заданных структурой личности (личные удовольствия, полезность) и структурой общества (нравственный долг), и т. д. Однако в основу практически любой модели человека до сегодняшнего дня закладывались различные поведенческие гипотезы, вытекающие из представлений о его биологической сути (Автономов, 1998).

Конституирующая неоклассический подход модель экономического человека не позволяет учесть инерции индивидуального и коллективного поведения, социальной ригидности, когнитивной зависимости в зависимости от прошлого развития (path dependence). Безусловно, прогресс в области биологии, генетики, психологии, нейрохирургии когда-нибудь предоставит экономистам возможность более точно определить модель человека, экономическое содержание направленности его инстинктов, привычек, обычаев, вкусов, типов характера, психических проявлений. Все эти характеристики предопределяют выбор, а значит, альтернативные издержки использования ресурсов, их аллокацию, технологию, цены и потребительские эффекты.

Однако и сегодня, и в будущем наличие сколь угодно совершенной модели экономического поведения человека не позволит с максимальной реалистичностью описать процессы, происходящие в хозяйственной системе. Такая модель всегда будет в определенной степени несовершенна, и не по причине затруднений в оценке (в зависимости от «близости» теории к практике), и не из-за разного уровня абстракции, избранного в этих моделях, — а вследствие того, что моделированию поддается отдельное свойство человека или, в лучшем случае, ограниченный набор свойств. Эта совокупность свойств автоматически считается присущей любому субъекту хозяйственной деятельности, а ведь со значительной долей вероятности в определенный момент времени наиболее весомым может оказаться то свойство или факторный признак поведения человека, которые не учтены в принятой модели. Поэтому происхо-

дит гомогенизация микроэкономической модели поведения человека, которая воспроизводится в качестве основного методологического принципа при проведении экономических исследований.

Таким образом, ни одна школа западной экономической мысли не обошла проблемы, связанной с моделью человека. Причем центральное место в методологической дискуссии на протяжении нескольких десятков лет занимает верификация модели человека в экономической науке наравне с проблемой верификации самих экономических теорий. Значение вопроса верификации состоит в том, что ей должны быть подвергнуты предпосылки экономического анализа, в том числе модель человека, а также выводы или прогнозы, которые может обеспечить конкретная теория в ходе реализации своей нормативной функции. Неадекватные экономической жизни методологические допущения вряд ли могут привести к правдоподобным прогнозам и адекватным рекомендациям.

Но особенность социальных наук в том и состоит, что в теории возникает целый комплекс задач по эмпирическому обоснованию предпосылок и проверке выводов, в то время как промежуточные установки анализа остаются без должного внимания. Преобладает пренебрежительное отношение к передаточному механизму, который должен представлять интерес как в теории, так и при проведении мероприятий экономической политики. Например, между неокейнсианством и неоклассикой, помимо расхождений в методологических основах, существуют промежуточные (их можно назвать рабочими) разногласия в отношении стабильности скорости денежного обращения, реагирования процентных ставок на изменения в денежном предложении, эластичности кривой инвестиционного спроса, гибкости механизма цен и производства в краткосрочном и долгосрочном периодах, рыночной саморегуляции, хотя последнее имплицитно вытекает из различий в принятых моделях человека и не может быть признано в качестве расхождения, возникшего в процессе теоретического и эмпирического анализа. Перечисленные противоречия далеко не исчерпывают их общей массы. Последующие авторы своими трудами увеличивали расхождение в инструментах анализа, причем не только между данной школой

и неоклассикой. В рамках самого кейнсианства появились три ветви: «гидравлическое кейнсианство», представленное моделью Хикса-Хансена, «восстановленный редуционизм», воплощенный в работах Р. Клайэра и Э. Леонхуфвуда, и «фундаменталистское кейнсианство», отраженное в трудах Дж. Робинсон и Дж. Шэкла (Блауг, 1994).

Неоклассическая школа тоже не является однородной (Фридмен, 1998). Чем объяснимо такое внутреннее разнообразие теоретических доктрин, в основе которых лежат одни и те же допущения? Видимо, причина кроется не столько в желании каждого исследователя добавить что-то свое к существующему на данный момент теоретическому каркасу, сколько в превосходстве разнообразия, заключенного в пунктах 3 и 4 на рисунке 1, над разнообразием исходных предпосылок и моделей (п. 1–2 – редкость ресурсов, равновесие экономической системы, совершенная конкуренция, модели человека).

В дальнейшем изложении намеренно откажемся от демаркационного правила К. Поппера, утверждающего научность теории по факту ее принципиальной опровержимости, так как любая ненаучная доктрина по определению опровержима, и тогда теряется граница между тем, что считать, а что не считать теорией. Кроме того, согласно тезису Дюгема-Куайна, довольно трудно опровергнуть любую отдельно взятую научную гипотезу в силу невозможности определения точной причины опровержения, ведь любая гипотеза проверяется совместно с вспомогательными предпосылками (Блауг, 2004, с. 374). Предлагаемая схема (см. рис. 1) отражает зависимость внешней верификации от внутренней.

Если абстрактно представить отсутствие пункта 3 или 4, то у экономистов не будет законченной теории, и наличие каких угодно методологических предпосылок не имеет никакого значения, а выводы просто не могут быть получены. Затраты на внешнюю верификацию становятся бесконечно большими. Однако, если теория не в состоянии сделать точные прогнозы и/или безразлична к исходным посылкам, которые имеют содержательное значение и в основном количественно не определяемы, то есть не выражены в виде наблюдаемых переменных, можно ли ее назвать теорией?

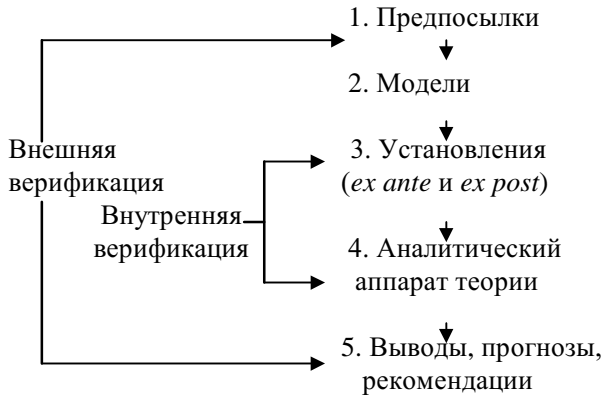

Рис. 1. Методологическая цепь формирования экономической теории

Внутренние установления теории и параметры аналитического аппарата количественно измеряемы, следовательно, результаты верификации на данном уровне методологической цепи целиком определяются качеством статистических наблюдений и измерений, работой управлений статистики, что неоднократно подтверждалось в споре между кейнсианцами и монетаристами.

Значение предпосылок экономической теории при анализе (п. 4 на рис. 1) агрегированных величин и использовании установок *ex ante* и *ex post* (п. 3 на рис. 1) пренебрежимо мало и еще более снижается в части рекомендаций и прогнозов (п. 5 на рис. 1), хотя общая логическая связь между предпосылками и прогнозами, конечно, должна прослеживаться (Сухарев, 2001, 2004). Убывание их влияния на экономический анализ и выводы при движении по «методологической цепи», изображенной на рисунке 1, происходит вследствие «большой силы» промежуточных установок и сформированного на их основе аналитического инструментария.

Что касается прогнозной функции экономической науки, то здесь имеются проблемы как у ортодоксов, так и институционалистов. Обычно прогноз базируется либо на прошлых тенденциях, в соответствии с которыми конструируется представление о будущем, либо связь с прошлым учитывается не столь явно, как в первом случае, а делается предположение о развитии какого-либо явления экономической жизни, имеющего место в на-

стоящий момент, по тому или иному сценарию, задаваемому и моделируемому математически. И в том, и в другом варианте используется трендовый статистический анализ. У прогноза есть существенное достоинство – гарантия его верификации временем, но необходимо учитывать элемент случайности в совпадении прогноза с реальными параметрами и кумулятивную причинность, способную привести к выполнению прогноза к назначенному сроку и создать ощущение правильности выбранных критериев его составления. Таким образом, точность прогноза не может быть критерием ценности экономической теории, несмотря на весомые преимущества в верификации перед теми исходными методологическими посылками, эмпирически проверить которые невозможно по определению.

Прогнозная функция экономической науки удовлетворяет наше любопытство о социальном будущем. Интересно знать, как будут меняться количественные параметры экономики и уровень благосостояния, но как представить качественные сдвиги, смещение жизненных стандартов и ценностей, которые изменят самих людей? Иначе говоря, нас интересует не столько то, как изменимся мы сами, сколько меркантильные и потребительские цели, «обслуживающие» ежедневную успокоенность. Экономисты, сравнивая результаты прогноза с фактически достигнутыми параметрами, судят об эффективности своей модели, при помощи которой получен прогноз и описывается динамика развития. Но институционализация самого прогноза, а также разработанной и используемой экономической модели в сочетании с неточностями оценки и измерения, нечеткостью работы статистических служб, могут привести к существенным прогнозным искажениям, а следовательно, неправильно подтвердить или опровергнуть какую-либо теорию. Например, обнаруженная корреляция между колебаниями объема денежной массы и номинального национального дохода, а также денежной массы и ценами не позволяет провозглашать безоговорочную справедливость монетаристской модели. Этот факт просто утверждает ценную для экономического анализа взаимосвязь между названными параметрами, но насколько она сильна и как будет трансформироваться с течением времени – вопрос, открытый для исследований и дискуссий. Упрощение представляет собой разновидность искажения, поэтому говорить о совместимо-

сти неоклассики и институционализма невозможно без крупных изменений в методологической структуре этих теоретических доктрин, так как парадигмально они расходятся.

Итак, прогнозная функция экономической теории не может служить ее верификатором, потому что она производна от исходных предпосылок данной теории, а модель часто включает недостаточное количество параметров, чтобы на их основе можно было построить эмпирически проверяемый прогноз. Сокращение денежной массы, с одной стороны, приводит к падению совокупного спроса, снижает инфляцию и процентные ставки, но, с другой – денег становится меньше, и, чтобы получить право на обладание ими, нужно предложить большую цену, то есть процент, институциональная инфраструктура которого не позволяет ему значительно снижаться при замедлении темпов инфляции и падении совокупного спроса, поскольку это оттолкнет международных инвесторов, негативно скажется на структуре портфеля активов и соответствующих мотивах и механизмах инвестирования, приспособленных к относительно высокому проценту. Сработают два эффекта – блокировки (lock in) и гистерезиса. Общий результат будет зависеть от количественного соотношения действия этих эффектов и того, насколько сильно замедление инфляции и падение совокупного спроса способно противодействовать оказываемому сопротивлению, учитывая, что падение спроса включает и инвестиционный компонент со всеми вытекающими последствиями. Но и верификация предпосылок и исходных моделей, на которых строится теоретический аппарат, тоже ничего не дает.

К предпосылкам экономической науки, существовавшим до последнего времени, на наш взгляд, вполне применимо попперовское правило демаркации: любая из них в принципе опровержима, кроме трех, на которых и должно покоиться здание подлинного экономического анализа:

1) хозяйственная система есть онтологическая функция бытия человека;

2) экономическая наука (в том числе теория) есть гносеологическая функция бытия человека;

3) человек – биосоциальное существо, проявляющее себя полимодельно, так что выяснение причин этих проявлений пре-

вращается в экономическую тавтологию и перестает быть целесообразным, а споры вокруг этого отвлекают усилия экономического сообщества и растрачивают его интеллектуальные ресурсы. Из первой и второй предпосылки вытекает, что хозяйственная система и экономическая теория суть институциональные установления, причем последнее возникло хронологически позже как ответ на возрастание разнообразия форм и структурной сложности первого, поэтому требовался инструмент, позволяющий справиться с возникающими проблемами и понять закономерности социального развития, чтобы эффективно им управлять, обеспечивая не только выживание увеличивающейся популяции людей, но и удовлетворение изменяющихся потребностей. Становление экономической классики через доктрины редкости, конкуренции, ценности, полезности (полезность представлялась главным источником ценности) «невидимой рукой» заретушировало названные исходные принципы, подменив их методологическим индивидуализмом. Эта скрывающая экономический мир «вуаль» была приподнята институциональной теорией, но будет ли она снята совсем?

В полемике по поводу возможности совмещения некоторых теорий (неоклассики и институционализма) вопрос предпосылок не случайно выпал из внимания. Дискуссия велась вокруг предмета исследования, целей и инструментов анализа, концептуальных возможностей теоретической доктрины в представлении адекватного образа функционирующей реальной экономики. Таким образом, предпосылки неважны для создания ценной теории. Они ослабляются на стадии включения промежуточных установлений, которые непосредственно определяют инструменты конкретной экономической теории. Установления *ex ante* и *ex post* более весомы для теории, так как количественно измеримы и формируют не только ее аппарат, но и практически передаточный механизм. Поскольку экономическая наука нужна нам в качестве познавательного установления, которое генерирует модели экономической политики и стратегии хозяйственных субъектов, то ее эффективность, а следовательно, и подлинное назначение теории, определяется не просто экономией транзакционных издержек, возникающих при организации процесса производства принципиально нового знания, а способностью при по-

мощи специального инструментария управлять развитием хозяйственной системы. Эта эффективность относительна, то есть теория, имеющая влияние, актуально должна сравниваться с теми, которые свое влияние на экономическую политику имели и утратили, а также с теми, которые еще не вступили в силу, но имеют на это неплохие шансы.

Таким образом, ценность экономической теории определяется даже не столько верностью предпосылок и точностью прогнозов, хотя эти условия снимать ни в коем случае нельзя, сколько точностью моделирования передаточного механизма экономической политики, его эмпирической подтверждаемостью. Из этого следует, что одна экономическая теория отрицает другую в том случае, если имеет более сильную внутреннюю верификацию.

Процесс принятия решений агентами и поиск инноваций детерминированы случайными факторами, и вписываются в общую схему «проб и ошибок». Следует учесть, что социум развивается по целям, отнюдь не пренебрегая ими. Если бы и цели устанавливались исключительно стохастически, трудно сказать, к каким парадоксальным или катастрофическим последствиям это могло привести. Большинство целей устанавливается осознанно, поэтому представления об экономической эволюции должны быть несколько иными: случайные факторы требуется совместить с закономерными. Такое совмещение позволяет лучше представить выгоды институционального планирования, комбинирующего некую предзаданность с оценкой вероятности случайных изменений в институциональной матрице, к которым общество обязано быть готовым.

Существует мнение, что императивность свойственна только авторитарному планированию и никоим образом не совместима с планированием индикативным. «Роль плана состоит в том, чтобы — за пределами возможностей рынка — предлагать общий взгляд на экономическое развитие, помогая людям выбирать линию поведения...» (Алле, 1998, с. 129). Только не понятно, как точно очертить границы рынка, его возможности и ситуацию, выходящую за их пределы. Рынок не является обособленной экономической подсистемой, так же как и план не существует сам по себе, без точек приложения к конкретным хозяйственным проблемам, охватывающим и рынки. В плане всегда имеется не-

который набор жестко заданных целей, который и обуславливает императивность планирования. Последняя прослеживается и при построении экономических теорий, например, институциональной, в основе которой могут лежать следующие положения:

1. Современный институциональный экономический анализ (в начальной точке) не может основываться только на учете индивидуальных предпочтений («отталкиваться» от отдельного агента), поскольку новые поколения людей появляются в уже определенном институциональном окружении, которое формирует менталитет и индивидуальную культуру, делает человека зависимым от социальных институтов.

2. Исходя из первого постулата, оценка индивидуальной деятельности с позиций институционального анализа предполагает наличие в начальной точке институтов. Это соответствует принципу релятивизма экономической теории, поскольку начальная точка не бесконечно отдалена от современности, а находится где-то вблизи от текущего исторического интервала, на котором можно считать справедливыми наши теоретические построения. Если таким образом разрешается институциональная регрессия экономического анализа, то появляются весьма устойчивые основания для институционального планирования.

Многие постулаты институционализма среди неоклассиков находят серьезных оппонентов, что вызывает ответную реакцию и заставляет институционалистов оправдываться. Иногда кажется, что чрезмерное увлечение доказательством наличия в экономике институтов, обоснованием их большой роли, искусственной организацией дискуссии вокруг определения экономического института инспирировано исключительно оправдательным комплексом. В таком случае этот психологический эффект является главной причиной описательного характера институционализма, его схоластичности. Получается, что данный эффект спровоцирован ортодоксальной критикой и сам же себя усиливает, предоставляя возможности для новых критических замечаний, заставляя институционалистов искать внутреннее методологическое «ядро» собственной интеллектуальной системы и программы исследований, вместо того, чтобы давать объяснения практическим вопросам экономической политики, предлагать эффективные механизмы ее реализации.

Институты и эволюция

Институциональная теория отвергает рациональное поведение, поскольку это означало бы, что присутствует некое объективное, а не субъективное восприятие индивидами институтов, что, конечно, не так. Если субъект экономики может дать точную количественную оценку чему-либо, то он может, точно сравнив эти оценки, осуществить выбор. Но его биологическая природа все равно определенным образом смешает количественные оценки даже в тех областях, где они возможны.

В отношении институтов отдельно взятый индивид не может дать точной количественной оценки, так как он субъективно воспринимает институциональное окружение, да и сами институты предстают в виде лингвистических, правовых, социальных, культурных и иных форм. Правильная оценка этих форм или выработка верной модели поведения в условиях их совместного функционирования является очень трудной задачей. Совокупность институтов, окружающих индивида и образующих соответствующие структуры, может определять характер его действий. Модель действия экономического субъекта выступает результирующей его институционального окружения, взаимодействий типа «субъект – субъект», «субъект – структура», «институт – институт», «институт – структура – субъект».

Индивид может быть полностью уверен в полезности набора рутинно совершаемых им действий. Однако на практике эти действия могут быть вредными для него без идентификации наносимого вреда и даже при полной иллюзии полезности, которую создают определенные институты.

Например, институты могут настроить человека на тяжелый жертвенный труд за минимальную оплату ради достижения некой идеальной цели или подтолкнуть его к поступку, за который он окажется в тюрьме, однако полностью себя оправдает с позиций неформального кодекса чести. Возникает логическое противоречие, разрушающее общепринятую тавтологию о максимизации удовольствий. На самом деле человек никогда не будет поступать во вред себе, напротив, всегда будет стремиться к максимально возможному собственному удовлетворению и тем самым будет максимизировать индивидуальную полезность своими действиями. Таким образом, институты определяют действия

хозяйственных субъектов и их рутины, поэтому совершенно неважно, какими свойствами обладает сам субъект (если только это не организационная структура) и, стало быть, не нужно задаваться моделями свойств человека, а необходимо создавать модели действий или, что более перспективно, модели функционирования институтов, детерминирующих эти действия.

Неоинституционалисты утверждают, что люди создают формальные и неформальные нормы, которые структурируют взаимоотношения между ними, обеспечивая обмены и социальные контакты (Норт, 1997). Данный подход нужно признать не совсем корректным, потому что он не учитывает жизненный цикл индивидов и институтов.

Значительное число правил, норм поведения, законов меняется в течение жизни одного поколения людей. Если новое поколение рождается на отрезке времени $[t_1, t_2]$, то, в зависимости от того, на какой участок жизненного цикла институтов попадает данный отрезок, находятся характеристики процесса социализации этого поколения людей. Хотя за жизнь данной генерации произойдет смена многих правил, необходимо признать, что в среднем жизненный цикл институциональной матрицы превышает жизненный цикл поколения людей, а текущие изменения следует рассматривать как действие кумулятивного эффекта. Именно поэтому становится некорректным утверждение, что люди создают институты, которые затем управляют ими (см. рис. 2).

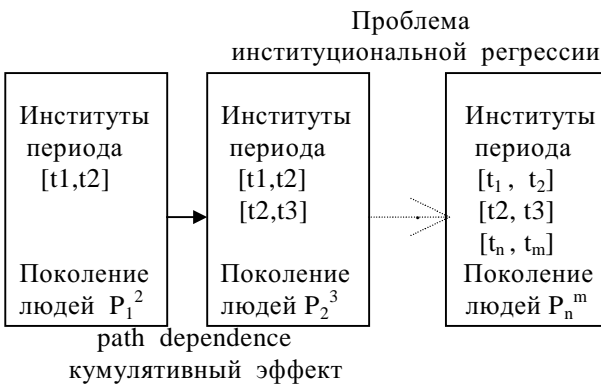

Рис. 2. Взаимодействие жизненных циклов в системе «институт – субъект»

Во-первых, институты создаются прошлыми институтами. В этом состоит принцип зависимости от прошлого, который приводит к проблеме институциональной регрессии.

Во-вторых, поколения людей сменяют друг друга в результате старения и смерти, а институты не умирают. Они становятся неэффективными и выбывают в результате конкурентного давления, представляя собой объем информации в ячейках социально-исторической памяти и играя важное значение в обучении будущих поколений. Да, человек создает институты, но его воспитание и обучение происходит в определенной институциональной системе. Поэтому его действия, в том числе по изменению таких норм и правил игры, в значительной мере предопределены прошлыми институциональными изменениями.

Следовательно, чтобы понять экономическую реальность и тенденции развития национальных хозяйств, необходимо знать закономерности функционирования хотя бы базовых институтов, структурирующих информацию о поведенческих реакциях агентов, создающих модели ожидания, модели опережения действий («дилемма Холмса – Мориарти») и достаточно устойчивые модели оценки. Подобным образом институты «заставляют» субъектов вести себя единообразно и создают повторяющиеся циклы поведения в аналогичных ситуациях, применяя наказание за девиантные действия.

К сожалению, проблема изучения институтов сводится к сложной таксономии правил, норм, обычаев, инстинктов, мыслительных конструкций и т. д. Замена абстрактно-дедуктивного метода на описательный, когда «история имеет значение», создает проблему субъективной интроспекции институциональной непрерывности. Институционализм переносит акцент с индивида на институты, рассматривая последние в качестве единицы анализа, как некие содержательные «агрегаты». Однако эти «агрегаты» и интересны потому, что образуют социальное «трение» (во взаимодействиях), а следовательно, несут потери и получают приобретения, определяют организацию, аллокацию и адаптацию в экономике. Для институциональной экономической теории, учитывая изложенные особенности, модель *homo economicus* отходит на второстепенные рубежи и никак не определяет существо аналитических инструментов, которые далеки от удобных

количественных моделей и передаточных механизмов, выводимых неоклассиками из промежуточных установлений *ex ante* и *ex post*. Поскольку институты функционируют в течение длительных периодов, определяя долгосрочную траекторию развития хозяйственной системы, то сбор и обобщение достаточного объема описательного статистического материала для сопоставительного анализа представляются затруднительными. Более того, экономическая эволюция есть процесс необратимых инкрементальных изменений, происходящих в результате непредсказуемого переплетения телеологических и генетических процессов социальной динамики.

Расхождения в «лагере» институционалистов очевидны. Например, Ф. Найт, относивший себя к данному направлению, отстаивал идею объединения неоклассики и институциональной теории по причине их совместимости, которую он видел в акцентировании и объяснении институционализмом тех факторов, которые неоклассики трактуют как экзогенные, то есть заданные извне. К ним относятся предпочтения, институты и социальные технологии (Rutherford, 1994). Причем «старые» институционалисты сосредоточиваются на обычаях и привычках (Ходжсон, 1997, с. 29–74) как предмете анализа, а «новые» – на правилах поведения и рутинах, исключая из рассмотрения обычаи и признавая модель максимизирующей полезность индивида, стремящегося получить наибольшую отдачу в рамках действующей системы институциональных ограничений (Нельсон, Уинтер, 2002; Эггертссон, 2001).

Уровень методологической проблематики эволюционной экономической теории также часто сводят к необходимости поиска компромисса с ортодоксией и разработки синтетической теории, совмещающей взаимоисключающие, на первый взгляд, принципы названных исследовательских направлений. Эволюционная теория не только имеет возможности описывать, объяснять и прогнозировать долгосрочное развитие хозяйства, но и должна подойти к решению задач краткосрочного характера, перейдя на уровень моделей принятия решений. Если ей это удастся, то эволюционизм будет оперировать всеми четырьмя типами моделей (описательные, объяснительные, прогностические, при-

нятия решений), используемых в экономическом анализе, что упрочит методологические позиции и статус данной теории.

Акцент на взаимосвязи краткосрочных и долгосрочных эффектов в хозяйственном развитии представляет собой важнейшую методологическую проблему любой экономической теории и без приемлемого разрешения данного вопроса вряд ли возможен ощутимый прогресс в указанной области. Это имеет существенное значение для любых теоретических разделов экономической науки, в частности, для теории отраслевой организации хозяйственной системы.

Актуальными особенностями эволюционного анализа представляются:

- 1) повышенное внимание к фактору времени, причем задачи краткосрочного назначения исключаются из рассмотрения;
- 2) преобладание ресурсного подхода;
- 3) агрегатный характер представления эволюции, при котором некоторые важные элементы «выпадают».

Выход из образовавшихся «методологических завалов» в эволюционной макроэкономике видится в представлении макроуровня эволюции как сети микросвязей, разработке неагрегативных теорий экономического роста (попытки предприняты К. Меткалфом, а ранее Э. Янгом и С. Кузнецом), разграничении сфер компетенции эволюционизма и ортодоксии (Сухарев, 2004).

Представим альтернативную точку зрения на проблему возможности компромисса между эволюционизмом и ортодоксией. Экономическая наука, согласно предлагаемому подходу, имеет два контура развития: внутренний (контур саморазвития), предназначенный для совершенствования аппарата теории, и внешний, задачей которого является превращение теоретического знания в конкретные рекомендации и модели принятия решений.

Можно говорить и о двух уровнях верифицируемости экономического знания, в связи с чем возникает очевидная проблема их согласования. Вместе с тем, если выделить три сферы приложения интеллектуальных усилий экономической науки, а именно «теорию развития», «теорию экономической эффективности» и «теорию экономической политики», то ортодоксия имеет вполне четкие модели и существенные результаты в каждой из них. Эволюционная же теория «покрывает» лишь первую

область, не располагая существенными результатами в создании собственных теории эффективности и экономической политики. Правда, ортодоксия в качестве теорий развития «предносит» различные теории экономического роста, но они в достаточной степени конкретны и математически формализованы, что трудно сказать о теориях развития, предлагаемых в рамках эволюционного направления.

Таким образом, проблема соотношения ортодоксии и эволюционизма выходит на первый план в обозначенной «координатной сетке» теорий. Можно дать ориентировочный прогноз вариантов исхода этой интеллектуальной конкуренции. Возможно, эволюционной теории придется разрабатывать собственные подходы к теории эффективности и экономической политике, модельно согласуя краткосрочное и долгосрочное видения эволюции при укреплении позиций в рамках «теории развития». В противном случае за эволюционизмом останется только проблематика долгосрочного развития, либо произойдет воссоединение альтернативных теоретических подходов на базе новой синтетической парадигмы, в рамках которой относительно краткосрочные эффекты будут хорошо описываться ортодоксией, а долгосрочные – эволюционной теорией, причем общий взгляд на экономику будет представлен их методологической комбинацией.

Оригинальное видение проблем развития эволюционной теории дается в рамках теории развития сложных систем, располагающей достаточно мощным математическим аппаратом. Перспективы теории систем довольно обнадеживающие, особенно с вовлечением в анализ положений теорий филогенеза и онтогенеза в качестве двух составных элементов теории эволюции.

В социально-экономической эволюции важную роль играет не отбор наилучшего результата (в том числе организации или института), а выбор одного из возможных вариантов, которые возникают в так называемом «перемешивающем слое», представляющем бурную, квазихаотическую стадию эволюции хозяйственной системы в противоположность медленным участкам ее эволюции.

В развитии теории Й. Шумпетера уточним, что в современном мире инновации сами по себе не играют основополагающей роли (Сухарев, 2004), образуя сложный метаморфоз с рутинами

и инициируя переход экономической динамики в различные режимы. Ключевое значение имеет уровень компетенции общества к восприятию инноваций, осознание потребности в них. Инновационность предстает своеобразной функцией готовности общества к новому в различных сферах. В «перемешивающем слое» может возникнуть момент с вероятностью предсказания результата выбора, близкой к единице. Однако не совсем ясно, каким образом «поймать» этот момент и как им воспользоваться: вновь возникает проблема доведения теоретических результатов до моделей принятия конкретных решений. Итогом можно считать утверждение, что теория развития систем в будущем примирит ортодоксию и эволюционную теорию, обеспечив стирание границ между этими областями исследований.

Конечно, это довольно самонадеянный прогноз, вероятность которого сбыться невысока, поскольку, с одной стороны, взаимопроникновение теорий закономерно происходит (в этой части утверждение может показаться справедливым), но, с другой, существует объективный предел их конвергенции, к тому же этот процесс может происходить с замедляющейся скоростью и в затухающем режиме.

Постоянное расхождение частных случаев, описываемых конкретно-прикладными ортодоксальными моделями и моделями общих закономерностей, на создание которых претендует эволюционизм, с течением времени может не быть устранено, так как равновесный процесс и неравновесная динамика — это различные изменяемые состояния, описываемые наукой по-разному. Проблема приведения их к единому методологическому базису остается открытой даже в рамках теории развития систем.

Промежуточным результатом представленных рассуждений можно считать следующие положения:

1. Эволюционное направление в экономической науке успешно развивается и постепенно закладывает основы нового экономического мышления, столь необходимого в условиях быстрых изменений современного мира. Этот тип мышления совершенно отличается от стандартных ортодоксальных схем, предполагающих наличие точки равновесия и оптимальности, за счет использования неравновесных представлений об экономическом развитии и учета эффектов накопления изменений, обучения,

«культурной инерции» и т. д., отражающихся в моделях хозяйственного поведения.

Это позволяет вырабатывать иное видение взаимосвязанных проблем хозяйственного развития и экономической политики, другими словами, «краткосрочных» и «долгосрочных» проблем эволюции национального хозяйства на основе учета его генетических свойств и «приобретаемых» изменчивых закономерностей течения экономических процессов.

2. Невозможно точно и убедительно ответить на вопрос: «Что произойдет с ортодоксией и эволюционной экономической теорией в ближайшей перспективе?». Ясно, что ортодоксальное направление добилось серьезных результатов в области разработки экономической политики и имеет фундаментальные достижения в рамках «теории эффективности», «теории развития» и «теории экономической политики». Экономическое знание и знание как таковое имеет свойство развиваться таким образом, что любое кажущееся противоборство впоследствии оборачивается компромиссом или гармоничным сосуществованием различных и, казалось бы, диаметрально противоположных доктрин (идея реализована И. Лакатошем).

В любом случае экономическое мышление необходимо переориентировать с балансовых схем и дихотомий типа «дефицит – профицит», «спад – рост», «рестрикция – экспансия», «равновесие – неравновесие» и др., поскольку реальная сложность экономической системы значительно превосходит возможности инструментария, основанного на всякого рода противопоставлениях.

Существенный прорыв в экономической науке произойдет лишь тогда, когда эволюционизм сможет предложить убедительные схемы передаточного механизма экономической политики с учетом долгосрочных эффектов развития. Потребуется по-новому расставить акценты экономической политики – на реальных субъектах и параметры их бытия. Тогда станет возможен отказ от ироничной максимы Дж.М. Кейнса, гласившей, что «в долгосрочном периоде все мы покойники», и до сих пор довлеющей над умами экономистов.

ИНСТИТУТЫ КАК ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Социальные институты принято рассматривать как общественные блага или как объекты, возникшие в результате конфликта интересов или неопределенности и обладающие свойствами общественных благ. В связи с этим становится важной проблема недопроизводства институтов и их дисфункции. Она связана с процессом возникновения институтов, а также с характеристиками обменов, заданных прежней институциональной структурой. Представляется, что некоторые экономисты переоценивают проблему недопроизводства институтов, априорно полагая, что каких-то институтов недостает. Но насколько глубокие основания для этого у них имеются? Как доказать факт недопроизводства или перепроизводства институтов?

В институциональной теории без строгих обоснований постулируется причина возникновения институтов, сводимая к тому, что они появляются как ответ на имеющуюся потребность структуризации обменов и снижения издержек трансакций. Это очень напоминает неоклассическое допущение, согласно которому индивид максимизирует прибыль и поступает так просто потому, что является эгоистом. Если индивид у ортодоксов максимизирует прибыль, то институционалисты, заменив индивида институтом, утверждают, что последний оправдывает свое существование, минимизируя издержки заключения и ведения сделок. Оба течения экономической мысли выстраивают собственную программу исследований и создают для ее реализации аналитический аппарат, исходя из формулировки задачи оптимизации, то есть поиска экстремума функции, описывающей то или иное экономическое явление. Безусловно, институты определяют величину трансакционных издержек, однако, это в сего лишь один вид издержек. Кроме того, они создают условия аллокации и реаллокации ресурсов в хозяйственной системе. Поэтому ошибочно устанавливать взаимосвязь института и трансакционных издержек, пренебрегая другими затратами, тем более, что институциональная структура задает полный набор экономических эффективностей, поскольку институты выполняют распределительную и адаптивную функции.

Экономисты, разрабатывая локализованные методики, например, для фирмы, часто упускают из вида, что они могут использоваться на многих фирмах, а такой результат явно не предусмотрен в самой методике. Происходит быстрое обесценивание фрагментированного экономического знания, то есть методическое обеспечение деятельности фирмы должно быть уникальным или хотя бы достаточно редким. Только в таком случае предприятие достигнет успеха и будет способно оценить эффективность примененной методики. Следовательно, любое *know how*, относится ли оно к технологической или социальной сфере, возникая, одновременно, «рождает» монополию, концентрируя вокруг себя экономическую власть. Новый институт представляет собой социальное *know how*, поэтому с его возникновением, произошло ли оно случайно или вследствие спланированных действий правительства, прежде всего осуществляется перераспределение власти и соответствующих функций, а только затем — доходов, благ, информации и ресурсов. Конечно, последовательность здесь условна, ведь все процессы происходят синхронно. Однако от равномерности распределения потенциала власти в экономике зависят издержки институционального планирования, трансакций, а также замены одних институтов другими.

Следует признать верным утверждение, что институты обладают свойствами общественных благ, но не являются ими, точнее, далеко не все институты «подпадают» под их признаки. Например, язык и институты культуры — типичные общественные блага, а институты образования и здравоохранения таковыми не являются, поскольку в этих сферах нередка дискриминация прав клиентов, а доступ к оказываемым услугам детерминирован статусом, возрастом, здоровьем, уровнем дохода и другими параметрами, ведущими к асимметрии (Сухарев, 2004).

Социальный порядок конституируется системой правил — формальных и неформальных норм. Формальные институты воспроизводятся в целях структуризации деятельности индивидов, выполняют предписательную, разрешительную, запретительную и ограничительную функции. Считается, что правила снижают неопределенность благодаря повышению уровня информированности индивида о происходящих в обществе и в окружающей среде явлениях. Поскольку рациональность социальна,

то есть зависит от используемой для принятия решений информации, то формальные правила выступают условием рационального поведения индивида, а обычаи, привычка, стереотип ассоциируются обычно с иррациональной моделью. Правила расширяют границы обменов, снижают издержки трансакций, позволяют управлять экономическими процессами, контролировать ситуацию – такова общепринятая точка зрения среди институционалистов «новой» и «старой» школ. Однако появление новых правил, нагромождение ограничений, условностей и процедур способно не только реализовать указанные позитивные моменты, но и дезорганизовать экономическую систему вплоть до перевода ее в состояние коллапса. Вероятность такого исхода резко повышается, если проводится экономическая политика, не принимающая во внимание отмеченную опасность.

Поэтому, рассуждая о недопроизводстве институтов, следует ориентироваться на строгие критерии, позволяющие сделать такой вывод с минимумом погрешностей, ведь если правил и норм достаточно, то активная деятельность по их дополнительному производству приведет к занормированности экономики. Причем ощущение недостатка в институтах может быть обманчивым в силу их дисфункциональности. Следовательно, с помощью установленных критериев нужно получить четкий ответ – производить ли новые институты или попытаться справиться с дисфункцией прежних правил, которые еще не выработали потенциал своей эффективности. Это возможно на основе разработки теории институциональной макро- и микродисфункции, а также принятия специальных нормативов и требований по идентификации дисфункциональных состояний отдельных институтов и экономических подсистем.

Утверждение, что правила снижают экономическую неопределенность, требует корректировки. Дело в том, что снижение неопределенности сохраняет какую-то степень незнания ситуации, поскольку полной определенности достичь почти никогда не удастся. Следовательно, факт снижения неопределенности устанавливается по некой системе оценки изменения наших знаний и представлений о происходящих событиях. Индивиды и разработанная ими система оценок являются неотъемлемыми элементами развивающейся экономики и ее неопределенности. По-

этому, когда говорится о том, что удалось снизить неопределенность, следует понимать это в рамках изменившихся по каким-то причинам субъективных ощущений и оценок действительности. Известно всего два кардинальных метода подлинного снижения неопределенности – это реализация плана и увеличение концентрации власти, в том числе функции контроля. Все остальное в большей степени представляет собой изменение восприятия экономическими агентами данной проблемы.

В условиях рыночного хозяйства институциональное планирование становится основным механизмом преодоления высокой неопределенности стихийного саморегулирования агентов. Появление новых правил способно увеличить неопределенность, так как агенты могут не располагать знаниями о том, зачем эти правила вводятся, какую роль будут играть в экономике и как им вести себя в новых условиях – игнорировать институты, приспосабливаться к ним или разрабатывать иные модели поведения. Перечисленные решения, безусловно, приведут к росту неопределенности.

Сравнение институтов с игрой заманчиво, поскольку социальные процессы действительно очень напоминают игру. Но если за игрой в шахматы или в карты можно наблюдать, не являясь ее участником, то за игрой, имя которой «человеческая жизнь», наблюдать можно только играя. В этом состоит одна из главных причин, почему результаты анализа по игровым моделям невозможно воспринимать без необходимых оговорок и адаптации в качестве определенных, пусть и предварительных, результатов исследований социальных изменений.

Порой в процессе обмена индивиды, координируя свои действия, устанавливают правила, которые существуют только в период осуществления сделки, а затем мирно «умирают». Их появление на свет неопределенно, целиком зависит от асимметрии переговорной силы. В этом случае институт справедливо рассматривать как стохастическое явление. Однако социальный контакт двух заинтересованных сторон невозможен вне институционального поля. Правила же, вырабатываемые агентами при заключении сделок, выступают дополнительными по отношению к первоначальной совокупности правил. Вот почему нельзя трактовать воровство, вымогательство и, тем более, грабеж в качестве вы-

нужденного обмена в противоположность добровольному. Это не асимметричный контракт и уж, конечно, не односторонний избирательный обмен. Последнее словосочетание вообще бессмысленно, так как одностороннего обмена быть не может, иначе это не обмен вообще. В процессе обмена одна из сторон может нести большие издержки, чем другая, но его обязательным условием и смысловым содержанием является взаимный переход неких благ, при котором величина выгод может различаться. В ходе обмена исходная институциональная структура не нарушается, а агентами соблюдаются все базовые правила. Контракт предполагает согласование позиций двух сторон, поэтому, если одного из участников никто ни о чем не спрашивает, то это не контрактация. Преступные деяния не могут быть ни обменом, ни контрактом, поскольку разрушают исходное институциональное поле, являющееся фундаментом всех социальных процессов, включая и девиантные модели поведения, такие как воровство и др. В институциональной матрице общества «запрограммировано», что считать преступлением, а что – добровольным обменом.

При заключении контракта или совершении обмена появляются модели поведения, не вписывающиеся ни в представления о добровольном обмене, ни в представления о преступных действиях. Такое поведение является оппортунистическим и направлено на получение дополнительной выгоды одним из агентов без нарушения юридических норм. Описательные институциональные модели должны быть приближены к реальным событиям, в противном случае их полезность минимальна. Решение о нарушении нормы принимает каждый индивид самостоятельно в силу различных обстоятельств. От этого зависит, произойдет ли грабёж, воровство, вымогательство, мошенничество или иной вид преступления, а не от наличия какого-то асимметричного контракта или одностороннего обмена, которых на самом деле не существует.

Почему возникают девиантные формы поведения и нарушение норм – отдельная тема, которая связана с проблемами экономической политики. Причина, очевидно, в том, что нарушать становится более выгодно, чем исполнять. Трансакционные издержки и «разрастающиеся» правила делают невозможным достижение многих целей, не дают людям ответа на вопрос «почему мы беднее других, хотя ничем от них не отличаемся?». Но

любые издержки не существуют сами по себе. Так, высокие транзакционные издержки являются следствием неэффективной организации обменов, то есть их «провоцируют» соответствующие институты. Рост транзакционных издержек сказывается на интенсивности обменов, и это влияние зависит от совокупности факторов, в частности, от особенностей изменения транзакционных издержек, перспектив экономии, наличия защитных механизмов и отлаженности институциональных структур.

Не вызывает сомнений, что снижение издержек является доминирующей целью общественного развития, детерминирующей процесс институционального планирования¹. Обществу нужны институты, стимулирующие экономию ресурсов, параллельно обеспечивая удовлетворение насущных потребностей людей и поддержание сложившихся социальных стандартов. С развитием экономических систем наблюдается рост транзакционных издержек, что вызвано повышением их сложности, развитием сферы информации и услуг. Этот рост имеет трендовый, долгосрочный характер. На коротких интервалах снижение издержек транзакций выступает критерием экономической эффективности, а также эффективности правительственных мероприятий, в том числе институционального планирования. Процедуры проектирования институтов, образующие алгоритм их планирования, позволяют решить важную проблему. Институты обеспечивают «игроков» необходимой информацией, которая используется ими при формировании ожиданий и установлении контактов друг с другом. Без информации невозможно существование институтов, причем имеется в виду та информация, которая не регулируется официальными правилами (нормами), то есть «живет своей жизнью» и используется в специальных целях (работа разведки, спецслужб, технологические секреты). Для развития экономики и мира ее значение очень велико. Таким образом, возникает проблема онтологической приоритетности: что первично – институт или информация? Можно ли рассматривать информацию в качестве особого института? В условиях экономической непрерывности убедительного ответа дать практически невозможно. Если экономическая реальность дифференцируется, а это очевидно, поскольку люди ставят цели и разрабатывают планы по их достижению, то есть конструируют алгоритмы с конечным числом

операций и функций, то ответ очевиден: следующие «порции» информации и новые институты определяются качеством институционального планирования, основывающегося на анализе эффективности функционирования прежних институтов и поступающей от них накопленной информации и текущих знаний.

Литература

- Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.
- Алле М. Условия эффективности в экономике. М.: Научно-издательский центр «Наука для общества», 1998.
- Блауг М. Методология экономической науки. М.: НП Журнал «Вопросы экономики», 2004.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.
- Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика. М.: ИЭ РАН, 2001.
- Сухарев О.С. Социальный вопрос: институты, инновации и экономическая политика. М.: Экономическая литература, 2004.
- Фридмен М. Если бы деньги заговорили. М.: Дело, 1998.
- Ходжсон Дж. Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI века. М.: Япония сегодня, 1997.
- Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.
- Rutherford M.C. Institutions in Economics: The Old and the New Institutionalism. Cambridge University Press, 1994.

¹ Скорее, такая целевая ориентация характерна для отдельных этапов хозяйственной эволюции. Ее полярным вариантом является достижение необходимого результата, невзирая на уровень затрат (в концентрированной форме эта идея выражена лозунгом «Победа любой ценой!»). — Прим. ред.

Глава 7

**ФАКТОРНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

Систему управления хозяйствующим субъектом в экономической науке рассматривают в рамках и относительно управленческой деятельности, раскрывающей определенные процедуры, предполагающие причинно-следственные изменения, где причина – принятое управленческое решение, а следствие – изменение в состоянии субъекта, постулируя этим целый блок социально-экономических отношений, связанных с достижением поставленных целей.

Практическим результатом управления хозяйствующим субъектом является изменение его состояния. Под управлением изменениями понимается воздействие управляющей системы на организацию в связи с изменениями (переменами) во внутренней и внешней обстановке (Уотермен, 1988, с. 396). Устоявшееся терминологическое сочетание «управление изменениями» («change management») определяет для большинства современных методов внутрифирменного управления общее теоретическое содержание, направленное на целенаправленное достижение управленческих изменений в состоянии хозяйствующего субъекта в ответ на изменения во внешней и внутренней среде. Иными словами, в рамках управления изменениями непосредственное внутрифирменное управление может осуществляться посредством различных методических подходов. Управленческие воздействия представляются как целевая реакция хозяйствующего субъекта в ответ на эндогенные и экзогенные изменения, охватывающие условия и ресурсы, факторы и продукты, принцепалов и агентов, акции и события хозяйствующего субъекта.

В практике и научных исследованиях все большее внимание уделяется анализу методов и организационным возможностям управления изменениями. Убедиться в этом можно, представив методические подходы, наиболее характерные для рассматриваемого направления менеджмента.

К. Левин, впервые рассмотревший управление изменениями, предложил три процессно-ориентированные концепции этой

теории (Левин, 2000): динамическая стабильность, менеджмент переходного состояния и воздействие изменений на индивидов. Каждый из этих управленческих подходов, различным образом выстраивая процесс управления изменениями, рассматривает внутрифирменные изменения в качестве основы целевого и иницирующего компонентов процесса управления.

Р. Уотермен, рассматривая управление изменениями в процессе обновления организации, делает основной упор на человеческие ресурсы как источник новаций, приводящих к модернизации и реконструкции (Уотермен, 1988). Ф. Гуияр и Дж.Н. Келли подходят к предприятиям как к живым организмам, используя физиологические аналогии. Понятие «преобразование бизнеса» они определяют как «организованное перепроектирование генетической архитектуры организации, которое достигается в результате одновременной работы – хотя с разной скоростью – по четырем направлениям: рефремингу, реструктуризации, оживлению и обновлению» (Гуияр, Келли, 2000, с. 22).

Согласно исследованиям К. Бенна, Р. Чина и У. Мастенбрук, в науке и практике трансформационных процессов можно различать четыре типа управляемых стратегий изменений: эмпирические, силовые, нормативные и фасилитативные (Мастенбрук, 1996, с. 75; Benne, Chin, Bennis, Corey, 1976). Каждая из этих стратегий отличается специфическим подходом в определении характера мотивационного обеспечения процесса изменений.

Существенные результаты по исследованию внутрифирменных изменений в рамках новой системной теории фирмы были показаны в работах Й. Рюэгг-Штюрма (Рюэгг-Штюрма, 1998а, 1998б). В рамках предлагаемого исследователем системно-конструктивистского подхода хозяйствующий субъект рассматривается как единая система, структурно состоящая из сети разносторонне связанных между собой исходных системных элементов.

Использование изменений в процессе решения проблем предполагается и в концепции Р. Акоффа (Акофф, 1982). В данном подходе решение проблемы (исход или цель) достигается за счет реализации соответствующих трансформационных процессов внутри совокупности управляемых переменных (линия поведения) в рамках определенных неуправляемых параметров (фон проблемы) и ограничений.

Примером акцентирования внутрифирменных изменений в процессе управления является концепция управления по отклонениям, которую Л. Биттель рассматривает как систему деятельности, основанную на выявлении и доведении до сведения руководителей только тех сигналов, которые требуют его личного внимания (Биттель, 1980).

В работах (Москалев, 1998, 2000) подробно рассмотрены модели управляемых процессов изменений микроэкономических систем. Под процессом изменений здесь понимается управляемый перевод системы из одного состояния в другое, что обусловлено как изменениями объектов, составляющих эту систему, так и изменениями во взаимодействии этих объектов (Москалев, 2000, с. 36). Основное внимание уделяется вопросам мотивационного обеспечения процесса изменений и вопросам взаимодействия между собой субъекта и объекта управления изменениями, властных структур, инструментов изменений, инициирующих факторов и обстоятельств и т. д.

В работах (Мосейко, 2001, 2002, 2003) рассматривается концепция управления «по изменениям». В рамках этого подхода в каждом цикле управления управленческое решение формируется на основе и реализуется посредством совокупности вариативных внутрифирменных управленческих изменений в определенных операциях, действиях и элементах бизнес-процессов хозяйствующего субъекта. Внутрифирменные изменения в данной концепции рассматриваются с точки зрения их использования в качестве инструментального компонента методического обеспечения процесса управления, то есть с точки зрения технологии управления.

Рассмотрению вопросов трансформации организации за счет реализации внутрифирменных изменений, наступающих в процессе управления, посвящены исследования Н. Тома (Том, 1998). Рассматриваемая им теория управления изменениями охватывает все запланированные, организуемые и контролируемые переменные в области стратегии, производственных процессов, структуры и культуры любой социально-экономической системы. Н. Том при выделении общих предпосылок изменений рассматривает два крайних методических подхода к управлению изменениями: реинжиниринг хозяйственной деятельности (революционная модель) и организационное развитие (эволюционная модель). Дру-

гие методы управления, реализующие тенденции развития общей теории управления изменениями, могут находиться в поле, определяемом крайними методическими подходами этой теории.

В целом, различают четыре этапа эволюции систем управления, связанных с воздействием на изменения (Управление персоналом, 1998, с. 396–397): а) управление на основе контроля за исполнением (постфактум); б) управление на основе экстраполяции, когда темп изменений ускоряется, но будущее еще можно предсказывать путем экстраполяции прошлого; в) управление на основе предвидения изменений, когда начали возникать неожиданные явления и темп изменений ускорился, но не настолько, чтобы нельзя было вовремя предусмотреть будущие тенденции и определить реакцию на них; д) управление на основе гибких экстренных решений (стратегическое управление), которое складывается в настоящее время в условиях, когда задачи возникают настолько стремительно, что их невозможно вовремя предусмотреть. Как видим, этапы эволюции систем управления изменениями отличаются сложностью и нестабильностью внешней и внутренней обстановки, в которой происходят изменения и которой необходимо управлять. Определяющими при выборе системы управления, подходящей для конкретных условий, становятся два фактора: требования внешней и внутренней среды и уровень притязаний управляющего органа. Предпочтение отдается системе управления, которая соответствует уровню нестабильности, наиболее вероятному для конкретной ситуации принятия организационного решения.

Анализ приведенных работ показывает, что теория управления изменениями представляет собой отдельное направление управленческой мысли, в рамках которого основным результатом управления хозяйствующим субъектом является его переход из одного состояния в другое (изменение его функций и структуры) посредством нано- и микроэкономических (внутрифирменных) трансформаций. В рамках этой теории реализация управленческих воздействий представляется как реакция хозяйствующего субъекта в ответ на изменения во внешней и внутренней среде.

При общей высокой продуктивности и востребованности теорией и практикой управления рассмотренных методов и подхо-

дов следует обратить внимание на ряд обстоятельств, которые свидетельствуют об их теоретико-методологической ограниченности.

Прежде всего, теория управления изменениями продолжает развиваться в общем русле традиционной неоклассической модели микроэкономического анализа, в основе которой лежит модель рационального выбора в условиях набора ограничений: физических, порожденных редкостью ресурсов, и технологических, отражающих уровень знаний и практического мастерства экономических агентов – участников экономических отношений, то есть «степень искусности, с какой они превращают исходные ресурсы в конечную продукцию» (Капелюшников, с. 2). Управление изменениями рассматривается вне особенностей институциональной среды, а поэтому не учитываются издержки по обслуживанию сделок, все ресурсы рассматриваются распределенными в соответствии с четко разграниченными правами собственников, информация считается совершенной, а подвижность ресурсов – полной и т. д. На самом же деле поведение участников экономических отношений осуществляется в рамках ограничений, обусловленных институциональной структурой общества, а поэтому сужающих поле индивидуального выбора. В реальной практике хозяйствования «экономические агенты действуют в мире высоких транзакционных издержек, плохо определенных прав собственности и ненадежных контрактов, в мире, полном риска и неопределенности» (там же).

Более того, традиционная неоклассическая модель изображает человека, главного участника экономических отношений, как существо гипerrациональное. Реальное функционирование отдельного человека в рамках институциональной структуры общества отличается большей трезвостью, что находит выражение в наличии двух важнейших линий поведения – ограниченной рациональности и оппортунистического поведения.

Первая линия поведения, как функция, зависит от двух переменных: когнитивных ограничений и издержек на поиск информации, которые обуславливаются ограниченностью интеллектуальных способностей человека, неполнотой знаний и информации, которыми он обладает, затратностью для него эвристических и логических операций. «Индивид совершает не оптимальный выбор, а останавливается на первом же варианте, удов-

летворяющем заранее заданным им критериям. <...> Индивид оценивает не все альтернативы, он всегда оценивает издержки на поиск информации о новой альтернативе и ожидаемую полезность этой альтернативы» (Олейник, 2000, с. 59). Человек останавливается на тех вариантах, которые кажутся ему приемлемыми исходя из имеющейся у него ограниченной информации. Рациональность человека, таким образом, ограничена, поскольку выражается в экономии им своих интеллектуальных усилий, направляемых как на поиск новой информации и превращение ее в знания, так и их продуктивное применение. Поэтому полная рациональность является лишь предельным случаем, когда издержки на принятие решения равны нулю, что противоречит реальной ситуации, существующей в практике управления. Для описания рациональности уместнее использовать термин «обоснованное действие» (Тевено, 1997, с. 74–75).

Оппортунизм (вторая линия поведения) определяется О. Уильямсоном, который ввел это понятие в оборот экономической теории, как «преследование собственного интереса,ходящее до вероломства» (Уильямсон, 1996). «Ограниченно рациональный человек – менее знающий. Институциональные ограничения... <...> ...сужают возможности выбора. Такие люди знают о нечестных путях достижения большей полезности и могут не устоять перед выходом за пределы “правил игры”. Концепция оппортунизма, учитывая это, раздвигает рамки возможных действий рационального человека» (Ерзнкян, 2001, с. 69). Речь идет о любых формах нарушения взятых на себя обязательств, например, уклонении от условий контракта. Отдельные индивиды для максимизации прибыли ведут себя оппортунистически, примерами чего являются предоставление услуг меньшего объема и худшего качества, заинтересованность агента (наемного работника) в нераспространении уникальной информации вообще и в ее искаженной передаче принципалу (менеджеру) в частности.

Неоклассическая теория не рассматривала оппортунистическое поведение, поскольку обладание совершенными знаниями и информацией исключает эту возможность. Реальное существование институциональной среды «создает предпосылки для оппортунистического поведения агентов, то есть их стремления максимизировать свою полезность, несмотря на принятые при подпи-

сании контракта о найме обязательства...» (Олейник, 2000, с. 256). Более того, институциональная среда общества призвана уменьшать негативные последствия ограниченной рациональности и оппортунистического поведения. Так, «в социальных институтах нуждаются ограниченно разумные существа небезупречной нравственности. При отсутствии проблем ограниченной рациональности и оппортунистического поведения потребность во многих институтах попросту бы отпала» (Капелюшников, с. 3).

В рамках традиционной неоклассической модели функционирование хозяйствующего субъекта рассматривается вне интересов отдельного человека, обусловленных институциональной средой общества. Микроэкономический анализ исследует мотивационную заинтересованность отдельных агентов исключительно в рамках модели рационального поведения, предполагающей, что мотивация связана исключительно с выбором вариантов деятельности по критерию максимизации полезности. Индивидуальные особенности человеческого поведения и выбора тем самым игнорируются. Очевидно, что допущения рациональности недостаточно для того, чтобы исследовать «внутренний мир» хозяйствующего субъекта, выявить закономерности его изменений. «Экономика, сконструированная из индивидов, неизбежно сталкивается с проблемой невозможности получения детерминированных и устойчивых равновесных состояний, если не принять допущение о поведении общества наподобие поведения отдельного индивидуума» (Ерзнкян, 2001, с. 63). Но, как замечает А. Кирман, «нет никаких правдоподобных формальных оснований для допущения, что совокупность индивидуумов – “максимизаторов” поступает так же, как индивидуальный максимизатор» (Kirman, 1992).

Внутрифирменные изменения в условиях допущения о рациональном поведении хозяйствующего субъекта не могут учитывать особенностей социального поведения отдельных людей. Поэтому моделирование процесса функционирования хозяйствующего субъекта посредством выявления изменений в его состоянии не даст адекватного представления о реальности. Индивидуалистическое поведение человека изолировано от моделирующих это поведение изменений. Поэтому и от управления изменениями в этих условиях нельзя ожидать достаточно эффективных

результатов, поскольку их адекватность определяется только в границах допущения о рациональном поведении хозяйствующего субъекта.

В практике хозяйствования организация находится в институциональной среде, обусловленной социальной «картиной» процесса взаимодействия отдельных индивидов. Изменения в состоянии хозяйствующего субъекта должны подразумевать не только изменения его микроэкономических показателей и параметров, но и изменения в сфере социальных взаимодействий, обусловленных наличием институтов как «рамки, структурирующих взаимодействие между людьми в различных сферах их деятельности» (Олейник, 2000, с. 187). Такие социальные взаимодействия отдельных индивидов имеют место при определении и реализации прав собственности, контрактных отношений, транзакционных издержек. Реализация каждого отдельного процессного элемента производства может сопровождаться и сменой собственника (на сырье, ресурсы, технологии, патенты и т. п.), и изменением условий контракта и преодолением контрактных разногласий (условия взаимоотношений между собственником и менеджером на различных стадиях производственного цикла), и преодолением различных издержек взаимодействия участников экономических отношений (издержки проведения переговоров, осуществления надзора и контроля, установления внутрикорпоративных взаимосвязей, предотвращения конфликтов и т. п.). Подобные изменения, которые можно назвать институциональными, должны учитываться при управлении хозяйствующим субъектом, так как они делают картину взаимодействия субъекта и объекта управления более реалистичной. Более того, институциональными изменениями можно и необходимо управлять. Влияя средствами управления на процессы определения и реализации прав собственности, формирования и исполнения условий контрактов, выявления и преодоления транзакционных издержек, можно существенно повысить эффективность управления.

Менеджмент институциональных изменений предполагает планомерное принятие превентивных (профилактических) мер, актуальное оперативное регулирование и координацию институциональных процессов и событий, а также мобилизацию сил для быстрого преодоления их негативных и использования позитив-

ных эффектов *post factum*. Для его «пилотного» исследования необходимо определить методологические основы моделирования процесса принятия соответствующих управленческих решений.

В качестве ключевых методологических положений, используемых далее для формирования теории институциональных изменений, рассмотрим ключевые положения институциональной экономики в контексте новой теории факторов производства. Их совмещение позволит в рамках исследования менеджмента институциональных изменений определить место последних в процессе воспроизводства, выявить и обосновать их предмет, среду и цель, разработать теоретические предпосылки технологии управления ими.

Фактом, подтверждающим возрастающую востребованность экономической наукой положений институциональной теории, является то обстоятельство, что «все чаще объектом приложения институтов становятся те или иные аспекты экономической деятельности – будь то предприятий, государства, домохозяйств, отдельных субъектов или общества в целом» (Ерзнкян, 2001, с. 60).

Рассмотрим ключевые категории институциональной экономики.

Общественное производство и бытие сопровождается постоянным взаимодействием людей между собой. Процесс совместной деятельности людей не может протекать вне рамок определенных обязанностей, правил, норм и т. п. Подчиняясь определенным «правилам игры», люди могут обеспечить и обеспечивают условия совместной деятельности по производству того или иного результата, итога или продукта.

Согласно исследованиям (Иншаков, 2002, 2003а; Иншаков, Фролов, 2002), категорией, обобщенно определяющей эти понятия, является *институция* – «социальная форма или отношение, возникающее между людьми по поводу выполнения тех или иных функций, определяющее их роль в производстве человеческого бытия» (Иншаков, 2003а, с. 17). Институции хозяйственных субъектов «представляют собой эндогенный всеобщий фактор производства или общественного бытия, без которых становятся невозможными процессы совместной деятельности людей. Под институциями понимаются социальные формы типизации и закрепления функций хозяйственных субъектов, опреде-

ляющие их статусы и роли в системе воспроизводства и образующие систему отношений функциональной структуры общества» (Фролов, 2003, с. 14). Согласно этому же исследованию, продуктом институции является статус, введение человека в который «определяет его принадлежность к общности агентов, осуществляющих одинаковую функцию в хозяйствовании...». Институции выражаются в различных атрибутах (неотъемлемых свойствах). К их числу относятся *нормы, ценности, привычки, обычаи, этические принципы, запреты, законы, конституции, кодексы, статусы, чины, титулы, звания, должности* и т. д.

Человек в процессе хозяйственной деятельности всегда оказывается в различных ситуациях, в которых вынужден поступать в русле определенных предписаний или правил, имеющих характер сложившихся стереотипных действий. Поступая в соответствии с конкретным правилом, человек приобретает тем самым определенное положение, которое и обязывает его поступать так, а не иначе. От выполнения всей совокупности этих предписаний всеми участниками экономических отношений зависит структура взаимоотношений между ними, а значит, и итог всей хозяйственной деятельности. Подобные предписания и правила представляют собой форму выражения институции, то есть ее атрибуты, а положение, которое приобретает человек, следуя этому правилу, является продуктом институции, то есть статусом.

В работе (Олейник, 2000) указывается, что основным элементом институциональной среды, в которой люди осуществляют свой выбор, является норма, которая рассматривается как «базовый регулятор взаимодействий людей. Нормой определяется, как должен себя вести индивид в различных ситуациях, при этом выполнения предписания носит добровольный характер либо основывается на санкциях (социальных, экономических, юридических)» (Олейник, 2000, с. 43). Как видим, по смыслу понятие нормы является близким к понятию атрибута институции.

Институция во взаимодействии с организацией генерирует две формы: институциональную организацию – *институт* и организованную институцию – *орган*. Институт, согласно (Иншаков, 2003б, с. 44), может быть представлен «как функциональная организация, обеспечивающая реализацию конкретной системы однородных институций как своей содержательной ос-

новью». И далее: «Орган предстает как структурированная институция, обеспечивающая функционирование и развитие организации в рамках определенного института». Иными словами, организованная совокупность однородных институций образует институт, а институция, обретшая структуру, становится органом.

С поведением ограниченно рационального человека связывает понятие института Д. Норт, считая, что человек воспринимает «внешний мир путем переработки информации с помощью предшествующих ментальных конструкций, обеспечивающих понимание окружающего мира и решение возникающих проблем» (Норт, 1997, с. 37). «Человек институциональный» руководствуется скорее институтами, чем разумом или рациональным расчетом и т. п., он «сам насквозь пропитан институтами – формальными и неформальными “правилами игры”, включающими как законы и конструкции, так и договоры, и кодексы поведения, а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие» (Ерзнкян, 2001, с. 66). Здесь уместно вспомнить определение институтов, данное Т. Вебленом: «...это привычный образ мышления людей, который имеет тенденцию продлевать свое существование неопределенно долго» (Веблен, 1984, с. 202).

Если приводить пример института и институций, то следует сказать об институте предприятия, который «организует и реализует комплекс институций: предпринимательства, акционерства, сотрудничества, работничества, работодательства, мастерства... <...> ...производства, качества, директорства и др. В его рамках фиксируются постоянные и временные органы – кружки качества, собрание акционеров, совет директоров, различные комиссии и др.» (Фролов, 2003, с. 14).

Другой ключевой категорией институциональной теории является понятие *транзакции*, содержание которой представим ниже, пока же рассмотрим основные положения новой теории факторов производства.

Производство может быть представлено процессом освоения (развития и реализации) хозяйствующим субъектом (например, человеком или организацией) определенных факторов. Освоение факторов производства рассматривается в рамках антропоцентрической модели суперсистемы «природа – человек – общество» (NHS), представленной в исследованиях (Иншаков,

2003а, 2003в). Основные черты подобной суперсистемы сформулированы «согласно философской традиции и эволюции миропредставления, сложившейся в науке. Эта модель должна соответствовать принципам системности и антропоцентризма» (Иншаков, 2003в, с. 15).

Модель суперсистемы «природа – человек – общество» (или модель общественного бытия) формализовано представляет взаимодействие природы и общества в интерпретации теории факторов производства, взаимодействующих в процессе бытия. Общественное бытие реализуется в конкретных производствах.

Продукт хозяйствующей системы конкретного уровня, согласно данной теории, может быть выражен в виде производственной функции: $Q = F(A, T, Rn, Ins, O, Inf)$, где Q – произведенный продукт; A – человеческий, T – технико-технологический, Rn – природно-ресурсный, Ins – институциональный, O – организационный, Inf – информационный факторы создания продукта (Иншаков, 2003а, с. 17).

Группа из первых трех факторов (A, T, Rn), трансформирующая предметы природы, включает человека, технику, природные ресурсы, вовлеченные в производство с целью удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей в продуктах (благах). Эти факторы преобразуют (трансформируют) предметы и условия природы в потребные людям формы. Вторая группа из трех других факторов (Ins, O, Inf) обеспечивает транзакции созданных продуктов, связывая их производителей отношениями в процессе распределения и обмена, социально соединяя их посредством институций, организаций и информации. Факторы этой группы, таким образом, создают связи и отношения координации и субординации, обеспечивают поля взаимодействия различных хозяйствующих субъектов. Факторы первой группы (A, T, Rn) рассматриваются как трансформационные, а второй (Ins, O, Inf) – как транзакционные. «Первая группа факторов трансформирует вещество, поле, связи и отношения предшествующей системы для строительства новой, тогда как вторая группа принимает факторы предшествующей системы как ресурсы, распределяет и обменивает их внутри себя между агентами хозяйства, преобразуя в факторы строительства новой системы и изменения предшествующей системы. Эти факторные различия обуслови-

вают различия видов трансформационных и трансакционных затрат (издержек) производства» (Иншаков, 2003а, с. 18).

В данном случае уместен вопрос: каким образом факторы второй группы взаимодействуют со всеми факторами производства, преобразуя их в факторы изменения системы? Обратим внимание на важную роль институций (и институтов, как организованных институций) в процессе межфакторного взаимодействия: «...из взаимодействия институции с факторами организации и информации возникают институты, которые понимаются как сложный трансакционный фактор и, одновременно, продукт производства, без которого становится невозможным вовлечение и использование трансформационных факторов (людей, техники и технологии, природных ресурсов) в конкретной полезной форме на любой стадии исторического развития» (Фролов, 2003, с. 14). Иными словами, трансакционные факторы (*Ins*, *O*, *Inf*) воздействуют на факторы предыдущей системы, преобразуя их в факторы изменения через организованные институции – институты. Определяя поведение человека в процессе общественного производства и бытия, институты, таким образом, «задают систему стимулов (положительных и отрицательных), направляя деятельность людей по определенному руслу» (Капелюшников, с. 18). Институты, стимулируя людей, направляют их деятельность на преобразование факторов производства для создания продукта и обновления параметров хозяйственной системы.

Освоение (развитие и реализация) взаимодействующих между собой трансформационных факторов производства обуславливает существование экономического пространства, в рамках которого предметы, процессы и условия природы преобразуются в необходимые для создания продукта ресурсы. «Экономическое пространство в широком смысле – это множество ресурсов, продуктов (товаров и услуг) и технологий. В узком смысле границы экономического пространства совпадают с технологическими границами. Товар или услуга, покидая границы технологических участков, покидают тем самым границы узко понятого экономического пространства... <...> Но в силу того, что товар или услуга являются сами носителями экономического пространства, они как бы тащат за собой это пространство, расширяя тем самым понятие экономического пространства» (Ерзнкян, 2001, с. 61).

Одних ресурсов для создания продукта недостаточно. Необходимы отношения и связи в процессе распределения и обмена. Развитие и реализация этих отношений осуществляется в рамках институционального поля, существование которого обуславливается процессом освоения взаимодействующих между собой транзакционных факторов производства. «Институциональное поле в широком смысле – это множество всевозможных взаимодействий между участниками транзакций... <...> Товар или услуга, покидая границы экономического пространства, автоматически попадают в поле действия институциональных сил. В более широкой трактовке институциональное поле пронизывает также внутриэкономическое пространство... <...> ...это поле разворачивания производственных отношений» (Ерзнкян, 2001, с. 62).

Экономическое пространство и институциональное поле существуют в состоянии постоянного взаимопроникновения друг в друга. Все процессы хозяйственной деятельности (как внутри, так и вне фирмы) в каждый момент времени можно рассматривать как процессы, протекающие одновременно и в экономическом пространстве, и в институциональном поле. «Связующим звеном, перекрестком, местом встречи экономического пространства с институциональным полем является транзакция. Современная институциональная экономическая теория – это теория, действие которой разворачивается на пересечении экономического пространства с институциональным полем. <...> Транзакция – это акция (то есть единичный акт действия), выходящая за свои пределы. Это – выход из черного ящика во внешнюю среду» (Ерзнкян, 2001, с. 62). «Конструкция на пересечении экономического пространства и институционального поля, в рамках которой и благодаря которой предопределяется цельность, да и сама возможность осуществления транзакции, носит название экономической организации или институционального устройства. <...> Между экономической организацией и институциональным устройством существует зазор, заполняемый транзакцией» (там же, с. 65). В прикладном смысле транзакция представляется как «сделка, соглашение (политическое, юридическое и др.), сопровождаемое взаимными уступками...» (Большой экономический словарь, 2002, с. 1106).

Трансакция, таким образом, образуется под воздействием экономического пространства и институционального поля. Экономическое воздействие обуславливается совокупностью соответствующих ресурсов и факторов производства, а институциональное – совокупностью соответствующих отношений и связей в процессе обмена и распределения. Итогом реализации трансакции представляется продукт (или услуга).

В данной модели нас интересует присутствие институционального поля во всех процессах экономического пространства. Действительно, все операции экономического пространства – операции трансформации природных условий производства (предметов и процессов природы) в ресурсы, запасы, резервы, продукты и отходы, а затем вновь – в предметы природы, осуществляются не только в рамках отношений человека и природы, но и в значительной степени определяются отношениями человека к человеку, что и составляет основу институционализма. О. Уильямсон, ссылаясь на Дж. Коммонса, указывает, что экономическую организацию следует рассматривать «не просто как результат действия технологических факторов (выражающегося в экономике от масштаба производства и продуктивного разнообразия и в других технико-экономических аспектах функционирования фирмы), а как явление, призванное гармонизировать отношения между участниками сделки, находящимися в состоянии реального или потенциального конфликта» (Уильямсон, 1996, с. 30).

Объединим рассмотренные методологические положения в рамках процесса воспроизводства (рис. 1). Для предельно упрощенной интерпретации процесса воспроизводства будем использовать пример – выполнение рабочим на станке некоторой операции.

Воспроизводство обусловлено наличием экономического пространства и институционального поля. На схеме условно представлены только те их элементарные части, которые, взаимно проникая друг в друга, обеспечивают в зоне своего пересечения реализацию конкретной трансакции. Процесс воспроизводства направлен на удовлетворение требований (императивов) общества и природы, а использует для этого предметы, процессы и условия природы.

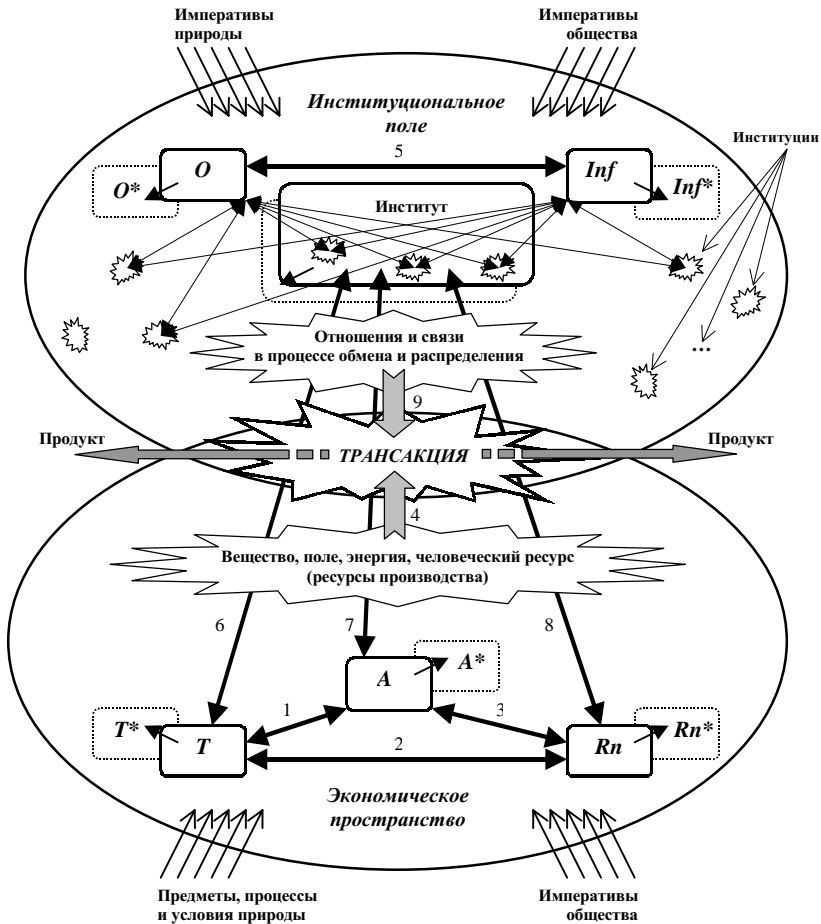

Рис.1. Схема процесса воспроизводства

Рассмотрим воздействие на трансакцию со стороны экономического пространства.

В рамках экономического пространства происходит совместное освоение человеческого фактора (А) – через умения и мастерство индивида, технико-технологического фактора (Т) – через энергию и поле, природно-ресурсного (Rn) – через вещество. Очевидно, что при освоении и вовлечении в процесс вос-

производства трансформационные факторы взаимодействуют друг с другом (векторы 1, 2 и 3). Вещество, поле, энергия и человеческий ресурс обеспечивают в совокупности экономическое воздействие на транзакцию (вектор 4).

Действительно, для того, чтобы на станке из сырья получить деталь, необходимо соединить в одном процессе рабочего (человеческий ресурс), станок (поле и энергию) и сырье (вещество). Вовлечение и развитие трансформационных факторов в процессе производства, очевидно, приводит к их постоянному изменению: мастерство, умение и знания индивида постоянно совершенствуются ($A \Rightarrow A^*$), так же, как источники энергии, технологии, оснастка, станки, инструменты ($T \Rightarrow T^*$) и ресурсные компоненты производства, появляются новые материалы и сырье ($Rn \Rightarrow Rn^*$).

Рассмотрим теперь воздействие на транзакцию со стороны институционального поля.

Рабочий, изготавливая на станке деталь, «подчиняется» определенным правилам и нормам, институциям или институтам (*Ins*), которые формируются под влиянием организационного фактора (*O*) через структуру производства или предприятия и взаимодействующего с ним (вектор 5) фактора информационного (*Inf*) через знание, опыт, специфические сведения. Реализация институций в процессе производства определяет комбинации организационного (*O*) и информационного (*Inf*) факторов, под влиянием которых имеют место непрерывные модификации и модернизации соответствующих норм и правил.

Институциональное «подчинение» индивида (в избранном примере – рабочего) осуществляется посредством реализации отношений и связей в процессах обмена и распределения. Отдельные институции во взаимодействии с трансформационными факторами (векторы 6, 7 и 8) формируют отношения и связи между людьми по поводу комбинирования соответствующих факторов и ресурсов производства, что можно проследить на нашем примере.

Рабочий, создавая или изготавливая из сырья с помощью станка деталь, определяет:

- какую часть своего ресурса (своих знаний, усилий, умения) он будет при этом тратить, то есть «переносить» их стоимость на готовый продукт, – отношения по поводу освоения человеческого фактора (нормы и принципы самоэксплуатации и использования рабочей силы);
- какую часть оборудования и оснастки он будет использовать – отношения по поводу включения в производственный процесс технического фактора (нормы и нормативы эксплуатации средств труда);
- какую часть энергии, материалов и запасов он будет расходовать – отношения по поводу вовлечения и использования природного фактора (нормы и правила расходования сырья и материалов).

Таким образом, отношения и связи в процессе обмена и распределения в рамках предприятия обеспечивают институциональное воздействие на транзакцию, обусловленное нормами, правилами, привычками, традициями и т. п. (вектор 9).

Мы убедились, что реализация транзакции определяется воздействиями двоякого рода (институциональным и экономическим), порождаемыми принципиально различными группами факторов – транзакционной и трансформационной. Это обстоятельство можно интерпретировать как *дуалистическую природу транзакции*.

Действительно, возвращаясь к приведенному примеру, можно выделить у рабочего в его стремлении к достижению результата *две линии поведения*: с одной стороны, он это делает, «экономически» оптимизируя использование своих сил, мастерства, технологии, станка, оснастки, материалов и сырья, а с другой – будучи вынужденным выполнять все свои контрактные обязательства. Постоянное противопоставление в процессе производства индивидуальных экономических интересов и принятых на себя обязательств обуславливает противоречивость данных линий поведения. Человек одновременно стремится к оптимальному (прежде всего для себя) преобразованию факторов производства в продукт и вынужден соблюдать взятые на себя обязательства. Таким образом, человек «всегда выступает центром единства противоположностей природного и общественного начал» (Иншаков, 2003в, с. 16).

Очевидно, что природа оппортунистического поведения индивидов может быть интерпретирована как проявление дисбаланса между необходимостью выполнения контрактных обязательств и стремлением к экономической выгоде в пользу последней.

Продукт по итогам реализации трансакции стремится покинуть конкретное экономическое пространство и уйти «из-под воздействия» конкретного институционального поля. При этом он может попасть в границы другого экономического пространства (уже как сырье для новой производственной операции) и под воздействие соответствующего институционального поля. Прежние пространство и поле становятся иными, так как к моменту реализации трансакции происходит изменение всех факторов производства.

Рассмотрим взаимодействие институционального фактора с другими инвариантными движущими силами общественного бытия.

В исследовании (Иншаков, 2003б, с. 44) было замечено: «Взаимодействие форм функциональной и элементной структур, то есть институции и организации, порождает институты и органы хозяйственной системы. Институциональная организация становится институтом, а организованная институция – органом». Можно предположить, что и при взаимодействии институций с остальными факторами производства также «рождаются» другие «зеркальные» формы. Действительно, с одной стороны, имеет место формирование отдельных факторных институций (левая часть схемы на рис. 2), каждую из которых следует понимать как социальную форму типизации и закрепления функций субъектов и объектов производства, определяющую их статус и роль в этом процессе. Каждую факторную институцию можно условно назвать *нормой*, выделив, соответственно, ее *организационную, человеческую, технико-технологическую, природно-ресурсную и информационную* формы (рис. 2). Можно сказать, что институции, как функциональные формы человеческой деятельности, дифференцируясь и специализируясь по различным факторам производства, образуют институцию воспроизводства.

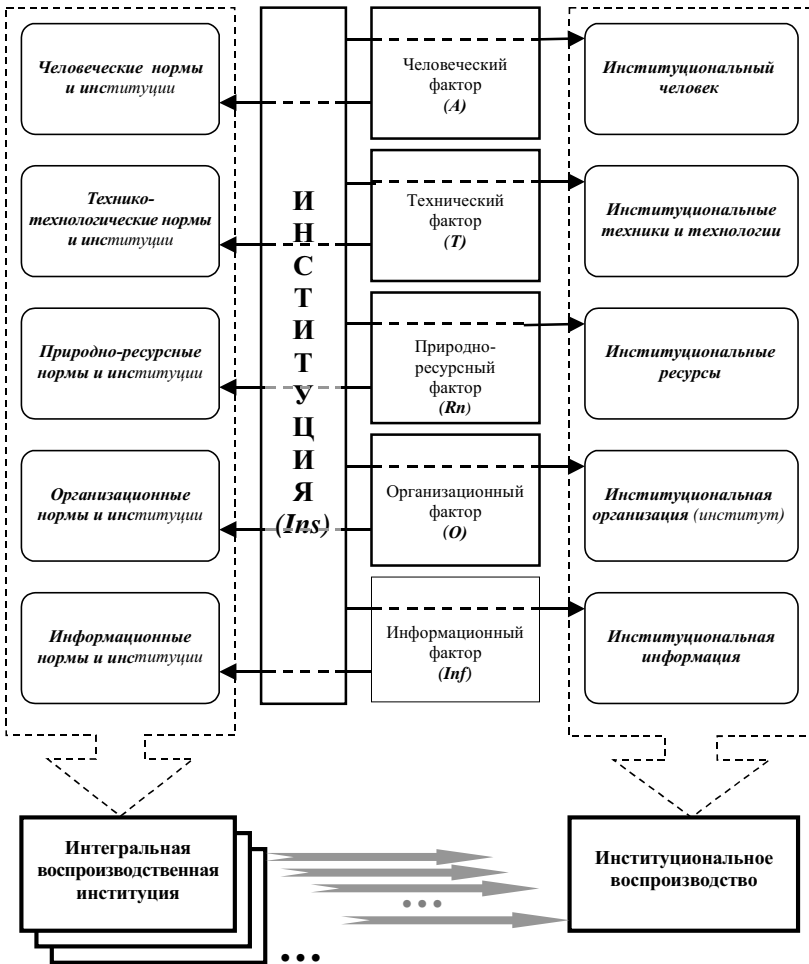

Рис. 2. Межфакторное взаимодействие в процессе воспроизводства

Факторные институции в совокупности отражают разные грани *интегрального статуса* хозяйствующего субъекта в системе воспроизводства. Так, совет директоров как особый орган предприятия, его отдельная организованная институция, связанная со стратегическим целеполаганием и контролем, действует в «координатах» определенных *человеческих* (устанавливающих требо-

вания для его членов — доля акций во владении, должность, возрастные ограничения и т. д.), *информационных* (формы отчетности и доклада, предоставляемые данные и т. д.), *технико-технологических* (отражающих технологию проведения заседаний, их время и место, алгоритмы, оборудование и т. п.) и *природно-ресурсных норм*. Последние имеют минимальное значение в работе данного органа, но опосредованно отражают специфику сырья, с которым имеет дело предприятие, например, металлы, нефть, древесина, синтетические материалы и др. Статус совета директоров носит интегральный характер, определяется комплексом атрибутов, определяющих отношения между людьми в процессе реализации различных функций. Для сложных институтов такой факторно-институциональный анализ (ФИА) позволяет глубоко раскрыть механизм их функционирования.

С другой стороны, имеет место формирование отдельных факторных институтов. Если исходить из положения о том, что институт — это функциональная форма, которая обеспечивает реализацию конкретной системы однородных институций (Иншаков, 2003б), то по итогам межфакторного взаимодействия в процессе воспроизводства мы имеем совокупность факторных институтов, каждый из которых представляет собой систему однородных институций и атрибутов данного фактора. Таким образом, конкретная система однородных (по каждому фактору) институций реализуется в рамках соответствующего института (правая часть схемы на рис. 2). Например, человеческие и технико-технологические нормы организации труда (характеризующие допустимые и нормальные параметры микроклимата, вибрации, освещенности, регламентирующие перерывы и т. д.) контролируются отделами охраны и экспертизы труда, санитарно-эпидемиологической службой, профсоюзом и т. д.

Соответственно, институциональный человек представляет собой систему норм и институций, регулирующих и определяющих его бытие в обществе. Атрибутами институционального человека становятся различные привычки, обычаи, моральные кодексы и законы, существующие внутри предприятия (и в обществе в целом) и направленные на гармоничное развитие и эффективное использование человеческих возможностей, капитала и ресурсов. Институциональные технологии (адаптации, креа-

ции, мобилизации, реорганизации, диверсификации, инновации и т. д.) представляют собой типовые процессы изменения функциональных параметров хозяйствующего субъекта. Вместе с тем все факторы и ресурсы в экономическом пространстве имеют свой статус, что позволяет различать среди них стратегически важные и ключевые, избыточные и дефицитные и т. д. В качестве характерных атрибутов технологических институций предстают многообразные нормы эксплуатации средств труда, а также связанные с ними принципы и приказы, типовые инструкции и правила, привычки и обычаи, способствующие (или препятствующие) повышению качества технической стороны производственного процесса.

В целом комплексация факторных институций выступает основой институционального воспроизводства.

Литература

Акофф Р.Л. Искусство решения проблем. Ч. 1. М.: Мир, 1982.

Анциферов К.Д. Интегрированная модель проведения изменений в организации // Проблемы экономической безопасности в условиях рынка: Сб. материалов II Международ. науч.-практ. конф., 27–28 февраля 2002 г. Пенза: Приволжский дом знаний, 2002.

Биттель Л. Управляйте по отклонениям // ЭКО. 1980. № 1–2.

Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азриэляна. 5-е изд., доп. и перераб. М.: Институт новой экономики, 2002.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

Гуиар Ф.Ж., Келли Дж.Н. Преобразование организации. М.: Дело, 2000.

Ерзнкян Б.А. О логических основах институциональной экономики // Вестник Государственного университета управления. Серия «Институциональная экономика». 2001. № 1 (2).

Иншаков О.В. Теория факторов производства в контексте экономики развития. Научный доклад на общем собрании МАОН (Москва, 29 ноября 2002 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

Иншаков О.В. О стратегии развития Южного макрорегиона России: (Методологические и методические проблемы формирования). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003а.

Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // СОЦИС. 2003б. № 9.

Иншаков О.В. «Ядро развития» в контексте новой теории факторов производства // Экономическая наука современной России. 2003в. № 1.

Капелюшников Р.И. Новая институциональная теория // <http://www.libertarium.ru/10625>

Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Изд-во «Речь», 2000.

Мастенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации. М.: ИНФРА-М, 1996.

Мосейко В.О. Системно-конструктивистский подход и управление структурами среднего и малого бизнеса // Предпринимательство. 2002. № 1. С. 17–22.

Мосейко В.О. Управление по изменениям: Концепция внутрифирменного управления в структурах среднего и малого бизнеса. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001.

Мосейко В.О. Управление в структурах среднего и малого бизнеса: системно-конструктивистский подход // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 2. С. 92–96.

Москалев Ю.А. Организационное развитие на зарубежных предприятиях: Учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВоллГТУ, 1998.

Москалев Ю.А. Мотивация в трансформационных процессах предприятий: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01, 08.00.05 / ВолГУ. Волгоград, 2000.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Олейник А.Н. Институциональная экономика: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2000.

Рюэгг-Штурм Й. Новая системная теория и внутрифирменные изменения // Проблемы теории и практики управления. 1998а. № 5. С. 72–78.

Рюэгг-Штурм Й. Системно-конструктивистская «теория фирмы» и управление процессами глубоких изменений на предприятии // Проблемы теории и практики управления. 1998б. № 6. С. 87–91.

Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10.

Том Н. Управление изменениями // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 1. С. 68–74.

Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996.

Уотермен Р. Фактор обновления: Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании. М.: Прогресс, 1988.

Управление персоналом: Энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 1998.

Фролов Д.П. Эволюция российского экономического институционализма (IX–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / ВолГУ. Волгоград, 2003.

Benne K.D., Chin R., Bennis W.G., Corey K.E. The Planning of Change. CBS College Publishing, 1976.

Kirman A.P. Whom of What Does the Representative Individual Represent? // Journal of Economic Perspectives. 1992. № 6 (2). Spring. P. 17–36.

Г л а в а 8

ЧЕЛОВЕК — ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Универсальная сущность человека определяет бесконечное множество фиксируемых за ним институций, на основании которых он действует в обществе. Этим же обусловлен системный характер институциональных форм и содержания конкретных акторов, позволяющий выделять их из социальной среды, идентифицировать и классифицировать.

Всякий человек представляет собой институциональную систему, если вклад, вносимый всеми присвоенными им институциями в создаваемый продукт, больше, чем при их осуществлении по отдельности или в других комбинациях (связках). Своего рода «твердое ядро» институциональной системы человека составляют реализуемые им институции, а относительно более динамично меняющаяся «защитная оболочка»¹, или транзакционное поле, представлена их атрибутами — статусами и ролями, нормами и правилами, убеждениями и устоями, чинами и зва-

ниями, должностями и степенями, привычками и ритуалами, рутинными и традициями и т. д.

Утрачивая системное качество своих институций, индивид теряет социальную определенность, его деятельность становится все более рискованной и затратной, а сам он трансформируется во внутренне противоречивое «суммативное множество»² статусов. Но наряду с конкуренцией институций объективно существует и принцип их дополнения в «наборе» каждого конкретного актора или, шире, хозяйственного субъекта. Поэтому при выборе и кооптации человеком новых институций в свою систему целесообразно учитывать ее состав и структуру, а также прошлые, настоящие и намечаемые параметры эволюционной траектории, чтобы не упустить выгоды от социально-функциональной синергии и избежать эффекта «убивающей» отдачи от «неподходящих» институций.

1. ЭЛЕМЕНТЫ И ИНДИКАТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА

Пониманием наличия и важной роли институциональных систем индивидуальных акторов продиктована необходимость перехода к их моделированию, которое в первом приближении осуществим при помощи концепта сферы. Введем понятие институциональной сферы, то есть конкретного набора институциональных отношений, в которые оказывается принудительно или добровольно «втянутым» человек, ведущий хозяйство. Хозяйственные субъекты действуют и взаимодействуют на основе занимаемых статусно-ролевых позиций, где их статус является непосредственным результатом институции, а выполняемые роли представляют собой его конкретные динамические вариации в разных положениях и ситуациях, отражающие рациональность и эффективность организации деятельности.

Абстрактно институциональная сфера состоит из статусно-ролевых позиций как точек своей поверхности. Статус и роль могут рассматриваться как гено- и фенотипическая (обусловленная внешними факторами) формы функции хозяйственного субъекта. В статусе институция как бы фиксируется, «застывает», тогда как роли экономических акторов предстают ее динамичес-

кими характеристиками, наполняя статус агента реальным содержанием в различных обстоятельствах. Статусно-ролевые позиции людей в институциональной системе общества отражают диалектическое единство статики и динамики институций. Определенные статусы задают точки социальной «привязки» хозяйственных субъектов, устанавливают границы их действий и взаимодействий, тогда как выполняемые на основе статусов роли и их комплексы («репертуарь») позволяют адаптивно реагировать на изменение условий, ресурсов, факторов, резервов и продуктов деятельности, на акции конкурентов и происходящие события. Поэтому условный показатель «площади поверхности» институциональной сферы человека выступает индикатором его транзакционного потенциала. Чем выше данный показатель, тем с большим количеством хозяйственных субъектов разного социального типа могут быть налажены связи и отношения, так как каждая точка поверхности может рассматриваться как пункт потенциальной «встречи» акции и реакции на основе институционального соответствия их субъектов.

Функциональная взаимосвязь элементов институциональной сферы требует более подробной интерпретации. Содержательно данная сфера представлена институциями, которые понимаются как социальные формы типизации и воспроизводства функций, закрепленных за хозяйственными субъектами; статусами как непосредственными продуктами институций и их атрибутами (неотъемлемыми свойствами), представляющими в многообразии форм проявления. К последним можно отнести нормы, правила, ценности, привычки, обычаи, этические принципы, традиции, запреты, законы, кодексы, статуты, чины, титулы, звания, должности и т. д. Совокупность атрибутов каждой институции формирует вокруг нее особое силовое поле, в котором ее агенты могут устойчиво и безопасно воспроизводить социально закрепленную за ними функцию, осуществлять взаимовыгодные транзакции и вести производство.

Среди характеристик социального статуса особо выделим понятие стояния (*status erectus*), то есть позиции данного хозяйственного субъекта в отношении других. С точки зрения неофрейдизма в статусе сконцентрировано активное мужское, фаллическое начало, связанное с продолжением рода, в том числе с

сексуальной функциональностью. В социальном смысле статус связан прежде всего с обеспечением условий, ресурсов и факторов воспроизводства отдельного человека и его семьи, что позволяет субъекту устойчиво развиваться, образно говоря – экономически «стоять на ногах» (от лат. «sta» = «стой», «стоять»), то есть устояться. Другими характеристиками статуса актора являются его поза, позиция, состояние (ранг статуса относительно всех остальных или эталона, его имущественное отражение), рост, манеры, осанка, положение (status praesens – настоящее положение вещей), обстоятельства, обеспеченность, благосостояние (потребительский аспект состоятельности), гражданское состояние (местонахождение в политической структуре общества), сословие, звание, общественная ступень, достоинство (Дворецкий, 2000, с. 726).

Стояние как базовая характеристика статуса лингвистически и феноменологически пересекается с понятием стоимости, порождая дихотомию глаголов «стоять – стоить». Поскольку институции, с одной стороны, соответствуют потребностям людей и обладают полезностью, а с другой – требуют осуществления затрат на их воспроизводство, то они обладают стоимостью. Отношение полезности к стоимости выражает ценность институции в статусе, который она присваивает своему агенту. Статус также обладает полезностью и стоимостью не только для своего носителя, но и для общества (см. подробнее: Иншаков, 2003).

Несмотря на то, что институции – реальное социальное явление, их, равно как статусы и иные формы атрибутивного сопровождения, можно представить лишь мысленно. Это никоим образом не противоречит действительной силе институций как важного фактора общественного бытия, результаты которого неизменно «материализуются» в величине располагаемых благ, масштабе и специфике ведения хозяйства, уровне рисков и структуре ограничений, потенциале взаимодействий с другими людьми и т. д. Для своих агентов институции характеризуются вполне определенными затратами и доходом, причем в нормальных условиях чем выше доходность институций, тем выше уровень затрат на поддержание соответствующего статуса. В этом проявляется природа социального статуса как продукта производства и особого товара. Не случайно институциональные субъекты и агенты

неизменно конкурируют между собой за ограниченные на каждый момент времени факторы и ресурсы развития.

Номинальные статусы, отличая актора от других, являются нарицательными, вмененными ему извне, отражающими поверхностное восприятие его социального содержания, тогда как реальные – «скрыты в глубинах» его институциональной сферы. Двигаясь к достижению целевых (желаемых) статусов, актер сверяется с «разбросанными» в социальном пространстве-времени институциональными эталонами. Смысл последних раскроем на примере фильма «Кавказская пленница», где в сжатой форме был определен эталонный статус простой советской девушки: «Спортсменка, комсомолка и, наконец, просто красавица!».

Каждый статус выступает суммарным продуктом, агрегирующим и в снятом виде отражающим статусы, относящиеся к нижестоящим уровням социальной иерархии. Осознать этот факт помогает изучение биографий президентов, академиков, ректоров, губернаторов, генеральных директоров и др., на пути к достижению своей институции поступательно сменявших множество социальных позиций, вбирая в каждой из них позитивные рутины, накапливая институциональный опыт и проявляя свой человеческий потенциал. Например, чтобы стать президентом США, необходимо быть добропорядочным семьянином, иметь «чистую» репутацию и успешную карьеру, связи в партийных и корпоративных кругах, наконец, обладать харизмой и ораторским мастерством. Агрегированные статусы связаны функционально, но не жестко: $S_{i+1} = f(S_i)$, где S – социальный статус актора, i – его ранг в социальной иерархии. Иначе говоря, назначение субъекта A на должность судьи не имеет ничего общего с его статусом отца, а лишение субъекта B статуса водителя не связано с его расовой принадлежностью.

Для осмысления принципов экономического выбора уточним, что комплексный социальный статус человека (S_c) формируется из взаимодействия действительного и мнимого компонентов, детерминирующих характеристики индивидуального выбора ¹:

$$S_c = a + bi,$$

- где a — действительный статус, отражающий настоящее положение человека в обществе и его объективное восприятие;
- bi — мнимый статус, формируемый субъективно на основе рефлексии своего действительного статуса и соотношения его с социальным положением других людей, а также под влиянием фантазий, мечтаний, пристрастий, иллюзий, эконофобий и эконофилий и т. д.

Поведение, исходящее из ориентиров, приоритетов и императивов, задаваемых действительным статусом, является рациональным с точки зрения общества. На этом постулате основана вся современная теория рациональности, близкая к состоянию окончательной запутанности в своих теоретических конструкциях. Однако усложнение схемы экономического выбора без коррекции исходных методологических позиций приводит либо к недостаточно обоснованным выводам, либо к окончательной растерянности.

Но ведь каждый человек, воспринимаемый в институциональном ракурсе, уникален в своем поведении и отличается этим от других «носителей» одинакового с ним статуса. Поведение врачей, преподавателей, милиционеров, бомжей, предпринимателей, адвокатов, мусорщиков, бандитов и т. д. при сохранении особенностей, характерных для всех (или большей части) представителей этих статусов (a), уникально для каждого человека, отражая влияние субъективных представлений о своих функциях и позициях в обществе (bi), которые складываются из следования необходимым, целевым и недоступным (запретным) статусам, выступающим, соответственно, институциональными приоритетами, ориентирами и императивами в реальном поведении человека и его экономическом выборе.

Игнорирование мнимого компонента комплексного статуса человека привело теорию рационального выбора к ее актуальной ограниченности. И ограниченность эта связана не с рациональностью как онтологическим феноменом, а с неполнотой ее теоретической интерпретации. Ведь понятие рационального поведения, предполагающего осуществление в каждой конкретной ситуации выбора лучшего варианта из всех доступных, существен-

но различается в зависимости от ракурса его восприятия — объективного (со стороны общества) и субъективного (самим агентом). Если общество оценивает поведение человека в соответствии с его действительными статусами (a), то сам агент корректирует его исходя из мнимых статусов (bi) под влиянием конкретной транзакционной ситуации. Поведение, трактуемое обществом как иррациональное, то есть противоречащее действительным статусам актора, сам он может воспринимать как рациональное с поправкой на свои мнимые статусы.

Итак, рациональное поведение агента формируется исходя из действительных статусов на пути к целевым с достижением необходимых и с учетом недоступных (запретных) под влиянием транзакционной обстановки.

Вернемся к системе условных индикаторов состояния институциональной сферы. Ее «радиус» показывает максимальную величину институционального импульса субъекта, характеризуя силу и статусную обоснованность его акций. Институциональные сферы разных «носителей» могут совмещаться, при этом они как бы пробиваются, в результате чего неизбежно возникает конфликт комбинаций (комплексов) институций. Субъект, сфера которого больше по радиусу, оттолкнет конкурента, поглотит его или разрушит, что в экометрическом ракурсе выглядит как, соответственно, касание институциональных сфер, их пересечение и наложение большей на меньшую. Значительный потенциал институционального импульса позволяет актору задействовать в транзакциях относительно больше статусов, чем конкуренты, проявляя функциональную гибкость и будучи уверенным в своей безопасности.

Данный показатель тесно связан с индикатором институциональной «мощности», показывающим сумму статусов, которые субъект фактически реализует в единицу времени. Его величина будет выше у одинокой женщины, занятой на трех работах и воспитывающей ребенка, чем у рантье или предпринимателя, которые извлекают из одного своего статуса намного больший, чем она, доход.

Для объяснения этого кажущегося логического несоответствия введем показатель «объема» институциональной сферы, который демонстрирует достигнутые на данный момент времени

пределы функционального развития субъекта, его транзакционный масштаб. Структура институций в контурах сферы отражает ее сложность, поскольку она не полая, а насыщенная разнообразными интересами и целями, убеждениями и представлениями, ожиданиями и намерениями, стремлениями и иллюзиями, запретами и нормами, поведенческими установками и рутинами, ценностями и культурными артефактами и др. Поэтому допустимо говорить о «плотности» институциональной сферы, характеризующей условное количество статусов и атрибутов на «единицу» ее «объема», ведь такие сферы могут быть также «пустыми» или «пустынями»...

Действительно, статус выдающегося ученого или известного писателя позволяет осуществить множество транзакций разного типа. Но, если этот индивид не имеет семьи, детей, друзей, обделен уважением коллег, замкнут и нелюдим и т. д., то он не реализует свой институциональный потенциал полностью, а его сфера содержательно однородна. Напротив, человек с насыщенной, развитой институциональной сферой обладает огромными возможностями социальной адаптации: он всегда желанный гость, партнер, друг, любимый супруг и родитель. С большинством людей найдет он общий язык. Скука неведома ему, и мир для него все время открывается в новых гранях, что отражает структурную сложность институциональной сферы данного актора, многообразие и взаимное соответствие ее элементов.

Все факторы производства присваиваются и закрепляются за хозяйственными субъектами в институциональной форме имущества, выступая основой устойчивого развития акторов в социальной среде. Для их защиты и приумножения каждому человеку необходима адекватно развитая институциональная сфера, хотя величина показателей ее условных «радиуса», «площади поверхности», «плотности» и «объема» определяет далеко не все. Человек обретает себя лишь в действии, творчески и активно овладевая окружающей его естественной и искусственной природой, условиями, ресурсами и факторами бытия. Словами К. Кастанеды, «сила, которая зажигает поля, была названа волей» (Кастанеда, 2002, с. 593). От силы воли зависит и степень фактической реализации силового потенциала институций, закрепленных за хозяйственными акторами.

2 . П Р О С Т Р А Н С Т В Е Н Н О – В Р Е М Е Н Н Ы Е Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И И И Н С Т И Т У Ц И О Н А Л Ь Н О Й С И С Т Е М Ы Ч Е Л О В Е К А

Строение индивидуальной институциональной сферы представлено единством связи, тождества и различия четырех аналитически выделяемых уровней:

Lis1 – уровень формирования психологии актора, его образа мыслей, характеристик процесса принятия решений (в границах от «импульсивно» до «обдуманно»), ценностной шкалы, витальной ориентации (от оптимистической до пессимистической), латентных предпочтений и ограничений, комплекса фобий и филий, привычек, традиций, моральных устоев и т. д., которые «подспудно» во многом определяют специфику хозяйственного поведения.

Lis2 – уровень включенности в отношения собственности, корректировки статуса в зависимости от набора реализуемых трудовых функций и возникающих в соответствии с ними имущественных правомочий. На этом уровне актуализируются трудовые статусы хозяина и работника, владельца и умельца, менеджера и директора и др.

Lis3 – уровень позиционирования актора в политической структуре общества, закрепления определенной гражданской позиции, чувства долга, отношения к власти и т. д. Эти процессы зависят от эффективности государства в реализации своих системных функций по созданию и поддержанию благоприятных условий воспроизводства капитала членами общества, институциональному выравниванию распределительных процессов, обеспечению широкого участия субъектов в социально-экономических процессах на всех уровнях реальной действительности.

Lis4 – уровень закрепления модели хозяйственного поведения, формирования потребительских стандартов, подключения к рыночным нормам и т. д. На этом уровне приобретаются и реализуются статусы, характерные для товарно-денежных отношений, такие как ловкач, толкач, торгаш, перекупщик, скупщик, оптовик, олигарх, ларечник, лоточник, дилер, маклер, брокер, скряга, транжира и др.

В пространственном аспекте институции выступают эндогенными и экзогенными детерминантами, определяющими па-

раметры институциональной сферы актора. Отражая поиск баланса этих детерминантов во времени, динамика контуров сферы показывает результаты приращения, стабилизации, обеднения или деградации социального содержания человека, экономическим выражением чего является изменение эффективности реализации способностей акторов и исполняемых ими функций, что отражается на их устойчивости и доходах, влияет на их ограничения и защиту в различных конкретно-исторических формах социализации.

Следует различать институции-эскалаторы (\uparrow , \downarrow) и институции-конвейеры (\leftarrow , \rightarrow). Эскалатор предполагает передвижение акторов в социальной вертикали. Так, в функциональной связке «рабочий – мастер – начальник смены – начальник цеха – начальник участка – ...» перемещение актора может происходить и в одном, и в другом направлении. Но наличие статуса дипломированного специалиста в сочетании с опытом работы на сложных объектах и симптоматическими признаками институций руководства и лидерства позволяют субъекту претендовать на быстрое продвижение в институциональной иерархии предприятия. Такие примеры наиболее распространены в формально-иерархических организациях (государственные учреждения, армия), где существует четкая «вертикаль» институций и порядок их прямой и обратной смены. Примером негативной ориентации институционального эскалатора является некий майор, разжалованный за пьянство в капитаны и заиклившийся в этом статусе до конца службы. Институции пьянства, разгильдяйства, попустительства, взяточничества и другие наиболее часто становятся факторами снижения статуса субъекта и, при многократном воспроизведении в качестве особых индивидуальных рутин, могут привести даже к элиминации актора из организации, то есть к его увольнению, а при пессимистическом варианте развития событий, отразив мультипликативное действие институционального эскалатора с негативной ориентацией (\downarrow) путем поочередного закрепления за человеком статусов осужденного, опущенного, освобожденного, тунеядца, бедняка, нищего, бомжа, калеку и т. д., могут привести к его «социальной гибели».

Институциональный конвейер суть механизм передвижения актора по статусной горизонтали, отражающий накопление

институционального опыта посредством многократного выполнения заданных и избранных ролей. Институции-конвейеры реализуют свою сущность в трех аспектах:

- Генетическое развитие в рамках институции, не предполагающее иерархических изменений статуса актора. Иначе говоря, статус меняется в рамках неизменной институции. Например, статус школьника меняется в соответствии с переходом из класса в класс, но его институция (ученичество) остается постоянной. Аналогично происходит изменение статуса студента в рамках соответствующей институции при переходе на более старший курс. Статус помощника депутата позволяет обрести сопутствующие связи (в том числе на основе институций дружества и знакомства), войти в узкие политические круги, вступить в выгодные коалиции, заручиться доверием влиятельных персон, открывая тем самым перспективы дальнейших успехов на политическом и смежных поприщах. Работник японской корпорации, приглашенный на завтрак к директору, и его коллега, получивший выговор или предупреждение, продолжают развиваться в своей институции, но в разных направлениях.
- Развитие в рамках институции за счет смены организаций. Статус человека отражает статус организации, в которой он задействован и реализует свой потенциал. Так, бармен, шеф-повар, водитель, секретарь, ученый и т. д. повышают свой статус, меняя место работы на все более престижное, и наоборот.
- Развитие за счет подключения к комплементарным (взаимодополняющим) институциям. Обретение определенного статуса связано с исполнением ряда, в различных аспектах связанных с ним, трудовых функций. Например, получение ученой степени доктора наук и развитие актора в данном статусе постепенно приводит к получению должности и звания профессора (учебно-методический аспект институции докторства), членства в академиях (за счет постепенного распространения информации об изменении статуса актора и действия механизма его признания агентами одного с ним социального типа), статуса директора НИИ, заведующего кафедрой или научной лабораторией, декана, прорек-

тора (соответствующие квалификации агента институции докторства административные функции). Статус настоящего студента можно получить только после обретения специфического опыта, связанного с подготовкой курсовых работ, сдачей сессий и пересдачей экзаменов, обучением у различных преподавателей, членством в спортивных обществах и клубах, посещением изблюбленных молодежью данного вуза мест проведения досуга, обретением широкого круга знакомых и друзей на своем и других факультетах и т. д.

В пространстве социальных отношений институции выступают также амортизаторами (буферами) (\leftrightarrow , \updownarrow), позволяя смягчить столкновение и облегчить пересечение институциональных сфер участников транзакции. Таким действием обладают статусы, вызывающие уважение (например, преподаватель вуза, мать, пенсионер, ветеран, врач, орденоседец, адвокат, работник милиции и т. д.), жалость (инвалид, нищий), умиление (девушка за рулем, ребенок), презрение (бомж, пьяница), опасение (работник милиции или спецслужб, наркоман; вообще «крутой человек», с которым нужно быть «легче на поворотах», то есть контролировать свое поведение, не допуская неосторожных высказываний или действий, способных вызвать негативную реакцию), а также смешанные чувства (депутат, государственный служащий в современной России).

Амортизирующее действие институций может проявляться опосредованно. В частности, неформальный статус друга руководителя или значительного должностного лица в руководстве ГАИ города или региона позволяет быстро и безболезненно «на месте» разрешить мелкие конфликты с ее представителями. «Врастание» актора в систему своих статусов означает его «обрастание» широкой «паутиной» социальных связей, возникающих на институциональной основе знакомства, дружества, товарищества, партнерства, землячества, родства и др. Согласимся с мнением Т. Шибутани: «Статус, как бы он ни был низок, важен, ибо без него человек не имеет прав в отношении других. Обладание статусом позволяет человеку ожидать и требовать определенного отношения со стороны других людей» (Шибутани, 1969, с. 180).

Во временном аспекте институции выступают:

- ускорителями (катализаторами) (+↑↓) развития социального поля человека. В позитивном аспекте (то есть способствующие прогрессивному развитию) таковыми выступают институции образования, повышения квалификации, лидерства, продуктивного новаторства и т. д. В армии распространено назначение перспективных людей на должности, превышающие их звания на один-два ранга: например, майора могут поставить командиром полка, что соответствует званию полковника, а старшего лейтенанта назначить на майорскую должность начальника штаба дивизиона. В результате у получившего назначение актора открываются перспективы повышения статуса в данной должности по выслуге лет. Однако сфера реализации катализирующего свойства институций может быть гораздо более узкой: легко стать графом, будучи любовником императрицы... Закрепление за субъектом определенной функции также может стать фактором «разгона» негативной динамики его институционального развития. Вот лишь некоторые иллюстрации этого тезиса: статус вора ведет к увольнению и соответствующей записи в трудовой книжке, что перечеркивает или проштует (если предположить возможность подделки этого документа), или дальнейшую карьеру; проваливший первую вербовку разведчик обречен быстро катиться вниз по служебной лестнице и надеяться только на чудо; широкое распространение принципа «победитель получает все» в реальной жизни и модели play-off («олимпийской системы») в спортивных играх и т. д.;
- тормозами (ингибиторами) (-↑↓). Такие институции, как родство, свойство, наследство, выгодное супружество и другие зачастую дают мощный импульс продвижению в социальной иерархии, но могут оказывать и противоположное воздействие. Пример великого русского ученого М.В. Ломоносова убедительно показывает, насколько труднее «пробиться» к желанным благам, в том числе статусам, представителю «низов» общества, насколько выше для него уровень трансакционных издержек любой значимой деятельности. Несовпадение институций вероиспове-

дания также может вызвать эффект институционального торможения: в своем «Хождении за три моря» тверской купец А. Никитин писал о трудностях, встречающих православных торговцев в мусульманских странах, рекомендуя своим «коллегам по цеху» менять религию для снижения издержек трансакций обмена.

- стабилизаторами ($+\uparrow\downarrow$). Как и любое социальное явление, обретение статуса агента таких институций чревато тремя потенциально возможными видами эффектов – позитивным, негативным или нейтральным с возможностью корректировки их соотношения в перспективе. Получение среднеоплачиваемой работы в пенсионном возрасте расценивается как положительный факт, стабилизирующий человека на определенном уровне дохода выше среднего для представителей его статуса. Подобная стабильность, лишаящая всяких перспектив, в молодом возрасте воспринимается крайне болезненно, поскольку такой актер автоматически исключается из институциональной динамики, так как уже не является ее переменной, но представляет для статистики как бы социальную константу. Как пример негативного результата стабилизации в институциональной иерархии отметим феномен «застревания в должности» или статусе, что отражает объективное наличие тупиковых траекторий институционального развития акторов. Любая стабильность должна оцениваться на основе сравнения имеющегося потенциала и достигнутого результата, исходя из чего и рекомендуется конструировать дальнейшую стратегию. Проблема лишь в том, что расчет человеческого потенциала является в высокой степени приблизительным, так как не учитывает в должной мере скрытые возможности актора и энергию, с которой он будет приращивать свои умения и навыки.

Проявляя свою социальную природу в указанных выше аспектах, институции интенсифицируют, замедляют и адаптивно корректируют темпы и ритмику накопления, инвестирования и распределения субъектами их дохода, капитала, богатства. Поэтому аналитическое «раздвоение личности» человека на *homo economicus* и *homo institutus* является условным, ведь любые доходы и расходы субъекта имеют институциональную природу,

поскольку основаны на воспроизводстве ряда закрепленных за ним функций в общественной системе (гражданина, предпринимателя, врача, почтальона, студента, докера, брокера, дилера, киллера, инженера, парикмахера, дворника, опекуна, сына, внука и т. д.). Поэтому основными вариантами экономической тактики акторов являются: а) инвестиции в расширение масштаба и развитие структуры институциональной сферы, связанные с ограничением текущего потребления; б) максимизация дохода в рамках достигнутых границ институциональной сферы при блокировании мотивов ее развития.

Институциональная сфера определяет и то множество социально-функциональных аттракторов, в которые попадает отдельный человек в процессе хозяйствования и которые формируют его «социальный горизонт», то есть совокупность стратегических ориентиров институционального развития. Например, обручение корректирует модель экономического поведения молодых людей и членов их семей в сторону накопления ресурсов для организации свадьбы и формирования исходной материальной базы совместной жизни, которая, на базе институции семейства, с высокой степенью вероятности в среднесрочных временных рамках добавит супругам статус родителей и т. д. Именно так возникают связки институций, поскольку присвоение определенного статуса ведет к появлению новой целевой функции, корректируя соответствующим образом эволюционную траекторию акторов в пространстве внешних и внутренних аттракторов.

Так, получение аттестата (диплома) с отличием четко очерчивает пространство дальнейшего институционального развития, определяя его горизонты в связи с возможностью выбора более перспективного места дальнейшей учебы (работы). Гораздо более общую институциональную перспективу очерчивает бытовавшая в советское время поговорка: «Детки кончат восьмилетку и поступят детки в вуз». Этим лишним раз подтверждается тот факт, что пространство институциональных процессов, как и их время, необратимо, вероятно и ожидаемо в образе будущего, которое, в представлении современной синергетики, «конструктивно и активно» (Князева, Курдюмов, 2002, с. 134).

Став агентом определенной институции, актер как бы попадает в ее «силовое поле», поэтому смена статусов сопряжена с

издержками выхода из зоны действия одного социально-функционального аттрактора и переходом в поле другого, затраты на удержание в контурах которого относительно ниже. Повышение имущественного статуса, например, связано со значительными затратами всех производственных факторов, времени и энергии, однако «чтобы стать богатым, голова немножко нужна. А чтобы им оставаться – уже нет. Это как спутник – ему тоже бензина не надо. Знай себе крутись» (Мураками, 2003, с. 13). Иначе говоря, издержки нахождения в зоне действия институционального аттрактора относительно ниже издержек вхождения в нее.

Но реальная траектория («канал») институционального развития актора формируется не только из будущего, но и из прошлого посредством социально-функциональных детракторов, то есть тех институций и статусно значимых событий, в которые человек попадал на протяжении своей жизни (например, «тюремное прошлое», выбор специальности при поступлении в вуз, служба в армии, опыт частного предпринимательства, тяжелая болезнь, крупный выигрыш в казино и т. д.). Актуально они детерминируют выбор актором направлений совершенствования своей институциональной сферы, задавая его императивы и ориентиры, устанавливая приоритеты. Современные исследователи уделяют повышенное внимание изучению хозяйственных процессов в аспекте известного принципа *path dependence*, предполагающего глубокую и сильную зависимость от институционального выбора, осуществленного в прошлом. Намного реже используются принципы *path determinacy* (слабый характер зависимости) и *path independence* (ее полное отсутствие), сфера действия и проявления которых более ограничена.

3. ИНТЕРЬЕР И ЭКСТЕРЬЕР НОМО *INSTITUTIVUS*

Механизмами обогащения или обеднения институциональной сферы человека выступают интериоризация и экстериоризация. В экономическом смысле первая из них представляет собой процесс присвоения трансакционных факторов, продуктов и эффектов с последующим закреплением их в статусе эндогенных элементов социального поля хозяйственного субъекта, позволяющего ему осуществить выгодные сделки. Так, оказавшись

в принципиально новой социальной среде, индивид вынужден либо интериоризировать характерные для нее нормы и принципы поведения, либо закрепиться в положении изгоя. Результатом интериоризации становится институциональный интерьер – реальная структура генетически связанных функций актора в обществе и соответствующих статусов.

Экстериоризация суть процесс отчуждения маркированных индивидуальностью и социальной принадлежностью актора транзакционных факторов, продуктов и эффектов во внешнюю среду, на основе чего осуществляется оценка и капитализация его институционального потенциала другими хозяйственными субъектами. Если включение актора в клан представляет собой как бы наложение институциональной сферы покровителя на его сферу, то предоставление «крыши» суть экстериоризация статуса лидера и сопряженного с ним авторитета, реализующего буферный эффект (\leftrightarrow , \updownarrow). Институциональный экстерьер предстает как сконструированная субъектом система атрибутивного, символического и поведенческого выражения содержания своей институциональной сферы, ориентированная вовне и формирующая представления и предположения о ней других акторов и их коллективов.

Указанные процессы могут быть как индивидуальными, так и коллективными (фракционными, коалиционными, союзническими, групповыми, компанейскими, клановыми, классовыми, династическими и т. д.). В последнем случае действия членов объединения должны быть слаженными (в пределе – синхронными) и планомерными, иначе возможен срыв процесса по вине одного или нескольких акторов. В условно формализованном виде соотношение результатов интерио- и экстериоризации выглядит следующим образом:

- Институциональный интерьер = реальные статусы + элементы желаемых (целевых) статусов.
- Институциональный экстерьер = (номинальные + фиктивные статусы) → (желаемые + эталонные статусы).

Формируемый экстерьер ориентируется и «подгоняется» под номинальные, желаемые или эталонные статусы, что сопровождается возникновением риска потери индивидуальности и «размывания» институциональной идентичности акторов, как это

происходит, в частности, у фанатичных поклонников популярных киноактеров, рок-певцов или артистов эстрады. Созданный экстерьер рефлексируется, подчас болезненно для индивида, например, когда он не обладает достаточными ресурсами для создания желаемого образа. Вместе с тем экстериоризация как процесс не «угасает» в продукте (экстерьере), но непрерывно трансформирует его в ходе движения актора по социальному пространству и взаимодействия с агентами различных институций. В поведении это выражается изменением характерного образа действий, сменой позы, взгляда, интонации, тембра и тона голоса, мимики, жестов, корректировкой «речевого паспорта» и т. д. Распространенным примером является ситуация, описанная Б.А. Рошиным в повести «Не без добрых людей»: «При виде директора сторожа Петруничеву будто подбросил кто, она сорвалась с лавки и принялась молча отбивать вслед Ивану Александровичу поклон за поклоном» (Рошин, 1981, с. 16). Резкая перемена характерной для сторожа манеры поведения обусловлена неожиданным появлением директора и связана с демонстрацией ему своей лояльности, доходящей до угодливости. Стремясь к максимизации индивидуальной полезности, подчиненные стараются скорректировать свое поведение в зависимости от настроения начальника, предугадав его, поэтому для них становятся важны любые, даже самые мелкие детали: «Само собой понятно, что по директорскому кашлю определялось и настроение Ивана Александровича — фактор в делах заготконторских немаловажный» (там же). В этом проявляется так называемая «невербальная манифестация социального неравенства» (см.: Караж, 2002, с. 7).

В ситуации «noblesse oblige» («положение обязывает») вектором формирования институционального экстерьера является достижение соответствия с набором внешних характеристик эталонного статуса. Так, распространенный в первой половине 1990-х гг. статус «нового русского» предполагал соответствующий экстерьер, вплоть до обязательного ношения пиджака малинового цвета. Вольноотпущенники в Риме эпохи правления императора Августа восторженно восприняли введенный им обычай ношения широкой тоги как особого статусного символа принадлежности к институции римского гражданства (*civis romanus*), транслируя тем

самым свою социальную значимость и указывая на положенные привилегии. Экстерьер в приведенных примерах раскрывается как предоставляемая субъектом информация о его институциональном содержании, которая в современных условиях основана на умелом подборе брендов и марок, атрибутов и артефактов. Вот как об этом пишет Д. Рашкофф: «В Соединенных Штатах начала XX в. обладание артефактами иных культур означало, что человек путешествовал в регионы естественного бытования этих культур, а следовательно располагает средствами для таких путешествий. Статус, обеспечиваемый такими артефактами, фигурировал в культуре даже после удешевления путешествий» (Рашкофф, 2004, с. 46). Но институциональный интерьер так или иначе «просвечивается» в экстерьере: так, представители сект, тайных обществ, нетрадиционной сексуальной ориентации, бывшие военные и другие узнают друг друга по особым жестам, походке, неприметным для остальных людей опознавательным знакам в одежде и аксессуарах. Все тайное в обществе рано или поздно становится явным, ведь социальные статусы актора латентно или эксплицитно определяют его поведение. Поэтому сокрытие своего реального институционального содержания сопряжено для актора со значительными издержками и не всегда бывает успешным (ведь даже опытные разведчики «проваливаются»...).

Интериоризация и экстериоризация – это процессы с доминирующей институциональной составляющей, одновременно проявляющиеся в формах трансмиссии и трансляции. Первая представляет собой передачу момента социального движения другому актору (причем передающий субъект его теряет), переход целевого действия, а также сопутствующих функций, статусов и атрибутов. Примерами институциональной трансмиссии являются передача прав собственности, статуса, должности, престола, делегирование полномочий и т. д. Известное юридическое понятие «наследственная трансмиссия», то есть переход права на принятие наследства в случае смерти законного наследника, является одной из форм ее проявления (см.: Гражданский кодекс РФ, ст. 1156).

В ходе институциональной трансляции осуществляется оповещение внешней среды об изменениях формы и содержания социально-функциональной сферы актора с использованием различных сигналов и «шумовых» эффектов. Торжественные собы-

тия, связанные с обретением субъектом нового статуса, проводятся «с размахом», «на широкую ногу», с приглашением близких и значимых для него людей, сопровождаясь транзакциями дарения, свидетельствующими об интериоризации дарителями информации о новом статусе актора. Формами институциональной трансляции могут быть ношение корпоративной формы одежды и разного рода атрибутов, символически отражающих статус субъекта, смена марки автомобиля, переезд в более (или, наоборот, менее) престижный район, стиль и культура потребления и т. д. Вспомним поставленную Т. Вебленом проблему «демонстративного потребления» (см.: Веблен, 1984, с. 108–133), состоящую в интериоризации норм экономического поведения «праздничного класса» представителями низших слоев общества с их последующим воспроизведением и трансляцией на слабой материальной основе. Осуществляя любые хозяйственные транзакции, люди непрерывно транслируют информацию о своем статусе, «очерчивая» тем самым в сознании других субъектов «контуры» своей институциональной сферы.

Динамическая гармонизация параметров своих институциональных сфер осуществляется акторами по следующим ключевым направлениям:

- достижение целевых институций и адаптация к статусу их агента;
- подбор комплементарных институций и формирование их связок («пакетов»), генерирующих синергический эффект;
- создание и культивация имиджа как искусственно моделируемой позитивной формы сведений о субъекте по отношению к его реальному информационному содержанию;
- конструирование фиктивных институций и «виртуальных» статусов, то есть «достройка» желаемых, но актуально недостижимых элементов институциональной сферы;
- маскировка нежелательных статусов.

Под фиктивной будем понимать мнимую, выдаваемую за действительную институцию. Данный феномен неразрывно связан с конструированием реально необоснованных («виртуальных») статусов, приписыванием себе субъектами не существующих или не имеющих к ним отношения атрибутов (чина, звания, должности, связей и т. д.). Пример фиктивного исполнения институ-

ции ревизорства описан Н.В. Гоголем в повести «Ревизор». Они также используются для «прикрытия» определенных видов деятельности, порождающих статусные несоответствия и противоречия в институциональной сфере определенного социального типа субъектов: в частности, спортсмены высокого класса и люди творческих профессий в СССР номинально числились рабочими, преподавателями, студентами, инструкторами, занимали мелкие государственные должности и т. д. Сюжеты, связанные с экстерииоризацией монархами фиктивного статуса простолюдина распространены в восточных сказках (например, «Калиф-аист»).

Маскировка отдельных статусов субъекта обычно осуществляется в ходе более общего процесса институциональной мимикрии акторов, когда происходит целенаправленно-адаптивное подражательное уподобление параметров и элементов их социально-функциональных сфер условиям внешней среды. Как известно, «процессы мимикрии приводят к однородности поля» (Флигстин, 2002, с. 139) потенциальных трансакций, снижая для партнеров по сделке уровень издержек согласования институциональных несоответствий. Институциональная мимикрия может выражаться не только в выдаче желаемого (целевого) статуса за действительный, но и в создании актором видимости исполнения закрепленной за ним функции, в результате чего инициируется оппортунизм в рамках соответствующих институтов. Почти каждый человек живет «двойной», «тройной» жизнью, реализуя свои способности и пристрастия в различных, несовместимых друг с другом институциональных ипостасях, что усиливает потенциал социальной неадекватности как следствия диспропорции реальных и виртуальных, желаемых и доступных компонентов институциональной сферы актора.

В реальности субъекты часто предпочитают скрывать наличие определенных статусов (институциональная «маскировка»), чтобы избежать возникновения институционально неадекватных трансакций, когда отдельные статусы партнеров являются несовместимыми или диспропорциональными. Эта проблема особенно актуальна в связи с формированием комплексных институций, включенных в сложные системы институтов с «глубокой» внутренней иерархией статусов, множеством пересекающихся и антагонистических правил и норм, алгоритмов испол-

нения функций и последствий их нарушения. Несоблюдение комплексных институций, характеризующихся высокой сложностью взаимосвязей, может приводить к внешне неожиданному исходу: скажем, в таких связках институций, как «сектанство – партнерство», «пасторство – мужеложство», «меньшинство – сотрудничество» и т. п., результатом несовпадения агентства в мало значимых внешне, как бы периферийных институциях может стать разрыв деловых, коллегиальных и других связей и отношений. А в социальном меньшинстве может оказаться любой человек: не зря столько сюжетов фильмов и книг посвящено проблемам отчуждения, например, ВИЧ-инфицированных, от которых, узнав об их заболевании, моментально отказываются коллеги и друзья, несмотря на максимальные меры предосторожности и надлежащую гигиену.

Экстериоризация актором фиктивных статусов может осуществляться в оперативном, тактическом и стратегическом аспектах. В первом случае вариантом ее проявления может быть такой феномен, как «понты», то есть институционально необоснованные притязания⁴, реализующиеся в многочисленных поведенческих формах, таких как: уловка; создание видимости; напускной вид; гонор; важный вид; важничанье; рисовка; выдача себя за другого; вызывающее, самоуверенное, дерзкое поведение; хитрость; притворство; «выкручивание»; обман; откровенный обман (см.: Мокиенко, Никитина, 2001, с. 459)⁵. Но «понтоваться» до бесконечности нельзя, это лишь ситуационная демонстрация статусного равенства или превосходства в ходе конкретной трансакции. В тактическом аспекте более устойчивой формой реализации институциональной неадекватности является конструирование имиджа как внешней формы экстериоризации в поведении. Однако то, как именно человек пытается выглядеть в глазах других людей, еще не означает, что именно так он и выглядит, а тем более, что его социальное и личностное содержание соответствует внешнему виду. Поэтому «ширмы из улыбок», старательно «растягиваемые» продавцами в современных бутиках и супермаркетах, не убеждают покупателей в искренности их симпатий к ним. Хотя, безусловно, «чем лучше и привлекательнее имитации, тем проще принять карту за территорию» (Рашкофф, 2004, с. 284).

Кроме того, институциональная неадекватность в поведении может быть ориентирована как на понижение («прибеднение», самоуничтожение и др.), так и на повышение реального статуса в направлении желаемого эталона. Практика показывает, что успешной тактикой «подсигивания» руководителя является маскировка и принижение подчиненным своих способностей, чередующаяся с точечным предложением эффективных решений и непрерывной демонстрацией своей лояльности. Многочисленные боевики и детективные романы убеждают, что наиболее рациональное поведение индивида при попадании в поле острого конфликта с применением оружия состоит в том, чтобы сделать заявление о своем низком статусе («Я просто шел мимо!», «Не стреляйте, я случайный прохожий!» и т. д.) и быстро ретироваться с места события.

Достижение институциональной адекватности заключается в приведении в соответствие номинального, желаемого и реального статусов, «разрыв» между которыми может изменяться в масштабе от 0 до ∞ , что допустимо проиллюстрировать образом реостата. Тогда его «бегунок» можно рассматривать как реальный статус, непрерывно смещающийся между номинальным и целевым «полюсами». Движение актора к тернарному равновесию в этой модели реально сопровождается душераздирающей рефлексией, бесконечным сравнением качества своих и чужих институций, мучительными переживаниями и угнетающими сомнениями, колоссальными перегрузками и резкими торможениями, неожиданными сбоями и трудными корректировками параметров сферы за счет других факторов. Подчас наиболее эффективным механизмом адаптации является сброс статусного несоответствия и, хотя бы временное, установление равновесия. Массовое перенакопление напряжения в институциональных сферах, характерное для экономик с динамикой переходного и модернизационного типа, ведет к тому, что акторы постоянно обуреваемы мыслью «бросить все и уехать в Урюпинск», что отнюдь не способствует росту эффективности их деятельности. Результатом современных российских реформ должен стать распространенный в качестве массового явления «человек, удовлетворенный своим положением в обществе, однако готовый творчески продвинуться в своем статусе» (Шекли, 2004, с. 103).

И последнее. Характеризуя человека в ракурсе его институций, велик соблазн впасть в их реификацию, под которой П. Бергер и Т. Лукман понимают «восприятие человеческих феноменов в качестве ролей, то есть в нечеловеческих и, возможно, в сверхчеловеческих терминах... Главный рецепт реификации институтов – наделение их онтологическим статусом, независимым от человеческой деятельности» (Бергер, Лукман, 1995, с. 146, 148). Поэтому реалистичное описание человека, существа страждущего и страдающего, с использованием концепта институциональной сферы должно предполагать, что она, помимо институций, статусов и описанных выше многочисленных атрибутов, наполнена также «желаниями, симпатиями, волей, убеждениями, которые тут выступают как нечто неподвластное пониманию и описанию: чужеродные силы, обитающие в нас, наступают, стараясь завоевать права на жительство; устремляются к поиску чего-то более высокого, чем мы сами, и используют нас как средство, проявляя смутную необходимость уйти от состояния Homo sapiens... к какому Номо? Ибо sapiens – это еще одно старое, старое слово, из тех, что надо сперва отмыть как следует, а уж потом пытаться использовать со смыслом» (Кортасар, 2004, с. 391).

Литература

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Выгодский М.Я. Справочник по высшей математике. М., 1972.
- Гражданский кодекс РФ (любое издание).
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 6-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2000.
- Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // СОЦИС. 2003. № 9.
- Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
- Кастанеда К. Второе кольцо силы. Дар орла. Огонь изнутри. Сила безмолвия. Т. 2. К.: «София»; М.: «Гелиос», 2002.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры. СПб.: Алетейя, 2002.

Кортасар Х. Модель для игры. М.: Изд-во «ЭКСМО», СПб.: Изд-во «Домино», 2004.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: «Норинт», 2001.

Мураками Х. Слушай песню ветра. Пинбол 1973. М.: Изд-во «ЭКСМО», 2003.

Рашкофф Д. Стратегия исхода. М.: Изд-во «ЭКСМО», 2004.

Рошин Б.А. Не без добрых людей: Повесть, рассказы. М.: Современник, 1981.

Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

Шекли Р. Цивилизация статуса. М.: Изд-во «ЭКСМО», 2004.

Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969.

¹ В гносеологическом ракурсе эти довольно образные понятия были использованы И. Лакатошем.

² Термин В.П. Кузьмина (Кузьмин, 1986).

³ Формула комплексного статуса аналогична формуле комплексного числа, где bi – мнимое число (см.: Выгодский, 1972, с. 244–246). Дальнейшее развитие предлагаемой концепции связано с использованием достижений философии и общей теории чисел.

⁴ Притязание можно понимать как активизированное право на какой-либо объект.

⁵ Там же приводится интересная синонимическая связка «хвастун» = «понтерщик».

РАЗДЕЛ II

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Глава 9

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, НЕПОЛНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Основываясь на предложенной в (Вилкас, Майминас, 1981) схеме описания ситуации принятия решения, рассмотрим состав и действие факторов нарушения рациональности выбора, а также индивидуальные психологические предпосылки воздействия того или иного фактора на социально-экономическое поведение субъекта. Под влиянием таких факторов процессы восприятия, осмысления, синтеза, интерпретации информации и последующего выбора решений могут утрачивать те или иные элементы адекватности и приводить к отклонениям от рациональности выбора. Рассмат-

риваемые ниже факторы иррациональности отличаются от тех, к которым апеллирует Дж. Ходжсон (Ходжсон, 2003) в споре с приверженцами рациональной концепции поведения агентов, и относятся к сфере социально-психологических закономерностей.

Представим вкратце состав структурных компонент ситуации выбора при принятии решений. Развивая положения Э.И. Вилкаса и Е.З. Майминаса (Вилкас, Майминас, 1981), ситуацию принятия решений рассмотрим в трех фазах: «предпостановочной», «постановочной» и «постпостановочной».

Начнем анализ с последней, третьей фазы. В этой «постпостановочной» фазе задача принятия решения представлена двумя компонентами: множеством альтернативных решений (под решением понимается конкретная комбинация управляемых факторов и возможных действий) и отношением предпочтения (упорядоченностью) на множестве альтернатив, отражающим сравнительную степень приближения к цели после реализации той или другой альтернативы. Эта оценочная фаза обычно наиболее детально рассматривается в литературе. Во второй, «постановочной» фазе выбор цели и, соответственно, отношение целевого предпочтения относятся к неизвестным компонентам ситуации и должны быть специфицированы в процессе постановки. Эта сфера связана с «инвентаризацией» имеющихся данных (ее можно также назвать сценарной), и она реже служит предметом детальных исследований. В первой, «предпостановочной» фазе речь идет о прояснении и структуризации возможностей, создавшихся в данной ситуации. Здесь существенны процессы осмысления и интерпретации информации. Главное содержание данного этапа связано с отделением «возможного» от «невозможного», формированием «допустимого множества». Эта стадия сравнительно редко служит предметом исследований.

Уместно поставить вопрос: корректно ли вообще понятие «возможной альтернативы»? Могут ли существовать «невозможные» альтернативы, и что это такое? Очевидно, это альтернатива, которую можно себе представить мысленно как реальную лишь вне контекста конкретной ситуации; будучи помещенной в ситуационный контекст, она лишается атрибутов мысленной реальности и тает, как привидение.

Ясно, что между однозначно возможным и однозначно невозможным может располагаться достаточно широкое множество вариантов, допускающих субъективную оценку в порядковой шкале с точки зрения «степени их возможности». В общем случае эта оценка может быть связана с оценкой полезности данной альтернативы (пример такой связи дает известное выражение: «Если нельзя, но очень хочется, то можно...»). В данной статье мы не будем развивать концепцию возможных вариантов учета неопределенности при определении реальности альтернативы (для случая статистических наблюдений варианты формализации различных видов неопределенности изложены в работе: (Клейнер, Смоляк, 2000) и будем считать, что оценка *полезности* и оценка *возможности* независимы, причем последняя принимает по отношению к каждой мыслимой альтернативе только два значения: «возможно/невозможно».

В ходе постановки и решения задачи выбора должны быть выполнены следующие действия: уяснение и спецификация цели, стоящей перед агентом в данной ситуации; определение полного пространства (мыслимых) альтернатив выбора, включая определение их идентификационных признаков; формирование множества допустимых (реальных) альтернатив; формирование целевого отношения предпочтения на данном множестве; определение наилучших альтернатив в смысле данного их отношения и окончательный выбор одной или нескольких из них.

Выполнение всех этих этапов в точном соответствии с имеющейся у субъекта принятия решений информацией и соответствует рациональному поведению субъекта. Можно заметить, однако, что эти этапы далеко не однородны и их выполнение требует от субъекта различных аналитических и синтетических способностей, соответствующего психологического состояния (решительности), которое позволяет эти способности применить, мотивации выполнения, а также материальных, информационных, временных умственных и психических ресурсов, которые могут быть израсходованы на прохождение этапов. Поэтому нарушение рациональности может быть обусловлено не только и не столько объективной неполнотой имеющейся у индивида информации и ограниченностью возможностей ее усвоения и переработки, сколько наличием субъективных психологических пред-

посылок нарушения рациональности поведения. Эти нарушения связаны с дифференцированным отношением субъекта к перечисленным выше этапам принятия решений, с психологическими особенностями черт характера и личности субъекта. Все эти особенности могут существенно влиять на индивидуальные результаты прохождения каждого из перечисленных этапов¹.

Таким образом, в целом нарушение рациональности выбора конкретным субъектом может быть связано:

а) с недостатком у него информационных и иных *ресурсов* для проведения всех или некоторых этапов процесса выбора;

б) некорректной или неэффективной *технологией* анализа и сравнения вариантов и поиска наилучшего (в том числе — использованием неадекватной или субъективной информации, а также субъективного оценивания и интерпретации информации);

в) сознательным *нежеланием* в полном объеме осуществлять все необходимые для формирования и решения задачи выбора действия;

г) неосознаваемыми *антипатиями* к определенному рода мыслительной, аналитической или волевой деятельности, необходимой для прохождения этапов принятия решения.

Некоторые из субъективных психологических особенностей, влияющих на мотивацию агента, в зависимости от степени проявления и устойчивости могут быть отнесены к невротическим или психопатическим состояниям (страхам, фобиям). Наличие разного рода фобий, как показывают исследования психического здоровья населения, по различным данным, характерно для 40–70 % граждан России. «Невротический» характер отношений в отечественной экономике исследовался в (Rancour-Laferrier, 2000; см. также: Роузфилд, 2002).

Ниже в соответствии со структурой описания ситуации принятия решений перечислены психологические факторы нарушения рациональности выбора и указаны черты личности (или временные состояния психики), являющиеся предпосылками проявления данных факторов. В соответствии с проведенной выше структуризацией процесса принятия решений факторы разбиты на четыре группы, относящиеся:

1) к идентификации целевых установок и допустимого множества;

2) отражению их взаимосвязи, то есть формированию отношения предпочтения на множестве альтернатив;

3) отделению реально значимой и допускающей интерпретацию информации от сопутствующей;

4) процессам выбора наилучшей альтернативы.

Начнем с *первой* группы отклоняющихся от рациональности факторов, то есть факторов, влияющих на результаты постановочных процессов: идентификации цели и допустимого множества альтернатив. После развернутой и краткой (в скобках) формулировок особенностей психологии агента, провоцирующих данный фактор, будем приводить описание ситуации, в которой эти особенности проявляются, а также – для более отчетливого понимания этих факторов – медицинский или психологический термин, отражающий аналогичное отклонение от нормальной ситуации.

1. Неготовность уяснить и сформулировать *целевую установку* в ситуации выбора («антипатия к целеполаганию»). Формулировка цели часто требует от индивида значительных и не всегда мотивированных усилий и затрат. Для экономических агентов часто просто невозможно или затруднительно осмыслить и более или менее адекватно и информативно выразить цель функционирования, которая стала бы базисом для сравнения альтернатив. Сознательное, целенаправленное и последовательное поведение является уделом сравнительно небольшой части внутренне высокоорганизованных индивидов. Если же субъектом является организация (предприятие, банк и т. п.), то говорить о конкретной цели такого субъекта можно лишь условно. Главной личностной чертой, способствующей нарушению рациональности в процессе идентификации и фиксации цели, является *непоследовательность*.

2. Подмена реальной и достижимой в принципе цели мнимыми ориентирами, находящимися за пределами окружающего данный индивид мира («мнимое целеполагание»). И.П. Павлов называл подобное явление «рефлексом цели», имея в виду неосознанное влечение к выбору для себя цели – порою мнимой, несопоставимой ни с реальными намерениями, ни с возможностями индивида (случай «людоедки» Эллочки – персонажа известного романа И. Ильфа и Е. Петрова, ставившей цель победить в соревновании по богатству и модности нарядов с дочерью американского

миллиардера Вандербильда). Отметим, что наличие такого эффекта означает, что множество альтернатив, на котором введен частичный порядок в соответствии с их близостью к достижению цели, не вполне адекватно моделирует ситуацию выбора. Важно не просто выбрать наилучшую из упорядоченных таким образом альтернатив, но оценивать степень достижения цели при ее реализации, «расстояние» до цели. Это означает, что множество альтернатив должно быть не просто частично упорядоченным; на множестве альтернатив должна также быть задана функция полезности, выражающая степень достижения цели.

В этой трактовке «эффект Эллочки» объясняется неадекватным сопоставлением абсолютных и относительных величин: если «расстояние» от любой альтернативы до цели велико в абсолютном измерении, то различие между альтернативами (относительное расстояние) на самом деле не имеет значения. Приписывание этому различию высокой значимости связано с несистемностью мышления, невозможностью охватить всю картину в целом. Личностной чертой, вызывающей данный эффект, является *разорванность*, фрагментарность мышления.

3. Затруднения при формировании объективных ограниченных выбора, трудности при анализе потенциально возможных альтернатив и выделении среди них действительно достижимых («трудности разграничения реального и нереального»). Осознание и идентификация таких границ нередко вызывают неприятные эмоции у тех индивидов, которые не склонны к самоограничению и/или болезненно воспринимают ограничения внешнего характера. Часто внимание таких субъектов не задерживается на границах фиксированного множества вариантов, а мгновенно переключается на целевую часть ситуации принятия решений, обрисовку виртуальных картин все более и более отдаленного будущего, возникающего после решения задачи выбора и наступления желательных с точки зрения индивида последствий. Чертами характера, подкрепляющими данный вид отклонения, являются *мечтательность*, склонность к фантазированию, нежелание провести различие между желаемым и реальным. Крайним патологическим проявлением невозможности отличить реальные альтернативы от мыслимых, но не реальных, является

аутизм. В этом случае индивид обычно даже не ставит перед собой задачу дифференциации реального от нереального.

Вторая группа факторов, приводящих к отклонению от рациональности, связана с проблемами задания целевого отношения полезности на множестве альтернатив, то есть «проецированием» цели на «поле выбора».

Данные факторы провоцируются затруднениями при сравнении допустимых альтернатив («антипатия/гипертрофированное влечение к ранжированию или рейтингованию»). В теории полезности хорошо известны трудности субъективного формирования транзитивных отношений предпочтения на множестве подлежащих сравнению альтернатив. Кроме этого, здесь возникают еще две группы индивидуальных проблем. Первая связана с характерной для некоторых индивидов пониженной «разрешающей способностью» видения вариантов своих действий. При анализе альтернатив качественно разные варианты кажутся таким субъектам неразличимыми. С другой стороны, известен и тип индивидов с повышенной «разрешающей способностью», для которых альтернативы либо представляются вообще несравнимыми, либо их различие неосознанно гипертрофируется. Частным случаем этой ситуации является «дихотомическое мышление», при котором множество рассматриваемых альтернатив априорно делится на две группы: условно говоря, «черные» (неприемлемые) и «белые» (приемлемые). Такое «черно-белое» огрубленное восприятие ситуации в общем случае не позволяет осуществить обоснованный рациональный выбор. Аналогами такого огрубленного восприятия реальности в медицинской практике могут считаться такие явления, как *миопия* или *дальтонизм*². Вместе с тем распространенным является и обратное явление: преувеличенная склонность к выстраиванию рейтингов, сравнения «всего со всем» («неистребимая тяга людей к сравнению», по выражению Л. Тевено) (Тевено, 2002).

Третья группа факторов отражает неумение отстроиться от побочных характеристик ситуации, не относящихся к сути проблемы выбора. Несмотря на то, что в исходной концептуальной или модельной постановке задачи альтернативы отличаются друг от друга лишь значением функции полезности, практически всегда их восприятие индивидом в реальности намного богаче. Это свя-

зано не только с содержательным различием альтернатив, но также и с тем, что после завершения индивидом формирования множества допустимых альтернатив как подмножества всех мыслимых возможностей обозрение этих альтернатив обычно приводит к неосознанному формированию некоторого целостного образа данного множества в полном пространстве альтернатив.

Иногда границы этого множества задаются явно (если, скажем, речь идет о ситуации, когда альтернативы задаются с помощью областей в некотором линейном конечномерном пространстве, как это имеет место в моделях линейного программирования), иногда такая граница как бы дорисовывается мысленно индивидом. В частности, при количественной оценке альтернатив происходит невольная мысленная «метризация» их пространства, то есть наделение априорной и не обусловленной сущностью задачи метрикой (так, несмотря на то, что пятибалльная шкала школьных оценок, как хорошо известно, формально является лишь порядковой, различие между оценками «5» и «4» традиционно воспринимается как менее существенное, чем между оценками «4» и «3», не говоря уж о различии между оценками «3» и «2»).

В любом случае, даже если речь идет о дискретном множестве возможностей, можно говорить о *конфигурации* множества допустимых альтернатив в рамках их полного пространства. При этом у некоторых альтернатив могут быть отмечены специфические особенности, связанные с их геометрическим расположением относительно данной конфигурации, близости к границам реального и нереального, к области сгущения, к воображаемому центру конфигурации и т. п. При этом в зависимости от своего местоположения альтернативы как бы оказываются эмоционально окрашенными, причем эта раскраска не связана с уровнем их объективного соответствия цели. При сравнении таких альтернатив субъекту трудно абстрагироваться от учета их взаимного расположения, что фактически вызывает отклонения от рациональности выбора. Размер и характер этих отклонений зависит от психологической структуры личности субъекта. Можно выделить следующие характерные ситуации.

1. Неосознанная склонность к выбору граничных или близких к граничным альтернатив («влечение к пограничным и рискованным ситуациям»). Под граничными понимаются экстремаль-

ные в том или ином смысле варианты. Такое поведение характерно для индивидов с априорной склонностью к опасности, экстремальным ситуациям, радикализму. Психологическая предпосылка – страх перед открытым неограниченным пространством, *агорафобия*.

2. Неосознанное отвращение к выбору граничных или близких к граничным альтернатив («антипатия к пограничным или рискованным ситуациям»). Психологическая предпосылка – *акрофобия*, то есть инстинктивная боязнь высоты, а точнее – границы наблюдаемой области, воспринимаемой как граница между уровнями; допустимая область воспринимается как высокогорное плато, возвышающееся над пропастью. В данной группе факторов отклонения от рациональности можно указать еще несколько возможных вариантов дополнительного различения альтернатив, не связанного с их целевой полезностью и основанного на психологических априорных и не осознаваемых субъективных предпочтениях агента. Первый возникает из-за особенностей процедуры предъявления/рассмотрения альтернатив. Лишь в редких случаях все альтернативы рассматриваются одновременно. Как правило, они предъявляются для рассмотрения поочередно или группами (см. подробнее: Клейнер, 2002). Поскольку в «сеансе принятия решения» внимание индивида распределяется в течение периода анализа неравномерно (в зависимости от темперамента индивида и других особенностей личности пик наибольшей концентрации внимания может приходиться на начало, середину, конец или другие сегменты периода сравнения альтернатив), результаты выбора могут зависеть от последовательности предъявления альтернатив. Такое явление можно уподобить *циклотимии* – выраженной зависимости психических реакций и состояния в целом от относительного (в рамках фиксированного периода) времени действия.

3. Априорное предпочтение альтернатив, рассматриваемых в начале/середине/конце периода времени для принятия решений («невозможность соблюсти одинаковые условия оценки альтернатив»). Психологической предпосылкой здесь выступает *циклотимия*, то есть циклическое распределение внимания в течение периода, в данном случае – «оценочной сессии». Второй дополнительный вариант априорного (внецелевого) различения аль-

тернатив связан с гипертрофированным влиянием предыдущего опыта индивида. Если конфигурация альтернатив в какой-то степени напоминает ему уже встречавшиеся ситуации, исход выбора в которых известен, то это может вызвать формирование еще одной, не связанной с целевой, структуры предпочтений, при которой та или иная альтернатива априорно воспринимается как предпочтительная или, наоборот, нежелательная.

4. Априорное предпочтение альтернатив, идентифицируемых по их конфигурационным характеристикам в связи с предыдущим опытом принятия решений («неосознанные ассоциации с прошлым»). Психологическая предпосылка – *апперцепция*, то есть неосознанное влияние на восприятие реального мира субъектом его предшествующего опыта или установок.

Наконец, следует иметь в виду некоторые часто встречающиеся *динамические* характеристики решений как подлежащих выбору альтернатив. Психологические особенности субъекта принятия решений могут оказать существенное влияние на выбор именно из-за неадекватного учета динамических и, в частности, *временных* особенностей того или иного решения. К таким особенностям относится время начала и завершения реализации решения (и/или период получения эффекта от его реализации) и ряд аспектов новизны и радикальности решений.

Главными характеристиками такого рода, влияющими на выбор, являются: время начала реализации решения, точнее, промежуток между принятием решения и его осуществлением (в случае выбора); время планируемого окончания реализации решения; «новизна» решения (она может оцениваться по различным показателям, например, по новизне связанных с данным решением технологий, количеству новых, представляющихся перспективными, лиц, вовлекаемых в круг общения в связи с данным решением, и т. п.); степень обратимости решения, то есть возможность восстановления «status quo» после начала реализации данного решения.

5. Предпочтение решений, реализация которых начинается/оканчивается быстрее («антипатия/влечение к быстро исполнимым решениям»). Психологические предпосылки – нетерпение, *импульсивность* или, наоборот, заторможенность данной личности.

6. Предпочтение решений, обладающих/не обладающих признаками новизны («антипатия/влечение к новым решениям»). Психологические предпосылки – эмоциональная потребность индивида в новых впечатлениях, излишняя доверчивость, преувеличенные ожидания, испытываемые по отношению к новым лицам или (шире) ситуациям по сравнению с известными. В противоположном случае (антипатия к новым решениями и ситуациям) речь идет о *консерватизме* мышления.

7. Предпочтение обратимых/необратимых решений («антипатия/влечение к окончательному выбору»). Многим индивидам свойственно непреодолимое желание немедленно изменить сделанный выбор сразу после его осуществления. Чтобы понять истоки такого поведения, следует принять во внимание, что субъект лишается «свободы выбора» в тот же момент, в котором этот выбор сделан. Для свободолюбивых или нерешительных натур необратимые действия, в том числе выбор, крайне неприятны. Психологические предпосылки: осторожность, *нерешительность*; либо, наоборот, решительность, *опрометчивость*, радикализм.

8. Неосознанное нежелание оставаться в заданных пределах множества допустимых альтернатив («антипатия к учету границ»). Будучи поставлены в дискомфортное для себя положение в кругу нежелательных альтернатив, многие индивиды стремятся «разорвать» этот круг, вернуться «на шаг назад», на постановочную или предпостановочную стадию формирования альтернатив и изменить само «поле выбора». В других случаях при отчетливом субъективном ощущении границ поля выбора и невозможности их преодоления возникает неосознанное стремление к выбору той альтернативы, которая находится как можно дальше от границы, «в глубине» допустимого множества. Соответствующая психологическая предпосылка – состояние *клаустрофобии* (страх замкнутого множества по отношению к пространству альтернатив).

Наконец, *четвертая* группа факторов отклонения от рациональности связана с этапом непосредственного выбора решения.

1. Антипатия к выбору абсолютно наилучшего варианта («антипатия к радикализму»). Выбор наилучшего варианта для избегающих риска субъектов представляется опасным. Подсознательно такие субъекты отвергают максимизирующие варианты как *не соответствующие эволюционному характеру развития*. Как по-

казывают психологические тесты, многие подсознательно стремятся к выбору варианта, находящегося в верхней трети шкалы оценок, но никак не наилучшего. Альтернативой наилучшего выбора может быть сатисфакторный (обеспечивающий удовлетворительный уровень полезности), усредненный (ориентирующийся на то или иное среднее значение критерия полезности), привычный и другие варианты выбора. Соответствующая черта характера – осторожность. Психологическая предпосылка – *клаустрофобия* (по отношению к пространству значений функции полезности).

Процедурная рациональность, то есть рациональность процесса, а не результата выбора решений также подвергается искажению ввиду использования неадекватных ситуации процедур и алгоритмов.

2. Предпочтение решений, избираемых в соответствии с известными привычными или традиционными процедурами, не обязательно соответствующими данной ситуации («навязчивое влияние прошлого опыта»). Психологическая предпосылка – *компульсивные* расстройства, то есть действия или влечения, обусловленные устаревшими или не соответствующими конкретным условиям ситуации ритуалами (рутинами).

Таким образом, существует достаточно широкий круг устойчивых личностных психологических особенностей агентов, вызывающих неконтролируемое отклонение от рациональности индивидуального выбора. Поскольку эти особенности в принципе допускают выявление с помощью анализа предыдущего поведенческого опыта, самоанализа или тестирования, появляется возможность предсказания отклонений от «чистой» рациональности поведения. Конечно, при этом следует иметь в виду наличие некоторой комбинации этих особенностей у каждого индивида.

Неполную рациональность выбора, обусловленную для данного субъекта одним или несколькими из перечисленных факторов, естественно назвать, в отличие от ограниченной рациональности Г. Саймона (Simon, 1957) и органической (в других терминах – процедурной) рациональности О. Уильямсона (Уильямсон, 1996), *органической иррациональностью*, поскольку она отражает органически присущие данному индивиду качества и особенности, приводящие к нарушению рациональности поведения.

Индивид с высоким уровнем органической иррациональности по каждому из перечисленных выше аспектов принимает в расчет не всю имеющуюся информацию и фактически либо «размывает» воспринимаемую им ситуацию принятия решений, делая нечеткими как целевую функцию, так и ограничения выбора, либо, наоборот, деформирует, искажает компоненты постановки задачи, излишне жестко ограничивая множество альтернатив или необоснованно «выпячивая» некоторые из них (например, осуществляя их дихотомию, условно говоря, на «черные» и «белые»). При восприятии реальной картины как размытой, сглаженной, «текучей» или, наоборот, чересчур ригидной, с обостренными и искаженными формами, принятие решения осуществляется либо на основе заведомо фрагментарного анализа и принципиально субъективного выбора, либо на основе принципов слабой процедурной рациональности (Simon, 1976).

Описанная выше в общих чертах картина в принципе может относиться ко всем ситуациям принятия решений, в том числе – институциональных решений, то есть решений, касающихся либо присоединения к уже имеющемуся институту, либо образования того или иного института (например, поддержка принятия нормативного акта, закрепляющего некоторую норму). В итоге формирование носителя того или иного института (совокупности агентов, подчиняющихся действию института) оказывается в поле влияния не только рациональных факторов, обусловленных распределением экономических интересов и ожиданий агентов, но и в зоне влияния иррациональных факторов, обусловленных органически иррациональной структурой субъективного восприятия агентами действительности. Вследствие этого влияние сил, действующих на институты непосредственно со стороны институционального пространства (взаимозависимость институтов, «трение», жизненные циклы и т. п.), будет более сильным, чем действие внешних для этого пространства сил, исходящих из пространства агентов.

Отклонения от рационального ведения процесса выбора, вызванные психологическими особенностями агентов-индивидов, можно толковать как ошибки когнитивно-деятельностного поведения агента. При таком подходе эти ошибки могут быть представлены как: ошибки целеполагания (определения и уяснения

цели); ошибки атрибуции (разграничения реальных и нереальных альтернатив); ошибки дискриминации (различения альтернатив); ошибки индикации (формирования целевых отношений на пространстве альтернатив); ошибки прогнозирования (определения последствий выполнения альтернатив); ошибки ранжирования/рейтингования (выстраивания альтернатив по их соответствию цели); ошибки выбора.

В связи с изложенным выше возникает важный для практики экономического анализа и прогнозирования вопрос: поддаются ли формальному моделированию действия агентов при столь многообразной картине отклонений от принципов рациональности выбора? По мнению Нобелевского лауреата Д. Канемана, в каждой конкретной модели реального выбора может быть учтено не более одного фактора иррационального поведения. Если иметь дело с традиционными оптимизационными схемами, то с этим придется согласиться. В общем же случае, как представляется, традиционная оптимизационная схема должна быть модифицирована таким образом, чтобы в ней фигурировали отдельные и относительно самостоятельные модели:

а) объекта, на состояние которого оказывает влияние выбор (предприятие, если речь идет, скажем, о закупке оборудования или постановке на производство нового изделия; запас продуктов в доме, если речь идет о приобретении продуктов питания в магазине; сам субъект, если речь идет о его институциональном выборе, например, присоединении к некоторому институту и т. п.);

б) поля альтернатив, то есть взаимосвязи между альтернативами и их атрибутами;

в) субъекта выбора, то есть лица, принимающего решение, его психологических, когнитивных и иных особенностей.

Таким образом, поскольку каждую из альтернатив можно рассматривать как некоторую разновидность проекта (будущих действий агента), то описание всей ситуации выбора складывается из описания трех различных компонент: объекта, проекта и субъекта. (Отметим, что если речь идет о моделировании не субъективного выбора, а объективного процесса, то последний элемент триады может отсутствовать, хотя поле альтернатив как множество возможных результатов процесса должно присутствовать в

любом случае.) При этом обычно используемая для моделирования конструкция, в которой это поле совпадает с подмножеством некоторого конечномерного векторного пространства, далеко не всегда является адекватной моделируемой ситуации. Так, в (Клейнер, 1997) показано, что для пространства факторов производственных функций в условиях индивидуализации производства более адекватной, чем структура конечномерного линейного пространства, является структура решетки – множества с операциями пересечения и объединения элементов.

Такой подход предполагает, что и в модельном отражении эта трехчастная композиция должна быть уравновешенной в том смысле, что модели всех трех частей должны быть, во-первых, относительно автономными и, во-вторых, примерно равным образом содержательными. Первое требование означает, что перед построением общей модели выбора должны быть автономным образом построены три модели: модель функционирования «объекта», отражающая влияние принимаемых решений на объект управления; модель «поля альтернатив», отражающая оценку вариантов с точки зрения цели выбора и структуру их множества; модель «субъекта выбора», отражающая сложившиеся особенности и структуру факторов принимаемых субъектом решений. Согласно второму требованию, каждая из этих моделей должна быть построена на базе достаточно содержательной информации, в том числе – исторической, учитывать эволюционные характеристики предмета моделирования и его взаимодействия с окружением. Если эти требования нарушены (а в традиционных моделях оптимизации именно это и имеет место, причем наименее содержательно, как правило, представлены модели субъекта), то результат не может быть адекватным.

Выполнение данных требований, то есть моделирование процесса принятия решений экономическими агентами на основе «тройственной» системы достаточно содержательных и относительно автономных моделей «субъект – проект – объект», ставит перед исследователем серьезную задачу системной идентификации элементов этой триады. В зависимости от того, где проведены системные границы «субъекта», «объекта» и «поля альтернатив», и процесс, и результаты моделирования будут различными. Это подчеркивает роль этапа «системное описание объек-

та моделирования» в общей последовательности построения модели (см.: Клейнер, 2001).

Возвращаясь к анализу процессов принятия решений, констатируем следующий вывод: принятие решений экономическими агентами может считаться рациональным лишь при сугубо отвлеченном взгляде. При этом отказ от рациональности вовсе не тождествен отказу от теоретического подхода в целом. «Рациональность, в строгом современном смысле слова, не может быть одинаково присуща любой экономической деятельности каждого экономического агента. В общем случае невозможно исключить поведение, движимое минутным импульсом, привычкой, стремлением изучить альтернативы (учимся хотеть того, чего на самом деле хотим) или даже забывчивостью, что разрушает всякое представление о последовательной системе предпочтений. Кроме того, постулат рациональности подразумевает такие способности к обработке информации и расчетам, которые не могут не вызвать насмешки – «иррациональная страсть к рациональным расчетам» (Блауг, 2004, с. 351).

Рамки теоретического подхода, основанного на рациональности, не должны быть «прокрустовым ложем» для отражения реальности. Их необходимо расширить, чтобы учесть неоднородность множества агентов, их классификацию по психологическим и ситуативным особенностям, в том числе и касающимся взаимодействия «агент – институт». Введение и структуризация понятия органической иррациональности позволяет более гибко и адекватно отражать поведение агентов. Однако классификация факторов и видов может быть продолжена в направлении детализации самого содержания целей и ограничений, принимаемых агентом.

Литература

Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: Вопросы экономики, 2004.

Вилкас Э.Й., Майминас Е.З. Решения: теория, информация, моделирование. М.: Радио и связь, 1981.

Клейнер Г.Б. Моделирование механизмов принятия решений на предприятии // Экономика и математические методы. 2002. Т. 38. № 3.

Клейнер Г.Б. Факторы производства и производственные функции: моделирование в условиях качественных измерений // Моделирование механизмов функционирования экономики России на современном этапе / Под ред. д-ра физ.-мат. наук В.З. Беленького. М.: ЦЭМИ РАН, 1997.

Клейнер Г.Б. Экономико-математическое моделирование и экономическая теория // Экономика и математические методы. 2001. Т. 37. № 3.

Клейнер Г.Б., Николаева Н.Л. Оценка параметров имитационных экономико-статистических моделей с учетом априорной качественной информации // Экономика и математические методы. 1986. № 4.

Клейнер Г.Б., Смоляк С.А. Эконометрические зависимости: принципы и методы построения. М.: Наука, 2000.

Роузфилд С. Метаморфоза России: от Ельцина до Путина // Экономическая наука современной России. 2002. № 4.

Тевено Л. Организованная комплексность: конвенции координации и структура экономических преобразований // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЭН, 2002.

Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003.

Mintzberg H. Strategic Thinking as «Seeing» // Nasi J. Arenas of Strategic Thinking. Foundation of Economic Education. Helsinki, 1991.

Rancour-Laferrier D. Russian Nationalism from an Interdisciplinary Perspective: Imaging Russia. N.Y.: Edwin Melien Press, 2000.

Simon H. Administrative Behavior. N.Y.: Macmillan, 1957.

Simon H. From Substantive to Procedural Rationality // Method and Appraisal in Economics / Ed. by S. Latsis. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.

¹ Применительно к процессам построения имитационных экономико-статистических моделей зависимость результатов моделирования от соотношения объективной и субъективной части информации рассматривалась в (Клейнер, Николаева, 1986).

² Эти отклонения от нормы не относятся к психической сфере, но используются исследователями для характеристики аналогов соответствующих психических состояний (см., напр.: Mintzberg, 1991).

Глава 10

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФРАКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ставшее традиционным противопоставление институтов и агентов как отдельных объектов изучения в рамках институциональной теории, приведшее к противопоставлению холистического и индивидуалистического подходов, нуждается в переосмыслении. Очевидно, что в действительности нет изолированных индивидов, не принадлежащих к определенным институтам, как нет и полного единения институциональных агентов в рамках ассоциированных интересов, так как каждый институт глубоко стратифицирован. Последнее не позволяет рассматривать всех участников какого-либо института как разделяющих модель поведения, обусловленную принадлежностью к данной «системе коллективного действия». Это подтверждается выводом Л. Дюмона о том, что «реальность в целом выглядит промежуточной между концепциями автономной индивидуальности и тотально спаянной системой» (Дюмон, 2001, с. 64). Должны существовать (и существуют) посредствующие звенья воспроизводства институционального капитала в обществе, к которым, прежде всего, относятся фракции, образующие фенотипические особенности статуса человека, генотип которого формируется институтами. Это понятие широко используется в политологии, но не выходит за ее методологические «пределы», хотя очевидно, что раз фракции активно действуют в рамках партий, то они в тех или иных формах должны присутствовать и в функционировании других институтов — предприятия, банка, профсоюза, правительства, семьи, армии, тюрьмы, университета и др.

В таком ракурсе «человек институциональный» (*homo institutus*) — это, прежде всего, фракционер. Введение понятия фракции и разработка соответствующего категориального ряда позволяет уйти от противопоставления институтов и агентов, сместить акцент с изучения абстрактно гомогенной социальной среды на познание тенденций дробления и фрагментации мозаичного институционального пространства.

Начнем с того, что гомогенное видение внутреннего пространства экономических институтов не позволяет адекватно раскрыть богатство форм и содержания их «внутреннего мира». Поэтому для специального анализа внутреннего строения институтов целесообразно выделять помимо органов также фракции, коалиции, кланы и династии.

Фракции возникают на «разломах»¹ ассоциированных и индивидуальных интересов, реализуемых в рамках института, представляя собой относительно устойчивые целевые группировки его агентов, объединенных особой институциональной ориентацией, то есть совокупностью интересов, отличных от интересов других агентов данного института. Фракции опираются на агентов мелких институций, «дробящих» монолитную «картину» внутреннего пространства института, в структурно-функциональных рамках которого обеспечивается простое воспроизводство комплекса организуемых им функций и расширенное – рутин, навыков, умений, компетенций.

Динамика межфракционной миграции агентов канализирует направление дальнейшего развития институциональных организаций. Несмотря на взаимное «отталкивание» фракций как одинаково заряженных частиц в социальном поле, формирующее раздробленное и фрагментированное состояние институтов, между фракциями складываются не только отношения вражды, но также «сочувственные» и нейтральные отношения. Фракции нередко идут на взаимовыгодный компромисс или образуют коалиции, которые, в отличие от них, направлены на достижение конкретных целей, а не на реализацию коллективных интересов. Поэтому жизненный цикл коалиций относительно короче, чем у фракций, которые гораздо устойчивее во времени.

Сложность института – векторная характеристика, которую можно разделить на более простые. Модельно представив институт как граф (см. подробнее в главе 12 настоящего издания), можно привести ряд характеристик его сложности, которые можно дополнять, конкретизировать и дополнительно формализовать применительно к специальным исследованиям фракций в экономике и обществе. Звено графа как связка вершины и элементов может быть интерпретировано как модель

фракции агентов (на нижнем уровне строения института) или коалиции фракций – на более высоких уровнях иерархии.

Показатель глубины фракционирования предполагает выявление количества уровней графа. Важно учесть, какой признак системной целостности характерен для элементов данного института – аддитивность, когда компоненты не компенсируют друг друга, а совокупный продукт института представлен суммой их частичных вкладов, или мультипликативность, когда происходит взаимное усиление производительности и эффективности функциональных элементов, производство результатов деятельности которых дает общий продукт института.

Глубина института может быть измерена как по средней длине графа (с использованием инструментов анализа математического ожидания и дисперсии), так и по максимальной, опять же в зависимости от специфики конкретного исследования. В первом случае оно будет ориентировано на выявление «сглаженных» обобщенных характеристик института, а во втором – на идентификацию его патологий и аномалий.

Расчет средней ширины звена дает представление о примерном масштабе фракций данного института, а выявление общего количества звеньев характеризует его сложность в целом. Знание количества низовых элементов (листьев) в графе, то есть численности агентов института, позволяет перейти к более сложным показателям фракционности. Так, соотношение общего числа звеньев и количества низовых элементов отражает обобщенную характеристику числа фракций, приходящихся в среднем на одного агента, поскольку агентство в разных фракциях «пересекается», то есть в интегральном статусе каждого человека как бы совмещаются многие фракции.

Предложить универсальный коэффициент фракционности отдельных институтов и их систем не представляется возможным, поскольку для каждого конкретного исследования в зависимости от его задач потребуются коррекция индикаторов оценки состояния фракций, их пропорций и тенденций динамики. В любом случае, для моделирования отношений фракционизма целесообразно использовать достижения теории графов.

Следует учитывать иерархию фракций в институте, ранг которых сочетает элементы тождества (равенства) и различия

статусов их агентов. Внутри фракции также складывается и устойчиво воспроизводится определенная иерархия агентов. Масштаб критериев выделения фракций достаточно широк. Например, агенты институции директорства образуют фракции по возрасту («красные директора», молодые), стажу («матерые», опытные, начинающие), а также по объему государственного финансирования, масштабу и сфере деятельности, степени информационной открытости, прибыльности и т. д. Министры РФ также фракционированы на «силовиков», «экономистов» и представителей «социальной сферы», между интересами которых перманентно возникают противоречия и компромиссы.

В аспекте фракционной динамики любые «системы коллективного действия» предстают в качестве облаков или пыльных бурь, поскольку в социальном смысле они суть временные агрегации агентов различных фракций. Структура последних может сохраняться на протяжении длительного периода, однако, в целом, внутреннее пространство институтов непрерывно реконструируется в достаточно жестких структурных границах.

Изучение фракционной кинетики предполагает анализ процессов распада, интеграции, а также взаимной адаптации фракций. Раскол в рамках фракции может произойти, если «одна прогрессивная часть группы сочла бы, что сможет выиграть в статусе, если отколется от другой (части. — Авт.) группы, остающейся консервативной» (Джонс, 2001, с. 222). Фракция может стать доминирующей либо занять определенную специализированную позицию (нишу) в пространстве института, соотносясь с фракциями-лидерами и создав систему функциональных связей с ними.

На устойчивость фракций и параметры динамики фракциогенеза влияют следующие факторы:

- Темп и ритм замены контингента институциональной организации. Чем быстрее сменяется состав агентов института, тем выше издержки образования фракций. Не случайно в 1930-х гг., когда риск оппортунизма и фракционирования ВКП(б) достиг предельно допустимых значений, проводилась политика массовых «чисток» на всех советских предприятиях и во всех учреждениях, направленная на усиление текучести потенциально опасных кадров (особенно в сфере

управления). Тем самым в корне пресекались малейшие возможности организации фракций в «недрах» бюрократического аппарата. Поэтому ссылки на непродуманность кадровой политики И.В. Сталина для данного исторического примера выглядят малообоснованными с институциональных позиций.

- Большой «объем» неформальных связей и отношений, характерный для крупных организаций, в которых издержки непрерывного контроля за действиями агентов являются запретительными для принципалов. Целесообразно исчисление показателя «массы» формализованного компонента социального поля института, представляющего собой произведение количества фиксированных формальных функциональных связей и числа агентов данного института.
- Характеристики пространства института, в том числе показатели уровня полярности и комплементарности типизируемых и воспроизводимых в его рамках институций, наличия субститутов и сервитутот и т. д.

Примеры фракционности легче обнаружить в крупных институциональных организациях. Так, в больших семьях дети обычно образуют свою фракцию, объединенную интересами отстаивания собственной индивидуальности и независимости от родительской опеки, сокрытия допущенных нарушений установленного в семье «режима» и порядка жизни. Конечно, в любой фракции рано или поздно появляются оппортунисты – «предатели», «ябедники» и др., в чем проявляется всеобщий и закономерный характер оппортунизма, представляющего собой перманентно реализующийся в рамках института кризис, индикативно характеризующий его устойчивость и адаптивность.

Клан представляет собой персонализированную форму фракции. Он обязательно связан с именем конкретного человека или семьи, рода и представляет собой определенную группу, «все члены которой убеждены, что все они восходят к одному начальнику, и сами эти люди идентифицируют себя подобным образом, и посторонние считают их особым сообществом, отличающимся от остальных идентитетом» (Асп, 2000, с. 236). Клань возникают в рамках достаточно крупных институтов; они фор-

мируются как «внутри» фракций, так и объединяют агентов, принадлежащих к различным фракциям.

Клановость института формируется в условиях наличия у отдельных агентов мощных ресурсов – специфических знаний, связей (в том числе личных), статуса и т. д., что позволяет им непосредственно влиять на осуществляемые в данной организации процессы, особенно редиистрибутивного характера, связанные с распределением институциональных доходов и привилегий. Вхождение в «команду» (а точнее, в клан) такого человека означает для агента переориентацию своей модели поведения на конкретные указания лидера, игнорирование конкурирующих кланов и фракций, зачастую в форме осуществления действий, противоречащих интересам института в целом. В рамках клана воспроизводится модель поведения агентов – приверженцев принципа, под покровительством которого у них появляются возможности назначения на важные посты, получения значимых статусов и, соответственно, высоких доходов, использования индивидуального капитала руководителя (например, его репутации, имени как индивидуальной «торговой марки» и т. д.) в собственных целях и т. д.

Например, в армии понятие команды было распространено и в советское время, когда шедшие на повышение начальники «забирали» с собой перспективных подчиненных, создавая для них на новом месте благоприятные институциональные условия. Вот как описывает такую ситуацию персонаж повести В. Суворова «Аквариум»: «...вызвали и приказали принять разведку целой Армии. Я сейчас не только принимаю дела, но и формирую свою команду. Кое-кого я за собой перетащил со своей прежней работы. <...> Но у меня теперь хозяйство во много раз больше, и мне нужно очень много толковых исполнительных ребят, на которых можно положиться» (Суворов, 1993, с. 27). Местные руководители в СССР при назначении на работу в центральные структуры (министерства, главные управления и т. д.) также забирали с собой в Москву целые команды, перекладывая на них связанные с новой должностью транзакционные издержки и способствуя их карьерному продвижению.

Под династиями будем понимать фракции, базирующиеся на синтезе институций преемства и родства. Преимуществами та-

ких форм реинтеграции, то есть объединения и позиционирования агентов в сложившихся рамках института, является накопление и трансляция между их членами специфических форм организационного (связи, включенность в узкие круги), институционального (наследство, имущество, родство, почет, уважение, репутация, «кредит доверия» и др.) и информационного капитала, связанных непосредственно с тем предприятием (учреждением), в котором династия развивается. Глубокое знание «своего» института, овладение его рутинными, понимание специфики происходящих в нем процессов создают потенциал эффективно прогнозировать на основе накопленного опыта потенциально возможных акций и реакций со стороны других агентов. Это дает возможность агентам династии значительно повысить степень рациональности своих действий, извлечь из них максимальную полезность. Эффективность такой формы фракционной организации характеризуется усилением влияния в современной России финансовых олигархических династий, в которых вновь актуализировались институты кумовства, местничества и др. Династии формируются и в шоу-бизнесе – среди артистов, режиссеров и т. д., а традиционные в СССР трудовые династии становятся редким явлением.

Неоднородность институциональных структур особенно ярко проявляется в политической сфере, где действуют различные формы функциональной организации партий – *комитеты* («партии внутри партий»), *секции*, *ячейки* и *клубы*. Все они обладают определенной спецификой и доминируют на разных этапах эволюции партий как базового политического института. Так, ячейки представляют собой организационные элементы политических партий, внедряющиеся в институты экономические (предприятия) с целью создания «всепроникающей системы партиячек». Если «[в] отличие от келейного комитета секция максимально открыта», то «за членство в партийном, как и в любом другом, клубе люди сами готовы платить. И платят – в форме взносов и пожертвований, которые обеспечивают клубу достаточно автономное существование...» (Радкевич, Тихомиров, 2004, с. 83, 85). На основе этих структур возникают и развиваются разнообразные фракции.

Институциональные формы организации базовых партийных объединений (БПО) дифференцированы по признакам срочности и характера организации: «Партийный клуб – предельно гибкая форма объединения... Как и секция, он работает практически постоянно: люди собираются «по интересам», обсуждают насущные вопросы жизни квартала, организуются для решения общих проблем» (Радкевич, Тихомиров, 2004, с. 84). Напротив, функционирование партийных комитетов предельно урегулировано. Система политических партий фашистского толка в Италии периода правления Б. Муссолини включала *фашии* (воензированные отряды) и *команды*, агентами которых были бойцы. К перечисленным структурным формам, отражающим стратифицированный характер институтов, добавим *отделения*, *отделы* и *секторы*, характерные для научных академий, институтов и лабораторий, библиотек и бюро, а также для мультипродуктовых и дивизионально-структурированных компаний.

Внутренняя неоднородность институтов на всех уровнях общественного бытия формирует фракционность в масштабе всего общества. Механизм фракциогенеза можно представить следующим образом. Исходная социальная «масса» в процессе хозяйствования дифференцируется в союзы для осуществления совместных действий по различным целям – коалиции. В ходе своего воспроизводства коалиционные объединения формируют внутреннюю систему статусов и ролей своих участников. Неоднократная реализация воспроизводственного цикла коалиций, становление и осуществление системы однородных институций в их рамках ведут к формированию на их основе институтов, которые структурно типизируют и устойчиво воспроизводят закрепленные за участниками союза функции.

Но интеграция агентов в рамках института неизбежно «трескается по швам» несовпадения их интересов, что ведет к образованию институциональных фракций, то есть организованных групп агентов института с особыми интересами, отличными от интересов других групп его агентов. Поскольку агенты одной фракции (фракционеры) выравниваются по определенному институциональному критерию, то между ними возникает аттракция. Сами фракции начинают образовывать коалиции, которые

параллельно возникают между отдельными агентами как одной, так и разных фракций.

Фракции сочетают в своей деятельности функции, необходимые для гомеостаза всего института, то есть для обеспечения ассоциированных интересов всех его агентов, и направленные на лоббирование интересов своих агентов. Это становится очевидным при анализе функционирования партийных фракций, которые параллельно осуществляют два взаимосвязанных направления деятельности: «Одно, публичное, сводится к обычной законотворческой работе. Другое, лоббистское, предполагает нередко прямые контакты заказчиков с чиновниками-исполнителями при посредничестве и/или участии депутатов» (Радкевич, 2004, с. 92).

Межфракционные противоречия реализуются в конфликтах, недобросовестной конкуренции институциональных фракций и их агентов, лоббировании ими благоприятных для себя условий деятельности. Эти противоречия можно разделить на следующие группы:

- Противоречия между институциональными атрибутами данной фракции и остальных фракций «ее» института: $Nf_i \leftrightarrow Nf_{(i, k)}$, где Nf_i – совокупность интересов, норм, правил и запросов, поддерживаемых агентами i -й фракции; k – количество фракций в рамках данного института. Пересечения и конфликты фракционных интересов наиболее очевидны в рамках «своего» института, где происходит конкуренция агентов и групп влияния за ограниченные в каждый момент времени ресурсы, факторы, доходы и блага. Фракции отстаивают наиболее удобные для своих агентов график и место работы, маскируют допущенные ошибки, лоббируют дополнительные доходы и премии и т. д. Они стремятся оказать влияние на стратегическое планирование, чтобы иметь возможность планировать свои действия на перспективу.
- Противоречия между институциональными атрибутами данной фракции и института в целом: $Nf_i \leftrightarrow N_{ins}$. Сплоченность фракционеров и особый характер их коллективных интересов нередко порождают фракционный оппортунизм, когда любые действия предпринимаются агентами определенной фракции только в том случае, если они отвечают ее целям.

В структуре института возникают некие «тайные общества», через систему налаженных связей «вербующие» контрагентов для обеспечения своей устойчивости, конкурентоспособности и безопасности. Фракционный оппортунизм является обоснованным, поскольку осуществляется целенаправленно, сознательно, во многом планомерно. Но, поскольку повторяющийся случай становится нормой, то тем самым формируется стиль жизни фракционеров, не только идущий вразрез с общей логикой и стратегией института, но и подрывающий его изнутри. Противоречия этого типа выражаются в процессах институционально-фракционной адаптации и аккомодации.

- Противоречия между институциональными атрибутами данной фракции и внешними для «ее» института: $Nf_i \leftrightarrow N_{ext}$. Чаще всего их можно характеризовать как стихийные и точечные (единичный случай). Однако кооперация институциональных организаций, например, выражающаяся в форме сетевого сотрудничества современных предприятий, ведет к возрастанию зависимости друг от друга фракций, относящихся к разным институтам, что неизбежно провоцирует возникновение и разрешение конфликтов и «трений».

Сила противоречий между фракциями одного уровня выше, чем между фракциями разных ступеней иерархии, так как в рамках каждого уровня происходит конкуренция агентов за комплектацию более высокого уровня и их функциональные интересы более схожи. Попытки ликвидации фракционизма, необходимые в целях оптимизации величины издержек внутри- и межинституциональных трансакций, неизбежно окажут тормозящее воздействие на эффективность конкуренции в сложившихся и формирующихся институтах, поскольку «на разделенном рынке агенты пытаются уйти от “лобовой” конкуренции, создавая свои уникальные, недоступные другим ниши» (Попков, Берг, Кузнецов, 2002, с. 74). Вместе с тем, уровень фракционности как характеристики раздробленности агентов института по фракциям должен быть оптимальным для обеспечения его гомеостаза. Для его формализации допустимо ввести специальный коэффициент, который должен отражать количество фракций и их качественные признаки, в том числе опосредованные в агентах – возраст, генера-

цию, масштаб, противоречивость, отраслевую специализацию, доступность, адекватность, квалификацию, локализацию, легитимность, формальность, активность и т. д. При моделировании такого показателя следует исходить из конкретных целей исследования, что позволит сделать институциональный анализ хозяйственных субъектов гораздо более насыщенным.

Принципиальное единство физической и экономической динамики в ракурсе институционального фракциогенеза раскрывается следующим образом. Акции и реакции хозяйственных субъектов можно трактовать как волны, излучаемые ими в транзакционной среде, причем первые являются свободными колебаниями, а вторые имеют вынужденный характер. Длина этих волн, будучи обусловлена параметрами институциональных сфер субъектов, также зависит от плотности внутреннего пространства института, характеризующей количество акторов на единицу пространства с учетом коэффициента их мобильности. Чем ниже плотность внутриэкономического пространства институциональной организации, тем больше должна быть длина транзакционной волны, то есть тем большей институциональной мощью должен обладать актор, чтобы успешно совершить сделку. Накладываясь друг на друга, взаимно интенсифицируясь или затухая, хозяйственные акции и реакции как транзакционные волны формируют колебательную динамику рыночного пространства. В этом обнаруживается проявление свойства экономической интерференции, связанной со способностью волн к усилению или ослаблению при взаимном наложении в зависимости от степени достигнутого соответствия желаемых акторами параметров сделки.

Нуждается в изучении механизм экономической дифракции, то есть процесса «огибания» транзакционными волнами, продуцируемыми хозяйственными субъектами, различных институциональных, организационных, технологических и других препятствий, в том числе порожденных рассогласованием атрибутов успешной сделки между агентами, принадлежащими к разным фракциям, что увеличивает уровень транзакционных издержек в институте, снижая его эффективность. Высокая степень фракционности общества выражается в возникновении экономической рефракции, когда исходные параметры транзакции должны всякий раз «преломляться» и адаптивно корректироваться

в соответствии с фракционной идентичностью контрагентов, что дополнительно повышает затраты на реализацию сделок.

Каждая фракция представляет собой пространство пересечения институциональных сфер своих агентов, в котором аккумулируются и транслируются знания, осуществляется координация действий, поддерживается стабильное воспроизводство фракционной идентичности, отрабатываются специфические социальные технологии, оттачиваются навыки и продуцируются особые рутины, формируются и поддерживаются взаимные ожидания и убеждения, возникают страхи и надежды, продуцируется схожий образ мышления и принятия решений (см.: Commons, 1990, р. 698), преодолевается институциональная неопределенность и социальная отчужденность. Многоаспектность социальной природы человека, выражающаяся в разнообразии его интересов, склонностей и стремлений, обуславливает его попадание в сферы институционального притяжения различных фракций, для которых характерны базовые элементы институциональной организации: доверие, поощрение и оппортунизм, которые подлежат распределению в любом институте (см.: Рэдклифф-Браун, 2001, с. 228).

Причину фракционности институтов можно связать с их тенденциями к консерватизму и догматизму, поиском оптимального размера институциональной организации или чрезмерным количеством и неопределенностью функций, принятых к типизации и воспроизводству в их структурно-функциональных рамках (см., например: Fairchild, 1896, р. 220). Более того, «фактор целостности иерархии, включение в ее орбиту подавляющей части хозяйственных процессов существенно изменяют условия ее деятельности, порождают комплекс принципиально новых проблем» (Гайдар, 1997, с. 50). Агенты как бы провоцируются всем ходом институциональной динамики к поиску более гибких, но, наряду с этим, устойчивых форм самоорганизации (см. также: Плесс, 2000, с. 40–44).

Эволюционную природу фракционности раскрыл в своем гениальном «Капитале» К. Маркс. Он считал, что доходившая до предела дифференциация частичных трудовых функций в рамках капиталистических институтов, особенно мануфактуры, с последующей жесткой специализацией работников обуславлива-

ла «виртуозность частичных рабочих. С другой стороны, совершаемое ею (речь в данном случае идет о мануфактуре. — Авт.) превращение частичного труда в жизненное призвание одного человека соответствует стремлению прежних обществ сделать ремесла наследственными, придать им неподвижные закоряченные формы каст или — в том случае, когда определенные исторические условия создают изменчивость индивидуумов, не совместимую с существованием каст, — формы цехов» (Маркс, 1951, с. 346). Цехи выступают исторической формой фракционирования капиталистических институтов на базе институций воспроизводства и преемства «откристаллизованных исключительных функций» работников-специалистов (Маркс, 1951, с. 343).

Агенты одной фракции выравниваются по принятым в ней институциональным признакам, занимая в результате эквивалентные институциональные позиции. Коррекция статуса фракционеров производится с помощью механизмов институциональной эскалации и конвейера, характеризующих, соответственно, горизонтальные и вертикальные смещения во внутреннем экоспространстве института, осуществляемые при поддержке ресурсов и факторов других членов данной фракции. В связи с неоднородностью трудовых операций К. Маркс в «Капитале» говорил о возникновении «иерархии рабочих сил» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 362) с соответствующей шкалой заработной платы, обусловленной различными затратами на воспроизводство функциональных навыков и умений.

Интегрирующая роль фракции состоит в том, что она «обеспечивает включение новых ситуаций в нормативную систему координат... <...> ...Обеспечивает координацию действий через легитимно упорядоченные межличностные отношения и стабилизирует групповую идентичность в достаточной для повседневной практики мере» (Фурс, 2000, с. 115). Фракции также представляют собой механизм социализации агентов в институте (см. табл.). Однако они не только ретранслируют общеинституциональные нормы и понятия, но и корректируют их, вживляя индивидов в более узкое пространство «своих» правил и рутин, причем не только стимулируя следовать выработанным поведенческим «рецептам», но и побуждая вносить конструктивные изменения в транзакционные алгоритмы (см. также: Dosi, Nelson, Winter, 2001, p. 18).

Характеристики социализации агентов в рамках фракции *

Аспект социализации	Характеристика
Институциональный	Адаптация формального статуса в организации и неформального во фракции; приращение институциональной сферы; усиление функциональной гибкости и поведенческой мобильности и др.
Организационный	Формирование совокупности специфических навыков и рутин; включение в систему функциональных связей и др.
Информационный	Фильтрация и коррекция информации, циркулирующей внутри института в соответствии с принципами данной фракции; быстрое распространение среди «своих» агентов новостей и важной информации с ограниченным доступом и др.

* Источник: сост. авт.

В масштабе общества замыкание множества фракций на своих интересах ведет к их заикливанию и методичному осуществлению рутинного воспроизводства своей институциональной идентичности в стационарных границах.

Современные фракции предстают как закрытые клубы по интересам, вход в которые ограничен, а выход проблематичен. Формируются межфракционные барьеры, институционально отгораживающие агентов этих структур друг от друга по стилю и манерам поведения, принципам маркирования окружающего социального пространства и других субъектов, доминирующим аттракторам, нормам и правилам, режиму жизни и алгоритму бытия. Существенное различие фракций по институциональным ориентирам, императивам и приоритетам задает всем акторам стратегический вектор, связанный с идентификацией себя в качестве агента наиболее подходящей фракции.

Конечно, каждый человек состоит не в одной, а в ряде институциональных фракций, реализуя тем самым универсальность своей социальной природы. Причем эти фракции могут значительно различаться по своим параметрам – целям, масштабу, срокам и механизму функционирования и т. д. Так, фракции любителей кофе и зеленого чая встречаются в отделах или офисах любого учреждения (департамента, института, фирмы и др.). Практически в любой организации то обостряются, то затухают

противоречия фракций курильщиков и некурящих, а фракция болельщиков начинает рабочий день с обсуждения новостей спорта или любимой команды. В каждой корпорации топ-менеджмент образует свою особую фракцию, а рядовые сотрудники (staff) и технический персонал замыкаются в своих. После работы одни идут домой (к семье), другие – в бар, третьи – в спортзал, четвертые – в Internet-кафе и так до бесконечности. Мир современного человека фракционирован не только «по вертикали» (в порядке субординации) и «горизонтально» (на одном уровне), но и «поперек», и «вглубь», отражая наложение агентских сфер различных фракций и пересечение в одном агенте специфических черт различных фракций, в которые он включен.

Метафорическим выражением фракционности современного общества являются знаменитые полотна С. Дали, воплотившие эксперименты художника с аллегорическим образом выдвигаемых ящиков². Но если пророк сюрреализма тем самым актуализировал фрейдистскую идею о латентных желаниях, то применительно к целям исследования институциональных фракций образ «потайных ящичков» концентрированно воплощает характеристику реальной мозаичной гетерогенности современной общественной системы. Причем внутри каждого такого «социального ящика» формируется сложная система жестких перегородок между фракциями, как в библиотечном каталоге, что отражает действие процессов глубочайшей горизонтальной и вертикальной стратификации институтов, приводящих к диверсификации внутренних границ и повышающих уровень транзакционных издержек в рамках всего общества.

Вот как писал об этом Х. Кортасар: «Как будто каждый в своем стеклянном ящике... <...> ...Каждый в своей группке, каждый в своей стеклянной коробочке; но вот старик попадает под машину – и тотчас же все устремляются к месту происшествия, бурно обмениваются впечатлениями, критикуют, соглашаются и не соглашаются, и так – пока снова не пойдет дождь, и тогда камешки вернутся в бар к стойке, студенты за свой столик, иксы к иксам, а игреки – к игрекам» (Кортасар, 2004, с. 116–117). Экстремальные события выступают катализатором стихийной срочной организации агентов разных фракций, прекращающей свое функционирование после исчерпания институционального повода.

Актуальные тенденции фракционирования подтверждаются «отмиранием» общепризнанных норм и трансформацией их в узко групповые, клановые и фракционные. В итоге создается общество, где у всех свои правила, а правил для всех не существует; где каждый живет в своем узком институциональном «мирке»; где никому ни до кого, да и, по большому счету, до самого себя нет дела. Нарастают тенденции институционального (и, шире, социального) эскейпизма – ухода от активных действий, сопровождаемого потерей функции актора, снижением общественного значения человека до пассивного «материала», редукцией его роли от активного организатора и креативного новатора до пассивного регистратора внешних возмущений.

Происходит взаимное отчуждение агентов разных фракций, выражающееся в их безразличии, недоверии, антипатии, презрении друг к другу. В результате возникла и закрепились обусловленная значительной фракционностью экстремальная фрикционность экономики, характеризующаяся чрезмерно высоким уровнем негативных трансакционных издержек движения в «вязкой» и «пористой» социальной среде.

Складывающаяся в рамках хозяйственной системы современной России совокупность институций и институтов, их субъектов, объектов и атрибутов справедливо характеризуется как генератор комплекса внутренних противоречий; мультипликатор цены трансформации для общества; аккумулятор выхолащивания реального содержания трансплантированных экономических институций и их реализации в превращенной форме; фиксатор инверсии социальных групп по статусу и доходу, месту и роли в производственном процессе. Система экономических институтов вновь и вновь запускает «механизм торможения», в условиях действия которого программируемый к 2010 г. двукратный рост ВВП значительно осложняется. Побочным эффектом при этом является высокий уровень институциональных потерь и убытков.

Полномасштабная деградация интегрирующих в масштабе всего современного российского общества институциональных атрибутов повышает уровень хозяйственных рисков для всех категорий акторов, стимулируя их к переводу трансакций в сферу реципрокных отношений на структурно-функциональной базе фракций и коалиций. Инструментом уклонения от высокого риска

недоверия к контрактам становится задаток (предоплата), роль которого снижается по мере стабилизации хозяйственной динамики. Однако элиминация этого инструмента затрудняется сложившимися институциональными механизмами «экономики задатка» в современной России, функционально интегрирующими в рамках бартерных «цепочек» специфические коммерческие технологии и «теневые» схемы, выдвигающие на передний план фигуру посредника.

Нельзя забывать о том, что любые институциональные феномены формируются реальным обществом. Низкое качество современных российских институций и институтов, высокий уровень фракционности экономики лишь отражают уровень зрелости общества, актуально сложившуюся меру его качества. Чаще всего сложившаяся негативная ситуация впоследствии многократно воспроизводится. Поэтому обществу необходимо перейти от институциональной дискуссии и критики к институциональной деятельности.

Низкая активность российского общества означает возрастание транзакционных издержек по управлению им, в результате чего институциональная рента растет у государства, а не у граждан. Ее источником выступает труд, а причиной – монополизация хозяйства, актуально охватывающая целые сферы деятельности (шоу-бизнес, финансы, управление, предпринимательство и др.). Раздробленное, фрагментированное, забившееся в «потайные ящички» фракций общество не в состоянии противостоять растущей монополизации, подрывая тем самым воспроизводственную базу будущих поколений за счет некомпенсируемого истощения экономического пространства современной России. Возникает общество, где, образно говоря, «каждый не на своем месте». Институциональная неадекватность в сочетании с организационной инертностью и дезинформированностью усиливает чрезмерную ресурсоемкость, обуславливает технологическую отсталость и несовместимость, выражается в доминирующей неразвитости и социальной апатии россиян.

Поскольку фракции включены в разнообразные процессы и механизмы внутри института, то высокий уровень фракционности, несмотря на сопровождающий его не всегда экономически обоснованный рост транзакционных издержек внутриинсти-

туциональной координации, не обязательно ведет к дезинтеграции и деструкции института, а напротив, может способствовать его укреплению, поскольку усиливается мотивация агентов по сохранению и защите «своих» институтов, в которых они извлекают доходы, получают поощрения, эксплуатируют статусную ренту, будучи вовлечены в систему фракционных отношений (см.: Мэтьюз, 2000, с. 66).

Трансакционные издержки фракционности институтов раскрываются в следующих взаимно обуславливающих аспектах:

- Экофункциональный компонент издержек фракционности связан с генерацией избыточных внутриинституциональных барьеров; повышением «вязкости» трансакционного пространства по причине роста издержек межфракционной мобильности агентов; типизацией и воспроизводством избыточных и дублирующих функций в рамках отдельных фракций, отстаивающих их вопреки интересам всего института; формированием оппортунистических тенденций в поведении агентов, их размежеванием по институциональным ориентирам, целям, интересам и нормам и др.
- Экоструктурный компонент трансакционных издержек такого рода отражает результаты процессов продуцирования в пространстве института точек и сфер его потенциальной дезинтеграции; диффузии социальных технологий кланирования, кликинга (объединения вокруг привычных неформальных связей), образования коалиций, альянсов и династий институциональных агентов; закрепления в форме рутин навыков ведения внутригрупповых реципрокных трансакций и др.
- Экогенетический компонент издержек фракционности характеризуют противоречия межфракционной динамики агентов; хроническое несовпадение темпов, ритмов и циклов обеспечиваемых ими операций и процессов; инерционность в следовании фракционным нормам и низкую восприимчивость к общеинституциональным новациям; разные стадии институционального развития фракций, обуславливающие многоукладную динамику института; взаимная подстройка планов агентами разных фракций в узких рамках своих структур, ведущая к дифференциации в представлениях о перс-

пективах развития института в целом и снижающая возможности сотрудничества; и др.

Направленная на оптимизацию уровня этих издержек стратегия управляемой (регулируемой) фракционализации должна быть основана на выявлении оптимальных комбинаций социализированных в рамках института функций в соответствии с планируемыми параметрами развития, его ориентирами, императивами и приоритетами. Траекторию развития институциональных организаций целесообразно конструировать с учетом всей композиции составных структурных элементов, многообразия их институциональных атрибутов (целей, потребностей, интересов, мотивов, фобий, норм, установок, понятий и т. д.), а не на базе ряда избранных «ключевых» компетенций (см.: Портер, 2000, с. 71).

Подтверждением актуальности теоретического осмысления природы и противоречивости институциональных фракций являются новые тенденции в маркетинге. Наиболее коммерчески успешные проекты последних десятилетий реализуются в альтернативном традиционной методике ключе, обоснованно игнорируя аморфные потребности и предпочтения членов «фокусных групп» и избегая обращения к помощи разного рода «звезд» в сферах политики, спорта, шоу-бизнеса и т. д. Современный клановый брэндинг ориентирован на работу со «сплоченными группами людей, создающими определенную субкультуру. Внедряя брэнд в жизнь клана, владелец марки завоевывает и массовую аудиторию, для которой этот клан обладает авторитетом в какой-то специфической области» (Котин, 2004, с. 54). Программы такого внедрения имеют долгосрочный характер, а среди применяемых методов — «партизанский» и «вирусный» маркетинг, спонсорские акции и «производство значимых событий», реклама в специализированных информационных каналах.

В частности, плеер «Sony Walkman» исходно был нацелен на сообщество роллеров как энергичных и мобильных молодых людей, притягательный имидж которых и желание к нему приобрести позволили этому товару завоевать популярность у «массового потребителя». Аналогично брэнд водки «Absolut» изначально проектировался в расчете на представителей модного гей-сообщества Нью-Йорка и Сан-Франциско, а кроссовки «Nike» — на игроков в уличный баскетбол (streetball). Агенты этих фракций

стали своего рода институциональными дистрибьюторами продукции указанных компаний.

Проблематичность внедрения кланового брендинга в России³ эксперты видят в том, что «российское общество еще не сегментировано. <...> ...Представляет из себя массовое общество, где пока не сформированы не только кланы, но и основные социальные классы» (Котин, 2004, с. 56). Такой вывод представляется недостаточно обоснованным. Напротив, причиной является чрезмерная фракционализация, множество чрезвычайно мелких фракций в отсутствие у них налаженных каналов коммуникации и признанного авторитета в современном российском обществе. Высокий динамизм фракциогенеза в России пока не позволяет их агентам устойчиво самоидентифицироваться и позиционироваться в социальной структуре, снижая эффективность выбора их в качестве целевого объекта прогрессивных маркетинговых технологий.

Человек ведет хозяйство не в одиночку, но и не «размывает» свою идентичность в безликом пространстве «сверхколлективной субъектности» (см.: Бьченков, 1996). Следует привлечь внимание к институциональному изучению ближнего окружения экономического актора, из которого он черпает и которому отчуждает недостающие ресурсы и факторы производства. Такое окружение создает вокруг актора своеобразную «защитную оболочку», амортизируя и буферизируя негативные акции из внешней среды, но в то же время оно замыкает хозяйственного индивида в некий «пояс верности», в значительной степени детерминируя его образ мышления, модель экономического поведения и стиль жизни, и, соответственно, канализируя его развитие. Структурно ближнее окружение акторов представлено различными формами институциональных фракций. Однако включенность агентов в их нормы недостаточно полно описывается концепцией «человека сетевого», поскольку показатель плотности ближних связей актора в рамках фракции намного выше, чем в рамках института в целом. К тому же огромная дробность фракций современного общества обуславливает дифференциацию их институционального содержания и атрибутивных характеристик.

Взаимная аттракция агентов одной фракции ведет к усилению фрагментации и углублению стратификации хозяйственной

системы. Замкнутые в нормы и правила своих клубов по интересам, вовлеченные во фракционные «репродуктивные круги» (см.: Рефлексивное крестьяноведение..., 2002, с. 390–391), индивиды во многом утрачивают чувство реальности, воспринимая ее в ракурсе «постмодернистского расчленения». Доминирующим принципом поведения, порожденным бурным фракциогенезом и сложившейся институциональной неопределенностью, в таких условиях становится «*capre diem*» («лови момент»), ориентирующий акторов на оперативную максимизацию индивидуальной полезности, представление о которой и ее оценка формируются в рамках «своих» фракций. Но такая гедонистическая модель поведения, характерная, в частности, для граждан Римской империи эпохи ее распада, не позволяет развиваться стратегически, кардинально редуцируя горизонты планирования и вынуждая жить иллюзиями, фантазиями, мечтами, вымышленными образами и искусственно конструируемыми имиджами. Именно такой образ жизни навязывается современной российской молодежи, так называемому «поколению next» с подорванной мотивацией к труду и доминирующей «мусорной» культурой хозяйствования.

Мутный и бурный поток фракционированной социальной реальности захватывает современного «человека институционального», которому вполне можно адресовать полные горечи слова Х. Кортасара о поколении «пропавших без вести»: «...не до мира тебе, если нет сил выбирать все время только настоящее и если все в тебе раскладывается по правилам и по порядку, как в каком-нибудь ящике из комода, и тебя кладут в одну сторону, воскресенья – в другую, материнскую любовь – в третью, новую игрушку – сюда, а туда – Монпарнасский вокзал, поезд и поездку, которую надо совершить» (Кортасар, 2004, с. 215).

Литература

- Асп Э.К. Введение в социологию. СПб.: Алетейя, 2000.
- Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры // Гайдар Е.Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: «Евразия», 1997.
- Быченков В.М. Институты. Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. М.: Российская академия социальных наук, 1996.

- Джонс Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб.: «Евразия», 2001.
- Кортасар Х. Модель для игры. М.: Изд-во «ЭКМО»; СПб.: Изд-во «Домино», 2004.
- Котин М. Клановый брендинг // Секрет фирмы. 2004. № 44. С. 54–56.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I: Процесс производства капитала. М., 1951.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960.
- Мэттьюс Р. Информационная стратегия и семиотика // Экономические стратегии. 2000. Июль–август.
- Плесс Н. Управление культурным многообразием требует смены парадигмы // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 2.
- Попков В.В., Берг Д.Б., Кузнецов Р.О. Эволюционное измерение стратегического банковского менеджмента. Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2002.
- Портер М. Конкуренция. М.: Издат. дом «Вильямс», 2000.
- Радкевич С. Что делать с Башмачкиным? (Политические партии и исполнительная власть) // Стратегия России. 2004. № 8. С. 88–93.
- Радкевич С., Тихомиров М. Клетки партийного организма // Стратегия России. 2004. № 5.
- Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.; Под ред. Т. Шанина и др. М.: МВШСЭН: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
- Суворов В. Аквариум. М.: Издат. дом «Новое время», 1993.
- Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: ЗАО «Экономпресс», 2000.
- Commons J.R. Institutional Economics: Its Place in the Political Economy. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990.
- Dosi G., Nelson R., Winter S. The Nature and Dynamics of Organizational Capabilities. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Fairchild E.M. The Function of the Church // American Journal of Sociology. 1896. Vol. 2. № 2.

¹ Понятие «фракция» происходит от лат. fractio – «разламывание».

² Среди этих произведений — «Антропоморфный секретер» (1936 г.), «Горящая жирафа» (1936–1937 гг.), «Венера Милосская с ящичками» (1936 г.).

³ Успешный пример перехода от стратегии элитного продвижения товаров к стратегии его кланового внедрения представила зимой 2004 г. компания «Nokia», внедряя дорогие модели fashion-телефонов в московском арт-сообществе («клане модных художников»).

Глава 11

НОМО INSTITUTIUS В ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ

Развивая тезис Аристотеля о том, что человек — «животное общественное»¹, К. Маркс предложил понимание человека как «совокупности общественных отношений». При этом речь, конечно, идет не о конкретном индивиде с именем и фамилией, а о категории, представляющей человека (или человеческую массу?) в системе других описывающих общество категорий. Этот подход развивается в настоящей главе на основе теоретической модели «институционального человека», рассматривающей его через призму институтов, собственно и представляющих собой вид общественных, социальных отношений.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ МОДЕЛИ «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Что мы знаем о причинах и следствиях? Древнейший поставленный человеческим разумом вопрос. Что было в начале — курица или яйцо? Человек придумал Бога или Бог — человека? Люди создают общество или общество формирует людей? Индивиды конструируют институты или институты определяют индивидуальные характеристики?

Как правило, никто не удовлетворяется одновременным признанием справедливости двух взаимопроникающих истин и невольно принимает ту или иную сторону. В социальных науках

такое размежевание выражается в двух известных позициях (парадигмах), условно называемых *субъективистской* и *объективистской*. Опора на различные теоретические постулаты, свойственные каждой из них, определяет своеобразное «разделение труда» между учеными, исследующими разные грани социальной реальности, задает специфику школ и направлений, а также характер предлагаемых ими теоретических моделей.

Рассмотрим субъективистскую парадигму. В ее рамках общество рассматривается, прежде всего, как социально-групповая, субъектно-поведенческая структура, и само его существование представляет собой не что иное, как взаимодействие между различными социальными группами. В рамках субъективистской парадигмы подчеркивается, что особенности этого взаимодействия, установки участников, их интересы, специфика поведения задают тип общества, а потому именно субъекты, или акторы социального действия, являются основным объектом изучения. Типология социальной деятельности М. Вебера, концепция хабитуализации и основанная на ней теория «социального конструирования действительности» П. Бергера и его коллег, социальный бихевиоризм Дж. Г. Миды, развитый Г. Блумером в социальную теорию символического интеракционизма, и другое являются вкладом представителей субъективистской парадигмы в социальную теорию. Квинтэссенцией субъективистских взглядов можно считать знаменитое утверждение К. Маркса и Ф. Энгельса, повторенное ими вслед за Л. Фейербахом: «История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 102).

Субъективистская парадигма часто ассоциируется с микроэкономическим и микросоциологическим подходами, ведь основным объектом исследований здесь выступает социальное поведение в сфере непосредственных взаимодействий, охватывающее межличностные отношения, процессы социальной коммуникации, повседневная деятельность человека, его социальный статус и т. д.

Такая позиция характеризует и специфический подход к анализу институтов. При субъективистской парадигме, как отмечает в своем докладе Н. Флигстайн (Флигстайн, 1999), теории социологического институционализма исходят из пластичности институтов и носят социально-конструктивистский характер, то

есть институты в рамках этого направления предстают и исследуются как результат взаимодействия социальных субъектов, или акторов. Классическим подходом к анализу институтов в субъективистской парадигме является упомянутое выше исследование П. Бергера и Т. Лукмана. В вышедшей в 1966 г. книге «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» они рассматривают институт прежде всего как «взаимную типизацию опривыченных действий деятелями разного рода» (Бергер, Лукман, 1995, с. 92).

Хабитуализация (опривычивание) действий предусматривает стабильную основу протекания человеческой деятельности в течение большей части времени и создает основу институционализации. Объективность мира институтов П. Бергер и Т. Лукман понимают как сконструированную, созданную человеком, реализующуюся в определенных материальных условиях. Разработанное ими понятие хабиутализации легло в основу широкой традиции институциональных исследований в западной социологии, направленных на выявление реальных практик. Такой подход реализуется и в ряде исследований российских ученых, например, в работах В. Радаева (Радаев, 1997, 1998), В. Волкова (Волков, 1997) и др.

В трудах нобелевского лауреата Д. Норта также развивается подход к исследованию институтов, прежде всего, как «разработанных людьми ограничений, структурирующих человеческие взаимодействия» (North, 1996, p. 344). Он обращает внимание преимущественно на субъектную сторону институтов, на возможность их конструирования и целенаправленного формирования.

Можно предположить, что модель институционального человека с позиций субъективистского подхода будет базироваться на агрегированных характеристиках индивидов, которые находят свое выражение в определенных социальных действиях, «отливающихся» затем в институты — эти своеобразные каркасы общественного устройства. Вслед за В. Ядовым, можно повторить, что при таком подходе «главное — в структурах субъектных, а институты они используют своими орудиями, инструментами, средствами» (Ядов, 1990, с. 188).

Перейдем к формально альтернативному, но содержательно дополняющему субъективистскую парадигму объективистскому

подходу. В его рамках общество понимается как социальная система, как реальность, существующая и развивающаяся независимо от воли и действий человека. Общество представляет собой социальную структуру, существование которой безотносительно поведения конкретных индивидов и групп в данный момент времени и которая постоянно складывается определенным, присутствующим ей образом, независимо от того, как и какие бы конкретно социальные субъекты не взаимодействовали между собой (Бруннер, 1993, с. 58). Общество в таком случае есть реальность *suī generis* («как она есть»), о чем писал в свое время Э. Дюркгейм, то есть существующая сама по себе, не выводимая из свойств действующих в обществе субъектов, а развивающаяся по собственным законам.

К. Маркс в этой связи отмечал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» (Маркс, 1959, с. 119). Основа человеческой истории, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, определена теми условиями, в которых люди находятся, общественной формой, существовавшей до них, созданной не этими людьми, а прежними поколениями (Маркс, Энгельс, 1968, с. 97).

Общество предстает социальной макроструктурой, существующей объективно как результат предшествующей деятельности людей, отделенный от них во времени. В определенных границах эта структура, образованная комплексом постоянно функционирующих социальных институтов, остается неизменной, несмотря на то, что ее внешние проявления постоянно меняются. Это — социетальный, системный уровень рассмотрения общества. Поскольку в рамках объективистской парадигмы социально-экономические процессы исследуются преимущественно на макроуровне, такой подход часто называют макроэкономическим и макросоциологическим.

Наиболее известными теориями и направлениями в рамках объективистской парадигмы являются исторический материализм и теория способов производства К. Маркса, функционализм Э. Дюркгейма, структурный функционализм Т. Парсонса.

Построение модели «институционального человека» в рамках объективистской парадигмы предполагает прежде всего определение институциональной структуры общества. Ее специфика и будет задавать особенности *homo institutus* в разных типах обществ.

Очевидно, что в рамках одной из этих парадигм невозможно достаточно полно объяснить социально-экономические процессы. Поэтому объективистский (макросоциологический) и субъективистский (микросоциологический) подходы все чаще рассматриваются в качестве взаимодополняющих, а не противоборствующих. Тем более, что в реальной жизни макро- и микроуровни взаимосвязаны. Так, Э. Гидденс пишет, что «макроструктурные свойства социальных систем воплощены в самых случайных и мимолетных локальных интеракциях», и, наоборот, «многие характерные особенности обыденных социальных действий теснейшим образом связаны с длительнейшими и масштабными процессами воспроизводства социальных институтов» (Гидденс, 1993, с. 69).

Признавая целесообразность и необходимость двух принятых парадигм, сосредоточим внимание на модели «институционального человека», которая разрабатывается в рамках объективистского подхода, точнее, в теории институциональных матриц. Поэтому ее изложение предстоит изложению собственно модели «институционального человека».

ТЕЗИСЫ ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ ²

При построении теории институциональных матриц использован ряд концептуальных идей К. Поланьи (Polanyi, 1977) и О. Бессоновой (Бессонова, 1993, 1997, 1999). Само понятие «институциональная матрица» впервые начинает разрабатываться в работах К. Поланьи (Polanyi, 1977, р. xxxii) и Д. Норта (Норт, 1997, с. 147–148).

Определим институциональную матрицу как устойчивую, исторически сложившуюся систему базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных подсистем – экономической, политической и идеологической. Речь идет не обо всех институтах вообще, а именно об опре-

деляющих, базовых институтах, которые можно проследить практически во всех обществах от древности до наших дней. Образующие институциональную матрицу базовые институты представляют собой своеобразную внутреннюю «арматуру», устойчивую структуру, «стягивающую» основные подсистемы общества в целостное образование, не позволяющую обществу распасться. Институциональная матрица лежит в основе меняющихся эмпирических состояний конкретных обществ и постоянно воспроизводится.

Имеет ли каждое общество уникальную, свойственную только ему институциональную матрицу? Или можно выделить несколько типичных матриц, как, например, цивилизаций или культур, число которых, по оценкам разных авторов, составляет от 8, по С. Хантингтону и О. Шпенглеру, от 10, по Н. Данилевскому, или от 23, по А.Дж. Тойнби? Или история всех человеческих обществ есть воспроизводство единой матрицы, а различия между странами связаны в основном с этапами, стадиями общественного развития, как это обосновывается сторонниками формационного подхода? Видимо, внешне многообразные и различные в деталях институциональные комплексы, регулирующие жизнь древних и современных государств, имеют в своей основе одну из двух институциональных матриц. Их принятое и закрепленное в литературе название (см.: Социологическая энциклопедия, 2003, с. 609–610) – X-матрица и Y-матрица.

Выделение двух типов матриц не воспроизводит известную культурологическую дихотомию «Восток – Запад», поскольку теория институциональных матриц выделяет в структуре обществ базовые социальные институты, существующие независимо от культурного контекста, вне тех цивилизационно обусловленных форм, в которых они реализуются в конкретных обществах на разных этапах исторического развития. Рассмотрение общества через призму институциональных матриц абстрагируется от того, что составляет собственно содержание культурологии. Отсюда институциональные матрицы – это не культурно-исторические типы Н. Данилевского и не цивилизации в духе А.Дж. Тойнби.

Базовые институты, образующие обе институциональные матрицы, объединяются в три большие группы по признаку функционирования в экономической, политической и идеологической сферах.

Для X-матрицы характерны следующие базовые институты:

- в экономической сфере – институты редиистрибутивной экономики (термин К. Поланьи). Сущностью редиистрибутивных экономик является обязательное опосредование Центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию;
- в политической сфере – институты унитарного (унитарно-централизованного) политического устройства;
- в идеологической сфере – институты коммунитарной идеологии, основное содержание которой состоит в доминировании коллективных, общих ценностей, приоритете «Мы» над «Я».

X-матрица характерна для России, большинства стран Азии и Латинской Америки и др.

Y-матрица имеет следующие базовые институты:

- в экономической сфере – институты рыночной экономики;
- в политической сфере – институты федеративного (федеративно-субсидиарного ³) политического устройства;
- в идеологической сфере – институты субсидиарной идеологии, в которых закрепляется доминирующее значение индивидуальных ценностей, приоритет «Я» над «Мы», примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, которые, соответственно, имеют субсидиарный, подчиненный по отношению к личности характер.

Y-матрица характеризует общественное устройство большинства стран Европы и США.

При этом доминирование в государстве той или иной институциональной матрицы не означает, что в нем не действуют комплементарные институты (из альтернативной матрицы) и соответствующие им формы. Так, в западных странах рыночные институты сосуществуют с институтами редиистрибуции, федеративное устройство включает политические институты унитарно-централизованного типа, а в обществе присутствуют альтернативные идеологии и ценности. Аналогичным образом в экономике государств с X-матрицей в той или иной мере постоянно присутствуют рыночные элементы, а в политической сфере – институты федерации. В сфере идеологии такого типа государств

доминирование коммунитарных ценностей не означает полного отказа от комплекса идей личности и прав отдельного человека.

Теория институциональных матриц исходит из принципа доминантности базовых институтов. Он выражается в том, что в каждом конкретном обществе базовые институты, характерные для его институциональной матрицы, доминируют над институтами комплементарными. Последние носят вспомогательный, дополнительный характер, обеспечивая устойчивость институциональной среды в той или иной сфере общества. Как в генетике доминантный ген, «подавляя» рецессивный, задает проявляющиеся признаки живого организма, так и базовые институты определяют характер складывающейся в обществе институциональной среды, задают рамки и ограничения для действия комплементарных, вспомогательных институтов.

Для базовых институтов, соответствующих типу институциональной матрицы данного государства, в большей мере характерен неуправляемый, стихийный характер действия. Зачастую они «прокладывают себе путь», казалось бы, вопреки действиям и устремлениям активных социальных сил и политического руководства. Развитие же комплементарных институтов, обеспечивающих, во взаимодействии с базовыми, сбалансированное развитие той или иной общественной сферы, требует целенаправленных усилий со стороны социальных субъектов. Без таких усилий естественно-стихийный характер действия базовых институтов может привести общество в состояние хаоса или кризиса. Поэтому задача управления институциональной структурой состоит в том, чтобы добиться такого соотношения базовых и комплементарных институтов, при котором они эффективно дополняли бы друг друга.

Причина существования двух типов институциональных матриц видится в особенностях материально-технологической среды тех или иных стран. Под материально-технологической средой понимаются значимые для существования социума природные условия, общественная инфраструктура и отрасли, приоритетные для обеспечения жизнедеятельности населения. В качестве альтернативных понятий, характеризующих разнонаправленное влияние материально-технологической среды на характер институтов, выделены «коммунальность» и «некоммунальность». Этот

признак материальной среды является не столько внутренне ей присущим, сколько общественным свойством, то есть проявляющимся в ходе взаимодействия общества с этой средой. Сами по себе природные условия или технологические способы не несут этих альтернативных свойств, они проявляют, выражают или приобретают их в процессе вовлечения в хозяйственный оборот и социальную жизнь ⁴.

Коммунальность – это свойство материально-технологической среды, предполагающее ее использование как единой нерасчленимой системы, части которой не могут быть обособлены без угрозы ее распада. Коммунальность материально-технологической среды подразумевает неразрывность связей между элементами, ее представление как единого целого, состоящего под общим управлением. Первоначально коммунальность производственной среды выражается в особенностях хозяйственного ландшафта – исторически первичного условия производства. Проживающее население начинает вовлекать его в хозяйственный оборот. Но среда сопротивляется усилиям одиночек, заставляя людей объединяться уже на стадии организации производственного процесса.

Именно поэтому содержание институтов государства, развивающегося в условиях коммунальной среды, определяется в конечном счете задачами согласования общественных усилий для эффективного ее использования. Характерным примером такого типа материально-технологической среды является сложившаяся в сельском хозяйстве Китая система заливного рисоводства, распространившаяся затем в Японии, Корее и Юго-Восточной Азии. Коммунальными являлись ирригационные системы Египта, противопаводковые системы восточных государств, системы водных путей, волоков и каналов Древней Руси, современные единые энергетические системы России и стран СНГ и т. д.

В свою очередь, некомунальность означает технологическую разобщенность, возможность обособленности важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования. Некоммунальная среда разложима на отдельные, не связанные между собой элементы, она обладает свойством дисперсности и может существовать как совокупность разроз-

ненных, отдельных технологических объектов. В этом случае индивидум или семья способны самостоятельно, без кооперации с другими членами общества, вовлекать части некоммунальной среды в хозяйственное использование, поддерживать их эффективность и независимо распоряжаться полученными результатами. В этом случае главной функцией складывающихся общественных институтов является обеспечение взаимодействия между обособленными хозяйствующими и социальными субъектами. Некоммунальная материальная среда отражается в хуторских и фермерских хозяйствах, автономных системах тепло- и энергоснабжения, сетях обособленных автодорог и т. д.

Материально-технологическая и институциональная среда положительно воздействуют друг на друга. Коммунальная среда, не поддающаяся расчленению, со временем приводит к относительному возрастанию роли структур, выражающих общий интерес, и созданию соответствующих систем управления во главе с центром и единых правил пользования коммунальной инфраструктурой для всех хозяйствующих субъектов. На каждом историческом этапе формируется соответствующая времени идеология, выражающая справедливость такого общественного порядка. В свою очередь, вновь создаваемые производственные объекты эволюционно воспроизводят коммунальные свойства и закрепляют на следующем историческом шаге вызванные ими институциональные особенности общественного устройства.

В странах с некоммунальной материально-технологической средой, напротив, постоянно возрастает роль частных собственников в общественной жизни, что выражается в развитии системы соответствующих экономических и политических институтов и создании адекватных идеологических систем. Развивающаяся и совершенствующаяся некоммунальная среда служит постоянной материальной основой для их воспроизводства.

История свидетельствует, что с течением времени свойство коммунальности или некоммунальности среды сохраняется. Коммунальная среда не становится некоммунальной, и наоборот. Опыт показывает, что со временем материально-технологическая среда все более воздействует на характер принимаемых организационных и управленческих решений, определяет институциональные технологии, которые, в свою очередь, закрепляют

и усиливают свойственные материальной инфраструктуре коммунальные или некоммунальные свойства. Затем специфические черты материально-технологической среды вновь усиливают характер проявления базовых экономических, политических и идеологических институтов.

В следующих таблицах приведены названия институтов из X- и Y-матриц, действующих, соответственно, в экономической, политической и идеологической подсистемах общества. Сопоставление экономических институтов двух матриц показано в таблице 1.

Таблица 1

Базовые институты экономической подсистемы

Институты редистрибутивной экономики в X-матрице	Функции институтов	Институты рыночной экономики в Y-матрице
Общая собственность	Организация отношений собственности	Частная собственность
Служебный труд	Привлечение к труду	Наемный труд
Координация	Взаимодействие хозяйствующих субъектов	Конкуренция
Редистрибуция (аккумуляция — согласование — перераспределение)	Способы воспроизводства благ	Обмен (купля-продажа)
Пропорциональность	Сигналы обратной связи	Прибыль

Институты, расположенные в одной строке таблице, являются симметричными, то есть один из них — базовый, а второй является по отношению к нему комплементарным. Сопоставление политических институтов двух матриц показано в таблице 2.

Таблица 2

Базовые институты политического устройства

Институты унитарного политического устройства в X-матрице	Функции институтов	Институты федеративного политического устройства в Y-матрице
Административное деление	Территориальная организация	Федерация
Иерархическая вертикаль во главе с центром	Устройство системы управления	Самоуправление и субсидиарность
Назначения	Порядок замещения управленческих позиций	Выборы
Общее собрание и единогласие	Формирование и реализация решений	Многopартийность и демократическое большинство
Обращения по инстанциям	Механизмы обратной связи	Судебные иски

Доминирование базовых институтов в федеративных и унитарных политических системах на практике предполагает одновременное действие комплементарных институтов и соответствующих им институциональных форм. Ими являются симметричные институты из альтернативной политической системы. В таблице 3 сведены идеологические институты двух матриц.

Таблица 3

Базовые идеологические институты

Институты коммуитарной идеологии в X-матрице	Функции институтов	Институты субсидиарной идеологии в Y-матрице
Коллективизм	Детерминанта социального действия	Индивидуализм
Эгалитаризм	Нормативные представления о социальной структуре	Стратификация
Порядок	Принципы устройства общественной жизни	Свобода

МОДЕЛЬ «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Вернемся к исходному тезису настоящей главы, то есть к представлению «институционального человека» как совокупности образующих общество институтов. Следуя заявленной логике, положим в основу построения модели институционального человека системы базовых институтов, характеризующих, соответственно, X- и Y-матрицу. Сформулируем исходные теоретические основания, которых будем придерживаться в дальнейшем.

1. Два социетальных типа общества (в которых доминируют институты либо X-, либо Y-матрицы) характеризуются соответствующим им типом «институционального человека». Этот тип близок по содержанию к понятию «народ». Обычно оно расплывчато, но к нему прибегают, когда хотят объяснить или понять, почему население поддерживает некоторые неочевидные для теоретиков события или действия лидеров. Народ, как и «институциональный человек», содержит историческую память, хранит своеобразный «социетальный архетип», латентно или даже бессознательно направляющий его на реализацию образцов поведения, способствующих выживанию общества как единого це-

лого. Функции «институционального человека», или народа, как и функции институтов состоят в сохранении и развитии данного общества.

2. В построении модели «институционального человека» использованы три группы характеристик – экономические, политические и идеологические, поскольку совместное, общественное проживание людей требует связи и согласований между ними именно по этим трем важнейшим моментам. Итак, первым моментом является необходимость совместного производства из условий окружающей среды средств потребления, без которых невозможно физическое воспроизводство социума. Это – ведение хозяйства, или экономика, – первый «срез» общественной жизни. Вторым моментом является необходимость коллективного решения возникающих вопросов, выработка совместных целей и следование им, что означает выработку политики, то есть правил и процедур принятия таких решений. Политическими, по определению классика социологии Т. Парсонса, являются те стороны социального действия, которые связаны с организацией и мобилизацией ресурсов для достижения коллективом его целей (Парсонс, 1998, с. 30). Третий момент, образующий устойчивую платформу социальных взаимодействий и одновременно их составную часть, – наличие общих ценностей и идей, разделяемых участниками деятельности. При принятии решений именно к этому комплексу значимых для массы членов общества идей апеллирует общественное мнение. Разделяемые сообществом ценности легитимируют в конечном счете политические и экономические решения. Итак, третьей значимой стороной социальных взаимодействий, которой нельзя пренебречь при построении функционально полной и необходимо достаточной модели «институционального человека», является идеология.

3. Таким образом, модель «институционального человека» содержит в себе характеристики действующих в обществе базовых институтов и является их квинтэссенцией. Она отражает их содержание, «переведенное на язык» социальных (совокупных) действий и ожиданий.

Исходя из этого представим модели «институционального X-человека» и «институционального Y-человека».

«Институциональный X-человек»

Каков он в экономической сфере? Это «человек редистрибутивный». Он в массовом масштабе приемлет и поддерживает институт *верховой условной собственности*, когда владельцем основных ресурсов и средств производства признается – явно или латентно – общество в целом. От его имени выступают субъекты верховного уровня управления. Это предполагает возможность использования производимых и потребляемых благ всеми членами общества по устанавливаемым каждый раз правилам и не подразумевает границ между ними в правах собственности, как это характерно при господстве института частной собственности. Или, другими словами, границы эти условны, а условия использования собственности определяются на верховном уровне управления. «Институциональный X-человек» не связан с собственностью напрямую, эти отношения для него опосредованы иерархическими структурами общественного управления.

Экономическая деятельность «институционального X-человека» в наибольшей степени проходит в сфере действия института *редистрибуции* (аккумуляции – согласования – перераспределения). Редистрибуция означает движение материальных ценностей и услуг в рамках условной верховной собственности, что объективно требует согласования хозяйственных транзакций. Закон экономии транзакционных издержек приводит к тому, что согласование сосредоточивается в одном органе, который начинает выполнять функции Центра. Редистрибуция как базовый институт нерасчленима на те или иные фазы, она есть единый непрерывный процесс отношений типа «аккумуляция – согласование – распределение». В процессе редистрибуции происходит наделение хозяйствующих субъектов частями общей собственности и устанавливаются правила ее использования, то есть задаются параметры распределения и аккумуляции необходимых ресурсов и производимых ценностей. Как и любой другой институт, редистрибуция предусматривает санкции за неэффективное выполнение той функции, на которую она нацелена. Если полученная хозяйствующим субъектом собственность используется недостаточно эффективно, не по назначению или при ее использовании возникает ущерб общественным интересам, дей-

ствуют механизмы изъятия, возвращения собственности в общее распоряжение и передачи ее другим, более эффективным хозяйствующим субъектам. Данная санкция является общественной нормой, массово разделяемой и поддерживаемой «институциональным X-человеком».

Такой человек, как правило, соотносит свои действия как участника экономической деятельности с другими людьми, то есть он подвержен действию не института конкуренции, но института *координации*. Последний регулирует эффективное использование дефицитных ресурсов и производимых благ и услуг в общественных интересах, определяет направления материальных потоков в рамках условной верховной собственности, обеспечивает межотраслевые пропорции и т. п. Действие института координации, включающего в себя перераспределение создаваемых продуктов и услуг по разным направлениям, обеспечивает непрерывность функционирования экономической сферы общества, поскольку через его посредство все участники хозяйственной деятельности получают как необходимые производственные ресурсы, так и условия собственного воспроизводства.

Труд для «институционального X-человека» преимущественно не наемный, а служебный. В редиистрибутивных X-экономиках возможность использования производимых на объектах условной верховной собственности благ обуславливается трудовым вкладом экономически активного населения в ее функционирование и развитие. Служебный труд предполагает исторически меняющийся, но сохраняющий свое содержание порядок аккумуляции труда в масштабах общественного хозяйства и его распределение на основе процессов согласования потребности в использовании рабочей силы и необходимости ее воспроизводства. Поэтому общественной нормой является обязательность труда.

«Институциональный X-человек» осознает (принимает), что в условиях верховной условной собственности экономика может существовать лишь как пропорциональное хозяйство, когда произведенное в одной ее части потребляется в другом сегменте. Излишнее складирование производимых ценностей, как и их недопроизводство, является угрозой нарушения всего производственного цикла в условиях коммунальной материально-технологической среды. Поэтому редиистрибуция неизбежно предпола-

гает действие института *пропорциональности*. Деятельность по формированию программ и планов «пропорционального развития» и следование им – характерная черта экономического поведения «институционального X-человека».

Каков «институциональный X-человек» в политической сфере?

Это субъект, соответствующий условиям проживания при доминировании института *административного деления государства*, действие которого означает, что имеет место соподчиненность территориальных единиц при верховенстве Центра и существует единое поле компетенции, или круга полномочий, подлежащей общему ведению государства в целом и его территориальных частей. При этом действуют общие принципы и единая система организации власти во всех территориальных частях страны, а образующие государство территории и поселения характеризуются естественной иерархией статусов.

Иерархические вертикальные отношения доминируют над территориальными горизонтальными связями. Действует иерархическая вертикаль органов управления во главе с Центром. Центр является вершиной властной вертикали, задающей правила и полномочия подчиненных ему органов управления. Также доминирует институт *назначения* руководителей. Такой порядок предполагает, что руководители нижестоящих управленческих структур назначаются «сверху». Даже если имеют место выборы руководителей, то в унитарных государствах X-матрицы всегда предусматривается механизм, обеспечивающий право вышестоящих органов управления влиять на кадровый состав руководителей нижестоящих звеньев.

В сфере принятия решений доминирует институт *общего собрания и единогласия*, означающий, что для принятия важнейших решений в государстве необходимо собрание представителей не партий, но всех социальных групп и слоев, на котором должно быть достигнуто общее согласие по поводу принимаемых решений. Таким образом закрепляется солидарная ответственность территориально-хозяйственных общностей или их представителей перед верховным уровнем управления и одновременно достигается внутреннее единогласие членов этих общностей по поводу принимаемых на себя обязательств.

Наконец, в качестве механизма «обратной связи» в политической сфере действует институт *обращений по инстанциям*. Последние представляют собой важнейший политический институт, регулирующий социальные отношения в сфере власти и формирующий основополагающую структуру принятия и контроля решений по всей иерархии органов власти и управления в унитарно-централизованных государствах. Во-первых, обращения по инстанциям – основная форма защиты интересов населения и территориальных единиц различного уровня. Во-вторых, в понятие обращения включаются разного рода заявления, многообразие которых соответствует потребностям и возможностям общества в каждый данный момент времени. В-третьих, обращения и жалобы следуют по инстанциям снизу вверх, поскольку верхний уровень управления контролирует нижний. В-четвертых, их исполнение регулируется законом, определяющим сферы обращений, регламент подачи, порядок рассмотрения и исполнения.

Таким образом, «институциональный X-человек» как «человек политический» или как гражданин унитарного государства обеспечивает массовую поддержку верховенства Центра, исходит из необходимости иерархической вертикали власти и назначений руководителей, реализует требование «соборности» при принятии важнейших решений и использует обращения по инстанциям в качестве основного сигнала «обратной связи». Историческая память подсказывает, что каждый раз отступление от этих политических норм приводило страну на грань уничтожения и выживания как самостоятельного государства, независимо от того, случалось ли это в России, Китае или Японии.

Какова идеология «институционального X-человека»? Это «коммунитарный человек». Прежде всего, он подвержен институту *коллективизма* – одному из базовых институтов коммунитарной идеологии, свойственной государствам с X-матрицей. Коллективизм выражает принцип социального действия, при котором связи и отношения между людьми опосредованы общественно значимыми целями, явно или латентно разделяемыми взаимодействующими субъектами. Коллективизм представляет собой такое социальное отношение, при котором люди чаще руководствуются необходимостью следования общим, а не индивидуальным целям, поскольку осознают, принимают при-

оритет развития и сохранения общества как целого по сравнению с личным развитием. Коллективизм необходимо предполагает сплоченность, единство нормативных ценностных ориентаций, идентификаций и общую ответственность за результаты деятельности.

«Институциональный X-человек» разделяет идеи эгалитаризма. Институт эгалитаризма отражает исторически сложившееся нормативное представление о социальной структуре, предполагающей общественное равенство. Наконец, для него свойственно поддерживать институт *порядка*, определяющий отношения индивидов к обществу, а также основной принцип устройства общественной жизни. Порядок выдвигает на первый план взаимозависимость социальных субъектов, необходимость приспособления людей к сложившимся отношениям. В отличие от свободы, порядок непосредственно предполагает дисциплину и самоограничение намерений ради достижения общего блага. Порядок означает, что индивиды действуют не в «безвоздушном пространстве», особенности которого могут не приниматься ими во внимание, а в ограничивающей их действия социальной среде. «Ты зависишь от действий других людей, как и они зависят от твоих» – вот идея порядка.

Таким образом, в идеологическом ракурсе «институциональный X-человек» – это воплощение коммуитарной идеологии и приверженности принципам коллективизма, эгалитаризма и порядка.

В совокупности модель «институционального X-человека» в экономической, политической и идеологической сферах определяет его как редистрибутивного, унитарного и коммуитарного.

«Институциональный Y-человек»

В экономической сфере это рыночный субъект, поддерживающий и разделяющий основные институты рыночной экономики. К ним относится, прежде всего, институт *частной собственности*, который определяет, что лица или организации, владеющие своей собственностью, обладают всей полнотой прав и ответственности по ее использованию и распоряжению. Для «институционального Y-человека» (будь то рядовой обыватель или

ученый-теоретик) характерной является убежденность в неизбежности и целесообразности доминирования частной собственности как необходимой предпосылки хозяйственного развития общества. Соответственно, общественной нормой выступает институт *конкуренции*, предполагающий соперничество частных собственников друг с другом в получении необходимых производственных ресурсов и продаже результатов своей деятельности.

«Институциональный Y-человек» живет преимущественно в сфере действия института *обмена (купли-продажи)* производимых продуктов и услуг, имеющих характер товаров. Такой же характер (купли-продажи) имеют и трудовые отношения, закрепленные в институте *найма труда*. Основным критерием эффективности обменных отношений служит прибыль. Ее получение является для участников производства главным мотивом действий, сигналом обратной связи, свидетельством того, что их деятельность признана, оценена обществом и созданы возможности продолжения экономического цикла. Тем самым институт прибыли совместно с институтом конкуренции обеспечивает саморегуляцию рыночных экономик и позволяет судить об уровне их эффективности. Прибыльные купля-продажа и связанные с ними действия — доминанта хозяйствования «институционального Y-человека».

В политической сфере «институциональный Y-человек» раскрывает свое содержание в совокупности присущих Y-матрицам политических институтов. Естественным порядком государственного устройства является для него действие института *федерации*, означающего равенство и суверенность входящих в состав государства территориальных образований. С этим институтом связана и доминирующая модель политического управления на основе принципов *самоуправления* и *субсидиарности*. Самоуправление — это управление, осуществляемое самими гражданами непосредственно или через избранные ими органы без вмешательства со стороны иной власти. Принцип субсидиарности в системе федеративных отношений означает приоритет (при прочих равных условиях) прав более мелкой, низкой самоуправляющейся общности по сравнению с общностью более крупной, более высокого уровня. Принцип субсидиарности находит свое отражение в том, что решение большинства хозяйственных про-

блем населения, проживающего на конкретных территориях, осуществляется, в первую очередь, на основе самостоятельного поведения населения и преимущественно на местном уровне.

В условиях такого политического устройства основу принятия решений составляет институт *многопартийности и демократического большинства*. Это означает, что в государстве функционируют партии, избирающие своих представителей в органы управления. Принятие решений обеспечивается избранными от них лицами на основе принципа большинства. Неотъемлемую часть такого политического механизма составляет институт *выборов*. Выборы, или формирование кадров руководителей страны, регионов и местных сообществ «снизу», включают в себя также детальные процедуры отзыва депутатов и смещения избираемых лиц в порядке импичмента. В качестве основного механизма обратной связи и контроля принятых решений служит институт *судебных исков*, подразумевающий наличие независимой судебной системы. Выступая в качестве нейтрального «арбитра», судебная власть разрешает коллизии, возникающие между равноправными и суверенными субъектами Федерации и федеральным центром, между равноправными гражданами и др. Право судебного иска защищает интересы всех участников политической деятельности.

В соответствии с данной моделью, «институциональный Y-человек» характеризуется социальной активностью в поддержке суверенитета территориальных частей государства, развитии партий, реализации местного самоуправления, поддерживает приоритет выборов при формировании структур управления и активно пользуется обращением в суд для защиты своих интересов.

Специфику идеологии «институционального Y-человека» составляет интеграция на основе так называемых субсидиарных идей и ценностей. Субсидиарность определяет подчиненность, дополнительность всех общественных структур по отношению к личности как главной доминанте социального развития. Субсидиарность обозначает безусловный приоритет личности по отношению ко всем светским и церковным организациям, ассоциациям и другим общественным структурам, к которым она принадлежит или членом которых является.

Основу субсидиарности составляют три базовых института. Во-первых, институт *индивидуализма*. Доминантой социального поведения в обществах с Y-матрицей является ориентация индивидуума на собственные интересы, стремление к личной выгоде. В разнообразных социальных отношениях обособление индивидуальных интересов и признание их главенствующими является общепринятой, естественной нормой, разделяемой большинством населения. Индивидуализм как институт, как социальное отношение закрепляет приоритет индивидуального выбора по сравнению с обязанностями, вытекающими из взаимозависимости членов социального сообщества. Индивидуализм показывает, что в конкуренции личных и социальных интересов первые, как правило, побеждают.

Во-вторых, действует институт *стратификации* – нормативное представление о социальной структуре. Поэтому для «институционального Y-человека» нормальной является стратификация, означающая сохраняющееся во времени социальное неравенство. Значимые критерии и основания конкретных, эмпирически выявляемых стратификаций постоянно меняются, но сохраняется неизменность стратификации как принципа построения социальной структуры.

Наконец, доминирует институт *свободы*, которая выступает для «институционального Y-человека» основным критерием при оценке системы социальных отношений, прежде всего, между индивидом и всем социальным сообществом. Принцип свободы означает самостоятельность и независимость действий социальных субъектов от действий других лиц, невмешательство их в дела друг друга.

Поэтому «институциональный Y-человек» в сфере идеологии – это субъект с индивидуалистическими ценностями, для которого естественны идея стратифицированного общества и стремление к свободе.

Совокупная модель «институционального Y-человека» характеризует его как человека рыночного, живущего по нормам федеративного государства и приверженного субсидиарным (личностным) ценностям.

Выводы

Как не существует государств, в которых действуют институты лишь одной из рассмотренных матриц (X или Y), так не существует народа, укладывающегося в модель только одного типа «институционального человека». В реальной жизни эти модели сосуществуют. Это означает, что в населении страны представлены социальные силы, приверженные и тем, и другим моделям. Тем не менее обратим внимание на два значимых момента.

1. Экономические, политические и идеологические компоненты представленной модели «институционального человека» находятся во взаимосвязанном единстве, они подходят друг к другу как ключ к замку. Принцип построения модели исходит из их морфологической связи, обусловленной принадлежностью к целому. Человек X - или Y -ориентации характеризуется тремя институциональными характеристиками, приведенными выше при разборе этих альтернативных типов.

2. В обществе исторически доминирует, как правило, та или другая модель «институционального человека». Это вытекает из «вечного» характера институциональной матрицы, обусловленного свойством коммунальности (или некоммунальности) материально-технологической среды, остающейся неизменной в ареале развития государства. В периоды кризисов соотношение этих моделей может меняться: одна модель проявляет себя активнее, другая – слабее. Тем не менее в обществах с доминированием институтов X -матрицы, как, например, в России, модель «институционального X -человека» является во все времена более распространенной. Для стран Европы, где исторически доминируют институты Y -матрицы, характерной является модель «институционального Y -человека».

Эти достаточно жесткие выводы представляют собой постоянно проверяемую гипотезу. Хотя процесс поиска слабых мест и эмпирической проверки находится на начальной стадии, конкретных опровержений заявленных выводов не обнаружено. Напротив, трансформации российского общества последних двух десятилетий, ставшие объектом специального наблюдения, все более подтверждают развитие в настоящем тексте теоретические позиции.

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Бессонова О.Э. Раздаток как нерыночная система // Известия СО РАН. Сер. «Регион: экономика и социология». 1993. Вып. 1.

Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1997.

Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1999.

Бессонова О.Э., Кирдина С.Г., О'Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, 1996.

Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: Два подхода к пониманию общества // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Мир человека. 1993. Осень. Т. 1. Вып. 3.

Волков В.В. О концепции социальных практик в современных науках // Социологические чтения. Вып. 2. М.: Институт социологии РАН, 1997.

Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Зима. Т. 1. Вып. 1.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959.

Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1968.

Маркс К., Энгельс Ф. Святое Семейство, или Критика критической критики против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.

Радаев Вад.В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.

Радаев Вад.В. Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997.

Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 2.

Флигстайн Н. Поля, власть и социальный талант: Критический анализ теории нового институционализма // Летняя школа «Постсоветское общество: новые методы исследования и модели интерпретации» / Центр социол. образования Ин-та социологии РАН и Ин-т «Открытое общество». М., 1999.

Ядов В.А. Перестройка требует научного знания о социальном субъекте общественных процессов (вместо заключения) // Социология перестройки. М.: Наука, 1990.

North D.C. Epilogue: economic performance through time // Alston J., Eggertsson T., North D.C. (eds): Empirical studies in institutional change. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Polanyi K. Economic Sociology in the United States: Lecture given at the Institute for Cultural Relations, Budapest, Oct. 9, 1963 // Polanyi K. The Livelihood of Man. N. Y.: Academic Press Inc., 1977.

¹ Выражение из сочинения «Политика» греческого философа Аристотеля, который говорит, что «человек по природе – животное общественное». Популяризировано «письмом 87» из «Персидских писем» (1721 г.) французского писателя и мыслителя Ш.Л. Монтескье (1689–1755) (<http://slovo.and.ru/w-ch.htm>).

² Подробнее см.: Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 1999; То же. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: СО РАН, 2000; Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука, 2004; <http://www.kirdina.ru>

³ Под субсидиарностью понимается такое устройство политической системы, при котором отдельные территориальные образования делегируют часть своих полномочий «наверх», а не центральная власть передает им часть своих полномочий. Субсидиарная идеология предполагает приоритет интересов личности над интересами каких-либо общностей.

⁴ Впервые термины коммунальность/некоммунальность введены в совместной работе О.Э. Бессоновой, С.Г. Кирдиной, Р. О'Салливана (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996, с. 23–24).

Глава 12

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Оценка разнообразия активно появляющихся в последние годы описаний и классификаций институтов требует, прежде всего, анализа их оснований или, точнее, систематизаций, которые получают свое обоснование в рамках явно или неявно сформулированной модели институтов, что заставляет обратиться к исходным моментам систематизации самих моделей.

Систематизация моделей наряду с классификацией (часто — по предмету и методам моделирования) требует введения в них иерархических отношений «общее-частное», «часть-целое». Такое иерархическое построение моделей, естественным основанием которого является их полнота или степень приближения их сложности к сложности оригинала, называемое уровнями моделирования, предложено К. Боулдингом (Боулдинг, 1969, с. 106–124). Веденная им иерархия включает в себя следующие уровни: статическая структура, простая (детерминированная) динамическая система, кибернетическая система (управляющий механизм), открытая система (самосохраняющаяся структура), генетическое сообщество (растения), целенаправленная система (животные), человек. Естественным основанием этой иерархии является эмпирически известная структурно-функциональная сложность моделируемой системы. Согласно К. Боулдингу, каждая из моделируемых систем, относимая к некоторому из представленных уровней, может быть корректно (исходя из целей исследования) описана на своем и любом из предшествующих ей уровней. В зависимости от целей исследования в представленную схему могут вводиться новые уровни иерархии, в частности, рассматриваемые здесь социальные системы (занимающие в ней высший уровень). Таким образом, социальные институты могут моделироваться на любом из представленных (и введенных дополнительно) уровней, что, в частности, проявляет себя в самом основании модели — определении института.

Определение института (как и любой системы) может быть составлено из следующих элементов: состав, структура, функции, управление, законы динамики, способ взаимодействия с внешней средой, информация, гомеостазис, целеполагание, поведение, законы развития, жизненный цикл (Садовский, 1974). Число составляющих кортежа определяется уровнем системного описания. Субъективность определения института проявляется в степени его подробности, избранном языке описания и научном аппарате моделирования.

Важно, что описание институциональных свойств на каждом уровне зависит от высшего уровня моделирования. Действительно, при моделировании института на некотором уровне необходимо достичь необходимой для этого полноты его описания на всех предыдущих уровнях, поэтому последнее изменяется, возможно, самым коренным образом при переходе к каждому следующему уровню. В настоящей главе представлен подход к изучению институциональной структуры, основанный на концепции структурной динамики иерархических систем и новой теории факторов производства. Далее обсудим некоторые задачи и методы изучения структуры институтов на каждом уровне их системного описания, предложим направления развития соответствующего научного аппарата.

§ 1. Институт — статическая структура

Эмпирическое описание наблюдаемого разнообразия состава и типов организации институтов ставит естественную задачу первичной систематизации — выявление закономерностей их элементного состава и структуризации. Однако ее решение встречает естественное препятствие в виде множества разномасштабных и разнотипных изменчивых элементов и структур. Действительно, каждая составная часть института на каждом из перечисленных выше уровней системного описания имеет собственные элементы и структуры. Так, элементами структуры более крупных институтов могут быть и целые институты, и организации, и их разномасштабные и разнотипные элементы, а также документы, законы, моральные и этические нормы и т. д.

Научный аппарат этого уровня – исторически сложившиеся в разных науках методы феноменологии – неизбежно приводит к эклектике определений и понятий. Это касается, в частности, понятия «классификация». Как известно, классификация есть разделение множества на однородные (по некоторому общему для всего множества признаку) непересекающиеся подмножества (классы), объединение которых образует исходное множество. Другими словами, классификация подразумевает рядоположенность объектов, то есть единственность ее основания и обязательность покрытия множества классами. На практике нередки «классификации», не обладающие этими признаками. В то же время почти всегда возможны различные типы классификации одного и того же множества и, с другой стороны, не всякое вполне корректное структурирование системы является классификацией.

Математическим объектом, описывающим иерархические отношения (например, «множество–подмножество», «общее–частное») может служить иерархический, то есть направленный ациклический, граф – совокупность вершин и связывающих их направленных ребер, в котором каждое ребро направлено из главной вершины в подчиненную, при этом вершины, имеющие только выходящие ребра (самые главные), называются корнями, а вершины, имеющие только входящие ребра (низшего иерархического уровня) – листьями. Деревом называется иерархический граф, в котором в каждую вершину входит ровно одно ребро. Основным структурным элементом иерархического графа является звено (простая структура) – вершина, соединенная ребрами с непосредственно подчиненными ей вершинами. Подграф, полученный из некоторого подмножества вершин графа и части связывающих их ребер, назовем кусочным.

Задача классификации входит составной частью в более общую задачу иерархической структуризации. Иерархическая структура может классифицироваться по элементам каждого своего иерархического уровня только в том случае, когда ее граф есть дерево. Иерархический граф общего вида описывает структуру множества, которое либо имеет одновременно несколько типов классификации, описываемых кусочными подграфами-деревьями, либо не классифицируется.

Успешность и плодотворность систематизации элементов и структур на каком-либо уровне достигается тогда, когда сами ее основания естественным образом возникают при моделировании высших уровней, и проверяется достижением целей исследования. В отрыве от высших уровней моделирования возможно только накопление первичного фактологического материала об институциональных элементах и структурах. То же следует сказать и о введении на этом уровне различных структурных мер, рассчитываемых по числу вершин, ребер, иерархических уровней графов и т. п. Информативность тех или иных коэффициентов структурной сложности выявляется в реалистичных моделях, допускающих структурные изменения.

Функциональному описанию института присущи те же проблемы эмпирической систематизации, при которой равно допустимы многие виды иерархических и сетевых представлений функциональных связей. Причиной современного эклектического разнообразия, генерируемого таким подходом, является описание на языке функций (как раньше – на языке элементов и структур) сразу всех уровней системной сложности.

Однако феноменология взаимодействия (взаимного отображения) структурного и функционального начал позволяет частично обосновывать и прогнозировать элементный состав и структуру института исходя из выполняемых им функций. Формальный конструктивный метод описания структурно-функционального отображения еще не создан. Предложим один из возможных подходов к решению этой задачи.

В качестве основы такого описания отображения используем категорию деятельности, а точнее – «деятельностную» триаду, логически интегрирующую ее субъекта, вид и объект. Структуру каждого из трех компонентов можно описать иерархическим графом. Вершины графа субъекта деятельности – классы, страты, организации, фракции, группы людей, отдельные акторы, выделяемые в соответствии с выполняемыми функциями (профессиями, бытом, досугом, иными сферами регулярной деятельности), направленные ребра характеризуют иерархию «множество-подмножество». Иерархия вида деятельности описывает отношение «функция-подфункция» и является подграфом графа деятельности. Вершины графа объекта деятельности могут час-

тично совпадать с вершинами первых двух графов триады, а также быть элементами природных или хозяйственных систем. Поскольку каждый индивид занимается множеством видов деятельности, функционально интегрируя их в свою «институциональную сферу», а организации действуют одновременно по многим направлениям, то базовые графы имеют общий вид и являются динамическими, то есть изменяющимися со временем.

Объединение трех вершин базовых графов (по одной из каждого графа) в триаду выделяет в каждом из них кусочный подграф, характеризующий организационные структуры субъекта и объекта конкретного вида деятельности и функциональную структуру последнего. Эти три подграфа образуют новую триадную структуру. Указанная триада – обратимое отображение функционального и организационного (субъект–объектного) графов – образует виртуальный институт, который является реальным при специальном виде графа триадной структуры, удовлетворяющем трем следующим свойствам. Первое – постоянство подчиненных подграфов во времени, то есть воспроизводство структуры триады в каждом акте деятельности (фактически имеет место и изменчивость, но мера постоянства значительно превосходит меру последней). Второе – наличие индивидуальных и коллективных ролей – устойчиво воспроизводимых отображений подграфов субъектного и объектного графов на подграфы вида деятельности с взаимным соответствием иерархических отношений. Третье – специальная иерархическая организация множества ролей, приводящая к появлению иерархии в триадной структуре.

На основе иерархических отношений между вершинами выделяемых триадами подграфов каждого из трех базовых графов между самими триадами также можно установить отношение иерархии: триада *A* является главной для триады *B*, если хотя бы одна из трех вершин триады *A* в своих базовых графах главнее соответствующей вершины триады *B*, а остальные две вершины триады *A* не подчинены соответствующим вершинам триады *B*. Это отношение частичной упорядоченности в свою очередь порождает базовый триадный иерархический граф, всякий непустой иерархический подграф которого (как и весь граф в целом) образует структуру института. Триада, образуемая полным подграфом с корнем в вершине второго базового графа (вида дея-

тельности), образует структуру институции, с корнем в вершине первого и третьего базовых графов – структуру полных статусов (субъекта и объекта всех своих видов деятельности). Неполные подграфы субъекта и объекта, ассоциированные с полным подграфом вида деятельности, образуют их неполные статусы.

Вид института определяет вторая (функциональная) вершина триады, а первая и третья дают характеристику статусам его субъекта и объекта. Так появляются статусы социальных групп, организаций, их подразделений и должностей, институты видов деятельности и их подвидов (зафиксированные алгоритмы и процедуры), статусы объектов деятельности (социальных групп, организаций, отдельных личностей) как нормы ее восприятия. Заметим, что для осуществления основной деятельности субъект выступает в качестве объекта вспомогательной деятельности, обеспечивающей его функционирование, так что полный статус субъекта всегда содержит себя в качестве объекта деятельности.

Число виртуальных триад равно произведению числа вершин в базовых графах. Однако подавляющая часть возможных троек вершин порождает в базовых графах пустые подграфы. Реально существующие триады, порождающие непустые подграфы базовых графов, число которых, конечно же, на порядки меньше числа виртуальных триад, назовем актуальными. Обладающие тремя указанными выше общими свойствами актуальные триады образуют структурно-функциональную основу института, обеспечивающую взаимосвязанность и полноту организаций, норм, статусов и т. п., придающую институту системность. Субъекты (объекты) деятельности, объединенные на верхних структурных уровнях триады, разделяясь на нижних уровнях, порождают разнообразие и изменчивость их конкретных проявлений на уровне листьев триадного графа. Сказанное позволяет назвать институты инвариантными во времени структурными элементами деятельности.

Предложенный способ описания реальных и виртуальных базовых структур института – институций и статусов – может оказаться полезным для моделирования его динамических свойств, устойчивости и развития.

§ 2. ИНСТИТУТ — ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Преобразование институциональной структуры является традиционным предметом изучения общественных наук, однако соответствующая формальная теория — динамика иерархических структур — еще не создана. Представим один из возможных подходов к ее построению. Для этого сначала дадим эмпирическое описание динамических процессов на языке триадной структуры.

В период становления нового института его триадный граф содержит относительно немного вершин и ребер, структура графа неустойчива (не все организации, нормы, статусы состоялись и устоялись). Каждое повторение акта деятельности с небольшими вариациями элементов базовых графов, создавая новую близкую триаду, пополняет соответствующее звено институциональной триады, и, таким образом, рост института связан с пополнением его триадного подграфа. Наличие близких, часто актуализируемых, иерархически несвязанных триад является основанием для появления новых объединяющих вершин в трех базовых графах триадных элементов (новых социальных групп или организаций, новых видов и объектов деятельности), а затем — новой объединяющей (главной) триады-института. Этот процесс можно назвать развитием. Таким образом, построение структуры института (и структуры его подсистем — мини- и микроинститутов) происходит снизу вверх в процессе создания каждой новой вершины и связи ее либо с уже существующим, либо с только что созданным главным элементом звена каждого базового графа. Множество актуальных мини- и микроинститутов образует его актуальную структуру. Прекращение или изменение характера деятельности влечет за собой изменение множества актуальных триад как моделей реальной организации института.

Приведенная схема не объясняет появления нового вида деятельности. Предложим одно из возможных «структурных» объяснений этого процесса.

Упрощение системной структуры при сохранении выполняемых функций (называемое адаптацией) есть эмпирически установленный процесс, связываемый с результатом конкуренции в неизменных внешних условиях. Его пределом является простейшая структура — граница, за которой начинается деградация, то

есть утрата системой части функций. Таким образом, достигаемая в результате адаптации максимальная эффективность приводит к неустойчивости, которая восстанавливается либо возвратом, либо «уводом» границы от оптимального состояния. «Увод» структурной границы происходит в результате возведения системой на границе структурного «барьера» в новом структурном измерении – создания новой структуры (информационной, управленческой и т. п.) со своими специфическими функциями. Таким образом, обеспечение устойчивости при максимальной адаптации приводит к развитию системы – усложнению ее структурной размерности и появлению новых функций.

Возможность удержания системной структуры в окрестности максимальной эффективности приводит к постепенному отмиранию неиспользуемого множества неэффективных структур, то есть многообразие старой структуры исчезает, заменяясь новым и начиная новый этап адаптации и развития. Результатом этого многовиткового процесса является рост структурной размерности, сопровождаемый упрощением сложности каждой из них. Появляется иерархическая сверхструктура, элементами которой являются «старые», теперь уже «элементарные» структуры. Сложность как будто бы прячется (инкапсулируется) внутрь размерности.

Поясним сказанное простым примером. Рассмотрим институт как типовую организацию двух сложных институций из некоторого числа более простых социальных подфункций. Сложность института свяжем с числом ребер его структурного графа, а процесс адаптации – с его уменьшением. На рис. 1 приведены виды структур двух последних шагов процесса адаптации: соответственно А и В.

Рис. 1. Изменения вида структур на двух последних шагах процесса адаптации

Как видно, на последнем этапе адаптации происходит скачкообразное (вдвое) уменьшение числа ребер с появлением нового качества – «матричности» структуры института.

Зависимость способности к самоорганизации института от его актуальной структуры эмпирически достаточно хорошо обоснована социальными науками при полном отсутствии адекватных математических моделей¹. Для появления формальных моделей самоорганизации открытых иерархических структур необходим новый терминологический и понятийный аппарат, раздвигающий рамки традиционной (неиерархической) структурной динамики.

В качестве примера рассмотрим одно из базовых понятий динамики – устойчивость, связываемую с инвариантами изменений (сохранение качественной специфики при количественных вариациях). Если изменения происходят только во внешней среде, устойчивость системы естественно назвать статической; в противоположность этому инварианты изменений самой системы свяжем с ее динамической устойчивостью. Последняя применительно к иерархическим структурам должна характеризовать их способность сохраняться в процессе изменений. Мету такого сохранения естественно связать с мерой сложности сохраняемой структуры (числом сохраняемых иерархических уровней, звеньев, вершин, ребер и т. п.).

Распределение по структурному графу системы меры статической устойчивости его вершин играет определяющую роль в моделировании динамической устойчивости. Если статическая структурная устойчивость внутренних подсистем меньше, чем внешних, то есть их главные связи разрушаются при меньшей величине возмущений, чем аналогичные связи внешних подсистем, то структура разрушается «снизу вверх» или «от малого к большому». Такую иерархическую структуру можно назвать динамически устойчивой. В противном случае высшие уровни могут разрушиться при сохранении низших, которые при этом либо деградируют вместе с ней, либо образуют новые более простые системы. Таким образом, введенная на качественном уровне динамическая устойчивость системы означает повышение меры статической устойчивости ее подсистем с ростом их иерархического уровня.

В описанных выше адаптационных структурных изменениях оптимальность и устойчивость исключали друг друга, однако в развивающейся системе эти свойства могут быть взаимно обусловленными. Действительно, адаптация структуры к процессу своего изменения, очевидно, означает его оптимизацию. Именно с этим типом оптимизации целесообразно связать свойство устойчивости развития.

Покажем, что устойчивость развития есть следствие динамической устойчивости системы, увеличивающее меру последней. Малая статическая устойчивость, а следовательно, изменчивость и разнообразие внутренних подсистем (означающие высокую динамическую устойчивость системы), приводит к направленности изменений «снизу вверх», то есть к самоорганизации и устойчивости развития. При этом, чем сильнее уменьшается степень динамической устойчивости системы и ее сложность, чем больше период упрощения структуры, тем, очевидно, менее устойчивым является развитие. И, наоборот, при высокой статической устойчивости малых подсистем (в динамически слабоустойчивой системе) первыми начинают перестраиваться подсистемы достаточно высокого иерархического уровня. Для таких способов перестроек требуется гораздо больше времени и ресурсов, поэтому они характеризуются длительными периодами хаоса, понижения динамической устойчивости, конкурентоспособности, безопасности и сложности системы. Такое развитие, очевидно, следует признать неустойчивым.

Качественное введение динамической устойчивости иерархических структур и устойчивости их развития отнюдь не исключает количественных отношений. Предложим формализм, который может, по нашему мнению, служить базой структурной динамики больших иерархических систем. Введем пространство состояний структуры системы. Рассмотрим множество иерархических графов Ω . Его подмножество – множество деревьев с общим корнем и листьями – назовем монодеревом, а каждый граф этого подмножества – состоянием монодерева. Число листьев монодерева (одинаковое для всех, входящих в него графов) назовем его размерностью, число звеньев в каждом из графов – структурной размерностью последнего. На каждом монодереве введем обратимую унарную операцию элементар-

ного преобразования: поглощения (выделения) одной из главных вершин подчиненного звена. В результате появляются общие и тупиковые состояния монодерева: для первых возможна прямая и обратная операции, а для вторых — только одна из них. Монодерево замкнуто относительно своих элементарных преобразований. На множестве монодеревьев зададим обратимую бинарную операцию суммы: результат суммирования в случае отсутствия у слагаемых общих звеньев является механическим объединением последних, в противном случае общие звенья «склеиваются». Элементарное преобразование недерева производится в несколько этапов: расчленение графа на деревья путем соответствующих вычитаний; элементарное преобразование одного из деревьев; сложение деревьев.

Подмножество элементов Ω , образуемое некоторой совокупностью монодеревьев и графами, полученными в результате применения над ними двух описанных выше операций, замкнуто относительно множества последних и образует подпространство, структурной размерностью которого назовем количество монодеревьев в совокупности. Размерность подпространства равна числу различных листьев его монодеревьев. Эти подпространства назовем виртуальными адаптивными пространствами (VA -пространствами) состояний структуры системы. Содержательный смысл вводимых терминов раскроем далее.

Сумма всех VA -пространств также замкнута относительно введенных операций и образует виртуальное пространство состояний структуры системы (V -пространство), каждой точке которого отвечает единственная иерархическая структура, характеризуемая двумя типами размерности — общей и структурной.

В этих пространствах зададим траектории как произвольные упорядоченные совокупности их точек. Процесс смены состояний в VA -пространстве (движение по VA -траекториям) назовем виртуальной адаптацией (VA -адаптацией). Можно ввести разновидности VA -адаптации, связанные с изменением структурной размерности: развивающая (при возрастании), деградирующая (в обратном случае), дрейфовая (без изменения). В каждый момент времени виртуальная система находится в одном из VA -пространств, расположенном в единственном V -пространстве. В следующий момент времени она, вообще говоря, может

как оставаться в «старом», так и перейти в некоторое «новое» VA -пространство.

Движение виртуальной системы по траекториям, переводящим ее в новое VA -пространство, можно классифицировать на виртуальное развитие (V -развитие), – в случае большей размерности нового VA -пространства, виртуальную деградацию (V -деградацию) – в случае меньшей размерности, виртуальный дрейф (V -дрейф) – в случае сохранения размерности. С другой стороны, V -траектории можно разделить на диверсификационные (при сохранении базисных элементов) и инновационные (при их изменении).

Введем пространство виртуального развития как факторпространство V/VA исходного V -пространства, элементами которого являются VA -пространства как классы смежности по неизменному базису. Таким образом, можно говорить о двух указанных выше типах структурной динамики – адаптивной и динамике развития.

Для превращения описанных выше точечных пространств в фазовые необходимо ввести в них элементарную базу топологии. В элементарную окрестность точки VA -пространства включим все точки, получающиеся из данной в результате элементарного преобразования (простейшего акта V -адаптации). Аналогичное определение элементарной окрестности точки V/VA -пространства введем на основе определения элементарного акта V -развития (добавления в базис VA -пространства одного монодера – расширения или сужения размерности пространства на единицу). При этом элементарный акт V -дрейфа можно представить как неупорядоченную пару последовательных элементарных актов – V -развития и V -деградации. Элементарная окрестность в V -пространстве есть объединение двух вышеопределенных окрестностей.

Понятие элементарной окрестности может служить базой элементарной топологии во введенных пространствах, описываемых фазовыми графами с вершинами в точках исходного пространства и ребрами – наиболее простыми преобразованиями. При этом непрерывные траектории естественно определить как пути в фазовых графах. Указанные выше два вида VA -динамики – развивающая или деградирующая – связаны с преобразованием фазовых графов в направленные, а третий вид – дрей-

фующая – отвечает ненаправленному графу. Аналогично, V -развитие и V -деградация связаны с введением направления на фазовом графе V/VA -пространства и направленным траекториям, а V -дрейф отвечает попеременному движению.

Переход к «траекториям» структур связан с заданием в точках V -пространства функций состояния, вид и число которых могут различаться в различных пространствах. Они определяют локальные и глобальные динамические свойства фазового пространства. Например, устойчивость точек соответствующих пространств по отношению к каждому функционалу состояния и абсолютной устойчивости – по отношению ко всей их совокупности можно связать с экстремальными свойствами последних. Каждый эмпирически вводимый на каждом новом уровне моделирования функционал определяет правило отбора траекторий, наиболее существенно ограничивающее их многообразие. В случае метризации VA - и V -пространств каждой траектории можно поставить в соответствие и метрический функционал (см., например: Воронин, Мишин, 2003). Совокупность всех функционалов выполняет функцию отбора типов динамики и траекторий. Далее приводятся примеры возможных функционалов и соответствующие им оптимальные иерархические структуры. Дальнейшее развитие динамической модели структуры институтов требует перехода на следующие уровни моделирования. В связи с этим заметим, что описание динамики подсистем замкнутой иерархической системы возможно только на уровне открытой системы, что позволяет дать содержательную интерпретацию введенным выше терминам.

§ 3. Институт — кибернетическая система

Размытость субъекта и механизмов управления в большинстве институтов, «мягкость» их структуры, количественная неопределенность реализуемых институций говорят об их слабой управляемости в традиционном понимании, то есть применительно к технологическим процессам и малым группам. Однако одна из главных задач управления – поиск оптимальных состояний – имеет самостоятельное значение, выходящее за рамки собственно институционального менеджмента. Оптимальные состояния могут выступать как конечные (эквифинальные) состо-

яния различных процессов (гомеостаза, самоорганизации, развития), изучаемых на следующих уровнях моделирования.

Любая цель управления может формулироваться как задача оптимизации, поэтому определим частную задачу управления институтом как поиск оптимальной (для некоторого заданного на ней функционала) иерархической структуры. Эта задача до последнего времени находилась вне сферы внимания классических «оптимизационных» направлений математики и ее экономических импликаций. До сих пор не только не разработаны эффективные методы решения подобных задач, но и отсутствует их постановка даже в общем виде. Не разработана и проблема критериев институциональной оптимальности.

При наличии только функционала состояния оптимизационную задачу можно назвать статической. Однако поскольку оптимальная структура неявным образом зависит и от изменчивых внешних условий, актуальной является задача динамической оптимизации. В этом случае кроме эффективности функционирования структуры необходимо учитывать и затраты на ее возможные перестроения. В частности, динамическая оптимизация связана с проблемой выбора оптимального числа уровней иерархии в зависимости от внешних условий, которая обсуждается в математической литературе лишь на качественном уровне.

Изложим кратко подход к решению поставленной задачи и некоторые результаты моделирования (подробнее см.: Воронин, Мишин, 2003). Сформулируем задачу оптимизации иерархической структуры (конечного ориентированного ациклического графа): найти $\arg \min_{G \in \Omega} P(G)$, где Ω – множество допустимых иерархических структур (иерархий) с заданным на нем функционалом $P: \Omega \rightarrow [0; +\infty)$, который будем называть функционалом стоимости. Как отмечалось выше, свойства заданных на структуре функционалов (целевых функций) зависят от содержательных интерпретаций, возникающих на следующих уровнях описания, однако математический подход требует выделения их самых общих свойств. Постулируемые далее свойства функционала содержательно связаны с однородностью институциональной структуры и обычно выполняются в периоды ее стабильности. Далее будем предполагать, что функционалы аддитивны (представимы в виде суммы стоимостей отдельных звеньев графа) и просты

(стоимости структурно эквивалентных графов — одинаковых с точностью до переименования **не начальных** вершин — равны).

Рассмотрим граф организации, под которой будем понимать воплощенный в реальной структуре любого типа, описываемой, например, графом триад или базовыми графами, над множеством элементов N (элементарных функций, исполнителей), в котором на нижнем уровне находятся элементы из N , подчиняющиеся вершинам последующих уровней, причем каждая главная вершина однозначно характеризуется группой (множеством) подчиненных ей элементов.

Введем понятие графа организации заданного набора $\mathbf{f} = \{f_1, \dots, f_m\}$ групп элементов $f_i \subseteq N$, то есть графа, который содержит все группы набора. Множество таких графов организации обозначим через $O(\mathbf{f})$. Решением задачи на $O(\mathbf{f})$ будет оптимальный среди графов организации, которые организуют группы элементов из \mathbf{f} .

Для $r \geq 2$ r -организацией назовем такую социальную структуру, в графе которой каждое звено имеет не более r ребер. Последовательной организацией назовем 2-организацию, в которой одно из ребер каждого звена связано с листом. Организацией без пересечений назовем организацию, в которой любой вершине непосредственно подчинены вершины, координирующие и субординирующие непересекающиеся группы. Через $O_r(\mathbf{f})$, $O_p(\mathbf{f})$, $\tilde{O}(\mathbf{f})$, $\tilde{O}_r(\mathbf{f})$ соответственно обозначим множество r -организаций, последовательных организаций, организаций без пересечений, r -организаций без пересечений, которые входят в $O(\mathbf{f})$, то есть организуют группы из набора \mathbf{f} .

Если набор $\mathbf{f} = \{f\}$ состоит из одной группы, то $\tilde{O}(\mathbf{f})$ будет множеством деревьев организации одной группы f . Через $D(f) = \tilde{O}(f)$ и $D_r(f) = \tilde{O}_r(f)$ соответственно обозначим множество деревьев и r -деревьев из $O(f)$. Веерной (двухурвневой) организацией (простой структурой) назовем организацию, в которой каждая группа организуется непосредственно из составляющих ее элементов. Примеры видов организации приведены ниже на рис. 2.

Решение задачи на объединении множеств $O(\mathbf{f})$, $O_r(\mathbf{f})$, $O_p(\mathbf{f})$, $\tilde{O}(\mathbf{f})$, $\tilde{O}_r(\mathbf{f})$ для различных наборов \mathbf{f} получается после решения

задачи на каждом из множеств по отдельности. С помощью таких объединений можно представить достаточно широкий класс множеств графов организации.

Структурный функционал на множестве организаций представим в виде $P(G) = \sum_{g \in V \setminus N_G} P(g_1, \dots, g_k)$, где $G = (V, E)$ – организация, N_G – множество листьев или начальных вершин (элементов), g_1, \dots, g_k – подгруппы, непосредственно организуемые вершиной (группой) g^2 . Величина $P(g_1, \dots, g_k) \geq 0$ определяет стоимость звена, организующего набор групп g_1, \dots, g_k . Структурный функционал полностью определен, если величина $P(g_1, \dots, g_k)$ задана на всевозможных наборах групп.

Функционал назовем монотонным, если его значение не убывает при расширении одной из подгрупп и при добавлении новой подгруппы. Функционал назовем выпуклым, если при $k \geq 3$ вместо организации подгрупп g_1, \dots, g_k в группу $g = g_1 \cup \dots \cup g_k$ можно, не увеличивая стоимость, сначала организовать некоторые подгруппы из g_1, \dots, g_k , а затем полученную группу организовать с оставшимися подгруппами из g_1, \dots, g_k . Назовем функционал вогнутым, если уменьшить стоимость таким образом нельзя. Выпуклый функционал назовем существенно выпуклым, если при организации двух неначальных подгрупп можно из одной удалить произвольный элемент, а затем организовать его с полученной группой, не увеличивая стоимости. Справедливы следующие теоремы:

Теорема 1. При монотонном функционале для любой организации $G \in O(f)$ одной группы f существует дерево $D \in D(f)$ не большей стоимости: $P(D) \leq P(G)$.

Теорема 2. При выпуклом функционале для любой организации $G \in O(\mathbf{f})$ набора групп \mathbf{f} существует 2-организация $G_2 \in O_2(\mathbf{f})$ не большей стоимости: $P(G_2) \leq P(G)$.

Теорема 3. При монотонном вогнутом функционале веерная организация одной группы f оптимальна на $O(f)$.

Теорема 4. При существенно выпуклом функционале для любой организации $G \in O(\mathbf{f})$ набора групп \mathbf{f} существует последо-

вательная организация $G_p \in O_p(\mathbf{f})$ не большей стоимости: $P(G_p) \leq P(G)$.

Из этих теорем можно сделать следующие основные выводы об организации произвольного числа групп: а) при выпуклом функционале 2-организация минимальной стоимости будет оптимальной (решения на $O_2(\mathbf{f})$ и $\tilde{O}_2(\mathbf{f})$ будут оптимальны соответственно на $O_r(\mathbf{f})$, $O(\mathbf{f})$ и $\tilde{O}_r(\mathbf{f})$, $\tilde{O}(\mathbf{f})$); б) при существенно выпуклом функционале последовательная организация минимальной стоимости будет оптимальной (решение на $O_p(\mathbf{f})$ будет оптимально и на $O(\mathbf{f})$, $O_r(\mathbf{f})$, $\tilde{O}(\mathbf{f})$, $\tilde{O}_r(\mathbf{f})$).

По поводу организации простого института из данных теорем можно сделать следующие основные выводы: а) при монотонном функционале дерево минимальной стоимости также будет и оптимальной организацией (решения на $D(f)$ и $D_r(f)$ будут оптимальны соответственно на $O(f)$ и $O_r(f)$); б) при монотонном выпуклом функционале 2-дерево минимальной стоимости также будет и оптимальной организацией (решение на $D_2(f)$ будет оптимально и на $D(f)$, $D_r(f)$, $O(f)$, $O_r(f)$); в) при монотонном вогнутом функционале веерная организация такого института оптимальна на $O(f)$, $\tilde{O}(\mathbf{f})$.

В качестве примера рассмотрим задачу об оптимальной организации функционального взаимодействия, заданного с помощью неиерархического (сетевое) графа. Между вершинами графа (элементарными функциями) идет обмен материалами, информацией, и т. п., что описывается ребрами графа и соответствующими им векторами мощности потоков. Для организации взаимодействия необходимо создание управляющих центров, координирующих потоки между элементами некоторых групп. Управляющие центры следующего уровня координируют потоки между подчиненными группами и т. д. Затраты на управляющий центр описываются функцией затрат $K(\cdot)$ от суммарной мощности координируемых потоков. В результате получим задачу об оптимальном на $D(f)$ дереве организации со структурным функционалом стоимости P , где $f = N = \{a_1, \dots, a_n\}$ – множество (группа) элементов технологического графа.

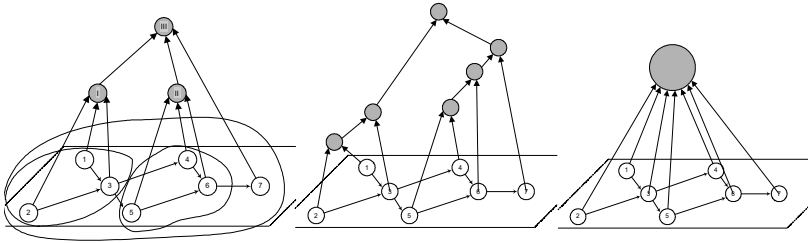

Рис. 2. Примеры моделей организации функциональных связей в иерархии

На рис. 2 приведены различные примеры надстройки организационного графа институтов над функциональным. В центре приведен пример 2-организации, справа изображена веерная организация. В случае выпуклой функции затрат оптимальна 2-организация, в случае вогнутой – веерная организация (соответственно, максимум и минимум управляющих центров, см. теоремы 2 и 3).

Введем понятие анонимного функционала, зависящего не от характеристик организуемого института, а от некоторой его объективной характеристики – сложности. Введем понятия однородности (независимости от масштаба сложности) и корректности в нуле (стоимость добавления подструктуры нулевой сложности – нулевая) анонимного функционала. Исходя из эмпирического анализа различных типов коллективной деятельности рассмотрим следующие примеры однородных функционалов:

$$P(C(g_1), \dots, C(g_k)) = [C(g_1) + \dots + C(g_k) - \max(C(g_1), \dots, C(g_k))]^\beta \quad (I);$$

$$P(C(g_1), \dots, C(g_k)) = [C(g_1) + \dots + C(g_k)]^\beta \quad (II);$$

$$P(C(g_1), \dots, C(g_k), C(g)) = (C(g) / \max(C(g_1), \dots, C(g_k)) - 1)^\beta \quad (III);$$

$$P(C(g_1), \dots, C(g_k), C(g)) = \left(\sum_{i=1, \overline{k}} C(g) - C(g_i) \right)^\beta \quad (IV),$$

где $g = g_1 \cup \dots \cup g_k$ – организуется из подфункций g_1, \dots, g_k ;

$\beta \in (0; +\infty)$ – параметр функционала;

$C(g) \geq 0$ – некоторая функция группы – сложность – монотонная по вложению групп

$(C(g) \leq C(h))$ при $g \subseteq h$). Приведем следующий пример функции сложности: (*) $C(g) = (\sum_{a \in g} C(a)^{1/\alpha})^\alpha$, где $\alpha \in (0, +\infty)$ – параметр сложности, $C(a)$ – заданные сложности элементов $a \in N$.

Содержательный смысл сложности – величина транзакционных издержек при сетевой (то есть нерегулируемой) организации «сборки» сложной институции из составляющих ее подфункций (производных, то есть более «мелких» институций). Параметр $\alpha \in (0, +\infty)$ определяет рост издержек по мере роста сложности: при $\alpha = 1$ сложность звена – аддитивная, при меньшей величине – супераддитивная, при большей – субаддитивная функция сложности его элементов.

Содержательно смысл институциональной стоимости представлен затратами на иерархическую организацию «сборки» конкретных функций (институций) в процессе производства благ. Ее общая величина, получаемая суммированием по вершинам (звеньям) графа, явным образом зависит от вида последнего. Четыре приведенных выше различных вида функции стоимости звена (I)–(IV) отражают различные виды координации: первый и третий отвечают затратам на управление группой с нейтральным и конструктивным лидером, второй отвечает управлению группой без лидера, а четвертый – повторяющейся индивидуальной работе с каждым элементом звена. Параметр $\beta \in (0, +\infty)$ отражает «индивидуальные» особенности конкретной организации, ее принципалов и агентов. Увеличение его значений отражает рост стоимости организации.

Теоремы 1–4 позволяют исследовать свойства монотонности, выпуклости, вогнутости, существенной выпуклости функционалов (I)–(IV) и вид оптимальной для каждого из них организации. На рис. 3–6 полученные результаты для функционалов (I)–(IV) с функцией сложности вида (*) схематично представлены в виде карт параметров (некоторые результаты остаются справедливыми для любой функции сложности). По горизонтальной оси отложено значение α , по вертикальной – значение β .

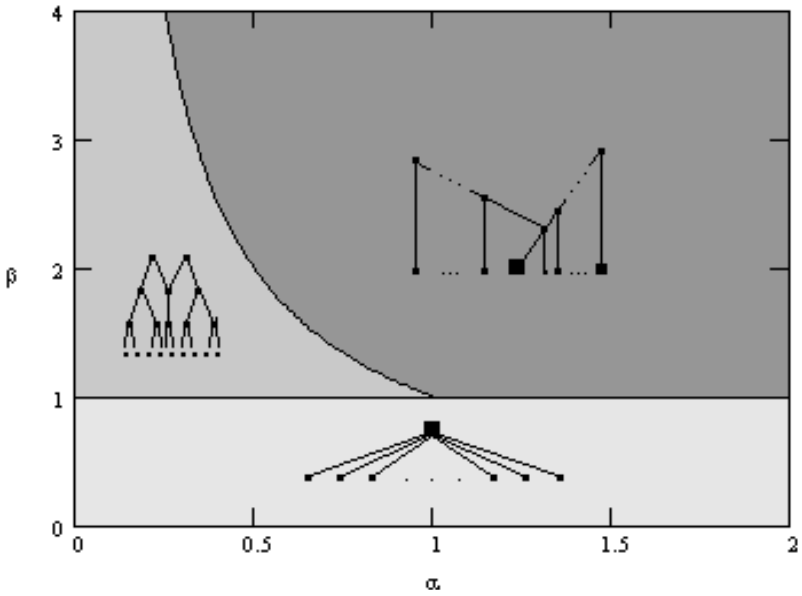

Рис. 3. Оптимальные организации для функционала (I)

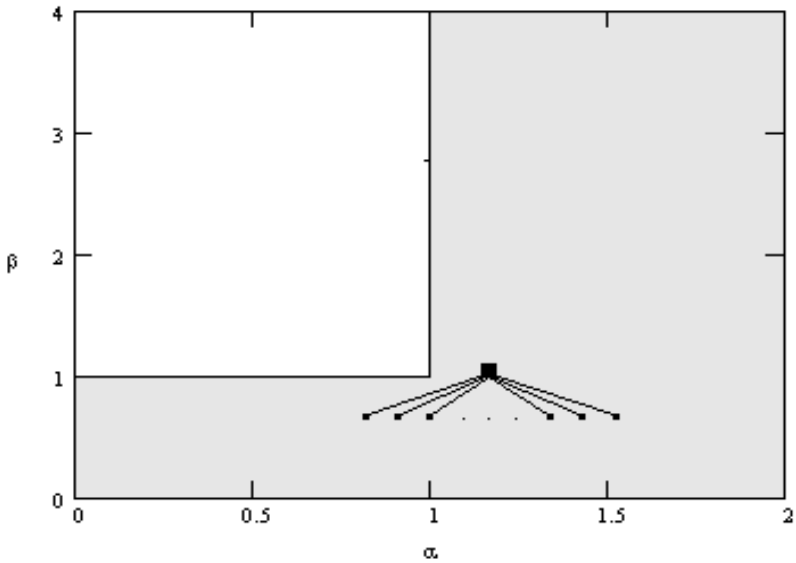

Рис. 4. Оптимальная организация для функционала (II)

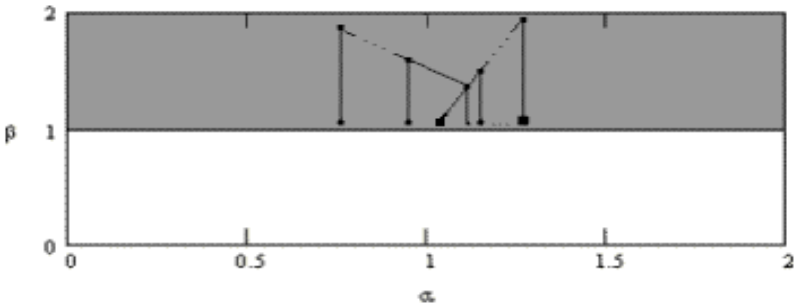

Рис. 5. Оптимальная организация для функционала (III)

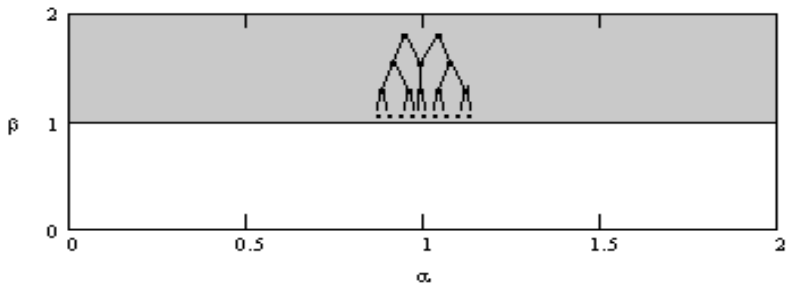

Рис. 6. Оптимальная организация для функционала (IV)

На рис. 3 при $\beta \leq 1$ — светлая область — на $O(f)$ оптимальна веерная организация одной группы (функционал вогнут). При $\beta \geq 1$ — серая область — на $O(\mathbf{f})$ оптимальна 2-организация произвольного набора групп $\mathbf{f} = \{f_1, \dots, f_m\}$ (функционал выпуклый). При $\beta \geq 1$, $\alpha\beta \geq 1$ — темная область — результат усиливается — на $O(\mathbf{f})$ оптимальна последовательная организация (функционал существенно выпуклый). Аналогичные области выпуклости, вогнутости и существенной выпуклости приведены и на рис. 4–6. Белые области соответствуют случаям, в которых функционал не является ни выпуклым, ни вогнутым. Аналитическое решение задачи в этой области на данный момент отсутствует. Ниже на рис. 7 приведен пример использования алгоритмических методов решения, из которого можно сделать вывод, что в указанных областях оптимальная организация ведет себя довольно сложным образом. При $n = 25$, $n = 125$ и $n = 625$ оптимально симметричное 5-дерево, в котором каждой управляющей вершине подчинено пять элементов. На рис. 7 изображено оптимальное дерево при $n = 70$.

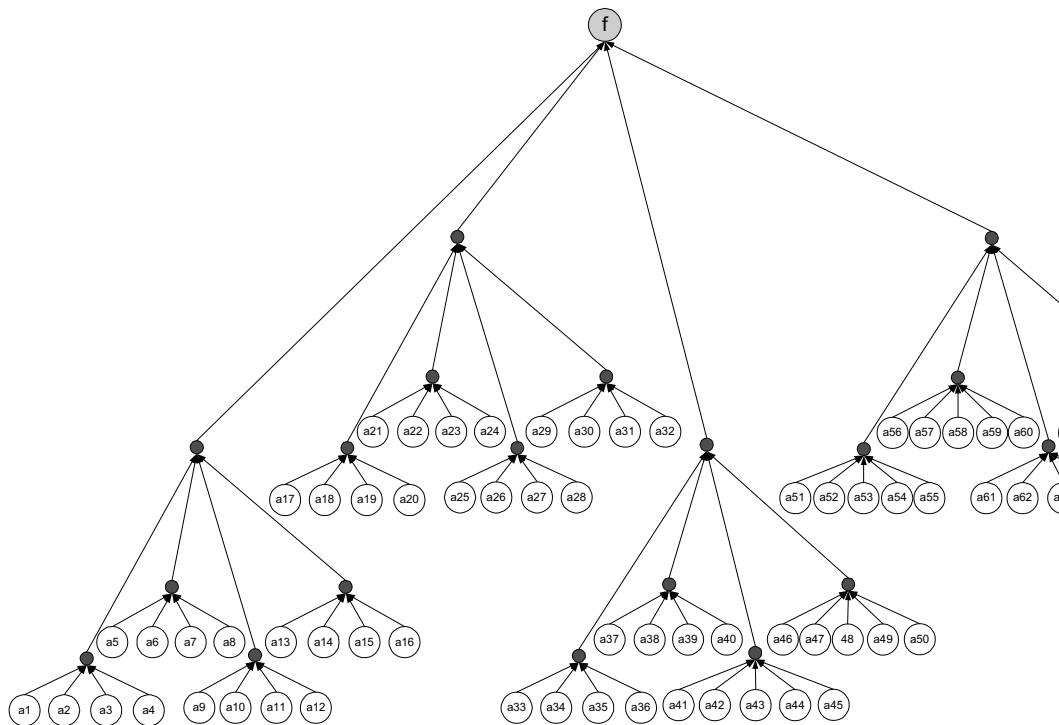

Рис. 7. Оптимальное «дерево»
институциональной организации для случая $n = 70$

При приближении β к единице функционал «приближается» вогнутому (см. рис. 3) и становится оптимальной веерная организация. При увеличении β становится оптимальной 2-организация (в рассматриваемом примере при $\beta \geq 3$). Следовательно, численные эксперименты позволяют предположить, что для любого r можно подобрать такое β , при котором будет оптимальна симметричная r -организация (для $n = r^i$, то есть при соответствующем количестве элементов).

Рассмотренную выше задачу поиска структуры минимальной стоимости можно назвать задачей статической оптимизации. Изменение внешних условий существования института как кибернетической системы мотивирует актуальность постановки и решения динамической задачи о его оптимальной организации. Кратко опишем одну из возможных динамических моделей количественного анализа проблемы оптимального баланса статической и динамической эффективности иерархической структуры. Новизна предлагаемого подхода состоит в строгом количественном описании процессов организационных изменений на основе развитого понятийного, аналитического и алгоритмического аппарата.

В качестве цели управления предложим минимизацию суммарных затрат на организацию функционирования системы и на ее перестроение в течение произвольно заданного интервала времени. Для корректного введения затрат на реорганизацию структуры исходя из известных величин стоимости включения и исключения каждого из функциональных элементов в группу, с помощью решения ряда задач о назначении определяется содержательно интерпретируемая метрика на множестве графов организации – стоимость реструктуризации. Взаимодействие с внешней средой описывается необходимостью организации новых и ликвидации старых функциональных групп.

Формально определим управление как отображение текущей структуры и известной к настоящему моменту истории изменения внешней среды в структуру следующей единицы времени. Критерием оптимальности управления выступают суммарные затраты на функционирование системы и на ее реструктуриза-

цию (в смысле заданной метрики) в течение определенного интервала времени.

Аналитическое решение общей задачи управления организацией института представляется крайне сложным. Однако если задано некоторое количество возможных управленческих вариантов, то их сравнение может проводиться численно. В качестве примера такого набора управлений определим так называемые l -усечения. В них на каждом шаге определяется структура, минимизирующая затраты на функционирование (оптимальная в статике), а затем она «усекается» так, чтобы число уровней иерархии не превосходило l . При достаточно большом l получаем управление, минимизирующее затраты на функционирование, при $l = 1$ — управление, минимизирующее затраты на реструктуризацию и определяющее максимально простую (верную) структуру. Оптимальное управление позволяет выбрать число уровней иерархии, при котором затраты на функционирование (эффективность) и на реструктуризацию (устойчивость к внешним воздействиям) сбалансированы оптимальным образом, то есть минимизируют издержки управления и коррекции институциональной организации. Задача вычисления l -усечений для всех l сводится к рассмотренной в предыдущих главах задаче статической оптимизации. Для моделирования использовался функционал (I). Построены кривые зависимости оптимального количества уровней иерархии l_{opt} от интенсивности изменений внешней среды s (проявляющей себя в числе созданных новых групп в единицу времени) при различных параметрах функционала β . Результат приведен на рис. 8. При этом изображены не сами кривые, которые представляют собой ломанные в силу дискретности структуры, а их гиперболические приближения, оптимальные в смысле среднеквадратичного отклонения. По оси абсцисс отложена скорость изменения внешней среды s , по оси ординат — оптимальное количество иерархических уровней l_{opt} .

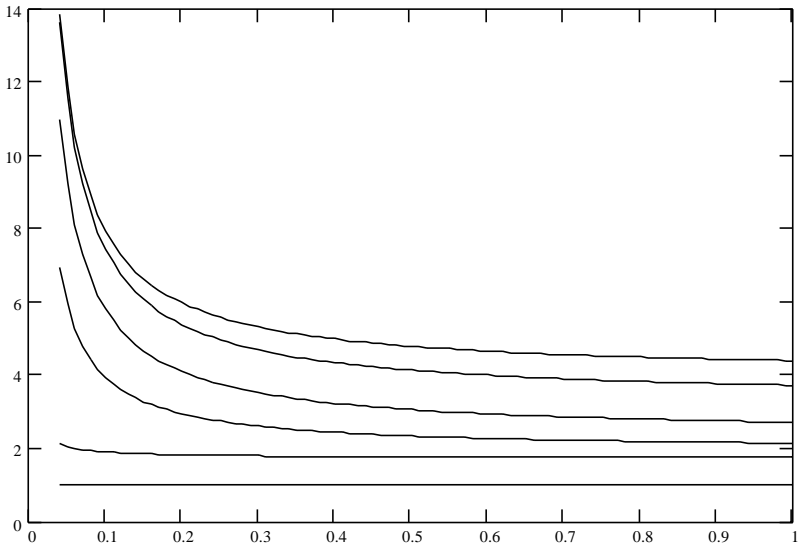

Рис. 8. Гиперболические приближения кривых зависимости lo_{pt} от s при $0 < s = 1$ и различных $\beta = 0,25; 0,5; 0,75; 0,95; 1; 2$

На рис. 8 изображены шесть кривых при различных параметрах функционала $0,25 \leq \beta \leq 2$. Нижняя кривая соответствует значению $\beta = 0,25$, верхняя — значению $\beta = 2$. Напомним, что при $\beta \leq 1$ функционал (I) — вогнутый, при $\beta \geq 1$ — выпуклый (см. рис. 4).

Кривые, приведенные на рис. 8, подтверждают наблюдаемую на практике закономерность: при жестких (интенсивных) внешних изменениях эффективна простая (веерная) структура институциональной организации, усложняющаяся по мере смягчения внешних воздействий (увеличивающая число уровней иерархии). Качественно это соответствует тому, что в нестабильной внешней среде доминируют максимально простые структуры за счет высокой адаптивности³, в стабильной же среде наоборот доминируют системы со сложной иерархической структурой, реализующей эффекты масштаба и функциональной комплексации. При «ярко выраженной» вогнутости функционала ($\beta = 0,25$) большое число иерархических «узких» структур не выгодно даже при постоянной внешней среде, а выгодна единственная «широ-

кая» простая иерархия. При ослаблении вогнутости ($\beta = 0,5$) становится выгодным введение двух уровней (см. рис. 9). При дальнейшем ослаблении вогнутости ($\beta = 0,75$) в достаточно стабильной ситуации ($s \leq 0,3$) становятся выгодными более сложные структуры. Стоимость функционирования промежуточных структур уменьшается относительно общего результата при дальнейшем увеличении β ($\beta = 0,95$), что при постоянной внешней среде делает выгодной последовательную организацию «наиболее узких» иерархий с максимальным количеством уровней. При $\beta \geq 1$ иерархия с максимальным числом уровней будет оптимальной не только при минимальных изменениях внешней среды, но и при больших k . Итак, по мере усиления выпуклости функционала затрат возрастает сопротивляемость структуры внешним изменениям, а ее упрощение (деградация) происходит при более сильных внешних изменениях.

Уровень кибернетической системы позволил не только ввести в динамическую систему (см. § 2) функционал состояния и на его основе найти особые точки и траектории, но и исследовать саму топологическую структуру фазового пространства. Действительно, введенная в § 2 топология V -пространства показывает многоструктурную природу динамики институтов: траектория в V/VA -пространстве, вид которой определяется динамическими свойствами VA -пространств, определяет в свою очередь смену последних. Как уже отмечалось, топология фазовых пространств, число и свойства функционалов находятся за пределами ее собственно динамической модели и требуют для своего описания введения межструктурного взаимодействия. Так, например, данное в § 2 определение элементарного преобразования применительно к конкретному институту зависит от его системы управления, допускающей структурные преобразования тех или иных подсистем. Движение по адаптивной траектории фазового пространства структуры системы управления – переход от централизованного к децентрализованному управлению – меняет топологию фазового пространства ее организационной структуры (увеличивает число ребер в соответствующем графе перестроений), а также меняет и свойства функционалов, проявляющиеся в новых правилах отбора состояний. В централизованно управляемой системе функционал состояния является агрегированной ве-

личинной, рассчитываемой каким-либо образом на всем графе. При этом реализуемое устойчивое состояние ее структуры есть один из его локальных минимумов. В децентрализованно управляемой системе тот же функционал состояния дробится на функционалы подсистем, и, таким образом, реализуемое устойчивое состояние структуры описывается состоянием равновесия некоторой игры (в теоретико-игровом смысле) в иерархической или неиерархической организационной системе. Адаптационные изменения в функциональном пространстве меняют, очевидно, значения функций состояния в пространстве организационных структур, изменения в элементном составе одной из структур (например, появление новых технологий, инструментов, методов, функций, субъектов и объектов управления и т. п.) влечет за собой изменение элементного состава, топологии, функций состояния других. Таким образом, свойства каждого типа структурного пространства зависят от состояний всех остальных типов пространств и изменение какого-либо из свойств одного из них меняет свойства остальных. Полнота системного описания требует представления ее структурной динамики в едином актуальном пространстве (A -пространстве) и представления структуры ее V -пространства как системы A -пространств с переменным составом и топологией. С этой точки зрения эмпирически известные установившиеся типы организованности соответствуют глобально устойчивым (оптимальным) состояниям в «объединенном» фазовом A -пространстве институциональной структуры. Предложенный в начале § 3 неформальный критерий сложности как основы систематизации естественным образом связывается с величиной размерности и топологической сложностью пространства их структурной динамики.

§ 4. СТРУКТУРА «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА»

В качестве априорной эмпирической базы описания организационных свойств институциональной структуры, основанных на взаимодействии функционально специализированных структурированных подсистем, наиболее перспективной является новая теория факторов производства (Иншаков, 2003, с. 11–25). Согласно ей, «ядро развития» (в терминах § 1 – вершина

триады или минимальный подграф структуры с акцентированным результатом деятельности, в терминах § 2 – структурная основа соответствующего факторпространства) представляется в виде системы шести базовых структур и соответствующих им функционалов – факторов производства: человеческого, технического, природного, институционального, организационного, информационного. Эти «факторные шестерки» образуют функциональную структуру деятельности в любом субъектном масштабе – от индивида до глобального общества. Таким образом, наряду с фазовыми пространствами организационной и функциональной структур возникает ассоциированное с ними и определяющее топологию их факторпространства факторная иерархическая структура, ее собственное динамическое факторное пространство и объединенное динамическое структурно-функционально-факторное пространство (СФФ-пространство).

Факторное описание вследствие своей универсальности порождает как внутреннюю, так и внешнюю модель структурной динамики институтов. Действительно, представляя собой один из факторов развития общества, институты и их структуры детерминированы законами его развития. С другой стороны, факторные динамические свойства институциональной структуры, в свою очередь обуславливающие ее функциональные свойства, определяют внутренние закономерности ее развития.

Факторная динамическая модель объединяет модели производства и распределения факторов общественного бытия. Численные эксперименты с моделью показывают также, что основным динамическим свойством факторной динамики замкнутой системы является направленность адаптационных траекторий в сторону выравнивания (оценок) ее факторов во всех структурных и функциональных элементах (максимальная адаптация, положение равновесия). Содержательно это означает ликвидацию непродуктивных затрат на избыточное качество, так как общая оценка реализуемой функции (и совокупный доход, получаемый от ее выполнения) определяются в рамках модели наименьшей из факторных оценок. Вид адаптации (развивающая, деградирующая, стабильная) определяется топологией актуальных «организационного» и «функционального» фазовых структурных пространств системы. Малая функциональная сложность

всякого структурного элемента вызывает его деградирующую адаптацию (равновесие факторов устанавливается на уровне наименьшего из них). При большей функциональной сложности происходит их «усреднение» (стабильная адаптация), при дальнейшем усложнении межэлементных связей иногда наблюдается увеличение всех компонентов f -вектора структурного элемента до уровня максимальной из них, характеризующее рост за счет других элементов оргструктуры (развивающая адаптация). Прогресс адаптационных свойств происходит путем перестройки функциональной и организационной структур, эффективность которых в условиях конкурентного «отбора» внешней средой приводит к их распространению и закреплению в социальной системе.

Институциональный фактор в рамках модели проявляет себя в структуризации функционального графа, снижающей транзакционные издержки и повышающей эффективность взаимодействия факторов в условиях их неравновесия. Разовое нарушение пропорций неравновесного состояния системы факторов приводит к их рекомбинации, а хаотические изменения – к разрушению сложной институциональной структуры их функционирования и ее дальнейшему поддержанию на низком уровне (эти результаты дают содержательную интерпретацию моделям, представленным в § 3).

З а к л ю ч е н и е

Каждый следующий уровень сложности системы имеет свой специфический функционал состояния, формирующий специфические правила отбора ее состояний, наиболее существенно ограничивающие их разнообразие. Попытаемся выявить функционал, определяющий свойства структуры социальных институтов, отличающие их от структур других живых систем. Институты отличаются значительно большей динамичностью и сменой типов структурированности, что, очевидно, связано с высокой интенсивностью и информативностью межличностных взаимодействий. Однако главное их отличие состоит в сознательной (а не просто целенаправленной) активности их элементов (индивидов и социальных групп), создающих структуру институтов при большем или меньшем осмыслении ее целе-

сообразности. Свойство рефлексивности достигает в социальных институтах качественно новой ступени развития, позволяющей говорить о самосозидании посредством самопознания. И отдельный человек, и общественные институты имеют специфическую подсистему – самосознание, определяющееся как уровнем их собственного развития, так и уровнем развития всей системы общественных институтов.

Самоорганизация, будучи универсальным способом существования живой материи, происходит в обществе на уровне каждого его элемента – отдельной личности, что позволяет ввести «гуманитарный» критерий динамической устойчивости института как степени реализации в нем человеческого потенциала, выступающего в качестве условия, обеспечивающего максимум разнообразия и неравновесности, параллельно создающего возможности структурированности и упорядоченности (то есть индивидуального, личностного, внутренне мотивированного, и, следовательно, свободного поведения) на низшем уровне институциональной структуры. Адаптационная перестройка институциональной структуры на уровне агентов превращается из социальной катастрофы в проблему индивидуального выбора. Таким образом, движение структуры общественных институтов в направлении расширения индивидуальной свободы и возможности личностной реализации является их устойчивым развитием.

Высший уровень моделирования института не только предоставляет его «высший» функционал, но и позволяет предложить и обосновать (на основе эмпирического анализа социальных взаимодействий) вид и процедуру вычисления значений параметров моделей низших уровней на базе статистических и экспертных методов. Эмпирические описания и систематизации типов институциональных структур в соединении с формальными моделями эволюционной динамики позволяют надеяться на создание в недалеком будущем формальных моделей институциональной структуры высших уровней.

Литература

Боулдинг К. Общая теория систем – скелет науки // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969.

Воронин А.А., Мишин С.П. Оптимальные иерархические структуры. М.: ИПУ РАН, 2003.

Иншаков О.В. «Ядро развития» в контексте новой теории факторов производства // Экономическая наука современной России. 2003. № 1.

Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974.

¹ Некоторые результаты формального моделирования структурных преобразований при изменении внешней среды приведены далее (см. § 3).

² Например, на рис. 2 слева вершине III непосредственно подчинены группы $g_1 = \{1,2,3\}$, $g_2 = \{4,5,6\}$ и $g_3 = \{7\}$.

³ Так, в нестационарной и «агрессивной» конкурентно-рыночной среде оптимальной формой организации института предприятия могут быть его малые формы, где функции владения и управления, «персонифицируемые» в статусах собственника и менеджера, пребывают в тождестве. Простая структура минимизирует издержки преодоления институциональной инерции, оправдывая лозунг «Being small is beautiful» («Быть маленьким прекрасно»), получивший распространение в западном бизнесе в середине 1980-х – начале 1990-х гг. – *Прим. ред.*

Глава 13

МЕТОДИКА СИНТЕЗА ПОНЯТИЯ «ИНСТИТУТ» НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ ДЕТЕРМИНАНТ

Системное научное осмысление институциональной сути человека на современном этапе в значительной степени тормозится недостаточно развитой и согласованной методологической базой, в том числе нечеткостью и противоречивым характером категориального ряда. Это обусловлено актуальной экстенсификацией институциональных исследований, переживающих период развития по типу «бума» (Иншаков, Фролов, 2002, с. 245–246), поэтому задачу повышения интенсивности анализа в рамках данного направления целесообразно связать с разработкой

новых методик уточнения понятийного аппарата, один из вариантов которых представим далее.

Известные содержательные описания различных аспектов институциональных отношений затрагивают ряд характерных свойств института (как обобщенного образа их реального многообразия), которые назовем его характеристиками. Последние могут иметь различный уровень детализации в зависимости от уровня абстрагирования свойств института. Представим эти взгляды как непротиворечивые системные аспекты, обусловленные различием позиций, с которых рассматривается предмет, что позволит учесть известные аспекты в общесистемном синтезированном понятии. Выявление ряда основных характеристик понятия института может быть осуществлено на основании компаративного анализа характеристик известных трактовок. Систематизация характеристик по определенному базису позволит исследовать каждую из них автономно. Выявленную совокупность основных характеристик используем для синтеза комплексного понятия института, отвечающего современным представлениям о предмете институциональной теории.

В. Садовский предложил следующую совокупность характеристик систематизации понятия (Садовский, 1978, с. 99): A_1 – характеристика исходных составляющих; A_2 – сочетания составляющих; α – связности составляющих; β_1 – интегративного (интегрального) качества полученного системного образования; β_2 – функционирования; γ – характеристика ограничивающих условий существования системы. Как следствие, – вербальное выражение полной формы понятия системы, с учетом рассмотренных обозначений, будет иметь вид: $S_n = f(A_1, A_2, \alpha, \beta_1, \beta_2, \gamma)$. Совокупность характеристик, предложенных В. Садовским, целесообразно дополнить системным классификационным признаком описываемого предмета. Требуется уточнения и характеристика элементов, так как следует различать элементные свойства взаимодействующих субъектов и объектов, по поводу которых они вступают в отношения друг с другом. При этом связность составляющих целесообразно определять характеристикой, конкретизирующей как отношения композиции субъектов, так и взаимосвязи субъектов с объектами. Функционирование следует детерминировать характеристикой динамической направ-

ленности развития предмета и характеристикой причинно-следственных воздействий на описываемый предмет, динамических изменений в нем и результатов его функционирования. С учетом отмеченных уточнений комплексный анализ описания предмета целесообразно проводить по следующему системному базису характеристик:

- *P* – классификационная характеристика описываемого предмета, определяющая его как отношение, систему, процесс, механизм, способ существования и т. п.;
- *A* – характеристика субъектов, входящих в институты;
- *B* – характеристика объектов, по поводу которых вступают в отношения друг с другом субъекты, входящие в институты;
- *C* – характеристика системообразующих свойств, определяющая отношения композиции субъектов и их взаимосвязи с объектами;
- *D* – характеристика результирующего эффекта института, который он оказывает на систему производства, предприятия, отрасли или государства, функционирующих под его воздействием;
- *E* – динамическая характеристика, отражающая направленность развития предмета во времени;
- *F* – характеристика причинно-следственных воздействий на описываемый предмет, динамических изменений в нем и результатов его функционирования;
- *G* – характеристика ограничивающих условий, при которых существуют институты и без которых их существование проблематично.

С учетом принятых обозначений понятие института будет представлено как вербальная функция от системных характеристик, отражающих: классификационный признак предмета; состав субъектов института; объекты, по поводу которых эти субъекты вступают во взаимоотношения; системообразующие свойства; результирующие эффекты; динамические характеристики развития; причинно-следственные связи институтов со средой; ограничивающие условия. В соответствии с результатами анализа системных характеристик предмета институциональных отношений, понятие института будет отвечать выражению:

$$S = f(P, A, B, C, D, E, F, G). \quad (1)$$

Знание системных характеристик институтов позволит синтезировать соответствующее понятие.

1. АНАЛИЗ СИСТЕМНЫХ ПРИЗНАКОВ ХАРАКТЕРИСТИК ПОНЯТИЯ ИНСТИТУТА

Приведенное выше выражение использует в качестве аргументов всю совокупность системных характеристик и, следовательно, соответствует полной форме понятия системы. Обычно исследуемые понятия имеют признаки или содержательные описания свойств не всех рассмотренных характеристик. Тем не менее анализ совокупности известных понятий институтов позволит выявить признаки всех характеристик. Дальнейший анализ набора признаков каждой из характеристик как комплексных совокупностей аспектов сделает возможным уточнение их содержания.

Институты, по мнению Т. Веблена, «есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие или господствующие типы отношений... они... являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений». В этой трактовке содержатся классификационные признаки института и признаки их интегрального качества. Что касается динамической направленности развития институтов, то она сводится «к естественному отбору наиболее приспособленного образа мысли... изменяющемуся с развитием общества и социальных институтов». Институты «представляют собой привычные способы реагирования на стимулы, которые создаются... изменяющимися обстоятельствами... это, по сути дела, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций». Институты – «принятая в настоящее время система общественной жизни... образ мысли, точки зрения, настрой и способности ума». «Сегодняшняя обстановка формирует институты завтрашнего дня вследствие процесса принудительного отбора». Институты – «привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди, – наследуются, та-

ким образом, от прежнего времени, времени более или менее далекого, но как бы то ни было они выработались в прошлом и унаследованы от него... они приспособлены к обстоятельствам прошлого». «Они представляют собой привычные способы реагирования на стимулы, которые создаются этими изменяющимися обстоятельствами... это, по сути дела, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью» (Веблен, 1984, с. 200–203).

Выявим признаки системных характеристик, наблюдающиеся в трактовке Т. Веблена. Признаки характеристик будут определяться используемыми категориями, терминами, теоретическими положениями. Декомпозируем содержательное описание на подмножества свойств (признаков). В этом случае каждое из этих подмножеств будет соответствовать содержательному описанию свойств одной из характеристик декомпозируемого понятия. Обозначим индексированными малыми буквами $p_i, a_i, b_i, c_i, d_i, e_i, f_i, g_i$ подмножества отличительных свойств характеристик P, A, B, C, D, E, F, G . Значение индекса i будет соответствовать порядковому номеру анализируемого понятия. Для рассматриваемого понятия получим следующие признаки характеристик:

- p_1 — господствующие типы отношений;
- a_1 — общество, личность;
- b_1 — привычный образ мысли, точки зрения, настрой, привычные способы реагирования на стимулы, распространенный образ мысли;
- c_1 — отношения между обществом и личностью;
- d_1 — образуют систему общественных отношений; принятая в настоящее время система общественной жизни;
- e_1 — развитие института определяется естественным отбором образа мысли, изменяющегося с развитием общества;
- f_1 — выработались в прошлом, унаследованы от него; результат отбора и приспособления;
- g_1 — приспособлены к обстоятельствам прошлого.

Обозначения $p_1, a_1, b_1, c_1, d_1, e_1, f_1, g_1$ соответствуют подмножествам свойств характеристик P, A, B, C, D, E, F, G , используемых в рассматриваемом понятии.

Рассматривая вопросы институциональных изменений, Д. Норт отмечает, что «институты представляют собой структуру», задающую «рамки функционирования экономики и общества в течение того или иного периода времени», что позволяет выявить интегральное качество и граничное условие существования предмета. В качестве составляющих «институты включают в себя... общепризнанные нормы поведения, достигнутые соглашения, внутренние ограничения деятельности... и определенные характеристики принуждения к выполнению тех и других». Силой, запускающей институциональный механизм, является «принуждение», которое «осуществляется, во-первых, через внутренние ограничения деятельности, во-вторых, через страх перед наказанием за нарушение соответствующих норм и, в-третьих, через общественные санкции или государственное насилие». Результатом становится то, что «институты влияют на экономическую деятельность, определяя... транзакционные и производственные трансформационные издержки... Если институты – правила игры, то организации являются игроками». «Агентом институциональных изменений является предприниматель – лицо, принимающее решение». «Результатом любых действий игроков по формированию институтов с целью структурирования взаимоотношений будет увеличение степени несовершенства рынков». «Важны и идеи, и идеологии, а институты играют главную роль в их воплощении в жизнь. Идеи и идеологии формируют мысленные конструкции» (Норт, 1997, с. 6–16).

Для рассматриваемого содержательного описания предмета институциональных отношений получим следующие признаки характеристик:

- p_2 – структура;
- a_2 – организации, предприниматели;
- b_2 – общепризнанные нормы поведения, соглашения, внутренние ограничения деятельности, характеристики принуждения к выполнению тех и других, правила игры;
- c_2 – структурирование взаимоотношений;
- d_2 – задает рамки функционирования экономики и общества; институциональный механизм;
- e_2 – идеи и идеологии формируют мысленные конструкции;

- f_2 – силой, запускающей институциональный механизм, является «принуждение», которое осуществляется через ограничения деятельности, страх перед наказанием за нарушение норм, общественные санкции и государственное насилие, в результате чего институты влияют на трансакционные и трансформационные издержки;
- g_2 – в течение того или иного периода времени.

О.В. Иншаков, переосмысливая позитивный опыт развития институциональной теории, предлагает альтернативную интерпретацию отображения предмета институциональной теории и соответствующий категориальный ряд, включающий институцию, организацию, институт и орган. Институции определены как «социальные формы типизации функции хозяйственных субъектов, определяющие их статусы и роли в системе производства общественного бытия и образующие систему отношений функциональной структуры общества. Каждая организация обеспечивает, устанавливает, внедряет и проводит в жизнь соответствующую ей институцию». При этом «организация как устойчивая система отношений между субъектами, выполняющими различные функции в процессе достижения общей цели, связывает воедино различные институции и институты, устанавливая их координацию и осуществляясь в то же время на их основе... Институт выступает как функциональная организация, обеспечивающая реализацию конкретной системы однородных институций». «Суть институции состоит в ее всеобщности как социальной формы всех человеческих действий, осуществляемых членами общества». «Общество отбирает и закрепляет полезные институции, координирует их на основе общественного консенсуса и компромисса, в результате чего происходит консолидация их многообразия в единстве институциональной системы» (Иншаков, 2003, с. 44–45).

Для содержательного описания предмета институциональной теории, предложенного О.В. Иншаковым, получим следующие признаки характеристик:

- p_3 – функциональная организация;
- a_3 – хозяйственные субъекты;

- b_3 – институции как формы типизации функций хозяйственных субъектов, другие институты;
- c_3 – институции образуют систему; организация как устойчивая система отношений;
- d_3 – система отношений функциональной структуры общества; реализация конкретной системы однородных институций;
- e_3 – общество отбирает, закрепляет и координирует полезные институции;
- f_3 – организация обеспечивает, устанавливает, внедряет и проводит в жизнь соответствующие ей институции;
- g_3 – институция как всеобщая социальная форма всех человеческих действий.

Н.Н. Лебедева, рассматривая различные аспекты институционального механизма экономики, отмечает, что «исторически сформировавшиеся в обществе представления о наборе и последовательности действий индивидов по приспособлению к условиям окружающей среды выступают как институции... Каждый институт располагает своим, характерным для него составом институций». Институции, «обеспечивая согласованное функционирование взаимодействий хозяйствующих индивидов, способствуют их воспроизводству в рамках сложившихся правил... Система прямых и обратных связей между институтами и институциями служит основанием их модификации и трансформации». «Несмотря на различие интересов, хозяйственные субъекты гармонизируют их, вырабатывая, принимая, согласовывая общие, единые принципы, подходы, нормы, правила, которые обеспечивают им совместное достижение собственных интересов с наименьшими транзакционными издержками... В таком случае институт можно представить как систему устойчивых отношений по поводу согласования (упорядочения) форм совместных взаимодействий индивидов на основе использования норм и правил, разделяемых участниками взаимодействий» (Лебедева, 2002, с. 40–45).

В соответствии с трактовками институций, институтов и их взаимодействий, предложенными Н.Н. Лебедевой, получим следующие признаки характеристик:

- p_4 – система устойчивых отношений;
- a_4 – индивиды, хозяйственные субъекты;

- b_4 – институции как исторически сформировавшиеся представления о действиях по приспособлению к окружающим условиям; каждому институту соответствует характерный ему состав институций; единые принципы, подходы, нормы, правила;
- c_4 – взаимодействие хозяйствующих индивидов;
- d_4 – согласованное функционирование хозяйствующих индивидов;
- e_4 – согласование взаимодействий индивидов;
- f_4 – взаимовлияния институтов и институций способствует их модификациям и трансформациям, согласование интересов хозяйственных субъектов обеспечивает минимизацию их транзакционных издержек;
- g_4 – использования норм и правил, разделяемых участниками взаимодействий.

С.Г. Кирдина отмечает, что общественные отношения, «складывающиеся вне зависимости от воли людей... называют институтами. Институты в данном случае понимаются в их глубинном смысле, как системы определенных и неизбежных связей между членами общества, обусловленные внешними условиями выживания социума. Тем самым институты образуют своеобразный скелет общества, обеспечивающий его историческую устойчивость и воспроизводство как социальной целостности». «Институт – не только совокупность лиц и учреждений, снабженных определенными материальными средствами, но и набор социально ориентированных стандартов поведения в типичных ситуациях». «Институты... глубинные, исторически устойчивые формы социальной практики, обеспечивающие воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах обществ. Базовые институты представляют собой исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать и развиваться, сохраняя свою самодостаточность и целостность в ходе исторической эволюции, независимо от воли и желания конкретных социальных субъектов... Институты проявляются, реализуются как на формальном уровне – в виде конституции, законодательства, правового регулирования и т. п., так и в неформальной сфере – как нормы поведения, обычаи, традиции, исторически устойчивые системы ценностей и др.» (Кирдина, 2000, с. 11–18).

В соответствии с трактовками элементов институциональной теории, предложенными С.Г. Кирдиной, получим следующие признаки характеристик:

- p_5 – устойчивые формы социальной практики;
- a_5 – совокупность лиц и учреждений, снабженных определенными материальными средствами;
- b_5 – стандарты поведения, конституции, законодательства, нормы поведения, обычаи, традиции, исторически устойчивые системы ценностей;
- c_5 – системы определенных и неизбежных связей между членами общества;
- d_5 – скелет общества, обеспечивающий его устойчивость, воспроизводство и целостность в ходе исторической эволюции;
- e_5 – позволяют обществу выживать и развиваться;
- f_5 – обеспечивают воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах обществ;
- g_5 – отношения, складываются вне зависимости от воли людей, обусловлены внешними условиями выживания социума.

В.Г. Гребенников отмечает, что «институты выступают как особый ресурс экономического развития». «Институт – это и есть фактически действующая рефлексивная норма». «Рефлексивные нормы образуют два класса: правовые нормы и условные правила... Правовая норма предполагает принуждение. Она стоит над человеком... Например, это законы и другие акты государственной власти... Примеры условного правила – это обычай, правило этикета, корпоративной или сословной чести». «Социальную систему мы определяем как совместную деятельность людей, упорядоченную посредством внешних норм, или институтов». «Институциональный аспект экономики – это механизм социального упорядочивания экономических действий... А способность к согласованному действию в экономической плоскости – это главный ресурс, производимый... институциональной структурой экономики». «В любом институте, на поверхности выступающем как правило (установленное законом или обычаем), при более глубоком рассмотрении обнаруживается устойчивый комплекс социально значимых и контекстуально связанных

ролей» (Гребенников, 2001, с. 34–47). Произведя декомпозицию содержательного описания институционализма как методологии экономической науки, предложенного В.Г. Гребенниковым, получим следующие признаки характеристик.

- p_6 – ресурс экономического развития;
- a_6 – человек, государство;
- b_6 – рефлексивные нормы: правовые нормы (законы, акты государственной власти), предполагающие принуждение; условные правила (обычаи, правила этикета и чести);
- c_6 – устойчивый комплекс социально значимых и контекстуально связанных ролей;
- d_6 – социальная система, упорядоченная посредством институтов; способность к согласованному действию – главный ресурс, производимый институциональной структурой экономики; механизм социального упорядочивания экономических действий;
- e_6 – согласованное действие, являющееся главным ресурсом институциональной структуры экономики.

Рассматривая условия и результаты формирования институтов, А.Е. Шаститко отмечает, что «правила, обеспечивая человека определенной информацией и создавая концептуальные рамки для ее интерпретации экономическими агентами, в той или иной степени обладают свойствами общественных благ... Институты, обеспечивая игроков необходимой информацией, способствуют формированию совместимых друг с другом ожиданий, обуславливающих, в свою очередь, координацию действий и достижение взаимовыгодного результата». «Институты, обеспечивающие надежность обещаний, являются непреднамеренным результатом взаимодействия людей. И поэтому, несмотря на то что они также обладают свойствами общественных благ, решить проблему их производства можно лишь в течение длительного исторического периода» (Шаститко, 1997, с. 70, 81). В соответствии с особенностями условий формирования институтов, отмеченными А.Е. Шаститко, будем иметь следующие признаки системных характеристик института:

- p_7 – система устойчивых отношений;
- a_7 – человек; экономический агент;

- b_7 – правила обладают свойствами общественных благ;
- c_7 – обеспечение экономических агентов определенной информацией и правилами ее интерпретации;
- d_7 – обеспечивают надежность обещаний;
- e_7 – достижение взаимовыгодного результата;
- f_7 – субъекты обеспечиваются информацией и совместимыми друг с другом ожиданиями, обуславливающими координацию действий;
- g_7 – являются непреднамеренным результатом взаимодействия людей; решить проблему их производства можно лишь в течение длительного исторического периода.

Каждой из характеристик соответствует содержательное описание, определяемое множеством ее выявленных системных признаков. Используя приведенные выше результаты декомпозиции содержательных описаний особенностей и условий формирования институтов, перейдем к формированию обобщенных системных признаков социально-экономического института и синтезу его понятия.

2. Синтез понятия института

В соответствии с проведенным анализом получим систему множеств свойств характеристик института. Каждое из этих множеств является результатом объединения совокупностей системных признаков конкретной характеристики, выявленных при анализе отмеченных выше работ, рассматриваемых как аспекты отображения предмета.

$$\left\{ \begin{array}{l} P = \{p_1, p_2, p_3, p_4, p_5, p_6, p_7\} \\ A = \{a_1, a_2, a_3, a_4, a_5, a_6, a_7\} \\ B = \{b_1, b_2, b_3, b_4, b_5, b_6, b_7\} \\ C = \{c_1, c_2, c_3, c_4, c_5, c_6, c_7\} \\ D = \{d_1, d_2, d_3, d_4, d_5, d_6, d_7\} \\ E = \{e_1, e_2, e_3, e_4, e_5, e_6, e_7\} \\ F = \{f_1, f_2, f_3, f_4, f_5, f_7\} \\ G = \{g_1, g_2, g_3, g_4, g_5, g_7\} \end{array} \right. .$$

Запишем множество описаний свойств (признаков) классификационной характеристики P понятия института, затем сгруппируем признаки с учетом их логической взаимосвязи:

- $P = \{p_1 - \text{господствующие типы отношений}; p_4 - \text{система устойчивых отношений}; p_7 - \text{система устойчивых отношений}; p_5 - \text{устойчивые формы социальной практики}; p_6 - \text{ресурс экономического развития}; p_2 - \text{структура}; p_3 - \text{функциональная организация}\}.$

В соответствии с полученным содержательным описанием свойств классификационной характеристики институт представляет собой систему господствующих типов отношений, которые проявляются в виде устойчивых форм социальной практики в структуре функциональной организации и реализуются как ресурс экономического развития.

Рассмотрим множество содержательных описаний свойств характеристики A субъектов, составляющих институты. Сгруппировав признаки, получим:

- $A = \{a_3 - \text{хозяйственные субъекты, субъекты}; a_6 - \text{человек, государство}; a_7 - \text{человек}; \text{экономический агент}; a_1 - \text{общество, личность}; a_2 - \text{организации, предприниматели}; a_4 - \text{индивиды, хозяйственные субъекты}; a_5 - \text{совокупность лиц и учреждений, снабженных определенными материальными средствами}\}.$

Составляя композицию описаний свойств лиц, образующих институты, получим, что субъектами согласованного взаимодействия выступают человек, государственные и общественные организации, предприниматели, то есть совокупность лиц и учреждений, снабженных определенными материальными средствами.

Проанализируем выявленное множество описаний свойств характеристики B объектов, по поводу которых вступают в отношения друг с другом субъекты, составляющие институты.

- $B = \{b_4 - \text{институции как исторически сформировавшиеся представления о действиях по приспособлению к окружающим условиям}; \text{каждому институту соответствует характерный ему состав институций}; \text{единые принципы, подходы, нормы, правила}; b_3 - \text{институции как формы типизации функций хозяйственных субъектов}; \text{другие институты}; b_1 - \text{привычный образ мысли, точки зрения, настрой, привыч-}$

ные способы реагирования на стимулы, распространенный образ мысли; b_2 – общепризнанные нормы поведения, соглашения, внутренние ограничения деятельности, характеристики принуждения к выполнению тех и других, правила игры b_5 – стандарты поведения, конституции, законодательства, нормы поведения, обычаи, традиции, исторически устойчивые системы ценностей; b_6 – рефлексивные нормы: правовые нормы (законы, акты государственной власти), предполагающие принуждение; условные правила (обычаи, правила этикета и чести); b_7 – правила обладают свойствами общественных благ}.

Полученное множество признаков, детализирующих характеристику объектов институциональных взаимодействий, свидетельствует о том, что каждому институту соответствует характерный ему состав институций, как исторически сформировавшихся представлений о типизации функций хозяйственных субъектов, существующих в виде общепризнанных норм поведения, принципов, правил, законов, обычаев, традиций, исторически устойчивых систем ценностей, обладающих свойствами общественных благ.

Рассмотрим множество описаний свойств характеристики S системообразующих свойств, определяющей отношения композиции субъектов и их взаимосвязи с объектами:

- $S = \{c_3$ – институции образуют систему; c_7 – обеспечение экономических агентов определенной информацией и правилами ее интерпретации; c_2 – структурирование взаимоотношений; c_1 – отношения между обществом и личностью; c_4 – взаимодействие хозяйствующих индивидов; c_6 – устойчивый комплекс социально значимых и контекстуально связанных ролей; c_3 – организация как устойчивая система отношений; c_5 – системы определенных и неизбежных связей между членами общества}.

Полученное множество признаков, детализирующих характеристику системообразующих свойств, свидетельствует о том, что институции образуют систему информации, которая позволяет структурировать взаимоотношения между обществом, личностью, хозяйствующим индивидом, образующими устойчивый комплекс социально значимых и контекстуально связанных ролей в организации, как устойчивой системе членов общества.

Рассмотрим множество описаний свойств характеристики D результирующего эффекта института, который он оказывает на систему производства, предприятия, отрасли или государства, хозяйствующего под его воздействием:

- $D = \{d_3$ – система отношений функциональной структуры общества; реализация конкретной системы однородных институций; d_6 – социальная система, упорядоченная посредством институтов; d_2 – институциональный механизм; задает рамки функционирования экономики и общества; d_5 – скелет общества, обеспечивающий его устойчивость, воспроизводство и целостность в ходе исторической эволюции; d_4 – согласованное функционирование хозяйствующих индивидов; d_7 – обеспечивают надежность обещаний; d_1 – образуют систему общественных отношений; принятая в настоящее время система общественной жизни; d_6 – механизм социального упорядочивания экономических действий; способность к согласованному действию – главный ресурс, производимый институциональной структурой экономики}.

Совокупность признаков, детализирующих характеристику результирующего эффекта института, свидетельствует о том, что реализация конкретной системы институций соответствует институциональному механизму, который задает определенные рамки функционирования экономики и общества, обеспечивает их устойчивость, воспроизводство и целостность в ходе исторической эволюции, а также согласованное функционирование хозяйствующих индивидов, что является главным ресурсом, производимым институциональной структурой экономики.

В соответствии с признаками динамической характеристики E , отражающей направленность и предпосылки развития институциональной системы во времени, получим следующее множество:

- $E = \{e_1$ – развитие института определяется естественным отбором образа мысли, изменяющегося с развитием общества; e_2 – идеи и идеологии формируют мысленные конструкции; e_3 – общество отбирает, закрепляет и координирует полезные институции; e_5 – позволяют обществу выживать и развиваться; e_7 – достижение взаимовыгодного результата; e_4 – согласование взаимодействий индивидов; e_6 –

согласованное действие, являющееся главным ресурсом институциональной структуры экономики}.

Признаки динамической характеристики свидетельствуют о том, что развитие института определяется естественным отбором образа мысли, идей, идеологий, институций, что позволяет обществу выживать и развиваться, а индивидам достигать взаимовыгодного результата и согласования взаимодействий.

Рассмотрим признаки характеристики F причинно-следственных воздействий на институциональную систему, динамических изменений в ней и результатов ее функционирования, получим следующее множество:

- $F = \{f_3 - \text{организация обеспечивает, устанавливает, внедряет и проводит в жизнь соответствующие ей институции; } f_1 - \text{выработались в прошлом, унаследованы от него; результат отбора и приспособления; } f_4 - \text{взаимовлияния институтов и институций способствует их модификациям и трансформациям; согласование интересов хозяйственных субъектов обеспечивает минимизацию их транзакционных издержек; } f_5 - \text{обеспечивают воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах обществ; } f_7 - \text{субъекты обеспечиваются информацией и совместимыми друг с другом ожиданиями, обуславливающими координацию действий; } f_2 - \text{силой, запускающей институциональный механизм, является «принуждение», которое осуществляется через ограничения деятельности, через страх перед наказанием за нарушение норм, через общественные санкции и государственное насилие, в результате институты влияют на транзакционные и трансформационные издержки}\}.$

Множество признаков динамической характеристики причинно-следственных воздействий на институциональную систему и динамических изменений в ней свидетельствуют о том, что организация внедряет соответствующие ей, наследуемые от прошлого, институции и институты, взаимовлияния которых способствует их модификациям, обеспечивает воспроизводство социальных связей и отношений, а также координацию действий субъектов, при этом институциональный механизм запускается принуждением через страх перед наказанием и общественными санкциями, что влияет на транзакционные и трансформационные издержки.

Признаки характеристики G ограничивающих условий, при которых существуют институты и без которых их существование проблематично, образуют следующее множество:

- $G = \{g_5 - \text{отношения, складываются вне зависимости от воли людей, обусловлены внешними условиями выживания социума; } g_7 - \text{являются непреднамеренным результатом взаимодействия людей, решить проблему их производства можно лишь в течение длительного исторического периода; } g_2 - \text{в течение того или иного периода времени; } g_1 - \text{приспособлены к обстоятельствам прошлого; } g_4 - \text{на основе использования норм и правил, разделяемых участниками взаимодействий; } g_3 - \text{институция - всеобщая социальная форма всех человеческих действий}\}.$

Содержание ограничивающих условий, при которых существует институциональная система, свидетельствуют о том, что институты обусловлены условиями выживания социума, являются непреднамеренным результатом взаимодействия людей в течение того или иного периода времени, складываются на основе институций, как всеобщих форм человеческих действий

В результате проведенного системного анализа содержательных описаний институциональных систем, как аспектов их проявления, получены основные системные характеристики понятия института. Выявленные описания характеристик позволяют провести разработку понятия института.

Система того или иного предмета, в общем случае, есть отношения субъектов по поводу объектов, позволяющие получить интегральное качество системы, претерпевающей определенные причинно-следственные изменения, прогрессирующей благодаря свойственной ей динамической направленности развития, существующей при выполнении ограничивающих условий. В случае такой трактовки системы, аргументы функции (1) целесообразно использовать в следующем порядке:

$$S = f(P, C, A, B, D, F, E, G).$$

В соответствии с этим формализованным выражением понятия и результатами анализа системных характеристик института получим содержательное его описание, используя которое, синтезируем его понятие, которое имеет следующий вид.

Продуктом предложенной методики выступает синтезированное на основе системы детерминант понятие института, представляющего как система устойчивых социально-экономических отношений, реализующих комплекс контекстуально связанных ролей в организации, субъекты которых обладают определенными материальными средствами, руководствуются институциями, обладающими свойствами исторически сформировавшихся общественных благ. Институциональная организация использует соответствующие ей институции и институты, совершенствуется благодаря естественному отбору институций, а ее механизм запускается принуждением через страх перед наказанием и влияет на трансакционные и трансформационные издержки, что позволяет обществу выживать и развиваться, а индивидам достигать взаимовыгодного результата и согласования взаимодействий. При этом институты обусловлены условиями выживания социума, являются непреднамеренным результатом взаимодействия людей, складываются на основе институций как всеобщих форм человеческих действий. Предложенная методика синтеза категорий может быть в дальнейшем модифицирована по составу характеристик систематизации и их признаков, а также использована на расширенной информационной базе.

Литература

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

Гребенников В.Г. Институционализм как методология экономической науки // Институциональная экономика: Учеб. пособие / Под рук. акад. Д.С. Львова. М.: ИНФРА-М, 2001.

Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования. 2003. № 9.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Т. 2. Волгоград, 2002.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.

Лебедева Н.Н. Институциональный механизм экономики: сущность, структура, развитие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3.

Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М.: Наука, 1978.

Шаститко А. Условия и результаты формирования институтов // Вопросы экономики. 1997. № 3.

Глава 14

УПРАВЛЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ

Развитая в главе 7 концепция формирования факторных институций и норм может быть представлена в качестве методологической основы менеджмента институциональных изменений.

Факторные институции и нормы, выраженные в определенных атрибутах, формируют отношения и связи между людьми по поводу включения в производственный процесс соответствующих факторов и их комбинации. Следовательно, изменение этих институций и норм означает и изменения атрибутивно-го поля бытия фактора в производстве, которые повлекут изменения в процессе формирования соответствующих отношений и связей, что в итоге приведет к модификации или трансформации механизма факторной комбинации, инициировав определенные сдвиги в качественных и количественных параметрах готового продукта.

Целью конкретных институциональных изменений является повышение эффективности производственного процесса. Задачей, уточняющей данную цель, является формирование соответствующих отношений и связей между людьми по поводу эффективного включения отдельных факторов в производство и их комбинации. *Инструментарием* решения настоящей задачи предстают управляемые изменения в содержании и характере соответствующих атрибутов, содержательно выражающих факторные институции. *Целевым итогом* институциональных изменений следует считать достижение оптимальных величин и сочетания трансформационных и трансакционных издержек.

Институты непосредственно определяют уровень и структуру транзакционных издержек при заключении сделок, реализации контрактов, выполнения договоренностей, следования правилам и т. п. Так, человеческие, технико-технологические и природно-ресурсные институты, участвуя в формировании отношений и связей между людьми в процессе обмена и защиты правомочий тем самым опосредованно влияют на транзакционные издержки, отражая мобильность, возраст, генерацию, статус, безопасность, ликвидность и прочие функциональные параметры производственного процесса. Они же непосредственно детерминируют уровень и структуру трансформационных издержек. Следовательно, изменение институциональных норм может оказывать влияние на формирование и транзакционных, и трансформационных издержек, что подтверждает позиция Д. Норта: «Институциональное поле оказывает влияние и на трансформационные, и на транзакционные издержки: на трансформационные – через применяемую технологию, на транзакционные – ввиду непосредственной связи между этим типом издержек и институтами» (Норт, 1997, с. 87). Вместе с тем с позиций факторно-институционального анализа такая трактовка выглядит достаточно упрощенной, ведь помимо технологических институтов, на трансформационные издержки влияют человеческие и природно-ресурсные нормы.

Действительно, человеческие нормы и институты определяют отношения и связи между людьми в процессе обмена и защиты индивидуальных правомочий на свою рабочую силу, капитал и потенциал в процессе воспроизводства. Технико-технологические нормы и институты детерминируют отношения и связи между людьми в процессах обмена и спецификации правомочий на средства труда, а природно-ресурсные нормы и институты – на его предметы (сырье и материалы).

Очевидна взаимосвязь транзакционных и трансформационных институтов, производящих своего рода «перекрестное опыление» атрибутами и функциями в процессе производства. Так, рабочий при изготовлении детали использует накопленные знания, профессиональное умение и мастерство, следуя определенным правилам, нормам и привычкам по расходованию своих

личных ресурсов. Таким образом, индивидuum поступает в соответствии с человеческими институциональными нормами. Эффективное следование им (преодоление трансакционных издержек) может позволить рабочему оптимально использовать инструмент, сырье, энергию и расходные материалы эффективно эксплуатировать станок и приспособления, то есть, иными словами, осуществить эффективное освоение технико-технологических и природных ресурсов (преодоление трансформационных издержек).

Институции (или институциональные нормы, атрибуты), согласно исследованию Д. Норта (North, 1991, p. 97), могут быть как формальными (зафиксированными в писаном праве – Конституции, кодексах, законах и т. д.), так и неформальными, функционирующими в обычном праве в формах обычая, табу, морали, традиции и т. п. Но существуют и нормы, которые не фиксируются в праве вообще (Олейник, 2000, с. 187). Индивиды выбирают их спонтанно или интуитивно, добровольно следуя их предписаниям. По сути, такие «фокальные точки» можно считать побочными продуктами неформальных институций.

С этих теоретических позиций представим классификацию институциональных изменений. **Первый вариант** изменений такого рода может быть интерпретирован как процесс интеграции субъектов, функций, норм, отношений, сделок, контрактов, соглашений и т. п. в *социально-клановые структуры*. Взаимоотношения индивидов строятся при этом внутри границ тесно сплоченной локальной группы лично знакомых или близких людей. Другое название подобных изменений – интеграция контрактных отношений в *семейно-родственные структуры*. В таких условиях реализация отношений, осуществляемая, очевидно, в условиях неформальных институций, приближает участников таких структур к идеальному миру с нулевыми трансакционными издержками (Олейник, 2000, с. 189). Так, согласно исследованию К. Поланьи, средневековый рынок в Европе – пример экономической системы, организованной на основе интенсивных социальных и клановых отношений, в частности, институциональных норм преданности, взаимности и доверия (Polanyi, 1995, p. 92–94).

Так, на практике, руководство хозяйствующего субъекта, желая минимизировать транзакционные издержки управления предприятием, привносит в отношения (или предлагает к применению) между сотрудниками внутри коллектива новые институции, основанные на социально-клановых принципах личной преданности. Подобные институциональные нормы могут быть предложены, например, для формирования отношений и связей между теми сотрудниками фирмы, которые смогли себя зарекомендовать как высокопрофессиональные и знающие специалисты, исполнительные и преданные фирме работники.

Институциональные изменения, основанные на формировании социально-клановых норм и правил поведения, выгодны при управлении в организациях с недостаточно развитой институциональной средой, когда преимущества вертикальной интеграции (например, в структуру клана, семейной бригады, группы заслуженных работников или «приближенных» лиц) наиболее велики.

Второй вариант институциональных изменений заключается в *эволюционной* легализации неформальных институций, то есть в придании их атрибутам статуса обязательных для исполнения и закрепления в их форме писаных правил, инструкций, законов, приказов, указов и т. п. Данный механизм предполагает появление формальных институций не на «пустом месте», а в процессе трансформации уже существующих неформальных функций (Andreff, 1993, p. 12). Таким образом, эволюционные изменения допускают лишь развитие институций по аналогии, исключая их радикальную корректировку и преобразование в соответствии с изменившимися условиями и потребностями людей. «Фактически одна и та же норма может воспроизводиться бесконечно, в разных ситуациях и в разных формах...» (Олейник, 2000, с. 201).

Практическими примерами эволюционной легализации институций могут быть ситуации, когда руководитель фирмы, выделяя в неформальном поведении сотрудников предприятия отдельные обычаи, привычки или закономерности, формулирует их в виде формальных норм поведения, производственных правил и рутин.

Так, высококвалифицированный рабочий всегда изготавливает деталь качественно и без брака. Это обстоятельство приводит к формированию в коллективе неформальной нормы, определяющей отношение руководства предприятия и его сотрудников к данному рабочему, его труду и результатам деятельности. Такое отношение может заключаться в **большем доверии к продукции, изготавливаемой этим рабочим**. Руководитель предприятия, желая закрепить или «узаконить» данную неформальную норму, придав ей формальный статус, предлагает такому работнику использовать личный «знак качества», позволяющий без потерь для производства упростить все последующие производственные операции и процедуры (сортировка, сборка, контроль и т. п.). В рамках дальнейшего развития уже формального институционального инструмента – «знака качества», руководитель может распространить его действие на все предприятие, дополнив определенными стимулирующими процедурами.

Далее, некоторым работникам промышленных предприятий свойственно экономное расходование инструментов, сырья, топлива и прочих ресурсов, а также бережное отношение к оборудованию, станкам, оснастке и т. п. Руководитель, чтобы закрепить эти поведенческие тенденции, предлагает придать данной институции формальный статус, а именно – закрепить официальные нормы или правила экономии ресурсов и эксплуатации оборудования, дополнив их также определенными стимулирующими процедурами.

Руководитель фирмы может обратить внимание на то, что надежность выполнения плана, качество производственного процесса и отдельных технологических операций выше в тех производственных подразделениях (бригадах, участках, цехах и т. п.), которые в **большей степени информированы о состоянии дел в технологически и функционально смежных подразделениях**. Для закрепления этой тенденции руководство может повысить статус такой нормы до формального, введя на предприятии для смежных подразделений правило предупредительного взаимного информирования.

При эволюционном преобразовании институций следует обращать внимание на следующие важные особенности этого процесса.

Во-первых, эволюционно возникшие институции и нормы могут оказаться не настолько эффективными, насколько этого можно было бы ожидать. Иными словами, «нет никаких гарантий того, что сложившиеся вчера традиции придутся к месту при совершении сделок сегодня» (Олейник, 2000, с. 191). Эволюционное развитие формальных институциональных норм может в значительной степени зависеть от предшествующих изменений и актуальной нормативно-правовой структуры. Инерционность институций обусловлена наличием достаточно жесткой «зависимости от предшествующей траектории развития, или эффекта исторической обусловленности развития (path-dependency)» (там же). Таким образом, простой легализации институций недостаточно для того, чтобы они, оставаясь вне рамок неформальных отношений, были по-прежнему эффективны.

Во-вторых, институциональная инерция может быть также обусловлена идеологическими убеждениями индивида или *идеологией*, рассматриваемой как способ восприятия людьми возникающих проблем, который позволяет минимизировать количество информации, требуемой для их решения, и суждение о справедливости или легитимности институциональных рамок, в которых действуют агенты (North, 1981, p. 49). Существующие идеологические убеждения способствуют сохранению неформальных институций и их атрибутов во времени. Если индивиду удобно интерпретировать окружающую действительность в рамках существующей идеологии, то потребности в изменении институциональных норм поведения может и не быть.

В-третьих, причина затруднений в преобразовании неформальных институций в эффективно действующие формальные может быть объяснена с помощью концепции *общественного выбора* (Олейник, 2000, с. 197). Отдельные индивиды, следуя в своем поведении неформальным институциям, уже осуществляя, таким образом, их закрепление, способствуя их последующей легализации. Выбор в пользу такого поведения делается ими потому, что какое-либо альтернативное институциональное развитие (то есть изменение, корректировка, иная интерпретация

и т. п.) будет связано с высокими издержками для них, поэтому актуально отвергается с рациональных позиций, а по накоплении критической массы агентов происходит массовый переход к новым нормам.

В-четвертых, препятствием к изменению неформальных институциональных норм поведения в ходе процесса легализации может быть их *распространенность* в обществе (Олейник, 2000, с. 199). Речь идет о количестве агентов, использующих эти нормы для осуществления своих трансакций. Очевидно, если неформальная институция, по аналогии с нормой поведения, достаточно распространена, то процедура закрепления альтернативной формальной функции (даже более эффективной или универсальной) может и не привести к ее массовому использованию. Поэтому, даже менее оптимальная неформальная институция может иметь *большую* распространенность. «По причине того, что нормы распространяются по аналогии, вовсе не обязательно ожидать, что они окажутся оптимальными в решении конкретных проблем координации» (Sugden, 1989, p. 95).

Третий вариант институциональных изменений является *революционным* и заключается в преобразовании, прежде всего, формальных институций при условии ориентации на уже известные примеры и образцы. «Речь идет об импорте формальных институтов, уже доказавших свою эффективность в обеспечении взаимодействий, и отходе на этой основе от тупиковой траектории институционального развития» (Олейник, 2000, с. 202). Происходит повторение в определенном пространстве и времени тех институциональных норм, которые проявили себя эффективными в другом месте и/или в другое время. При этом ориентиром выступает коррекция существующей институциональной структуры в соответствии с эталонами других социальных систем, что сопряжено с проявлением политической воли для импорта и внедрения соответствующих институций.

Управляя хозяйствующим субъектом, его руководство постоянно анализирует те формальные правила, порядок и нормы поведения участников производственных процессов, которые ранее где-то себя уже зарекомендовали в достижении конкретных результатов. Наиболее приемлемые из них могут быть рекомендованы для применения в условиях своего предприятия.

Так, характерным примером импорта институций в сфере корпоративного управления является введение новых правил планирования и организации материально-технического снабжения для внешних поставщиков. С целью повышения эффективности этого процесса официальным поставщикам может быть предложено самостоятельно, в условиях доступа к производственной базе данных в режиме on-line, оценивать потребность корпорации в материалах и сырье, а затем также самостоятельно осуществлять необходимые поставки в конкретное время и место (Бизнес-планирование, 2002, с. 156). В этом случае институциональная норма, определяющая порядок планирования в режиме on-line и традиционно используемая внутри предприятия, была предложена как норма поведения для внешних поставщиков.

В институциональной экономике в общем случае различают три формы импорта институций. Институциональные нормы могут быть предложены для практического использования в соответствии с определенной *теоретической моделью*. Очевидно, что в данном случае всегда существует вероятность ошибки, когда прописанный теоретически институциональный механизм на практике отторгается агентами или дает сбои.

Далее для использования в реальных условиях могут быть предложены институциональные нормы, уже *применявшиеся* в данном процессе прежде, но по определенным причинам исчезнувшие или забытые. В этом случае также существует вероятность ошибочного выбора, который заключается в возможности появления институциональных «катавизмов», когда в одном и том же процессе, но в новых условиях ранее эффективные правила устаревают, становятся несостоятельными.

Институции и их атрибуты могут создаваться по образцам, реально *существующим* в более прогрессивных хозяйственных системах. Образно говоря, здесь имеет место «равнение на лидера», то есть использование таких правил институционального поведения, которые в настоящий момент проявляют себя с высокой (приемлемой) эффективностью. Опасность при этом заключается в потенциале резкого падения отдачи от нормы, воссозданной в новых, отличных от исходных условиях.

Анализируя различные формы революционного развития институциональной структуры, связанного с «трансплантацией» (В.М. Полтерович), или «импортом» (А.Н. Олейник)¹, ее элементов, следует обратить внимание не следующие моменты. При иницировании институциональных преобразований необходимо задаваться вопросом «об эффективности институционального импорта: достигает ли он поставленной цели – смены траектории институционального развития?» (Олейник, 2000, с. 205).

Можно предположить, что успешный импорт институций возможен, когда формальные институции, импортируемые из иного экономического пространства, конгруэнтны неформальным институциям, сложившимся в системе-импортере, что высвобождает потенциал позитивной конвергенции, ведущей к сближению траекторий экофункционального развития, и позволяет реализовать синергический эффект, мультиплицирующий конкурентные преимущества.

В зависимости от конгруэнтности «инсталлируемых» и наличных институций, процессов и атрибутов, развитие хозяйствующих субъектов может реализоваться по двум вариантам с ускорением или замедлением позитивных изменений.

Рассмотрим далее управление институциональными изменениями в процессе функционирования хозяйствующего субъекта.

В ходе управления иницируются изменения целевого, афферентного и эфферентного аспектов бытия объекта (Мосейко, 2003). Отсюда, *целевая функция* системы управления определена ее способностью к определению ориентиров и точек концентрации всех факторов и усилий, установления их иерархии и хронологии. *Афферентная функция* предполагает распознавание и восприятие возмущающих воздействий со стороны внешних и внутренних факторов. *Эфферентная функция* системы управления характеризуется ее способностью к реагированию на возмущающие воздействия эндогенного и экзогенного происхождения. В результате институциональный менеджмент условно «распадается» на три блока: управление до изменений, управление изменениями и управление по изменениям.

Реализацию институциональных изменений в процессе управления следует рассматривать в рамках проявления всех

трех указанных качеств системы управления. Изменения институций агрегируют целевые установки, а также индивидуальные и групповые интересы, отражают интериоризацию внешних акций и событий, специфику их интерпретации, ведущую к корректировке институциональных параметров системы (субъекта).

Процедура целеполагания при управлении институциональными изменениями в настоящей работе не рассматривается. Будем считать, что целью управления в общем случае является разрешение конкретных проблем, обусловленных ситуационно-целевыми противоречиями (Мосейко, 2003а, 2003б).

Формально можно предположить, что разрешению проблем, обусловленных ситуационно-целевыми противоречиями, способствует эффективное комбинирование факторов производства, происходящее посредством реализации отношений и связей между людьми, которые определяются различными институциональными нормами. Изменение, ввод и устранение отдельных институций и их комплексов, корректировка их атрибутивного поля, предоставляют менеджеру эффективный инструментарий управления системой. Логику сказанного можно интерпретировать в виде схемы (см. рис. 1).

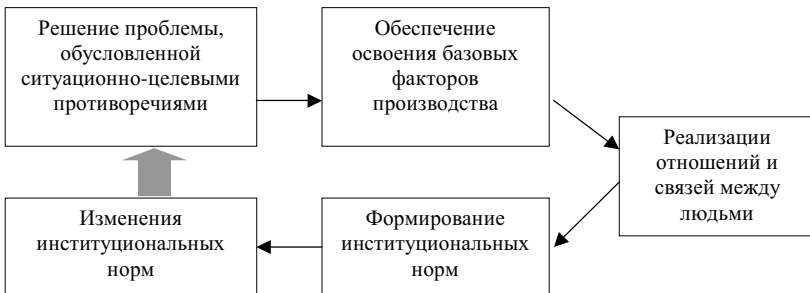

Рис. 1. Алгоритм управления институциональными изменениями

Интерпретировать процесс управления институциональными изменениями предлагается в виде матрицы (см. табл. 1), на основе которой рассмотрим его основные этапы.

Таблица 1

Факторы производства	Виды факторальных норм	Социально-классовое развитие	Эволюционное развитие институций				Революционное	
			Соответствие предшествующим институциональным нормам	Соответствие идеологическим устремлениям	Следование освоенному бытию	Следование распространённому аналогу	Выход теоретического примера	Выход факта
Человеческий фактор (<i>A</i>)	1. Человеческие нормы *	AA1	AA2				AA6	
	2. Природно-ресурсные нормы							
	3. Техно-технологические нормы							
	4. Информационные нормы							
	5. Организационные нормы							
Природно-ресурсный фактор (<i>Rn</i>)	1. Человеческие нормы							
	2. Природно-ресурсные нормы							
	3. Техно-технологические нормы #			RT3				R
	4. Информационные нормы							
	5. Организационные нормы							
Техно-технологический фактор (<i>T</i>)	1. Человеческие нормы							
	2. Природно-ресурсные нормы +				TR4			TI
	3. Техно-технологические нормы							
	4. Информационные нормы							
	5. Организационные нормы					IA5		
Информационный фактор (<i>Inf</i>)	1. Человеческие нормы ?							
	2. Природно-ресурсные нормы							
	3. Техно-технологические нормы <							
	4. Информационные нормы							II
	5. Организационные нормы							
Организационный фактор (<i>J</i>)	1. Человеческие нормы ?	OA2						
	2. Природно-ресурсные нормы							
	3. Техно-технологические нормы							
	4. Информационные нормы \$						O16	
	5. Организационные нормы							

После определения цели управления и соответствующего ситуационно-целевого противоречия конкретного воспроизводственного процесса анализируется комбинирование факторов производства. Последовательность и порядок анализа определяются соображениями лица, принимающего решения (ЛПР). По итогам этого анализа ЛПР выявляет различные отношения и связи между людьми, влияющие (способствующие или препятствующие) на процесс включения отдельных факторов в производственный процесс.

Затем ЛПР для каждого отдельного фактора производства интерпретирует выявленные отношения и связи как факторные институции, которые действуют во взаимосвязи и комплексно обуславливают развитие и изменение отдельных транзакционных и трансформационных параметров системы.

Например, эффективность работы станочного парка машиностроительного предприятия (напрямую связанная с реализацией технического фактора производства) будет зависеть не только от привычек, порядка и правил эксплуатации станков (следование технико-технологическим нормам и институциям), но и от отношений между руководством предприятия и энергетической компанией как институтом предоставления природного ресурса.

Таким образом, ЛПР требуется интерпретировать все выявленные отношения и связи по факторным институциям, то есть для каждого фактора производства определять все регулирующие его нормы и связанные с ними функции агентов производства. После анализа выявленных институциональных норм ЛПР осуществляет их изменение с целью обеспечения более эффективного использования соответствующего фактора.

Рассмотрим характерные примеры институциональных изменений в ракурсе факторного взаимодействия.

Менеджер для повышения кадрового потенциала (развития человеческого фактора) рассматривает возможность преобразования системы норм мотивации и стимулирования, кооперации и оценки результатов труда. Он может решить этот вопрос или по принципу личной преданности, создавая благоприятные условия для отдельных работников (точка AA1), или легализуя сложившиеся на предприятии неформальные иерархии

(точка *AA2*), а также создавая предпосылки пересмотра системы статусов в производственном коллективе на основе программы, предложенной профессиональными организационными консультантами (точка *AA6*).

Руководство предприятия для экономии расходных материалов и снижения затрат (в ходе использования природного фактора) рассматривает возможность коррекции технико-технологических норм. При этом допустимо расширить и узаконить неформально существующую норму поведения работников, заключающуюся в регулярном контроле за расходными параметрами технологического процесса (точка *RT3*). Также можно ввести формальную норму из опыта прошлых лет – штрафование (лишение премий) работников, допустивших сверхнормативные расходы (точка *RT7*), или на основе опыта передовых внедрить стандарт качества и вменить следование ему в обязанность каждому работнику в рамках стратегии повышения экологической культуры (точка *RT8*).

Для повышения эффективности использования техники и технологий менеджмент предприятий рассматривает возможность развития институциональных норм использования природных факторов и ресурсов. Вариантом может быть узаконение неформального правила поведения, когда, в случае поломки оборудования, ремонтные работы осуществляются своими силами рабочих, пользующихся им (точка *TR4*). Также можно по опыту прошлых лет сформировать собственные ремонтные бригады (точка *TR7*) или, по примеру других предприятий, передать данную функцию на аутсорсинг и приглашать на конкурсной основе подрядные ремонтные организации (точка *TR8*).

Менеджер для эффективного обучения персонала может актуализировать развитие человеческих, технико-технологических и информационных норм поведения работников. В первом случае возможна доработка с последующим закреплением существующего на предприятии механизма самообучения персонала (точка *IA5*). Во втором – по примеру передовых предприятий целесообразно ввести в правило применение технических тренажеров и проведение мониторинга показателей (точка *IT8*). Кроме того, можно из советского опыта управления ввести норму пере-

дачи знаний мастерами-наставниками, возродив институцию наставничества (точка *II7*).

В целях проведения эффективной реорганизации производства руководство может пойти по пути развития человеческих и информационных норм. В первом случае возможна фиксация сложившихся на предприятии норм эффективной неформальной иерархии на основе реального трудового участия и авторитета (точка *OA2*). Во втором случае на основе существующих теоретических предпосылок и практических рекомендаций целесообразно трансформировать систему производственных отношений на основе внедрения информационных систем управления потоками и запасами (точка *OI6*).

Факторный анализ изменений в институциональном поле предприятий позволяет придать управлению производством системный характер, связанный с эффективным и рациональным использованием сложившихся возможностей и конкурентных преимуществ. Менеджмент институциональных изменений должен прогнозировать и превентивно (упреждающе) воздействовать на эндогенные и экзогенные события, а не пытаться управлять ими *post factum*; ориентироваться не только на структурно-функциональные параметры, но комплексно управлять всеми факторными институциями и нормами. В теоретическом «усилении» и экспериментальной адаптации предложенной концепции видится важное направление модернизации отечественных предприятий и организаций.

Литература

Бизнес-планирование: Учеб. / Под ред. В.П. Попова и С.И. Ляпунова. М.: Финансы и статистика, 2002.

Мосейко В.О. Вариативность управления // Стратегия и тактика управления предприятием в переходной экономике: Сб. науч. тр. Вып. 7. Волгоград: Изд-во ВолгГТУ, 2003а.

Мосейко В.О. Управление «по изменениям» в бизнес-структурах: теория, методология, модели, инструменты: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Ростовский гос. ун-т. Ростов н/Д, 2003б.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Олейник А.Н. Институциональная экономика: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2000.

Andreff W. La crise des economies socialistes. La rupture d'un systeme. Grenoble: PUG, 1993.

North D. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. №1.

North D. Structure and Change in Economic History. N. Y.: Norton, 1981.

Polanyi K. La Grande Transformation. Aux origines politiques et economiques de notre temps. Paris: Gallimard, 1995.

Sugden R. Spontaneous Order // Journal of Economic Perspectives. 1989. Vol. 3. №4.

¹ Не правы те, кто полагает понятие импорта/экспорта институтов «изобретенным» институционалистами конца XX столетия. В «Капитале» К. Маркс ясно указывал: «Титулы собственности, например, на железную дорогу, могут ежедневно переходить из рук в руки, и владельцы ее путем продажи этих титулов даже за границей могут извлекать прибыль, — так что титулы собственности на железную дорогу в противоположность самой железной дороге могут быть экспортированы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. С. 237). В приведенной цитате речь идет как раз об экспорте институционального фактора, уточняется его специфика. — *Прим. ред.*

Г л а в а 15

ПЛАНИРОВАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В ИНСТИТУТЫ

При институциональном планировании необходимо учитывать, что создаваемые институты могут выполнять функции общественных благ, порождая проблему «безбилетника». Принципиальным условием институционального планирования выступает тезис о невозможности стохастического возникновения института — общественного блага. Если признать, что спонтанно может возникнуть институт, которым будут пользоваться все экономические агенты, извлекая только выгоды и не неся ника-

ких издержек для того, чтобы этот институт появился, то придется сделать вывод о наличии социального вечного двигателя (генератора), поставляющего в хозяйственную систему энергию и не требующего расходов на его работу. Итак, приходится сделать вывод, что возникающие «случайно» институты обслуживают интересы отдельных групп экономических субъектов и обеспечивают им благоприятные условия деятельности, уменьшая выгоды для других групп или, по крайней мере, их не увеличивая. Иными словами, для одних экономических агентов предельные издержки не равны, а для других – равны нулю. Таким образом, в экономике имеются субъекты, не участвующие в некоторых обменах. Этот случай можно назвать антипаретовской эффективностью. Теперь можно сделать вывод: одни институты снижают, а другие – увеличивают издержки трансакций, причем в экономике присутствуют формальные и неформальные правила, напрямую отвечающие за организацию всех возможных типов обменов и за их эффективность.

Вместе с тем нельзя утверждать, что неформальные правила обязательно являются общественным благом. Обычай и этические нормы бывают разными. Каждый человек имеет собственные представления и о необходимости следовать какому-либо обычаю, и о неотвратимости соблюдения определенных моральных обязательств. Данное обстоятельство не позволяет однозначно говорить об общественном благе, поскольку пользуются этими неформальными правилами все члены общества, отстранить их от потребления невозможно, затрат на создание этих норм они не несут, но и объект, который потребляется, не является однородным. Он в высшей степени дифференцирован. Только те обычаи и нормы, которые разделяют все субъекты или хотя бы подавляющее их большинство, могут рассматриваться как общественные блага. Получается интересный сюжет, ведь проблемы «безбилетника» применительно к такого рода благам не возникает, точнее, она «погашается» посредством механизма общественного порицания. Более того, возникает «антибезбилетник», когда не только нельзя воспользоваться правилами за чей-то счет, но, во-первых, нельзя ими не воспользоваться, во-вторых, это требует существенных затрат. Все члены общества понимают, что встреча Нового года довольно затратна, однако те, кто откажет-

ся участвовать в этом «действии», падут жертвой общественного недоумения, удивления, осуждения. Поскольку такие случаи единичны, ими можно пренебречь или рассматривать в рамках модели социального протеста, расходящейся с общей тенденцией. Часто причина состоит в желании выделиться, как-то отличиться от других, не следовать в общем русле, сохранить индивидуальность. Подобные мотивы становятся особенно актуальными в эпоху всеобщей электронной унификации. Со временем такие модели могут завоевать популярность (для моделей поведения так же характерен жизненный цикл, как и для фирм, продуктов, технологий, знаний, институтов) и их уже нельзя будет не учитывать в анализе.

Итак, обычай и другие неформальные нормы могут принуждать к совершению затратных действий и делать данный исход неотвратимым. Поскольку формальные правила, устанавливаемые законодательно, базируются на неформальных и предыдущих формальных нормах и требуют издержек, иначе не смогут быть произведены и введены в действие, то они вбирают в себя свойства неформальных правил как квазиобщественных благ, но не в том смысле, что они могут быть обеспечены частными организациями, а как особый тип общественного капитала, накопление которого охватывает длительный исторический период.

О формальных институтах правильнее было бы говорить как о подлинных квазиобщественных благах. Во-первых, потому, что они могут производиться частными группами, лоббироваться и законодательно утверждаться. Выгоды этих групп больше, чем позитивные эффекты для всех остальных экономических субъектов. Во-вторых, потому, что законодательный процесс финансируется из государственного бюджета, то есть в большей степени за счет налогоплательщиков. Налоги можно рассматривать как частные инвестиции в государство, размер которых установлен в ходе компромисса между группами интересов и правительством, представляющим собой бюрократическую группу. Различные субъекты осуществляют разные инвестиции в государство и получают формальные институты, которые, в свою очередь, по-разному удовлетворяют потребности этих агентов. Если между величиной инвестиций (налогов) и приобретаемой полезностью от произведенных правил нет никакой разницы, тогда созданная система пра-

Конечно, нужно осторожно проводить аналогию между налогами и инвестициями. Дело в том, что в обычном понимании инвестиции осуществляются на добровольных началах, то есть решения принимаются инвестором самостоятельно, без принуждения. Налоги представляют собой принудительный механизм аккумуляции средств в государственное строительство на цели обновления общественного капитала. Принуждение, практикуемое в виде устанавливаемых налоговых ставок и обязательности сборов, не имеет тотального характера, поскольку некоторые субъекты находят возможности уклонения от уплаты налогов, считая недопустимой устанавливаемую величину таких «инвестиций». В этом случае они превращаются в «безбилетников», так как не несут издержек по поводу производства общественных благ, но пользуются ими, извлекая индивидуальную полезность. Если обозначить индивидуальные выгоды V , затраты – C , количество производимых общественных благ (институтов) – Q , экономический эффект, извлекаемый отдельным агентом, – Π_i , общий эффект – Π_Σ , тогда цели экономического агента и государства при условии абсолютной и ограниченной рациональности можно математически выразить следующим образом:

а) Абсолютная рациональность:

$$\Pi_i = V_i - C_i \rightarrow \max, \text{ что означает } \frac{d\Pi_i}{dQ} = 0 \text{ и } \frac{dV_i}{dQ} = \frac{dC_i}{dQ};$$

$$\Pi_\Sigma = \int_0^Q \frac{dV}{dQ} dQ - \int_0^Q \frac{dC}{dQ} dQ \rightarrow \max, \frac{d\Pi_\Sigma}{dQ} = 0 \text{ и } \frac{dV}{dQ} = \frac{dC}{dQ},$$

где: $\frac{dV}{dQ}$ – приращение валовой выгоды от потребления каждой единицы общественного блага (института);

$\frac{dC}{dQ}$ – приращение издержек на производство единицы общественного блага (института).

В общем смысле величина затрат, идущих на производство нового института и вносимых одним агентом, представляет собой сумму налоговых отчислений этого агента, затрат на его участие в союзах и организациях, лоббирующих соответствующую

щие интересы, а также затрат на установление и поддержание связей, а также на самостоятельное или в рамках образованной временной группы ведение лоббистской деятельности.

б) Ограниченная рациональность :

$$\Pi_i = V_i - C_i \geq \alpha(Q), \text{ что означает } \frac{d\Pi_i}{dQ} \geq \frac{d\alpha(Q)}{dQ} \text{ и}$$

$$\frac{dV_i}{dQ} \geq \frac{d\alpha(Q)}{dQ} + \frac{dC_i}{dQ};$$

$$\Pi_\Sigma = \int_0^Q \frac{dV}{dQ} dQ - \int_0^Q \frac{dC}{dQ} dQ \geq \beta(Q), \quad \frac{d\Pi_\Sigma}{dQ} \geq \frac{d\beta(Q)}{dQ}$$

$$\text{и } \frac{dV}{dQ} \geq \frac{d\beta(Q)}{dQ} + \frac{dC}{dQ},$$

причем: $0 \leq \alpha < \alpha_{\max}$ и $0 \leq \beta < \beta_{\max}$. В параметрах α и β заложен важный смысл. Это функции целей государственной политики воспроизводства общественного капитала. Их можно рассматривать и как функции институционального планирования, точнее, в качестве добавочной отдачи от спланированной и внедренной институциональной подсистемы. С позиций строгой теории эти параметры могут иметь отрицательные значения, демонстрируя, что выгоды от производства общественных благ (институтов) не только не покрывают осуществляемых затрат, но и не достигают их. Рис. 2 строится на основе рис. 1 и показывает изменение параметра a , представляющего собой разницу индивидуальных выгод V_i и затрат C_i . На участке OLB на рис. 1 или OB на рис. 2 выгоды, приобретаемые от создания нового института, превосходят затраты, связанные с процессом институционального проектирования и внедрения для отдельного агента. Это означает, что создано общественное благо. В точке B достигается равновесие затрат и выгод, означающее покупку создаваемого блага, которое перестает в строгом смысле, с точки зрения общепринятого определения, быть общественным, поскольку каждый агент его оплачивает. На участке BMF (BF на рис. 2.) издержки превосходят получаемые выгоды, что говорит о попадании индивида в инвестиционную ловушку. Когда каждый экономический субъект не

может в силу разных причин преодолеть инвестиционный барьер, наблюдается расходование созданных ранее общественных благ.

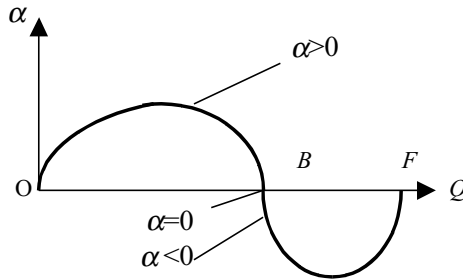

Рис. 2. Эффект (а) от создания общественных благ (институтов)

Экономисты предложили интересное определение общественным благам, свойства которых приписали и производимым институтам: это блага, которые удовлетворяют требованию, что если их потребляет любой индивид X_i из группы (X_1, \dots, X_n) , то их могут потреблять все члены данной группы (Олсон, 1995, с. 12). Иными словами, другие агенты не могут быть исключены из состава потребляющих данное благо и не платят за его потребление. Отсюда следуют два принципиальных уточнения: для тех, кто платит за потребляемое благо, то есть осуществляет покупку, и для тех, кто исключается из потребления, так как для них благо не является общественным. Если вообще отсутствуют те члены группы, которые получают благо бесплатно и не могут быть исключены из его потребления, то общественного блага не существует согласно указанному определению, потому что все субъекты платят за приобретение блага и некоторые из них исключаются из потребления, то есть не получают блага вследствие несоответствия суммы внесенного платежа его стоимости.

Общественное благо обеспечивает коллективную выгоду, однако вопросы относительно размера коллектива, для которого имеет смысл это понятие, остаются. Развиваемая далее позиция сводится к тому, что чистое общественное благо всегда сопровождается возникновением «проблемы безбилетника». Представим, что проезд стоит 1 доллар, а некто платит всего 50 центов.

Частичная оплата не спасает от штрафа, поскольку он все равно является безбилетником — осуществляет проезд, перекладывая издержки на компанию или муниципалитет, которым принадлежит транспортное средство. Следовательно, факт платежа за благо не устраняет его «общественного» характера. Важно только, чтобы затраты на создание общественных благ были меньше получаемых выгод. Таким образом, точка B на рис. 2 является пунктом превращения, в котором общественное благо перестает быть таковым, если тенденция после точки B развивается ниже линии квазиобщественных благ. Оптимальное количество общественных благ (институтов) удастся произвести на линии квазиобщественных благ. В этом случае все произведенные блага оплачены всеми агентами и полный дифференциал выгод равен полному дифференциалу затрат рассматриваемой экономической системы: $dV = dC$. Приняв зависимость уровня цен от создаваемых институтов (то есть количества общественных благ Q) $p = F(Q)$, эффект от общественных благ для государства будет состоять в разнице между привносимой общей ценностью вводимых благ и общими издержками на их производство: $\Pi_g = Q p - \int_0^Q \frac{dC}{dQ} dQ$. Естественно,

стремление получить максимально возможный эффект выглядит вполне закономерным, что дает: $\Pi_g = Q p - \int_0^Q \frac{dC}{dQ} dQ \rightarrow \max$ и

$\frac{d\Pi_g}{dQ} = p + Q \frac{dp}{dQ} - \frac{dC}{dQ} = 0$, то есть при уровне цен $p = \frac{dC}{dQ} - Q \frac{dp}{dQ}$ достигается экстремум экономического эффекта от производства институциональной подсистемы. Тогда можно ввести понятие институциональной инфляции, под которой будем понимать рост цен, обусловленный появлением новых институтов:

$\pi_{\Gamma} = \frac{dp}{dQ} = \frac{d^2C}{dQ^2} - \frac{dp}{dQ} - Q \frac{d^2p}{dQ^2}$. Преобразуя, приходим к дифференциальному уравнению, связывающему изменение уровня цен, приращение затрат на введение новых институтов и количество создаваемых общественных благ при достижении максимального эффекта для правительства от вводимых институтов:

$$\frac{d^2 p}{dQ^2} + \frac{2}{Q} \frac{dp}{dQ} - \frac{1}{Q} \frac{d^2 C}{dQ^2} = 0. \quad (1)$$

Взаимосвязь между изменением цен, количеством производимых институтов и приращением валовой выгоды от производства каждой дополнительной единицы общественных благ выводится аналогичным образом. Уравнение будет иметь вид (1), только вместо величины C будет использоваться параметр валовой выгоды на единицу общественного блага – V . Это соответствует оптимуму, где $dV = dC$.

Старые правила и нормы создают определенные условия для инфляции, задают ее темп, но, что касается новых институтов, возникших случайно или намеренно спроектированных, то цель экономической политики сводится к тому, чтобы не допустить ощутимого ускорения инфляции полученным набором правил и не спровоцировать увеличения безработицы. Таким обра-

зом, $\pi_1 = 0$, откуда следует, что $\frac{d^2 C}{dQ^2} = Q \frac{d^2 p}{dQ^2}$, то есть при институциональном планировании скорость изменения издержек (инвестиций) разработки и внедрения институтов должна в Q раз превышать скорость изменения уровня цен, обеспечивающего максимальный эффект от предлагаемой институциональной системы или изменение выгод должно равняться изменению издержек при создании общественных благ (Сухарев, 2001, 2004). Другие соотношения указанных параметров не будут соответствовать оптимуму.

Решение уравнения (1) будет выглядеть следующим образом: $C = Q^*p + K^*Q + L$, где K и L – некоторые константы. Если предположить, что существует функциональная связь между издержками на создание единицы общественного блага (института) – C , объемом создаваемых благ (институтов) – Q и уровнем цен от вводимой институциональной структуры – p , то становится возможным представить ее полиномиальной зависимостью: $C = a + b^*p^*Q + c^*Q^2$ (где a , b , c – константы), подставив которую в выражение (1), получим следующее уравнение:

$$Q \frac{d^2 p}{dQ^2} (1-b) + 2 \frac{dp}{dQ} (1-b) - 2c = 0. \quad (2)$$

Решив уравнение (2), получим выражение, связывающее уровень цен и объем создаваемых общественных благ – институциональных норм. Под уровнем цен здесь понимается совокупность цен, соответствующих максимальному эффекту от вводимой новой институциональной структуры или от функционирующей текущей институциональной системы. Если полиномиальная зависимость на эмпирических данных покажет тесную корреляционно–регрессионную связь, тогда решение уравнения (2) покажет зависимость уровня цен и «институциональной» инфляции, то есть темпа изменения цен в зависимости от числа создаваемых и вводимых в экономику институтов. Решение будет следующим:

$$p = \frac{c}{1-b}Q - \frac{2k}{Q} + l, \quad (3)$$

где k, l – константы интегрирования.

Фактически приведенное равенство означает взнос в уровень цен, отвечающий состоянию максимальной эффективности институциональной структуры, вновь появляющихся институтов, являющихся элементами действующей системы правил и норм.

«Институциональная» инфляция определяется путем дифференцирования уравнения (3) по числу создаваемых институтов Q , и выражение для нее примет вид:

$$\pi = \frac{dp}{dQ} = \frac{c}{1-b} + \frac{2k}{Q^2}.$$

Если считать функцию производства институтов $Q = Q(t)$ зависящей от времени, тогда дифференцирование уровня цен по времени даст иной результат:

$$\frac{dp}{dt} = \left(\frac{c}{1-b} + \frac{2k}{Q^2} \right) \frac{dQ}{dt},$$

так что изменение «эффективных» цен с течением времени пропорционально изменению числа институтов.

Представим выражение (2) в виде $p = \alpha Q + \beta/Q + \gamma$, где $\alpha = \frac{c}{1-b}$, $\beta = -2k$. Тогда $\frac{dp}{dQ} = \alpha - \frac{\beta}{Q^2}$, ($\alpha > 0$, $\beta > 0$). Теперь

построим график функции зависимости уровня цен и инфляции от числа институтов: $p = p(Q)$ и $\pi = \pi(Q)$, представленный на рис. 3.

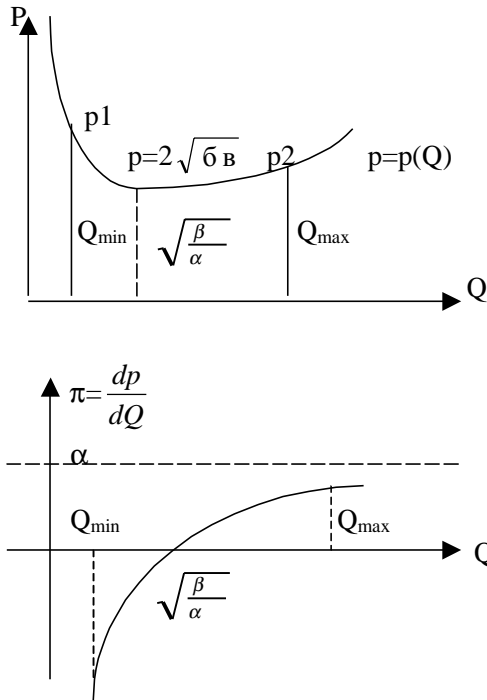

Рис. 3. Зависимость уровня цен и инфляции от создаваемых институтов

Оптимальный объем производства институтов $Q = \sqrt{\frac{\beta}{\alpha}}$ дает минимальный уровень цен $p = 2\sqrt{\beta\gamma}$ (если принять $\gamma = 0$ или считать пренебрежимо малой), причем этот уровень цен отвечает критерию наибольшей эффективности функционирующей системы институтов как общественных благ. Как видно из верхнего графика, минимальное число норм обеспечивает более высокий уровень цен по сравнению с их максимальным объемом. По всей видимости, такой результат можно интерпретировать как демпфирующее влияние значительного числа создаваемых институ-

тов, выполняющих функцию сопротивления. Если реальный уровень цен представлен точками, не лежащими на кривой $p = p(Q)$, то максимальный эффект от созданной и действующей институциональной структуры не достигается. Число институтов Q_{\min} дает наилучший эффект при уровне цен p_1 , а Q_{\max} , соответственно, при уровне p_2 . Поэтому необходимо так конструировать систему институтов, чтобы эффект был наибольшим при минимальном уровне цен, что с достаточным приближением соответствует точке

$(\sqrt{\frac{\beta}{\alpha}}, 2\sqrt{\beta v})$. Для экономики важное значение имеет даже не

столько уровень цен как таковой, сколько темп их изменения, то есть динамика инфляции. Институты как общественные блага вносят в инфляционный механизм существенный вклад. Как видно из нижнего графика рис. 3, при минимальном значении регулирующих институтов Q_{\min} инфляция высока по абсолютной величине, но темп изменения отрицательный, то есть инфляция сокращается, причем довольно быстро при увеличении количества

соответствующих институтов. При величине $Q = \sqrt{\frac{\beta}{\alpha}}$, инфляция

$\pi = 0$, то есть цены не растут, и, как следует из приведенного выше рассуждения, уровень цен минимален (см. верхний график на рис. 3). При увеличении величины Q как абсолютный уровень цен π , так и инфляция p растут до значения Q_{\max} , причем темп замедляется и ограничен сверху величиной a . Возможно, что при таких величинах инфляция приобретает разрушительную силу по отношению к функционирующей в режиме постоянного воспроизводства институтов экономической системы. Сокращение

абсолютного уровня цен на отрезке $(Q_{\min}, \sqrt{\frac{\beta}{\alpha}})$ может быть объяснено эффектом структуризации экономических обменов, сокращения издержек транзакций, которые были высоки по причине отсутствия необходимых регулирующих норм.

Представленная выше идеальная модель полезна тем, что позволяет показать влияние институтов на уровень цен и инфляции, а также, что наиболее важно, демонстрирует наличие оптимального сочетания институциональных структур и решений, связанных с их воспроизводством. Эти решения должны строиться

на точной аналитической базе, чтобы не провоцировать рост издержек, цен и сокращение жизненного уровня. Задача состоит в определении параметров $\sqrt{\frac{\beta}{\alpha}}$, $2\sqrt{bV}$, Q_{\min} , Q_{\max} , что довольно сложно, поскольку требует определения степени влияния каждого отдельно взятого института на абсолютный уровень цен и его динамику.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМА ДИСФУНКЦИИ ИНСТИТУТОВ

Правительство берет на себя функцию производства общественных благ и одновременно применяет мероприятия, предотвращающие появление «безбилетников». Заставив агентов оплачивать потребление предоставляемых благ или отстранив их от потребления путем применения необходимых санкций, правительство фактически стремится обеспечить ситуацию, соответствующую точке B на рис. 2. Причем исходная ситуация может располагаться на любой ветви возможных траекторий, изображенных на этом рисунке. Здесь возникает интересная регрессионная проблема: для разрешения «проблемы безбилетника» при институциональном проектировании понадобятся дополнительные нормы, без которых невозможно достигнуть линии квази-общественных благ. Появившиеся при этом институты не должны спровоцировать всплеск инфляции или разрушить позитивное status quo на рынках труда.

Появляются основания утверждать, что действия государства непреднамеренно обесценивают данное экономистами и ставшее общепринятым определение общественных благ. Таким образом, целесообразно усилить критику интерпретации институтов как общественных благ. Если затраты на производство институциональной системы высоки, а выгоды от эксплуатации созданных институтов не просматриваются, возникает «инвестиционный барьер», преодоление которого требует больших ресурсов, чем в первоначальной ситуации. Глубина этого барьера тем больше, чем сильнее экономика нуждается в новых правилах или повышении эффективности функционирования существующих

институтов. Важно получить объяснение причин возникновения «инвестиционного барьера», характерного как для отдельного агента, так и для экономики в целом.

Гипотеза состоит в том, что этот барьер¹ представляет собой результат дисфункции институтов и социальных структур. Он возникает и охватывает далеко не все группы хозяйственных субъектов. В качестве примера рассмотрим функционирование прав частной собственности на средства производства, которое поддерживается государством, получающим необходимые для этого средства от частных лиц – владельцев и пользователей имущества, а также приобретающим необходимые ресурсы самостоятельно. Однако не все агенты в равной степени реализуют формально одинаковое право на владение средствами производства. Кому удастся его использовать, тот приобретает неизмеримо большие доходы по сравнению с субъектами, отстраненными от возможности осуществлять функцию владения средствами производства. Соответственно, таким правом пользуется лишь узкая группа экономических агентов. Их вклад в поддержание институциональной обоснованности прав собственности по сравнению с вкладом подавляющего большинства агентов-пользователей, не так значителен, но выгоды колоссальны (что было на фундаментальной методологической базе обосновано еще К. Марксом). Для пользователей верно обратное, то есть они попадают в ситуацию «инвестиционного барьера», который аналогичен по смыслу «потенциальной яме» или «потенциальному барьеру» в физике. Из нее трудно выбраться, поскольку система институционализирована и отсутствуют легитимные способы преодоления дисфункции (Сухарев, 2001, 2004). Для преодоления барьера элементарной частице требуется придать необходимую энергию – кинетическую и потенциальную, а для хозяйственного субъекта и системы в целом требуется эффективная институциональная структура и соответствующее монетарное (инвестиционное) обеспечение его/ее функционирования.

На протяжении длительного времени экономисты (за исключением марксистов и некоторых представителей институционализма) не только не воспринимали данную ситуацию в качестве «инвестиционного барьера» или дисфункции института, но считали, что благодаря сложившейся правовой системе, защи-

щающей частную собственность и стимулирующей расширение прав владения, капитализму удастся сохранить жизнеспособность и обеспечить свое устойчивое развитие. Должна ли экономическая политика быть направлена на элиминирование влияния или полную ликвидацию «инвестиционных барьеров», или же целесообразно ориентировать ее на предотвращение их появления? Если точно установить, что такие барьеры возникают не в результате проигрыша экономическим агентом конкурентной борьбы, а являются следствием ухудшения системного качества экономики или отдельных ее институциональных структур и удостовериться, что планируемые действия и вводимые новые институты не ухудшат ситуации и не приведут к еще большей концентрации экономической власти, то можно использовать политику упразднения «инвестиционных барьеров» как крайне нежелательного явления, противодействующего социальному развитию. В противном случае, когда «инвестиционный барьер» является отражением функции «созидательного разрушения» (Й. Шумпетер), усилия по его ликвидации или преодолению приведут к тому, что экономика лишится механизма, «отсеивающего» неэффективные формы.

Для того чтобы исключить первый вариант и доказать второй, необходимо дать аналитически строгую трактовку имманентности ловушки для экономической системы, продемонстрировать, что это особое явление, связанное с состоянием общественных институтов. Сделать это довольно сложно. Поэтому экономическая политика, видимо, должна исходить из негативного влияния «инвестиционной ловушки» как макропроцесса и допустимости ловушек такого рода для отдельных субъектов, если их число не превышает определенной критической массы. Если ловушка является следствием дисфункции институтов, то необходимо установить природу самой дисфункции, а затем и закономерности возникновения различных последствий, одним из которых выступает нарушение распределения инвестиционных ресурсов по причине непреднамеренного падения отдачи вследствие нарушения функции экономической трансформации.

Мнение, согласно которому институты облегчают выбор, так как принятие решения сопровождается издержками, и сберегают средства экономического агента, направляемые на поиск

информации о поведении других агентов, которое становится легко предсказуемым в рамках действующих институтов, представляется весьма условным. При этом инвестиции осуществляются в обеспечение воспроизводства (простого или расширенного) данной институциональной системы, причем их производят в тех или иных масштабах все субъекты без исключения. Казалось бы, чем больше размер группы, потребляющей общественное благо, и чем равномернее распределяются выгоды от его потребления, тем меньше стимулов у индивидов инвестировать в производство этих благ. В целом это верно, но принудительная природа государства «возвышается» над этим положением, сужая область его применимости и замыкая ее в сугубо теоретические рамки.

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИСФУНКЦИЯ» ИЛИ «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЛОВУШКА»: ЕСТЬ ЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ?

В рамках институционального направления экономической мысли имеются серьезные разногласия по проблеме существования устойчивых неэффективных состояний хозяйственной системы. С одной стороны, развивается идея об «институциональных ловушках» – неэффективных устойчивых нормах поведения, а с другой – идея дисфункциональности институтов, согласно которой существование неэффективных норм является закономерным результатом хозяйственной динамики, при которой происходит снижение качественного состояния и фиксации его во времени. Теневая экономика, инвестиционный кризис, неплатежи, бартер, согласно первой «рубрике» представлений, являются примерами «институциональных ловушек», а согласно второй – они суть результат дисфункций некоторых важнейших хозяйственных институтов, то есть представляют собой экономические явления, а отнюдь не «институциональные ловушки»².

Понятие «институциональная ловушка» стало достаточно популярным в России (Полтерович, 2000, с. 31–54) особенно среди экономистов, создавая новые аналитические конструкции, так что даже глава Центрального банка в телевизионном выступлении сетует о недостатке «длинных денег», называя ситуацию «институциональной ловушкой». Хотя на самом деле

проблема кроется в оттоке финансовых ресурсов за рубеж, причем для агентов, контролирующих эти ресурсы и осознанно осуществляющих вывод материальных средств из страны, данная транзакция вполне эффективна и отнюдь не является какой-то ловушкой.

«Институциональные ловушки» воспроизводятся эффектами координации, сопряжения, культурной инерции. Для их преодоления требуется увеличить транзакционные издержки неэффективной нормы, чтобы произошел отказ критической массы агентов следовать ей, либо нужно уменьшить транзакционные издержки альтернативной нормы и трансформационные издержки перехода от одной нормы к другой, спровоцировав выход агентов из «ловушки» и переход их к другому устойчивому состоянию. Иными словами, преодоление «институциональной ловушки» требует довольно высоких затрат. Если выводить борьбу с ними на уровень макроэкономической политики, то, какие бы мероприятия не предлагались, ясно одно: они требуют значительных затрат. В связи с этим открытыми остаются вопросы: не приведет ли преодоление одной «институциональной ловушки» (или нескольких) к появлению новых, не возникнет ли эффект «шока предложения» вследствие увеличения общих затрат?

Интересной выглядит идея о том, что ускорение роста, системный кризис, изменения культурных параметров общества могут при определенных обстоятельствах разрушать «институциональные ловушки». С позиций разбираемого теоретического подхода открыто провозглашается, что «институциональная ловушка» есть неэффективное равновесие, причем разные ловушки могут быть взаимосвязаны. В качестве иллюстрации обычно приводится пример с бартером и коррупцией. Так, В.М. Полтерович, следуя неoinституциональному подходу Г. Беккера, утверждает, что наказание (например, штрафы), а также кризис – могут быть инструментами выхода из «институциональной ловушки» (Полтерович, 2004, с. 132–150). Но как можно говорить о взаимосвязанности «ловушек» и при этом предлагать дифференцированные методы борьбы с ними? Не приведут ли вводимые частичные мероприятия к углублению старых и возникновению новых «ловушек»? Почему «ловушка» и мера ее неэффективности пред-

ставляются в статике? Насколько данный подход адекватен с практической точки зрения? Конечно, в экономике очень существенное значение имеет число «ловушек» и качественные параметры действующих неэффективных норм, причем аналитически важно также представлять динамический аспект их бытия. Ассоциация «институциональной ловушки» с точкой Парето-оптимальности фактически противоречит эволюционному подходу, утверждающему, что для получения ощутимых результатов необходим отказ от оптимальности и переход системы (субъекта) в неравновесное состояние.

Концепция «институциональной ловушки» по своей сути микроаналитична. Однако в качестве «ловушек» предстают комплексные (системные, целостные) явления, эффекты функционирования которых затрагивают субъектов экономического макроуровня. Возникает проблема целесообразности агрегации микроэкономического явления и распространения его на макроуровень, ведь при этом несколько игнорируются истоки его возникновения. В частности, почему бартер предстает некой «ловушкой», выход из которой затруднителен или требует значительных издержек, а не «ответным» явлением (или процессом), возникшим по причине потери хозяйственной системой в период до усиления роли бартера определенных целей, функций, области приложения усилий, то есть возникновения экономической дисфункциональности? Естественно считать, что сокращение бартера должно протекать при условии восстановления функций системы в сочетании с преодолением связанных с бартером рутин (издержки отучения от «вредной привычки»). Поэтому общие издержки преодоления бартера как устойчивой формы поведения будут довольно высоки.

В оппонирующем ключе идее «институциональной ловушки» выступает концепция «экономической дисфункции» (Сухарев, 2001), под которой понимается потеря качественных свойств отдельным институтом или их системой. Предлагается оценивать функционирование институтов по семи группам необходимых (проблема достаточности в математическом смысле требует отдельного решения) параметров: цели существования, области приложения, функциональному наполнению, периоду времени до изменения, издержками функционирования, степени отторже-

ния или принятия вводимой нормы, устойчивости к мутации. Если один или несколько параметров, но не вся их совокупность, испытывают потерю качества, то возникает микродисфункция, или, весьма огрубляя, «институциональная ловушка». Если же все семь групп параметров теряют качество, возникает макродисфункция, или системная дисфункция, выражающаяся в устойчивой неэффективности сложившейся институциональной (шире – хозяйственной) системы. Важно отметить, что такой результат институциональной динамики согласован с нижним уровнем адаптивной эффективности системы (института). Для того чтобы исполнить некоторую функцию, сохранить область действия, достичь некоторой цели, институт нуждается в денежном обеспечении, подобно тому, как человек нуждается в пище. Причем для любого института существует свой монетарный диапазон, нижняя граница которого отвечает системной дисфункции, когда теряется качество всех необходимых параметров, а верхняя граница адекватна ситуации трансформации институтов или их «размножению».

В такой интерпретации «институциональная ловушка» выступает частным случаем институциональной динамики, а на первый план выступает задача разработки математических моделей динамики качественных параметров институциональных подсистем. «Институциональная ловушка» описывает явление локализованно, предполагает дифференцированные мероприятия по преодолению негативных состояний. Предложенная концепция «экономической дисфункции» предлагает системный взгляд на проблему институциональной динамики, возникновения и устойчивого существования правил, норм, институтов с различным уровнем эффективности. Она позволяет рассмотреть причины возникновения неэффективности институтов, связав ее с потерей качественных характеристик функционирующей нормы и сужением монетарного обеспечения «работы» конкретных институтов. Перспективы этого подхода видятся в количественном представлении дисфункции, решении проблемы ее измерения и измерения эффективности/неэффективности действующих институтов.

Как эффективное функционирование институтов требует монетарного обеспечения, так и качество трудового ресурса требует денежного обеспечения его формирования. Инвестиции в

человека представляют важнейший компонент развития любых институтов, каждого агента в отдельности и современного общества в целом. Следовательно, проблема инвестиций в человека является проблемой создания общественного блага и представляет задачу производства соответствующих институтов. Рассмотрим далее базовую модель.

ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕКА ПО Г. БЕККЕРУ

Представим модель Г. Беккера в формальном виде. Пусть W есть заработная плата при отсутствии всяких инвестиций, а производительное повышение заработной платы в размере C – единственное вложение, производимое на рабочем месте. Общие издержки фирмы p будут равны сумме W и C , а так как средства на покрытие инвестиционных издержек работники получают в виде более высокой заработной платы, то p представляет собой также совокупную заработную плату. Издержки подготовки на рабочем месте не принимают вид более высокой заработной платы, в чем состоит формальное отличие производительных повышений заработной платы от других инвестиций по месту работы. Если MP – предельный продукт работников при заработной плате W , а G – доход фирмы от вложений в повышенную заработную плату, то в условиях полного равновесия:

$$MP + G = W + C = \pi. \quad (4)$$

Инвестиции не будут осуществляться, если доход фирм будет нулевым ($G = 0$), так как тогда совокупная заработная плата p окажется равной предельному продукту MP только при отсутствии инвестиций (Беккер, 2003, с. 86).

Существует модель оптимальных инвестиций в человеческий капитал. По Г. Беккеру, то, что можно назвать «чистыми» заработками человека (E_t) в возрасте t , приблизительно равняется заработкам (X_t), которые он имел бы в этом возрасте при полном отсутствии вложений в человеческий капитал, плюс его совокупный доход в момент времени t от ранее сделанных инвестиций (k_t) за вычетом стоимости его инвестиций (C_t) также в момент времени t :

$$E_t = X_t + k_t - C_t. \quad (5)$$

Общий доход от инвестиций в человеческий капитал зависит от объема произведенных вложений и их норм отдачи. Например, если бы доход от каждого вложения оставался бы одинаковым для любого возраста на протяжении всего периода трудовой активности человека, то общий доход равнялся бы сумме произведений осуществленных инвестиций на их нормы отдачи с поправкой на конечность срока трудовой жизни (Беккер, 2003, с. 92).

Предположение Г. Беккера состоит в том, что различия в общих объемах инвестиций, осуществляемых разными людьми, связаны с различиями в их индивидуальных нормах отдачи. Это помогает понять, почему мужчины, живущие в городах и имеющие более высокие коэффициенты интеллектуальности (IQ), достигают более высокого по сравнению с другими социальными группами уровня образования и почему разделение труда ограничивается размерами рынка (что было замечено еще А. Смитом). Но у разных людей нормы отдачи и объемы вложений сильно различаются, что объясняет особенности личного распределения доходов.

В развитых экономиках, где осуществляются масштабные вложения в образование, подготовку, неформальное обучение, здоровье и просто воспитание детей, заработки, не связанные с инвестированием в человеческий капитал, составляют лишь небольшую долю от их общей величины. Из этого же исходят «развивающиеся» подходы к воспитанию, в рамках которых разным вложениям в человека приписывается все, чего он достигает. Важнейшей предпосылкой рассмотренного подхода выступает предположение об однородности человеческого капитала. Имеется в виду, что в процессе производства любая его единица служит совершенным заменителем для любой другой и, следовательно, они обеспечивают одинаковое приращение заработков. Это, конечно, не исключает, что одни элементы человеческого капитала могут производиться при значительно более высоких издержках, чем другие. Предположение о существовании таких различий является реалистичным и полезным, однако оно ничего не добавляет к пониманию базовых факторов, регулирующих распределение доходов. Кроме того, такое представление не учитывает институциональной регуляции процесса инвестиций в человека на различных стадиях его жизненной эволюции.

**Модифицированная модель инвестиций
в человеческий капитал с учетом эффекта
от инвестирования в детей**

Хотя Г. Беккер полностью обрисовал процесс инвестирования в человеческий капитал, он недостаточно полно учел инвестирование в детей, так что модель почти целиком утрачивает начальный этап воспроизводства человеческого капитала. Можно предположить, что отдача от инвестирования в человека будет тем больше, чем более «качественным» будет «исходный материал». Если говорить об инвестировании в детей, то оно начинается в момент их рождения, а вернее будет сказать, еще до него. Многое зависит от генетического наследия, которое достается человеку от его родителей. Кроме того, то, как смогут развиться способности ребенка при помощи его окружения, повлияет в дальнейшем на возможность получить большую отдачу от инвестированных средств во взрослого человека.

В ходе взросления человека в него вкладываются средства, которые на определенном этапе начинают приносить доход, но до этого представляют собой убыточные вложения. Большой отрезок периода такой убыточности приходится на время, когда средства вкладываются в детей, так как до определенного времени возможность использования их человеческого капитала в получении прибыли ограничена, а на начальном этапе вообще невозможна.

Большое влияние на увеличение человеческого капитала в тот момент, когда средства вкладываются в детей, имеет и количество вложенных средств. Оно напрямую зависит от дохода семьи, в которой растет ребенок, а также от желания родителей потратить определенное количество средств на развитие, образование и удовлетворение иных потребностей своего ребенка, в том числе физических и физиологических. Поскольку родители должны сокращать собственное потребление (включая свободное время), чтобы увеличить время и ресурсы, которые они тратят на уход за детьми, на их образование, подготовку и здоровье, то даже альтруистичным родителям приходится сталкиваться с выбором между собственным потреблением и инвестированием в человеческий капитал детей. Перед родителями может встать и

такой выбор, как оставить наследство или все деньги вложить в детей. К сожалению, малолетние дети не могут влиять на выбор родителей.

Каждый индивид – это эгоист, для которого главной задачей является максимизация индивидуальной полезности. Инвестиции в детей заведомо не окупаются, поэтому каждый решает для себя сколько именно средств вкладывать, когда начинать вложения, а также как долго это делать. Кроме того, на время окупаемости вложенных средств влияют и умственные способности ребенка. Опираясь на труды Г. Беккера, модифицируем предложенный им график, изменив траекторию доходности инвестиций в человека за счет добавления ветви, описывающей инвестирование в детей, как показано на рис. 4.

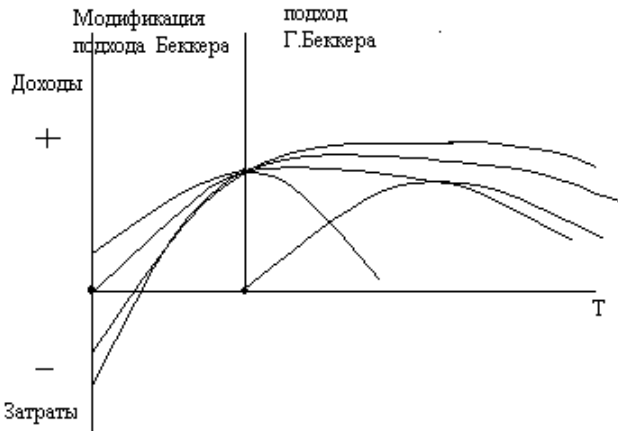

Рис. 4. Модификация подхода Г. Беккера с учетом эффекта инвестирования в детей

Предложим далее вариант модели оптимальных инвестиций в человеческий капитал, в основе которого лежит выражение $E_t = X_t + k_t - C_t$, представленное выше. Предлагаемое уравнение имеет следующий вид:

$$I_t = (X_t + k_t) + (I_t + \sigma_t) - C_t, \quad (6)$$

где I_t – вклад индивида в общественное производство;
 $(X_t + k_t)$ – полученный доход;

$(I_t + \sigma_t) \downarrow$ — незаработанный доход;
 $C_t \uparrow$ — величина инвестиций в человеческий капитал.

Оно получено из следующих выражений:

$$R_t - W_t = \sigma_t; \quad I_t = I_t - R_t; \quad I_t = I_t - W_t - \sigma_t; \quad W_t \equiv E_t,$$

где R_t — совокупный доход;
 I_t — величина эксплуатации;
 σ_t — побочный заработок (незаработанная рента),
 W_t — заработная плата.

Подставляя приведенную систему уравнений в формулу (5), получим: $I_t - (I_t + \sigma_t) = X_t + k_t - C_t$, из которого путем преобразований получается выражение (6).

Исходя из предложенной формулы, чем больше объем инвестиций в человека, тем меньше его текущий вклад в общественное производство. Таким образом, всегда существует выбор между текущим потреблением (актуальным наращиванием человеческого капитала) и будущим потреблением, то есть возможностью нарастить этот капитал в отдаленной перспективе. При этом необходимо учитывать эффект насыщения обучением, который следует из ограничений в обработке информации и структуризации знаний индивидом. Текущие инвестиции в человека можно увеличить, как видно из представленной модели, за счет снижения уровня эксплуатации и величины незаработанной ренты, сохранив общий вклад неизменным.

Участие государства в предоставлении образовательных услуг и прочих форм инвестирования в воспроизводство человеческого фактора способно повысить вложения в детей до эффективного с макроэкономической точки зрения уровня. Поскольку у бедных родителей вероятность эффективных инвестиций наименьшая, подобное участие сглаживает неравенство возможностей, которое существует между детьми из состоятельных и бедных семей. Законодательство об обязательном школьном образовании направленно именно на это, то есть государство устанавливает минимальные гарантии образования на определенном уровне (в нашей стране — 9 классов).

Дети, провалившие вступительные экзамены или не прошедшие отбор по другим критериям, не теряют возможности продолжить инвестирование своего человеческого фактора, но

стоимость финансовых ресурсов для них повышается. Раз существуют ограничения на более дешевые источники средств, из которых наиболее дешевыми (с точки зрения индивида) являются бюджетные, а затем собственные средства, то очевидно, что объективные стандарты не всегда уравнивают возможности, ведь те, кто прошел отбор, получают финансовые ресурсы на более благоприятных условиях.

Г. Беккер отмечал, что «люди, вкладывающие в человеческий капитал сравнительно мало, склонны также прекращать инвестиции в сравнительно раннем возрасте. Скажем те, кто не заканчивает даже средней школы, обычно прекращают инвестирование раньше выпускников среднеспециальных и высших учебных заведений. С возрастом неравенство будет все более увеличиваться, так как людям с лучшими способностями или лучшими возможностями требуется больше времени, чтобы достичь потолка своих потенциальных заработков» (Беккер, 2003, с. 130).

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА В ОПИСАНИИ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕКА

Любая система развивается по некоторым законам и проходит в своей эволюции определенные стадии. Для человека как биологической системы также характерен жизненный цикл, поэтому можно предположить, что вложения в человека подвержены изменению в зависимости от его фаз. Поэтому на разных стадиях объем вкладываемых средств различен. Сумму инвестируемых средств на каждом этапе жизни человека можно выразить выражением

$$\sum_{i=1}^t I_{it}$$

где t — количество лет жизни,
 I — инвестируемые средства в i -м году.

В области воспроизводства знаний и технологий можно использовать концепцию, технологического уклада, описывающую изменения по этапам жизненного цикла человека. Однако, учитывая принцип рекурсивности, предположим, что определенные закономерности макросистемы, для которой обычно применима

концепция технологических укладов, будут справедливы для специфической экономической системы – человека, обладающего особыми структурированными знаниями и навыками (рутинами). Опишем концепцию развития экономической системы с позиций технологических укладов с учетом представлений о жизненном цикле согласно гипотезе Грублера – Фетисова о двух пульсациях (см.: Глазьев, 1993).

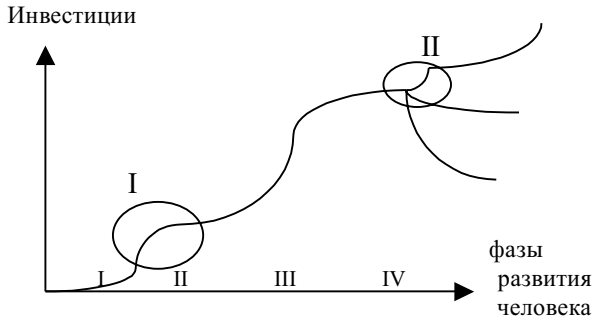

Рис. 5. Жизненный цикл инвестиций в человека

Применяя эту гипотезу к проблеме инвестиций в человеческое развитие, будем утверждать, что первая пульсация на траектории «жизненного цикла» – малая и связана с моментом «рождения» новых знаний, навыков, достижений на основе предыдущих. На этом этапе относительно резко возрастут расходы на ребенка, так как начинается период приобретения им первичных конкретных знаний и базовых умений. Вторая пульсация – большая, связанная с моментом структурной трансформации уже имеющихся знаний и умений в связи с необходимостью «открыть дорогу» новым и снизить сопротивление «старых» с применением соответствующих действий. На рис. 5 видно, что может воспроизводиться несколько вариантов накопления знаний и приобретения навыков, причем система не может осуществлять резкий переход от одного состояния в другое.

Выделим несколько фаз развития человека:

- фаза I включает в себя становление его как ребенка, закладывание личностных качеств и первичных знаний, охваты-

важущее период детства (с момента рождения до 12–14 лет). В это время инвестированием занимаются родители, а вкладываемые средства еще не окупаются (если не считать их морального удовлетворения достижениями ребенка);

- фаза II – период взросления, приобретения более обширных знаний, формирования базовых навыков и умений (примерно до 24 лет), когда человек получает среднее профессиональное или высшее образование, самоопределяется и занимается поиском работы, начинает работать. На этом этапе инвестированием в значительной степени занимается сам человек, но помощь родителей имеет существенное значение;
- фаза III охватывает промежуток 25–45 лет, когда человек реализует свои конкурентные преимущества, приобретает опыт, продвигается по карьерной «лестнице», может состояться как работник и руководитель, зарекомендовать себя в определенном профессиональном статусе. Отдача от инвестированных средств начинает приносить доход, который со временем увеличивается, достигая максимума;
- на IV фазе человек либо продолжает инвестировать в себя и добивается все новых высот, получая больший доход от вложенных средств или поддерживая его на прежнем уровне, либо останавливается на достигнутом, а может начаться его падение в связи с конкуренцией со стороны нового поколения.

На рис. 5 овалом выделена зона добавочных инвестиций в человека. Во время третьей фазы он сталкивается с такими проблемами, как недооценка снижения качества человеческого капитала и необходимость его повышения, чего можно добиться меньшими средствами, так как уже имеется определенный «багаж» знаний и необходимый опыт, хотя нельзя не учитывать и такой физиологический фактор, как возраст.

Итак, без достаточных вложений в человека на начальном этапе его развития нельзя говорить о том, что инвестированные средства принесут максимальный доход. Конечно, люди обладают разными способностями, имеют различные склонности, но основа будущих прибылей закладывается в первой фазе жизненного цикла. Сформулируем гипотезу: инвестиции в человека на

определенном этапе закладывают границы эффективности инвестиций на следующих этапах. Проблема состоит лишь в определении «величин», точки, «длины зон», измеряемого интервала времени этого начального этапа.

Если сократить расходы или время инвестирования, то эффект от вложенных средств не достигнет потенциально возможного. Поэтому чем раньше сделаны инвестиции, тем больший доход они принесут в будущем. Однако, следуя этому подходу, довольно трудно как-то обозначить или определить данный интервал.

В приводимой ниже таблице перечислены те позиции, на которые теория Г. Беккера не дает убедительных ответов именно потому, что не учитывает наличия институтов, воздействующих на воспроизводство человеческого капитала. Во втором столбце таблицы указаны возможности разрешения этой проблемы, например, предложено новое выражение, учитывающее влияние степени эксплуатации человека, незаработанной ренты, то есть эффекта «теневой экономики», на процесс инвестирования в человеческий фактор, что позитивно модифицирует традиционный подход.

Таблица 1

«Узкие места» теории человеческого капитала Г. Беккера

Вопросы, на которые не ответил Г. Беккер	Возможные решения поставленных вопросов
Недостаточный учёт инвестиций в детей, в том числе инвестиционной недостаточности	Учет средств, вкладываемых в детей, с момента их рождения, так как это важный показатель, влияющий на доход, приносимый инвестируемыми средствами в будущем
Не определен диапазон, на котором закладывается эффективность инвестиций в человека на последующих этапах	Опытным путем установить этот интервал времени
Спорный характер предложенной формулы, ошибочность которой в том, что если полностью отсутствуют инвестиции в человека, то трудно говорить о заработках X_t в выражении: $E_t = X_t + k_t - C_t$	Предлагается модифицированное выражение для «чистого дохода» человека: $I_t = (X_t \downarrow + k_t) + (l_t + y_t) \downarrow - C_t \uparrow$
В своих пионерных работах Г. Беккер исходит из инвестиций в человека, которые делает фирма, но самоинвестирование практически не учитывается	Учитывать средства, которые человек расходует на свое образование, а также вложения в саморазвитие и самосовершенствование, так как они увеличивают человеческий капитал и, следовательно, доход от инвестиций

Государство играет определяющую роль в воздействии на величину интервала, за который инвестиции в человеческое развитие принесут наибольшую отдачу, путем установления обязательного образовательного минимума, поддержки в получении бесплатного высшего образования, принятия специальных программ социального страхования, дотирования отдельных социальных слоев и т. д., в целом определяя горизонты и перспективы инвестиций в человека. Последние же выступают фундаментом любых хозяйственных инноваций, предопределяя уровень развития всех факторов производства и конкурентоспособность экономики в долгосрочной перспективе.

Из проведенного анализа очевидно, что институты, являясь продуктом человеческой деятельности, в свою очередь, довольно сильно воздействуют на формирование и развитие самого человека, его знаний, умений, предпочтений, а также тот выбор, который совершает каждый индивид. В своем взаимодействии институты и человек определяют содержание социального знания о самих себе. Интериоризация этого знания в «ткань» общественных отношений придает ему институциональное содержание, определяющее суть и направление экономической политики государства и стратегии развития хозяйственных субъектов.

Литература

Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М: ГУ ВШЭ, 2003.

Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: «Владар», 1993.

Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М: Фонд экономической инициативы, 1995.

Полтерович В.М. Институциональная динамика и теория реформ // Эволюционная экономика и мэйнстрим. М.: Наука, 2000.

Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Экономическая трансформация и эволюционная теория Й. Шумпетера. М.: ИЭ РАН, 2004.

Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика. М.: ИЭ РАН, 2001.

Сухарев О.С. Социальный вопрос: институты, инновации и экономическая политика. М.: Экон. лит., 2004.

¹ Отказ от использования напрашивающегося термина «инвестиционная ловушка» сознателен, поскольку этимологически, а также с позиции экономического смысла, более удобно и правильно говорить о барьере (преграде), а не о ловушке. Такое замечание представляется справедливым и относительно термина «институциональная ловушка», критический анализ которого проведен ниже.

² Такая дихотомия уместна при разграничении институциональных и экономических явлений, которое само по себе сомнительно. Ведь любая институция (равно как и институт) производится в обществе трудом и характеризуется стоимостью, удовлетворяет потребности субъекта, то есть обладает полезностью, а также ценностью и редкостью. Институты формируют доходы и издержки людей, а предоставляемые ими статусы суть особые товары. Оперирование понятием институционального фактора производства снимает повод для столь резкой демаркации институциональных «ловушек» и дисфункций как явлений принципиально разной природы. — *Прим. ред.*

Глава 16

ИНСТИТУЦИЯ КАК ЛАТЕНТНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНО-СУБЪЕКТНОГО БЫТИЯ

Глобализация современного мира выявила рост его диспропорций, связанный с опережающим ростом техносферы за счет общего отставания социума, культурно-гуманитарной реальности в целом. Возник многомерный антропогенный универсум, который функционирует как активная нелинейная среда, включающая в себя пульсирующие в разных ритмах и взаимодействующие сферы информации, бизнеса, финансовых потоков, наукоемких технологий, организационно-управляющих систем и др. и вместе с тем на их собственной внутренней основе.

Социум сегодня выступает как сфера, которая втянута в процесс глобализации, следовательно, результатом становится появление таких новых «слоев», активизация тех функций, которые до этого существовали в статусе возможности. Социум внутренне усложняется, чтобы соответствовать сложности и масштабам становления хозяйства нового типа, функционирующего на основе принципов постиндустриализма, причем такое усложнение идет за счет порождения в нем новых различий, роста многообразия.

Основой внутренних трансформаций социума является активизация его субъектной формы, благодаря которой обеспечивается и сохраняется возможность порождения социально-субъектного метапространства, способного охватить любые технические новации, встроить их в логику собственного исторического развития. Тем самым данный «контекст» остается все более непрозрачным и непредсказуемым, вызывая опережающий рост не только сложности, но и отчуждения, поскольку эта техносфера в своей целостности субъектами не осваивается.

«Суть современной патовой ситуации состоит в том, — отмечает А.В. Толстоухов, — что индустриальная цивилизация, инициировав безудержный планетарный научно-технологический активизм, идеологию экономоцентризма и безудержного потребительства, не создала прочной нравственно-мировоззренческой основы, которая бы позволила всем творениям нашей эпохи гарантировать человечеству достойное экобудущее, перспективу самосохранения планетарного социума в мире» (Толстоухов, 2003, с. 50).

Такая ситуация во многом обусловлена и тем, что очевидная для всех глобализация техносферы по-прежнему не распространяется на социум, который до сих пор воспринимается традиционно. За рамки подобной его трактовки не выходят даже такие крупные социологи, как Э. Гидденс, И. Валлерстайн, П. Штомпка. Они справедливо отмечают, что «увеличивается напряжение противоречия между растущей глобальной независимостью в области технологии, финансов, информации и сохраняющимся разделением национальных обществ, политики и культур» (Исаев, 2001, с. 17), но не видят тех современных трансформационных возможностей социальной сферы, которые позволяли бы разре-

шить эти противоречия, отрегулировать указанные процессы в сторону оптимизации.

Описанная субъектная форма принципиально отличается от традиционных социальных субъектов, которые организованы как группы, общности, классы и т. д., поскольку в ее основе находится выполнение функций субъекта, порожденных процессом общественного воспроизводства и необходимых для регулирования и продолжения последнего в новых формах. Поэтому субъект проявляется в институтах, организованных системах, отношениях, образах будущего, целях, ценностях, нормах и др., благодаря чему открывается внутреннее пространство для «продвижения» объектов и самой овеществленной среды. Обнаруживается разная степень их востребованности в определенных местах социального пространства и интеграция в контексте воздействия неявных целей, а также смыслового поля, показывающего «для чего» сами вещи созданы и функционируют. Но такого «для чего» в самих вещах нет, поскольку это не вещественная, не материальная и даже не информационная реальность, а реальность субъектная, смысловая.

Следовательно, взаимодействие субъекта и овеществленной среды в пространстве современного социума «многоэтажно» и многомерно. Оно может приобретать превращенные формы видимости, функциональной подмены, инверсии. При этом «ядро» субъекта – его сознание и активность – способны как бы объективироваться в знаковых и символических системах, текстах, новых функциях. Но важно исходить из того, что развитому объекту должен соответствовать столь же модифицированный субъект, способный превращать логику вещей в логику человека, что является основным условием бытия общества.

Одним из первых исследовал эти метаморфозы сознания субъекта общественного воспроизводства К. Маркс, раскрывая системное устройство и динамику общества. Рассматривая особенности этого подхода, М.К. Мамардашвили отмечал: «Существующее у субъектов сознание может в принципе изучаться совершенно объективно, по его “предметности”, по значащим для него объективациям... Маркс устанавливает детерминизм и механику образования подобных предметностей сознания, являющихся “представителями” чего-то другого, чем они сами и их

осознаваемое объективное содержание, и выступающих ориентирами в поведении индивидов. Этим другим оказывается социальная материя этих механизмов, реальный обмен деятельностью между людьми (причем сами механизмы образования сознания индивидам вовсе не даны)» (Мамардашвили, 1990, с. 298).

В этом подходе сознание существует и трактуется не «органически», как свойство конкретных индивидов, но системно, как результирующий эффект общественного воспроизводства, функционально встраиваясь в различные по уровню отношения и предметности. Именно поэтому «вместо однородной, уходящей в бесконечность плоскости сознания выявились его археологические глубины: оно оказалось чем-то многомерным, объемным, пронизанным детерминизмами на различных одновременно существующих уровнях – на уровнях механики социального, механики бессознательного, механики знаковых систем, культуры» (Мамардашвили, 1990, с. 299).

Если с этих позиций посмотреть на феномен институций, то можно предположить, что они также осуществляют функцию порождения многообразия внутри социума, однако остаются лишь в пределах самого социального, своеобразно его структурируя. Для социума это необходимо, поскольку он должен соответствовать объектной стороне своего бытия, в том числе в функционально-структурном аспекте, обеспечивая социальное саморегулирование за счет внутренней «самонастройки» параметров развития. Благодаря этому в социально-субъектной сфере открывается внутренняя глубина и многомерность, позволяющая выявлять в каждом объектно выраженном образовании (подсистеме) его субъектно функционирующий коррелят.

Порождение внутренней глубины социума можно понимать как его латентную функцию, которая является сопутствующей для комплекса явно выраженных функций, в том числе задания целей, формирования схем деятельности и т. д. В латентных функциях проявляется объективность любого социального образования, его избыточность по отношению к осознаваемым своим проявлениям: социум всегда «больше» того, как он воспринимается индивидами и социальными субъектами, поскольку он лишь частично выявлен наружу, объективирован. И эта его «внутренняя» сторона выражена прежде всего субъектными образования-

ми, которые формируются в ходе общественного воспроизводства, становясь особыми векторами развития социального пространства.

Если сравнить эти характеристики социального субъекта с традиционными общностями — классами, этносами, группами и т. д., то сразу же обнаруживается ряд различий. Главное из них в том, что традиционные субъекты интегрируют и «оформляют» прежде всего бытие индивидов, в то время как социально-воспроизводственный процесс формируют внутреннее пространство, в котором осуществляется материальное и духовное производство. Поэтому, если традиционные общности создают среду существования личностей определенного социального типа, то «производственно» порождаемые субъекты создают условия для включения индивидов и сообществ в реальную общественную действительность во всей ее глубине и многообразии.

В современном обществознании идея субъектной «заданности» или обоснованности социальных институтов постепенно обретает статус методологического принципа. Так, если на рубеже 1980—90-х гг. в отечественной философии субъектную обоснованность стало приобретать только само понятие социального института, то сегодня на этой методологической основе осуществляется исследование конкретных институциональных форм. Не случайно в конце XX в. высказывалась идея, что в основе введения понятия «социальный институт... лежит потребность выразить определенную реальность... такого рода реальностью выступает надиндивидуальный субъект общественной деятельности, не совпадающий ни с историческими формами общности людей, ни с демографическими группами. Институционализированный субъект не существует вне деятельности и отношений реальных индивидов, но вместе с тем он имеет свою логику развития, и его существование не менее реально, чем существование самих индивидов» (Андреев, Корженевская, Костина, 1989, с. 5–6).

Рассматривая природу и особенности государства, И.Ю. Киселев осознанно исходит из его субъектной природы: «Мы рассматриваем государство в качестве коллективного субъекта, характеризующегося тремя признаками, такими как: взаимосвязанность членов группы; совместная активность и трудовая са-

морerefлексивность, то есть способность группы формировать чувство "Мы" и образ "Мы". При этом раскрытие характеристики взаимосвязанности членов группы возможно через использование понятия корпоративной личности». Члены сообщества, образующего государство, «должны обладать внутренней структурой принятия решений» (Киселев, 2003, с. 8).

Соглашаясь с таким подходом, следует все же признать, что автор в исследовании института разделяет традиционные представления о его субъекте как образовании, «составленном» из индивидов с их личностными характеристиками. Поэтому он «не замечает», что это – лишь поверхностный слой субъектного существования института государства, который сам выражает более глубинные субъектно заданные основания, в которых порождаются правила принятия решений, целевые ориентиры, общие правила и формы функционирования государства как «корпоративного субъекта-личности». В своих последующих рассуждениях И.Ю. Киселев раскрывает внешнюю для такого субъекта детерминацию его деятельности, которая формируется, по всей видимости, в глубинных институциональных «слоях» бытия общества.

Проявлением реального наличия этих сложно структурированных коллективно-субъектных образований является процесс институционализации действий скооперированных индивидов, которая «придает корпоративному агенту единство и уверенность в том, что оно необходимо. Санкционирующий эффект предполагает, что структура должна быть организована так, чтобы действия ее членов могли быть категоризованы как действия корпоративной организации. Ключевыми здесь выступают правила, которые определяют отношения власти, подчинения и ответственности среди членов группы и переносят ответственность за индивидуальные действия на коллектив» (Киселев, 2003, с. 9).

Таким образом, функциональная «глубина» социума, которая обеспечивается порождением различий внутри его субъектно выраженного пространства, создает тот внутренний «контекст», который детерминирует заданные извне действия индивидов, специализированные в социальных институтах. Сам этот контекст принципиально не выявлен, поскольку он отражает условия бытия многообразного в своем общем. С этим контекстом нет не-

посредственного контакта и взаимодействия конкретных индивидов или социальных групп, поскольку он характеризует не предметное, но внутрисистемное структурирование или «распределение» направленности внешних действий людей и организаций. Но это внутреннее «распределение» лишь частично выражается в наличных функциях общественной системы, так как они направлены вовне, связывая ее со средой, тогда как неявное распределение и структурирование направлено внутрь, в само субъектно-социальное пространство, создавая импульсы его модификации и интегрируя различные подсистемы.

Поскольку неявное структурирование не дано непосредственно в сознании индивидов и не выражено предметно, то всякое осознанное конструирование общества, его рациональная переработка являются поверхностными и частичными. Это хорошо видно, в частности, в моделях социальных трансформаций, представленных такими направлениями современной западной социологии, как феноменологический и понимающий подходы, социология знания. Известные представители последней П. Бергер и Н. Лукман считают, что социальное конструирование реальности — это «процессы, с помощью которых любая система «знания» становится социально признанной в качестве «реальности» (Бергер, Лукман, 1995, с. 112). Общество, таким образом, лишается своих теневых, неявно выраженных сторон и потому целиком открыто для сознания, а его бытие в качестве воплощенного знания обеспечивается процедурами легитимизации.

Специальный анализ этого подхода осуществлен В.Г. Федотовой (Федотова, 2003, с. 12–16), которая выявляет в его рамках четыре уровня или этапа процесса конструирования реальности на основе «знания». Первый из них — хабитуализация, то есть «опривычивание», превращение какого-либо порядка в повседневность. Это исходная для данных индивидов констатация реальности, процесс принятия ее как существующей в определенных формах порядка. Социальное конструирование такой реальности заключается в ее почти автоматическом воспроизводстве через традицию, память, передаваемые из поколения в поколения знания и представления.

Второй способ и этап социального конструирования реальности П. Бергер и Н. Лукман называют типизацией, которая раз-

деляет объекты на классы. Социальная реальность повседневности дана совокупностью типизаций, которые в своей сумме создают повторяющиеся образцы взаимодействий и составляют социальную структуру (Бергер, Лукман, 1995, с. 59). Третий уровень и способ социального конструирования реальности – это институционализация, то есть воплощение идей о направлениях, механизмах и инструментах структурирования функций индивидов в обществе, которое признает их как собственную реальность в коллективных представлениях. П. Бергер и Н. Лукман подчеркивают, что «институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институционализация» (Бергер, Лукман, 1995, с. 92).

На взгляд этих ученых, далеко не все институты являются типизациями. Помимо типизированных коллективных представлений, институты включают в себя роли и статусы, систему санкций и социального контроля для поддержания норм, порядок, общие цели, установки и образцы поведения, учреждения, кодексы, законы и др., осуществляющие деятельность по удовлетворению потребностей. Однако, как полагают П. Бергер и Н. Лукман, без усилий, направленных в меняющемся обществе на достижение типизации и формирование коллективных представлений, достигаемых в ее ходе через деятельность ученых, СМИ, общественных организаций, литературу, искусство, образование и др., социальная структура в целом и деятельность институтов не может быть обеспечена.

Заключительным этапом институционализации общества является реификация, то есть окончательная объективация или овеществление объективных значений. Она заключается в легитимации, то есть процессе передачи новым поколениям аккумулированной в обществе институциональной информации. Как подчеркивают П. Бергер и Н. Лукман, «легитимация создает новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже свойственны различным институциональным процессам. Функция легитимации заключается в том, чтобы сделать объективно доступными и субъективно вероятными уже институционализированные объекты «первого порядка»» (Бергер, Лукман, 1995, с. 151).

Итак, общество конституируется через вырабатываемые людьми модели знания и механизмы их признания современниками. Это становится реальным потому, что бытие общества отождествляется с миром смыслов и значений, носителями которых выступают индивиды и их сообщества. Социум – это особое смысловое пространство, которое создается «между» сознанием индивидов, интегрированным в коллективные представления, с одной стороны, и символическим миром, выраженным в языке и других порядках знаковых систем, – с другой. Таким образом, «в противоположность миру природы, социальный мир – это мир, конституированный смыслом. Социальным явлениям внутренне присущ смысл» (Волш, 1978, с. 50). Поэтому предельным выражением этого типа объективации социума выступает *символический универсум*, понимаемый как «матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений... символический универсум связывает коллективные представления в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее» (Бергер, Лукман, 1995, с. 158, 168).

Социальные субъекты понимаются как здравомыслящие индивиды, которые могут вступать в отношения кооперации и интеграции на базе разделения труда. Именно их представлениями и конституируется общество, хотя в реальности оно создается через производство, которое имеет собственную субъектную форму и направленность. Естественно, что люди формируют мировоззренческие модели реальности, воспринимают ее с различных позиций. Однако это процесс дальнейшего освоения, познания того, что уже существует, которое не может быть одновременно и порождением бытия собственного объекта, хотя и может раскрывать его новые смысловые стороны или приписывать их ему. Отказ от субъектных оснований воспроизводства общества, которое выступает и как его конструирование в соответствии с потребностями людей, системными закономерностями (производством, распределением, обменом и потреблением) выступает затушевыванием скрытых, латентных процессов внутри самого социума. В целом это означает снятие объективности существования самого социума, то есть отказ от признания присутствующих ему объективных законов, которые имеют также и субъективно отраженное содержание.

Бытие субъекта не сводится к его сознанию. Взятое в контексте деятельности и общения, оно само представляет особую «субстанцию», которая объективна по отношению к каждому индивиду, а потому и направляет их деятельность в соответствии с теми целями, которые выстраиваются над многообразием предметной и системно выраженной реальности. Последняя выражает специфику включенности этого предметного и организационного многообразия во внутреннее социально-субъектное, культурное пространство, то есть подчинение многообразия единому целому, согласование порождаемых вещей, комплексов друг с другом на основе его требований как органической целостности.

Но это означает, что бытие субъекта общественного воспроизводства не может возникать из интеграции социальных субъектов, понимаемых в традиционном смысле, хотя последние и действуют в пространстве производства как его эндогенные векторы и специфические внутренние «аттракторы», определяющие ход движения вещей и систем. Воспроизводство превращает бытие социальных субъектов в их собственное инобытие, в котором их субъектные свойства становятся функциями и структурами внутри порождаемого этим процессом развития общества, задавая его внутренние порядки, включая сферу культуры.

Можно считать, что субъектное пространство производства не ограничивается только совокупностью хозяйствующих субъектов, каждый из которых обособлен и самостоятелен. Скорее прав Ю.М. Осипов, который полагает, что «сообщество хозяйствующих субъектов, лежащее в организационном основании хозяйствующего общества, — не просто коллективный субъект, а субъект-процесс, субъект-жизнь» (Осипов, 1990, с. 143). Это значит, что общественное воспроизводство снимает многообразие различных социальных субъектов и формирует всеобщность субъекта, которая существует не как теоретическая абстракция, но представляет собой выражение внутреннего порядка общества, определяющего направленность его бытия. Она проявляется и в специфике устанавливаемых в обществе целей, системы норм, символов, структур, в которых задана и поддерживается такая общая социальная установленность. Воспроизводство общества через форму всеобщности субъекта, его воздействие на общество обеспечивает внутреннее соответствие между субъектной и объек-

тной сторонами общественной системы, благодаря чему проявляется вся глубина и многосложность ее содержания. Законы, институты, структуры, культурные символические формы, языковые и другие формы коммуникаций формируются на основе установленного исходного субъектно-объектного соответствия.

Ясно, что развитие содержания общества должно менять и масштабы, основания такого соответствия, начиная от способа производства, его организации и заканчивая формами самоорганизации и самореализации культуры. Понимание субстанциальности субъекта общественного воспроизводства лежит в основе моделирования самого производства, выделения и акцентирования его уровней и звеньев. Так, А.М. Ковалев начиная с 1980-х гг. развивает оригинальную идею о том, что субстанцией производства является способ производства общественной жизни, который «включает способ материального производства, способ производства собственной жизни, а также географическую среду. Под способом производства общественной жизни . . . понимается совокупность всех форм жизнедеятельности людей и их собственных отношений, которые направлены на производство и воспроизводство собственной жизни, а также средств к жизни и которые, будучи обусловлены определенными природными и социальными факторами, обеспечивают воспроизводство общества как целостного развивающегося социального организма» (Ковалев, 1982, с. 40–41).

Воспроизводство жизни является в конечном счете целью и смыслом вовлечения субъекта в производство. Поэтому трансформации субъектов в этом пространстве носят не столько экономический или технологический, сколько онтологический, «жизненный» смысл и соответствующую направленность. Именно это обстоятельство, связанное с различием производства жизни и производства условий жизни отграничивает субъектное пространство от системно-организационных, технологических и др. процессов, в которых субъект выступает как условие их осуществления. «Социальный способ производства, — полагает Ю.М. Осипов, — задается культурой, обществом, человеком, а не технологией, хотя последняя и не остается к нему безучастной. Социум не только реагирует на технику, но и направляет ее развитие, контролирует и определяет» (Осипов, 1990, с. 116).

Воспроизводство жизни человека через формирование общества предстает основной причиной включенности субъекта в производство как субстанции. В пользу данного тезиса свидетельствует следующее положение: *именно необходимая мера активности этого субъекта, его собственная производительность и выступает в конечном счете определяющим фактором в решении принципиального вопроса о существовании данного общества. Оно удерживается от распада динамикой каждого субъекта, который «один способен через воспроизводственную деятельность интегрировать распадающийся мир, соединяя предметность, то есть внечеловеческую, объективную логику и ценности, то есть свое субъективное содержание в процессе самоосмысления и самоизменения. Социальный субъект выступает как фокус смыслообразования и интеграции»* (Матвеева, 1991, с. 9).

Основной формой и средством этой воспроизводственной активности субъекта является, с точки зрения А.С. Ахиезера, культура, под которой понимается *«концентрированный, организованный опыт человечества, основа понимания, объяснения, принятия решений... она содержит в себе больше вариантов возможностей формирования социальных отношений (организационных, технологических, моделей государственного устройства и т. д.)»* (Ахиезер, 1991, с. 159–160), чем может «вместить в себя» данное общество. Именно культурная основа субъектного «присутствия» в производстве позволяет всегда создавать избыточно, то есть постоянно поддерживать мир возможного, в рамках которого реализуется многообразие выбора индивидами и социальными группами своей «проекции» реальности.

Открывается возможность более конкретного изучения специфики институций, представляющих собой важный механизм социальной типизации, «распределения» человеческих коллективов в пространстве и контексте их востребованности самой общественной системой. Институции – это особая «предзаданность» системно выраженной организации общества. С их «помощью» происходит «подведение» субъектной стороны под системно-структурные комплексы общественной жизни за счет формирования стимулов, мотиваций и других средств внутреннего перераспределения субъективно выраженного пространства, которые происходят неосознанно для индивидов и социальных групп,

представляя собой проявление *внутренней динамики* субъекта воспроизводства в контексте развития общества.

С формальной точки зрения институции представляют собой механизмы обмена и распределения, возникающие в производстве любого вида – материальном, социальном или духовном. Поскольку производство существует как динамическая система, оно обязательно должно выполнять свои основные онтологические функции, которые описал и раскрыл Т. Парсонс. С позиций структурного функционализма, «любая система должна справляться с четырьмя комплексами проблем. 1. Проблемой рациональной организации и распределения своих материальных (природных), человеческих и культурных ресурсов определенными способами, чтобы достичь целей системы. Эти функциональные требования известны как проблемы адаптации, решения которых заложены в экономической деятельности. 2. Проблемой определения основных целей и поддержания процесса их достижения (проблема целеориентации). 3. Проблемой сохранения солидарности (проблема интеграции). Второе и третье требование выдвигает культурная система, главной задачей которой является легитимация нормативного порядка социальной системы. 4. Проблемой поддержания мотиваций деятелей при исполнении ими требуемых социальных ролей и устранения скрытых напряжений в системе личностной мотивации» (История социологии..., 2001, с. 331).

Все эти процессы, тем не менее, должны быть подготовлены более ранним или «первичным» перераспределением во внутреннем пространстве всеобщности субъекта производственной деятельности. Здесь данные свойства системы выступают в качестве объективного условия бытия общества и его индивидов, а поэтому выступают основанием субъективных процессов формирования установок, интересов, мотивов и т. п. Именно институции создают особую внутреннюю связь, функционально посредующую переход от субъекта-субстанции как целостности к многообразию системно-организационной общественной жизни. Данная редистрибуция, которая представляет собой как бы интеграцию обмена, распределения и потребления, свернутых в формах социальных институций, является внутренним процессом системообразования, в который постоянно оформляется само производство.

Такое перераспределение является одновременно способом порождения структур в пространстве субъекта, за счет чего формируются особые формы предметности – типизации социального поведения, ориентаций, направления специализации и разделения производственной и другой деятельности. Сами типизации суть структуры, в которых преобладает не системность как таковая, но качественно выделенные направления в порождении многообразия из единой, целостной общественной формы. Эти направления как бы «гарантируют» то, что соответствующие предметные, материальные комплексы будут освоены социальными субъектами в данном обществе, так как уже выделены не только их качества, но и тот потенциал (знания, интересы, установки, ценностные ориентации и др.), который, проявляясь в особой мере или норме, обеспечивает процесс освоения и переработки данной и создаваемой предметной среды.

С другой стороны, здесь открывается и воздействие предметно-организационных структур, которые как бы «заказывают» именно такие, а не иные социальные качества индивидов и коллективов, то есть проявляются как источники и проводники субъектно-объектного соответствия, необходимого для достижения данным обществом гомеостаза.

Все эти трансформации «внутри» субъектного пространства возможны потому, что субъект здесь существует не как биосоциальная реальность, которая оформляется в его свойствах, заданных ходом и логикой символически-культурных процессов, но в виде своеобразного общего условия производства. Постоянно достраиваясь для сохранения субъектного контекста любых уровней и форм воспроизводства, этот субъект вместе с тем порождает новые модификации и «контуры» смыслового, знакового, регулятивного пространства, в котором могут двигаться и взаимодействовать по социально выделенным параметрам технологические, организационные, информационные, институциональные и другие компоненты (факторы) производственного процесса.

Но институции здесь занимают особое место, так как в них интегрированы как функционально-производственные, так и субъектно-ценностные аспекты порождаемого социального пространства. Это происходит потому, что институции выражают

целостность субъекта как производства, так и социально-культурной реальности, благодаря чему в их специализированном субъектно-распределенном пространстве сохраняются и расширенно воспроизводятся основные функции любой системы: адаптации, целеориентации, интеграции и мотивации. Именно поэтому подготавливаемая в данной форме субъектная составляющая воспроизводства вносит в него уже готовый набор условий, которые выстраиваются через взаимодействие выделенных основных функций. Поскольку институты выполняют также функцию мерообразования, то этот набор условий оптимизирует субъектную «встроенность» в производственный процесс, его формы и направления.

Институты выступают как целостная интегральная форма, возникшая в результате порождения различий во всеобщем субъекте. Можно предполагать, что они порождаются латентно, как «инобытие» нескольких основных направлений, в которых происходит субъектная детерминация общественного воспроизводства. Рассмотрим процессы зарождения и становления институций более подробно.

Итак, производственный субъект как субстанция на основе своего бытия порождает специфическую заданность, можно сказать, «взвешенность» вещей и отношений, систем и структур, которая определяется, с одной стороны, темпами происходящих изменений, динамикой уровня производительности, а с другой – целевыми ориентирами как вектором бытия субъекта, то есть его трансцендированием. В соответствии с такой заданностью, которая формирует пространство, достаточное для развертывания всего содержания общества, причем динамично растущего, так или иначе координируется и системно-организационная, объектно выраженная сторона общества.

В пространстве такой заданности выявляются три связанных процесса. Во-первых, возникают *формы представленности* субъекта самому себе, своей целостности через выработку качеств социальных субъектов; во-вторых, порождаются наиболее важные *внутренние различия* в самом субъекте; в-третьих, происходит *согласование* форм субъектности и системно организованного общества, его сфер и уровней, в том числе масштабное (в соответствии с общей мерой), количественное (по параметрам и дина-

мике изменений), функциональное (по разделению видов, форм и способов деятельности).

Данные процессы также определяют возникновение предпосылок институции как процесса и результата внутреннего структурирования этого всеобщего субъекта «для себя». Потенциал субъекта начинает развертываться в такие комплексы, благодаря которым общая внутренняя заданность, выступающая как субъектная детерминация, начинает формировать заданность порядка, структур и различий внутри общего. Результатом представления субъектом себя в социуме выступает его самоидентичность, выражающая свойства общего в особенном. Так, экономические интересы и мировоззренческие принципы представителей определенного социального класса не только совпадают, но и отражают его роль и место в воспроизводственном процессе. Через интересы и парадигму бытия выражается и специфика данного класса как проявление общесубъектной заданности, детерминирующей структуру и процесс производства. Это функционирование особенного через «призму» общего позволяет не только формироваться самому классу, что внешне проявляется как совпадение условий жизнедеятельности, социального статуса и поведенческих принципов входящих в него индивидов, но и определяет межклассовые отношения, которые колеблются от сотрудничества до острейших противоречий. Последние вырастают на основе несовпадения общесубъектной основы производства и системно-организационной стороны бытия общества, а потому нарушение соответствия субъекта и объекта на социальном уровне и проявляется как классовый антагонизм.

Принцип субъектно-производственной заданности пронизывает и этнические сообщества, которые вырастают на основе своей культуры, языка, хозяйственного уклада, психологии, норм общения. Встроенность этносов в субъектность более общего производственного пространства подчиняет их этому целому, а потому они с неизбежностью раскалываются на полюса социального неравенства, формируя свои классовые позиции.

Представленность воспроизводственного субъекта самому себе, таким образом, выступает как его самоорганизация или самопроявленность вовне. Благодаря этому субъектная заданность (то есть детерминация) не только объективируется, но и стано-

вится порождающим принципом: под его воздействием множественность субъектов формируется уже не на социально-биологической (в том числе этнической), но на воспроизводственной основе. Одновременно происходит процесс трансформации и самой всеобщности хозяйствующего субъекта.

Порождение институциональных различий связано не только с функциональностью производственного процесса и его субъектной самоидентификацией, но проявляется и через формы бытия во времени. Эта функция реализуется, прежде всего, через культуру, которая характеризует субъектную заданность на символическом и смысловом уровнях, тем самым открывая пространство «преданности» структур объективного мира и определяя место субъекта в нем.

Данное свойство культуры четко фиксирует А. Димер, когда пишет следующее: «Культура на основе преданности (то есть общесубъектной детерминации ее бытия. — М. Б.) становится «тотальностью» горизонта данного жизненного мира, где человечество заранее понимает свою действительность, где оно заранее понимает себя самого как реальность и как субъект и где оно постоянно пребывает... (формальная) преданность горизонта дифференцируется по четырем моментам: 1) горизонт как преданность абсолютного с его измерением смысла, а также моменты фундаментальной данности, которая проявляется в следующих трех аспектах: а) нечто само собою разумеющееся; б) аспекты близости и аспекты узнаваемости; в) их негативные моменты (чуждость, неузнаваемость и т. д.); 2) единство пространства и времени, дающее основание обрисовать возможное «где» (культурной реальности); 3) измерение, которое со своей стороны расчленяется как предпосылка своего абсолютного основания (например, Бог, дух, материя как абсолютное и т. д.) и, кроме того, расчленяется по типу множества (творение, вещь и т. д.); 4) определенная структура, имеющаяся в каждой культуре, которая расчленяется на рациональность и ценность» (Димер, 1986, с. 164–165).

В приведенной цитате показано экзистенциально-смысловое тождество субъекта через вычленение основных условий и направлений его представленности самому себе. Культура как бы центрирует субъект, выражает в его бытии пространственно-вре-

менной континуум, в котором «распределены» различные институциональные формы. В настоящем концентрируется не только близкое и узнаваемое, но и тот образ абсолютного, в рамках которого бытие субъекта воспроизводства конституируется в метапространстве, выражая тем самым ориентацию, целевую функцию и формируя линию своего «социального горизонта».

Такому субъекту противостоит системно организованный объект, так как он не может быть целиком создан субъектом и является объективным. Даже его системная организация реализуется уже по законам синергетики, которые столь же объективны для субъекта, как и само бытие природы. Субъект, тем не менее, может развернуть объекты в направлении своей собственной заданности (цели, приоритеты, выбор средств реализации, способ их связи и взаимодействия и др.). Этот процесс согласуется на основе принципа субъектно-объектного соответствия, который является основным условием и «механизмом» восстановления целостности общества. Это значит, что знания, навыки, формы организации деятельности и средства регулирования должны соответствовать сложности объектно организованного мира, процесса общественной жизни.

Принцип соответствия выступает как наиболее глубокая детерминанта, в составе которой происходит целый ряд неосознаваемых «перемещений» по отношению друг к другу субъектных функций, образований и предметно-организационных комплексов. Так, именно соответствие лежит в основе способности каждого поколения осваивать окружающую среду, регулировать производство, формировать и модифицировать социокультурное пространство своего бытия. Соответствие достигается по направлениям социализации (мировоззрение, ценности, культура) и специализации индивидов и социальных групп, причем необходимые для общества качества индивидов формируются на основе производства, заданного постоянным субъектным «присутствием», порождения необходимых субъектно-функциональных компонентов, которые оформляются в систему хозяйственного, политического, правового и другого порядка. Поэтому закономерно, что «развитие субъекта и объекта должно соответствовать по уровню организационного разнообразия, качественного и количественного» (Слепенков, Аверин, 1990, с. 97).

Итак, институции можно рассматривать как «вторичное» проявление выделенных субъектных трансформаций, как способ возникновения и закрепления связи между единым и многим, благодаря чему выявляется и собственный потенциал субъекта, порождающего основные условия внутри процесса производства и его собственных форм. «Вторичность» институций, однако, ни в коей мере не может быть истолкована как их «второстепенность» по отношению к проявленным свойствам и функциям субъекта. Именно благодаря своей собственной природе институции являются конкретными способами детерминации направленности «внутри» пространства субъекта, а потому они предшествуют и собственно институтам, в которых уже объективирована связь между субъектным и объектным в жизни общества и выражена их функциональная специализация.

Институты направлены «вовне», они действуют на уровне, связывающем системность и повседневность. Поэтому они имеют статус системно выраженных образований, которые обеспечивают «прохождение» производственного и любого другого процесса в обществе как особые «каналы» специализации и формирования иерархий. Однако сами институты выстраиваются на некотором первичном для них уровне бытия, в котором интегрированы два основных принципа: многообразия и сохранения в нем субъектной целостности. Благодаря этому, в каждом институте, организации, коллективе, в любой отрасли производства и сфере общества сохраняется глубинная субъектная детерминация, которая выражается в субъектной «оформленности» этих институтов и коллективов. Везде существуют свои цели, которые согласованы с общими целями данного общества, свои нормы, которые находят основание в базовых ценностях, смыслах и общих интересах. Это согласование происходит непосредственно, не требуя каких-либо промежуточных форм интеграции. Это — одно и то же пространство субъекта, в котором такая целостность наиболее полно выражена культурой, которая входит в любую конкретную организацию или подсистему как ее собственная человечески-смысловая сущность.

Институты — особый тип организованной реальности, в которой, во-первых, проявляется субъектная детерминация производственного процесса в его направленности и структурах,

в смысловой и ценностной определенности; во-вторых, распределяется субъектный потенциал производства (и общества в целом); в-третьих, сохраняется непосредственная связь единства и множественности внутри субъекта. Институты – это «канун» перехода или воплощения субъекта в организационно объектные формы, то есть его объективации при сохранении принципиального различия между субъективным и объективным.

Развитие производства постоянно меняет «состав» и направленность институций, однако их основные «роли» в обществе и производстве остаются инвариантными. Поэтому, хотя бывает трудно предсказать, какие именно институты могут стать для общества лидирующими, в целом их детерминация производственных и других процессов остается вполне ожидаемой, а потому ее следует учитывать в проектировании и конструировании новых форм социального устройства. Глобальная экспансия рыночной системы хозяйства и организации общества требует пересмотра роли институций, ведь именно они могут значительно усилить и прояснить место культуры и гуманистического начала в бытии общества, организованного как открытая саморегулирующаяся система. Недооценка такого мощного проявления субъективного в этих системах, как институции, снимает как раз тот уровень человеческой самоорганизации, который формируется как общее и способен регулировать бурный рост техносферы, ослабить господство овеществленных систем и процессов над человеком.

Проблема институций требует дальнейшего исследования их бытия, динамики, порождающих оснований. Она имеет не только самостоятельное значение, но и становится «ключом» (методологией, способом концептуализации) в исследовании природы и закономерностей эволюции человека в современном обществе.

Литература

Андреев Ю.Л., Корженевская Н.М., Костина Н.Б. Социальные институты. Содержание, функции, структура. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: В 3 ч. Ч. 3. М.: Филос. общество СССР, 1991.

Бергер П., Лукман Н. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Димер А. Техника как порождение культуры // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.

Исаев В. «Общество риска» в условиях глобализации // СОЦИС. 2001. № 12.

История социологии в Западной Европе и США: Учеб. М.: Изд-во НОРМА-М, 2001.

Киселев И.Ю. Образ государства в международных отношениях и социальное познание // Вопросы философии. 2003. № 5.

Ковалев А.М. Диалектика способа производства общественной жизни. М.: Мысль, 1982.

Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Он же. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.

Матвеева С.Я. Первый опыт социокультурного словаря // Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: В 3 ч. Ч. 3. М.: Филос. общество СССР, 1991.

Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. М.: МГУ, 1990.

Слепенков И.М., Аверин Ю.П. Основы теории социального управления. М.: Высшая школа, 1990.

Толстоухов А.В. Глобальный социальный контекст и континуум эко-будущего // Вопросы философии. 2003. № 8.

Уолш Д. Социология и социальный мир // Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978.

Федотова В.Г. Социальное конструирование приемлемого для жизни общества // Вопросы философии. 2003. № 11.

РАЗДЕЛ III

ЧЕЛОВЕК В ИНСТИТУТАХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Глава 17

МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ: КОНСТАНТА ИЛИ ПЕРЕМЕННАЯ?

Последние десятилетия прошлого века и начало века нынешнего основательно изменили жизнь человека и общества. Можно сказать, что социальные институты, посредством которых обеспечивается — в большей или меньшей степени — определенность, заданность, если угодно, канализованность человеческого бытия, претерпевают радикальные трансформации. И это касается не одного-двух институтов, но, как представляется, самих институциональных оснований жизни и деятельности общества. Очевидно, такого рода трансформации не могут не оказы-

вать самого глубокого влияния не только на условия и обстоятельства, но и на саму суть человеческого существования.

Наша страна испытывает одновременное воздействие двух волн институциональных преобразований. Во-первых, речь идет о тех изменениях, которые в большей или меньшей мере затрагивают все страны и регионы глобализирующегося мира. Поток новейших научно-технических достижений, бурное развитие современных средств коммуникации, трансформации социально-экономической карты мира, включая появление новых центров экономической мощи, – все это самым непосредственным образом сказывается на жизни россиян.

Во-вторых, не менее глубокие преобразования претерпевают и институты российского общества – экономические, правовые, образовательные, силовые и т. д. Все эти перемены выступают в качестве фактора, порождающего новые возможности и новые степени свободы для отдельного человека (Иншаков, 2004, с. 39–44). С другой стороны, однако, они генерируют и новые сферы нормативной неопределенности – аномии, а, следовательно, вызывают широко распространенные стрессы и фрустрации.

Современные процессы де- и реинституционализации побуждают задуматься о том, что мера институциональной определенности человеческого бытия, вообще говоря, не есть некоторая константа, равно проявляющая себя на всех этапах человеческой истории. Иными словами, социальность как одна из конституирующих характеристик человеческого существования может получать различные степени выражения: не отрицая в целом ее важности и необходимости, можно ее помыслить в качестве переменной. Аналогичным образом допустимо рассуждать и о роли биологических свойств и качеств в детерминации жизни и поведения человека. В современном обществе как социально-институциональные, так и природно-биологические определения человеческого бытия все чаще перестают выступать в качестве жестких детерминант жизни отдельного человека.

Выдающиеся научные достижения ныне обрушиваются на человечество буквально лавиной. При этом действующие в современном обществе экономические механизмы позволяют в кратчайшие сроки воплощать эти достижения в новых техно-

логиях, а затем и в товарах и услугах, адресованных самым широким кругам потребителей. Появляются все новые средства общения между людьми, новые социальные институты, даже совершенно новые области человеческой деятельности, и все это радикально трансформирует саму ткань общественной жизни. При этом образующие ее структуры по мере своего обновления становятся все более восприимчивыми к научно-техническим новшествам; последние же, в свою очередь, непрерывно генерируют импульсы, которые преобразуют не просто внешние условия и формы, но и само содержание, суть бытия человека и общества.

Хотя далеко не все пока что понимают и осознают это, тем не менее, в нашем мире наука уже не ограничивается ролью поставщика средств, пусть даже чрезвычайно важных и эффективных. Реальностью во все большей мере становится то, что само существование многих сфер деятельности современного человека опирается на те научные знания, которые еще только предстоит получить. Иными словами, получение новых научных знаний нередко становится не столько делом внезапных озарений, сколько систематической, даже рутинной работой, результат которой более или менее известен заранее. Еще до того, как этот результат бывает получен, хорошо известны и те ниши в производственных и иных процессах повседневной жизни, которые ему предстоит заполнить. *Научная деятельность, таким образом, все чаще предстает как своего рода поточное производство, как индустрия исследований.*

Установление и укрепление этих многообразных и чрезвычайно интенсивных взаимозависимостей между наукой, техникой и самыми разными сферами жизни общества имеет одним из своих следствий то, что сегодняшнему человеку приходится обитать среди существенно иных реалий, чем его предшественнику. Ныне ему подвластны разнообразные технологии и устройства, наделяющие его таким физическим и интеллектуальным могуществом, которым прежде не обладали даже боги. Принципиально важно то, что для овладения всем этим арсеналом не требуется каких-то специальных дарований – он доступен и рядовому обывателю. Непрерывно возникают все новые средства, которые не только позволяют человеку компенсировать дефицит

собственных ресурсов, но и открывают перед ним совершенно новые пространства для развития и реализации собственных возможностей. Сегодня есть все основания констатировать, что именно *всемерное расширение человеческих возможностей стало – и в обозримом будущем продолжит оставаться – главным вектором научно-технического прогресса.*

Парадоксальным образом усиливая собственное могущество, человек в то же время становится все более уязвимым. XX век явил тому множество примеров: научившись синтезировать химические соединения, не существовавшие ранее в природе и способные проявлять множество полезных свойств, люди одновременно стали использовать эти знания в целях создания отравляющих веществ для массового уничтожения себе подобных.

То, что исходно создавалось для благих целей, нередко порождает такие последствия, которые ложатся тяжким бременем на среду обитания, а значит, и на самого человека. Так, первые же шаги в освоении энергии атома привели к созданию столь эффективного смертоносного оружия, что почти всю вторую половину столетия человечеству пришлось жить под прямой угрозой тотального самоуничтожения (сохраняющейся, правда, не в таких острых формах, и до сих пор).

Но, как оказалось, и «мирный атом» может быть приручен лишь до определенных пределов: Чернобыль стал для человечества грозным предупреждением о том, каким колоссальным разрушительным потенциалом могут обладать те технологии, которые задумывались и создавались для достижения вполне конструктивных целей. Действительно, мы уже начинаем привыкать к тому, что причиной большинства техногенных катастроф оказывается пресловутый «человеческий фактор». А это, помимо прочего, еще и свидетельство, во-первых, той мощи, которой обладают сегодня многие решения и действия отдельного человека, и, во-вторых, того, что сам человек бывает психически и морально не готов к тому, чтобы совладать с собственной мощью.

Далее, взрывоподобное развитие информационных технологий в течение последних десятилетий привело к тому, что человек получил возможность ставить и решать множество задач, которые прежде просто нельзя было помыслить. Становится все больше таких сфер жизни общества, которые крити-

ческим образом зависят от надежного, устойчивого функционирования информационных систем и комплексов. Вместе с тем прогресс информационных технологий уже породил такие феномены, как компьютерная преступность и терроризм, информационные войны...

Еще более впечатляющими выглядят перспективы современных биологических, прежде всего генно-инженерных технологий. Они уже сегодня широко используются для получения множества изделий промышленного, сельскохозяйственного, медицинского, бытового назначения. В перспективе же – не только моделирование и коррекция процессов, происходящих в живой природе, включая организм человека, но и возможность (одними воспринимаемая как торжество человеческого гения, другими – как самая страшная угроза) конструирования человеческих существ с заранее заданными физическими, психическими и интеллектуальными характеристиками (того, что в англоязычной литературе называют *designer baby*) (Хабермас, 2002; Fukuyama, 2002).

Таким образом, научно-технологическое развитие последних десятилетий все в большей мере концентрируется вокруг человека – как в том отношении, что его магистральным направлением становится всемерное расширение человеческих возможностей и открытие для него все новых степеней свободы, так и в силу того, что человек все чаще оказывается критическим звеном многих технологических процессов, а также подвергается опасностям, порождаемым самими же новыми технологиями, которые порой несут угрозу не только его физическому и психическому существованию, но и ставят под вопрос саму его идентичность.

Уже из сказанного вытекает, что происходящие глубокие перемены не могут не сказываться и на положении человека в социальном мире. В этой связи принципиальным представляется то обстоятельство, что и международные организации, и большинство стран мира ясно и недвусмысленно провозглашают приоритет человека, его прав и свобод. В частности, именно это утверждается во 2-й статье Конституции РФ, в соответствии с которой обязанностью государства является «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека». Подчас такого рода

высказывания понимаются как всего лишь лозунги, декларации, далекие от реального положения дел. И действительно, можно без труда найти тьму эмпирических свидетельств тому, что государство (или те, кто выступают от его имени) не только не исполняет эту обязанность, но, напротив, само нарушает права и свободы собственных граждан.

Тем не менее, поскольку эта норма провозглашена в основном законе государства, гражданин, по крайней мере, может апеллировать к ней, так что ее нарушители хотя бы будут знать, что их действия противоправны. И сегодня мы видим немало (хотя, увы, много меньше, чем хотелось бы) примеров, когда такие нарушения не проходят даром.

Существует и еще одно, вполне практическое обстоятельство, требующее от государства и общества более гуманного отношения к человеку. Демографические тенденции сегодня таковы, что население многих стран мира в ближайшие десятилетия будет довольно быстро стареть. Особенно острые формы этот процесс может принять в России, что, помимо прочего, приведет к сокращению доли населения в трудоспособном возрасте и повышению нагрузки на трудящихся; человек, таким образом, станет крайне дефицитным ресурсом (Юдин, 2004, с. 19). Это потребует отказа от вековых стереотипов, согласно которым людской ресурс у нас всегда в избытке – дело только за тем, чтобы его мобилизовать.

Сразу же следует сказать, что концепции, в которых человек рассматривается лишь в качестве ресурса, лет 30 назад бывшие весьма популярными, сегодня уже не могут рассматриваться как дающие достаточно полное представление о нем. То же самое можно сказать и о концепциях «человеческого капитала». При всей их содержательности и продуктивности они тем не менее ограничены в том смысле, что человек в них предстает прежде всего как то, что так или иначе *потребляется, используется* в процессах производственной или социальной практики.

Достаточно интересны также концепции «уровня жизни» и «качества жизни». Последняя, в частности, с успехом применяется сегодня для оптимизации систем здравоохранения. Однако и эти концепции следует признать односторонними, поскольку они,

напротив, представляют человека как существо по преимуществу *потребляющее*.

Более объемным следует считать понятие *человеческого потенциала*, которое включает в себя оба эти аспекта рассмотрения человека, но вместе с тем позволяет отразить и даже акцентировать представление о *самоценности человека*. Кроме того, это понятие удачно оттеняет и такую сторону человеческого бытия, как его принципиальную открытость, незавершенность в любой данный момент человеческой жизни.

Понятие человеческого потенциала, конечно, не может трактоваться как некая абсолютная и однозначная мера, характеризующая его носителя – на манер того, как понимается, скажем, коэффициент интеллекта. Фактически в физике, где родилось понятие потенциала, оперировать обычно приходится не с ним как таковым, а с понятием разности потенциалов, которая и определяет способность системы совершать некоторую работу. Это важно прежде всего в том смысле, что человеческий потенциал только отчасти представляет собой нечто данное человеку от рождения – в значительной мере он *формируется, развивается* в процессах социализации личности. Это важно и в том смысле, что актуально имеющийся, сформированный у человека потенциал может раскрываться, реализовываться в разной степени.

Необходимо сказать об одном принципиальном отличии понятия потенциала, когда оно применяется к человеку, от тех случаев, когда оно применяется к физическим системам. В последнем случае осуществление системой работы, то есть реализация ее потенциала, всегда ведет к его уменьшению. Иначе обстоит дело с человеческим потенциалом, поскольку его продуктивная реализация во многих случаях (ближайший пример – использование человеком своих способностей для приобретения новых знаний) ведет не к уменьшению, а к развитию, обогащению его потенциала¹.

Таким образом, о задачах общества и государства в сфере человеческого развития можно сказать следующее: мерой совершенства общества, а также критерием для оценки социально-экономической политики государства является способность обеспечивать как сохранение, так и развитие, и реализацию человеческого потенциала граждан. *Все, что ведет к разрушению и дегра-*

дации имеющегося в стране человеческого потенциала, несомненно, противоречит интересам не только самой личности, но и общества, и государства. Напротив, все то, что способствует его сохранению и развитию, ведет к укреплению социальных и государственных институтов.

Возможности развития и, в особенности, реализации потенциала во многом зависят от того, насколько в обществе защищены и гарантированы права человека. Особый ущерб реализации гражданами своих возможностей наносят всевозможные бюрократические ограничения, зачастую устанавливаемые не законом, а произволом чиновников.

Комплексное рассмотрение тех разнообразных воздействий, которые испытывает человеческий потенциал страны, открывает возможности не только для констатации существующих обстоятельств и тенденций, но и для того, чтобы можно было построить целостное представление и о человеческом потенциале, и о совокупном влиянии на него факторов риска различной природы. Это представление, в свою очередь, выступает основанием при проведении *гуманитарной экспертизы*.

В первом приближении можно, вообще говоря, различить два типа социальных и научно-технических новаций – те, что оказывают непосредственное воздействие в массовых масштабах (как, скажем, законодательное изменение налоговой системы страны) и те, которые, хотя бы на первых порах, затрагивают сравнительно ограниченный круг людей (например, новые репродуктивные технологии). Характеристики риска и возможных угроз, связанные с новациями второго типа, проявляются не только в непосредственных, но также и в опосредованных формах. Они, в частности, могут обнаруживать либо даже провоцировать глубокие и далеко идущие изменения в системе ценностей личности и общества, выступать в качестве основания для новых культурно и ценностно-обусловленных размежеваний и конфликтов между людьми и социальными группами и т. п.

Допустимо ставить вопрос и об опережающем реагировании, которое начинается *не после, а до того*, как риск для человеческого потенциала становится очевидным. Возможность такого опережающего реагирования предполагает принятие как минимум двух исходных посылок:

1) *любое социальное или научно-техническое новшество можно считать источником негативных последствий, рисков, угроз для человеческого потенциала, пока в отношении него не показано обратное;*

2) *нередко эти угрозы, риски и негативные последствия оказываются непредвиденными не в силу принципиальной невозможности их спрогнозировать, а просто потому, что на предваряющих или на начальных стадиях их внедрения просто не было предпринято требуемых для этого специальных усилий.*

Из этих посылок можно сделать такой вывод: сегодня социально необходимой становится особого рода систематически организованная деятельность, направленная на прогнозирование вновь возникающих угроз для человеческого потенциала. Ядром такого рода деятельности, на наш взгляд, и должна быть гуманитарная экспертиза (см.: Ашмарин, Юдин, 1997, с. 76–85).

В настоящее время при оценке последствий применения той или иной новой технологии, особенно там, где речь идет о ее возможных воздействиях на окружающую среду, все более широко начинает применяться принцип предосторожности (precautionary principle). В соответствии с ним – и это очень важно – именно на защитников предлагаемой новой технологии, а не на их оппонентов, ложится бремя доказательства того, что данная технология действительно безопасна. Иными словами, коль скоро возникают сомнения в безопасности этой технологии, ее применение не может быть начато до того, как эти сомнения будут сняты. Представляется вполне естественным опираться на принцип предосторожности и при проведении гуманитарной экспертизы.

Гуманитарная экспертиза нацелена на то, чтобы вырабатывать взвешенную оценку воздействия разного рода новшеств – промышленных, сельскохозяйственных, социальных технологий – на состояние человеческого потенциала страны. Многие из этих новых технологий оказывают глубокое воздействие на условия человеческого существования, на окружающую человека природную и социально-психологическую среду, наконец, на его генетическую, физиологическую, психическую и духовно-нравственную конституцию. В силу этого глубокого воздействия они могут быть охарактеризованы как чрезвычайно агрессивные

и, следовательно, как потенциально (а зачастую и реально) опасные при их неконтролируемом распространении и неумелом использовании. Безусловно, такого рода агрессивные технологии чаще всего несут в себе не только негативное начало; напротив, отрицательные эффекты обычно связаны не с ними самими по себе, а как раз с их бесконтрольным и непрофессиональным применением. Поэтому в задачи гуманитарной экспертизы входит выявление и оценка как позитивных эффектов новых технологий, в частности того, в какой мере и в каких направлениях они способствуют расширению человеческих возможностей, так и возможных негативных последствий их применения.

Так, деструктивные для человеческого потенциала эффекты могут нести: некоторые новшества в сфере образования и воспитания; широкое распространение всякого рода новых психопрактик и психодиагностик, способных серьезно нарушать глубинные структуры личности (Психолого-педагогическая..., 2003); даже вторжение в жизнь новых биомедицинских технологий (таких, как технологии клонирования человека, искусственного оплодотворения, генотерапии и генодиагностики, трансплантации органов и тканей и т. п.) наряду с приобретающей все более значительные масштабы практикой биомедицинского и психологического экспериментирования.

Кроме того, мы нередко видим, как новые факторы риска для человеческого потенциала порождаются решениями и действиями законодательных и исполнительных органов власти, замышлявшимися, естественно, с самыми благими намерениями. Дело в том, что в ходе реализации этих решений порождаются новые социальные практики и технологии, каждая из которых может достаточно серьезно затрагивать самые разные стороны жизни людей. В задачи гуманитарной экспертизы как раз и входит предвидение и прогнозирование этих факторов риска. Речь, конечно, идет не о том, что такая экспертиза позволит заранее выявлять все возможные факторы риска. Но принципиально важна сама установка на то, чтобы не просто бороться с уже наступившими негативными последствиями, а стремиться систематически предвидеть их на тех стадиях, когда их предотвращение или коррекция еще не требует объемных и интенсивных усилий со стороны общества.

Другая не менее значимая задача гуманитарной экспертизы — то, что благодаря ей общество может заранее освоить новую технологию. Гуманитарная экспертиза, по сути, выступает формой предварительного, моделирующего «оживления» обществом ситуаций, порождаемых внедрением научно-технических и социальных новшеств. Разнообразные методы экспертизы достаточно основательно разработаны в современной науке и получили широкое распространение в различных сферах практики. В этой связи можно отметить, например, экспертизу научно-технического прогресса (оценку технологий).

Далее, экспертиза является сегодня необходимым этапом деятельности по решению тех или иных народно-хозяйственных задач, какими занимаются специальные экспертные службы. Широко применяется, скажем, экологическая экспертиза. Еще одна область экспертной деятельности, которая, к сожалению, до сих пор не обрела развитых, систематически организованных форм, — это предваряющий комплексный анализ как законопроектов, так и проектов постановлений и решений органов исполнительной власти.

Обратим внимание на принципиально важное обстоятельство: основные процедуры гуманитарной экспертизы, такие, как широкое междисциплинарное обсуждение конкретных решений и проектов, согласование разнонаправленных интересов и т. п., не есть нечто неведомое и экзотическое; напротив, они чрезвычайно широко используются людьми во множестве самых разнообразных практических ситуаций. Эффективность же гуманитарной экспертизы во многом определяется ее систематичностью и целенаправленностью. В целом концептуальное и методологическое обоснование как общих принципов, так и средств осуществления гуманитарной экспертизы требует дальнейшей проработки. В этой сфере и в отечественной, и в мировой литературе отмечается пока что, к сожалению, больше деклараций и пожеланий, чем конкретных результатов.

В предыдущем изложении в качестве объекта мы имели в виду прежде всего научно-технические или социальные новации. Однако здесь необходимы некоторые уточнения и пояснения. Прежде всего, сферу ее приложения, исходя хотя бы из аналитических (но также и из содержательных) соображений, имеет

смысл трактовать намного более широко. В частности, объектом экспертизы может быть состояние, а также и динамика изменения человеческого потенциала России в целом.

Любое новшество, входящее не только в производственные процессы, но и в быт, то есть в социальную практику, можно рассматривать как некоторый «предмет» (даже при фигуральном понимании этого термина применительно, скажем, к социальной жизни). Однако такое «предметоцентрическое» понимание нередко оказывается чересчур узким, ибо это новшество есть не только определенный предмет, но и конкретные способы, практики его применения, оперирования с ним и т. п. И на личном, и на социальном уровне именно эта сторона дела и является наиболее существенной, поскольку последствия для человека и общества обычно порождает не сам предмет, а сопряженные способы взаимодействия с ним, те результаты, к которым ведут эти взаимодействия, и, наконец, вызываемые ими изменения в участниках. Иначе говоря, мы имеем дело не просто с самими по себе предметами, но с сопряженными с ними технологиями.

Впрочем, не только в онтологическом, но и в методологическом отношении в процессе гуманитарной экспертизы имеет смысл обращаться не к предметам, а к технологиям, поскольку при таком подходе только и возможно осмысленно выделять факторы риска и те параметры, на которые можно воздействовать и которые можно изменять. Именно технологии, в том числе социальные, в отличие от изолированных предметов обладают теми свойствами комплексности и целостности, которые позволяют их рассматривать в качестве объектов при проведении гуманитарной экспертизы. Следует уточнить что, хотя выше речь шла преимущественно о новых технологиях, это условие не обязательно, так как объектом экспертизы могут быть и существующие технологии, особенно в том случае, если при своем практическом применении они обнаруживают негативные эффекты. При этом задачей экспертизы может быть поиск непосредственных причин таких эффектов и выявление альтернативных подходов и решений, позволяющих ликвидировать либо ослабить их действие.

Другой источник технологических новаций — сама социальная практика. Здесь имеет смысл выделить технологии, по-

рождаемые решениями и действиями властных структур. По отношению к ним применение предваряющей гуманитарной экспертизы представляется вполне естественным, а во многих случаях просто необходимым, поскольку позволяет предвидеть и корректировать как прямые, так и опосредованные, отдаленные неблагоприятные последствия.

И, наконец, последнее соображение об объекте гуманитарной экспертизы. Было бы неверно трактовать экспертизу всякой новой технологии как одноразовое мероприятие. Характерным примером в этом смысле является история компьютеризации и ее человеческих и социальных последствий. В эволюции информационных технологий можно выделить отдельные этапы, характеризующиеся сменой фокуса гуманитарного анализа, в котором последовательно оказывались то опасности порабощения человека машиной, то связанная с компьютеризацией угроза безработицы, то модификации человеческого интеллекта в процессах взаимодействия человека с компьютером.

Попытаемся теперь в обобщенном виде представить цели гуманитарной экспертизы, проводимой на уровне отдельных технологий. Очевидно, одной из основных целей такой экспертизы является определение и оценка факторов риска, которые потенциально или актуально несет в себе данная технология, поиск возможных корректирующих воздействий. Не менее важно, чтобы экспертиза одновременно была нацелена на выявление заложенных в этой технологии новых возможностей для развития и реализации человеческого потенциала. С этой методической точки зрения результатом экспертизы является итоговый баланс, суммирующий взвешенные положительные и отрицательные оценки различных аспектов технологии и сопровождающийся представлением возможных корректирующих воздействий. Исходя из высказанных соображений об объектах, субъекте, целях и задачах гуманитарной экспертизы, имеет смысл остановиться специально на вопросе о ее возможном статусе в структуре решений и действий органов государственной власти.

Если в общей оценке сложившегося в стране положения попытаться отвлечься от того, что говорится под влиянием политических пристрастий или диктуется идеологическими предпочтениями, то можно констатировать наличие угрожающе вы-

сокого уровня риска, которому подвергается сегодня человеческий потенциал страны. Это актуализирует задачу научного обоснования и введения в стране в широких масштабах гуманитарной экспертизы принимаемых государственных решений, федеральных и региональных программ, проектов, инициатив. Такая экспертиза могла бы стать эффективным инструментом стратегической и тактической корректировки всей социальной и культурной политики государства, а также определения приоритетов ее жизненно важных направлений.

В настоящее время накоплен определенный опыт государственной экспертизы в сфере деятельности министерств и ведомств, в различных (в том числе и независимых) аналитических и экспертных центрах. Однако государственная экспертиза (социально-экономическая, научно-техническая, экологическая и др.) в значительной степени остается ведомственной как по организации, так и по исполнению, не решая главной задачи – обеспечения социальной и гуманитарной направленности проводимых преобразований. На повестке дня со всей остротой возникает вопрос о необходимости создания единой системы гуманитарной экспертизы. Такая система могла бы решать комплекс взаимосвязанных задач, в частности, способствовать выявлению и решению неотложных социальных проблем, снижению институциональной напряженности. Это послужило бы зримым сигналом того, что сохранение и развитие человеческого потенциала становится не просто декларируемым, но действительным приоритетом государственной политики, подлинной ценностью в глазах как общества, так и государства, а, вместе с тем, стало бы важным шагом в преодолении достигающего порой критического уровня отчуждения человека от власти.

Если говорить о средствах, методах и процедурах, характерных для гуманитарной экспертизы, то принципиально они не отличаются от аппарата, используемого в других видах и формах экспертизы. Поэтому имеет смысл сосредоточиться лишь на ее специфике. По сравнению со всеми другими видами экспертизы для гуманитарной характерно особое соотношение специальных, технических моментов, с одной стороны, и того, что относится к сфере ценностей, – с другой, поскольку «материя», с кото-

рой имеет дело гуманитарная экспертиза, — это интересы и ценности, имеющие во многом субъективный характер. Поэтому для гуманитарной экспертизы принципиальное значение имеет то, что она строится как диалог, как коммуникация индивидов и групп, обладающих существенно различающимися интересами и ценностными установками. В этом смысле она выступает как механизм согласования, выработки компромиссных решений и, помимо прочего, выхода на более фундаментальный уровень общих интересов, выработки платформ, на которых возможен переход от логики противостояния и конфронтации к логике объединения и взаимодействия.

Более того, гуманитарная экспертиза — это не просто средство для перехода к такой логике: этот переход начинает осуществляться в ней самой. Поэтому прилагательное «гуманитарная» в ее названии говорит не только об ее акценте на человеке и человеческом, но и о ее возможностях в смысле гуманизации социальных взаимоотношений и взаимодействий, об их особом типе. С этой точки зрения, результат гуманитарной экспертизы никоим образом не ограничивается итоговым заключением, к которому пришла группа экспертов. Не менее важен и еще один результат — установление каналов, по которым в дальнейшем может осуществляться взаимодействие, и формирование его участников, осознающих и умеющих использовать наличные конструктивные возможности.

Особую актуальность подходы и методы гуманитарной экспертизы приобретают именно сегодня, поскольку она предлагает перспективный и эффективный инструментарий для ослабления напряжений, возникающих в ходе глубоких трансформаций существующих и зарождения совершенно новых социальных институтов.

Литература

Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Человеческий потенциал: опыт гуманитарной экспертизы // Человек. 1997. № 3.

Иншаков О.В. Человек институциональный — проблема свободы выбора // Человек в современных философских концепциях. Т. 1. Волгоград, 2004.

Основы изучения человеческого развития. М., 1998.

Психолого-педагогическая диагностика в образовании: опыт гуманитарной экспертизы / Под ред. Б.Г. Юдина, Е.Г. Юдиной. М., 2003.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2002.

Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения / Под ред. Б.Г. Юдина. М., 2002.

Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1999.

Юдин Б.Г. Еще раз о перспективах человека // Человек. 2004. № 4.

Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. N. Y., 2002.

¹ О понятии человеческого потенциала см., например: (Основы..., 1998; Человеческий потенциал..., 1999; Человеческий потенциал России..., 2002).

Г л а в а 18

ЛОББИЗМ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Лоббизм (от англ. «lobby» = «кулуарь») как институциональный механизм взаимодействия предпринимательских и властных структур, основанный на продвижении частных интересов через группы влияния и систему связей, стал довольно распространенным явлением, немаловажным звеном в отношениях между государственными органами и бизнесом в современной России. Как массовое социальное явление он служит показателем признания предпринимательскими кругами регулирующей роли государства и представляет собой одну из форм политической деятельности капитала, связанной с выражением и реализацией корпоративных или клановых интересов.

Одним из важнейших факторов, лежащих в основе данного феномена, является динамизм современной политики, способствующий беспрецедентному расширению роли государственной бюрократии. Она может как ускорить, так и застопорить

рить принятие решений практически по любому вопросу. Причем разные государственные и политические институты не всегда и не во всем действуют согласованно. Механизмы принятия решений на всех уровнях государственной власти находятся в постоянном движении, конкурируют и конфликтуют друг с другом, а предлагаемые решения часто не согласованы вплоть до взаимного отрицания, расширяя пространство институциональных противоречий и адвокатских уловок. Это объясняется прежде всего тем, что разные ведомства, отделы, министерства строятся по принципу более или менее узкой специализации, соответственно предлагаемые ими программы и решения отражают как профессиональные интересы их составителей, так и интересы тех сфер общественной жизни, которыми они призваны управлять.

Наряду с этим, государственные учреждения и должностные лица, в прерогативы которых входит принятие институциональных решений, отличаются плюрализмом мнений, позиций, симпатий, антипатий и т. д., вследствие чего они доступны влиянию самых разных экономических, политических, этнических и иных групп, стремящихся реализовать свои интересы.

Государственная бюрократия является по своей природе естественным союзником собственников и менеджеров частных корпораций. Не случайно зачастую имеет место органическое сращивание или симбиоз их интересов. Об этом свидетельствует практика взаимодействия созданных после Второй мировой войны в США государственных организаций с огромным бюрократическим аппаратом, таких, как Министерство обороны, Комиссия по атомной энергии, Национальное агентство по исследованию космического пространства (НАСА) с корпоративной системой.

Правительственная политика в важнейших сферах общественного бытия не может быть разработана и осуществлена без учета интересов корпораций. «Там, где государственные и частные организации действуют в духе взаимной помощи, — писал в этой связи Дж.К. Гэлбрейт, — их власть усиливается за счет разделения труда, которое делает возможным действие лоббистов, использование политических фондов, поощрение политических действий профсоюзов и местных властей, использование секретной информации в той организации, частной или государственной,

которая лучше подготовлена для выполнения какой-то конкретной задачи» (Гэлбрейт, 1976, с. 279). Эффективное функционирование капитала уже в конце XIX – начале XX в. предполагало включение чиновников в состав наблюдательных советов компаний и наделение их пакетами акций. В условиях же современного транснационального капитализма такие тенденции неизмеримо усилились.

По-видимому, лоббизм в качестве институционального механизма отстаивания и продвижения интересов определенных социальных групп возник и развивался параллельно становлению и формированию институтов государственного управления. Лоббистов часто изображают как нечистых на руку людей, лишенных морально-нравственных ориентиров, преследующих корыстные интересы своих нанимателей, не сообразуясь при этом принятыми в обществе морально-этическими нормами. Многие убеждены в том, что они занимаются тайной и даже противозаконной деятельностью, при этом оказывая большое влияние на выработку политики государства и принятие конкретных институциональных решений путем подкупа нужных людей, внесения незаконных взносов в фонды избирательных кампаний тех или иных партий или политических деятелей.

Однако при оценке феномена лоббизма следует иметь в виду, что речь идет не только и не столько о коррупции, кумовстве, патернализме, клановости и т. д., хотя и они в значительной степени присущи этому механизму, а о так называемом цивилизованном лоббировании, осуществляемом при соблюдении определенных признанных участвующими в процессе сторон «правил игры».

Деятельность лоббистов обычно рассматривается в трех аспектах: лоббизм как социальное явление; лоббирование как вид политической деятельности; лобби как форма организации заинтересованных лиц. Такого рода действия, в принципе, могут быть открытыми, если они осуществляются в рамках закона или в его отсутствие, или скрытыми, если идут в нарушение норм законодательства. Маскировка экономических и политических интересов патриотическими лозунгами не должна вводить в заблуждение: это излюбленная тактика капитала, находящегося в системе лоббизма, беспринципно скрывающего свои

действительные цели и отрицающего предпринятые для их достижения действия.

Лоббирование представляет собой деятельность в органах законодательной и исполнительной власти с целью выявления лиц, обладающих ключевыми компетенциями принятия институциональных решений, и предоставления им интересов определенных общественных групп для дальнейшего их продвижения. Этот процесс осуществляется с помощью довольно сложных механизмов, технологий, организационных форм и методов, обеспечивающих принятие органами власти решений, соответствующих интересам лоббирующей группы.

Лобби представляет собой систему разного рода организаций (предпринимательских, отраслевых, профессиональных, религиозных, культурных и т. д.), члены которых отстаивают и продвигают свои интересы, но, в отличие от политических партий не ставят целью завоевание власти, а ограничиваются давлением на нее. Нередко лобби именуют группами интересов или группами давления. Сила влияния лобби во многом определяется количеством и составом членов организации, ее экономическим могуществом, а также ролью в обществе.

Наибольшее распространение лобби получило в условиях рыночной экономики и зрелого гражданского общества, либеральной хозяйственной и плюралистической общественно-политической системы. Именно с этим связано усиление внимания российской общественности в целом и, в особенности, предпринимателей к этому механизму подготовки и принятия социально значимых законов и нормативно-правовых актов, осуществления действий государственных органов в соответствии с определенными институциональными интересами.

Практика лоббирования активно используется фермерскими, профсоюзными и иными общественными организациями, призванными защищать интересы граждан в различных сферах жизни. Его субъектами являются разного рода лоббистские фирмы, в том числе консультационные и рекламные агентства, аналитические центры, средства массовой информации, которые способны оказывать воздействие на политических деятелей угрозой скандала с преданием гласности компрометирующих данных (шантаж). Отношения лоббирования возникают по поводу конк-

ретных законов, выделения кредитов и дотаций, выдачи лицензий и квот, то есть преследования прежде всего экономических интересов, поэтому проблема лоббирования затрагивает прежде всего бизнес. Как показывает опыт США, расходы корпораций на содержание лоббистов не только окупаются, но и приносят крупные доходы. Используя связи, подарки, приглашения на обеды и в театры, на концерты, оказывая другие «благодетения», лоббисты добиваются выделения дополнительных ассигнований и заключения сверхприбыльных сделок (Вавилов, 1994).

Институциональная неопределенность статуса лоббистов обусловлена отсутствием достаточно четких законодательных норм, регулирующих их деятельность. О значимости и возрастающей роли лоббизма в индустриально развитых странах свидетельствуют, в частности, предпринимаемые ими усилия по установлению над лоббистами государственного контроля, призванного заключить их действия в рамки закона. В целом же лоббирование чрезвычайно трудно контролировать и регулировать в законодательном порядке, поскольку оно реализуется весьма изощренными приемами и методами. В США законность лоббистской деятельности часто обосновывают ссылками на первую поправку к Конституции, которая гарантирует право граждан обращаться к правительству с прошениями. Необходимо отметить, что такое право в той или иной форме зафиксировано в Конституциях и законодательных актах любой страны с либерально-демократической формой политической организации.

В некоторых странах (США, Канада) приняты специальные законы о лоббизме, в других (Австралия, Бразилия, Россия) подобные законы находятся на стадии парламентской подготовки. В Австралии и Германии действуют специальные правила регистрации юридических и физических лиц, пытающихся влиять на законодательный процесс. В Германии разработаны также ведомственные нормы, регламентирующие взаимоотношения законодательной и исполнительной властей с агентами лобби.

Постановка государством деятельности лоббистов под свой контроль призвана институционально специфицировать их деятельность, сжав ее в «тиски» санкций и правил для предотвращения или, во всяком случае, сужения возможностей для коррупции. Основой законодательства о лоббизме в России являются

положения Конституции РФ о праве граждан создавать объединения и общества, обращаться в государственные органы, участвовать в управлении государством (ст. 30, 32, 33), позволяющие юридическим и физическим лицам вступать в контакты с властными структурами, вносить соответствующие предложения, предлагать информационные и аналитические материалы.

В США в закон 1946 г. о реорганизации законодательной власти был внесен специальный раздел, предусматривающий регистрацию у служащего палаты представителей и секретаря сената всех лиц и групп, расходуемых денежные средства преимущественно для оказания влияния на процесс принятия Конгрессом тех или иных законов. Результатом введения системы контроля и регулирования лоббистской деятельности, по сути дела, стала легализация ее в качестве особой профессии.

Каждый лоббист обязан обнародовать объемы своих расходов. Предусматривается также прозрачность всех взносов и регистрация имен и адресов всех источников, внесших в фонд лоббирования более 500 долл. Денежные расписки хранятся в течение не менее двух лет после регистрации лоббистской группы в Конгрессе. Ежеквартальное издание Конгресса США «Congressional Quarterly» периодически публикует список лиц и групп, осуществивших наибольшие расходы по лоббированию, и приводит размеры таких инвестиций.

Нарушение этих правил предусматривает штраф в 5 тыс. долл. или тюремное заключение сроком до одного года. К тому же нарушителям правил грозит запрет на занятие лоббистской деятельностью в течение трех лет. Их повторное нарушение влечет за собой штраф в 10 тыс. долл. или тюремное заключение сроком до пяти лет, а, возможно, совмещение двух этих видов наказания. В 1991 г. был принят новый свод правил для государственных служащих США, запрещающий принимать подарки стоимостью свыше 25 долл.

Правительства ряда штатов ввели еще более жесткие правила деятельности лоббистов и их организаций. Однако в силу расплывчатости законодательства принимаемые в этой области решения довольно легко оспариваются в судебном порядке. Адвокаты умело используют тот факт, что все еще нет единого общепринятого определения того, кто именно должен регистриро-

ваться в качестве лоббиста. Нет также единого мнения относительно эффективности регистрации как механизма контроля этой деятельности.

Интересы бизнеса лоббируют прежде всего многочисленные предпринимательские объединения (союзы, ассоциации, лиги и т. д.), общественно-государственные фонды, общественные структуры при органах законодательной и исполнительной власти, бизнес-клубы, социальные лоббистские фирмы.

В вашингтонских коридорах власти лоббисты добиваются финансовых выгод, налоговых и иных льгот для своих клиентов, устанавливая связи с нужными людьми в комитетах Конгресса и в ведомствах исполнительной власти. Нередко лоббисты выполняют роль посредников при заключении разного рода сделок между заинтересованными группами и политическими деятелями, оказывая существенное влияние на формирование экономической стратегии государства. Учитывая этот факт, некоторые авторы даже называют лобби «третьей палатой» законодательной системы США наряду с Палатой представителей и Сенатом. Закономерно, что в последние годы наблюдается заметное усиление политической активности бизнеса. Показателем этого является, в частности, неуклонный рост числа корпораций, открывающих свои представительства в Вашингтоне, и увеличение численности персонала этих представительств. Если в 1970-х гг. она составляла всего 1–2 человека, то в настоящее время возросла в среднем до 6–7 работников.

С наибольшей последовательностью к практике лоббирования прибегает крупный и средний капитал, институционально организованный в формах ассоциаций и союзов. Каждая предпринимательская организация общенационального масштаба содержит в Вашингтоне сеть лоббистов. Один только Американский институт нефтяной промышленности имеет в столице около 60 зарегистрированных лоббистов. В широких масштабах лоббирование практикуется на уровне штатов и на местном уровне. Так, во время каждой сессии Законодательного собрания Калифорнии регистрируется около 500 лоббистов. На этот статус нередко претендуют бывшие члены законодательных собраний. В своих избирательных округах членам Конгресса приходится иметь дело с представителями разных институциональных интересов, отста-

ивающих местнические, профессиональные, деловые и иные притязания. На местном уровне и уровне штатов активно действуют также общенациональные предпринимательские и прочие организации: например, Торговая палата США создала на местах около 2300 комитетов, призванных усилить «нажим» на членов Конгресса. «Именно в провинциальных округах, – писал известный американский социолог Р. Миллис, – наиболее открыто действуют группы вымогателей, готовые продавать свои голоса в обмен на разные услуги. Политических деятелей со всех сторон осаждают со своими требованиями и просьбами подобные группы людей – крупные и мелкие, местного или общенационального масштаба» (Миллис, 1959, с. 343).

Шансы конгрессменов и сенаторов на переизбрание зависят от их способности в течение длительного времени подтверждать свои претензии на место в соответствующей палате на выборах и тем самым сохранять обретенный политический статус. Это, в свою очередь, требует от них способностей избегать конфликтов с влиятельными организованными группами, умения учитывать их требования, в некотором роде жонглировать и манипулировать ими, совмещая порой, казалось бы, несовместимые друг с другом позиции. В этом плане конгрессмены превращаются в своего рода маклеров от политики, им приходится постоянно добиваться компромиссов между различными интересами и в процессе поисков этих компромиссов они, по удачному выражению одного исследователя, сами превращаются в «ходячий компромисс, лишенный твердой политической линии».

Как правило, лоббистов в Америке именуют по названию бизнеса, который они представляют: «нефтяное лобби», «оружейное лобби», «автомобильное лобби» и т. д. Хотя при регистрации от них требуется информация о том, на кого именно они работают, зачастую названия конкретных корпораций, интересы которых представляют лоббисты, сохраняются в тайне.

К наиболее крупным лоббистским организациям относятся, в частности, «National Rifle Association», «National Education Association», «Американская федерация фермерских бюро», «Американская ассоциация», «Американский нефтяной институт», «Шоссейное лобби», «Военно-промышленное лобби» и т. д. Как признавал журнал «Fortune», финансово-промышленные круги

Америки превратились «в самое активное и влиятельное лобби страны, отстаивающее своекорыстные интересы». Активно реализуют функцию лоббирования и такие организации бизнеса, как Национальная ассоциация промышленников и Торговая палата США.

В России лидирующие позиции в сфере лоббизма занимают Торгово-промышленная палата РФ, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), Федерация товаропроизводителей России, Круглый стол бизнеса России и др. Разумеется, немаловажная роль в лоббистской деятельности принадлежит руководителям ведущих компаний и корпораций нашей страны.

Лоббированием республиканских, краевых, областных и корпоративных интересов занимаются региональные лидеры, которые своей целью ставят выстраивание оптимальных взаимоотношений своих регионов с центром, получение бюджетного финансирования под конкретные проекты. Лоббисты-профессионалы, используя круг своих связей, отстаивают интересы близких им структур. Руководители крупных общественных объединений (таких, например, как Ассоциация российских банков, Торгово-промышленная палата России и др.), многие депутаты Государственной Думы РФ вопреки своему статусу, по сути дела, на постоянной основе занимаются лоббированием в пользу тех или иных хозяйственных субъектов и их альянсов. Факт интенсивного формирования в России лоббизма как механизма реализации институциональных интересов налицо. Круг решаемых посредством него задач очерчен общетраслевым кредитованием и субсидированием, формированием экономической политики государства, спонсированием избирательных кампаний, оказанием помощи в получении достоверной информации о рыночной конъюнктуре и политических прогнозах, поиске партнеров для совершения сделок, включая зарубежных, и т. д.

Но особое значение для корпоративного лобби имеет привлечение и обеспечение финансовых потоков за счет таких источников, как экспортно-импортные и банковско-финансовые операции, прямые бюджетные дотации и льготные кредиты, льготные экспортно-импортные тарифы, приватизация государственной собственности.

Предпринимательские структуры обычно довольно сдержанно оценивают эффективность своего воздействия на деятельность государственных органов. На вопрос: «В какой мере, на Ваш взгляд, государственные органы учитывают позицию Вашего союза/ассоциации?» Типичными являются ответы: «в значительной мере», «где-то дает эффект, где-то нет», «усилил много, а что в итоге?» (Системы..., 1997, с. 39). Надо признать, что организации бизнеса порой с опозданием входят с инициативой в государственные органы в порядке реакции на законопроекты, решения, постановления, которые затрагивают их институциональные интересы.

В чем же причина этого? Исследование предпринимательских структур, проведенное под руководством И.М. Бунина, показало, что они находятся на начальной стадии становления в качестве института политического представительства ассоциированных отраслевых и профессиональных интересов бизнеса. Пока что эти структуры не обладают достаточным авторитетом для эффективного посредничества во взаимоотношениях власти и предпринимательских групп. Кроме того, они не располагают, за исключением Торгово-промышленной палаты РФ, достаточно разветвленной системой представительства в органах государственной власти (там же, с. 41). Таким образом, дальнейшая тенденция институциональной организации лоббизма связана с интеграцией и консолидацией систем налаженных связей, их взаимным пересечением и усилением, формированием сети региональных подразделений и встраиванием своих агентов во все без исключения органы законодательной и исполнительной власти.

Для эффективного функционирования в нестабильной рыночной среде корпоративные союзы и альянсы должны иметь своих представителей в «верхах» власти, оптимальную экспортно-импортную структуру, собственную финансово-банковскую систему, дружественную фракцию или политическое движение, подконтрольные средства массовой информации. Наряду с этим целесообразно создать союз предпринимателей или директоров, собственный или заказной аналитический центр, информационные центры, инициировать или подключиться к уже действующим благотворительным фондам и программам (см.: Лоббизм..., 1995, с. 51)). Результатом станут формирование позитивного ста-

туса корпоративного образования в представлении общества и государства, расширение институциональных возможностей и создание предпосылок эффективного реагирования на возмущения внешней социально-экономической среды.

Ускорению процесса становления цивилизованного лоббизма могло бы способствовать принятие соответствующего законодательства. В проекте Федерального закона «О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» приводятся следующие формы и методы лоббистской деятельности: предоставление в государственные органы проектов законов, указов, распоряжений, постановлений и иных нормативных актов, а также документов и информационных материалов, касающихся полномочий соответствующих органов исполнительной власти; участие в обсуждении этих материалов комитетами и комиссиями Федерального собрания, органами исполнительной власти; устные и письменные контакты с депутатом, должностным лицом федеральных органов государственной власти по поводу интересов физического лица или организации, в пользу которых осуществляется лоббистская деятельность; экспертиза проектов законов и иных нормативных актов федеральных органов государственной власти с предоставлением последним результатов экспертизы в том случае, если она осуществляется не по запросам этих органов.

В реальной практике России и зарубежных стран используются различные формы и методы лоббирования органов законодательной и исполнительной власти. Успех лоббиста зависит от хороших отношений с теми, кто задействован в системе принятия решений. Он должен знать, кем и в какие сроки обсуждается интересующий его вопрос, обладать оперативной информацией на этот счет. Поэтому, прежде чем оказать сколь угодно эффективное влияние на принятие тех или иных решений, необходимо выявить государственное учреждение или должностное лицо, в компетенции которого находится решение соответствующих вопросов, курирование конкретного направления политики и соответствующих программ.

Первым блоком алгоритма лоббирования является четкая формулировка интересов клиента и связанных с ними задач. Затем осуществляется поиск и группировка законодательных ак-

тов, напрямую и косвенно относящихся к интересам клиента. Далее определяют, в прерогативы каких именно комитетов или комиссий Государственной Думы и иных федеральных ведомств входят контроль, финансирование и реализация интересующих программ. Следующим шагом должно быть выявление заинтересованных в программе компаний и фирм, ассоциаций, профсоюзов, а также лиц, занимающихся программой в государственных ведомствах. Через них осуществляется институциональное давление для решения поставленных задач по реализации интересов клиента.

В современных условиях отечественные лоббистские организации основной акцент делают на работе с исполнительными органами власти, применяя «коридорный лоббизм», суть которого заключается в концентрированном продвижении выгодного и всемерном торможении или полном отказе от принятия неудобного заказчику решения. В этих целях важно иметь и поддерживать «своих» людей на ключевых постах. Поэтому участники процесса лоббирования активно следят за расстановкой и перестановками исполнителей значимых функций в бюрократическом аппарате и степенью их влияния на руководство (Лоббизм в России..., 1996, с. 8–9).

Поэтому особое внимание уделяется воздействию на подбор и назначение кадров на ответственные государственные должности, особенно, связанные с переделом собственности и финансовой системой, политической поддержке подобных ведомств, воздействию через совещательные комитеты, выступления на слушаниях в соответствующих министерствах и ведомствах и т. д.

Применяемые лоббистами приемы и методы варьируются в зависимости от характера продвигаемого вопроса, степени поддержки того или иного законопроекта, состояния общественного мнения, близости сроков выборов, позиций заинтересованных сторон и «ветвей» власти и т. д. Самыми распространенными из них, как отмечали А.Л. Флитчер и Б. Росс, являются «личные контакты с теми, кто принимает решения, мобилизация влиятельных групп избирателей для нажима на членов конгресса, пропаганда своей позиции путем рассылки письменных материалов по почте, а также сбор денежных средств, подбор сотрудников или оказание иных услуг в избирательной кампании» (Флит-

чер, Росс, 1995, с. 104). Большую часть времени лоббисты убеждают членов законодательных собраний проголосовать за или против того или иного проекта, внести необходимые для своих клиентов поправки либо составить новую редакцию законов и постановлений и т. д.

Особенно мощным и испытанным «оружием» в руках лоббистов, призванным привлечь на их сторону сотрудников аппарата различных комитетов и депутатов законодательных собраний различного уровня, является институциональная информация, обнаружение или точечный «выброс» которой оказывает значительное влияние на их статус. Обычно такие данные имеют компрометирующий характер, что позволяет использовать шантаж разной степени «тяжести» для реализации своих целей. Но эта информация может иметь и позитивный характер, предупреждая чиновников о готовящихся изменениях политики руководства и т. д., делая лоббиста незаменимым осведомителем и создавая потенциал ответных продуктивных действий.

Гарантией успеха лоббиста в достижении доверительных отношений является точность институциональной информации, ведь конкуренты могут легко разоблачить неверные данные, а чиновники, которых ввели в заблуждение, перестанут доверять такому источнику, заблокировав для него любые привилегии. Неудивительно, что для сбора информации по обсуждаемым вопросам, которая открывает лоббистам путь к ключевым фигурам по их проблеме, они привлекают высококлассных специалистов и комбинируют многочисленные источники. Лоббисты не жалеют сил и времени, чтобы выяснить повестку дня законодателей, место и время их пребывания и способы, которыми можно воздействовать на них для склонения на свою сторону (см. подробнее: Schlozman, Tierney, 1986, Ch. 11). Такие транзакционные издержки не только не нуждаются в минимизации, напротив, их целесообразно увеличивать в пределах потенциальной окупаемости, трактуя их как инвестиции в закрепление и упрочение своего статуса доверительного участника сделок на политическом рынке.

Взаимодействие лоббистов и чиновников во времени не ограничивается этапом разработки законодательства. Немаловажное значение приобретает его окончательная доработка до практического воплощения, в рамках которой создаются многочис-

ленные проекты постановлений и инструкций по осуществлению принятых законов, которые лоббисты активно пытаются скорректировать в пользу своих клиентов.

Воздействие на законодательные органы государственной власти за рубежом и отчасти в России осуществляется с помощью следующих методов: сбор и представление информации; выступления на слушаниях в комитетах и комиссиях парламента; участие в разработке и внесение на рассмотрение законопроектов; информирование депутатов о социальных, экономических и политических последствиях принятия соответствующих законов; пропагандистские акции в средствах массовой информации; неформальные контакты; рассылка писем, телеграмм, поддержка оперативной мобильной связи; финансирование избирательных кампаний и др. Значимыми формами деятельности лоббистских организаций являются информирование своих членов (компаний, ассоциаций, предпринимателей) обо всех значительных изменениях в политике государственных органов, подробный комплексный анализ их деятельности и составление прогнозов.

Естественно, что лоббистской деятельностью может заниматься человек, обладающий специфическими характеристиками – функциональными знаниями, навыками, рутинами и т. д. Реальность экономической жизни индустриально развитых стран состоит в том, что лоббирование стало профессией, требующей полной занятости. Для того чтобы эффективно оказывать влияние на принятие решений, необходимо пристально следить за изменениями в системе государственных институтов и динамикой должностных лиц, в прерогативы которых входит принятие институциональных решений. Это в свою очередь требует времени, умения преодолевать трудности, знаний, жизненного и профессионального опыта. Поэтому неудивительно, что лоббисты – это, как правило, профессионалы: эксперты, консультанты, часто из числа бывших политиков, депутатов, должностных лиц в правительстве, государственных служащих, военных, юристов, специалистов по связям с общественностью, социологов, политологов и т. д. Кроме того, это люди с довольно широкими связями в кругах бизнеса и «коридорах власти», общительные и контактные, способные собирать и систематизировать информацию в различных сферах бизнеса и политики.

Нужно преодолеть стереотипное восприятие лоббизма как непродуктивной деятельности, граничащей с социальным паразитизмом. Напротив, его агенты в условиях современного государственно-монополистического капитализма осуществляют функцию эффективного посредничества бизнеса и власти, своеобразно компенсируя отсутствие соответствующих институтов гражданского общества. Критика лоббистов с научной точки зрения представляется узкой и неплодотворной (равно как и осуждение ростовщиков в трудах мыслителей античности и средних веков), поскольку носит неисторический характер, абстрагируясь от конкретики пространства и времени современного общества. Лоббизм в актуальной форме необходим, он как бы заполняет одну из многих институциональных «ниш», но преходящ, так как его функции постепенно будут более эффективно осуществляться специализированными институтами гражданского общества.

Критерием эффективности лоббистской деятельности является степень реализации интересов клиента. Поэтому профессиональный лоббист непрерывно повышает свой образовательный уровень, обменивается информацией с представителями государственных органов, принимающими решения, совершенствует формы и методы работы. Опытные лоббисты хорошо знают механизмы и процедуры движения законов и постановлений по инстанциям, стадии их прохождения, обсуждения и принятия, поэтому могут выбирать оптимальный момент для приостановления или предотвращения принятия неблагоприятного для своих клиентов решения или проекта.

От лоббистов требуются следующие качества: профессионализм, компетентность, информированность, предусмотрительность, умение завоевывать доверие, честность, открытость, уверенность в себе и чувство собственного достоинства, наличие личных связей и т. д. Они должны ориентироваться в деятельности государственных органов, политических партий, отдельных политиков и, безусловно, знать интересы предпринимателей, уметь их представлять.

За рубежом наблюдается тенденция профессионализации лоббистов. В США, например, сложились три типа этих хозяйственных агентов. Лоббисты, работающие по контракту («наемники»), составляют $\frac{1}{10}$ лоббистского корпуса, однако пользуются

ся наибольшим вниманием со стороны прессы, имеют большие доходы. «Внутренние» лоббисты представляют интересы тех отраслей, в которых они работают. Многие из них являются исполнительными директорами, президентами, штатными работниками. Существуют также лоббисты-добровольцы из числа рядовых граждан – работников небольших коммерческих организаций (см.: Государственная..., 1995, с. 10–11). Независимо от того, к какому типу они относятся, лоббисты стремятся сохранить свою репутацию честных и надежных посредников, представляющих интересы клиентов с максимальной эффективностью и минимумом негативных для них экстерналий.

Таким образом, узаконенный лоббизм является важной формой развития цивилизованного предпринимательства, институциональной формой его взаимодействия с властными структурами. Дальнейший ход борьбы за принятие Федерального закона о лоббистской деятельности в России покажет, насколько ответственные предприниматели заинтересованы в том, чтобы поставить работу своих агентов под контроль закона. В актуальном виде этот правовой акт формирует институциональные рамки лоббизма, требуя в дальнейшем дополнительного нормативного сопровождения. Наиболее проблемной является статья, по которой деятели лобби должны будут в обязательном порядке указывать своих клиентов, что нехарактерно для современной «теневой» формы этой деятельности.

Вместе с тем, как институциональный механизм взаимодействия предпринимательских и властных структур, лоббизм качественно неоднороден. «При ближайшем рассмотрении, – замечает в этой связи А. Зудин, – оказывается, что далеко не все, что носит название лоббизма, является таковым в узком смысле, то есть влиянием на решения извне, не предполагающим установления постоянных и обязывающих отношений. В этом смысле лоббизм противостоит институционализированным формам взаимоотношений. В чистом виде эти полярные стратегии встречаются достаточно редко, место четкой границы между ними занимает множество переходных типов. На практике политические действия групп давления тяготеют к одному или другому типу, и только в этом смысле можно говорить о стратегии лоббизма и стратегии институционализации» (Зудин, 1996, с. 18). Такая трак-

товка лоббирования правильна по сути, но теоретически не совсем корректна. Ведь, хотя статус лоббиста действительно не зафиксирован в формальном праве, это не отменяет его институциональной природы, позволяющей оптимизировать уровень транзакционных издержек бизнеса в процессе отстаивания им своих ассоциированных интересов.

Институционализированные в рамках законодательства формы взаимодействия власти и бизнеса более предпочтительны, так как предполагают наличие механизма контроля ответственности сторон за принятые решения, обеспечивают легитимный статус представительства предпринимательских кругов в данном процессе и в значительной мере исключают субъективные действия представителей власти при поддержке тех или иных хозяйственных структур или групп предпринимателей. Институционализированные формы олицетворяют собой более высокую степень развития этого взаимодействия, поскольку порождаемая ими система отношений носит не спорадический, а регулярный, стабильно воспроизводимый характер, информационно более прозрачна и в несравненно большей мере поддается общественному контролю и влиянию.

Институционализация взаимодействия бизнеса и власти выступает как официальное закрепление присутствия предпринимательства в системе органов государственного управления. Современный зарубежный, а также отечественный исторический опыт взаимодействия, в частности, посредством участия в работе особых совещаний при ведущих министерствах и ведомствах дореволюционной России, комитетах по распределению государственных заказов и т. п. достаточно известен. Естественно, что и в условиях нынешней России во многих случаях он рассматривается группами давления отечественного предпринимательства в качестве главной политической цели взаимовыгодного взаимодействия со структурами законодательной и исполнительной власти. Можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что без выхода системы представительства интересов на этот уровень любые успехи, достигнутые на «нижних этажах» системы, могут оказаться преходящими. Только в случае институционализации лоббисты получают возможности воздействия на механизмы принятия решений как бы изнутри и постоянно в соот-

ветствии с определенной процедурой, гарантирующей учет их интересов при подготовке решений. В сущности, лоббист превращается в неотъемлемый компонент управленческой структуры и механизма принятия институциональных решений.

Подобные формы взаимодействия активно использовались в России в начале XX в., когда значительное распространение получила практика создания государственно-предпринимательских органов на началах взаимного представительства. Так, для регулирования производства и распределения государственных заказов в транспортном машиностроении и металлургии был сформирован Комитет по распределению железнодорожных заказов (1902–1915 гг.). На аналогичных основах функционировали Съезд по делам прямых сообщений по вопросам железнодорожного, морского и речного транспорта (1899–1914 гг.) и Совещание по судостроению, занимавшееся размещением заказов и другими проблемами судостроительной промышленности.

Одним из каналов воздействия торгово-промышленных организаций на экономическую политику государства явилось введение представителей предпринимательских ассоциаций в различного рода советы, комитеты, совещания, создававшиеся при ведущих министерствах и ведомствах. Уже в 1902 г. Всероссийское общество сахарозаводчиков ввело в Особое совещание при Министерстве финансов девять своих наиболее влиятельных агентов. В годы Первой мировой войны эта практика еще в большей степени укрепилась. Особые совещания с представительством предпринимательских союзов были созданы при всех ведущих министерствах и ведомствах.

В современной Японии мероприятия, направленные на развитие тех или иных отраслей, осуществляются не на основе односторонних, обязательных к исполнению правительственных директив. Решения в области экономической политики принимаются на основе широкого обмена мнениями с представителями промышленных кругов, профсоюзов, потребительских организаций, ученых и т. д. Промышленная политика реализуется посредством системы сотрудничества с производителями в соответствующих отраслях путем их стимулирования к проведению тех или иных мероприятий. В этих целях при формировании отдельных блоков такой политики создаются специальные советы, со-

стоящие из широкого круга заинтересованных лиц, а также отраслевые организации.

Более того, практика взаимодействия распространяется на фундаментальную научно-исследовательскую деятельность и ее реализацию в конкретных моментах экономической политики. Так, структура планово-экономического управления правительства Японии включает специальное подразделение – Национальный институт исследования прогресса. Его основной функцией является изучение в контексте экономической динамики Японии принципиально новых проблем мирового развития, связанных с ролью этой страны в международном сообществе и существенными изменениями во всех сторонах жизни японцев. Институт ориентирован на прогнозирование будущего и на формирование на этой базе стратегических основ экономической политики.

Институт является общественно-частной организацией, созданной представителями правительства, деловых кругов, работников наемного труда и академических учреждений. Финансирование осуществляется из трех источников: 15 млрд иен выделяет правительство страны, 5 млрд – местные правительства, 10 млрд – частный сектор. С 1986 г. по 1990 г. были определены следующие десять исследовательских тем: человечество и будущее – Япония и мир в ближайшие 50 лет; проблемы, с которыми столкнется Япония в 90-е годы XX в.; тенденции развития международных отношений; обеспечение жизнеспособности мирового хозяйства и методы поддержания экономической стабильности; экономическая политика в новом индустриальном обществе; роль правительства и реформирование системы управления; новые направления в развитии науки и техники и политика их стимулирования; изменения в образе жизни японцев и вызванные ими противоречия; проблемы больших городов и политика их разрешения; повышение эффективности функционирования местных органов власти.

В течение 1989 г. институт завершил 21 исследовательский проект, один из которых был озаглавлен «К более гибкой активности корпораций». В начале 90-х годов он работал над двумя крупными исследовательскими проектами, касающимися интернационализации экономической жизни: «Исследования

новых проблем японо-американских отношений», «Отношения частных предприятий и государства в условиях взаимосвязанной мировой экономики». Таким образом, уже на стадии прогностического анализа проблем, затрагивающих интересы общества, государства и предпринимательства, эта смешанная частногосударственная научно-исследовательская структура закладывает основы приоритетных направлений взаимодействия власти, социума и бизнеса.

И в других странах мира предпринимательские структуры активно взаимодействуют с органами государственной власти и управления. Так, в формировании внешнеэкономического курса США наряду с государственными министерствами и ведомствами самое активное участие принимает множество полугосударственных, частных и общественных организаций, представляющих интересы различных групп предпринимателей всех отраслей и регионов страны.

К числу наиболее авторитетных полугосударственных организаций, фактически встроенных в институциональную структуру механизма внешнеэкономического регулирования, относятся созданные в разное время при американском правительстве консультативные органы – Комитет по политике в области торговли услугами, Специальная комиссия при президенте по проблемам международного частного предпринимательства, Комиссия по вопросам промышленной конкурентоспособности, Национальная комиссия по сельскому хозяйству, торговле и экспортной политике, Экспортный совет при президенте. В их состав входят крупные бизнесмены, бывшие государственные деятели, представители законодательной и исполнительной власти. Эти комитеты и комиссии обладают совещательным правом голоса, однако к их мнению, отражающему позиции влиятельных кругов правящего класса, внимательно прислушиваются при проработке различных аспектов внешнеэкономического курса США. Так, Экспортный совет, объединяющий представителей деловых кругов, основных федеральных министерств и Конгресса, является одним из важнейших консультативных органов при президенте, чье мнение имеет зачастую определяющее значение при подготовке важных государственных решений в области стимулирования экспорта.

Помимо участия в формировании внешнеэкономической политики некоторые полуправительственные организации США непосредственно включаются в ее реализацию. Ключевая роль принадлежит Консультативному комитету по программе «Экспортируйте сейчас», состоящему из представителей делового мира, двух губернаторов, председателей организаций штатов и местных организаций экономического развития, председателей районных экспортных советов, также являющихся полуправительственными организациями, которые решают задачи развития экспорта в тесном сотрудничестве с Министерством торговли страны, руководителей торговых и профессиональных групп. Комитет активно сотрудничает с последними, помогая им разрабатывать собственные внешнеэкономические программы, с отделениями Администрации по международной торговле и экспортных советов проводит разного рода рекламные кампании, помогает мелким и средним фирмам пробиться на экспортные рынки, с Институтом мировой торговли в Нью-Йорке разрабатывает программу подготовки специалистов в области экспорта. Зачастую эти полуправительственные организации пользуются большим влиянием среди предпринимателей, чем отдельные подразделения вашингтонской администрации (см.: Соединенные..., 1991, с. 65–67).

Аналогично члены Федерального союза германской промышленности являются постоянными членами различного рода консультативных органов в правительственных учреждениях: в министерствах экономики, финансов, обороны и др. В рамках данного союза функционируют 19 комитетов и 11 рабочих групп по главным направлениям его деятельности, в которые входят представители не только фирм и объединений – членов союза, но и научно-исследовательских, кредитно-финансовых и других организаций, а также торгово-промышленных палат ФРГ. В этих подразделениях подготавливаются и вырабатываются проекты основных решений, рекомендаций и мнений союза, через них же поддерживается тесная связь с правительственными организациями (см.: ФРГ, с. 141). В свою очередь Германское объединение торгово-промышленных палат оказывает активное воздействие на формирование правительственной политики, в том числе ее внешнеэкономического компонента.

Применительно к актуальной задаче модернизации институциональной структуры экономики России интересна деятельность такого специфического объединения германских предпринимателей, как Восточный комитет немецкой экономики. В своей деятельности он формально не подчинен ни правительственным учреждениям, ни каким-либо объединениям. Комитет не зарегистрирован как юридическое лицо и не публикует информацию о своей деятельности. Устав и положение о комитете, порядок избрания его членов, взаимоотношения с правительственными органами и отдельными кругами не являются общедоступными сведениями и относятся к компетенции узкого круга лиц, определяющих торгово-политическую линию в отношении указанных стран.

Основные задачи деятельности Восточного комитета: снабжение текущей информацией и консультирование промышленных кругов по актуальным вопросам экономического положения восточно-европейских стран и внешней торговли с ними; координация позиций ФРГ по всем вопросам экономических отношений с этими странами; консультирование соответствующих федеральных министерств, а также содействие в подготовке и проведении официальных переговоров по экономическим вопросам, связанным с торговлей с восточно-европейскими странами; развитие прямых контактов с соответствующими организациями за рубежом.

Торгово-политические вопросы рассматриваются в Восточном комитете в централизованном порядке, чем обеспечивается единая позиция по этим вопросам во всех отношениях. Вопросами торговли с отдельными странами занимаются соответствующие рабочие группы комитета. При этом ведущую роль в деятельности рабочих групп играет посредничество в контрактах между заинтересованными деловыми партнерами, в первую очередь по вопросам технико-экономической кооперации. Для своих представителей, союзов, торговых палат, правительственных органов Восточный комитет выпускает следующие издания: «Сообщения Восточного комитета» (ежемесячно), «Обзоры Восточного комитета» (по отдельным важным проблемам), «Сообщения по отдельным странам», которые содержат актуальную информацию по двусторонним экономическим отношениям.

Основными направлениями работы комитета являются разработка и постановка перед правительством вопросов о торговле ФРГ с бывшими социалистическими странами, затрагивающих интересы немецких промышленников. Восточный комитет обеспечивает органы государственной власти необходимым фактическим материалом, прежде всего в период подготовки межправительственных переговоров, а также доводит до сведения правительства мнение крупных промышленных фирм, имеющих деловые связи с восточно-европейскими странами.

Хотя Восточный комитет формально не входит в состав Федерального союза германской промышленности, его деятельность фактически им контролируется, что находит свое выражение, в частности, в заслушивании отчетов председателя на общих собраниях союза и финансировании деятельности комитета. Не имея специальных полномочий и поручений правительственных органов, Восточный комитет не может вести каких-либо переговоров, однако его позиция и рекомендации имеют определенное значение прежде всего в разработке конкретных вопросов торговых взаимоотношений между ФРГ и восточно-европейскими странами. В целом Восточный комитет можно рассматривать как информационно-консультативный орган германской промышленности, координирующий ее деятельность в области торгово-экономических отношений (там же, с. 142–144).

В Индии выработанные Федерацией индийских торговых и промышленных палат, а также Объединением торговых и промышленных палат Индии предложения по формированию государственной экономической политики в настоящее время рассматриваются в консультативных учреждениях еще задолго до того, как все задания и программы развития отраслей сводятся воедино в планирующих инстанциях. К примеру, уже в 1987 г., то есть по истечении третьего года седьмой пятилетки, ФИТПП и ОТППИ активно включились в разработку предложений по восьмому плану экономического развития (1990–1995 гг.). Ими были подготовлены альтернативные директивные разработки и схемы распределения капиталовложений, кредитной, лицензионной, налоговой политики, привлечения в страну иностранных инвестиций и т. д. Многие из таких тезисов-рекомендаций обрели в ходе совместных обсуждений приемлемую для этих организаций форму,

были «спущены» в парламент и утверждены в качестве директив восьмой пятилетки (Черновская, 1997, с. 49–50).

В России подобная система взаимодействия находится пока в стадии формирования. Такого рода консультативно-экспертные структуры зачастую формируются «по старинке», преимущественно на межведомственной основе без привлечения доминирующих субъектов рыночного хозяйства, институционально организованных в союзы предпринимателей, профсоюзы и потребительские ассоциации, что во многом обусловлено их эволюционно сложившимся низким, к тому же нелегитимным статусом в системе принятия решений.

Полуправительственные структуры консультативно-экспертного характера недостаточно стабильны и устойчивы. Зачастую они возникают вследствие элементарных политических маневров правительства, а потому, как правило, сравнительно недолго держатся на плаву. Эта судьба постигла, в частности, Совет по предпринимательству при Президенте РФ, Совет по развитию предпринимательства при Правительстве РФ, Совет по промышленности и предпринимательству, Совет по промышленной политике и предпринимательству (1992–1994 гг.) и ряд аналогичных структур. Рождавшиеся преимущественно по политическим причинам ранние формы институционализации лоббизма и патронажа не обладали необходимым запасом прочности, поскольку не были «вплетены» в «ткань» отношений с группами давления. Их политическое влияние определялось, главным образом, связями с исполнительной властью. Поэтому, когда последняя теряла к ним интерес в результате изменения политической ситуации, эти формы лоббизма «демонтировались» или быстро теряли политический статус.

Как свидетельствует исторический и современный зарубежный опыт, данные формы крайне необходимы в целях предотвращения криминализации взаимодействия основных субъектов государственной и хозяйственной власти для достижения и поддержания компромисса их интересов. Необходима легализация лоббизма как механизма реализации институциональных интересов бизнеса в системе государственной власти. В разрабатываемый ныне рамочный Федеральный закон о лоббистской деятельности целесообразно включить положение об обязательном пред-

ставительстве во всевозможных консультативно-совещательных структурах законодательной и исполнительной власти зарегистрированных общественных объединений и движений, и, прежде всего, предпринимательских и профессиональных союзов как доминирующих субъектов социально ориентированной рыночной экономики.

Литература

Вавилов Л. Лоббизм и коррупция в США // Российские вести. 1994. № 14.

Государственная служба. Группы интересов. Взгляд из-за рубежа. Вып. 4. М., 1995.

Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.

Зудин А. Россия: бизнес и политика (стратегия взаимодействия бизнеса и государства) // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 4.

Лоббизм в России: этапы большого пути. Постперестройка // Социологические исследования. 1996. № 4.

Лоббизм сегодня // Власть. 1995. № 3.

Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.

Системы представительства в российском бизнесе: формы коллективного действия // Власть. 1997. № 2.

Соединенные Штаты Америки (серия «Наши деловые партнеры»). М., 1991.

Флитчер А.Л., Росс Б. Как работает Вашингтон. М., 1995.

ФРГ (серия «Наши деловые партнеры»). М., 1993.

Черновская В. Предпринимательские организации и гражданское общество в Индии и России // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 2.

Schlozman K.L., Tierney J.T. Organized Interests and American Democracy. N. Y., 1986.

У Д А Л И Т Ь

У Д А Л И Т Ь

Глава 19

ЧЕЛОВЕК В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ : ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО : ИДЕЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Гражданское общество является необходимой предпосылкой свободного развития человека и его автономного существования в современном мире, чем обусловлена целесообразность соотнесения его идеальной и реальной моделей.

Первая из них в различных вариантах разрабатывалась учеными прошлого. В социально-философской мысли эта модель представлена в учении И. Канта о принципах гражданского состояния и существования людей. Он высказал ряд фундаментальных положений, которые позволяют более четко определить онтологические рамки гражданского общества и гражданской идентичности субъектов.

Вот некоторые из них:

- природные задатки человека, направленные на применение его разума, развиваются полностью не в отдельном индивидууме, а в роде;
- для построения законосообразного порядка в отношениях между людьми природа использует такое средство, как антагонизм — естественное разъединение общества в результате недоброжелательной общительности людей и различий в их задатках;
- самое точное обеспечение свободы ради совместимости ее со свободой других достигается только при всеобщем правовом гражданском состоянии;
- историю человечества можно рассматривать как выполнение тайного плана природы — осуществить совершенное гражданское объединение человеческого рода во имя наиболее полного развития всех задатков людей (см.: Кант, 1965, с. 8–21).

«Вот почему такое общество, — подчеркивает И. Кант, — в котором максимальная свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым принуждением, то есть совершенное гражданское устройство, должно быть высшей задачей природы для человеческого рода...» (там же, с. 13). Отсюда следует, что гражданское состояние людей пользуется безусловным приоритетом по сравнению с естественными и этническими формами их объединения.

Раскроем существенные черты идеальной модели современного гражданского общества, которые в той или иной мере признаются многими исследователями. В идеальном смысле гражданское общество есть сфера современного социума, возникшая на стадии индустриального развития стран Запада и создающая реальные нравственные и правовые предпосылки для динамического, сбалансированного взаимодействия системного и жизненного миров как взаимодополняющих сторон общества, развивающихся в направлении всеобщего, родового и свободного единства людей. Иначе говоря, это — *общество свободных и автономных субъектов — личностей и организуемых ими ассоциаций (сообществ, организаций), осуществляющих свою деятельность в интересах развития каждого человека и всего человеческого рода.*

Гражданское общество в целом и гражданственность характеризуются в идеальном смысле следующими особенностями:

1. Стремлением к наиболее полному выражению и развитию родовых (всеобщих) сил, способностей и интересов участников совместного жизненного процесса. Здесь действует следующая закономерность: условием становления каждого индивида является существование других людей, с которыми он живет на одной лестничной площадке, улице, микрорайоне, городе, регионе, стране, планете.

Цель гражданского общества — не достижение всеобщего счастья и процветания, а создание возможностей и условий становления человека как свободной личности, обретение им свойств и качеств родового человека, то есть целостного субъекта свободной, сознательной и творческой деятельности. В данном контексте родовый человек — это не представитель какого-то отдельного рода, а именно целостный субъект индивидуальной и социальной деятельности¹.

Гражданственность складывается там и тогда, где и когда люди, находящиеся в определенных отношениях друг с другом, становятся представителями всего человеческого рода, поднимаясь на высоту его всеобщих, то есть общеродовых интересов. Рассуждения же о том, что гражданское общество представляет собой сферу частных отношений, получившую поддержку государства или отдельных групп влияния, не имеют под собой серьезных оснований.

2. Гражданское общество характеризуется *свободой выбора* и *самоопределения* участников совместной жизни: каждый вправе поступать так, как он считает нужным, если это не затрагивает жизненных интересов других участников взаимодействия и не противоречит общим правовым или нравственным установлениям.

Быть гражданином и гражданской личностью — значит быть свободным человеком, осуществляющим свою деятельность на основе добровольного выбора. Все помнят знаменитую фразу: жить в обществе и быть свободным от него нельзя. Это сказано не о гражданском обществе, членами которого можно быть, только будучи независимым (конечно, относительно) от самого общества. Его формула — *быть свободным в обществе себе подобных*.

3. Гражданское общество отличается *конвенциональным* (согласованным) и *легитимным* (имеющим юридическую или нравственную силу с точки зрения принятия или одобрения большинством членов данной общности) характером норм и правил поведения: ничто не принимается на веру раз и навсегда; любое правило — результат согласования интересов всех участников взаимодействия.

В отличие от системного мира, где господствуют формальные нормы и правила, в гражданском обществе отсутствует какой-либо нравственный или правовой императив, кроме одного — становление свободной личности. Оно «само-для-себя-и-в-себе» является тем пространством, в котором возникают и конкурируют различные моральные и правовые идеи. Гражданское состояние, приходящее на смену естественному как состоянию дикости и «борьбы всех против всех», предполагает формирование системы права, «внешнего», формального и «внутреннего»,

основанием которого является родовая мораль, основанная на достижении конвенционального согласия.

Гражданское право в его социально-нравственном смысле — это не только право свободного самоопределения субъекта (то есть право, обеспечивающее ему возможность быть самим собой), но и право одной личности уважать и признавать свободу другой личности, действуя при этом в соответствии с общими конвенциональными нормами и правилами.

Реальная модель гражданского общества существует (или существовала прежде) отнюдь не на всем пространстве цивилизованного Запада как «колыбели» прогрессивного человечества, а лишь на отдельных «островках» культуры, которые появляются и исчезают не по общим законам развития человечества, а локально, то есть в зависимости от возникновения благоприятной комбинации политических, экономических и других условий жизни в тех или иных регионах мира.

Поэтому будем исходить из собирательного образа гражданского общества, которое существует в виде локальных форм самоорганизации людей, осуществляющих совместную жизнь на стадии индустриального развития социума.

Интегральным показателем зрелости общества на современном этапе развития выступает гражданственность. Ее критерием является в идеальном плане *целостное отношение человека к социальному и природному миру*, в т.ч. умение удерживать всеобщее (родовое) в конкретных ситуациях взаимодействия с природой, социумом, отдельными людьми; способность устанавливать в каждый момент времени своего существования меру разумного сочетания (баланса) индивидуальных и общественных интересов. Все, что не соответствует этому критерию, не может быть признано легитимным или правомерным.

Понятие «*гражданственность*» соединяет в себе черты всеобщей (общечеловеческой) и особенной (национальной) родовой культуры. Гражданственность — это, прежде всего, органический сплав «высших» (а не просто общеизвестных или индивидуально-личностных) родовых свойств человека, взятых в их идеальном воплощении и реальном бытии².

Гражданственность характеризуется такими чертами, как сознательность и ответственность, свобода (прежде всего, свобода выбора) и творческая направленность, активная жизненная позиция и рефлексивно-критическое отношение к действительности, самоактуализация (стремление субъекта наиболее полно раскрыть свой потенциал) и самоидентичность (стремление субъекта быть в согласии с самим собой).

Гражданственность следует отличать от лояльности и личной преданности, характерных больше для добродетельного подданного, а не для свободного гражданина. Гражданин обладает суверенными правами и свободами в отличие от подданного, которому права и вольности даруются сувереном (монархом). Условием гражданской активности первого является собственный добровольный и сознательный выбор, а второго – наследуемое от рождения или даруемое социальное положение.

Точно также необходимо отличать гражданственность от гражданства как политико-правовой принадлежности лица к тому или иному государству. В соответствии с таким пониманием гражданства принято различать два основных значения понятия «гражданин»: политико-юридическое – «подданный государства» – и духовно-нравственное – «слуга общества» (выразитель общественных интересов).

Реальная гражданственность не является раз и навсегда установленным состоянием или качеством личности. Это скорее результат эволюционного движения социума к свободе и свободному самоопределению человека. Она определяется мерой ее нравственного подвижничества и реальной способностью преодолеть ограничения бездушного индивидуализма или «стадного» коллективизма.

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПРОЦЕССЕ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ :
МЕЖДУ «СИСТЕМОЙ» И «ЖИЗНЕННЫМ МИРОМ»**

Следующий вопрос, который требует отображения средствами научного анализа: каковы условия институционализации гражданского общества в контексте социального бытия человека?

Гражданское общество возникает и формируется из потребностей отдельных групп жизненного мира в объединении и организации для защиты общих интересов перед лицом постоянно возникающей экспансии со стороны государства, рыночной экономики, церкви и других институтов системного мира. Кроме того, процессы самоорганизации жизненного мира могут иметь и отрицательные, деструктивные последствия (например, в случае массовых беспорядков, вооруженных столкновений и пр.). Поэтому гражданские структуры и институты призваны также нейтрализовать подобную деструктивную активность. Таковы главные предпосылки появления механизма *самоорганизации социальных субъектов*.

Как известно, причины и импульсы самоорганизации субъектов жизненного мира не могут быть автоматически перенесены в структуры управления системного мира. Этому противодействует множество факторов как внутри самого жизненного мира, так и со стороны системного. Отсюда вытекает необходимость в существовании «третьей» инстанции, способной примирить или удержать в равновесии конкурирующие или постоянно противоборствующие стороны.

Каким же образом механизм самоорганизации современного общества позволяет избежать крайностей, сопряженных как с абсолютизацией спонтанных процессов жизненного мира, так и с чрезмерной рационализацией и формализацией системного мира?

Наше предположение заключается в том, что гражданское общество постоянно, шаг за шагом преобразует процессы и структуры самоорганизации жизненного мира, вырашая внутри себя новые социокультурные «перегородки» и «прослойки», способные служить прообразами или прототипами определенных структур и процессов в системном мире.

Другими словами, переход от структур жизненного мира к структурам системного мира осуществляется не напрямую, а при помощи посредников, в качестве которых выступают различные институты и организации гражданского общества.

В то же время системный мир можно рассматривать условно как замкнутую и изолированную систему, в которой преобладает закон *возрастания энтропии*, а жизненный мир как открытую систему, на которую распространяется закон *уменьшения энтро-*

лии. Жизненный мир становится, таким образом, внешней средой системного мира, в котором непрерывно растет энтропия. В свою очередь системный мир является диссипативной системой, существование которой поддерживается постоянным обменом информацией и другими ресурсами со своей средой (жизненным миром) .

Стремление системного мира к максимальной устойчивости и упорядоченности дополняется тенденцией развития жизненного мира в сторону еще большего беспорядка и неустойчивости. Поэтому они не могут быть достаточными с точки зрения объяснения природы социума. Необходимо ввести еще одно измерение, в котором порядок и хаос в обществе органически соединились бы между собой.

Институционализация гражданского общества есть постоянный рост степени синтеза порядка, олицетворяемого системным миром социума, и социального хаоса, представленного плюрализмом структур жизненного мира. Из множества альтернативных стилей и структур, предлагаемых субъектами жизненного мира, происходит выбор определенной пары, которая обуславливает в дальнейшем возможные корреляции между элементами системного мира. «Эти корреляции способны возникать спонтанно в результате комбинирования внутренних взаимодействий в системе с внешними взаимодействиями системы со средой» (Бранский, 1997, с. 154). При этом «внешние» взаимодействия системного мира, то есть его взаимодействия с жизненным миром, опосредуются гражданским обществом.

Иначе говоря, гражданское общество берет на себя ответственность за выбор альтернативных структур внутри системного мира современного социума. Оно является не просто опосредующим звеном между жизненным и системным мирами, а в терминах теории диссипативных систем – детектором, осуществляющим данный выбор из множества альтернатив.

На исход данного выбора влияют факторы двоякого рода: (1) возникающие в процессе конкуренции (наличие разных и порой противоположных программ деятельности, их борьба между собой, осуществляемая легитимными средствами); (2) формирующиеся при кооперации, то есть совместной деятельности или,

собственно, социальной синергии (наличие совместных проектов и программ) .

В результате наложения процессов конкуренции и кооперации формируется такое соотношение сил, которое определяет конкретный характер или облик структуры, создаваемой внутри системного мира из элементов жизненного мира. Однако одного указания на ведущую роль процессов кооперации в образовании диссипативных структур системного мира недостаточно. Необходимо определить *критерий отбора*.

Гражданская культура играет роль своеобразного селекционного фильтра, эффективность которого определяется мерой представленности или выраженности всеобщего (родового) в деятельности автономных субъектов.

Социальный выбор, являющийся в современных условиях основным звеном механизма отбора, всегда осуществляется посредством борьбы или конкуренции идеалов, каждый из которых проверяется на прочность критерием гражданственности. Данный критерий достигается путем постоянных компромиссов и конвергенции предлагаемых идеалов или программ совместной деятельности, поэтому он никогда не реализуется полностью, можно говорить лишь о большей или меньшей степени его выраженности.

Не государство, представляющее интересы лишь одной, политической стороны системного мира и претендующее на роль «верховного арбитра» в социуме, а гражданское общество выражает родовые интересы всего человечества, синтезируя порядок системного мира из стихии жизненного мира.

Итак, процессы институционализации гражданского общества, выступая в качестве важной области применения современной социальной теории, ее специфического объекта, имеют сложную, двойственную природу. Они являются сферой пересечения разнородных факторов формирования институтов системного и жизненного миров.

Гражданство и формы гражданской идентичности

Сделаем попытку ответить на следующий вопрос: «Что значит быть гражданином и гражданской личностью, причем быть

не в формально-юридическом или социально-нравственном плане, а в сущностном (бытийственном) смысле?». Возможна и другая, более радикальная его постановка: «А можно ли вообще быть гражданской личностью в российском обществе с точки зрения принятых в мире критериев гражданственности?». На языке общественных наук (например, теории культуры и культурной антропологии) эти вопросы затрагивают *проблему гражданской идентичности человека*.

Как известно, гражданская идентичность личности в современном социуме осуществляется посредством институции и институтов гражданства, определяющих социальный статус человека как гражданина.

Многие западные исследователи показывают, что феномен гражданства в конце XX в. претерпел существенные изменения. Рассматривая эволюцию членства в социетальном сообществе, Т. Парсонс пришел к выводу, что в современном социуме на смену *подданства*, характерного для традиционного общества, приходит *гражданство* как новый тип социетального членства людей.

Развитие же самого гражданства включает, по его мнению, три этапа или фазы. «На первой фазе произошло создание юридических или гражданских рамок, совершенно по-новому определивших пограничные отношения между социетальным сообществом и правительством или «государством». Критическим аспектом этих новых границ стало определение «прав» гражданина, защита которых превратилась в первейшую обязанность государства» (Парсонс, 1997, с. 36–37).

Следовательно, гражданство определяется во всем цивилизованном мире в терминах прав и свобод, которые приобретают люди как представители определенного политического сообщества и защиту которых берет на себя государство.

Нетрудно заметить, что по этой периодизации развития института гражданства Россия находится еще в первой фазе, поскольку в нашем обществе все еще не утвердился приоритет прав и свобод личности. Государство же, будучи неполным и бюрократическим по своей сути, не достигло еще той стадии зрелости, когда оно становится на защиту этих прав и свобод. До сих пор «спасение утопающего» остается делом его собственных рук. Каж-

дый спасается от произвола и насилия в одиночку, рассчитывая только на свои силы и связи в правящем мире.

«Вторая фаза развития гражданства, — пишет далее Т. Парсонс, — связана в основном с участием граждан в общественных делах» (Парсонс, 1997, с. 37). Гражданство обеспечивает человека не только конкретными правами, но и возможностями активного участия в функционировании политических и других социальных институтов. Свобода предполагает ответственность самих граждан перед обществом. Как и в случае с гражданским участием в целом, «картина» гражданской активности россиян, связанной с отстаиванием их прав и свобод, оказывается довольно-таки мрачной. Не надо иметь подробной статистики, чтобы убедиться в общественно-политической пассивности большей части населения современной России. Наша гражданская активность начинается и заканчивается сегодня формальным участием в перманентных выборах, имеющих заведомо predetermined характер.

С другой стороны, само общество берет на себя ответственность за благосостояние граждан, за обеспечение «прожиточного» минимума, получение доступа к здравоохранению и образованию. В этом состоит, по Т. Парсонсу, третья фаза развития гражданства, а точнее, его «социального» компонента. «Если гражданские права и избирательное право дают возможность автономно реализовать свой гражданский статус, то социальный компонент связан с созданием реальных условий для лучшего пользования этими правами» (там же).

Анализируя опыт становления гражданства в России, можно отследить множество примеров того, как корпорация чиновников блокирует каналы связи и затрудняет обретение личностью своих гражданских прав.

Обратимся теперь к другому подходу. Понятие гражданства, по мнению Ю. Хабермаса, развивается из понятия самоопределения или *суверенитета народа*, не зависящего от национальной (этнической) идентичности. Гражданство в отличие от национальной принадлежности, основанной на общности происхождения, традиций и языка, характеризует такую идентичность, которая свидетельствует о наличии *политической целостности* и суверенитета народа. Оно не наследуется от рождения и не пере-

дается как родовое состояние, а приобретает демократическим путем и на основе свободного волеизъявления.

Как и для Т. Парсонса, гражданство у Ю. Хабермаса является более широким по смыслу, чем традиционное юридическое «подданство», то есть принадлежность определенных лиц к данному государству, существование которого признается международным правом. Такое членство в государстве определяется в первую очередь принципом добровольности, а уже потом местом проживания и рождения. Модель гражданства как свободного и добровольного членства человека в определенном политическом сообществе пока еще далека от реализации на территории российского государства.

Добровольное членство в демократически организованном политическом сообществе дополняется таким признаком, как наличие реальных гражданских прав и обязанностей. В этой связи Ю. Хабермас выделяет две модели гражданства – либеральную, описанную Дж. Локком, и коммунитаристски-этатическую, предложенную Аристотелем в его учении о государстве.

Первая модель гражданства позволяет рассматривать индивидов как внешних участников политического процесса, в который они вносят определенный вклад и который, в свою очередь, предоставляет им те или иные возможности. Она выдвигает на первый план индивидуальные права людей и их равенство перед законом. «Способность быть гражданином состоит прежде всего в способности актуализировать эти права и добиться соблюдения принципа равенства перед законом, а также – оказывать влияния на лиц, принимающих решения...» (Хабермас, 1995, с. 220).

Вторая модель гражданства интегрирует индивидов в политическое сообщество как части в целое. Она предполагает не отношения индивидуального членства, а коллективную практику самоопределения, где каждый вкладывает свои усилия в поддержание единства и консенсуса. Данная модель трансформируется позже в республиканскую, впитавшую в себя особенности либеральной модели и принятую в большинстве стран мира.

В предложенной концепции гражданства россиянам наиболее близка вторая, коммунитаристски-этатическая модель. Соотечественники еще далеки от того, чтобы в одиночку представ-

лять и отстаивать свои права в реальном политическом процессе или в судебном разбирательстве. Им нужна поддержка коллег, друзей, знакомых, в том числе чиновников. По-видимому, они являются носителями той разновидности второй модели гражданства, которая близка к традиционной модели подданства.

Итак, гражданство, по Ю. Хабермасу, характеризуется следующими чертами – свободным и добровольным (коллективным или индивидуальным) членством индивидов, определяющим их принадлежность к государству или к более широкому политическому сообществу, правом на собственный выбор и самоопределение (суверенитет), социальным участием в разнообразных видах общественно полезной активности, наличием множества моделей и форм актуализации гражданских прав. Следовательно, предложенные Т. Парсонсом и Ю. Хабермасом признаки гражданства в чем-то совпадают, а в чем-то дополняют друг друга.

Гражданство не является единственной формой гражданской идентичности. Реализовывать свою принадлежность к гражданскому обществу можно также посредством освоения новых форм общественной деятельности и приобретения гражданской компетентности, организации и осуществления гражданских акций. Реальная гражданственность личности воплощается в ее повседневных действиях и поступках, большинство которых не ориентировано на выражение всеобщих, родовых интересов, не основано на осознании своей принадлежности к гражданскому обществу и его самостоятельным объединениям.

Механизм гражданской идентификации предполагает последовательное освоение и преобразование личностью различных модальностей ее гражданского бытия в современном обществе.

Во-первых, необходимо освоить (и присвоить) сопровождающие статус гражданина принципы, нормы, ценности и рутины деятельности, потому что никто не может быть абсолютно компетентен во всех гражданских делах. Человек культивирует в себе гражданские качества, находясь в определенном социальном окружении. Поэтому первый уровень формирования гражданской идентичности связан с освоением групповых (или общественных) норм и ценностей поведения. Этот уровень назовем *групповой гражданской идентичностью*.

Гражданское действие – это не просто любая автономная и сознательная общественно полезная акция. Оно предполагает наличие реальных, а не воображаемых способностей к практическому созиданию всеобщего (родового) начала и готовность к самоограничению во имя достижения гражданских идеалов.

Действовать в интересах других людей или ради их общего блага еще не значит быть гражданским субъектом. Гражданское действие не может быть односторонним, неполным, ориентированным только на частные (индивидуальные или групповые) интересы. Оно призвано поддерживать и укреплять целостность всего человеческого рода даже в тех случаях, когда субъект находится в локальной жизненной ситуации.

Поэтому *«овладение» гражданским действием* определенной группы или общности людей характеризует длительный процесс приобщения человека к родовым (сущностным) началам социальной жизни посредством деятельностного освоения культурного наследия и принятия всей полноты ответственности за состояние дел.

Однако идентификация через освоение и реальное принятие культуры коллективного (группового) гражданского действия – важное, но не единственное условие гражданской активности зрелой личности. Другое, не менее значимое условие, заключается в *моделировании новых форм* (типов) гражданского действия, позволяющих эффективно решать сложные задачи, которые встают перед людьми как представителями всего рода.

Во-вторых, формирование умения видеть всеобщее (родовое) в особенном (в определенном социально-культурном контексте жизни) или единичном (в конкретных жизненных ситуациях) характеризует еще одно важное качество действующего автономного субъекта и условие его адаптации к гражданской действительности – сохранение и укрепление *национально-культурных рамок общества*.

Возникновению гражданской солидарности непосредственно предшествует появление нации как наиболее развитой в экономическом, политическом и культурном отношениях формы этнической общности людей. Главным условием интеграции индивидов в социальную систему выступает национальное единение (объединение) людей в рамках гражданского общества. При

этом каждый социум вырабатывает собственную форму или модель национальной идентичности.

Идея этнического своеобразия общества уже не может служить главным фактором идентификации современного человека. Под этим предлогом некоторые антропологи и психологи (Г. Стейн и др.) отрицают этничность, считая ее фантазией общности, а не реальностью. Стремление обрести собственные корни Г. Стейн рассматривает как «нарцисстические попытки <...> быть постоянно в детстве», и, следовательно, как регрессивную тенденцию в развитии современной культуры. Его не устраивает эмоциональный характер чувства этнической идентичности. Он считает недостатком, что язык этничности – это язык поэзии, песен, воображения и сердца. В принципе Г. Стейн ратует за универсальную модель культуры и достижение некоего унифицированного типа людей (см.: Белик, Резник, 1998, с. 268–269).

Вряд ли можно согласиться полностью с таким представлением о статусе этничности, ведь его предпосылки (язык, фольклор, обычаи и нравы народа) лежат в самом основании обыденного уровня гражданской культуры. Рациональная и специализированная часть этой культуры формируется скорее по кантовскому сценарию. Этничность определяет лишь специфическое внешнее выражение и конкретное «лицо» гражданской культуры, поэтому можно говорить о ее американском или немецком характере и происхождении. Всеобщий же характер гражданственности определяется институтами родового плана, надстроенными над этническим «базисом».

Разгул националистических настроений в современной России свидетельствует о росте взаимной неприязни и непримиримости отдельных этнических групп. Национализм есть отрицание гражданственности, выражающей не этнические (или этнокультурные), а общеродовые интересы человечества в конкретной национально-специфической форме. Национальная культура, ее традиции и особенности привносят лишь своеобразие в культуру гражданственности.

Гражданская культура является синтезом общеродовой и национальной культуры, которая содержит и элементы этнической (народной), относящейся к обыденному уровню сознания людей.

На данном этапе исторического развития гражданское общество может существовать, главным образом, лишь в определенных национальных рамках. Будучи по форме национальным обществом, оно не утрачивает, тем не менее, других своих основополагающих характеристик гражданственности — *актуализации родовых начал* (осуществление родового назначения человека как свободного и сознательного субъекта автономной деятельности) и преодоление *антагонизма между системным и жизненно мировыми началами* современного социума на основе конвенционального взаимодействия автономных субъектов.

Таким образом, *национально-гражданская идентификация субъектов* является третьей сущностной чертой гражданского общества. Наличие такой идентичности людей является условием зрелости и цивилизованности общественных отношений. Она служит в известной мере противоядием как идеологии и практики расизма, так и различных форм национализма. Истории известны многие случаи, когда абсолютизация национально-государственной идеи приводила на практике к печальным и даже трагическим последствиям — фашизму, сталинизму и пр.

В-третьих, человек как субъект гражданского общества стремится выразить свои «высшие» родовые (то есть гражданские) качества не только в национально-специфической форме, но и во всемирном масштабе. Он не только сохраняет национально-культурные границы, но и становится *«гражданином мира»*, преодолевая ограничения этнической культуры и расширяя последнюю до пределов духовного существования всего человеческого рода.

«Всемирное гражданское состояние» как объединение национальных (или национально-государственных) форм гражданственности в мировом масштабе, о котором мечтал еще И. Кант, сегодня уже не кажется столь неосуществимым идеалом, а космополитизм в глобальной реальности станет, видимо, наиболее распространенной моделью поведения и мировоззрения. «Всемирно-гражданское состояние, — подчеркивает Ю. Хабермас, — теперь уже не простой фантом, даже если мы все еще далеки от него. Гражданство (отдельных стран) и мировое гражданство образуют единый континуум, который в своих основных чертах несмотря ни на что уже начинает вырисовываться» (Хабермас,

1995, с. 244–245). Наряду с расширением сферы влияния гражданского общества внутри социума, то есть укреплением его «внутреннего» статуса, происходит активная комплексация гражданских обществ разных стран, интенсифицируется обмен опытом и институциональными моделями.

На это обращают внимание и другие исследователи. По мнению Э. Гидденса, на основе массовой символической интеракции и общей информационной культуры возникает глобальная общественная система. Господствующее ранее национальное государство уходит в прошлое. Власть осуществляется на уровне локальных, региональных центров, в которых на первый план выдвигаются влиятельные социальные движения и гражданские ассоциации (см.: Социологические..., 1996, с. 17–18).

Стремлением отметить преодоление пространственных ограничений и национально-государственных рамок объясняется тот факт, что в последние десятилетия в социальной науке все активнее возрождается и разрабатывается идея И. Канта о «всемирном гражданском состоянии». Ее сторонники (Э. Уоллерстайн, Х. Булл, Дж. Розенау и др.) стремятся доказать необходимость глобальной коммуникации, свободной якобы от вмешательства политических субъектов. Американский политолог Х. Булл впервые вводит в научный оборот термин «глобальное гражданское общество», которое «является «глобальным» не только потому, что оно соткано из связей, пересекающих национальные границы и проходящих через «глобальное, внетерриториальное пространство», но и потому, что среди членов глобального гражданского общества набирает силу глобальное мышление» (см.: Макарьчев, Сергунин, 1996, с. 161).

Основой такого общества выступают различные движения и организации в защиту окружающей среды, мира, прав человека и культурной самобытности коренного населения. Они в значительно большей степени, чем государственные системы, располагают свободой в создании новых политических и культурных пространств, объединяющих людей, разделенных территориально, институционально и информационно, в единые социальные сети.

Поиски моделей так называемого «глобального гражданского общества», преодолевающего «узкие» рамки национально-

государственных интересов, должны вестись все же с учетом предварительного определения национально-гражданской идентичности личности.

Такова логика гражданской идентификации, реализация которой осуществляется на разных уровнях – субъекта групповой деятельности, нации и национальной культуры, всемирном или глобальном уровне. Каждому из них соответствует определенная форма идентичности субъекта и его гражданского членства – групповая (групповое членство), национальная (гражданин страны) или глобальная («гражданин мира»). Россия стоит в самом начале пути формирования второй фазы гражданства (по Т. Парсонсу) с ее акцентом на участие в общественных делах или первой модели с ее актуализацией прав и свобод (по Хабермасу).

**ПАРАДОКСЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Формирование гражданского общества и гражданственности человека в России носит во многом парадоксальный характер.

Парадокс *первый*. В личной беседе В.М. Межуев отметил, что у нас есть национальная культура (культура А. Пушкина и Л. Толстого, философа Вл. Соловьева и промышленника С. Морозова), но нет нации – общности людей, объединенных не только общими идеями и культурными узами, но выступающей как единственный субъект общества-страны.

То же самое можно сказать и по поводу гражданского общества: *у нас есть общество, а точнее общество-страна, но нет пока условий для формирования и развития полноценного гражданского общества, в котором была бы реализована мера гражданственности и общественности*. Парадокс ситуации усугубляется еще и тем, что действительное состояние российского общества находится в глубочайшем противоречии с его идеальной моделью.

Реально западные общества весьма далеки от идеала гражданского общества, приписываемого им зачастую современными исследователями. Ни по одному из перечисленных выше пунктов

идеального гражданского общества нет прямого подтверждения гражданственности и нашего, российского общества.

Становление личности как родового существа, автономия и свобода выбора, а также конвенциональный характер достижения согласия выступают в качестве идеальных конструктов и ориентиров общественного бытия российского человека, утнетаемого всем ходом реальной жизни.

В современной России степень свободы зависит не от качества и эффективности законов, даже не от состояния и динамики общественной морали и нравственных устоев, которые фактически деформированы в результате масштабных социальных перемен, а от объема ресурсов (финансовых, информационных, институциональных, организационных и пр.), которыми располагает человек.

Свободу (по крайней мере, «свободу от») в нашей стране можно купить, делегировать (то есть передать с «высоты» определенного властного статуса, как, например, депутат – своим помощникам), гарантировать для определенных субъектов и групп, а вот обеспечить условия для свободного развития каждого человека практически невозможно. Для этого необходимо сконцентрировать общую волю и мобилизовать ресурсы всего общества, что при нынешнем уровне его фрагментации и автономизации чрезвычайно затруднительно.

Сегодня наше общество настолько бедно, что быть автономным отнюдь не означает быть свободным в социальном смысле, ведь самообеспечение и самооценность неизбежно сокращают воспроизводственную базу индивида, ведя к его деградации и отставанию. Бомжи автономны, но едва ли они могут считать идеалом свободу, если, конечно, не принимать во внимание свободу внутреннюю, гораздо более важную, чем наличие любых институциональных привилегий...

Идеология «нового» авторитаризма, пришедшего на смену идеалистическому либерализму и авторитаризму переходного типа, который был связан с насильственным утверждением принципов западной демократии и формальной свободы на стремительно «съеживавшейся» экономической базе и с не дотягивавшем до минимально необходимого уровнем жизни, ограничивает перспективы становления в России гражданского общества.

«Новый авторитаризм» с его идеей укрепления «вертикали власти» и создания сильного государства, заявляет в лице своих идеологов и апологетов о неготовности современного российского общества взять на себя ответственность за осуществление реформ. В формате борьбы с терроризмом производится реконструкция всего общественно-политического устройства, постепенно пересматриваются декларируемые ранее демократические нормы и принципы, заложенные в Конституции РФ представителями «переходного авторитаризма».

Идея гражданского общества, еще совсем недавно являвшаяся одним из базовых ориентиров стратегии правящей элиты, утратила свою актуальность. Для глубокого преобразования механизмов функционирования важнейших сфер бытия социума необходима концентрация всех ресурсов власти и минимизация транзакционных издержек согласования альтернативных мнений и противостоящих интересов. Если источником таких издержек может стать общество, очевидно, его необходимо временно заблокировать, отстранить от принятия решений, оставив ему формальную возможность выражать интересы в форме, приемлемой для власти (например, в рамках так называемой Общественной палаты).

Таким образом, идея и конструкция гражданского общества оказалась слишком высокой институциональной планкой для современной России. Отказ от них не означает полного пересмотра принципов организации социально-политической жизни, а, наоборот, освобождает властвующую элиту от необходимости создания видимости демократической формы правления и поддержания формальных и декларативных по своей сути правил политической «игры». Формируется в новом качестве механизм директивного вменения правил и норм всем группам и субъектам экономики и общества. Это не может не вызывать тревоги у критически мыслящих людей.

Параллельно идет оформление новых принципов действующей власти на международном уровне. Чтобы иметь возможность пользоваться ресурсами и политической поддержкой Запада, необходимо как минимум «соблюдать приличия» — оставить «вывеску» демократического государства, сохранить хотя бы в урезанном виде избирательную систему, не допустить экономичес-

кой дестабилизации, наконец, найти адекватное мировым политическим принципам решение «чеченской проблемы».

Возможно, это единственный путь преодоления проводимой США и членами Евросоюза политики «двойных стандартов» и «волчьих ям» в отношении нашей страны. Основой «нового курса» России в любом ее варианте должна стать устойчиво позитивная экономическая динамика, конкурентоспособность и безопасность отечественных хозяйственных субъектов на международных рынках, что становится особенно очевидным в условиях активной зарубежной экспансии российского капитала, позволяющей говорить о «призраке русского империализма».

Второй парадокс заключается в том, что у нас отсутствует гражданское общество, но сохраняется и укрепляется гражданская мораль. Только в России гражданин – это не столько подданный государства, сколько слуга всего общества. Квинтэссенцией этой идеи служат слова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Гражданственность имеет разные духовные основания в нашей стране и на Западе. Для западного человека ее источник – в наличии формальных прав и свобод, в т.ч. охраны частной собственности³, являющихся предпосылкой добровольного участия граждан в общественно-политической жизни. На протяжении многих десятилетий в западной цивилизации создаются и с переменным успехом внедряются технологии социального и экономического участия⁴.

Россия имеет значительный опыт социального участия граждан, но его инициатором, организатором и контролером в обществе «развитого социализма» выступало государство, с позиции монопольного превосходства подавлявшее частную инициативу. Повышение «уровня» гражданственности современных россиян жестко детерминировано их имущественным статусом и доходами: бедному населению, к сожалению, не до участия в политической жизни. Отсюда – всеобщая апатия в ходе выборов и раздражительность в периоды избирательных кампаний, переходящая в агрессивность и озлобленность.

Если на Западе человек должен *иметь* определенные права и свободы, чтобы *быть* гражданином, то в нашей стране, наоборот, человек должен *быть* слугой коммунистической, наци-

ональной или иной общественной идеи, чтобы *иметь* определенные (как правило, неформальные и не всегда гарантируемые государством) права и возможности как гражданина. В этом состоит противоречивый дуализм институциональных форм гражданственности – социального участия и общественного служения, которые на практике порой неразличимы.

Социальное участие предполагает личный выбор гражданина на основе имеющихся у него ценностных приоритетов и избирательного отношения к общественным проблемам. Оно становится возможным лишь при условии высокой степени автономности личности, в т.ч. возможности иметь источники существования, независимые от государства и других политических институтов.

Общественное служение имеет своим основанием не свободный выбор личностью одной из альтернативных возможностей, а самопожертвование. Нельзя быть слугой общества, не жертвуя собой, своими интересами и даже жизнью ради высоких идеалов и ценностей. Ценностные приоритеты модели служения находятся в социальном мире, а не в самой личности. В истинном служении достигается высокая степень соответствия между интересами общества и интересами личности.

Но парадокс в том, что добровольное служение, полное лишений и самопожертвования, отвергается населением с позиций критики «очередного режима». Еще А.С. Грибоедов метко охарактеризовал суть этой проблемы: «Служить бы рад – прислуживаться тошно». *Служение* обществу в условиях нового этапа огосударствления и оккупации бюрократией большинства ключевых функций социального жизнеобеспечения неизбежно трансформируется в *услужение* власти предрержащим, *прислуживание* перед ними, *выслуживание* постов и доходов и т. д., ведя к существенному ограничению внутренней свободы личности, без которой реальная гражданственность недостижима. Адаптация же западных технологий социального участия, предполагающих довольно реалистичные механизмы обеспечения прав и свобод личности, не могут быть использованы без существенной перестройки всей политической системы и коррекции общественного сознания.

Возникает вопрос: почему процесс становления гражданского общества в России идет столь мучительно и противоречиво?

Отсюда – *третий* парадокс. В правящих кругах господствует установка: если гражданского общества нет, его обязательно надо создать «сверху», то есть искусственно построить без опоры на мнения и интересы конкретных носителей гражданской идеи. При этом гражданское общество обычно отделяют от государства, подразумевая под ним исключительно совокупность неправительственных организаций и институтов.

Одно неверное допущение дополняется другим и т. д. В результате – полная неразбериха и перманентные попытки «верхов» разобраться в том, что такое гражданское общество, приспособить эту идею к конъюнктурным политическим интересам и как можно быстрее реализовать ее на практике. В зависимости от политической ситуации поступают новые заказы и возникают очередные проекты концепции гражданского общества в России.

Как и любая дань политической моде, идея гражданского общества то актуализируется и порождает бурные дискуссии, то «уходит в тень». Видимо, пока у политических лидеров не хватает воли и ресурсов влияния для кропотливой и планомерной конструктивной деятельности по селекции и адаптации гражданских институций в нашей стране, воплощающих меру традиции и новации. Для этого мало деклараций, нужны реальные действия на научной основе. Не случайно растет интерес к новым моделям организации хозяйственной и социальной деятельности («экономика развития», «экономика знаний», «экономика участия», «корпоративное общество» и т. д.).

Но вся беда в том, что государственная власть в России не опирается на реально складывающееся гражданское общество, напротив, пытаясь его всячески подстегнуть или достроить «сверху», и, следовательно, является в определенном смысле неполной по причине игнорирования прямых и обратных связей с населением. Поэтому и провозглашаемая в Конституции РФ демократия оказывается поверхностной и демонстративной.

Используем понятие «неполное государство» для характеристики степени эффективности выполнения им своей основной функции – создания условий наиболее полной реализации интересов общества. Там, где «мало» государства, не может быть и полноценной культуры гражданского участия или служения. Бюрократия монополизировала каналы извлечения институцио-

нальной ренты из государственных институций, а место, образовавшееся в результате вакуума гражданского общества, занимает финансовая, политическая и иная олигархия, переводящая власть в режим бытия закрытой системы, основанной на отношениях личной зависимости и полукриминальных методах обогащения.

Государство, которое выполняет лишь незначительную часть своих функций, перекладывая издержки и тяготы переходного периода на общество, не является правовым и не может называться полным в институциональном смысле.

Государственные инновации, не поддерживаемые народом, почти без исключения пагубны для него. Россияне уже получили сверху «демократию», «правовое государство», «рыночную экономику». Теперь политические технологи навязывают массам идею гражданского общества, в котором нет национальной души, а идея свободы, напротив, гипертрофирована. Не может «неполное государство» само себя достроить еще и гражданским обществом. В результате получится столь же неполное и ущербное, полугибридное и деформированное образование, квазигражданское по своей сути.

В условиях отсутствия культуры гражданского участия и заблокированных механизмов общественного служения бюрократия как корпоративное объединение чиновников высшего эшелона власти стремится к монопольному положению в государстве, подавляя и ограничивая сферу автономии и самостоятельности субъектов гражданского общества. Именно это делает российское государство неполным, а культуру гражданского участия и служения – частичной по объему и частной по характеру проявления и направленности формирования.

Масштаб государственного и гражданского строительства в России определяется ценностно-нормативными рамками реально сложившейся олигархически-бюрократической культуры, а не нормами, декларируемыми в Конституции и других законах РФ. И уж тем более не родовыми и общегражданскими интересами, о которых так много пишут и говорят современные исследователи и политики.

Четвертым парадоксом гражданственности российского человека можно назвать приписывание «среднему классу» статуса

формирующего субъекта гражданского общества, его социально-экономической базы. Промежуточное положение в социальной структуре этого довольно расплывчатого образования, не укладывающегося в рамки классического определения класса, данного В.И. Лениным, делает его наиболее стабильным и предсказуемым объектом государственной политики, попутно лишая его гражданской, чаще всего вне- или наднормативной, активности. Гражданская позиция не является нормой ни для западных, ни для российских представителей «среднего класса». По своей реальной природе *«средний класс» в России является скорее образом жизни, способом существования, чем социальной группой, выделяющейся по механизму извлечения доходов, по своему статусу и роли в процессе общественного воспроизводства, по институциональной идентичности и сплоченности его агентов.* Мещанские идеалы и ориентация на потребление делают его агентов не «базой гражданского общества», а безвольными марионетками в «невидимых руках» государственно-монополистического капитала.

Отечественный «средний класс» – аморфное социально-культурное явление, выделяемое как по параметрам дохода и характеру потребления, так и по признаку близости к источникам бюджетных доходов («кормушки») в координатах социального пространства. Институциональной основой служения, как показывает история российской бюрократии, исходно являлось «кормление», а не реализация общественных интересов. Преодолеть этот своеобразный «path dependence» непросто. Служить для чиновника означает, вместе с тем, иметь гарантированный статусом в бюрократической системе источник «кормления». Стремление к получению выгодной должности (возможно, официально низкооплачиваемой, но позволяющей извлекать доход в других формах) ничего общего не имеет с самопожертвованием, является антиподом общественного служения в его гражданском понимании.

Наши «средние» беднее западных, но образованы куда лучше, чем наши «новые». Не поможет здесь и критерий самоидентификации, поскольку к «средним» себя причисляют все кому не лень: от мелких торговцев до самых продвинутых интеллектуалов и представителей политической элиты. Никто не хочет быть «новыми» в силу непривлекательности их образа. Но мало кто

желает быть «низшими», хотя бы в силу нежелания смириться с тем, чтобы «быть как все».

Сформулируем специфические принципы бытия представителей «среднего класса» в России:

- жить в относительном достатке, не накапливая излишних запасов;
- жить по средствам, полагаясь только на собственные возможности;
- жить «как все», то есть не выходить за культурные и этические рамки поведения своей общности – этноса, группы, поселения, профессионального клана и пр.;
- жить по совести, сообразуя свои действия с внутренним чувством справедливости, долга и порядочности;
- жить в согласии с природой, не нарушая сложившееся равновесие между человеком и естественной средой;
- жить в согласии с божественными заповедями или нравственными представлениями, вести праведный или «правильный» образ жизни;
- жить в согласии и мире с другими людьми;
- жить в согласии с самим собой.

Среди важных социокультурных характеристик российского «среднего класса» выделим духовность, благополучие, порядочность (в смысле следования заведенному порядку или традиции), солидарность и умеренность.

К числу агентов средних классов и слоев, сформированных по этим социально-культурным основаниям, можно условно отнести отдельных представителей интеллигенции, чиновников «среднего» эшелона государственного управления, старший офицерский состав Вооруженных сил, мелких и средних предпринимателей, специалистов технического профиля, квалифицированных рабочих и служащих. Их отличает наличие относительно стабильных источников дохода (причем среднедушевой доход не столь уж важен) и устойчивого образа жизни.

Можно ли с полной уверенностью утверждать, что такой «средний класс» является социальной основой гражданского, а не, скажем, традиционного общества? Ведь в любом традиционном обществе или базирующихся на воспроизводстве традиций

слях современного социума существуют стабильные группы, «цементирующие» и олицетворяющие собой общественный порядок.

Легче предположить, что российское общество содержит в себе фрагменты традиционного порядка и элементы гражданского общества, причем последние только начинают «вызревать» в «глубинах» общественного сознания.

Пятый парадокс состоит в том, что в России есть гражданские личности (кстати, далеко не только правозащитники, но и представители интеллигенции, сохранившей свой социокультурный облик и не перешедшей в ранг интеллектуалов), но практически нет коллективных субъектов гражданской активности. Эта функция не выполняется различными по форме общественными организациями, хотя по формальным признакам любую некоммерческую структуру можно отнести к субъектам гражданского общества. В полном смысле гражданским субъектом личность или организацию делают реальные действия, а не просто «акции», организованные по принципу «за» или «против» или вообще без всякой конкретной цели, как в случае получающей широкое распространение на Западе и частично в России «flash mob». К гражданским можно отнести продуктивно воплощающиеся действия людей, осознающих ответственность за свое непосредственное окружение и общество в целом. Основу таких действий составляет своего рода *социальная ориентация*, задающая установки, императивы и приоритеты поведения в каждый момент времени.

Любая политическая идеология содержит этическое оправдание интересов определенной группы. В качестве «благородных целей» объявляются «всестороннее развитие человека», «национальные интересы», «благо народа», «счастье человека» и пр. Но не в этом заключается смысл собственно гражданской активности и самодеятельности. Это – внешняя, декларативная, даже «декоративная» сторона дела.

Одна из острых проблем формирования гражданского общества в России – неразвитость личностного начала российского человека и гражданина. Общественное служение характерно только для развитых и свободных личностей. Служение без свободы самой личности есть повинность, переходящая со временем в безответственность и безнравственность. Отупевшее в своем непреодолимом хамстве «быдло» и зарвавшаяся в ненаказуемой наглости

псевдоэлита в равной степени неспособны сформировать гражданскую личность. Только свободный и автономный человек, делающий своим выбором общественное служение, становится полноценным и ответственным субъектом гражданского общества.

Проблемы гражданской институционализации и идентичности находят свое противоречивое преломление в бытии российского человека. Феномен гражданственности имеет как идеальное выражение (в смысле направленности на осуществление родовых начал человека), так и реальную форму воплощения (в смысле определения наличных возможностей самоактуализации).

Однако «картина» гражданского общества будет неполной, если субъективное измерение гражданственности, то есть идентификация людей в этом статусе, не дополняется объективно сложившимися и устойчивыми формами организации гражданской активности. Поэтому гражданское общество в России предстает, с одной стороны, как своего рода институциональный «горизонт» самореализации человека в качестве субъекта общественной жизни, с другой – как способ институционализации его родовой сущности в пределах определенного социокультурного пространства.

Обращение представителей правящей элиты к идее гражданского общества основано во многом на формальном определении гражданина как активного носителя прав и свобод. Научный же подход к процессам гражданской идентификации и институционализации требует выработки более четких критериев анализа реальных противоречий бытия человека в российском обществе.

Литература

Белик А.А., Резник Ю.М. Социокультурная антропология (историко-теоретическое введение). М., 1998.

Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики // Петербургская социология. 1997. № 1.

Иншаков О.В., Лебедева Н.Н. Институциональная теория в современной России: достижения и задачи развития: Препринт # WR/2001/12. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 40 с.

Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1965.

Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1962.

Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.

Макарычев А.С., Сергунин А.А. Постмодернизм и западная политическая наука // Социально-политический журнал. 1996. № 3.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

Современная социал-демократия: Словарь-справочник. М., 1990.

Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна: Научно-аналитический обзор. М., 1996.

Технология политической власти: Зарубежный опыт. М., 1994.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.

Дополнительная литература

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 122–134.

Дарендорф Р. После 1989. Размышление о революции в Европе. М., 1998. С. 60–71.

Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории: Лекция 8. М., 1998. С. 269–292.

Мендра А. Основы социологии: Учеб. пособие для вузов. М., 1999. С. 17–21, 23–46.

Парсонс Т. Система координат и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994. С. 448–463.

Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч. 2: Теоретико-методологические аспекты исследования. М., 1998. С. 252–310.

Резник Ю.М. Социокультурные основания гражданского общества // Гражданское общество: истоки и перспективы. СПб., 2002.

Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М., 1998.

¹ Экономисты используют для этой цели понятие ассоциированного или институционального субъекта (Иншаков, Лебедева, 2001, с. 10–12). – *Прим. ред.*

² В научной литературе гражданственность рассматривается как многозначное понятие, которое характеризует: (1) антитезу аполи-

тичности, активную и сознательную вовлеченность в дела политического сообщества; (2) психологическое ощущение себя гражданином, полноправным членом политического сообщества; (3) способность и готовность выступать в роли гражданина; (4) высшую добродетель свободного и полноправного участника политического сообщества; (5) приверженность интересам всего государства, готовность идти на жертвы ради этих интересов (Современная..., 1990, с. 78). Это – «качество, свойство поведения человека, гражданина, проявляющееся в его готовности и способности активно участвовать в делах общества и государства, сознательно пользоваться своими правами, свободами и выполнять свои обязанности» (Технология..., 1994, с. 153).

³ «Ни одно из западных правительств, – считает академик Д.С. Львов, – никогда не посягало на святая святых – частную собственность на землю и природные ресурсы. Это “священная корова” капитализма. Поэтому он неспособен устранить глобального противоречия между социальным миром человека и неравенством базовых условий его жизнедеятельности» (Львов, 2002, с. 157).

⁴ Механизмы участия в социально-экономических процессах в условиях государственно-монополистического капитализма в большей степени служат средством превентивного разрешения возникающих институциональных противоречий. Они маскируют отношения эксплуатации крупным капиталом человеческого фактора корпоративных работников. Всплывают прозорливые слова В.И. Ленина: «“Демократизация” владения акциями <...> на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии», поскольку «известная часть раздробленных, мелких акционеров не имеет на практике никакой возможности принимать участие в общих собраниях и т. д.» (Ленин, 1962, с. 345), точнее, принимают, но лишь участие, а не экономически значимые решения. – *Прим. ред.*

Глава 20

КОРПОРАТИВНОЕ ГРАЖДАНСТВО В МОДЕЛИ *НОМО INSTITUTIUS*

Экономическая наука анализирует поведение человека в условиях, когда ему приходится выбирать между эффективностью и справедливостью, прибылью и честью, потребностями и ценностями и т. д. Каждая наука по-своему интерпретирует по-

ведение человека и акцентирует внимание на тех свойствах, качествах, установках, реакциях, результатах, которые являются значимыми для объяснения мотивов и последствий предпринимаемых человеком решений и действий. Например, философа в большей степени привлекут такие качества, как когнитивность, упорядоченность мышления, склонность к обобщению и т. п.; физика будут интересовать реакции «человека» (правильнее сказать, человеческого тела) на сжатие, растяжение, тепло, холод и др.; психолога – лабильность, инвариантность, предсказуемость; экономиста – предпочтения, мотивы, стимулы, влияние на объемы покупок, выбор товаров, приобретение или отказ от него и пр.

В любой науке при объяснении феноменов в качестве методологической основы используют некую поведенческую гипотезу или упрощенное представление о поведенческих реакциях человека, выступающее необходимой «подкладкой» любой концепции, на которую затем «пришивается» теоретический и эмпирический материал. Нельзя не согласиться с В.С. Автономовым, подчеркивающим, что «для каждой из общественных наук характерно свое представление о человеке, о логике его поведения, фиксирующее те его свойства, которые составляют главный интерес для данной отрасли знания, и абстрагирующееся от остальных его признаков» (Автономов, 1998, с. 8). Такую модель исследователь использует лишь для обобщенного объяснения природы человеческих действий, но не как наглядную схему реального поведения конкретных людей. Наиболее ярко выразил этот подход К. Маркс: «Главные агенты этого самого способа производства, капиталист и наемный рабочий как таковые, сами являются лишь воплощениями, персонификациями капитала и наемного труда; это определенные общественные характеры, которые накладывает на индивидуумов общественный процесс производства» (Маркс, Энгельс, с. 452).

При конструировании модели институционального человека следует проанализировать, во-первых, условия его существования; во-вторых, определить присущие ему характеристики; в-третьих, выявить функции и действия, реализуемые им в хозяйственной системе.

Аналитический обзор альтернативных концепций моделей человека в экономической науке наиболее полно в отечественной литературе представлен в работах (Автономов, 1990, 1993, 1998). В книге «Модель человека в экономической теории» дан подробный анализ эволюции представлений исследователей о мотивах и функциях, целях и средствах их достижения, используемых для объяснения экономических феноменов и прогнозирования траекторий действий агрегированных субъектов.

Неудовлетворенность моделью человека, используемой неоклассической теорией, обусловлена игнорированием ею условий, присущих реальной хозяйственной среде, в частности, степени информированности, целеполагания, характера конкурентной среды и т. п.

Взаимодействия индивидов в реальном мире не имеют характера линейной зависимости, а являются адаптивными, поливариантными, вероятностными. Вероятностный характер осуществления взаимодействий индивидов определяется несовпадением их интересов, наборов предпочтений, ценностных ориентаций и т. п., что позволяет рассматривать деятельность каждого из них, как протекающую в состоянии неопределенности.

Институционалисты признают, что окружающая среда характеризуется как неопределенная из-за того, что поведение других индивидов невозможно предсказать однозначно, а соответственно, невозможно и адекватно оценить происходящие события, и выработать решения, абсолютно соответствующие степени сложности задач. Однако такое признание не умаляет значимости человека как создателя и активного преобразователя окружающей среды, напротив, как патетически восклицает Дж. Ходжсон, «институционалистское воззрение приводит к мысли о том, что многое в поведении индивида определяется внешними факторами, и это обстоятельство вызывает еще большее уважение к человеку, оказавшемуся в затруднительном положении, и порождает более плодотворное и менее упрощенное объяснение самих его действий» (Ходжсон, 2003, с. 119).

Неопределенность среды является результатом информационной асимметрии, присущей рынкам с несовершенной конкуренцией. На этих рынках ситуация асимметрии информации постоянно воспроизводится, что позволяет индивидам, обладающим

необходимыми сведениями в большем объеме и лучшем качестве, манипулировать действиями тех, чьи информационные возможности ограничены. Успех манипуляций будет зависеть от когнитивных способностей человека, его коммуникационных возможностей, уровня образования, культурных навыков и прочих «неэкономических» составляющих человеческого поведения.

В условиях неопределенности индивид больше доверяет оценкам и мнениям тех людей, кого он считает более компетентными (экспертам), чем собственным расчетам и составленным на их основе планам. Особую роль способны сыграть привычные модели хозяйственного поведения, в основе которых находится аналоговый принцип, подразумевающий многократное повторное использование схем, алгоритмов, комплексов действий, обеспечивших в прошлом оптимальный результат. В подтверждение выдвинутого тезиса можно привести мнение А. Гидденса, считающего, что люди как субъекты социума «формируются в ходе регулярной практической деятельности и под влиянием последних» (цит. по: Ходжсон, 2003, с. 210).

Аналоговое поведение фиксируется в обычаях, традициях, закрепляющих долговременные рутинизированные схемы поведения. Социальной формой, в которой закрепляется аналоговое поведение, становятся институты, налагающие на своих участников определенные, всем известные ограничения и формирующие их предпочтения. Т. Парсонс отмечает, что институты – это «нормативные модели, которые определяют, что в данном обществе считается должным, заданным или ожидаемым образом действия или социального взаимоотношения» (Парсонс, 2000, с. 334).

В связи с этим институциональные субъекты, вступая во взаимодействия, «вынуждены», действуя по принципу оптимизации соотношения доходов и издержек, придерживаться модели поведения, диктуемой социальными структурно-функциональными ограничениями. Институционального субъекта можно определить как совокупность агентов, объединенных согласованным принятием и использованием ряда требований, ограничивающих масштабы, формы, средства и методы осуществления хозяйственных взаимодействий (Лебедева, 2002, с. 48).

Условия, в которых приходится действовать институциональному субъекту, характеризуются неопределенной средой,

асимметричной информацией, приоритетом аналоговых форм поведения. Приспосабливаясь к окружающей среде, институциональный человек приобретает характеристики, позволяющие ему адекватно реагировать на ее импульсы и принимать решения, обеспечивающие достижение цели.

Неопределенность среды, в которой вынужден существовать институциональный человек, по мнению Ф. Найта, выступает в двух формах: в одном случае наступление события можно прогнозировать с определенной долей вероятности, в другом — такой прогноз невозможен. Если вероятность события можно просчитать, то страхование позволяет ситуацию из неопределенной перевести в категорию определенной, просчитанной и застрахованной. В этом случае смысл страхования «заключается в охвате деятельности большого числа лиц и превращении случайных убытков в постоянные издержки» (Найт, 1994, с. 14).

Если же заранее невозможно рассчитать вероятность наступления события, то и выбор индивида однозначно предсказать невозможно, потому что «будущие ситуации, к которым мы приспособливаем наше поведение, обычно зависят от поведения огромного количества объектов и обусловлены столь большим числом факторов, что мы и не пытаемся все их принять во внимание, а тем более оценить и суммировать их индивидуальные значения» (там же).

Экономическое поведение индивида предстает как сложный процесс выбора из множества альтернатив, как состояние непрерывного возникновения и реализации бифуркации в условиях постоянной неопределенности, а значит, и невозможности однозначно предсказать вариант выбора как своих действий, так и действий контрагентов. Г. Саймон в связи с этим выдвинул концепцию ограниченной рациональности, по которой индивиды в своих действиях используют стратегию нахождения удовлетворительного результата (см.: Эггертссон, 2001, с. 23; Уильямсон, 1996, с. 94–96; Автономов, 1998, с. 174–184). Исходной посылкой, приведшей к таким выводам, стало осознание фактической платности информации как особого фактора производства и товара.

Человек по причине ограниченных когнитивных и материальных способностей, временных и финансовых ресурсов не в

состоянии собрать информацию в объеме, достаточном для принятия оптимального решения с позиций максимизации индивидуальной полезности (см.: Нестеренко, 2002, с. 297). Усугубляет ситуацию и тот факт, что индивид, как правило, не знает обо всех открытых для него возможностях и поэтому не использует их. Задача достижения максимального результата модифицируется в задачу поиска удовлетворительного варианта решения в соответствии с определенным уровнем представлений, когда объектом выбора становится не столько конкретный набор благ, сколько процедура определения этого набора. Усиливает гипотезу ограниченной рациональности понимание невозможности полной обработки доступной информации применительно ко всем ситуациям выбора.

Асимметричное распределение информации обуславливает оппортунизм как неотъемлемый элемент реалистичного описания бытия институциональных субъектов, являющийся, согласно О. Уильямсону, имманентной чертой поведения эгоистического индивида, что предполагает обман в форме предоставления неполных или искаженных данных, позволяющие манипулировать партнерами и игнорировать принятые к исполнению обязательства (см.: Уильямсон, 1996, с. 97–100; Природа фирмы, 2001, с. 139).

Характеристика поведения институционального субъекта как оппортунистического предполагает учет в экономическом анализе следующих предпосылок: оппортунизму подвержены все агенты, вступающие в сделку; интересы агентов всегда асимметричны; минимизация рисков неопределенности достигается страхованием; контроль за поведением контрагентов сопряжен со значительными затратами. По мнению О. Уильямсона взаимодействия в рамках институциональной модели человека должны быть организованы таким образом, «чтобы сэкономить на ограниченной рациональности при одновременной защите их от опасности оппортунизма» (Уильямсон, 1996, с. 74).

В условиях поступления огромного количества информации, выбор индивида не всегда оказывается оптимальным, так как между принятием решения и его воплощением в действии проходит некоторое время, в течение которого поступает дополнительная информация, способная свести все усилия к нулю. В этой ситуации оправдывает себя использование механизмов привыч-

ки и рутины, позволяющих осуществлять выбор без сложных вычислений и длительных обдумываний. Фиксация в типовых формах поведения постоянно повторяющихся действий и следование им не требует значительных затрат времени на поиск информации и выбор транзакционных вариантов. Изменение рутин под влиянием новаций становится источником институциональной адаптации и развития: «Чтобы понять деловую жизнь, следует изучать как привычные и рутинные действия, так и отказ от них в результате оригинальных решений. Поскольку привычное поведение встречается часто, деятельность в сфере бизнеса нельзя считать непрерывной адаптацией к изменяющимся условиям» (G. Katona, цит. по: Ходжсон, 2003, с. 193).

Типизация и рутинизация функций и операций, возобновление взаимосвязей с уже известными контрагентами позволяют снизить неопределенность выбора в условиях неполноты располагаемой информации. Наличие устойчивых стереотипов хозяйственного поведения (рутин) позволяет осуществлять выбор в условиях нестационарности транзакционной среды и повышать степень предсказуемости взаимных действий. Дж. Ходжсон подчеркивает, что «рутины – это не просто действия, ставшие шаблонными; кроме того, они создают возможности для будущих действий и формируют сами эти действия» (Ходжсон, 2003, с. 202).

Оппортунистическое поведение индивидов, их стремление максимизировать собственную выгоду в ущерб положению других хозяйствующих субъектов стараются минимизировать, вырабатывая определенные правила, нормы поведения, включающие в себя и меры принуждения по отношению к тем, кто их нарушает. Использование совместно выработанных социальных норм создает «основу для знания друг о друге, и это знание будет поддерживаться механизмами, которые делают действия “актеров” понятными друг для друга» (N. Shofield, цит. по: Норт, 1997, с. 31).

Помимо максимизации личной выгоды индивиды принимают во внимание и мотивы альтруизма и самоограничения, на их выбор накладывает «отпечаток» стиль мышления, идеология, религия и т. п. Стремясь минимизировать потери, индивид заинтересован в установлении и поддержании устойчивых стереотипов поведения, позволяющих снизить информационную неопре-

деленность и оппортунистическую ненадежность других субъектов хозяйствования.

Таким образом, модель человека институционального характеризуется поиском удовлетворительного в краткосрочном периоде варианта действий; оппортунизмом как наиболее часто используемым средством достижения целей; стремлением к рутинизации, обеспечивающей предсказуемость поведения контрагентов.

Характеристики институционального человека проявляются прежде всего в его функциях, а на этой основе – в предпринимаемых действиях по освоению и преобразованию окружающей среды. Поиск удовлетворительных вариантов в неопределенной среде сопровождается высокими рисками, так как, например, производитель должен оценить будущий спрос потребителей, в соответствии с ним предъявить спрос на сырье, рабочую силу и технологии, предусмотреть будущие результаты своих деловых операций.

Стремясь снизить уровень хозяйственного риска, производители объединяются в группы, которые позволяют перераспределить риск оценки ситуации между большим числом участников транзакции, что позволило К. Менару заключить: «Чем больше неопределенность, тем больше преимущество организации по сравнению с рынком» (Менар, 1996, с. 33). В результате действия интегрированных хозяйственных субъектов становятся все более взаимосвязанными. Выгода, получаемая от совместного достижения результата, превышает общие издержки группы, а доля выгоды одного индивида превысит его общие издержки, что и выступает стимулом создания фирм (организаций) на основе функции минимизации транзакционных издержек.

Ф. Найт писал: «Можно назвать два главных способа преодоления неопределенности: уменьшение ее посредством группировки или отбора лиц, призванных «нести» ее, то есть соответственно «объединения» (consolidation) или «специализации». К этим двум способам мы должны добавить еще два <...>: управление будущим и повышенная способность к прогнозированию... Возможно, следует упомянуть и о пятом способе – «диффузии» последствий неблагоприятных случайностей... Помимо указанных пяти способов преодоления неопределенности существу-

ет еще один – шестой: насколько это возможно, придавать экономической деятельности такую направленность, которая сопряжена с минимумом неопределенности, и избегать видов деятельности, предусматривающих более высокий уровень неопределенности» (Найт, 2003, с. 231).

При этом выделяется особая группа хозяйственных субъектов – предприниматели¹, берущие на себя ответственность за действия группы, способные адаптироваться к меняющимся условиям, обладающие способностями адекватно оценивать будущий спрос потребителей и нести ответственность за результаты хозяйственных взаимодействий. Принимая такую ответственность, они гарантируют работникам заранее определенный уровень доходов, а последние, в обмен на предоставляемые доходы, передают предпринимателям право управлять их рабочей силой.

Неполнота информации и поиск альтернативных или дополнительных по отношению к оппортунизму средств достижения целей обуславливают функцию развития институционального субъекта. Накопление и осмысление опыта хозяйственных взаимодействий ведет к постепенному изменению предпочтений акторов, корректировке их целевых установок, элиминации старых и генерации новых ограничений и мотивов деятельности. В итоге пересматриваются рамки и формы контрактов, инструменты регулирования взаимосвязей, алгоритмы и приоритеты, императивы и ориентиры деятельности.

Т. Веблен подчеркивал, что представления человека о том, «как надо делать», меняются под влиянием прогресса организации промышленного производства, в результате увеличения населения, накопления критической массы вариаций количественных и качественных параметров спроса и предложения. Другими словами, изменение степени полноты наших знаний о социальном мире становится условием и предпосылкой институциональной эволюции. Указывая на важность функции развития, Д. Норт отмечал, что «систематическое инвестирование в расширение навыков и знаний и применение навыков и знаний в целях экономического развития ведут к динамичной эволюции экономики, что порождает определенный набор институциональных характеристик» (Норт, 1997, с. 105).

Функцию развития можно представить и через взаимодействие послушания и оппортунизма. Послушание, или выраженное индивидами согласие соблюдать установленные ограничения хозяйственной деятельности, способствует реализации, закреплению, превращению институциональных требований в рутинные хозяйственной деятельности субъектов. Оппортунизм, или «преследование личного интереса с использованием коварства» (Уильямсон, 1996, с. 97), содействует появлению отклонений от общепринятых рутин, что в итоге обеспечивает аккумуляцию изменений в институциональных требованиях. Увеличение частоты применения этих изменений, отклонений, исключений из правил в результате способно привести к установлению новых параметров согласия, в рамках которых будут строить свои взаимоотношения субъекты хозяйствования.

Важной функцией институционального бытия людей является согласование, упорядочение ими совместных действий. Институциональный человек вступает в отношения ради достижения соглашений, в рамках которых происходит координация противоречивых интересов сторон, что позволяет осуществлять совместные действия для реализации поставленной цели. Для подчеркивания исключительной важности соглашений как основы сосуществования, возможности осуществления совместной деятельности людей В. Даль приводит русскую поговорку: «Согласного стада и волкъ не беретъ» (Даль, 1996, с. 258–259).

Любой институциональный субъект, вступая на экономическую «арену», имеет определенные представления о тех нормах и правилах, следование которым обеспечивает ему достижение желаемых результатов. Эти институциональные атрибуты заключают в себе сжатую информацию о той модели поведения, которая является наиболее предпочтительной в данных условиях. Например, выбор стратегии уплаты или неуплаты налогов зависит от эффективности соглашений, складывающихся между государством и отдельными хозяйственными субъектами. При нерациональной политике государства неуплата налогов может оказаться более эффективным поведением не только с точки зрения отдельных акторов, но и закрепиться в качестве стратегии всех экономических институтов. Так, взаимодействие институциональных субъектов в области неуплаты налогов по-

средством создания специфических механизмов уклонения от выполнения своих обязательств перед государством, взаимного согласованного занижения доходов и т. п. является результатом координации их действий, обеспечивающих рационализацию экономического поведения.

Следование субъекта определенным соглашениям (финансовым, промышленным, предпринимательским и др.) позволяет прогнозировать действия своих контрагентов и координировать их заранее в соответствии со стереотипами хозяйственного поведения, принятого в рамках данного института. Таким образом, человек институциональный выполняет функции минимизации рисков, развития, упорядочения или согласования совместных действий.

Рассмотрим функционирование предприятия как своего рода «корпоративного гражданина» в хозяйственной среде, характеризующейся институциональной неопределенностью, организационной нестабильностью, информационной асимметрией, множественностью вариантов аналоговых форм поведения. Противоречивое развитие российской экономики ставит перед исследователями ряд задач, решение которых позволит хотя бы частично улучшить «институциональный климат», в котором развивается отечественный бизнес.

Во-первых, сокращение государственного участия в социальном обеспечении граждан, с одной стороны, и низкий уровень оплаты труда – с другой, вновь ставят перед обществом извечный вопрос: кто поможет гражданам сохранить уровень благосостояния в условиях трансформации экономики?

Во-вторых, правительство в 1990-х гг. предоставляло нарождающимся слабым предпринимательским структурам преференции, субсидии и льготы, оказывало поддержку в разных формах за счет средств государственного бюджета. Пришло время окрепшим и вставшим на ноги предприятиям вернуть долг государству, но в какой форме они могут выполнить эту задачу?

В-третьих, негативное отношение к бизнесу, расслоение населения по уровню доходов² и углубление различий между субкультурами отдельных социальных слоев выдвигают перед обществом задачу налаживания толерантных отношений, но какими методами и инструментами?

Одной из форм решения этих проблем может стать активизация различных форм, методов, приемов становления и развития социальной ответственности предприятий, в частности, формирование институции «корпоративного гражданства». Социальная ответственность означает, что «корпорации должны быть инициаторами политики и программ, которые призваны минимизировать негативные побочные последствия их текущих или будущих операций, прежде чем эти последствия примут кризисные масштабы и станут катализаторами еще одной волны протеста, направленной против бизнеса» (Sethi, 1975, p. 19–20). Социальная отзывчивость, таким образом, ассоциируется с политико-экономическими действиями предприятия, направленными как на минимизацию отрицательных внешних эффектов своих действий, так и на усиление степени их предсказуемости в представлениях общественности и властно-политических структур.

Почему же современные корпорация обязаны/вынуждены выполнять эти функции? Вытекают ли они из их общественной природы или являются искусственными и навязанными? Представляется, что аргументы в пользу выполнения корпорацией функций социально ответственного гражданина базируются на ее системной включенности в общественные процессы, обусловлены необходимостью ее выживания в нестационарной хозяйственной среде, а также «подпитываются» исторически сложившимися ценностями³.

Общество как сложная органическая система состоит из большого числа специфических взаимно обусловленных причинно-следственными связями элементов (Афанасьев, 1968, с. 12), но приоритет в этих отношениях принадлежит целому. Элементы социальной системы как ее активное, подвижное начало воздействуют на целое и обуславливают в той или иной мере формирование интегральной характеристики его идентичности. Таким образом, общество инициирует создание предприятий, выступает причиной их появления и как целостная макросистема определяет целевые установки предприятий, детерминируя векторы их развития.

Предприятие призвано удовлетворять как базовые, так и производные (вторичные, третичные и т. д.) потребности общества. Первые удовлетворяются производством товаров, в том числе

услуг, на которые сложился или в перспективе возникнет спрос. В этом аспекте предприятие предстает отдельным, самостоятельным, относительно независимым элементом общественно-экономической системы, выполняющим функции реализации ее производственных возможностей.

Производные потребности общества состоят в развитии количественных и качественных параметров рабочей силы, образовательных «нанотехнологий», механизма всесторонней мотивации и обогащения содержания труда, различных (в том числе альтернативных) направлений культуры, науки, религии, политики, самоуправления и т. п. Удовлетворение этих потребностей, необходимых для осуществления расширенного воспроизводства человеческого капитала современных предприятий, происходит в большей степени за пределами производственного процесса – в рамках хозяйствования на рынке. Оказывая влияние на формирование и реализацию базовых и производных потребностей, предприятие реализует свою основную социально-экономическую функцию. Хотя развитие на основе достаточных эндогенных факторов представляется необходимым условием закрепления корпорации на траектории устойчивого развития, в современных условиях этого явно недостаточно. Требуются значительные инвестиции в снижение нестационарности и «агрессивности» внешней социальной среды, в позитивные изменения условий деятельности.

Появление в социальной сфере «корпоративного гражданства» свидетельствует не столько об очередном «провале» государства, сколько о переходе к перспективной конфигурации взаимодействий субъектов рыночного хозяйства и новому типу социальной политики.

Корпоративное гражданство можно определить как выполнение компанией функций «гражданина», обладающего по отношению к обществу определенными правами и обязанностями, обусловленными ее особым статусом в воспроизводстве. Модель поведения «корпоративного гражданина» базируется на институциональной интерпретации индивидуального поведения, включающей: функционирование в условиях неопределенной среды; необходимость повышения степени соответствия взаимным ожиданиям как необходимое условие структуризации транзакцион-

ного поля; ориентация не столько на максимизацию прибыли, сколько на выживание в популяции аналогичных хозяйственных субъектов; ограниченная рациональность, предполагающая использование стратегии институциональной адаптации посредством внесения во внешнюю среду элементов предсказуемости и управляемости через мониторинг социальных процессов.

Становление институции корпоративного гражданства в США и Западной Европе прошло три основных этапа:

1. Нерегулярные, стихийные, разовые благотворительные мероприятия, направленные на формирование положительного имиджа отдельных руководителей, преследующих, как правило, политические цели.

2. Повышение частоты и расширение масштабов благотворительности приводят к тому, что филантропия становится одним из стратегических направлений деятельности корпорации, обеспечивающей ей конкурентные преимущества на рынке за счет привлечения потребителей, идентифицирующих себя с привлекательным обликом социально ответственной компании.

3. Формирование нового вида инвестиций – социальных, позволяющих аккумулировать средства коммерческого, некоммерческого и государственного секторов экономики, привлекать экономические и административные ресурсы в интересах достижения корпоративных целей.

Российский бизнес находится в состоянии перехода от первого этапа ко второму. Осуществление социальных инвестиций остается пока уделом финансово-промышленной олигархии, в определенной степени шантажирующей правительство своими филантропическими программами⁴. Поэтому основной задачей становится рутинизация отношений социальной ответственности, превращение их в императив устойчивого функционирования предприятий в рыночной среде хозяйствования. Введение предприятия в статус корпоративного гражданина, определение алгоритма его институционализации в этой роли основывается на выявлении характеристик корпоративного гражданства как институции новой социальной политики РФ.

Институция закрепляет в социальной форме типичные специфические функции, выполняемые хозяйственным субъектом. Повторяемость этих функций субъектами приводит к выделе-

нию социальных типов предприятий, функционирующих на основе определенных норм и правил, образцов и поведенческих ролей. Вхождение в институцию других предприятий предполагает выполнение ими обязательств, ожидаемых действий, ориентацию на накладываемые соответствующим статусом предпочтения и ограничения. Исследователи отмечают, что «институции, присваивая своим агентам постоянные роли, как особым действующим лицам с закрепленными типическими “надындивидуальными” качествами, обуславливают их общественную ценность для исторически конкретных условий жизни» (Иншаков, 2002, с. 22).

Воспроизводство институции возможно при условии ее связи, наличия отношений с аналогичными институциями, сформировавшимися на других уровнях, сферах, отраслях, различных по масштабам и назначению, целевой направленности и функциональным задачам, динамическим и статическим характеристикам и т. п. Взаимосвязь корпоративных институций, в том числе «корпоративного гражданства» и социального партнерства, их системный гомеостазис возможны в рамках института предприятия, модернизация которого с целью разрешения перманентно возникающих противоречий между «трудом» и «капиталом» является процессом более сложным и длительным, нежели появление отдельных институций. Институт фиксирует устойчивую способность хозяйственных субъектов к определенному типу действий и определяет набор способов его реализации (там же, с. 16).

Субъектом корпоративного гражданства выступают предприятия и организации, осознающие свою гражданскую роль в социуме и воплощающие ее в стратегических, тактических и оперативных решениях и действиях организации. Институциональную роль предприятий видят в формировании материальной базы и сущностных черт социально-экономического устройства, в «мягкой» детерминации индивидуального выбора и поведения через выработку стереотипов принятия решений и рутин кооперации в труде (см.: Путь..., 1999, с. 402–403). К особенностям «поведения» корпорации как ассоциированного гражданина относятся: доверие к обществу, поддерживающему воспроизводство конкурентоспособных характеристик человеческого капитала; национальная и профессиональная идентификация; форми-

рование доверительных и предсказуемых отношений и взаимных ожиданий по всей системе хозяйственных субъектов, включая другие предприятия разных секторов, сфер и сегментов экономики, отдельных индивидов, государства, кредитно-банковских структур, страховых и инвестиционных институтов, домашних хозяйств и др. Целевая функция институционального субъекта «корпоративного гражданства» может быть определена как социально ответственное поведение в хозяйственной системе.

Концепция социальной ответственности предприятия интегрирует следующие базовые принципы: приоритет удовлетворения общественных потребностей, а не личной выгоды менеджеров; учет плюрализма мнений и соблюдение действующего законодательства при принятии решений; ориентация на достижение консенсуса социальных интересов с учетом позиций гражданских, предпринимательских и государственных ассоциаций; информационная «прозрачность» стратегии и экономической политики; приоритет экологически безопасных технологий; инвестирование в человека и поддержка гуманитарных программ (см.: Шамхалов, 1999, с. 76–78).

Социальная обязанность корпорации состоит в соблюдении законодательных требований и поддержке целевых ориентиров государственной экономической политики. Социальная отзывчивость означает, что «корпорации должны быть инициаторами политики и программ, которые призваны минимизировать негативные побочные последствия их текущих или будущих операций, прежде чем эти последствия примут кризисные масштабы и станут катализаторами еще одной волны протеста, направленной против бизнеса» (Sethi, 1975, p. 19–20). Социальная отзывчивость, таким образом, ассоциируется с политико-экономическими акциями корпораций, направленными как на реальную минимизацию отрицательных внешних эффектов своей деятельности, так и на их институциональную маскировку посредством формирования позитивного имиджа.

Объектом институции корпоративного гражданства выступают процессы уравнивания многообразия «требований различных групп в обществе и закрепляющую за каждой из них часть потока доходов на основе общественной политики, а не частной алчности» (Berle, Means, 1934, p. 356). Идею у равнове-

шивания выдвинул А. Мюллер-Армак, предполагая поиск компромисса, соединяющего требования частной собственности, конкуренции и свободного ценообразования с социальной справедливостью путем государственного и общественного регулирования. Для реализации этого требования в ФРГ, например, был основан Германский банк уравнивания, созданный для компенсации дефектов стихийного хозяйствования, «когда важные хозяйственные задачи реализуются свободными рыночными силами недостаточно» (Козловски, 1999, с. 77), путем финансирования соответствующих программ устранения деструктивной асимметрии социальных интересов. Политическую необходимость принятия концепции социальной ответственности как институциональной основы бескризисного функционирования деятельности корпораций выразил Л. Эрхард: «Я требую самым решительным образом именно от ответственных крупнейших предпринимателей, в руках которых находятся орудия производства и аппарат распределения нашего народного хозяйства, наибольших жертв, наивысшего сознания ответственности» (Эрхард, 1991, с. 131–132).

Функции, которые выполняет социально ответственное предприятие в рамках институции корпоративного гражданства, настолько многообразны, что обозначить их полный спектр не представляется возможным. Эвристически ценной в этом смысле выглядит концепция «трех концентрических кругов»: внутреннего, среднего и внешнего, которую выдвинули представители «большого бизнеса» США в 1971 г. (см.: Шамхалов, 1999, с. 80).

Внутренний круг включает в себя экономические обязанности корпорации перед обществом по эффективному производству товаров и услуг, созданию рабочих мест и обеспечению устойчивых темпов экономического роста. Средний круг предполагает, что производственные функции не могут быть изолированы от меняющихся социальных ценностей и приоритетов, что предполагает отслеживание не только изменений на уровне контролируемого сегмента рынка, но и в обществе в целом, что необходимо для выявления стратегических ориентиров развития. В качестве конкретных действий предусматривается мониторинг влияния деятельности предприятия на окружающую среду, расширение сферы найма за счет привлечения на работу

представителей социально обделенных групп, распространение уважения к человеческим ценностям, учет ожиданий потребителей и т. д. Внешний круг охватывает «возникающие и еще не ясные обязанности» бизнеса, которые предполагают его «активное участие в улучшении окружающей среды», как, например, членство высшего управленческого персонала в различных формах общественного влияния – объединениях, выборных структурах, благотворительных организациях и т. п. Выполнение этих функций позволяет корпорациям реализовать свой статус социально ответственных граждан, выразив его в разнообразных экономических ролях.

Структура институции корпоративного гражданства должна включать функциональные блоки, обеспечивающие выявление и оценку имеющихся в обществе противоречий или «неравновесий»; определение ресурсно-факторной основы их решения; разработка программ и проектов реализации социальных инвестиций, направленных на устранение чрезмерной асимметрии интересов; мониторинг результатов и корректировка действий в процессе возникновения новых целей, ресурсов и выявления нуждающихся в удовлетворении потребностей.

Понимания обществом значительного потенциала институции «корпоративного гражданства» явно недостаточно для ее широкого распространения в нашей стране, отражая фактическое отсутствие у нее критической массы промоутеров, пропагандистов и апологетов. Это подтверждается эмпирическими выкладками: проведенное Ассоциацией менеджеров России исследование «Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания», охватившее респондентов России, Венгрии, Чехии и Украины⁵, показало, что население критически относится к способности компаний быть социально ответственными, причем 46 % опрошенных не доверяют российским компаниям, а 39 % – международным.

Несмотря на отсутствие критериев оценки социальной ответственности корпораций, стандарта и формы соответствующей отчетности, анализ выполнения данной функции крупнейшими компаниями России привел к выводу, что наиболее эффективно ее реализуют финансово-устойчивые субъекты (см. табл.).

**Финансовые показатели предприятий, проводящих социально ответственную политику
(данные за 2003 г.)**

Предприятие	Выручка от реализации	Прибыль	Налоги	и
Корпорация «Аэрокосмическое оборудование»	592 млн долл.	51 млн долл.	91,5 млн долл.	
Внешторгбанк	–	8,9 млрд руб.	–	
Научно-производственная корпорация «Иркут»	528 млн долл.	–	–	
Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ»	16 136 млн долл.	3 065 млн долл.	156,4 млрд руб.	
ОАО «Мобильные ТелеСистемы»	2 546,2 млн долл.	517,2 млн долл.	–	
ОАО «Московская городская телефонная сеть»	12 775 млн руб.	2 157 млн руб.	512,975 млн руб.	69
Горно-металлургическая компания «Норильский никель»	3 094 млн долл.	584 млн долл.	6,44 млрд руб.	
Научно-производственное объединение «Сатурн»	6,639 млрд руб.	1,116 млрд руб.	0,928 млрд руб.	
Энергомашиностроительный концерн «Силовые машины»	330,483 млн долл.	38,830 млн долл.	33,990 млн долл.	
Уральская горно-металлургическая компания	1,5 млрд долл.	85 млн долл.		

Источник: сост. авт. по: Социальный портрет бизнеса. М.: Альпина Бизнес Букс: The Platzdarm Group, 2004.

Несмотря на несопоставимость некоторых показателей и единиц измерения, проявляется следующая закономерность: соотношение прибыли и выручки от реализации у большинства социально ответственных компаний находится в пределах 16–20 %.

Структура социальной деятельности ОАО «Мобильные ТелеСистемы» выглядит следующим образом: поддержка спорта – 35 %, здравоохранения – 15 %, культуры – 30 %, образования – 15 %, прочее – 5 %. ОАО «Московская городская телефонная сеть» направляет социальные инвестиции на поддержку науки – 71,8 %, культуры – 4,3 %, образование – 11,8 %, прочие – 12,1 %. В структуре социальных инвестиций Уральской горно-металлургической компании доля охраны окружающей среды составляет 35 %, социальных услуг работникам – 28 %, финансирования спорта, культуры и содержания социальной инфраструктуры – 22 %, благотворительности – 15 %. Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» ключевым элементом социальной ответственности считает реализацию программ экологической безопасности, на которые в 2003 г. было направлено 34,5 млрд рублей.

Анализ направлений социальной деятельности компаний позволяет выявить их специализацию. Так, инвестиционная компания «Интеррос» наиболее важным направлением считает реализацию благотворительных программ поддержки отечественного образования и культуры: стипендиальные программы, программы «Большой Эрмитаж». Научно-производственная корпорация «Иркут» сосредоточила внимание на формировании адресных социальных программ для своих сотрудников. Они могут выбрать наиболее важные для них социальные программы, льготы и гарантии в зависимости от своих трудовых показателей. ОАО «Мобильные ТелеСистемы» специализируется на поддержке спорта, что в принципе можно считать разновидностью рекламных вложений. С 1999 г. она является генеральным спонсором команды по автомобильным кольцевым гонкам в классе «Туринг». ОАО «Московская городская телефонная сеть» специализируется на поддержке малоимущих абонентов, предоставляя им льготы на услуги связи из собственных средств.

Однако социальная активность отечественных компаний носит в основном спонтанный характер, основными причинами которого является бессистемность и отсутствие планирования ре-

ализации этой функции. Благотворительные проекты возникают стихийно и, как правило, не оцениваются, их инициаторы зачастую не имеют обратной связи с клиентами. Стимулом к участию в решении местных проблем служат запросы администрации или отдельных некоммерческих организаций.

Рутинизация функций субъектов корпоративного гражданства предполагает признание обществом ряда индикаторов, соблюдение которых позволяет предприятию считать себя выполнившим социальные обязательства в полной мере. Инструментом рутинизации может служить использование корпорациями специальных форм отчетности, устанавливающих рубежи социально значимых, ожидаемых и одобряемых действий по отношению как к работникам предприятий, так и к гражданам региона базирования.

Социальная отчетность выступает не только инструментом информирования общества о действиях предприятия, но и позволяет управлять его репутацией. Используемые критерии обеспечивают целевую направленность, сопоставимость результатов и рейтингование предприятий по критерию реализации функций корпоративного гражданства. При этом использование различных видов социальной отчетности позволяет предприятиям решать и производственные задачи. Например, отчетность GRI (Global Reporting Initiative) используют для привлечения инвестиций, отчетность AA 1000 применяется для демонстрации своего общественного влияния, SA 8000 важен для информирования о соблюдении трудового законодательства, экологических норм, для формирования положительного имиджа, необходимого для получения государственных заказов.

Рассмотрим «поведение» предприятий на региональном уровне с точки зрения выполнения ими определенных социальных обязанностей, несения ответственности за последствия производственной деятельности, предупредительного отношения к окружающей среде и населению региона базирования, то есть формирования элементов институции корпоративного гражданства. Для этого был проведен опрос топ-менеджеров пяти крупных предприятий г. Волгограда, продукция которых занимает значительную долю не только на региональном, но и на общероссийском рынке энергоресурсов и обрабатывающей промышленнос-

ти – ОАО «Волгограднефтемаш», «Волгоградский завод оросительной техники», «Волгоградский судостроительный завод», «Волгоградтранспаз», «Медия – завод медицинского оборудования». Налоговые поступления этих предприятий в значительной степени формируют районные и городской бюджеты.

Среди опрошенных 54 % – руководители и их функциональные заместители, 46 % – руководители отделов и служб. 71 % респондентов как руководители сложились в годы советской власти, а значит, можно предположить преобладание в их стиле руководства традиций коллективного принятия решений, возраст 29 % опрошенных не превышает 40 лет, поэтому их стиль руководства более индивидуалистский и жесткий. 12 % руководителей имеют среднее специальное образование, 88 % – высшее, в том числе 17 %, помимо высшего, имеют и дополнительное квалификационное образование, полученное в рамках обучения по президентской программе в Волгоградском государственном университете. Это позволяет отнести представителей данной референтной группы к менеджерам-новаторам, ориентированным в шумпетерианском стиле на генерацию и внедрение новизны в комбинациях факторов осуществляемой деятельности.

Главной функцией предприятия руководители считают эффективное производство товаров и создание рабочих мест. Во многом такая позиция объясняется тем, как отметили 71 % респондентов, что подавляющая масса работников проживает в районе размещения предприятия. Влияние компаний на развитие окружающего экопространства, по мнению их руководителей, проявляется в своевременной выплате налогов в бюджеты всех уровней (71 % опрошенных), а также в повышении уровня благосостояния работников, основным источником которого является заработная плата – 53 % респондентов. Лишь 12 % волгоградских менеджеров связывают устойчивое развитие предприятия с формированием «ядра» беззаветно преданных ему кадров. К тому же на предприятиях, по мнению 88 % респондентов, незначительна доля средств, выделяемых на повышение уровня подготовки и квалификации работников. И хотя 59 % руководителей отметили низкий уровень текучести кадров, отсутствие внимания к этой проблеме чревато размыванием и, в конечном счете, потерей

квалифицированного и корпоративно ориентированного круга работников, составляющего «золотой фонд» предприятия.

Осознание статуса корпорации как важной части пространства жизненной самореализации населения подтверждается уверенностью 82 % опрошенных в ее способности определять экономическую политику района, 29 % – политику области, 18 % респондентов – политику города в целом. Вопросы воспроизводства рабочей силы, восстановления и развития их социальной и биологической составляющих на предприятиях пока не стали приоритетными. Так, 66 % менеджеров полагают, что доля средств, направляемых на улучшение жилищных условий работников, незначительна, а 59 % считают, что средства, выделяемые на профилактику и лечение заболеваний, не позволяют работнику полноценно поддерживать свое здоровье. Одним из направлений инвестиций в расширенное воспроизводство рабочей силы являются расходы на улучшение экологической обстановки в зоне проживания работников и размещения предприятия. Удельный вес инвестиций корпораций в реализацию экологических программ 53 % респондентов оценили как средний, а 42 % – как незначительный. Такой разброс в мнениях отражает социальную незрелость управленческого персонала разных предприятий, с одной стороны, а с другой – демонстрирует некоторый прогресс в этой области. Преобладание положительных оценок представляется результатом активной пропагандистской и консультационной работы, ведущейся в Волгограде и Волгоградской области специалистами, политиками, учеными Экологической академии и направленными на оздоровление ситуации в одном из самых экологически неблагополучных городов России.

Одним из проявлений обязанностей внешнего круга социальной ответственности предприятия является его участие в благотворительных программах и проектах на уровне района, города и области. Опрошенные менеджеры волгоградских предприятий были единодушны в оценке участия в благотворительных программах – эпизодическое, в основном в форме спонсирования городских и областных мероприятий. Такое участие осуществляется на уровне района – 76 %, города – 59 %, области – 65 % респондентов. Такая ситуация отражает политический компонент деятельности руководства региональных корпораций, связанный

с получением «политических дивидендов» от администраций соответствующих уровней власти. Следует отметить значительное внимание руководителей трудовых коллективов к досугу своих работников: 35 % респондентов отметили, что соответствующие корпоративные мероприятия проводятся часто, 35 % – редко, 29 % – иногда. Удручает отсутствие кооперации усилий предприятий в осуществлении совместных социальных проектов: 53 % респондентов ответили категорически «нет», а 47 % – «иногда участвуем», что свидетельствует о низком уровне социальной ответственности и адаптации корпораций, отвечающих не только за выпуск продукции, но и за поддержание эффективных взаимодействий хозяйствующих субъектов на территории.

Какова же, по мнению региональных руководителей, миссия предприятия в развитии территории базирования, сохранении и улучшении условий жизни основной производительной силы – человека? Ни один из респондентов не поддержал мнения о том, что предприятие – это микромир, где происходит обучение работников приемам, способам, формам адаптивного поведения, организации эффективной жизнедеятельности в обществе. Получается, что соответствующие теоретические изыскания остаются в России беспочвенными, не имеют эмпирического подтверждения, но намечают перспективы дальнейшей модернизации институционального облика корпораций.

Основным приоритетом деятельности предприятия в обществе опрошенные топ-менеджеры назвали выпуск качественной продукции, своевременную уплату налогов, поддержание приемлемого уровня благосостояния своих работников, что более характерно для стратегии социальной ответственности (которая все еще остается для большинства региональных компаний «тайной за семью печатями») на уровне района, тогда как на уровне города основная задача состоит в наполнении бюджета налоговыми поступлениями, а уровне области – сохранение продуктовой ниши на отраслевых рынках.

Ограничение сфер деятельности крупных предприятий горизонтом среднесрочных задач, нацеленных на сохранение в условиях нестабильной динамики места предприятия в конкурентно-рыночной среде, объясняется, во-первых, сложностью политико-экономической ситуации в стране и несовершенством за-

конодательной базы, во-вторых, стремлением предприятий адаптироваться к нестационарности хозяйственных условий путем отказа от выполнения части функций, присущих корпорациям в развитых странах мира, но являющихся обременительными с позиций финансовой и коммерческой эффективности, в-третьих, переключением на решение приоритетных задач воспроизводства рабочей силы на предприятиях (образование, жилищные условия, поддержание здоровья).

В перспективе российским предприятиям предстоит осознать тот факт, что «интересы корпорации тесно связаны с благосостоянием общества, неотъемлемой частью которого является бизнес. <...> Растет понимание того, что корпорация зависит от благосклонного отношения общества, которое может поддержать или подорвать ее существование путем общественного давления на правительство». Поэтому «с точки зрения "просвещенной выгоды" корпорации необходимо содействовать общественному благосостоянию» (Sethi, 1975, p. 27), что в итоге обернется созданием интегрированного, относительно гомогенного и стабильного социума.

Литература

Автономов В. Поиск новых решений (модель человека в западной экономической теории 1900 – 1920 годов) // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 2. М., 1990.

Автономов В. Человек в зеркале экономической теории (очерк истории западной экономической мысли). М., 1993.

Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.

Афанасенко И.Д. Экономика и Духовная Программа России. СПб., 2001.

Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М., 1968.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1996. Т. 4.

Иншаков О.В. Введение // Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли: В 2 т. Волгоград, 2002. Т. 1.

Козловски П. Социальное рыночное хозяйство: социальное уравновешивание капитализма и всеобщность экономического порядка

(о концепции Альфреда Мюллера-Армака) // Социальное рыночное хозяйство. СПб., 1999.

Лебедева Н.Н. Институциональный механизм экономики: сущность, структура, развитие. Волгоград, 2002.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2.

Менар К. Экономика организаций. М., 1996.

Найт Ф. Понятие риска и неопределенности // THESIS. 1994. Вып. 5.

Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. М., 2002.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

Парсонс Т. Мотивация экономической деятельности // О структуре социального действия. М., 2000.

Природа фирмы. М., 2001.

Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М., 1999.

Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб., 1996.

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М., 2003.

Шамхалов Ф. Государство и экономика. М., 1999.

Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.

Эрхард Л. Благополучие для всех. М., 1991.

Berle A.A., jr., Means G. The Modern Corporation and Private Property. N.Y., 1934.

Sethi S.P. Japanese Business and Social Conflict. A Comparative Analysis of Response Patterns with American Business. Cambridge (Mass.), 1975.

¹ «Работа по прогнозированию и одновременно значительная часть управления производством еще сильнее концентрируется в очень узкой группе производителей, и мы встречаем, наконец, нового функционера экономики – предпринимателя» (Найт, 2003, с. 257).

² В период российских реформ коэффициент Джини увеличился в 2 раза: с 0,22 в 1990 г. до 0,4 в 2003 г. (<http://flb.ru>).

³ Как отмечает И.Д. Афанасенко, на этапе становления отечественной институциональной системы обнаруживается ее сущностный признак: хозяйственная деятельность выполняет функцию кооперации акторов, вырабатывая форму всеобщей зависимости, спо-

собствовавшую интеграции Русских земель в единое государство (Афанасенко, 2001, с. 318).

⁴ Например, группа «Интеррос» уплачивала налоги в объеме, позволяющем полностью финансировать расходы здравоохранения, образования, культуры и искусства в Красноярском крае. В. Потанин уверен, что крах его предприятий вызовет социальный взрыв регионального сообщества (<http://www.soob.ru>).

⁵ См. подробнее: www.amr.ru

Глава 21

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Способность к единому действию в гражданской и политической ассоциации, не отменяющему индивидуального своеобразия ценностей и поведения, становится возможной лишь при сочетании определенного «рефлексивного движения» сознания субъекта с обретением им социально-политического опыта. В этом смысле показателен проведенный П. Рикером эволюционный «превращение» человека в политически организованного и институцированного субъекта, демонстрирующего то, какая именно работа мысли и какого рода житейская мудрость нужны в данной сфере жизнедеятельности. Параллельно появится возможность ответить на вопрос: «Насколько гуманна политическая институционализация вообще и в частности в России?».

Начальная точка движения к политической институционализации не может быть избрана произвольно. Для П. Рикера это — этический субъект, «способный оценивать собственные действия, формулировать свои предпочтения <...>, а значит, способный опираться на иерархию ценностей» (Рикер, 1995, с. 42). Только человек, который, словами автора излагаемой концепции, «может определять самого себя», может в своей неполитической повседневности сам полагать для себя нормативный порядок, претендовать на право решать проблемы других людей, иметь власть над ними. Заметим, что такая характеристика начального состоя-

ния субъекта указывает и на важность этического измерения человека, и на его недостаточность.

Первая преграда на пути к политической субъектности состоит в преодолении барьера межличностных отношений между «я» и «ты» и переходе к отношению с безликим «третьим», на месте которого может оказаться любой член сообщества (Рикер, 1995, с. 42). Необходимо, таким образом, выйти в пространство социума, освоить его. Не каждый человек, способный к индивидуальной самоорганизации, оказывается в равной мере способным к общежитию с другими. Трудность такого выхода и освоения состоит в необходимости вступать в социальную коммуникацию с людьми, независимо от характера личностного отношения к ним и даже вопреки этому отношению. Это требует и специфических норм, и регулирования коммуникации. Но здесь необходимо и решение сложной житейской задачи – «выйти в свет», открыть себя обществу, суметь на время отрешиться от своих собственных впечатлений и эмоций, от привычек и стереотипов в отношении окружающих, не изменяя себе и не разрушая интимного мира своей частной жизни. Способность к цивилизованному человеческому общежитию является важнейшим проявлением гражданской самоорганизации индивида, основой успешной его политической институционализации.

Вторая преграда преодолевается, когда человек признает за любым агентом, вовлеченным во взаимодействие с ним, равные права и способности к активному действию (там же, с. 44). Опыт человеческого общения убеждает нас в том, насколько непросто овладеть умением обращаться с каждым как с равным. Дополнительная сложность связана с тем, что коммуникация неопределенного числа абстрактных субъектов требует опосредования в виде организаций, а также единых правил нормативного характера, которые также нуждаются в признании человеком (там же, с. 44–45). Взаимное доверие и связанная с ним этико-юридическая ответственность, воплощенные в принципе «договоры должны выполняться», превращают личность, по мысли П. Рикера, в субъект права. Способность человека к гражданско-правовой самоорганизации, его согласие на подчинение социальной власти и организации позволяет ему успешно интегрироваться в систему неполитических институтов. Однако

моральной честности человека, его правосубъектности и его согласия на контроль над собой со стороны организации, взятых самих по себе, недостаточно, чтобы говорить о политическом характере институционализации.

Лишь преодоление третьего барьера – барьера публичной власти – вводит человека в мир политики. Как отмечает П. Рикер, публичность власти созвучна идее «явленности общественного пространства», открытости той упорядоченности социальной жизни, в которую вошли индивиды, желающие жить вместе (Рикер, 1995, с. 47–48). Таким образом, человек, оказавшийся в поле политических институтов, оказывается одновременно и в поле гласности, общественного внимания и интересов различных общностей. Вместе с человеком туда «попадают» и данные им обязательства, и его окружение, и его отношение к нормам, правилам, внешнему влиянию. И еще много такого, что большинство из людей предпочитает не выставлять на всеобщее обозрение. В сфере политики, согласно П. Рикеру, человек позволяет власти упорядочить и организовать исполнение своего естественного желания жить в обществе. Политическая власть, дополняя собой власть морали и закона, придает организации человеческого общежития длительность и стабильность, «открывая горизонт общественного мира, понимаемого как спокойствие и порядок» (там же, с. 48).

Радужная перспектива политической стабильности покупается достаточно дорогой ценой: включенность в политические институты связана с такими перегрузками, выдержать которые может далеко не каждый. Речь идет не об арсенале особых качеств, которыми должен обладать практический политик, – их описанию и анализу в последние годы уделяется достаточно много внимания (см., например, Ильин, Панарин, 1994, с. 272–276). Порой создается впечатление, что увлеченность профессионализмом политики заслоняет проблему трансляции элитарного политического бытия на язык повседневности (что совсем не означает его популяризации и упрощения). Между тем, как справедливо отмечал А.С. Панарин, «оба важнейших механизма современного цивилизованного общества – рынок и парламентская демократия – основаны на безусловном доверии к обыденному сознанию рядового гражданина» (Ильин, Панарин, Бадковский,

1995, с. 104). Говоря о трудностях переноса институциональных перегрузок профессиональными политиками и рядовыми гражданами, имеется в виду такая качественная специфика политической организации, которая связана с характером и способом проявления в ней фундаментальных свойств человеческой природы, когда все человеческое предстает в своем предельном выражении, резком контрасте, парадоксальности, в большом масштабе пространства и жестком ритме времени.

Сегодня с большим основанием можно утверждать, что добродетельный (нравственный) человек, законопослушный гражданин и «человек политический» вовсе не одно и то же. Из такого признания вытекает, что далеко не каждый индивид в своей социальной институционализации проходит все ступени иерархии политических институтов, наиболее полно выражая свою политическую природу. Этико-юридический субъект, выходящий в социальное пространство, признающий над собой власть норм и организаций, может превратиться в «модульного человека», способного освоить при посредничестве различных институтов и ассоциаций богатство культуры, лишь эпизодически входя в пространство политических институтов. Мера политической институционализации в пространстве и времени, ее интенсивность — дело каждого гражданина. Минимально необходимая для общества мера политической институционализации, определенная Конституцией и избирательным законодательством, вполне согласуется с моделью ассоциированной индивидуальности, реализуясь на стыке гражданской субъективности и профессиональной политической деятельности.

Означает ли реализация модели ассоциированной индивидуальности гармонию человека и политической организации в ее институциональной форме, то есть такую степень гуманизации политики, которая разрешала бы существенные противоречия между ней и человеком? Видимо, нет. Ассоциированная индивидуальность находится не в гармоничных, а в оптимальных отношениях с политикой. Среди важнейших причин невозможности гармонизации этих отношений следует отметить: во-первых, особый характер политических «перегрузок», когда, по словам Э.Я. Баталова, политическое оказывается «слишком человечес-

ким» (Баталов, 1995), а во-вторых, несовпадение политической природы человека и его целостности.

К ним следует добавить еще и третью причину – внутреннюю противоречивость самой гуманизации. Отчужденность людей в вертикальной иерархии политической организации вызывает к жизни клиентурные отношения. Однако и они, хотя персонифицируют власть, не устраняют ни отношений зависимости, ни манипуляции человека человеком. Более того, по мнению М.Н. Афанасьева, «распространенность клиентурных отношений в обществе свидетельствует о кризисе социальной солидарности» (Афанасьев, 1996, с. 166). С другой стороны, корпоративизм как попытка укрепить горизонтальные связи между индивидами и актуализировать их солидарность оборачивается унификацией членов корпорации, их отчужденностью от власти и общества. Причиной парадоксальности результатов, достигаемых в обоих случаях, является противоречие между универсальностью и односторонностью человека, одномерностью его организации в политической сфере. Вряд ли возможно ее избежать, не выходя за пределы поля политики: мобилизация людей, подчинение их достижению единой цели, дисциплине организации представляет собой специфическую черту политической коммуникации. Можно сказать, что рассматриваемое противоречие является экзистенциальным по своей природе.

Внутренняя противоречивость гуманизации политических отношений проявляется и в том, что в процессе очеловечивания политики приходится решать прямо противоположные задачи. Если говорить о профессиональных политиках, то гуманизация их деятельности связана с введением ряда ограничений морального или правового характера, с обузданием человеческой воли. Что же касается рядовых граждан, эпизодически участвующих в политическом процессе, то гуманизация чаще связывается здесь с расширением возможностей влияния на представителей, со стимулированием политической активности. Перед нами своеобразное встречное движение властвующих и подвластных, управляющих и управляемых, в основе которого все та же универсальность человеческой природы, стремление к полноте бытия, сталкивающееся с однозначной заданностью политической организации.

Таким образом, модель ассоциированной индивидуальности фиксирует оптимум в отношениях человека и политических институтов, когда меру включения в них каждый индивид определяет самостоятельно, а устройство самих институтов, весь политический порядок позволяют ему это сделать. Возникающие при этом противоречия разрешаются, не разрушая природы взаимодействующих сторон. В этом случае можно говорить лишь о мере гуманизации политических институтов, мере смягчения политического отчуждения.

Обратимся теперь к тому, как представленные выше теоретические конструкты согласуются с реальностью российской политики, как они «работают», будучи опредмечены в пространстве отечественных политических институтов. В современных политологических исследованиях стало общим местом признание фрагментарного характера институциональной системы России, а также неэффективности сложившихся в последние десятилетия форм институциональной организации политической жизни. Одной из главных причин этого является не столько социально-культурный «раскол» российского общества, сколько хроническое отсутствие устойчивого согласия внутри его политической элиты. Как отмечают В.И. Пантин и В.В. Лапкин, « "пакт элит", долгие годы пребывавший в стадии формирования, так и не обрел легитимных форм, не воплотился в систему политических институтов» (Пантин, Лапкин, 1999, с. 153).

Однако главную причину следует искать в способе конструирования политических институтов, избранном политической элитой России после кризиса 1993 г., который можно назвать сугубо идеократическим. Если с конца 1980-х гг. столпы «антикоммунистической демократии», движимые идеями либерализма, должны были в какой-то мере учитывать стихийно формирующуюся практику обновления советской системы, то после «полной и окончательной» победы над ней положение изменилось. Страх потери власти у части тогдашней политической элиты оказался настолько силен, что либеральному политико-идеологическому проекту пришлось серьезно потесниться, дав место авторитарному традиционализму и имперскому консерватизму в духе «Основных законов Российской Империи» образца 1906 г. Возникший либерально-консервативный идеологический гибрид

так и не смог «опуститься на грешную землю»: конструирование институтов по-прежнему плохо согласовывалось со сложившимися социальными практиками. Даже в научной среде вплоть до последних лет глубоких и оригинальных исследований российской социальной и политической практики было крайне мало, по сравнению с потоком работ, посвященных анализу массового политического сознания, ценностей, общественного мнения или политико-правовых аспектов институциональных проблем¹.

Анализ специфических особенностей социально-политической практики позволит выделить типичные формы реализации социально значимых функций, то есть описать институции, которые не могут игнорироваться в процессе государственного строительства. Прежде всего, следует указать на оторванность социальной практики микро- и макроуровней, на что обращают внимание ее исследователи (Власть и народ..., 2003, с. 58). Эмпирически это проявляется в том, что адаптация к новым условиям на уровне семьи и ближайшего окружения происходит значительно быстрее и безболезненнее, чем на уровне общества в целом. Не случайно негативная оценка респондентами ситуации в стране является гораздо более сильной, чем в своих семьях (Левада, 2000, с. 9). Можно предположить, что большинство населения, придерживающееся умеренно прагматических ориентаций, синтезирующих традиционные и западные ценности, — по некоторым данным до 50 % населения — приспосабливается к новой социальной организации именно на микроуровне. Средствами такой адаптации выступают соглашения и компромиссы на основе денег или личных связей. При этом достаточно типичным является вариант, когда утилитарные отношения экономической автономности (независимости) постепенно трансформируются в неутилитарные отношения личной взаимозависимости.

Уже на микроуровне, особенно в ситуациях социального риска, возникают «крышевание» и патронат как первичные элементы институционализации. Тот факт, что эти элементы носят теневой характер, обусловлен многими причинами. Среди них и массовая «мода» на «блатной» стиль жизни, и прагматический расчет, показывающий, что издержки легального, «законопослушного» поведения существенно превосходят риски прямых, но нормативно сомнительных контрактов, и естественное стрем-

ление людей удовлетворить посредством персональных связей свою потребность в доверии. Теневой характер первичных элементов институционализации, возникающих в среде повседневных практик, отражает достаточно все еще нечеткую динамику повышения эффективности институтов российского общества. «Социальная среда, – признает О.Н. Яницкий, – активно участвует в процессах социальной селекции. Под [ее] воздействием постепенно изменяется качественный состав населения: уходят (эмигрируют, дисквалифицируются, болеют, умирают) его лучшие элементы и остаются жить и плодиться худшие» (Яницкий, 2004, с. 13). Риск гибели людей, ориентирующихся на следование долгу и закону, существенно возрастает по сравнению с теми, кто приносит их в жертву выживанию или преуспеванию. Отмеченная негативная тенденция непосредственно обуславливает отбор людей в институциональные структуры политики и качество их функционирования.

Макроуровень социальной практики делает невозможным преимущественно персонифицированные формы взаимодействия. Естественное стремление людей перенести в публичную сферу образцы поведения, принципы его организации и оценки, сложившиеся на уровне бытовой повседневности, как правило, заканчиваются неудачей, вызывая к жизни негативные настроения и разочарование. С другой стороны, сложившийся «архетип поведения» не может быть отброшен, мгновенно «выбит» из социокультурного кода. В такой ситуации естественной и наиболее распространенной моделью институционального поведения в политике становится кланово-корпоративная модель, отношения патроната и клиентелы, вырастающие из повседневного сугубо прагматического «крышевания». Функция представительства выражается в лоббизм, управления и руководства – в самовластие, гражданства – в верноподданство. Доминирующий сценарий политической институционализации человека в российском социуме воспроизводит отношения антропоморфной гармонии и политическую культуру традиционализма, порой со значительным элементом грубой архаики.

Поскольку инсталлироваться в политизированную кланово-корпоративную структуру, найти себе «отца-патрона» (гражданского или военного чиновника, крупного собственника или

менеджера, наконец, криминального авторитета) может далеко не каждый, ощущение отсутствия политического порядка, нормативного хаоса, дополняемое переживанием одиночества и отчужденности от власти, в той или иной мере присутствует в сознании большей части населения. Исследования ИСП РАН свидетельствуют, что социетальный порядок в современной России, по мнению респондентов (от 86 % до 49 %), основан на выгоде и личном успехе, которые поддерживаются силой и ответственностью. Роль свободы, закона и прав человека оценивается гораздо ниже: соответственно 19, 9 и 5 %. Доверие, мораль и уважение к чужому мнению прочно занимают место среди аутсайдеров влияния (3–5 %) (Власть и народ..., 2003, с. 59).

Можно предположить, что среди мотивов, побуждающих граждан участвовать в выборах, поддерживать политические партии и движения, отдельных политиков или независимых кандидатов, то есть так или иначе идентифицировать себя в пространстве политических организаций, значительную роль играет стремление найти «политического патрона», обладающего в глазах общественного мнения силой или имиджем силы. С возможностями такого патрона, с доверием к нему связывается потенциал реализации собственных надежд и интересов. Возникающее здесь смещение отношений антропоморфной гармонии и инструментальной индивидуальности позволяет выйти за рамки политического традиционализма, ориентироваться не столько на локальные нормы, сколько на универсальные правовые стандарты и процедуры. Однако и здесь (что подтверждает практика российских выборов) нет никаких гарантий от активного вмешательства теневых и даже криминальных сил и структур.

Резюмируя данную характеристику социальной практики как среды формирования институций, можно согласиться с М.Н. Афанасьевым в его оценке стереотипов социального поведения и взаимодействия: «Ведь коренящееся в них "внутреннее варварство" и представляет собой главную угрозу становящейся российской государственности. Тем самым мы выявляем социальный механизм порчи политических институтов» (Афанасьев, 1999, с. 93). Важно подчеркнуть, что если истоки этого «внутреннего варварства» определяются «дурной наследственностью», особенностями социокультурного кода общества, то способы его

социального бытия, формы реализации накопленного потенциала коренятся в современной практике мышления, общения, взаимодействия, хозяйствования. Вследствие этого эффективное функционирование политических институтов невозможно при слепом, неадаптированном к социальным реалиям копировании как современного, но чужеродного в институциональном плане, так и собственного, но исторически преодоленного опыта. Неприятие единого нормативно-правового пространства и универсальных правовых процедур, приоритет локальных и неформальных норм (жизнь не по закону, а «по понятиям»), упование на культ силы и прямое, персонифицированное социально-политическое действие – вот те немногие проявления «внутреннего варварства», которые объясняют одну из главных особенностей функционирования современных российских социальных, в том числе и политических, институтов – их превращение в субституты и суррогаты порядка, выхолащивающие и имитирующие его реальное функциональное содержание.

Анализ политических институтов в современной России показывает, что налицо известная конституционно закреплённая система функциональных организаций, работающая, как правило, в соответствии с определенной технической процедурой, но, увы, не формирующая у членов общества, политических акторов социально значимых программ действий. Ее формирование становится невозможным ввиду того, что произвол чиновников и должностных лиц, как показали исследования В.В. Радаева, «выступает не продуктом “недоработок”, а способом воспроизведения всеобщей зависимости от властных структур» (Радаев, 1998, с. 95).

Терпимость подвластных к «капризам» и злоупотреблениям в любой властной организации, помимо прочего, основывается на удачно описанной О.В. Мартышиным русской ментальной установке иметь «юридически бесформенное государство, государство по душе» (выражение А.Д. Градовского) (Мартышкин, 2003, с. 25, 28–29). Границей такой терпимости является невмешательство политических институтов в повседневные социальные практики, в способность людей привычными способами обеспечить свое самосохранение. При этом, по данным социологов, граждане прекрасно осознают, что стремящиеся к власти, как, впро-

чем, и обладающие ею, не столько хотят принести пользу обществу (24,5 % опрошенных), сколько улучшить собственное материальное положение (76,6 %). Алчность и социальная безответственность распорядителей народным богатством не подвергается сомнению с конца 1990-х гг. (Шестопал, с. 53; Левада, 2001, с. 12). «Институциональный вакуум», таким образом, по-своему выгоден и властвующим, и подвластным, поскольку позволяет и первым, и вторым спокойно сосуществовать друг с другом в двух «параллельных» и весьма далеких друг от друга социально-политических мирах. Поддерживающий его «общественный договор» основывается на известной житейской мудрости: «Живи сам и давай жить другим».

Однако гражданский мир, «покупаемый» подобным соглашением, оказывается весьма хрупким: латентная и становящаяся хронической социально-политическая неуправляемость приобретает катастрофические последствия, как только общество и его политические институты оказываются в чрезвычайной ситуации. Основанная на преданности и служении, действующая по воле патрона организация способна лишь к симптоматическому реагированию, то есть может оперативно отвечать лишь на единичные, локальные вызовы. Бюрократическая по способу принятия решений, персонально ориентированная, лишенная самостоятельности и инициативы низов «вертикаль власти» оказалась не готовой к комплексному «вызову» различных факторов.

Ситуативное реагирование кланово-корпоративной институциональной структуры далеко не всегда оказывается адекватным. Опыт последних лет – будь то стихийные бедствия, техногенные катастрофы или террористические акты – показывают низкую эффективность местных и федеральных органов управления, призванных предвидеть возникновение чрезвычайных ситуаций, осуществлять их профилактику и быстро ликвидировать последствия. Пораженные коррупцией и бюрократическим своеволием, состоящие из людей, не соответствующих сложности задач, институты власти лишаются внутренней мобильности и перестают быть способными оказывать эффективное и концентрированное управляющее воздействие. К тому же, сосредоточиваясь на частных, текущих, но субъективно значимых вопросах, политические институты утрачивают способность к видению пер-

спективы, моделированию вариантов и сценариев развития сложившейся ситуации, теряя стратегическую управляемость (см. подробнее: Козлова, 2002, с. 129–134). Между тем социальное, в том числе политическое, управление предполагает способность к воздействию на процессы, а не только на отдельные тревожные симптомы и ситуации. Неспособность институтов исполнительной и законодательной власти обеспечить необходимую управляемость политическими процессами, а вовсе не фрагментарность институтов или «неполнота» государства – вот главная проблема, стоящая перед российскими политиками–практиками и политологами–институционалистами.

Как видим, неэффективность политических институтов обнаруживает себя, в сущности, одним и тем же образом на микро- и макроуровнях. Неспособность институтов продуктивно детерминировать действия человека в политическом пространстве дополняется их неспособностью программировать развитие политических процессов. Вместе с тем и в повседневности, и в макросоциальном масштабе существуют предпосылки для позитивных перемен. Исходным пунктом в их рассмотрении и оценке должен стать анализ положения человека в поле социально–политических взаимодействий и структур.

Оценивая степень готовности населения к политической институционализации, можно заключить, что в сегодняшней России, в своей массе, перед нами человек, преодолевший, по описанной нами выше модели П. Рикера, лишь первый барьер на пути включения в политические организации. Это человек, открывший себя другим, способный договариваться и находить общий язык с ними. Эмпирически наблюдаемым коррелятом этого состояния может быть самооценка адаптации к новым условиям, выраженная в фразе «вынужден «вертеться»». Менее распространен тип человека, преодолевшего второй барьер и утвердившего себя как гражданско–правовой субъект (эмпирический коррелят – самооценка «получил новые возможности») ². Именно в отношениях с семьей и ближайшим окружением оказываются действенны представления о солидарности, взаимопомощи и поддержке. Таким образом, демократические институты (органы самоуправления, общественного контроля за исполнительной властью, выборы, референдумы) могут наиболее эффективно фун-

кционировать лишь на уровне местного самоуправления. Именно здесь следует сосредоточить главные усилия институционального строительства.

Лишь по мере формирования опыта использования этих институтов (в процессе смены трех-четырёх легислатур) можно будет поставить вопрос о создании в полной мере демократической системы политических институтов на макроуровне. Сложившийся и санкционированный Конституцией РФ институциональный механизм реализации властных отношений, больше напоминающий «выборную ненаследственную монархию», оказывается объективно необходимым в условиях угрозы распада государства, терроризма или тотальной криминализации общества. Когда функции представительных органов на местах все больше становятся источником извлечения институциональной ренты депутатским корпусом, не приходится ожидать, чтобы они были чем-то большим, чем «отстойником» для «маргинальной элиты» (см. подробнее: Соловьев, 2004).

При доминировании описанных отношений антропоморфной гармонии в форме патроната и кланово-корпоративной организации закономерен вопрос о возможности цивилизовать отношения служения. Возможно ли трансформировать их, сделав контрактными и, рационализовав, подчинить правовому контролю и регулированию? Это позволило бы повысить их предсказуемость, минимизировать произвол и негативные проявления личной зависимости. В этой связи показательна современная полемика о выборе оптимальной для российских условий избирательной системы.

Очевидно, что местные институты законодательной и исполнительной власти рассматриваются элитой общества и политическими акторами как один из возможных каналов лоббизма. С другой стороны, модель антропоморфной гармонии и обусловленные ей отношения кланово-корпоративного служения порождают в политическом сознании кризис идеалистических представлений о функциональной ориентации депутатов на реализацию поручений избирателей, удовлетворение их нужд, поддержку в получении льгот, инвестиций, социальных благ. Отечественные избирательные кампании последних лет показали, что в условиях, когда неорганизованная общественность не может быть

силой, формирующей «социальный заказ» депутатской деятельности, инициатива в артикуляции и агрегировании интересов переходит к отдельным элитным группировкам, кланам, криминальному сообществу. Эти процессы носят, как правило, латентный и внеправовой характер. Политические партии и их блоки, даже в актуально рудиментарном состоянии, предпочтительнее, поскольку позволяют управлять формированием и реализацией институциональных интересов в легальных правовых формах при сохранении контроля общественности, пусть даже ограниченного и формализованного.

В этом контексте инициатива Президента РФ В.В. Путина о переходе к пропорциональной системе, предполагающей партийное представительство, выглядит логичной и вполне оправданной. Романтические иллюзии возможности стихийного контроля снизу и независимого представительства оборачиваются для общества сегодня слишком дорогой ценой. Разумеется, партийное представительство не устранил лоббизма в его современных «теневых» формах и не приведет к кардинальному улучшению качества депутатского корпуса, но позволит уменьшить наиболее одиозные и опасные последствия корыстного давления на законодательную власть.

Использование социально-культурного стереотипа служения может способствовать формированию гражданской идентичности, если будет сконструирован и востребован массовым сознанием имидж институции гражданства как генератора заключения и корректировки параметров своеобразного контракта между человеком и государством, в котором стороны связаны не только правами, но и обязанностями. Представляется, что стимулировать исполнение гражданских обязанностей целесообразно не столько санкциями, сколько зафиксированными в праве льготами и привилегиями подобно тому, как безаварийная езда поощряется снижением суммы автомобильной страховки.

Гораздо сложнее проблема отношения государства к своим обязанностям перед гражданами, в частности, к учету человеческого измерения в институциональном проектировании и строительстве. Выше указывалось на достаточно прочную ассоциативную связь солидарности с микроуровнем социального бытия человека. Это свидетельствует об относительном равнодушии на-

ших сограждан к организованному коллективному действию. На другой аспект данной проблемы справедливо обращает внимание В.В. Петухов: «А что, собственно, могут предложить современному, активному, дееспособному человеку существующие политические и общественные институты?» (Петухов, 2002, с. 63–64). Видимо, фиксируемое большинством социологов недоверие к ним указывает, прежде всего, на то, что предлагаемые политическими институтами программы и стратегии поведения в недостаточной степени согласуются с опытом и проблемами повседневной жизни людей.

Уровень экономического развития сегодня делает невозможным строгое и полное соответствие гарантируемых государственными институтами социальных благ реальным потребностям всех групп и слоев населения. Однако обеспечить такое соответствие для наиболее уязвимых в экономическом отношении категорий граждан возможно и необходимо уже сейчас. Специалисты указывают также на несоответствие программно-целевых ориентаций политических организаций реальным интересам россиян, готовых поддержать партии, движения и объединения, которые не девальвируют идеи социальной справедливости и прав человека, поддерживают стремление «простых людей» к институциональным эталонам и т. п. (там же, с. 64).

Еще одной назревшей и не менее эффективной мерой является совершенствование политики институционального строительства. Она должна исходить не из доктрин и догм, а из глубокого, всестороннего и объективного анализа формирующихся в обществе институций, всей совокупности социальных практик. Опыт «десотиянства», примененный к экономическим институтам, предлагает не навязывать хозяйственным субъектам «искусственно сконструированные правовые нормы, а легализовывать уже существующие внелегальные нормы и практики» (Латов, Нестик, 2002, с. 38). В политике мы не можем обойтись лишь одной легализацией: далеко не все, что дает стихийная практика самоорганизации и самоуправления, может быть зафиксировано в формальном праве в масштабах всего общества. Задача заключается в отборе и закреплении цивилизованных форм социальной регуляции. Анализ функционирования системы политических институтов России убеждает, что основные ее недостатки происходят

«не столько от собственно “плохих” законов, сколько от плохого правоприменения» (там же).

Нуждается в модернизации механизм подготовки и отбора рядовых сотрудников и руководства политических институтов. Сегодня обучением будущих государственных служащих в значительной части российских регионах заняты вузы, возникшие на базе прежних высших партийных школ. При этом подготовка ведется на базе общеобразовательной школы или среднего специального образования. Фактически сложилась система вузов, являющаяся своеобразным «государством в государстве». Представляется, что образование в области государственного и муниципального менеджмента должно быть послевузовским, а кадры этой сферы, за исключением технического персонала, должны готовиться на базе специалистов с высшим гражданским или военным образованием. Центрами подготовки должны стать государственные университеты, реализующие комплексный подход к подготовке и переподготовке государственных управленцев по различным направлениям в рамках экономических, юридических и социально-гуманитарных дисциплин. Это позволит сконцентрировать региональный интеллектуальный потенциал, оптимально распределить бюджетные средства на до- и переобучение администраторов местных органов власти.

Литература

Афанасьев М. Испытывая политические институты // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 2.

Афанасьев М.Н. Клиентелизм: историко-социологический очерк // Политические исследования. 1996. № 6.

Баталов Э.Я. Политическое – «слишком человеческое» // Политические исследования. 1995. № 5.

Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994.

Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М., 1995.

Козлова О.Н. Управляемость социальной жизни: от быта к бытию // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1.

Латов Ю.В., Нестик Т.А. «Плохие» законы или культурные традиции? // Общественные науки и современность. 2002. № 5.

Левада Ю.А. Homo Post-Soveticus // *Общественные науки и современность*. 2000. № 6.

Левада Ю.А. Перспективы человека: предпосылки понимания // *Экономические и социальные перемены*. 2001. № 4.

Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // *Государство и право*. 2003. № 10.

Пантин В.И., Лапкин В.В. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // *Pro et contra*. 1999. № 2.

Власть и народ в России: повседневные практики и проблема универсализации институционального порядка / Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Кертман Г.Л. и др. // *Полития*. 2003. № 2.

Петухов В.В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6.

Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998.

Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: ACADEMIA, 1995.

Соловьев А.И. Институциональный дизайн российской власти: исторический ремейк или матрица развития // *Общественные науки и современность*. 2004. № 1.

Шестопал Е.Б. Установки российских граждан на власть как показатель качества демократии // *Полития*. 2003. № 2. С. 32–53.

Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2.

¹ Как пример отградного исключения можно привести статью (Власть и народ..., 2003).

² Здесь использованы оценки, предложенные в работе (Левада, 2000).

Глава 22

**КОНТИНУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА КУЛЬТУРЫ
КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

Современное состояние социокультурной системы отличается не только высокой степенью сложности ее организации и уровня динамики, но и опережающим ростом неопределенности и непредсказуемости развития. Ее особым состоянием становится балансирование на грани бытия и небытия. Вследствие этого и освоение современного мира оказывается все более затрудненным, ибо неясно то, каким образом возникающее будущее будет в каждый следующий момент структурироваться, какие направления и типы развития станут приоритетными.

Неудивительно поэтому, что как отечественные, так и зарубежные исследователи современного общества и культуры все чаще фиксируют «системный кризис архитектоники общества, основанного на определенности национальных культур и устойчивости ценностно-рациональных форм мироустройства. Ветшают и рассыпаются его основополагающие институции: национально-государственная система международных отношений, международное право, базирующееся на незыблемости национального суверенитета, классическая экономика, просуществовавшая не одно столетие, задвигается теперь в тень «виртуальной неэкономикой финансовых технологий» (Неклесса, 1997, с. 165).

Такие перемены делают проблематичным бытие общества как целостной системы, развивающейся на основе определенных устойчивых оснований, саму возможность его онтологии. В самом деле, *важнейшим модусом существования теперь выступает становление*, при котором одновременно возникает множество вариантов бытия, включая бытие как перманентный переход, как возможность, как виртуальность. Но становление предполагает одновременно и последовательность формирования инвариантных форм социокультуры, и их сосуществование, то есть взаимную сложноорганизованную детерминацию. В связи с этим возникает вопрос о том, как возможно в таких условиях возникновение и функционирование *защитных механизмов, обеспечиваю-*

щих целостность социокультурной системы на основе интеграции в целое многообразия возникающих в ней переходных форм.

В актуальных реалиях происходит системная трансформация не только форм и содержания, механизмов функционирования всех социальных институтов, но и самого типа их развития и взаимосвязи, ибо «ритм современной истории приобрел невероятную скорость, и то, что когда-то разворачивалось в столетиях, в наше время разворачивается в пространстве десятилетий. Такой динамизм... порождает в сознании людей то, что Э. Тоффлер называет "футурошоком". А может быть, мы успели войти в такой период истории, когда переход превращается в перманентный, непрекращающийся переход» (Хренов, 2002, с. 15). Но сохраняется ли при этом возможность дальнейшего освоения социокультурной системы и развития ее институтов на уровне целого?

Представляется, что следствием осознания радикального характера происходящих перемен должен стать поиск нового уровня теоретического освоения мира, открывающийся за традиционно выявленными парадигмальными контурами, в которых до сих пор исследовалось общество, способного стать основой более адекватного изучения переходных, модернизируемых и модифицируемых состояний. Однако для такого постижения необходимо обновление категориального аппарата и философского инструментария.

Понятием, которое характеризует единство переходного социокультурного процесса, схватывает его внутреннюю интеграцию и координацию, отражает ход и результат «отвердения» потока непрерывно изменяющегося бытия, является институционализация. Ее можно определить как *формирование предпосылок и оснований порождения множества элементов и функций социокультурной системы, заданное ее целостностью и проявляющееся в деятельности социальных институтов.* С этой точки зрения институционализация представляет собой такую общую форму процесса социокультурного становления, которая «содержит» в себе существование целостности до ее конкретизации. Причем она не только порождает предпосылки определенных социальных институтов, образующих жесткий пространственный каркас общества, но, как бы заключая в себе этот процесс, оказывается

(подобно самообучающимся целевым системам) субстанцией социокультурной системы, направляющей процесс становления при одновременном сохранении его инвариантности, открытости и многовариантности.

Но если процесс институционализации является одним из способов перехода целостности социокультурной системы в многообразие ее структур и функций, то из этого следует необходимость прояснения характеристик этой целостности и ее носителей, поскольку без этого исследование процесса становления институтов не может быть завершенным, то есть иметь концептуальный статус. Однако для теоретического освоения трансформаций целостности социокультуры в процессе институционализации, результатом которой является система институтов общества, необходимо найти адекватное и наиболее глубокое связывающее их основание.

Представляется, что таким основанием, задающим само-развертывание, глубину и качественную специфику общества, является культура, в «питательной среде» которой зарождаются предпосылки, функции и векторы институционализации. Ведь культура – носитель мира человека, и именно она, как выражение специфики человеческой жизнедеятельности, непосредственно связывает его субъективность, формы деятельности в единый символически-предметный объективированный мир. С этой точки зрения культура действительно выражает целостность, потому другие подсистемы общества выступают как ее проекции, конкретизированные и адаптированные к той или иной функции социокультурной системы.

Вот почему исключительно перспективным является прояснение эвристического *потенциала культуры как основы параметров современной динамики институционализации*, исследование форм ее объективации в виде институтов, взаимодействия их ритмики и структуры, которая обеспечивает становление как самоорганизацию социокультурной системы. Однако несмотря на важность этой проблемы, специальных работ, в которых бы исследовался феномен институционализации в контексте культуры как целостности, в отечественной литературе пока нет.

Субстанциально и функционально культуру представляет континуум ее пространства-времени, выступающий предельно

общей и существенной формой общественного бытия, передающей воздействия социокультурной целостности на порождение многообразного. А поскольку процессы институционализации связаны с целостностью культуры, выражая в многообразии своих форм ее содержание, то именно континуум культуры порождает ее бесконечно становящуюся форму.

Симптоматично, что на этот методологический ракурс уже обращено внимание ряда исследователей, показавших, что континуальный анализ является наиболее адекватным способом познания современного мира (См.: Алтухов, 1992; Баркова, 2002; Ионин, 1996; Кантор, 2002; Листвина, 2001; Нахимов, 2000; Хренов, 2000). Так, В.Л. Мальков считает необходимым выявление «различных уровней и типов социальности в ходе различных рубежных “кризисов” исторического движения на всем протяжении *пространственно-временного континуума* – от древности до современности. То же может быть сформулировано как “опредмечивание” смены эпох, раскрывающихся в их историческом своеобразии через конкретные неповторимые... проявления жизнедеятельности людей в самых разных сферах – экономико-правовой, морально-этической, этнонациональной, социально-психологической, религиозно-нравственной и др.» (Мальков, 2003, с. 6).

Уточним, что пространственно-временной континуум – это модель, или конструкт, предельно высокого уровня абстракции, поэтому «ни пространство, ни время, ни пространственно-временной континуум нельзя увидеть, ... почувствовать – они суть нечто “ненаблюдаемое” в принципе» (Порус, 2002, с. 259), можно сказать – сверхчувственное. Пространственно-временной континуум культуры представляет собой всеобщую внутреннюю нелинейно развивающуюся форму самоорганизации бытия культуры, в которой на основе единства пространства и времени конституируется, сохраняется, трансформируется и воспроизводится ее содержание. Поэтому континуум – одновременно модель целостности культуры и алгоритм ее самоформирования, самоорганизации и саморазвития.

Феномен пространственно-временного континуума, связывающий в органическое целое содержание культуры, ее внутреннее пространство и время, обеспечивает непрерывность и

постоянство самого бытия культуры, что крайне важно для понимания саморазвертывания ее многообразия из целостности и своеобразия «отвердения» социальных институтов в процессе объективации.

Именно континуум пространства-времени, поскольку он обеспечивает сохраняемость констант бытия культуры при всех ее модификациях, выступает той формой, которой детерминирован сам процесс институционализации. Континуум оказывается для последнего его собственным основанием, мерой возможных изменений и своеобразным регулятором. Поскольку континуум выступает проводником развертывания смыслов, образов и символов культуры, он содержит в себе некую программу (код), оформляющую пред-заданность самой культуры. Но, выражая целостность культуры, континуум не является простым тождеством, а содержит в себе основу развертывания многочисленных противоречий, в том числе между его пространственной и временной «сторонами». Благодаря этому континуум оказывается в состоянии не только продуцировать субъектно-смысловое содержание культуры и ее институций, но и зафиксировать и пролонгировать ее внутренний порядок, организацию, в которой типизируются и воспроизводятся многообразные функции социальных субъектов.

Наличие противоречивого и динамичного типа связи исходной целостности, элементов, в которых она разворачивается и самого исследователя акцентировал Л. Гольдман, подчеркивая, что «в той диалектической перспективе, которой мы придерживаемся... сходство и различие, общность и противостояние не являются статистическими реальностями, данными нам раз и навсегда, реальностями, на которые историк смотрит со стороны; напротив, это есть элементы, составные части диалектической целостности, внутри которой он сам находится и законы становления которой он старается постичь с максимумом возможной точности» (Гольдман, 2001, с. 304).

Бытие социокультурной системы, таким образом, не являясь аморфной или монолитной целостностью, проявляет свой потенциал в противоречивом единстве целого и частей, устойчивого и изменчивого, пространства и времени, возможного и действительного. Так, целостность социокультуры существу-

ет как предпосылка, исходная возможность ее бытия и само-развертывания.

На объективную реальность существования такой целостности-тотальности указывал Г. Лукач, писавший: «...история как тотальность... не есть ни чисто механическая сумма отдельных исторических событий, ни трансцендентный отдельным историческим событиям принцип рассмотрения, который необходимо реализовать посредством специальной дисциплины, философии истории. Напротив, тотальность истории есть, – хотя до сих пор не осознанная и потому не познанная, – реальная историческая сила, которую нельзя отрешить от действительности (и значит, от познания) отдельных исторических фактов, не снимая при этом также их действительность, саму их фактичность» (Лукач, 2003, с. 239).

В процессе становления или объективации эта целостность социокультурной системы, как ее исходное самождество, раздваивается. Сферы бытия субъекта и объекта противопоставляются, причем основание данной дихотомии как бы снимается, оставляя место (онтологический статус) лишь противоречию человеческого и технического, то есть овеществленного, миров. Отсюда – не только растущее господство техники над человеком в силу ее экспансии и жесткое воздействие социальных институтов, но и отчуждение человека от самого себя, которое он может преодолеть лишь будучи в статусе целостного и универсального субъекта. Объективная реальность ограничивает его целостность, ведя к дроблению человека, закрепляя его частичность и ограниченность.

Институционализация в этом ракурсе выступает одним из этапов перехода от целостности к многообразию, от одномерности к многомерности. Однако остается открытым вопрос: как именно происходят эти процессы; что, собственно, в культуре порождает институции, удерживая их субъектно-социальное начало? Ответ на него требует реконструкции одного из существенных моментов бытия культуры и осознания того, что, в каких бы конкретных формах ее бытие не проявлялось, оно всегда пронизано человеческой, субъективно выраженной основой. Культура лишь выносит вовне свое субъективное (и субъектное) содержание, свою направленность к далеким и близким целям,

свою нормативность, которая является ни чем иным, как обобщенной характеристикой человека той или иной исторической эпохи. Именно поэтому субстанцией культуры, ее внутренней общей причиной саморазвертывания, которая и воплощается в институтах, *всегда является субъект*, предстающий как интегральное проявление бытия индивидов. «Субъект, – как определяет его В.А. Лекторский, – носитель деятельности, сознания и познания... он существует только в единстве Я, межчеловеческих (меж-субъектных) взаимоотношений, познавательной и реальной активности» (Лекторский, 2001, с. 155).

В социокультурной системе, где через культуру разворачивается ее субъектное содержание, накопленное в каждую эпоху, то есть общесубъектные цели, «пронизывающие» то или иное общество, оформляется постоянное действующий в обществе *институциональный императив*, который «направляет поведение индивидов, поддерживает установленный порядок общественных отношений. Каждый социальный институт по своей природе характеризуется наличием цели своей деятельности, конкретными функциями, способствующими достижению этой цели, набором социальных позиций и ролей, типичных для данного института, а также системой санкций, обеспечивающих поощрение желаемого и подавление нежелаемого, отклоняющегося поведения» (Социология. Основы... , 2002, с. 369). Все социальные институты, таким образом, фиксируют, типизируют, организуют, воспроизводят и проецируют человеческую субъективность в ее специализированном функциональном выражении. Но институт – это конечное выражение субъектности; это субъективность, но уже объективированная, оформленная и ограниченная соответствующими структурными рамками, формирующимися в ходе институционализации.

Субъект как субстанция культуры как бы проникает «сквозь» все формы ее пространства и времени, единство и взаимодействие которых образуют особый континуум. Дело в том, что субъект как исходная причина самого себя в контексте бытия культуры – такая же энергия и сила, как и «силы природы», ведь «активность, понимаемая как порождение материальной или духовной энергии, в какой бы конкретной форме она не выражалась, есть исходная характеристика субъекта, главный при-

знак, отличающий его от объекта» (Каган, 1988, с. 90). Но субъект культуры, существующий как ее всеобщее основание, как субстанция, – всегда оформлен и раскрывает свою активность в текстах и символах, но «прежде» этого он входит в содержание культуры посредством особых институций.

Субъект, выраженный через континуальность пространства-времени культуры, передает сосуществование, взаимодействие, обособленность, динамичность и направленность человеческой субъективности как трансцендирования внутри среды, заполненной текстами, символами, нормативностью и другими компонентами, способными сохранить устойчивость смысла как особого пространства и коллективную самоорганизацию субъектов, выраженную, прежде всего, институционально, то есть их проективно-конструктивную активность. При этом субъект оказывается «органическим синтезом», ибо в нем происходит взаимопроникновение этих сторон, поэтому именно он находится в основе того специфического пространства и времени, где становится возможной интеграция индивидов на основе коллективно вырабатываемых целей и смысловых контекстов.

Субъект концентрирует и направляет ту внутреннюю энергетическую, которая в ходе его функционирования становится основной линией детерминации в континууме культуры. Поэтому с субъектом связаны и с ним соотносятся все основные элементы, порождаемые культурой, в том числе смыслы, ценности, идеалы, нормы, стили и др. Это же делает субъект и основой, *центральным компонентом и свойством континуума*, выражением его сущности.

Но вместе с этим разворачиванием себя через пространство-время культуры субъект-субстанция обеспечивает ее постоянное воздействие на многообразие формирующихся в обществе функций и структур. Эта возможность заключена в свойствах континуума пространства-времени, через которые «проходит» трансцендирующий субъект, оформляясь в культуре. Важно подчеркнуть, что для бытия субъекта пространство и время неравнозначны. Во времени, что было отмечено еще И. Кантом и развито в ряде направлений философии XX в., субъект раскрывает внутреннюю сторону своего бытия, а через пространство он выстраивает свое отношение к внешнему и внутреннему миру. Это зна-

чит, что благодаря пространству для субъекта открывается многообразное, тогда как время восстанавливает и сохраняет его собственную целостность и идентичность, позволяя самоактуализироваться в нелинейном мире.

Поэтому в рамках континуума для субъекта уже содержится возможность интегрировать разные социальные «измерения», фиксируя многообразное через свою собственную целостность. Но с другой стороны, развернутое в институтах многообразие становится как бы автономным, самостоятельным, потому что субъект не всегда фиксирует свою собственную целостность как основное условие различения многообразного. Поэтому он способен переходить на позиции «частичности», то есть воспринимать логику и движение любой частной ситуации, своей отдельной проекции, предметного комплекса или системы как нечто самодостаточное.

В приведенных общетеоретических рассуждениях заложены предпосылки понимания специфики процесса институционализации, где как функционально, так и онтологически различаются институции и институты. Институции при этом выступают промежуточными формами самообъективации субъекта культуры в предметных (символических, текстовых, образных и др.) проявлениях. В институциях субъект-субстанция начинает порождать внутри себя многообразное, еще не выраженное в жестких объектных формах, но уже находящееся в состоянии как бы «пред-объектности».

Институция оказывается особой формой порождения многообразного через форму континуальности пространства-времени: в ней время начинает (неосознанно для субъектов) переходить в пространство, объективируясь в системно-синергетических механизмах организации устойчивости, благодаря чему, собственно, многообразие и приобретает статус самодостаточности и относительной завершенности. Это происходит потому, что и для самоорганизации социокультурной системы континуум культуры как форма, еще не имеющая завершенной упорядоченности, выступает в виде хаоса, имеющего тенденцию к самораспаду.

Но так как синергетические порядки имеют системно-объектную природу, то они не улавливают «голос целостнос-

ти» культуры, глубину ее пространства, той особой смысловой упорядоченности, которая уже организована в континууме культуры как общей форме ее субъектной субстанции. Именно поэтому механизм синергетической самоорганизации здесь в чистом виде не работает, так как в институциях «встречаются» не хаос и порядок, но порядки разных типов, что рождает проблему их интеграции. Институции и возникают как особые формы такой интеграции, в которой многое и существенное для становления института как *социального, человеческого, важного для жизни* вытеснено на уровень виртуального и имеет характер как бы предбытия.

Общую структуру такого пред-бытия хорошо описал А. Димер, показавший, что «культура на основе предданности становится “тотальностью” горизонта данного жизненного мира, где человечество заранее понимает свою действительность, где оно заранее понимает самого себя как реальность и как субъект и где оно постоянно пребывает» (Димер, 1986, с. 164). Конкретизируя структуру этой предданности, он акцентировал наличие горизонта, понимаемого как предданность абсолютного с его измерением смысла, а также «единство пространства и времени, дающее основание обрисовать возможное “где” (культурной данности)» (Димер, 1986, с. 165). Хотя здесь ничего прямо не сказано об институционализации, но косвенно ее функция проявляется в формировании многообразия, в рамках которого культура начинает проявлять себя как единство преданности и данности, целостности и частей, пространства и времени.

Бытие институтов включает в себя и целостность, и общую пространственно-временную форму культуры, и институционализацию, то есть процессы, непосредственно обеспечивающие универсальность социальных институтов.

Необходимым направлением исследования, проясняющим возможности реформирования, модернизации и корректировки системы социальных институтов, выступает философское осмысление их континуума, в структуре которого перспективным видится анализ *отношений центра и периферии*, отражающих приоритетность настоящего перед прошлым и будущим, а также внутренний плюрализм ритмики воспроизводства и бытия стилей, символики и текстов.

Данное отношение показывает не только непрерывный переход центра и периферии от константности к изменчивости, и даже не столько характеризует выполняемую центром функцию детерминанты, что является причиной большей полноты его бытия. Дело в том, что именно в центре идет непосредственное взаимодействие институций и институтов, и его активность связана с эндогенной реализацией функции распределения в ходе объективации кода целостности культуры. Именно поэтому центр является относительно независимым, продуктивным и самодостаточным образованием в континууме культуры.

Периферия же выражает условную дистанцию между институциями и институтами, она продуцирует пространство, заполненное неорганизованными функциями и дисфункциональными структурами, а также переходными формами. Здесь институция не выражена непосредственно, и потому сама периферия является в большей мере созданием, чем создателем. Это как бы сугубо пространственное выражение самой институции, которое относительно завершено, поэтому в большей степени проявляется «склонность» к объективации. Задача периферии – «наполнить себя» содержанием, идущим от центра, приобрести статус среды институтов культуры, способных существовать универсально. Но поскольку периферия не порождает институций, ее зависимость от центра константна, поэтому реально периферия выступает как пространство перехода к новым институтам и возвращения продуктивных традиций, ибо сам статус периферии связан с возможностью осуществления задач институции.

Таким образом, в рамках пространства-времени культуры идет становление, переход от институций к институтам в процессе объективации исходной целостности, что обеспечивает изначальные структуры институций, благодаря которым возникают предпосылки, или пред-заданность, институтов культуры, а через них и институтов общества.

При этом следует иметь в виду, что термин «культурный институт» традиционно употребляется в двух смыслах: непосредственном и расширительном. Институт культуры в непосредственном смысле – это некая конкретная организация (структура, учреждение, установление), выполняющая функцию создания, обработки, хранения и/или трансляции культурно значимой про-

дукции. Таковы библиотеки, музеи, учебные заведения и др. Институт культуры в расширительном смысле (иногда употребляют термин «институция») предстает как стихийно сложившийся и функционирующий порядок (норма) осуществления какой-либо культурной функции, как правило, специально не регулируемой. Таковы традиции, нравы, обычаи, ритуалы, художественные стили и философские течения, школы и направления в науке и т. д. Более того, «под понятие культурный институт попадают не только стационарные коллективы людей, исполняющие что-либо, но и сами процедуры исполнения этого (например, институт инициации, институт похорон, институт богослужения)» (Флиер, 2000, с. 220).

Необходимо поставить вопрос о возможности корректировки, изменения институций, иначе говоря, о трансформации роли периферии в сторону усиления ее субъектного начала, для чего необходимо понять и отрефлексировать эти исходные феномены. Но сначала целесообразно прояснить смысл процесса структурирования институций. Можно предположить, что в них проявляется одно из первых условий развертывания культурного кода. Фактически пространство и время культуры выступают как особые способы ее представленности для себя: пространство фиксирует в своих характеристиках становление культуры, ее внутренние модификации, время же, в свою очередь, выступает механизмом преодоления пространства, его инерции. Поэтому первое условие уяснения сути процесса становления институций – это особая рефлексия, в которой движение творческой мысли идет одновременно как от внутреннего, от целостности к внешнему, так и наоборот, то есть вглубь.

Структурирование институций в данном случае обеспечивает не только различие этих процессов, но и их взаимную корректировку: движение вовне является способом объективации содержания как возможности бытия культуры, а возврат ко внутренним формам предстает той мерой, в рамках которой данная возможность приобретает свою определенность, то есть может оформиться в новых результатах институционализации.

Вектор изменений институции выражен (возможно, неявно) носителем субъектной направленности данного процесса. В этом отношении институция представляет собой переход, в

котором интеграция указанных порядков происходит через ослабление субъектного и усиление объектного системно-организационного начала. Именно поэтому институция является, с одной стороны, сохранением общего в частном, а с другой – началом той специализации, которая подчиняется или соответствует функциональной природе социальной системы.

Необходимость этой переходной формы заключена в непрерывности (континуальности) процесса становления, поэтому любая конкретная институция выступает его моментом, вновь и вновь завершающимся порождением соответствующих социальных институтов, определенных особенностями данных эпохи и общества. Вместе с тем это постоянная форма перехода от субъекта к объекту. Именно поэтому институцию можно определить и как особую форму перехода от виртуально-субъектного к предметно-объектному способу бытия социокультурной системы. Наличие разнонаправленных функциональных и генетических прямых и обратных связей детерминирован тот факт, что возникающая система институтов в свою очередь корректирует институционализацию, изменяя в ней меру взаимодействия субъектного и объективного начал. Технологизация современного общества показывает не только ослабление воздействия культуры, но и уменьшение доли субъектного начала в институциях.

Это приводит к неэффективности реформ, оказывающихся несовместимыми с культурой людей, для которых исходно предназначаются. Отсюда – кризис социума, выраженный не только в ослаблении социальных и межличностных связей, но в снижении эффективности деятельности самих социальных институтов. Ведь «любые реформы должны быть соразмерны человеку, то есть он должен быть в состоянии менять одни свои привычки на другие. И вообще люди имеют право жить в обществе, которое не слишком отличается от того, где они родились и выросли. *Люди имеют право на эволюцию*» (Смирнов, 2001, с. 262).

Представляется, что сегодня ни экономическая, ни политическая, ни правовая теория и практика не осознают, а потому и не учитывают в должной мере громадный потенциал культуры, задающей многомерность, избыточность и глубину пространства и времени человеческой жизни. Поэтому даже в наиболее перспективном направлении экономико-теоретического осмыс-

ления процесса институционализации, авторы, прямо поставив вопрос о необходимости корректировки общественных отношений через воздействие их институционального компонента на поведение хозяйствующих субъектов, в целом остаются на традиционных позициях, считая, что «основное назначение и смысл экономических институтов не в том, чтобы быть просто «правилами игры», а в функциональной организации общественных взаимодействий людей, их групп и сообществ» (Иншаков, Фролов, 2002, с. 7). Этого недостаточно, если исходить из континуальной парадигмы культуры, в ракурсе которой все подсистемы социальной системы, как структурные, так и функциональные, должны быть переосмыслены как органическая целостность, развивающаяся в пространстве человеческого бытия. Ориентация вектора анализа институционализации на онтологию культуры и ее пространственно-временной континуум даст возможность более адекватно понять границы взаимовлияния и взаимодействия социальных институтов и каждого отдельного человека. При этом следует отказаться от концепции вторичности культуры с ее генеральной идеей «культурного лага», заключающейся в неизбежном «отставании культуры от развития общества... В последнее время Россия и восточно-европейские страны в культурном смысле, то есть в смысле взаимоотношений культуры и общества, оказались в той же (или приблизительно в той же) точке континуума социокультурных изменений, что и развитые страны Запада» (Ионин, 1996, с. 4).

Итак, можно ли влиять на современные институты с точки зрения усиления в них субъектного начала? Поскольку современное общество переходит на общепроектное основание своего бытия, то есть проектирование становится универсальным механизмом адаптации к миру, то такая возможность существует. Она заключается в необходимости конструирования механизма повышения адекватности воздействий сложившихся социальных институтов на институты. Поскольку институты уже проявлены, то их модернизация, очевидно, может изменить объективное соотношение институтов и институций в социальном пространстве. Требуется более глубокое изучение природы таких феноменов, как социальный институт, социокультурная реальность, институт культуры и др., важна конкрети-

зация их понятий и дальнейшее «оттачивание» сопутствующих логических построений.

Пространственно–временной континуум является методологическим основанием анализа становления и саморазвертывания социокультурной системы, одним из этапов которого выступает возникновение феномена институции. Континуальная парадигма культуры позволяет исследовать его, опираясь на дуальность становления культуры, направленного, с одной стороны, к выявлению потенциала субъекта и его смысловых ценностных позиций, а с другой – к адекватной субъекту организации его жизнедеятельности, объективированной в социальных институтах. Первое направление в континууме обеспечено формой культурного времени, а второе – ее пространством. Кроме того, в структуре континуума, выраженной в отношении центра и периферии, сохраняется направленность становления как перехода от целостности культуры к многообразию ее объективированных форм, от субъектного к объектному. Понимание закономерности этих связей позволит через континуальную регуляцию трансформировать качество институций через сохранение необходимого соотношения в нем субъектного и объектного начал.

Рассмотренные методологические основания исследования институции через пространственно–временной континуум культуры, бесспорно, не исчерпывают всех вопросов и возможностей раскрытия этой темы, но в известной степени приоткрывают горизонт ее дальнейшего изучения.

Литература

Алтухов В. Философия многомерного мира // Общественные науки и современность. 1992. № 1.

Баркова Э.В. Пространственно–временной континуум в онтологии культуры. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

Гольдман Л. Сокровенный Бог: Пер. с фр. М.: Логос, 2001.

Димер А. Техника как порождение культуры // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. Т. 1.

- Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996.
- Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988.
- Кантор К.М. Двойная спираль истории. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
- Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: сущность и тенденции развития. Саратов: Изд-во СГУ, 2001.
- Лукач Г. История и классовое сознание: Пер. с нем. М: Логос-Альтера, 2003.
- Мальков В.Л. Предисловие // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность / Отв. ред. В.Л. Мальков. М.: Ин-т всеобщей истории, 2003.
- Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. 1997. № 2.
- Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М.: Ун-т РАО, 2002.
- Смирнов П.И. Социология личности. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2001.
- Социология. Основы общей теории / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма-ИНФРА-М, 2002.
- Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000.
- Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. М.: УРСС, 2000.
- Хренов Н.А. Опыт культурологической интерпретации переходных процессов // Искусство в ситуации смены циклов. М.: Наука, 2002.

РАЗДЕЛ IV

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИМОРФИЗМА ЧЕЛОВЕКА

Глава 23

ЧЕЛОВЕК И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Тема положения человека в пространстве политических институтов возникает всякий раз, когда политические лидеры, структуры власти, партии и движения не оправдывают наших ожиданий, поражают нас своей непредсказуемостью или отторгают наши обращения и действия. Несомненная практически-политическая актуальность этой темы создает иллюзию простоты и легкости ее решения. Между тем попытка определить сущность «человека политического» сталкивается со сравнительно малой проясненностью его субстанциальных черт и дефицитом полных, эмпирически содержательных описаний их проявления.

Аналогичным образом и исследование институционального пространства современного социума порождает ряд проблем, далеких от какого-либо однозначного и признанного большинством научного сообщества решения. В такой ситуации рассмотрению политического аспекта институционального бытия человека в обществе необходимо должно предшествовать прояснение некоторых социологических и социально-философских вопросов. В этом нас убеждают и многочисленные работы отечественных институционалистов, и фундаментальные обобщающие труды зарубежных авторов (см., например: Рыбаков, Татаров, 2002; Тамбовцев, 2004; Политическая наука..., 1999).

Специфика проблемной ситуации, сложившейся в современных институциональных исследованиях, состоит, видимо, в том, что, с одной стороны, очевидны слабости «старого», классического институционализма с его рационально-нормативным, государственно-центристским и преимущественно описательным подходом, с другой – дальнейшее обновление институциональной теории тормозится не только многообразием инновационных «рецептов», но и отсутствием консенсуса среди исследователей о том, чем все-таки является политический институт, каковы критерии его состояния и функционирования, как именно институты определяют поведение индивидов. С этим в немалой степени связана размытость течения, получившего в литературе название «нового институционализма», а также полемика вокруг идей, высказываемых его представителями.

Если оценивать политический профиль «нового институционализма» в том виде, в каком он представлен Б.Г. Питерсом (см. подробнее: Политическая наука..., 1999, с. 218–234), то можно указать на ряд существенных моментов. Во-первых, налицо стремление анализировать реальное политическое поведение индивидов и групп, как в историческом, так и в функционально-коммуникативном плане. Речь идет о реконструкции принятия политических решений и политического выбора в прошлом, а также об изучении формирования и реализации стабильных моделей индивидуального и группового взаимодействия в настоящем. Эта тенденция выводит институциональные исследования за традиционные границы государственно-правового подхода, обращает их к реальной социальной практике, а значит, к тем алго-

ритмам поведения, которые затем в результате отбора закрепляются в формальных организациях, институционализируются. Правда, и здесь остается соблазн возвратиться к «старому», классическому институциональному подходу, формально-логическому и потому часто схематичному, отрубляющему социальную реальность. Если принять постулат теории рационального выбора в политике, по которому мир состоит из множества максимизирующих свою полезность индивидуалистов, институциональный выбор «вырывается» из широкого социального контекста и вполне «укладывается» в русло нормативно-правовой интерпретации.

Во-вторых, современные исследователи настойчиво стремятся преодолеть ограниченность институционального анализа рассмотрением лишь формальных структур и процедур, обращаясь к выявлению гомогенной или гетерогенной ценностной, социокультурной детерминации институционального поведения, правил и норм. Подобная ориентация, будучи, несомненно, позитивной, далеко не всегда последовательна. Если исследование детерминирующих ценностей не «вписывается» в широкий социокультурный контекст, не увязывается с социальными практиками и остается всецело в сфере сознания, выход из сферы сугубо рациональных схем вряд ли возможен.

В-третьих, большинство «новых институционалистов» склоняется к отождествлению социальных и политических институтов с правилами, регулирующими политическое поведение и деятельность (Политическая наука..., 1999, с. 222). На этой же позиции стоят и многие отечественные исследователи. Так, П.В. Панов, ссылаясь на Д. Норта, констатирует, что «под "институтом" понимаются "правила игры" в обществе, или "созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимодействие между людьми". Главная функция институтов — уменьшение неопределенности в межличностных взаимодействиях, снижение транзакционных издержек» (Панов, 2002, с. 58–59)¹. Казалось бы, подобная позиция выигрывает отходом от требования официального закрепления институциональных правил, а также подчеркиванием посреднической роли институтов в социальной коммуникации. Однако при отождествлении институтов с правилами сам термин «институт», а тем более «институт политический», становится избыточным: природа, функциониро-

вание и динамика правил могут быть описаны понятием «социальная норма» и даже более узко – с использованием понятийного аппарата общей теории права. Не случайно П.В. Панов разделяет все институты на формальные и неформальные, понимая под первыми правовые нормы, регулирующие политическую жизнь, а под вторыми – обычаи, зафиксированные в традициях и взаимных соглашениях (Панов, 2002, с. 59).

Сведение функций социальных и политических институтов к межличностным отношениям создает еще большие затруднения. Мало того, что социальные отношения фактически психологизируются. Макросоциальный масштаб политического бытия, нацеленность политических институтов на регулирование социально значимых явлений и процессов совершенно не учитываются. Между тем специфика социальных институтов была зафиксирована уже в рамках классического институционализма, от достижений которого было бы неразумно отказываться.

В русле системного анализа и структурализма институты истолковывались как форма организации человеческой деятельности, упорядочивающая ее. Элементами этой организации и выступают социальные нормы, которые, будучи системно согласованными друг с другом, формируют правила, оптимизирующие человеческую деятельность. Представляется, что без отождествления социальных и политических институтов с организацией (формальной или неформальной – другой вопрос) вряд ли возможно удовлетворительно объяснить существование порядка не только в малых и средних общностях, но и в социуме в целом. Без выявления организационной природы институтов трудно объяснить воспроизводство социального и политического порядка во времени, а также возможность коллективного, массового социального действия в политике. Показательно, что даже феноменологический подход к социальной реальности, противостоящий структурализму и подчеркивающий, что социальный порядок «существует лишь как продукт человеческой деятельности», не может обойтись без терминов «институционализованный структура» «система», «контроль», «предсказуемость» (Бергер, Лукман, 1995, с. 88, 110). Аналогичным образом Э. Гидденс, синтезирующий структурализм и феноменологию, одним из «краеугольных камней» своей концепции избирает идею структуризации.

Поддерживая стремление «нового институционализма» к анализу реальной деятельности и социальной практики в сочетании с использованием идеи культурной детерминации институционального поведения, важно, подчеркнув момент преемственности, соединить с этими новациями системно-организационный подход к институтам, вписать их в многообразный социальный контекст, наполненный, наряду с утилитарно-рациональными феноменами, также традициями и ценностями. Приняв эту позицию, мы встаем перед необходимостью найти ей адекватное категориальное выражение. Первый шаг в решении этой задачи делает концепция институциональных матриц (Кирдина, 2000; Кирдина, 2001; Кирдина, 2002), следуя которой в функциональной структуре общества могут быть выделены: 1) социальные практики, являющиеся исходным пунктом институционализации; 2) стабильные базовые институты, связанные с сохранением и функционированием социума и формирующие его «институциональную матрицу»; 3) «мобильные институциональные формы, в которых реализуются базовые институты при конкретных культурно-исторических условиях» (Кирдина, 2002, с. 29).

Такая дифференциация позволяет отличить стихийно складывающиеся и изменяющиеся, имеющие различный масштаб формы деятельности людей от сознательно конструируемых на их основе организаций, охватывающих пространство жизни всего общества. Под сознательным конструированием понимается в различной степени осознанная деятельность по отбору и совершенствованию тех образцов социальной практики, которые наилучшим образом соответствуют человеческим потребностям. Результаты такой «селекции снизу» в наиболее удачных случаях получают формальное закрепление, но сам процесс отбора может иметь различные варианты и результаты. Это может быть метод проб и ошибок, социальная инициатива, соглашение конфликтующих сторон. Возможен вариант социальной и политической инженерии, когда в недрах элиты осуществляется сознательный отбор проектов, обобщающих имеющийся опыт, а затем их внедрение в практику. Отобранные «снизу» или «сверху» организационные формы представляют собой не просто правила, а системно упорядоченную их совокупность, позволяющую не столько ограничивать, сколько программировать деятельность

индивидов и их коллективов, делая ее предсказуемой, порой в значительном временном диапазоне.

Вместе с тем сторонники гипотезы об институциональных матрицах непоследовательны в проведении указанного разграничения. Если институциональные исследования на микроуровне сосредоточиваются на социальных практиках, то представители макроанализа предпочитают говорить о базовых институтах общества, которые определяются как «глубинные, исторически устойчивые основы социальной практики, обеспечивающие воспроизводство социальной структуры в разных типах обществ» (Кирдина, 2001, с. 15). Но такие основы могут сводиться к отдельным, порой локальным, обычаям и нормам, реализующимся стихийно и представляющим собой формы спонтанной социальной саморегуляции. В этом случае, как было ранее отмечено, сам термин «институт» становится излишним, поскольку никакого нового содержания, не описываемого терминами «традиция», «обычай» или «норма», здесь нет. Тот факт, что перед нами исторически устойчивые элементы социальной практики, указывает на действие механизмов институциональной селекции, но отсутствие их организационного оформления свидетельствует о незавершенности процесса институционализации. Перед нами, таким образом, не сам институт, а именно его основа, образно говоря, — матрица.

Удачный вариант категориального описания различных уровней и форм процесса институционализации предложен О.В. Иншаковым, аргументирующим необходимость различения институций как социальных форм типизации функций социальных субъектов и институтов как функциональных организаций, обеспечивающих реализацию конкретной системы однородных институций (Иншаков, 2003, с. 44). Следуя логике автора, можно представить уровни процесса институционализации следующим образом: социальная практика — институции — организованные комплексы однородных институций, или институты с системой специализированных органов, то есть структурированных отдельных институций. Выделение институций как типичных, исторически устойчивых форм социальной практики, которые, складываясь в процессе действия механизма институциональной селекции, фиксируют проверенные опытом формы реализации

общественно значимых функций, существенно облегчает выявление главного признака института – устойчивой функциональной организации, оптимизирующей параметры бытия общества посредством программирования деятельности его субъектов во времени и пространстве. Устанавливая инвариантную структуру социальных связей, институт завершает процесс, начатый институцией, обеспечивая возможность устойчивого воспроизводства системы социальных ролей и статусов. Совокупность базовых институций, существующих в обществе, представляет собой его институциональную матрицу, закрепляемую и многократно воспроизводимую в системе экономических, политических, правовых и иных институтов.

Исследование места и роли человека в институциональном пространстве требует особого внимания к конкретным социальным формам его институциональной организации. Их многообразие является результатом человеческой деятельности и создает, наряду со свободой воли, возможность выбора и сочетания различных социальной ролей. Поле выбора – не только в экономике, но и в политике – включает в себя как официальные, так и теневые институциональные формы, как явные, артикулируемые, так и функционирующие на основе скрытых целей и мотивов, создавая порой причудливые комбинации вариантов институционального поведения. Именно в контексте изучения институционального выбора человека возникает и еще один уровень феноменов, который необходимо включать в структуру процесса институционализации, – явления массового и элитарного сознания, отражающие как состояние самих структур, так и поведение детерминированных нахождением в них субъектов. Именно здесь возникают, с одной стороны, мнение людей об институтах, с другой – имидж институтов, создаваемый в обществе, и, наконец, взаимные ожидания, адресованные институтам и представляющим их лицам.

Таким образом, расширение горизонта исследования общественных институтов, предполагающее использование социокультурного подхода, должно включать в себя рассмотрение, помимо самих институтов, состояния социальной практики и, в первую очередь, институций как ее важнейшего элемента, а также конкретных форм институциональной организации и форм их отраже-

ния в массовом сознании. Изучение институтов показывает, что социокультурный подход несводим к анализу ценностей индивидуального, коллективного и общественного бытия, равно как и к дуальным оппозициям «монолог – диалог», «порядок – хаос». Это задача – выявление всего спектра факторов, образующих среду функционирования организаций и учреждений и формирующих экогенетический код, на основе которого пишутся институциональные «программы» воспроизводства, реализуемые в рамках заданной социально-функциональной матрицы.

Тем самым выявляется соотношение стихийной социальной самоорганизации и в большей или меньшей мере осознанного управления обществом. Анализ этого соотношения обнаруживает как возможности институционального регулирования, так и его ограничения. Эффективное функционирование институтов возможно лишь в случае оптимального учета институциональной программой специфики социокультурного кода. Пределы институционального регулирования связаны с тем, что далеко не все в жизни общества поддается прагматичному упорядочению. Как отмечает О.Н. Козлова, «объектом организации могут быть внешние, частные проявления, а не сущность явления. Организация – технология оптимизации конкретных социальных практик» (Козлова, 2002, с. 129). Социальные, в том числе и политические, институты могут более или менее успешно использовать сложившиеся практики действий, подчас даже игнорируя их влияние, но они не в состоянии кардинально изменить сам социокультурный код, поскольку в нем зафиксированы и другие инвариантные эндогенные основания общественного бытия – природные и человеческие, технологические и информационные, непрерывно «сшивающие» отдельные явления в многообразную реальность.

В свете социокультурного подхода выявляется и еще одно важное свойство институтов: поскольку экогенетический код реализуется в ходе коммуникации социальных субъектов, то социальная организация не только упорядочивает коммуникацию, но и является посредником в ней. Тем более это справедливо для политических институтов, поскольку макросоциальный масштаб политической коммуникации зачастую исключает непосредственный, прямой контакт ее участников, а сами политические институты, опосредуя политическое общение, регулируют многочис-

ленные конфликты, являются инструментом представительства, согласования и разграничения интересов. Это обстоятельство требует включения в институциональный анализ политики коммуникативного подхода в общих рамках системно-диалектического.

Изучение человека в пространстве политических институтов базируется на интерпретации его как особого поля социокультурной коммуникации, а также на идеях включенности акторов в политические отношения при сохранении их автономии, свободы и индивидуальности. Типичные варианты взаимодействия людей и политических институтов представим в виде трех моделей. В традиционном «секторе» социокультурного пространства реализуется модель «антропоморфной гармонии», в индустриальном (модернистском) — модель «инструментальной индивидуальности», в современном «секторе», отражающем логику постиндустриальной трансформации общества, — модель «ассоциированной индивидуальности».

В модели «антропоморфной гармонии» человек включается в политические организации как часть своеобразного «политического тела» (или «организма»), представляющего, в свою очередь, орган системы более высокого порядка — общества в целом. Роль человека в политической организации обосновывается традицией и представляет собой служение, подчиненное авторитетам, занимающим вышестоящие позиции в иерархии. Личная преданность в таких случаях тесно переплетается с преданностью структуре, а исполняемая политическая роль жестко закрепляется, подобно функции органа в организме. Человек, несмотря на возможное активное и даже агрессивное политическое поведение, предстает здесь как пассивный объект манипуляции со стороны политического института. Активная роль в институциональных структурах возникает, согласно традиции, на основании возраста, происхождения, принадлежности к элите. Подобная картина наблюдается в религиозно-политических организациях, как умеренно демократической, так и радикально-экстремистской ориентации, земляческих, этнополитических и криминально-политических кланах.

Модель «инструментальной индивидуальности» также предписывает человеку пассивную роль объекта организационного воздействия, «винтика» партийной, бюрократической, корпора-

тивной «машины». Однако роль индивида в институциональной структуре здесь легитимируется идеологией, опирается на осознанное подчинение дисциплине организации в обмен на реальную или иллюзорную возможность артикуляции собственных интересов, выражения индивидуальной воли в рамках предписанных институтом правил и процедур. Требование верности лидеру, структуре и своему предназначению в ней остается: идеологические отступники, саботажники коллективных решений, как правило, навлекают на себя санкции, ведущие к исключению из организации. Классическим образцом этого варианта человеческого самоопределения в институциональном поле являются формальные политические организации: массовые политические партии индустриальной эпохи, отраслевые профсоюзы, союзы предпринимателей, а также разного рода выборные органы (законодательные, совещательные, судебные). Подчеркнем, что дисциплинарные требования, предъявляемые организацией отдельным ее членам, оправданы стремлением не только сохранить политический порядок и управляемость, но и обеспечить единство действий и принятие коллективных решений, необходимые в политике. Отдельные индивиды, становясь лидерами общественного мнения и профессиональными политиками, в рамках модели «инструментальной индивидуальности» приобретают статус активных субъектов, способных управлять институтами политики и изменять их.

Адекватная современному обществу модель «ассоциированной индивидуальности» формируется уже на стадии зрелой культуры модерна, по мере возникновения множества общественных институтов и движений как форм стихийной коллективной самоорганизации в гражданском обществе. Превращение человека, включенного в политические институты, в активного субъекта политического действия становится здесь не исключением, а типичным явлением, в основе которого лежит личный политический выбор. Его реализация в современном институциональном пространстве предполагает, с одной стороны, способность индивида быть субъектом политического действия, а с другой – возможности для этого, создаваемые как социокультурной средой, так и характером институциональной организации политики.

Социальная философия рубежа XX–XXI вв., подняв престиж свободной личности на небывалую высоту, сегодня наиболее обеспокоена ее судьбой в формирующемся гражданском обществе с его растущими политическими рисками и новыми угрозами конкурентоспособности, устойчивости и безопасности отдельных людей и всего общества. Не случайно постмодернистская критика современной социальной системы исходит из того, что она «не предоставляет никакого пространства самосозиданию и частным проектам», а «образцы адаптации к культуре, характерные для либеральных обществ, наложили на своих членов такого рода принуждения, которые и не снились более старым обществам предмодерна» (Рорти, 1996, с. 94).

С другой стороны, современная философия политического либерализма приходит к осознанию пагубной самонадеянности тезиса об абсолютной свободе и независимости индивида. Аргументы критиков либерализма побуждают обратиться к обсуждению той роли, которую играют в жизни личности идеи общественной организации, коллективизма, солидарности. Не без влияния психоанализа в социальной и политической философии Запада утвердилась оппозиция «индивид – масса» с однозначно негативной оценкой влияния общности на отдельного человека. К.Г. Юнг писал: «Массы, компенсируя свою хаотическую бесформенность, автоматически вызывают себе вождя, который неизбежно становится жертвой, если так можно выразиться, инфляции сознания своего "я"...» (Юнг, 1996, с. 212). В некритически мыслящей толпе, повинясь массовому внушению, человек действует не на основе личной ответственности, а скорее «как некий мегафон коллективной настроенности» (там же, с. 213). Однако именно в индивидуальном «я» «широкое поле бессознательного, закрытого от критического контроля сознания, ничем не защищено... от всевозможных влияний и психических инфекций» (там же, с. 208). Таким образом, у К.Г. Юнга можно обнаружить очертания поля проблемной ситуации: и в массе, и наедине с самим собой человек, по сути дела, постоянно рискует потерять свой разум и волю, стать слепым орудием архетипа и связанных с ним политических патологий.

Поиск ответа на содержащуюся здесь проблему заставляет задуматься о мере сочетания массового и индивидуального, о

смысле и современной специфике интегрирующей идеи солидарности, о роли коллективного начала в политической деятельности. Культура индустриализма принимает как данность солидарность в сфере утилитарных (социально-экономических) отношений, допуская также существование ее этнической, политической и мировоззренческой форм. Пытаясь соединить идею солидарности с признанием ценностей суверенного мышления и действия, философия постмодерна задается вопросом об объективных основаниях солидарности. Для Р. Рорти эта идея – не столько сходство убеждений или целей, сколько идентификация с человечеством как таковым в сочетании с самосомнением в пригодности современных институциональных механизмов для устранения человеческой боли и унижения (Рорти, 1996, с. 251). Солидарность в современном понимании – это спонтанный вызов институтам постиндустриального «государства всеобщего благоденствия», основанный не на следовании рутинам в опасении подвергнуться санкциям, а на добровольном желании помочь ближнему. В этой тяге к коммуникации, активному общению, соучастию проявляется потребность в новом типе коллективных форм организации жизни. П. Розанваллон с полным основанием констатирует, что «не найдя новый способ укрепления коллективизма, нам не удастся воскресить солидарность» (Розанваллон, 1997, с. 64).

Характерно, что и Р. Рорти, и П. Розанваллон подчеркивают наличие объективной и субъективной ограниченности идеи солидарности. Для первого, как мы уже заметили, не может быть солидарности в том, что составляет атрибуты либеральной личности (в убеждениях и целях). Для второго – «чувство солидарности <...> “плавает” между чем-то очень близким и чем-то очень далеким», между узкогрупповой, корпоративной замкнутостью и театральной благотворительностью «гуманитарной помощи» (там же). Включенность индивида в общность оказывается неполной, относительной, зависит не столько от объективных обстоятельств, сколько от сознательного выбора человека. Перед нами не уподобление социальной целостности, не растворение единичного во всеобщем, индивидуального в социальном, а специфическая связь ассоциации, сообщество, основанное на совпадении ценностей и установок. Благодаря возможности ассоциированного включения

в общность индивидуальность, сохраняя свою автономию, получает устойчивость и предсказуемость положения, обретает перспективу и новые возможности развития.

Анализ «человека политического» как субъектного воплощения неассоциированной индивидуальности позволяет уточнить представление об онтологических основаниях природы социальных и, в частности, политических институтов. Полемизируя с философией либерализма, О. Хеффе справедливо указывает на глубинный антропологический характер потребности человека в помощи и воспитании (Хеффе, 1994, с. 220–221). Эта потребность, в определенные периоды жизни человека совпадающая с потребностью в самосохранении и выживании, реализуется при помощи социальных институтов, облегчающих ориентацию в мире, избавляющих индивида от хаотической по характеру и иррациональной по сути активности, предоставляя для выбора альтернативные наборы приоритетов, интересов, ценностей и целей. Без этого невозможны ни личная самореализация, ни ощущение полноты и цельности жизни. Современные социальные и политические институты, как полагает О. Хеффе, подобно полису у Аристотеля, ориентированы не на одну лишь функцию человеческого выживания — они позволяют сделать жизнь человека в обществе достойной и совершенной (там же, с. 226). Вместе с тем наличие, а порой и жесткость институционального принуждения могут приводить, особенно в политике, к обезличению человека в организации, к манипуляции им. Как видим, несмотря на свой глубинный антропологический характер, политическая институционализация человека не может быть полной, оставляя ему пространство свободной частной жизни.

Выделенные модели политического самоопределения человека в институциональном пространстве могут быть представлены и как режимы функционирования политических институтов и механизмов в различных социокультурных сегментах. Так, институциональный механизм выборов в условиях традиционной культурной среды, продуцирующей отношения антропоморфной гармонии, при сохранении всех формальных атрибутов сводится к публичному одобрению массами кандидатуры, получившей негласную или озвученную поддержку элиты и высшей государственной власти. Модель инструментальной индивидуальности

превращает выборы в механизм артикуляции политических интересов, прочно связываемых с конкретными личностями. Лишь в условиях развитой гражданской активности, формирующей отношения ассоциированной индивидуальности, выборы отдельных персоналий трансформируются в выборы политических и экономических программ. Личность кандидата, которая является решающей при мажоритарной системе, в условиях пропорционального представительства, предполагающего конкуренцию программ и стоящих за ними партий, движений, союзов и блоков, особого значения не имеет.

Сходные ситуации наблюдаются и при анализе режимов функционирования исполнительной власти. В традиционной социокультурной среде, когда институциональный порядок зиждется на идее служения и этике патернализма, исполнительная власть сводится в демонстрации государственной воли и силы, динамически реализуясь в директивном режиме. Политическая культура модерна, предполагающая институционально оформленную активность свободного индивида, порождает функциональный режим деятельности исполнительной власти, когда главным становится отраслевое бюрократическое администрирование, прагматический, рационально организованный политический менеджмент. Институциональный порядок в политике приобретает здесь законченный системный вид, которому соответствует стройная иерархия правовых институтов. Развитая гражданская культура, создающая пространство свободного политического самоопределения ассоциированных индивидов, требует от исполнительной власти выступать не столько носителем государственной воли или управленческой рациональности, сколько посредником и арбитром политической коммуникации, без координирующих усилий которого политический порядок невозможен.

Аналогичным образом институция гражданства наполняется специфическим содержанием в различных социокультурных средах. В одном случае она суть способ приобретения индивидами властной силовой защиты или политического патронажа в обмен на лояльность, жертвенную преданность и повиновение; в другом – юридически оформленная связь индивида с государством как средство получения доступа к разного рода благам, позволяющая претендовать на материальную помощь или упрощенные

процедуры в правовой сфере. Наконец, в эффективно функционирующем гражданском обществе статус гражданина открывает перед человеком возможности самореализации в публичной сфере, облегчает восходящую социальную и политическую мобильность. Статус гражданина является здесь неотъемлемым атрибутом процесса натурализации индивида в культуре данного общества. Он оказывается значимым не столько с формально-правовой стороны, сколько в контексте неформальных социальных связей и отношений. Нельзя не согласиться с Ю.М. Резником в том, что «овладение гражданским действием определенной группы или общности людей характеризует длительный процесс приобщения человека к общеродовым началам социальной жизни посредством деятельностного освоения культурного наследия и принятия всей полноты ответственности за состояние дел. По сути дела, речь идет о гражданской социализации личности» (Резник, 2003, с. 375).

Как видим, входя в поле институциональной организации, человек может занять в нем как пассивную, так и активную позицию, выступая как объектом внешнего воздействия структуры, так и субъектом, конструирующим и трансформирующим эту структуру. В массе своей «человек институциональный» предстает как человек политически «опривыченный», действующий автоматически, без какой-либо рациональной рефлексии, повинаясь сложившимся в его культурной среде обычаям и стереотипам. Такой характер политического участия отражает эффективность и глубину воздействия на индивида институциональных программ. Следует подчеркнуть, что алгоритмизированная рутинность политического поведения не является абсолютной, тотальной: традиция участия в выборах не исключает осознанных предпочтений, индивидуальной аргументации принимаемых решений. Вошедшие в бытовой обиход гражданская активность и ответственность, когда человек естественно и спонтанно откликается на социально значимые проблемы, предполагают самостоятельную ориентацию и позиционирование личности. Вместе с тем рациональный выбор в этих случаях совершается в границах массовых ориентаций, оценок и представлений, не ставит под сомнение политические институты и порядок их функционирования.

Гораздо реже встречается другой тип «человека институционального». Его следование стандартам и программам связано с отношением к ним как к инструменту решения индивидуально осознанных политических проблем. Если характер самих проблем либо индивидуальная позиция актора входят в противоречие с институциональным порядком, то у человека возможно формирование критического отношения к нему, перерастающее в усилия по совершенствованию или даже кардинальному изменению политических институтов. Именно деятельность этого типа людей связана с институциональной динамикой, воплощением проектов модернизации политических институтов. И в пассивной, и в активной своей роли «человек институциональный» предстает как политически предсказуемый субъект, чуждый любых форм экстремизма или политического эскапизма. Немаловажно и то, что обе отмеченные позиции в институциональном пространстве в разной мере, но открывают простор для проявления сущностных черт человека, индивидуальности, активности и инициативы.

Требование сделать включенность человека в политические институты эффективной и гуманной предполагает наличие у него жизненной стратегии, реализуя которую, индивид не замыкается в своем ближайшем социальном окружении, свободно перемещаясь в пространстве социума и меняя по ходу свои роли. Подобная мобильность не ведет к маргинальным статусам, поскольку человек не имитирует ту или иную роль, а, пользуясь языком культуры, собственным интеллектуальным и духовным потенциалом, осваивает ту или иную локальную социально-политическую среду, укореняется в ней. Э. Геллнер называет такого человека модульным. «Его модульность, — пишет он, — это способность в рамках данного культурного поля решать самые разнообразные задачи» (Геллнер, 1995, с. 110).

Свободный вход и выход из политических организаций, возможность перехода из власти в оппозицию, из государственных структур в общественные — вот лишь некоторые проявления модульности, которые позволяют естественно и органично изменять «политический интерьер» общества. «И только современный модульный человек, — резюмирует Э. Геллнер, — является одновременно и индивидуалистом и эгалитаристом, и тем не менее отличается способностью, объединяясь со своими со-

гражданами, слаженно противостоять государству и решать задачи в диапазоне, невероятном по своему разнообразию» (Геллнер, 1995, с. 111).

Итак, философский и социологический подходы к проблеме в силу сложившихся в этих отраслях знания традиций исходят из разных методологических позиций. Философы помещают в фокус своих исследований человека, социологи – институты. Первые предпочитают антропологический подход, вторые – системно-структурный. Синтезировать их – а решение такой сложной проблемы, какой является проблема воздействия социальной организации на человека, возможно только на путях междисциплинарного синтеза – целесообразно в рамках социокультурного подхода.

Логика философского и социологического дискурсов своим стремлением описать и объяснить реальное поведение людей в обществе создает для этого определенные предпосылки. Единство философского и социологического дискурсов проявляется также в их глубокой «озабоченности» созданием условий для реализации человеком, действующим в политическом пространстве институциональной организации, своих сущностных сил и способностей. Наконец, философско-социологический анализ политического бытия в институциональном и антропологическом аспектах убеждает, что и проблемы субъектов, и проблемы структур могут быть решены лишь в контексте исследования социально-политических практик современного общества. Если же говорить о российских реалиях, то изучение социокультурного кода действий политических акторов позволяет трезво, без огульного критиканства и катастрофизма, а также, что не менее важно, без романтических иллюзий и прожектерства реалистично представлять актуальную ситуацию и объективно оценивать перспективы ее развития в каждый момент времени.

Литература

Бергер П, Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995.

Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // СОЦИС. 2003. № 9.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // СОЦИС. 2001. № 2.

Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // СОЦИС. 2002. № 12.

Козлова О.Н. Управляемость социальной жизни: от быта к бытию // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1.

Панов П.В. Трансформации политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ // ПОЛИС. 2002. № 6.

Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.

Резник Ю.М. Человек в российском обществе: проблемы гражданственности и гражданской идентичности // Личность. Культура. Общество. 2003. № 1–2. Спец. вып.

Розанваллон П. Новый социальный вопрос: Переосмысливая государство всеобщего благоденствия. М., 1997.

Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.

Рыбаков А.В., Татаров А.М. Политические институты: теоретико-методологический аспект анализа // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1.

Тамбовцев В.Л. О многообразии форм описания институтов // Общественные науки и современность. 2004. № 2.

Хеффе О. Политика. Право. Справедливость: Основоположения критической философии права и государства. М.: Гнозис, 1994.

Юнг К.Г. Современность и будущее // Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. СПб., 1996.

¹ Критика этой позиции представлена, в частности, в работе (Иншаков, 2003, с. 43).

Глава 24**ЧЕЛОВЕК****В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИИ: ПРАВО НА СВОБОДУ СОВЕСТИ**

Институты религии всегда играли заметную роль в жизни российского общества и государства, но активизация их функций стала особенно заметной начиная с конца 1980-х гг. За последние пятнадцать лет в России число религиозных организаций увеличилось в несколько раз, возникли религиозно-политические партии и церковно-общественные движения. Если в 1990 г. на территории России действовали 3983 зарегистрированных религиозных объединения, то к 1997 г. их число достигло 14 688, а к 2001 г. — 20 215 (Сведения о регистрации..., 1997, с. 125–130; Сведения о религиозных организациях..., 2001, с. 26–28). Сегодня поддержкой религиозных объединений пытаются заручиться политические партии и общественные организации, депутаты, политики и бизнесмены. Вовлеченность конфессий в общественную жизнь страны отчетливо выражается в проникновении их в закрытые до недавнего времени сферы: в хозяйственную деятельность, художественную культуру, систему образования (от дошкольного до высшего профессионального), армию, средства массовой информации и издательскую деятельность и т. д.

Середина 90-х гг. XX в. ознаменована резким повышением уровня религиозности населения нашей страны. В различных регионах он составил от 35 % до 60 %. При этом резко повысился уровень религиозности молодежи (66 %), лиц с высшим образованием (40–45 %); перепад религиозности мужчин и женщин сократился до 20 %, между городом и деревней — до 10 % (Государство, религия..., 1998, с. 3).

В традиционных для России конфессиях (Православие, ислам, буддизм, иудаизм, католицизм, лютеранство) процесс формирования новых общин и приходов, достигнув наивысшей интенсивности в 1991–1994 гг., пошел на спад. По темпам образования общин их опережают религиозные объединения, относящиеся к различным направлениям протестантизма (адвентизм, баптизм, пятидесятничество, Церковь Свидетелей Иеговы, Но-

воапостольская церковь и др.) и новым религиозным движениям, среди которых выделяются Общество сознания Кришны, Церковь объединения, Церковь Христа, Церковь сайентологии, Православная церковь Божией матери «Державная», Духовное единство и др.

Крупнейшей религиозной организацией в России остается Русская православная церковь (Московский Патриархат)¹. На 1 января 2001 г.² она объединяла 130 епархий, включающих более 10 тыс. приходов, 276 православных образовательных и других учреждений, 374 монастыря. Организации РПЦ составляют 54 % от общего числа зарегистрированных в России религиозных объединений. Ее прочное положение во многом обусловлено единым иерархическим руководством, высоким авторитетом Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, поддержкой деятельности РПЦ и ее институтов со стороны органов власти и управления.

К другим православным церквям (Русская православная старообрядческая церковь, иные старообрядческие согласия и толки, Российская православная автономная церковь, Русская православная церковь за рубежом, Российская православная свободная церковь и др.) относятся 487 зарегистрированных организаций.

Возросли значимость и удельный вес мусульманской общины России, которая насчитывает более 3 тыс. объединений (15 % от всех зарегистрированных).

Изменилась и политика государства по отношению к религии и религиозным институтам. В Российской Федерации сняты ранее существовавшие неконституционные ограничения на деятельность конфессий; значительное число культовых зданий и имущества возвращено религиозным центрам и верующим; религиозные объединения получили право широкого участия в общественной жизни. Государственно-конфессиональные отношения стали существенной частью взаимодействия государства с формирующимся гражданским обществом, условием реализации прав человека на свободу совести и вероисповедания.

Становление и формирование устойчивых форм государственно-конфессиональных отношений происходило параллельно с эволюцией государства и религиозных институтов, прошло множество этапов, отражая специфику отечественного социаль-

но-культурного пространства. Их история в нашей стране уходит корнями в VII–X вв., когда происходило объединение восточнославянских княжеств в единое государство с центром в Киеве, видоизменяется система древних верований, начинается история Русской православной церкви как института официальной религии древнерусского государства.

Вплоть до XXI в. в нашей стране последовательно сменились несколько моделей государственно-конфессиональных отношений: проправославная (с X в. до февраля 1917 г.); религиозно-плюралистическая (февраль 1917 г. – январь 1918 г.); атеистическая (1918 г. – конец 1980-х – начало 1990-х гг.) (Одинцов, 2002, с. 132–133). С конца 90-х гг. XX столетия формируется новая модель отношений светского государства с религиозными объединениями, основанная на принципе свободы совести и вероисповеданий.

Сущностные компоненты этих исторических моделей и их характеристики представлены в трудах М.И. Одинцова. К ним автор относит теоретико-идеологическую основу взаимоотношений государства и религиозных организаций, в выработке которой могут участвовать представители и властных, и религиозных институциональных структур; правовую базу (Конституция, законы и другие нормативные акты, регулирующие деятельность конфессий, обеспечивающие права граждан на свободу совести, формы взаимоотношений государства и религиозных организаций); организационно-управленческие структуры, занимающиеся непосредственной реализацией политики государства в сфере свободы совести (Одинцов, 2002).

В современной России все эти три компонента в основе своей существуют, но процесс их формирования еще не завершен. Основные положения государственной политики в области государственно-конфессиональных отношений представлены в ряде документов органов власти и управления, в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному собранию. Но целостная концепция взаимодействия государства с религиозными организациями еще не выработана. Проект ее уже более двух лет проходит экспертизу и согласовывается, но пока еще не принят как теоретическая основа государственно-конфессиональных отношений в России.

Институциональная база реализации религиозных функций, представленная Конституцией РФ, Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также рядом нормативно-правовых актов федерального уровня является неполной. Вне государственного регулирования и правового обеспечения остались многие существенные вопросы бытия религиозных организаций, в частности, проблема прав собственности на территории размещения культовых сооружений и вопрос о монастырских владениях и др.

Нуждается в совершенствовании структура государственных институтов, осуществляющих взаимодействие с конфессиями. Пока что данное направление государственной политики не закреплено в качестве сферы компетенции особого органа федеральной власти. На уровне субъектов РФ соответствующие подразделения государственного управления имеют разный статус и, соответственно, различные институциональные, организационные, финансовые и кадровые возможности. Так, в структуре Администрации Волгоградской области действует *отдел* по связям и содействию религиозным организациям; в Самарской и Пензенской областях аналогичная функция вменена *помощникам губернатора*; в Комиссии по общественным отношениям при Правительстве Саратовской области действует *отдел* национальной политики и взаимодействия с религиозными объединениями и т. д. Как видим, четкости в осуществлении институции государственного партнерства с конфессиями на мезосоциальном уровне нет.

Для разработки соответствующего раздела государственной политики, адекватной реальной сложности современной политической ситуации в России и не вступающей в противоречие с ратифицированными нашей страной международными актами, особое значение имеет уточнение теоретического описания государственно-конфессиональных отношений, их категориального ряда, предмета и содержания, обеспечивающего каждому человеку свободу совести, то есть возможность исповедания любой религии или занятия атеистической позиции.

Проблема выбора религиозного статуса, в том числе статуса атеиста как своеобразного нуля на их условной шкале, в поликонфессиональном российском обществе имеет выраженный ин-

ституциональный характер, поскольку такой выбор одновременно и минимизирует осуществившему его субъекту издержки трансакций с единоверцами, и повышает их уровень (вплоть до запретительного в отдельных сферах общественного бытия) при контактах с иноверцами. В этом проявляется двойственность религиозных институций, порождающая проблему статусной неадекватности их агентов.

Государственно-конфессиональные отношения – открытая система конкретно исторически складывающихся и изменяющихся форм устойчивого взаимодействия институциональных субъектов государства и религиозных течений, организованных в формах объединений, духовно-административных центров, конфессиональных учреждений и др. В ходе реализации этих отношений происходит поиск и обретение баланса ассоциированных интересов задействованных сторон, варьируется динамика пропорций соответствующих статусов.

Латентную основу государственно-конфессиональных отношений составляют закрепленные в законодательстве и обычном праве, традициях и быте, менталитете и поведении людей представления о месте и роли религиозных институтов в социальных процессах, о сфере их компетенции, характере и масштабе деятельности, привилегиях и обязанностях агентов, социальном типе клиентов и т. д. По причине светского характера Российского государства система его отношений с конфессиями не затрагивает их собственно религиозной деятельности (культурной и некультурной), но охватывает сферы осуществления ими социальных, экономических, научных, культурных, политических и иных функций.

Понятийный аппарат изучения взаимодействия государства и религиозных институтов пока неустойчив, нередко в нем происходит смешение научных и теологических дефиниций. В частности, неопределенной остается специфика объекта исследования, который обозначают разными понятиями, каждое из которых является в определенной степени уязвимым.

К наиболее часто употребляемым, в том числе в официальных документах, относится термин «государственно-церковные отношения» (в документах РПЦ используется обратная формулировка – «церковно-государственные отношения»), но он не-

достаточно корректно характеризует организацию мусульманства, иудаизма, буддизма и др., которая не имеет церковной формы.

Понятие «государственно-религиозные отношения», встречающееся у некоторых мусульманских авторов, не учитывает несоответствие масштаба категориально объединенных субъектов. Государство является особой институцией в конкретной социальной форме, типизирующей и воспроизводящей функцию реализации интересов всего общества. В этом смысле государство – это институциональный агент общества. Религия же представляет собой объективированную в массовом сознании форму мировоззрения, включая представление о месте человека в мире и его предназначении в связи с Абсолютом. Государство конструирует отношения не с религией как таковой, а с функционально организующими следующих ей агентов институтами.

Гораздо более корректным представляется термин «государственно-конфессиональные отношения», уязвимость которого состоит лишь в одном: понятие «конфессия» не определено в законодательстве и может трактоваться как вероучение или как совокупность религиозных организаций его представителей. Проблема еще и в том, что это понятие не признается идеологами равославия, которые относят его только к протестантским организациям в соответствии с традицией, вошедшей в богословие после Реформации XVI в. Так интересы современных религиозных институтов вступают в противоречие даже на «категориальном поле»...

Поэтому наиболее компромиссным является понятие «отношения государства и религиозных объединений». Именно оно наиболее активно используется в законотворческом процессе, будучи адекватно воспринятым деятелями всех религиозных институций России. Наряду с ним в научной литературе используется и понятие «государственно-конфессиональные отношения» как более емкое.

Предмет анализа таких отношений раскрывается в единстве процессов:

- реализации конституционного права человека на свободу совести и вероисповедания;
- осуществления гарантированных федеральным законодательством прав религиозных объединений;

- воплощения конституционного принципа отделения религиозных объединений от государства, светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных и воспитательных учреждениях;
- обеспечения взаимодействия государственных и муниципальных органов власти и управления с религиозными объединениями в осуществлении социально значимых программ;
- регулирования конфессиональных отношений при возникновении институциональных противоречий и конфликтов.

Субъектами государственно-конфессиональных отношений выступают, с одной стороны, органы законодательной, исполнительной и судебной власти, подконтрольные государству институты массовой информации; с другой – религиозные объединения, руководящие и координирующие органы, конфессиональные учреждения и организации, обеспечивающие богослужбно-культурную практику, а также осуществляющие различные виды социальной, экономической, культурной и иной законной деятельности.

Во взаимодействии этих субъектов формируется и транслируется на общество система позитивных и негативных экстернатальных и интернатальных эффектов, охватывающих различные стороны бытия людей, корректирующая или утверждающая их отношение к отдельным конфессиям и религии в целом. Такие эффекты, актуальные и отложенные во времени, должны по возможности прогнозироваться и регулироваться. Их игнорирование может привести к объективно неоправданному повышению социальной напряженности. Так, кампания по закреплению за россиянами индивидуальных номеров налогоплательщика (ИНН) вызвала мощное сопротивление со стороны идеологов РПЦ и некоторых других христианских течений, обосновывавших необходимость отказа от такой формы воплощения налогового статуса. Получение ИНН связывалось (на основании апокалиптического текста «Откровение Иоанна Богослова») с добровольным принятием «Числа Зверя» и латентным переходом в «легион» агентов Сатаны. Однако отсутствие ИНН резко повышало уровень транзакционных издержек получения медицинской страховки, оформления льгот, различных договоров, в типовых бланках которых предусмотрено указание такого номера. Очевидна недостаточность государственно-

ных усилий по согласованию данной акции с религиозными объединениями и по прогнозированию ее последствий. Поэтому представляется важным углубление сотрудничества институтов государства и религиозной сферы в формах открытой дискуссии, совместных программ и мероприятий, предусмотренных соответствующими соглашениями и договорами (Вероисповедная политика..., 2003, с. 10–11).

На современном этапе государственно-конфессиональные отношения в России основаны на концепции светского государства и принципе свободы совести. Светское государство конфессионально нейтрально, оно не приемлет ни одну из религий как необходимый компонент официальной идеологии, обеспечивая своим гражданам свободу мировоззренческого выбора.

Но, хотя согласно ст. 14 Конституции РФ никакая религия не может устанавливаться в качестве обязательной, а все без исключения религиозные объединения формально отделены от государства и равны перед законом, доминирующие субъекты религиозной сферы активно конкурируют за доступ к «административному ресурсу», изобретательно лоббируя и реализуя с опорой на мощную базу последователей свои институциональные интересы. Перефразируя Дж. Оруэлла, в России «все конфессии равны, но некоторые равнее». Так, в торжественных официальных «действиях» по поводу событий федерального уровня глава РПЦ занимает место рядом с Президентом... Уважая огромный авторитет духовного лидера православных в современном обществе, заметим, что такое отношение не может не вызывать скрытого раздражения со стороны представителей других религий, которые усматривают в этом политику «двойных стандартов», что особенно актуально в свете борьбы РПЦ за налоговые льготы.

Особое значение для расширения институциональных возможностей ориентации человека в светском государстве имеет принцип свободы совести, которая, будучи одной из фундаментальных ценностей гражданского общества, определяет право человека на свободный мировоззренческий выбор, не ограничивающий в других гражданских правах и свободах. Свобода совести включает право человека исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакую, менять или распространять религиозные или иные убежде-

ния и действовать в соответствии с ними, не ущемляя свободы и личного достоинства других.

Понятие «свобода совести» используется сегодня как устойчивый международный термин (англ. *freedom of conscience*). Его следует отличать от понятия «свобода вероисповеданий» (англ. *freedom of religion*), характеризующего право человека свободно следовать своим религиозным убеждениям, участвовать в культурных действиях, открыто заявлять о своей вере. Два этих понятия соотносятся как общее и частное: свобода совести включает свободу вероисповедания, но не сводится к ней, предполагая право личности не исповедовать никакой религии, иметь как религиозные, так и нерелигиозные убеждения, осуществлять свободный выбор мировоззренческих концепций и нравственных ценностей, определяя терпимость к инакомыслящим и инаковерующим.

Свобода совести в терминах «старого» институционализма может рассматриваться как особый институт, то есть совокупность норм и правил, регулирующих социальные отношения, возникающие в процессе реализации гражданами своих конституционных прав в религиозной сфере (Пчелинцев, 2002, с. 258). Гарантии свободы совести и вероисповедания закреплены в ст. 28 Конституции РФ.

Эволюция отечественных институтов религиозной сферы в контексте их взаимодействия с государственными институтами и органами привела к постановке вопроса о свободе совести в выборе мировоззренческой ориентации лишь в начале XX в.

С первых лет христианизации Руси деятельность религиозных организаций находилась под контролем государственных институтов. Так было, когда Православие являлось официальной религией Российской империи, сохранилась эта ситуация и в СССР, где религиозные структуры были формально отделены от государства, но при этом подвергались идеологическому контролю и жесткой регламентации со стороны его институтов.

В Киевской Руси, заботясь о материальном благосостоянии православной церкви, признавая ее прерогативы в судебной-правовой сфере, поощряя осуществление ею духовно-нравственной функции, княжеская власть не допускала вмешательства церковных иерархов в принятие важных государственных решений.

С 988 г. православная церковь получает статус официальной, а ее главной функцией становится освящение действий светской власти. «Важнейшей причиной столь кардинальной реформы была низкая институциональная эффективность языческой культуры, которая не способствовала укреплению необходимой государственности и дифференциации социально-экономической структуры русичей» (Иншаков, Фролов, 2002, с. 48). Параллельно на Руси действовали католические и иудейские общины, члены которой пользовались относительной свободой в исповедании своей веры.

Начиная с XIII в., когда активизировалось культурно-конфессиональное отчуждение русских земель от Европы, отношение к западному христианству становится резко негативным, а в XV–XVI вв. католическое богослужение на территории «государства Российского» вообще не допускалось. В этот период ухудшается и положение последователей иудаизма: они выселялись из крупных городов, их синагоги сжигались. Исламские территории, присоединявшиеся к России, подвергались насильственной христианизации.

Тем не менее к XVII в. Россия окончательно складывается как многоконфессиональное государство: изгнанные из Казани мусульмане способствовали исламизации населения Урала и Западной Сибири, после вступления России в «Священную лигу» в 1868 г. увеличилось число католических общин, с 20-х годов XVI в. началось быстрое распространение протестантизма на пограничных территориях, а присоединение новых поволжских и сибирских земель способствовало включению буддизма в «конфессиональный портрет» Отечества. Наряду с этим государство продолжало упорствовать в ограничении деятельности иудейских общин (История религий в России, 2002).

С XVIII в., когда РПЦ фактически была включена в систему институтов государственного управления, постепенно складывается иерархия религиозных организаций, закреплённая затем в Своде законов Российской империи и установившая статусы, права, обязанности и ограничения сторонников различных вероисповеданий.

Официальной религией в имперский период развития российской государственности являлось Православие, чем было обусловлено присвоение соответствующим религиозным праздникам

статуса государственных, определение льгот представителям православного духовенства (сформировавшегося во второе сословие Империи), формально-правовая фиксация требования к царствующим особам об исповедании православного вероучения.

В глубоко стратифицированной и сегментированной системе религиозных институций Российской империи уровнем ниже Православия располагались так называемые «признанные терпимые» вероисповедания – католицизм, ислам, иудаизм, буддизм, некоторые протестантские конфессии (лютеранство, кальвинизм, баптизм, адвентизм и др.). На третьем «ярусе» этой сложной структуры находились «терпимые непризнанные» вероисповедания – старообрядцы разных толков и дифференцированное в многообразные течения сектантство, оппозиционное ортодоксальному Православию. Низший уровень образовывали «непризнанные нетерпимые» вероисповедания, деятельность которых преследовалась по закону. Среди них выделялись молоканство, хлыстовство, скопчество и др.

Таким образом, отсутствие статуса православного христианина определяло ограничение прав в различной степени в зависимости от позиции реализуемой религиозной институции в их общей структуре. «Русские католики», обращенные из Православия, к которым относились и представители знатных семей (Гагарины, Волконские, Голицыны и др.), были вынуждены либо хранить в тайне свое вероисповедание, либо эмигрировать, поскольку отказ от официальной религии мог повлечь для них существенные издержки и потери. Для иудеев существовала «черта оседлости», ряд законов ограничивал их права на получение образования (путем установления определенной квоты), на участие в деятельности земских учреждений. Существенные институциональные пределы как в исповедании веры, так и в реализации общегражданских прав применялись в отношении мусульман, буддистов, протестантов. В наибольшей же степени они затрагивали жизнь староверов и «духовных христиан».

Религиозное неравенство явилось одним из источников кризиса социально-политической системы России в начале XX в. Эта проблема постепенно осознавалась субъектами верховной власти: не случайно в Указе и Манифесте Николая II от 12 декабря 1904 г. и 26 марта 1903 г. ставилась задача расширения прав

сторонников различных вероисповеданий. В Указе от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» впервые признавался юридически возможным и ненаказуемым переход из Православия в иную христианскую веру; облегчалось положение старообрядцев, которым разрешалось строить церкви и молельни, открывать школы; католикам и мусульманам были смягчены условия строительства и ремонта культовых зданий, провозглашалась свобода богослужений и преподавания в духовных школах на родном языке и т. д.

Манифест от 17 октября 1905 г. был первым государственным актом, в котором использовалось понятие «свобода совести». Однако осознание важности религиозного вопроса так и не привело к конкретным решениям и действиям власти. Вплоть до 1917 г. депутаты всех четырех созывов Государственной Думы пытались решить острые вопросы, связанные с реализацией принципа свободы совести, но так и не приняли ни одного решения в окончательном варианте.

Временное правительство уже в первых своих декларациях обозначило намерение провести реформы в религиозной сфере, в первую очередь – отменить все ограничения для сторонников различных вероисповеданий. Это обеспечило ему поддержку сторонников «терпимых» и «гонимых» религий.

Весна 1917 г. оказалась уникальным периодом в истории России – временем свободной самореализации всех конфессий, религиозного возрождения и обновления. Даже РПЦ, оказавшаяся после падения монархии в довольно сложном положении, в конце концов встала на сторону новой власти. Многие иерархи, особенно в епархиях, поддержали курс нового оберпрокурора Святейшего Синода В.Н. Львова на освобождение РПЦ от государственной зависимости и демократизацию внутрицерковной жизни.

В июле 1917 г. Временное правительство принимает постановление «О свободе совести», гарантировавшее осуществление данного принципа в отношении каждого гражданина, определявшее равенство политических и гражданских прав вне зависимости от вероисповедания (Одинцов, 1996, с. 46–47). Впервые констатировалось право граждан не внеисповедное состояние, без которого принцип свободы совести теряет всякий смысл.

Но даже столь либеральное институциональное решение не смогло разрешить всех назревших проблем вероисповедной политики, на кардинальное изменение которой, включая отделение церкви от государства, а школы от церкви, Временное правительство так и не решилось даже под давлением мощных общественных сил. Эту идею реализовало большевистское правительство, исходно взявшее курс на формирование светского государства. Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 23 января 1918 г., больше известный как Декрет об отделении церкви от государства, стал реальным продвижением на пути институционализации принципа свободы совести, заложившим на десятилетия вперед основы государственно-конфессиональной политики (Законодательство о религиозных культах, 1969).

Дальнейшие события этой бурной эпохи – Гражданская война, поддержка православными иерархами Белого движения, мобилизация сил для выявления оппортунистических элементов, радикализация идеологических императивов – не позволили новой власти завершить формирование политики полной реализации принципов свободы совести и вероисповедания, вогнав всю систему отношений государства и религиозных институтов в прокрустово ложе атеизма посредством искоренения всех проявлений и атрибутов религиозности, пропаганды «безбожничества», жесткого контроля и тотального ограничения деятельности религиозных организаций. Проявления воинствующего атеизма в государственной политике то интенсифицировались, обуславливая гонения на религиозные институты и их представителей, то затухали, переводя отношения государства и конфессий в режим напряженного ожидания. Показательно, в частности, изменение отношения к Православию в годы Великой Отечественной войны и коррекция государственной политики после ее окончания.

Латентное бытие религии в СССР, маскировка верующими своего статуса, значительные потери при обнаружении их религиозной ориентации были преодолены в ходе либеральных реформ второй половины 80-х гг. XX в., на которые пришлось и празднование 1000-летия крещения Руси. Подготовка к этому культурному событию и его торжественное проведение инициировали бурные дискуссии и значительное переосмысление роли

религии в социальной жизни, выявили глубокий общественный интерес к религиозным ценностям, что стимулировало власть коренным образом пересмотреть политику в этой сфере.

Снятие неправомερных ограничений деятельности религиозных объединений, ликвидация государственного контроля мировоззренческого выбора привели к активизации и быстрому увеличению количества религиозных организаций и их агентов. Если на начало 1985 г. в России было зарегистрировано 3003 организации религиозной сферы, то к 1 января 1990 г. их число составило 3983, а к 2000 г. – увеличилось до 17 427 (Одинцов, 2002, с. 47–48).

Принятый 25 октября 1990 г. Верховным Советом РСФСР закон «О свободе вероисповеданий» (Ведомости Съезда..., 1990, ст. 24) закрепил основы новой политики государственно-конфессиональных отношений. Но, принятый на «гребне» мощной и эмоциональной волны борьбы с «тоталитарным прошлым», этот закон, полностью исключивший государственное регулирование функционирования религиозных институтов, оказался недостаточно проработанным. Следствием стало «нашествие» на Россию многих легионов «миссионеров» и «проповедников» разного рода, главные интересы которых лежали вне религиозной сферы.

Уже первые годы реализации данного институционального акта показали необходимость его значительной коррекции. К участию в подготовке нового закона были привлечены не только депутаты и широкая общественность, но и религиозные лидеры, представлявшие зарегистрированные на территории РФ организации. Принятый 26 сентября 1997 г. Государственной Думой закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (Собрание законодательства РФ, 1997, ст. 4465) стал продуктом сложных обсуждений и зафиксировал компромисс интересов различных политических и религиозных сил. Хотя в настоящее время некоторые его положения подвергаются критике (особенно преамбула, хотя и не имеющая юридической силы, но констатирующая исторически сложившийся особый статус Православия в истории России, в становлении и развитии ее государственности, духовности и культуры), этот закон в сочетании с другими (см.: Гражданский кодекс РФ, 1994, ст. 3301; 1998, ст. 5849; 1996, ст. 150; 1995, ст. 3340), конкретизирующими отношения

государства с религиозными организациями, стал институциональной базой обеспечения реальной свободы совести в нашей стране в рамках демократической модели государственно-конфессиональных отношений, в основе которой лежит уважение к праву человека на свободный выбор своей ориентации в духовной сфере.

Религиозные организации в России, как и в подавляющем большинстве демократических стран, отделены от государства, но не от общества. В структуре государственных институтов созданы специальные органы, обеспечивающие взаимодействие с религиозными объединениями в рамках действующего законодательства: Отдел по взаимодействию с религиозными объединениями Администрации Президента РФ, Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы, Отдел по связям с религиозными организациями Аппарата Правительства РФ. Соответствующие подразделения имеют многие министерства, в том числе иностранных дел, обороны, внутренних дел и др. Однако отсутствие единой структуры федерального уровня, своего рода координационного центра реализации государственно-конфессиональной политики, создает определенные затруднения, поскольку многие вопросы все еще урегулированы в недостаточной степени. Отсюда – спорное решение о введении государственного образовательного стандарта по дисциплине «Телология» для высших учебных заведений, противоречащее законодательству давление на средние учебные заведения по введению курса «Основы православной культуры» и т. п.

Отделение религиозных организаций от государства – основополагающая институциональная норма, выражающая его светский характер, гарантирующая невмешательство государственных органов и служб в процесс самоопределения гражданами своих мировоззренческих позиций, в воспитание детей в соответствии со своими убеждениями и с учетом прав ребенка на свободу совести и вероисповедания. Светское государство не делегирует религиозным организациям функций своих институтов и органов разного уровня, не вмешивается в деятельность конфессиональных структур, если она не противоречит Конституции РФ и федеральному законодательству, обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных

учреждениях. Отделение религиозных организаций от государства не влечет за собой ограничения прав верующих на участие в процессах самоуправления, социального контроля, выбора представителей, в деятельности политических партий и общественных движений.

Эти положения признаются сегодня лидерами всех конфессий нашей страны. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в одном из своих выступлений подчеркнул: «Наша Церковь – Церковь большинства, но мы категорически против того, чтобы она превратилась в государственное ведомство, в государственную структуру. Церковь может нормально функционировать только тогда, когда она юридически отделена от государства» (Патриарх Московский..., 1999, с. 16). Государственное обеспечение реализации принципа свободы совести в поликонфессиональном обществе – единственная возможность обеспечить мировоззренческое единство в плюрализме религиозных воззрений, сформировать толерантное сознание и предотвратить латентное накопление институциональных противоречий представителей различных вероисповеданий. Понимание этого находит отражение в содержании социальных концепций крупнейших отечественных конфессий, принятых в последние годы.

В «Основах социальной концепции Русской православной церкви», принятых Юбилейным Архиерейским Собором в 2000 г., отмечается, что принцип свободы совести «оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества» (Основы социальной концепции РПЦ, 2000, с. 21). В этом же документе РПЦ определяет области своего «сотрудничества» с государством, которые не противоречат основным законодательным актам государства в области вероисповедной политики: миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях; содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами; забота о сохранении нравственности в обществе; духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ; охрана, восстановление и развитие культурного на-

следия, включая заботу об охране памятников истории и культуры; попечительство в отношении воинов и сотрудников правоохранительных структур; труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы; наука, здравоохранение, культура и творческая деятельность; работа церковных и светских средств массовой информации; деятельность по сохранению окружающей среды; поддержка института семьи, материнства и детства.

В 2001 г. Совет муфтиев России принял «Основные положения социальной программы российских мусульман», устанавливающие, что право на свободу совести и вероисповедания является необходимым условием и средством добровольного уверения себя Единственному Богу и исполнения его воли (исповедания ислама): «Ислам – религия свободы выбора» (Основные положения социальной программы..., 2001, с. 21). В этом смысле ваххабизм и различные другие «ортодоксальные» течения ислама экстремистской направленности справедливо трактуются как деструктивные формы религиозной организации, граничащие с сектантством.

В «Основах социальной концепции Российского объединенного союза христиан веры евангельской» также подчеркивается приверженность принципу свободы совести: «Христианская вера поддерживает право человека на свободу совести и вероисповедания и его право выбора, то есть он свободен сам выбирать религию. Мы считаем, что для достижения мира в обществе необходимо стремиться к воспитанию в людях терпимости по отношению к представителям различных религий» (Основы социальной концепции РОСХВЕ, 2002, с. 9).

Социальные доктрины, принятые религиозными организациями России, существенно уточняют их позиции по взаимодействию с государственными институтами, не вступая в противоречие с законом «О свободе совести и о религиозных объединениях». Они знаменуют новый этап в развитии государственно-конфессиональных отношениях, в укреплении диалога государственных и религиозных институтов на основе их взаимного стремления сотрудничать во благо страны и каждого человека. Такое институциональное взаимодействие, базирующееся как на светском, так и на каноническом праве, в поликонфессиональ-

ном социальном пространстве нашей страны, принимая во внимание ее противоречивое историческое развитие и многоукладность, – это реальная основа укрепления норм толерантности, конструктивного и деятельного взаимопонимания, а значит, гражданского мира, дающего россиянам возможность реализовать свои права, не нарушая и не притесняя прав и убеждений других.

Литература

Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21.

Вероисповедная политика Российского государства. М., 2003.

Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень. 1998. № 1–2.

Гражданский кодекс РФ // СЗ РФ. 1994. № 32.

Законодательство о религиозных культурах. М., 1969.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

История религий в России. М., 2002.

Конституция (Основной закон) Российской Федерации. М., 2003.

Одинцов М.И. Вероисповедная политика Временного правительства // Государственно-церковные отношения в России: опыт прошлого и современное состояние. М., 1996.

Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX в.: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002.

Основные положения социальной программы российских мусульман / Совет муфтиев России. Ярославль, 2001.

Основы социальной концепции РОСХВЕ. М., 2002.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2000. № 8.

Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Россия. Духовное возрождение. М., 1999.

Пчелинцев А.В. Свобода совести и вероисповеданий как правовой институт // Религия, политика и права человека. М., 2002.

Сведения о регистрации уставов религиозных объединений в РФ // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень. 1997. № 2.

Сведения о религиозных организациях, зарегистрированных в РФ, по данным государственного реестра по состоянию на 01.01.2001 г. // Лопаткин Р.А. Конфессиональный портрет России. М., 2001.

Собрание законодательства РФ. 1997. № 39.

Федеральный закон «О благотворительности и благотворительных организациях» // СЗ РФ. 1995. № 33.

Федеральный закон «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1998. № 48.

Федеральный закон «Об образовании» // СЗ РФ. 1996. № 3.

¹ Далее – РПЦ.

² К 01.01.2001 г. в РФ в соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» в основном завершилась перерегистрация религиозных объединений в органах юстиции. В дальнейшем изложении используются данные Министерства юстиции РФ о регистрации религиозных объединений, предоставленные отделом по связям и содействию религиозным организациям Администрации Волгоградской области и кафедрой религиоведения Академии государственной службы при Президенте РФ.

Г л а в а 25

ЧТО ЗНАЧИТ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА «БЫТЬ»?

Я тоже хотел быть... –
вот она, разгадка моей жизни.

Ж.-П. Сартр

Поставленный в названии главы вопрос допускает два альтернативных варианта ответа. Первый исходит из социальной природы человека, рассматривая его как деятельный элемент системы общественных отношений, универсально воплощающийся в институциональных, организационных, технологических, информационных и продуктовых гранях. Такая трактовка сути индивидуального бытия исходит из холистического подхода.

Второй вариант ответа актуализирует экзистенциальную глубину бытия личности, «богатство» ее внутренней, духовной жизни, причем внешний мир воспринимается как враждебный, агрессивный, противодействующий «подлинному существованию» как полной реализации всего потенциала многообразия индивидуальных устремлений, потребностей и способностей. В этом смысле социальные институты «крадут» человека у самого себя, а индивид рассматривается как страдающее существо, восходящее на Голгофу настоящего бытия и неизменно «распинаемое» социальными структурами.

Какая же модель более предпочтительна: «человек институциональный» или «человек экзистенциальный»? Проведем их контрастивный (сопоставительный) анализ, оперируя родовыми сущностями соответствующих субъектов – собственностью и свободой, противопоставление которых, конечно, условно, ибо в реальности они тесно взаимосвязаны, но как аналитический прием может оказаться весьма продуктивным.

1. Собственность и свобода

Идеология капиталистического общества начинается с утверждения, что «собственность есть свобода», а частная собственность суть основа реального освобождения человека. Как писал Ф.А. Хайек, именно она «является главной гарантией свободы, причем не только для тех, кто владеет этой собственностью, но и для тех, кто ею не владеет. Лишь потому, что контроль над средствами производства распределен между многими не связанными между собой собственниками, никто не имеет над ними безраздельной власти, и мы как индивиды можем принимать решения и действовать самостоятельно. Но если сосредоточить все средства производства в одних руках, будь то диктатор или номинальные «представители всего общества», мы тут же попадем под ярмо абсолютной зависимости» (Хайек, 1992, с. 83). На этой идее базируются выдвигавшиеся на протяжении всей истории человечества механизмы участия людей в хозяйственных процессах, целью которых ставилось повышение степени свободы экономических агентов от детерминирующей их поведение системы институтов, отношений монополизма и т. д.

Логика Ф. фон Хайека безупречна. Раз частная собственность есть основа свободы личности, то масштаб реализации функции частного владения имуществом прямо пропорционален степени свободы владельца. Ноль прав собственности, говоря в терминах концепции Р. Коуза, отражает ситуацию полного отсутствия свободы личности и ее рабства от внешних условий и действий других субъектов. Устойчивая интенция обладания частной собственностью по сути означает латентное и неизбежное человеческое стремление обрести свободу.

Если согласиться с К. Марксом в том, что *«заработная плата идентична частной собственности»* (Маркс, 1974, с. 97), то задержки ее выплаты работникам, перерастающие в хронические неплатежи, можно трактовать как ограничение индивидуальных свобод, гарантируемых Конституцией. Установление минимального размера оплаты труда на уровне, не достигающем даже прожиточного минимума, есть демонстрация инверсии государства и парламента из институциональных агентов общества, осуществляющих функции распорядительства и законотворчества, в его принципалов, лицемерно игнорирующих необходимость создания экономической базы статуса трудящегося¹. Это означает, в принципе, завуалированное лишение свободы вне всякого суда и следствия, что обоснованно характеризуется некоторыми учеными как геноцид².

С либеральной точки зрения первым условием повышения степени свободы современных россиян является постоянное и существенное увеличение размера и диверсификация источников их дохода. Поскольку в реальности этого не происходит, раздаются заявления, что «мы не выдержали испытания свободой», в связи с чем нужна «новая диктатура». Но ведь за весь период экономической трансформации трудящиеся России еще не знали свободы, отвечающей их потребностям, человеческому потенциалу и достоинству. Проблема достижения адекватности степени профессионализма, креатизма и мобильности людей и уровня оплаты их труда не только связана с эффективностью механизма распределения совокупного общественного дохода, но и глубоко политична, являясь точкой потенциального усиления социальной напряженности вплоть до институционального «взрыва». Более того, эта проблема имеет общий антропологический характер, поскольку в ко-

вечном счете связана с движением человека по пути устранения чрезмерных ограничений к реальному освобождению. В условиях же рыночной экономики денежный фетишизм порождает отождествление достоинства личности, как характеристики ее действительной (а не номинальной) свободы, с размером банковского счета, объемом и ценой находящихся во владении акций и иными атрибутами коммерческого статуса.

Если свобода есть неотъемлемый атрибут личности, то без нее, а следовательно, по логике либерализма, и без частной собственности, личность неизбежно утрачивает свою социальную и экзистенциальную целостность, становится «незавершенной» в каждый момент времени, фрагментируется, деградирует. Но насколько либеральным может быть общество, в котором большая часть населения не живет, а выживает, балансируя на грани бытия и небытия? Применимы ли либеральные механизмы к такому «обществу рабов»? Насколько полезен либерализм для современной России в контексте задачи концентрации всех факторов и ресурсов в ходе начавшейся модернизации? На эти вопросы все еще нет однозначного ответа.

По сравнению с современной либеральной моделью, в русской религиозной философии сложилось гораздо более глубокое понимание человека как личности, которая не рождается, но создается самим человеком, обществом и Богом: «Личность, — убеждал Н.А. Бердяев, — есть целостность и единство, обладающее безусловной и вечной ценностью» (Бердяев, 1993, с. 62). Подчеркнем: идея личности отменяет идею раба. Другими словами, если мы осмелимся в каждом человеке видеть личность, то мы не посмеем его держать за раба³. Хотя идея личности может иметь и светское обоснование, острая необходимость метафизики уважения к человеку очевидна.

Если в духе либеральной доктрины постулировать, что личность конституируется собственностью, то идея владения отменяет идею рабства. Поскольку же собственность образует фундамент власти, непреходящий вопрос римского консула Луция Лонгина Кассия «*Cui bono?*» («Кому выгодно было это?») позволяет использовать категорию «интерес» при анализе политических «рынков» и торгов их рациональных агентов. Отождествление собственности и свободы позволяет приравнять последнюю к власти. Вот

где, в частности, находится сильнейший источник человеческого стремления «во власть»! А тезис «мера свободы определяет меру ответственности» лишь подтверждает, что люди, выполняющие властные функции, несут ответственность, прямо пропорциональную их объему, чем и обусловлено многообразие форм оппортунизма в политической и административной сферах.

Ф.А. Хайек отмечал, что понятие «индивидуализм» исторически приобрело негативный оттенок и стало ассоциироваться с эгоизмом и нарциссизмом, хотя эта философия, уходящая корнями в раннее христианство и античные поиски смысла и логики бытия, впервые получив полное выражение в период Ренессанса и положив начало становлению западной цивилизации, затем многократно трансформировалась по шаблонам различных социально-экономических доктрин. Основной чертой классического индивидуализма «является уважение к личности как таковой, то есть признание абсолютного суверенитета взглядов и наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования» (Хайек, 1992, с. 19).

В такой интерпретации индивидуализм по многим параметрам совпадает с гуманизмом эпохи Возрождения с его признанием «абсолютного суверенитета» взглядов и наклонностей человека, пониманием его в духе античной философии как меры всех вещей и процессов. Но если любой институциональный выбор в обществе индивидуален и не осуждаем (то есть принимается как объективная данность), то под «шквалом» индивидуализации окажутся в буквальном смысле сметены все институты и нормы. Будут потеряны все грани, в том числе между добром и злом. Устоит ли в таких условиях общество или падет жертвой тотальной дезинтеграции?

Видимо, нужен гуманизм иного типа, синтезирующий идеи партнерства человека и природы, государства и гражданского общества, власти и подвластных. Метафизика уважения к человеку отнюдь не означает его ложного возвеличивания, так как принимает во внимание экономическую и гуманитарную обоснованность его гражданских и трудовых статусов.

Утрата актуальности парадигмой «человек – господин природа» позволяет предположить неизбежность компрометации и

преодоления тягостной оппозиции господина и раба, исторически модифицировавшейся в формах полярных институциональных «связок» хозяина и работника, принципала и агента, противоречие которых объективно и закономерно должно разрешиться в синтетическом статусе свободного человека, совмещающего и динамично реализующего функции принципала и агента в социальных и межличностных взаимодействиях, но не закрепленного «намертво» ни в одной из них.

Развитая выше диалектика собственности и свободы позволяет приступить к осмыслению бытия современного человека в ракурсе проблемы институциональной справедливости: каким образом обеспечить равный доступ индивидов к высококачественным институтам, избежав при этом тотальной гомогенизации культурного и экономического пространства? ⁴

2. ЭКЗИСТЕНЦИЯ И БЫТИЕ

Логика институционализма совершенно чужда иррационализму человеческого духа. Поэтому объектом институциональных исследований до сих пор никогда не был внутренний мир человека, экзистенциальный анализ которого становится все более целесообразным.

Ж.-П. Сартр писал: «Пока живешь, никаких приключений не бывает. Меняются декорации, люди приходят и уходят — вот и все. Никогда никакого начала. Дни прибавляются друг к другу без всякого смысла, бесконечно и однообразно. Время от времени подбиваешь частичный итог, говоришь себе: вот уже три года я путешествую, три года как я в Бувиле. И конца тоже нет — женщину, друга или город не бросают одним махом. И потом все похоже — будь то Шанхай, Москва или Алжир, через полтора десятка лет все они на одно лицо. Иногда — редко — вникаешь вдруг в свое положение: замечаешь, что тебя заарканила баба, что ты влип в грязную историю. Но это короткий миг. А потом все опять идет по-прежнему, и ты снова складываешь часы и дни. Понедельник, вторник, среда. Апрель, май, июнь. 1924, 1925, 1926» (Сартр, 1992, с. 51).

Ремаркой могут служить слова А. Камю: «Бывает, что привычные декорации рушатся. Подъем, трамвай, четыре часа в кон-

торе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме – вот путь, по которому легко идти день за днем. Но однажды встает вопрос “зачем?”. Все начинается с этой окрашенной недоумением скуки. “Начинается” – вот что важно. Скука является результатом машинальной жизни, но она же приводит в движение сознание. Скука пробуждает его и провоцирует дальнейшее: либо бессознательное возвращение в привычную колею, либо окончательное пробуждение. А за пробуждением рано или поздно идут следствия: либо самоубийство, либо восстановление хода жизни» (Камю, 1990, с. 29–30).

Экзистенциализм рассказывает о реальности, которая радикально отличается от существования индивидов во внешнем мире институтов. Говоря словами Ж.-П. Сартра, «я склоняюсь над каждой секундой, стараюсь исчерпать ее до дна, все, что она содержит – и мимолетную нежность прекрасных глаз, и уличный шум, и обманчивый свет зари, – я стараюсь вобрать в себя, навеки запечатлеть в себе, и, однако, минута истекает, я не удерживаю ее, мне нравится, что она уходит» (Сартр, 1992, с. 49). Именно такое, экзистенциальное бытие является *подлинным*. Безличное же существование среди людей и институтов называется *неподлинным*, ложным бытием.

По М. Хайдеггеру, повседневный человек не знает Ничто, оно заслонено от него. Человек, погруженный в настоящее (можно сказать: в институциональное бытие), не знает будущего. Он пребывает в неподлинном бытии. Только взгляд в будущее, где его поджидает Ничто, и фундаментальный ужас, приоткрывающий Ничто, делает экзистенцию человека подлинным бытием: он озабочен теперь навсегда, он в тревоге, он скучает и страдает, страшится и цепенеет (Хайдеггер, 1986, с. 36–39).

Кроме того, экзистенция – это своеобразная реальность, некое поле человеческого духа, которая обладает своей жизнью, собственной динамикой и может быть конструктивна либо деструктивна не только для смыслов человеческого существования, но и для других форм бытия. Мы вправе говорить о феномене активности человеческого духа (разума и чувств, рационального и иррационального компонентов, в том числе интуиции, воли,

любви и т. д.), когда наш дух оказывает *непосредственное* влияние на внешний мир и самого себя.

Экзистенция является проводником смыслов и понимания. В этой связи фраза «Сначала жить, затем философствовать» может означать: сначала нужно обрести экзистенциальное бытие, жизнь в духе, а затем заниматься философией (правда, при этом следует иметь в виду, что философия сама принимает участие в становлении нашей экзистенции). Другими словами, экзистенциальный опыт является условием философствования, невозможного без внутренней жизни ума и чувств.

Заметим также, что деструктивный характер внешних факторов находит себе путь через экзистенциальную реальность. Например, страх есть дополнительный фактор нашего ничтожения. Смерть, ничто ничтожит через страх.

3. БЫТИЕ И СМЫСЛ

Всякое бытие для своего присутствия в мире нуждается в сущности, а человеческое бытие – в смысле как своей сущности. С этой точки зрения легко принять теорию В. Франкла об экзистенциальном вакууме, обуславливающем ноогенные неврозы и самоубийства.

По этой концепции, современный пациент в большей степени страдает «от глубинного чувства утраты смысла», которое соединено с ощущением пустоты; поэтому психотерапевт и говорит «об экзистенциальном вакууме» (Франкл, 1990, с. 24). По его наблюдению, «ощущение отсутствия смысла становится все более распространенным явлением» (там же, с. 25).

Он приводит весьма характерные свидетельства. Вот одно из них.

«Из статистики известно, что среди причин смертности у американских студентов второе место по частоте после дорожно-транспортных происшествий занимают самоубийства. При этом число *попыток* самоубийства (не закончившихся смертельным исходом) в 15 раз больше.

Мне сообщили интересные статистические данные, полученные при опросе 60 студентов университета штата Айдахо после подобных попыток самоубийства. У них подробнейшим обра-

зом выяснялось все, что связано с мотивом этого поступка, и вот что было обнаружено: 85 процентов из них не видели больше в своей жизни никакого смысла; при этом 93 процента из них были физически и психически здоровы, жили в хороших материальных условиях и в полном согласии со своей семьей; они активно участвовали в общественной жизни и имели все основания быть довольными своими академическими успехами» (Франкл, 1990, с. 26).

Другой пример взят из письма одного американского студента В. Франклу: «Мне 22 года, <...> у меня есть ученая степень, у меня шикарный автомобиль, я полностью независим в финансовом отношении, и в отношении секса и личного престижа я располагаю большими возможностями, чем я в состоянии реализовать. Единственный вопрос, который я себе задаю, — это какой во всем этом смысл» (там же, с. 41).

Как видим, у этих американских студентов было все в порядке с социальным статусом и его личным восприятием. Отсутствие же сущностного, скрепляющего стержня (каким является смысл) разрушал их внутреннее и внешнее бытие. Важно, что ментальная реальность разрушает физическую (телесную) и институциональную реальность.

4. ИМЕТЬ ИЛИ БЫТЬ?

Э. Фромм, противопоставляя «иметь» и «быть» как два основных способа существования, полагает, что при существовании по принципу обладания отношение субъекта к миру выражается в стремлении сделать его объектом владения и обладания, превратить все и всех, в том числе и самого себя, в свою собственность.

Что касается бытия как способа существования, то Э. Фромм различает две его формы. Одна из них является противоположностью обладания и означает жизнелюбие и подлинную причастность к миру. Другая форма бытия — это противоположность видимости, она относится к истинной природе, истинной реальности личности или вещи в отличие от обманчивой видимости (Фромм, 1990а, с. 31). Согласно последней концепции, подлинное бытие личности реализуется тогда, когда повседневное су-

ществование соответствует ее глубинной сущности. Очевидно, что такое бытие – счастливое.

Анализируя понятие бытия, Э. Фромм подчеркивает, что бытие есть прежде всего *становление*. Ничто не является реальным, кроме процессов (Фромм, 1990а, с. 31–32). Именно такая философия обуславливает интерпретацию *созерцания* живого цветка как подлинной формы бытия в противоположность обладанию цветком, когда тот погибает (там же, с. 22–26).

Эта же диалектика процесса позволяет Э. Фромму заявить: «Под бытием я понимаю такой способ существования, при котором человек и не *имеет* ничего, и не *жаждет* иметь что-либо, но счастлив, продуктивно использует свои способности, пребывает в *единении* со всем миром» (там же, с. 25).

Представляется, что идея «человек есть процесс» является довольно односторонней, ибо в мире все суть процесс изменения – вещи, люди, отношения, институты, деньги, эмоции и т. д. Более продуктивной представляется формула Г.Э. Хенгстенберга – человек есть «постоянство-в-изменении» (Хенгстенберг, 1995, с. 213), – которую скорректируем в соответствии с позицией Э. Фромма и определим человека как «постоянство-в-становлении», поскольку изменение возможно и по кругу, а становление уходит в неизвестное будущее. Думается, именно такая трактовка позволяет рассматривать человека в единстве ракурсов обладания и бытия.

Односторонность решения Э. Фроммом дилеммы «иметь или быть» (в пользу процессуального бытия) обусловлена экзистенциальным характером его методологии. Очевидно, что экзистенциальный мир индивида находится в определенной корреляции с его социальным статусом. Еще Л. Фейербах отмечал, что во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах. Вот почему можно полагать, что для полноценной духовной жизни личности требуется ее качественная институционализация. Иначе говоря, следует видеть в человеке интегральное единство всех его свойств и качеств, в том числе единство экзистенциальной и институциональной сторон бытия.

5. ПОДЛИННОЕ БЫТИЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Демонстрируя принципы обладания и бытия в повседневной жизни, Э. Фромм удачно анализирует обучение, память, беседу, чтение, власть, веру, любовь. Разделяя многие его выводы, покажем, как их можно применить в анализе ценностей философского образования.

Философия гуманистична и демократична по самой своей природе: она обращена к человеку и доступна всем, поскольку у каждого из нас есть разум. Как говорил Л. Фейербах, «не во власти философии наделять умом, она его *предполагает*...». Однако он был не точен, когда добавлял: «Она только *определяет* мой ум. Образование понятий средствами определенной философии... есть только развитие заключенного во мне духовного материала, еще неопределенного, но способного ко всяческой определенности» (Фейербах, 1955, с. 63). В действительности же философия имеет большее значение; она не только обнаруживает внутреннее содержание человеческого духа, но и принимает участие в его творении.

С этой точки зрения одна из основных ценностей философского образования заключается в том, чтобы утверждать и развивать самостоятельное мышление студентов, то есть способствовать их самотворению. Философия приглашает к размышлению. Она должна будить мысль, но «не должна брать в плен наш ум сказанным или написанным словом, — последнее всегда убийственно действует на ум...», — считал Л. Фейербах (там же, с. 67). Никто (даже в рекламе) не смеет «входить в мою голову» без «стука» и моего разрешения, навязывая свои представления.

По замечанию Л. Фейербаха, философ проповедует не немым рыбам, он обращается к *мыслящим* существам. Однако основного смысла вещи он не дает, он вообще ничего не дает, — «киначе философ в самом деле мог бы создавать философов, что доньше никому не удавалось...» (там же, с. 67).

Размышление совершается в диалоге, где при столкновении различных мнений рождается истина, как высекается искра. Если взаимодействие является *causa finalis* природных вещей, то диалог оказывается оптимальным способом существования философии, классической формой ее бытия. Диалог — суть философии, когда

он есть размышление, устремленное к истине. Философия диалогична. Самовлюбленный монолог оскорбителен для нее.

Размышление предусматривает доказательство. «Для доказательства необходимы два лица; мыслитель *раздваивается* при доказательстве; он сам себе противоречит, и лишь когда мысль испытала и преодолела это противоречие с самой собой, она оказывается доказанной. Доказывать значит оспаривать» (Фейербах, 1955, с. 73).

Нередко же студентов учат так, пишет Э. Фромм, чтобы они могли повторить основные идеи автора. Именно в этом смысле студенты «знают» Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозу, Лейбница, Канта, Хайдеггера, Сартра. По мнению Э. Фромма, так называемые «отличники» — это учащиеся, которые способны наиболее точно повторить мысли каждого из философов. Они напоминают хорошо информированного гида в каком-нибудь музее, но не владеют умением мысленно беседовать с философами (Фромм, 1990а, с. 43).

Однако мысль можно передать только посредством мысли, философию — посредством философствования. Или, говоря словами Л. Фейербаха, изложение философии само должно быть философским. Это значит, что рассказывать о философии можно только размышляя. Иначе просто невозможно показать деятельность разума. Тогда на лекциях и семинарах осуществляется «таинство воскрешения» философского мышления разных времен. Разум преподавателя является «живой водой», а сам он — чудотворцем, который оживляет, воскрешает мысль прошлого.

Между тем многие историко-философские сочинения имеют один и тот же недостаток: схематичность, отсутствие живой мысли и произвольные оценки. Такая история философии превращается в историю... без философии, в рутинную науку со своим духом позитивизма.

На наш взгляд, историк философии — это профессионал, «переболевший» теми или иными философскими доктринами и потому способный рассказать о них. Пишущий о мировой философии должен своим духом «пребыть» в духе, скажем, Платона, Декарта, Канта, Гегеля. В самом деле, как можно аутентично рассказать о Платоне, если мы сами не *мыслили*, не *чувствовали*, не *переживали* реальность в его категориях? Только уловив ин-

теллектуальные «вибрации» другого философского духа, можно о нем поведать.

Думается, критерием адекватного понимания метафизических дискурсов мог бы служить следующий экзистенциальный опыт. Правильное понимание мыслителя означает, во-первых, что из его исходных посылок самостоятельно получены его же выводы; во-вторых, можно указать факторы (теоретические, социальные и др.), обусловившие его постулаты. Понять исследуемую доктрину означает, в-третьих, преодолеть ее, возвыситься над ней в своем духовном развитии. В этом случае величие и ограниченность превзойденной философской системы станут более очевидными.

Можно сказать, что философия занимается постановкой разума у человека. Она не «вливает» в его голову мысли, словно капли лекарства, ведь истина не транслируется. «Мудрость непередаваема», – говорил Сиддхартха, герой одноименной повести Г. Гессе. Передаются слова, образы, знаки, то есть некоторая информация о ней. Поэтому постижение истины – прежде всего личностный процесс, связанный с саморазвитием познающего субъекта; существует момент истины, время ее откровения, которое, правда, может никогда не наступить, если к нему не стремиться.

В самом деле, как можно наделить кого-нибудь мудростью Платона? Здесь никакой исчерпывающий рассказ, например, о его теории идей не поможет. Не поможет и институционализация в виде дипломов самых лучших университетов. Чтобы понять требуемый смысл, нужно возвыситься до философии Платона, если угодно, приобрести его мышление, а для этого необходима самостоятельная работа духа.

Способность понимать другого, его идеи и чувства, во многом предопределяется внутренним состоянием личности. Лишь развивая свою экзистенцию, свои мысли и чувства, можно подниматься до более высоких ступеней человеческого духа. Научение философии предполагает прежде всего пробуждение разума, а не механическое усвоение тех или иных постулатов. Мы должны начать думать, чтобы увидеть, почувствовать и понять философию. *Одухотворение* личности есть неперемное условие качественного образования.

Философия не является эзотерическим знанием, она может быть понятна всем, кто к ней обращается. Однако ее не следует приземлять, принижать до уровня обыденного рассудка. Восхождение же к ней требует серьезных усилий. При этом преподаватель занимает позицию Сократа, выступает в роли повивальной бабки, помогающей рождению мысли и истины, то есть владеет искусством майевтики.

Проблема суверенного духа оказывается весьма актуальной, если иметь в виду *псевдомышление*, столь распространенное среди людей. Э. Фромм демонстрирует его на следующем примере. Предположим, что мы находимся на острове, где встречаем местных рыбаков и дачников-горожан. Мы хотим узнать, какая будет погода: спрашиваем об этом рыбака и двух дачников, про которых знаем, что все они слышали прогноз по радио. Рыбак, имеющий большой опыт и постоянно заинтересованный в погоде, обдумает все исходные данные (направление ветра, температуру, влажность и др.) и придет к определенному заключению. Вероятно, он вспомнит и прогноз, переданный по радио, соотнесет его с собственным выводом. Но во всяком случае он скажет нам свое мнение, результат *своего* размышления.

Первый из опрошенных нами горожан – человек, который в погоде не разбирается; ему это не нужно. Он просто повторит услышанный прогноз. Другой дачник – человек совсем иного плана; он из тех, кто полагает, что прекрасно разбирается в погоде, хотя это далеко от истины. Немного подумав, он сообщает нам «свое» мнение, в точности совпадающее с прогнозом.

Поведение этого человека внешне не отличается от поведения рыбака, но, если разобраться, становится очевидно, что он просто усвоил прогноз. Однако он ощущает потребность иметь *собственное* мнение и потому забывает, что просто-напросто повторяет чье-то авторитетное утверждение. Очень может быть, что он предскажет погоду правильно, а рыбак ошибется, но это сути дела не меняет: правильное мнение такого горожанина не является *собственным*, каково ошибочное мнение рыбака.

Аналогичные примеры можно наблюдать, изучая мнения людей по любому вопросу, например, в области политики или искусства, считает Э. Фромм (Фромм, 1990б, с. 162–163). Многие не думают, а рационализируют.

Если подобная ситуация характерна для больших масс людей, то она достаточно тревожна. Не говоря о том, что псевдомыслящие легко подвержены манипулированию со стороны определенных институтов и людей, они не способны к подлинно человеческому развитию. Только действительное мышление (и чувство) делает человека человеком. Только действительно мыслящий и чувствующий субъект способен к настоящему творчеству, тогда как псевдомышление и фальшивые чувства не поднимаются выше псевдотворчества. Вот почему вопрос о воспитании самостоятельного мышления представляет собой нечто большее, чем, скажем, модное течение в современной педагогике. Решение этой проблемы является важнейшим условием гуманистического прогресса общества с целью обеспечения подлинного человеческого бытия.

Разумеется, мышление без знания фактов, определенной информации невозможно. Преподаватель подает не только импульсы для другого мышления, но и предлагает богатое содержание. В свое время Г.В.Ф. Гегель называл предрассудком положение, согласно которому развитие самостоятельного мышления безразлично к содержанию учебного материала. «По общему заблуждению иному кажется, что мысль лишь тогда несет печать самостоятельности, когда она отклоняется от мыслей других людей... Вообще отсюда идет стремление к тому, чтобы у каждого была своя собственная система и что выдумка считается тем оригинальнее и замечательнее, чем более она безвкусна и безумна, потому что именно этим она в большинстве случаев доказывает своеобразие и отличие от мыслей других людей» (Гегель, 1972, с. 423).

Еще одно замечание: философией нельзя пугать. Так, на учебных занятиях, зачетах и экзаменах не должно быть атмосферы страха. Философия – это прежде всего размышление, а мышление есть радость. Бояться философии – значит бояться думать, своей мысли, самого себя. На первый взгляд, это – нелепость. Но ведь действительно многие боятся и не хотят думать. Вероятно, оттого, что не верят в себя, не доверяют своему разуму. Весьма любопытная вещь: люди с удивительной легкостью отдают свою веру кому-то, Другому, но не верят в себя; они страшатся поверить в себя.

Верно, что размышление, выдвигая проблемы, создает внутреннее напряжение, которое подчас бывает просто невыносимым. Однако для преодоления этого дискомфорта нет иного положительного средства, кроме... дальнейшего размышления, приводящего к ответу. Философия предлагает верить в себя, в свой разум и чувства, и тогда человеку откроются истины бытия.

6. ДУХ И БЫТИЕ

Исследования Э. Фромма свидетельствуют о том, что для человека соотнесенность с внешним миром является *сущностной* потребностью, и могут служить доказательством обоснованности предположений, согласно которым сущность (дух, душа) человека усматривается в *отношении*, точнее, в совокупности внутренних и внешних устойчивых универсальных отношений индивида с миром (Омельченко, 1997, с. 102).

По М. Шелеру, именно благодаря своему духу человек занимает особое положение в Космосе. Под духом понимается единство разума и сферы чувств, эмоций, воли, то есть по сути вся известная душевная деятельность человека (Шелер, 1988, с. 53). Если сущность всякого предмета усматривается в отношении, то у нас имеется шанс уловить сущность человека. Допуская, что последняя заключается в его душе, мы можем указать на ее следующие компоненты.

Во-первых, отдельный индивид является представителем всего человечества. Это означает, что совокупность устойчивых универсальных отношений между живыми людьми, а также между прошлыми и будущими поколениями составляет один из фрагментов сущности (логоса) человека. Этот компонент в наибольшей степени связан с институциональным пониманием, ведь «содержание института составляют связи и отношения между институционально определенными людьми» (Иншаков, 2004, с. 39).

Отношение есть сущность всякой вещи и идеи, в том числе и человека, предстающего в единстве идеалистического и материалистического начал мира. Следовательно, внешняя институционализация есть сущностная сторона человеческого бытия, но существуя без внутренней экзистенции она будет характеризовать не подлинное бытие. Вместе с тем действительно ли подлин-

ное бытие – только в духе, то есть имеет экзистенциальный характер? Ведь институциональное, или социально-функциональное бытие также обеспечивает реальное существование человеку. Невозможно отменить и тезис К. Маркса о сущности человека как совокупности всех общественных отношений, восходящий к диалектическим «упражнениям» Г.В.Ф. Гегеля.

Во-вторых, устойчивые отношения имеются и внутри человека: это – нейродинамические, механические, химические, физиологические, генетические и другие соотношения в его телесной организации. Самые разнообразные структуры влияют друг на друга, формируя некий общий внутренний «стержень», внутренний логос (голос) человека. Более того, существует взаимодействие внешних и внутренних отношений, которое также определяет «даймоний» личности.

В-третьих, сущность человека также включает в себя комплекс специфических отношений между человеком (обществом) и природой, не только возникающие между трудящимся и предметом труда, но и поддерживаемые между людьми и их естественной средой обитания.

Согласно этой логике, мышление также можно представить как отношение между человеком и окружающим миром, с одной стороны, и как отношение человека к самому себе (феномен саморефлексии) – с другой. Эти отношения становятся зримыми и слышимыми благодаря языку. С этой точки зрения мысль человека «локализована» не только в его мозге, но в то же время и за его пределами, между телом человека и внешней реальностью, между человечеством и Космосом. Следовательно, человек мыслит не только при помощи головного мозга, но и всем своим существом, всей предшествующей историей и опытом нации, общества, человечества.

Итак, сущность (логос, дух, душа) человека есть совокупность внутренних и внешних устойчивых универсальных отношений индивида с миром. В этом смысле душа человека есть энтелехия бесконечного универсума, она суть микрокосм и потому не может быть всецело детерминирована социальными институтами.

Развивая далее принятую логику, приходим к выводу, что душа помещается не только в теле человека, но и за его предела-

ми: между индивидом, обществом и внешним миром, между человечеством и Космосом. Она имеет внепространственный и вневременный характер. По сути душа человека бесконечна, поэтому ее конечное определение невозможно. Ее последнее, исчерпывающее определение означало бы смерть души и, следовательно, человека. Окончательно определить человека – значит уничтожить его. Вот почему не может быть конечных дефиниций души, сущности человека⁵. Бесконечность же человеческой души означает не что иное, как ее бессмертие. Следовательно, человек по своей природе представляет собой единство смертного и бессмертного. Можно привести, по крайней мере, два аргумента в пользу бессмертного начала в человеке.

Во-первых, бесконечность (бессмертие) человеческого духа обнаруживается в универсальных понятиях, прежде всего в философских категориях. Например, понятие «человек» включает в себя конкретного индивида, но относится и ко всем людям – предкам, современникам и потомкам. Так одно лишь понятие «выбрасывает» нас за пределы конкретной личности и реальности, отправляя в бесконечность; в самом деле, невозможно указать границу, до которой простирается понятие «человек».

Благодаря своему духу, человек уже в общих понятиях постоянно имеет дело с бесконечностью, он как бы к ней притрагивается. Уже поэтому человека справедливо рассматривать как бессмертное существо. Наши «дотрагивания» до бесконечности (бессмертия) обычны и повседневны, они совершаются ежесекундно, причем демонстрация бессмертия, своеобразная трансценденция в бессмертие представляется настолько банальной, что ее просто не замечают.

Если философские категории суть «окна в бесконечное» (Г.В.Ф. Гегель), то именно философия обнаруживает и развивает это бессмертное (бесконечное) начало в человеке. Вот почему философия делает человека человеком. Итак, вы хотите ощутить бессмертие? – Прикоснитесь в мыслях к бесконечности.

Во-вторых, реальное бессмертие человека доказывается фактом творчества. Но что такое творчество? В платоновском «Пире» есть замечательные слова: «Рождение – это доля бессмертия и вечности, которая отпущена смертному существу» (Платон, 1993, с. 117). Под рождением же можно понимать не только воспроиз-

водство жизни, но и творчество. Как говорит Платон, «все, что вызывает переход из небытия в бытие, – творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей их – творцами» (Платон, 1993, с. 115).

Воистину, рождение детей, идей, образов, картин, музыки, архитектурных сооружений, различных материальных конструкций дает людям долю бессмертия и вечности. Поэтому в творчестве можно видеть проявление бесконечного в конечном, бессмертного начала в смертном существе. Человек существует в своих творениях. Благодаря творчеству люди становятся, так сказать, богоподобными. Творчество – фактор человеческого бессмертия. А человек как только тварное существо навсегда остается неполноценным созданием, которое обречено на страдание, на бесперспективное существование, деградацию и непременную смерть.

Таким образом, пытаясь определить человеческую душу, мы приходим к заключению о том, что финальных дефиниций для нее быть не может. Наша душа включает в себя два начала – смертное и бессмертное. Предназначение же человека состоит в том, чтобы развивать и укреплять свое бессмертное начало, приобретать, так сказать, богоподобие. В этом, в частности, заключается наш ответ на вопрос «Что значит для человека *быть*?».

Литература

- Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993.
- Гегель Г.В.Ф. О преподавании философии в университетах // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972.
- Глазьев С.Ю. Геноцид. М.: ТЕРРА, 1998.
- Из произведений Фомы Аквинского (приложение) // Боргош Ю. Фома Аквинский. 2-е изд. М.: Мысль, 1975.
- Илларионов А. Деньги – это отчеканенная свобода // Аргументы и факты. 05.02 2003 г.
- Иншаков О.В. Человек институциональный – проблема свободы выбора // Человек в современных философских концепциях: Материалы Третьей Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 14–17 сентября 2004 г.: В 2 т. Т. 1. Волгоград: Принт, 2004.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Т. 2. Волгоград, 2002.

Камю А. Миф о Сизифе // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974.

Омельченко Н.В. Первые принципы философской антропологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997.

Платон. Пир // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993.

Сартр Ж.-П. Тошнота // Сартр Ж.-П. Стена: Избр. произв. М.: Политиздат, 1992.

Соловьев В.С. Кант // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990.

Фейербах Л. К критике философии Гегеля // Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фромм Э. Иметь или быть? 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990а.

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990б.

Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.

Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.

Хенгстенберг Г.Э. К ревизии понятия человеческой природы // Это человек: Антология. М.: Высш. шк., 1995.

Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.

¹ В несколько ином контексте, но верно по сути отметил А. Илларионов: «Деньги – это отчеканенная свобода. Если у человека доходы отбирают, его делают несвободным» (Илларионов, 2003, с. 3).

² «В свете истинных мотивов самообогащения властвующей в России элиты, – писал в конце 1990-х гг. член-корреспондент РАН С.Ю. Глазьев, – неудивительно, что вместо открытого диалога с обществом и выработки общенационального согласия в отношении социально-экономической политики российское “демократическое” руководство пошло по пути обмана общественности, келейного принятия решений о распределении общественного богатства, постепенно превращаясь в олигархию, богатющуюся на разорении собственной страны» (Глазьев, 1998, с. 98).

³ Оригинальной точки зрения придерживаются исследователи экономического институционализма О.В. Иншаков и Д.П. Фролов: «В действительности можно быть рабом очень многих вещей, субъектов, учений и даже чувств – рабом наркотиков, еды, одежды, секса, религии, семьи, власти, какой-либо идеологии, имиджа, увлечения, любви, работы, наконец, социального статуса и т. п.». Поэтому «человек в современном обществе “опутан” добровольными и принудительными связями рабства и данничества, отражающими запретительную и разрешительную стороны любой институции. Проблема в том, что освобождение от этих зависимостей в принципе невозможно, поэтому решать ее каждому приходится в индивидуальном порядке, на чем и основаны “вечные проблемы” старого и нового поколений, “отцов и детей” и др.» (Иншаков, Фролов, 2002, с. 328–329).

⁴ Например, хотя английский язык становится своего рода институциональным инструментом минимизации издержек международных и межкультурных трансакций, его закрепление в статусе всеобщей, универсальной и непреложной доминанты несовместимо с идентичностью небольших народностей, их языков и культур.

⁵ Можно развить и параллельную мысль: раз исчерпывающее определение ведет к смерти, а определение (от «предел») в социальном смысле означает тотальную детерминацию, то полная институционализация человека... означает его гибель для общества. Выходит, что человек в социуме должен воплощать меру индивидуального и общественного, должен быть тем особенным, отражающим меру всеобщего и единичного. Удел человека – балансировать между навязываемым/«подсказываемым» ему институтами и осознанно совершаемым личным выбором. – *Прим. ред.*

Г л а в а 26

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В УНИВЕРСИТЕТЕ: АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ АНАЛОГИИ

Университет является одним из важнейших институтов современного общества, оказывая огромное и все возрастающее влияние на его развитие за счет производства специалистов в

соответствии с общественными потребностями в них и формирования слоя высокообразованных людей. Характерно, что само понятие «институт» родовым образом связано с образованием в широком (как формирование человека в заданном социальном качестве) и узком (как обучение людей, ознакомление их с накопленными знаниями и придание квалификационного статуса) смыслах. Ведь слово «institution» у римлян означало «установление», а конкретнее – «учебник». Наибольшую известность получили институции И. Гая, которые заложили основу гражданского юридического кодекса «Corpus iuris civilis», составленного в 529 г. по указу императора Юстиниана.

Сочетая в своей структуре интеллектуальную рефлексию, критическое изучение и переосмысление действительности с внедрением и усовершенствованием прикладных, прагматических моделей человеческой деятельности, университет производит и распространяет в обществе посредством своих агентов-выпускников одну из наиболее устойчивых институциональных парадигм (пользуясь терминологией Т. Куна). Важнейшая функция университета заключается не только в образовательной деятельности, но и в обеспечении социальной стабильности через привитие студентам норм толерантности, критически-конструктивного отношения к любым явлениям, жизненного оптимизма и умеренно-консервативного новаторства.

В развитии концепции университета неразрывно сосуществуют две основные тенденции. Первая из них базируется на понимании университетского образования как важнейшего средства и способа освобождения личности за счет ее многогранного развития на основе академической образованности. Такой взгляд с наибольшей четкостью изложен в трудах английского кардинала Д.Г. Ньюмана (1801–1890).

Второй подход обусловлен практическими потребностями современного общества, которое, вступив в информационную эпоху, все сильнее нуждается во всесторонне развитых специалистах, «поэтому необходимо развивать *мобильную специализацию в рамках стабильного дженерализма*. Такая специализация должна осуществляться в актуальном времени-пространстве с учетом реальных закономерностей и тенденций динамики хозяйства» (Иншаков, Фролов, 2003, с. 65).

Традиционно считается, что этот подход является доминирующим в США, где практическая направленность обучения и упор на специальное образование, иногда в ущерб фундаментальным основам науки и развитию общей культуры студентов, представляют собой характерные особенности высшей школы. Небезосновательно утверждение Ю.Н. Афанасьева о том, что «американский университет сделался в основном управленческой структурой, предприятием, организацией, но не институтом, который в отличие от предприятия или учреждения определяется характером конечных целей, а не способами отыскания средств для решения каких-то конкретных задач» (Афанасьев, 2002, с. 50).

Указывая на бесперспективность американской образовательной модели для отечественного классического высшего образования, Ю.Н. Афанасьев все же признает, что институциональным прототипом российских университетов «все в большей мере становится университет американский» (там же). Впрочем, достоинства и недостатки своих университетов очевидны и для самих американцев, поэтому оживленная дискуссия о характере эволюции университетских институций в научно-педагогическом сообществе США никогда не прекращалась.

Вместе с тем современный американский университет является не только наиболее устойчивым и одновременно динамичным образовательным институтом, но и мощным фактором экономического, военного и научно-технического могущества Штатов, обеспечивая им неизменный приоритет в большинстве сфер научной и интеллектуальной деятельности. Бюджеты Гарвардского и Стэнфордского университетов сопоставимы с бюджетами многих государств, а нередко превышают их (Супян, 2000). Современный отечественный университет, как и российское общество в целом, все еще находится в поиске своей институциональной идентичности в условиях глубокой трансформации, переходящей в модернизацию, и связанной с преодолением негативных эффектов кардинальной смены моделей поведения населения, мощными структурными и функциональными сдвигами, заимствованием и сложной адаптацией зарубежных институтов и институций во всех сферах деятельности¹.

Несмотря на глубинные различия, количественные и качественные несовпадения, американская и российская университетс-

кие системы переживают кризис в своей эволюции, что проявляется в изменении общественных запросов к содержанию образования и параметрам его продукта – универсального специалиста.

В рамках данной главы, кратко проследив эволюцию институциональных форм в высшем образовании США в сравнении с Россией, предпримем попытку определить, насколько они в актуальном состоянии соответствуют задачам модернизации содержания высшего образования в общественных интересах, проследить характер взаимоотношений университетских институций с базовыми институтами гражданского общества и, наконец, выяснить, в чем состоит природа нынешнего институционального кризиса в университетских системах обеих стран. Безусловно, эту тему невозможно рассматривать в отрыве от анализа положения университетского работника («Homo Academicus» по терминологии П. Бурдьё) и новых тенденций динамики его социально-экономического статуса.

В американской науке университетская проблематика располагает огромной библиографией и сложившейся методологической и концептуальной традицией. Гораздо сложнее обстоит дело в отечественной науке. Количество оригинальных работ по истории и концепциям развития, современному положению университетов в России еще явно недостаточно². Не переведены на русский язык и многие работы ведущих исследователей университетской проблемы из США и других стран, ставшие классическими (например, книги Т. Парсонса и Дж. Плата или П. Бурдьё)³.

Между тем в США исследование проблем высшего образования как научное направление сформировалось уже в конце XIX – начале XX в., когда произошла и закрепились дифференциация путей исследований – историческое, экологическое, антропологическое и административное. Позднее к ним добавились психологический, экономический и политологический подходы (Галаган, Прянишникова, 2001, с. 176). В центре дискуссий, которые ведутся при участии специалистов-теоретиков в области высшего образования, администраций самих университетов, сотрудников Национального центра образовательной статистики (одного из подразделений Министерства образования), находятся три важнейшие проблемы: методологическое качество исследований и их дисциплинарные корни, а также связь теоретичес-

ких изысканий с образовательной политикой и практикой (Галаган, Прянишникова, 2001, с. 183).

В американской науке сложилась многоаспектная концептуальная традиция университетской дискуссии – от Т. Джефферсона и А. Гамильтона до К. Мангейма и недавно ушедшего из жизни К. Керра. Как не парадоксально, возросшее значение университетской институции в жизни современного американского общества (3300 университетов и колледжей с 900 тыс. преподавателей и более чем 15 млн студентов успешно воспроизводят научно-технический и интеллектуальный потенциал страны) привело к значительной трансформации и самой институции, и социального статуса ее агентов.

Чем больше экономика, политика и государственное управление пытаются вовлечь университет в решение насущных задач функционирования общества, тем заметнее становится его эволюция, в превращение его из «обитатели свободного разума и чистой теории» в своего рода корпорацию по воспроизводству массового потребителя, рассматривающего и сам университет в качестве агента передачи прежде всего практических умений и навыков в обществе постиндустриальной культуры эпохи глобализации. Одни американские исследователи называют этот процесс концом классического университета и призывают к примирению с жестокой действительностью (концепция корпоративного университета), другие пытаются отстоять идею сохранения либерального свободного образования, которое, по их мнению, являлось стержнем демократического развития американского общества.

В эволюции институциональных основ американского университета условно можно выделить следующие этапы:

- первая треть XVII – середина XIX в., когда в стране возникли первые институты высшего образования – колледжи и университеты;
- середина XIX в. – 1913 г., когда в результате глубоких реформ (закон Моррилла 1862 г.) и деятельности крупнейших реформаторов высшей школы (Ч. Эллиот, Э. Уайт, Ч. Гиллман) складывается американская модель университета;

- 1914–1945 гг.: период, охвативший две мировые войны, отмечен прежде всего резким усилением фундаментальных научных исследований в университетах, имевших огромное стратегическое значение для страны (Манхэттенский проект), и дальнейшим процессом демократизации высшего образования, когда, согласно правительственным установлениям, в университеты и колледжи пришли миллионы демобилизованных солдат (Закон о социальной реабилитации ветеранов – GI Bill 1944 г.);
- середина 1960-х гг. – конец XX в., когда произошла диверсификация американского университета, результатом которой стало возникновение новых концепций его функционирования и развития с одновременной резкой политизацией университетского сообщества, глубоким институциональным и идеологическим кризисом и, как следствие, возникновением и усилением так называемых новых эмансипационных концепций (постколониализм, феминизм, мультикультурализм), оказавших значительное влияние в рамках теории и практики постмодернизма на характер и содержание университетского образования;
- наконец, в начале нового тысячелетия происходит новый этап реконструкции университетской институции, вызванный коммерциализацией высшей школы, сращиванием интересов крупных компаний и университетов, утратой целостности образования и кризисом его классической модели.

В исторической ретроспективе формы американских институтов высшего образования претерпели системную эволюцию. В начале типовой моделью был колониальный колледж XVII в., возникший во многом на основе английских традиций, но имевший уже некоторые формальные и содержательные отличия: в Америке, по замечанию Д. Бурстина, отсутствовало формальное различие между колледжем и университетом, столь характерное для Англии (Бурстин, 1993, с. 206–207). К религиозному колледжу, основанному на принципах и правилах соответствующей деноминации (католические, протестантские, менонитские, сектантские), примыкал частный колледж «свободных искусств», основанный исключительно по инициативе местного сообщества и содержавшийся на деньги богатых и влиятельных покровителей.

В первой трети XIX столетия возникает общественный (Public) университет, содержащийся на федеральные отчисления и средства налогоплательщиков. Идея государственного колледжа, в разное время выдвигавшаяся Т. Джефферсоном, А. Гамильтоном и Б. Рашем (успешным оказался джефферсоновский проект, в результате осуществления которого в 1825 г. возник Вирджинский университет), предполагала доступность образования, его светский характер, освобождение от влияния церкви и частных лиц. В своих четырех ежегодных посланиях к конгрессу президент Дж. Мэдисон, оказавший значительную поддержку университетским идеям Т. Джефферсона, в свою очередь настойчиво призывал к созданию национального университета в столице.

В последней трети XIX в. в Соединенных Штатах возникает новый тип институциональной организации образования – университет, основанный на специально выделенном государством участке земли (Land Grant University) и предназначенный прежде всего для продвинутого обучения местного сообщества в сугубо практических сферах (сельское хозяйство, торговля, инженерное дело). Почти одновременно усилиями ряда реформаторов – Ф. Вейланда (президента Университета Брауна), Г. Тэппена (президента Мичиганского университета) и, особенно, Д. Гиллмана (основателя и президента Университета Дж. Гопкинса) – в США формируется исследовательский университет, сочетающий общее образование с научной деятельностью как преподавателей, так и самих студентов. Американский исследовательский университет того времени во многом опирался на германскую (гумбольдтовскую) модель. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что в XIX в. в немецких университетах обучалось свыше 10 тыс. американских студентов и преподавателей⁴. Так, значительная часть преподавательского состава университета Дж. Гопкинса была сформирована из выпускников Геттингена. В американских университетах был значительно повышен статус профессора, были введены семинарские и лабораторные занятия по немецкому образцу, серьезное внимание стало уделяться преподаванию европейской философии и культуры, хотя провинциализм и изоляционизм продолжали оказывать сильное воздействие на содержание образования, особенно в регио-

нальных университетах и колледжах. Немецкое влияние в американской высшей школе ощущалось вплоть до начала XX века. К этому времени американские университеты в значительной степени выработали свои собственные критерии и правила, равно как и собственную теорию университетского образования (Д. Дьюи, Ч. Пирс).

Таким образом, становление американской модели университета завершилось примерно к началу Первой мировой войны.

В конце XX в. в условиях бурного роста университетского образования, вызванного среди прочего приходом в кампус миллионов представителей «Baby Boom Generation» и значительным увеличением государственных ассигнований по закону 1965 г., в США становится популярной идея «мультиверситета» (К. Керр), вызвавшая острую критику за то, что при ее практическом воплощении (создание огромных университетских комплексов с десятками тысяч студентов и тысячами преподавателей, примером которых является Калифорнийский университет в Беркли) произошла концентрация в вузах социально-взрывоопасного материала, детонация которого произошла в ходе массовых студенческих выступлений против войны США в Юго-Восточной Азии, а также в борьбе за политические и гражданские права национальных меньшинств в самой Америке (см.: Kerr, 1995, p. 1–35).

В последнее время в американском научно-педагогическом сообществе активно обсуждается идея корпоративного (Corporate University) и электронного университетов (Online University) как наиболее вероятных прототипов университета будущего.

В настоящее время система американских колледжей и университетов достаточно четко стратифицирована и ранжирована не только по формальным (частные и общественные), но и по функциональным признакам, в соответствии с которыми выделяются:

- национальные исследовательские университеты (National Universities-Doctoral);
- преимущественно обучающие университеты (Primary Teaching Universities), имеющие минимальное количество аспирантских и докторских программ;
- колледжи «свободных искусств» (Colleges of Liberal Arts);

- общественные колледжи (Community Colleges), предлагающие двухлетние программы обучения;
- специализированные институты (инженерные, военные, военно-морские и т. д.).

Костяк этой системы составляют 248 исследовательских университетов (162 общественных и 86 частных), имеющих государственную аккредитацию и предлагающих широкий выбор как обучающих программ (бакалавр – магистр – доктор), так и научно-исследовательских проектов; 317 элитных и дорогих колледжей «свободных искусств» (из них только 21 общественных), предлагающих преимущественно программы бакалавра; 573 региональных университета, предоставляющих обучение как по программе бакалавриата, так и в магистратуре; 324 региональных колледжа, предлагающих наряду с бакалавриатом профессиональные программы более низкого уровня.

С начала 1980-х гг. в США проводится ежегодный рейтинг учебных заведений. Университеты и колледжи ревниво следят за изменением своих показателей, так как от этого в немалой степени зависит не только репутация организации, но и ее инвестиционная привлекательность для крупных корпораций, имидж для потенциальных клиентов, потенциал набора студентов, возможности дополнительного финансирования через гранты федерального правительства и т. д.

Характерно, что в течение последних двадцати лет список 25 ведущих университетов остается практически неизменным (Гарвард, Принстон, Стэнфорд, Йель и т. д.). Это преимущественно дорогие элитные частные школы (исключение составляют Корнелл и Калифорнийский университет в Беркли) с мощной селективной системой набора (до 20 претендентов на одно студенческое место в Гарварде, которое обходится абитуриенту в 32 тыс. долл. в год), и они чрезвычайно схожи по основным показателям и критериям, являясь недостижимыми для основной массы конкурентов. Своеобразное ядро этой группы элитных школ составляют университеты так называемой «Лиги плюща» (Ivy League), куда входят восемь старейших университетов преимущественно из штатов Новой Англии (Гарвард, Йель, Университет Брауна, Колумбийский университет, Корнелл, Пенсильванский университет, Принстон, Дартмутский колледж).

Основная борьба между университетами и колледжами ведется за то, чтобы попасть в первую сотню, а еще лучше – в первую полусотню этого списка. Наибольшей популярностью и авторитетом пользуется рейтинг, проводимый журналом «U.S. News and World Report». Как видим, американский университет даже с точки зрения его формального состояния отличается динамизмом и непрерывным поиском новых форм существования и успешного функционирования.

Не менее впечатляющими выглядят и внутренние институциональные изменения в американской университетской системе. Американская академическая институция основывается на ряде базисных принципов, которые в совокупности отнюдь не способствуют ее консервации, а напротив, побуждают к позитивной динамике и постоянному обновлению. Среди них – продуктивная конкуренция и дух состязательности, индивидуальный подход к обучению, элективный метод компоновки индивидуальных учебных планов, отсутствие единого образовательного стандарта и, как следствие, многообразие и вариантный характер образовательных проектов. По сути каждый университет предлагает потребителю (студенту) свою образовательную модель и выдает свой диплом. Общие нормы стандартизации университетской институции практически отсутствуют, компенсируясь присущим и неотступно прививающимся студентам индивидуализмом.

Американский студент в значительной степени свободен в выборе предметов для базисного обучения, он не жестко «привязан» к постоянным органам университета (кафедрам или факультету), и по истечении семестра, который является основной единицей времени обучения в американском университете в отличие от академического года в России, может перевестись в другой колледж. Даже его специальность определяется не столько стандартом (необходим только минимум обязательных дисциплин, не превышающий 30 % всего объема учебной нагрузки), сколько комбинацией курсов, взятых им по своему выбору (Major). Таким образом, практически каждый американский студент заключает с каждым преподавателем имплицитный трудовой контракт, конструируя индивидуальный план обучения исходя из своих предпочтений, разумеется, функционирующий при чет-

кой и весьма жесткой системе требований к профессиональным умениям и навыкам (Кубышкин, 2000, 2002а, 2002б; Бузский, Кубышкин, 2001, с. 75–81).

Преподаватель же сталкивается с системой избирательного назначения на постоянную должность (*tenure*) и прилагает немалые усилия, чтобы в условиях конкурентного давления доказать свою профессиональную (преподавательскую и научную) состоятельность. Бытие американских преподавателей сводится к предпринимательству своего индивидуального интеллектуального капитала с целью получения престижной и высокооплачиваемой работы в университете соответствующего своей квалификации уровня. Добиться этого непросто, и получение постоянной позиции обычно требует 8–10 лет работы на временных ставках (так называемых *Tenure-track*), когда контракт возобновляется каждые два-три года, причем зачастую в разных университетах. Номадизм является важнейшей чертой бытия американского студента и преподавателя, отражая высокую степень социально-экономической мобильности населения и неявно подчеркивая достаточно низкий уровень транзакционных издержек, связанных со сменой места жительства и работы в США.

Индивидуализм и элективность дополняются принципами академической свободы и автономии университетов, которые формально являются независимыми институтами, чьи проблемы лежат исключительно в компетенции штатов, а не федеральных властей (Американская конституция 1787 г., как известно, не содержит ни одного положения об образовании). Все эти особенности открывали огромные (в сравнении с Россией) возможности для внутренней трансформации университетской институции в США. Достаточно напомнить лишь о некоторых новациях, которые претерпел американский университет на протяжении последних полутора столетий.

Американский университет возник и формировался, когда европейская университетская система погрузилась в состояние глубокой летаргии, вызванной кризисом средневекового схоластического мышления, превращением большинства европейских университетов в оплот обскурантизма политической реакции и интеллектуального консерватизма. Исключение, пожалуй, составляли лишь немногие шотландские университеты (Эдинбург) и

несколько немецких⁵. Это обстоятельство способствовало тому, что американская образовательная институция развивалась в значительной мере не только в отрыве от тогдашней европейской модели, но и в противовес ей. Конечно, степень реформационных настроений тогдашних гарвардских и йельских профессоров преувеличивать не следует. Внешне, да и по содержанию образовательных программ (так называемое классическое либеральное образование), американские колледжи на протяжении всего XVIII в. вполне напоминали своих английских собратьев. Но приток свежих молодых сил, вызванный победой американцев в войне за независимость, подъемом национального самосознания, оказал свое влияние и на развитие американского университета.

Уже в 20–30 гг. XIX в. в традиционную институциональную дихотомию (профессор – студент) были внесены изменения, когда в американских колледжах начала внедряться система стипендий (fellowship), созданная на деньги благотворителей с целью привлечения молодых ассистентов для преподавания в колледже. Американские колониальные колледжи начали присваивать ученые степени уже в первые годы своего существования, чем приводили в ярость как представителей королевского правительства, так и администрацию английских колледжей. В Англии, как известно, такой привилегией на протяжении столетий обладали лишь Оксфорд и Кембридж. Правда, степень доктора наук (Ph. D) начала присуждаться в США лишь в 70-х гг. XIX в.

Накануне Гражданской войны в США, население которых не превышало 35 млн чел., насчитывалось уже 250 колледжей и университетов. В большой степени благодаря принятию в 1862 г. Закона Моррилла через десять лет их было уже более 500.

В эти годы усилиями Ф. Вейланда в США получила быстрое распространение система двухуровневого образования (бакалавр искусств и наук BA, BS; магистр искусств и наук MA, MS) и элективный метод обучения. В 1869 г. в Корнельском университете были открыты специализированные колледжи для подготовки профессиональных исследователей. В университете Дж. Гопкинса в 1876 г. была открыта аспирантура и основано первое университетское научное издательство. Инновации распространялись повсеместно, не исключая и такие академические твердыни, как Гарвард, Принстон и Йель. Всего лишь за двадцать лет (1870–

1890 гг.) количество высших учебных заведений в США возросло с 563 до 998. Напомним, что к моменту обретения независимости в Америке насчитывалось лишь 9 колледжей.

Однако, необходимо указать и на другой аспект этой впечатляющей динамики. Колледжи в США не только открывались, но и закрывались в силу экономических, религиозных и прочих причин. Из 250 колледжей, основанных к середине XIX столетия, до наших дней дожило 182. Всего же, по подсчетам американских исследователей, к началу Гражданской войны открылось и прекратило свое существование более 700 высших учебных заведений (Oakley, 1992, p. 26). Параллельно, хотя и со значительными трудностями, развивались и внедрялись в практику идеи высшего образования для женщин (первый женский колледж Вейслиан был основан в 1836 г. в штате Джорджия) и совместного обучения. В 1872 г. в стране насчитывалось 97 колледжей и университетов совместного обучения, а к 1900 г. 70 % колледжей и университетов США принимали на учебу девушек (Аскольдова, 1993, с. 207).

Традиционной чертой американского университета является его активная социальная функция, формами реализации которой выступает наличие корпоративных объединений внутри институтов – профессорских ассоциаций и клубов, студенческих обществ (*fraternity and sorority*); демократический стиль общения между всеми членами университетской корпорации. Большое значение имеет открытость университета и колледжа (особенно регионального) требованиям местного сообщества и тесное взаимодействие со структурами гражданского общества (общественными фондами и организациями, независимой прессой, художественными и артистическими ассоциациями и т. д.).

Интеллектуальный уровень американских университетов значительно вырос в 30–40 гг. XX в., когда в США иммигрировали сотни выдающихся ученых и писателей, бежавших от фашизма. Интернационализация американского университета становится с тех пор одной из важнейших его характеристик. Сейчас в университетах США учится больше иностранных студентов, чем во всех университетах Западной Европы, а каждый десятый преподаватель в американской университетской аудитории или исследователь в научной лаборатории – иностранец.

В 1900 г. американские университеты и колледжи выдали 29 тыс. дипломов, в 1950 г. — 500 тыс., в 1990 г. — 1300 тыс. В настоящее время эта цифра приближается к 3 млн ⁶.

Сам процесс развития университетской системы США свидетельствует об огромном внимании, которое американское общество и государство, начиная с «отцов-основателей», уделяли образованию на всех уровнях. Справедливо отмечают отечественные исследователи: «Бессословное образование сложилось в США не только как атрибутивное качество демократического общества, но и вследствие исключительного уважения к образованности человека и к университетскому образованию» (Ляхович, Ревушкин, 1998, с. 33).

Университетские реформы в США уже в начале прошлого столетия вызывали живейший отклик в других странах, в том числе и в России (см., напр.: Заатлантические..., 1900; Сперанский, 1914). Уже в тот период предпринимались попытки сравнительного анализа американской и российской образовательных систем.

Выше говорилось об определенном влиянии, которое оказала на развитие американских университетов германская образовательная модель. Одной из отличительных характеристик немецкого университета в начале прошлого столетия был его кастовый, иерархический характер. Кстати, американцам в целом удалось избежать усиления этой тенденции в своей высшей школе ввиду массового и демократического характера высшего образования и разветвленности самих научных институций. Немецкий университет, как отмечает известный исследователь проблемы Ф. Рингер, являлся социальным институтом, где немецкий студент формировал себя как носитель и участник высокой немецкой культуры, ее хранитель, а если удавалось, то и ее творец ⁷. В конце XIX — начале XX в. в германских университетах, по мнению Ф. Рингера, сформировалась уникальная социальная группа, своего рода «мандарины» — образованная университетская элита с высоким социальным статусом. Профессор в немецком университете (достаточно сослаться на свидетельства, например, Т. Манна или Б. Пастернака) обладал невероятной и эпистемической властью над студентами, особенно над молодыми, и младшими преподавателями. Профессора были в основном кон-

сервативны, а молодые ассистенты безвластны и радикальны и склонны к протестным и анархическим действиям, характер которых К. Мангейм позднее определил как «пуэрилизм» (см.: Мангейм, 1993, с. 80–81).

В России, как замечает Д.А. Александров, национальный университет (к 1917 г. их насчитывалось 12) также складывался под сильным влиянием немецкой и отчасти французской системы: всевластные ординарные профессора, подчиненные ассистенты, безвластные приват-доценты (Александров, 2002, с. 99). Именно последние составили основу внутриуниверситетской оппозиции, протестуя против политики властей в период революции 1905–1907 гг. Характерно, что они же и составили костяк интеллектуальной опоры большевистского правительства. Борьба против засилья буржуазных профессоров привела, как известно, к отмене всех ученых степеней и званий по декрету Совнаркома от 1 октября 1918 г. В итоге все университетские и институтские преподаватели, имевшие стаж не менее трех лет, автоматически становились профессорами даже без защиты диссертации.

Характерно, что в отечественной науке период 1920-х гг. характеризуется как своеобразный культурный (театр, литература, живопись и кино) и научный ренессанс, особенно в области естественных (биология, генетика, физика и химия) и гуманитарных (литературоведение, психология, языкознание и лингвистика) наук. И это явление связывается не в последнюю очередь с разрушением традиционных институций, в том числе и университетской. Классический русский университет фактически, хотя и на короткое время, прекратил свое существование.

Однако уже в конце 20-х гг. наметилась некая тенденция к стабилизации. Так, была восстановлена система кафедр, где под руководством профессора работали несколько профессоров и преподавателей. В январе 1934 г. было выпущено постановление «О восстановлении ученых степеней и званий», а летом того же года было объявлено о восстановлении гуманитарного образования в университетах РСФСР. Однако статус приват-доцентов, то есть внештатных преподавателей, тогда восстановлен не был и, таким образом, была сформирована жесткая централизованная система административного управления «преподаватель – заведу-

ющий кафедрой – декан – проректор – ректор», благополучно существующая по сей день.

Нынешний этап развития российской образовательной институции отличается тем, что он проходит через два параллельных процесса. С одной стороны, происходит освоение предшествующего демократического опыта развития высшей школы через деидеологизацию образования, развитие самостоятельной работы студентов, внедрение зачатков университетской автономии и т. д. С другой стороны, процесс адаптации высшей школы сталкивается с новыми вызовами, имеющими как сугубо национальный (кризис финансирования, проблема статуса преподавателя, старение и слабая взаимозамещаемость преподавательского состава, «утечка мозгов» и возросший научный номадизм), так и глобальный характер – интернационализация образования и необходимость его интегрирования в европейское и мировое образовательное пространство, повышение качества образования и пересмотр его содержательной части.

Насколько применим американский опыт трансформации институции высшего образования в российских условиях? Ответ не может быть однозначным, о чем свидетельствует и оживленная полемика на страницах научных и образовательных журналов, в органах власти и в Internet-сообществе.

Примером, в частности, является обсуждение в журнале «Новое литературное обозрение». Один из ее инициаторов М. Ямпольский отметил, что характерной чертой американской институциональной системы является ее креативность, гибкость, динамизм и переменчивость. В американском университете действует четкий алгоритм функционирования образовательных институций. Если студенты не берут курс определенного преподавателя по определенному предмету – первый сигнал, сокращается число аспирантов на департаменте (институт, напоминающий российскую кафедру с функциями отделения) – департамент начинает хиреть – должность профессора после его отставки не возобновляется – аспирантура ликвидируется – департамент в конце концов сливается с более дееспособной структурой – дисциплина и соответствующая институция исчезают (Ямпольский, 2001, с. 99). На глазах самого М. Ямпольского, являющегося профессором Университета Нью-Йорка, подобная

трансформация произошла с департаментами социологии, лингвистики и славистики.

Исчезновение одних дисциплин компенсируется непрерывным возникновением новых. Так, место лингвистики во многих американских университетах заняли программы Performance Studies – исследование зрелищ (на основе работ американского антрополога В. Тернера).

Такая быстрая смена институций порождает распространение формально и внешне привлекательных проектов (концептов), своего рода поп-науку (термин Л. Гудкова и Б. Дубина), которая, в свою очередь, является инновационной площадкой для формирования новых институций, то есть существует и обратный алгоритм: возникают новые рабочие места (преподавательские позиции и студенты, выбравшие данный курс) – формируются учебные и научно-исследовательские программы – возникают и формируются соответствующие департаменты (институты). Там, где существует четкое разделение функций между автономными институциональными органами, каковыми являются факультеты в российских университетах, подобная трансформация научных дисциплин едва ли возможна.

Следовательно, отъезд многих аспирантов за рубеж (в большинстве своем представителей точных и естественных наук, но и некоторых гуманитарных) является прямой реакцией на потерю мобильности, можно сказать, – функциональный «паралич» российской научно-образовательной институции (Ямпольский, 2001, с. 102).

Усиление коммерциализации университетского образования приводит не только к возникновению инновационных площадок для порой весьма экзотических постмодернистских штудий, но и к распространению процессов ассимиляции знания и его банализации. Это явление поддерживается так называемой «системой звезд» в университетах, когда громкое имя не только крупного ученого и выдающегося педагога, но и известного спортсмена, влиятельного бизнесмена или политика, становится своеобразным брэндом данного университета, что может усилить его позиции в конкурентной борьбе за лучших студентов и за дополнительные источники финансирования.

Здесь возникает дилемма сохранения интеллектуальной независимости ученого, которая, по словам М. Ямпольского, мо-

жет быть сохранена только в результате отказа от модных имен, то есть в целом от банализации учебного процесса. И здесь можно согласиться с той точкой зрения, что важнейшим компонентом стратегии обновления должно быть обращение к традиции и ее непрекращающееся переосмысление. Давным-давно по этому поводу высказался выдающийся философ и реформатор немецкого университета Ф. Шлейермахер (1768–1834): «Реформа институций не может просто отбросить традицию и заменить естественно сформированные структуры, такие как средневековый университет, своевольным применением разума. Традиция не может быть отброшена, она должна быть воспроизведена, с тем, чтобы стало понятным ее истинное значение»⁸.

Российская гуманитарная наука и, если обобщать, отечественный университет, институционально почти идеально организованы для сохранения традиции, но чрезвычайно сдержанны (если не сказать больше – враждебны) относительно любой новации.

Известно, что в советские времена авторитет академика мало чем отличался от статуса высокого партийного функционера. В настоящее время предпринимаются определенные усилия по сближению академической и университетской институций (при Академии наук существуют свои университеты, а многие академические работники давно занимают профессорские должности в университетах обеих столиц), но борьба за традицию сохранения особого статуса академической науки естественным образом отражается на положении университетов.

Оппонент М. Ямпольского В. Живов полагает, что заимствование американского опыта в российских условиях невозможно, «ибо взять нельзя, поскольку взятое некуда положить». В стране отсутствует главное условие перехода к более современным формам научных и учебных институций – «образованный средний класс, осознающий себя как общность и обрабатывающий свои интересы» (Живов, 2001, с. 112). Российская культурная элита разобщена на всех уровнях и никаких консолидирующих институций пока нет в наличии. Выход из создавшегося положения В. Живов видит в своего рода теории «малых дел» – распространении интеллектуальной книги и в укреплении негосударственных высших учебных заведений (типа Европейского

университета в Санкт-Петербурге). Большинство же старых институций, в том числе и классических университетов, по его глубокому убеждению, «умрут» естественной смертью.

Рецептов спасения российской высшей школы предлагается достаточно. При этом игнорируется, что даже в период экстремума кризисной динамики высшее образование являлось чуть ли не единственной сферой хозяйства, которая, несмотря на драматическое сокращение финансирования, не только выжила, но и экстенсивно развивалась. В стране за последние полтора десятка лет открылось свыше пятисот новых высших учебных заведений, в том числе и множество квазиуниверситетов, отрицающих или не достигших еще подлинно универсального подхода к обучению и научной деятельности. Ф. Шлейермахер, как и позднее Ю. Хабермас, утверждали, что главным принципом университета является многосторонняя коммуникация⁹. Полагаем, однако, что создание, например, некоего «Университета связи» имеет к этому самое приблизительное отношение.

Сплошная «университетизация» страны привела далеко не только к положительным результатам. Стремление бывших отраслевых институтов прорваться в интегрированное университетское пространство понятно, но и чревато значительным издержками, в первую очередь определенной инфляцией статуса университетского образования и снижением его качества даже в лучших университетах, возникновением своего рода институциональной ловушки (термин В. Полтеровича)¹⁰.

Создание альтернативных высших учебных заведений жизненно необходимо и все разговоры о том, что в стране слишком много студентов, абсолютно несостоятельны. Реальная проблема заключается в необходимости скорейшей диверсификации классического российского университета и его глубокой модернизации, которая должна выражаться в усилении академической мобильности, в борьбе с коррупцией (которая, очевидно, набирает обороты и ни для кого не является секретом) и в отказе от мифологических установок («у нас самая лучшая образовательная система в мире и поэтому достаточно лишь усилить финансирование высшей школы»), в дальнейшей интеграции в мировое образовательное и университетское пространство, наконец, в развитии новых институций в рамках так называемой «сетевой культуры».

Американский университет, как уже отмечалось, отличается высокая степень конкурентности. Поэтому практически каждый ученый и преподаватель прежде всего создает свою собственную сеть контактов (Networking). Возможно, в создании такой сети заключается и спасение его российского коллеги. Сетевая культура — это контакты, связи, возможность присоединиться к научному проекту, получить грант и т. д. В США создание Networking является необходимым условием выживания ученого и преподавателя в рамках современной образовательной институции. Этот процесс уже получил определенное развитие и в российских университетах, в том числе в ВолГУ.

Еще одна новация, которую необходимо внедрить в российскую действительность, — университетский фандрайзинг. Ни один из университетов США не обходится без специального отдела фандрайзинга, который в целом обеспечивает прочное финансовое положение как ведущего университета страны, так и скромного регионального колледжа¹¹.

Одной из базовых норм институтов науки по Р. Мертону является универсализм, который, в свою очередь, стимулирует академическую мобильность, интеллектуальный нomaдизм (Merton, 1973). Поэтому необходимо не только поощрять академические обмены между различными университетами как внутри страны, так и за ее пределами, но и всемерно способствовать созданию сетевых интеллектуальных диаспор. Примером могут служить уже успешно функционирующие сетевые диаспоры нигерийских экономистов, индийских, бразильских или российских программистов, китайских физиков. В конце прошедшего столетия официально была зарегистрирована 41 сеть в 35 странах (Мейер, Каплан, Чарум, 2001, с. 145–161).

Наконец, в российском университете необходим механизм предотвращения «конвенциональной стагнации» (термин В. Куренного). Университет не должен иметь в своих рядах исключительно единомышленников, механически выполняющих все предписания администрации, ведь наука, как и учебный процесс, развиваются только в конструктивной дискуссии.

Т. Кун писал, что всякая парадигма периодически исчерпывается. Университет как особая институциональная парадигма не составляет исключения. Именно поэтому он находится в перма-

нентном кризисе, то есть в непрерывном поиске путей для своего обновления. В этом его уязвимость от исторических перипетий, в этом же, одновременно, и его сила.

Университет по своей социальной природе – система демократических институций, но, в то же время, его структуры консервативно сдерживают то, что может нанести ущерб принципам универсализма, без которых университетское образование немислимо¹². Конечный результат институционализации высшего образования не может быть декларирован, ибо демократический порядок предполагает лишь определенность процедур при неопределенности результата в отличие от авторитарной модели управления.

Именно поэтому, как полагает З. Бауман, «шанс приспособиться к новой ситуации постмодернити <...> заключается в тех слишком часто оплакиваемых плюрализме и многоголосье нынешней массы сообществ, посвятивших себя достижению образованности, массы, мешающей любви законодателей к согласию и гармонии и вызывающей у них такое же отвращение и презрение, с каким человек относится к вызовам общества и нападкам на себя лично. Именно это многоголосье и дает университетам шанс успешно выйти из нынешнего критического положения» (Бауман, 2004, с. 157).

Американская и российская университетские модели возникли практически одновременно. Несмотря на все институциональные различия, они имеют родовую близость, основанную на трех основных принципах: культивировании высшего знания, свободе мысли и общественном служении. Эта общность, несомненно, способствует дальнейшему сближению и взаимному притяжению академических сообществ обеих стран в целях выработки совместной программы многостороннего и перспективного сотрудничества в интересах своих народов.

Литература

- Аврус А.И. История русских университетов. Очерки. М., 2001.
Александров Д.А. Фритц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // Новое литературное обозрение. 2002. № 53 (1). С. 90–104.

Афанасьев Ю.Н. Образовательная институция // Отечественные записки. 2002. № 1.

Бауман З. Образование – при, для и несмотря на постмодернити // Высшее образование в России. 2004. № 1.

Бузский М.П., Кубышкин А.И. Бытие университета как субъектно-институциональное проектирование // Вестник ВолГУ. Сер. 6, Университетское образование. Вып. 4. 2001. С. 75–81.

Бурстин Д. Американцы. Демократический опыт. М., 1993.

Галаган А.И., Прянишникова О.Д. Научные исследования высшего образования в США: организация, тематика, финансирование // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 6.

Живов В. Российское общество и его научные институции // Новое литературное обозрение. 2001. № 52 (6).

Заатлантические университеты / Под ред. Л.А. Богдановича. М., 1900.

Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. М., 1991.

Иванов П. Высшая школа на рубеже XXI века // Свободная мысль. 2004. № 6. С. 60–77.

Иванов С, Осипов А. Университет как региональная корпорация // Alma Mater – Вестник высшей школы. 2003. № 11.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Векторы повышения креативного потенциала человеческого капитала в сфере высшего образования // Вестник ВолГУ. Сер. 6, Университетское образование. Вып. 6. 2003.

Кубышкин А.И. Доктор Смит, или судьба профессора в Америке // Вестник ВолГУ. Сер. 6, Университетское образование. Вып. 3. 2000. С. 86–115.

Кубышкин А.И. Как учат и как учатся в американском университете // Международное сотрудничество. 2002а. № 3–4. С. 6–14.

Кубышкин А.И. Розы и тернии Академа, или некоторые проблемы коммуникации в свободно структурированном пространстве американского университета // Профессионалы за сотрудничество. Вып. 5. М., 2002б. С. 184–195.

Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998.

Манхейм К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры. Ч. 1. М., 1993.

Мейер Ж-В., Каплан Д., Чарум Х. Номадизм в науке и новая геополитика знания // Международный журнал социальных наук. Ноябрь 2001. № 35.

Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–16.

Ридингс Б. Университет в руинах. Главы из книги // Отечественные записки. 2003. № 6.

Сперанский Н.В. Кризис русской школы и крушение университетов. М., 1914.

Супян В.Б. Образование в США: состояние и приоритеты развития // США – Канада. 2000. № 1.

Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптации к социальному контексту // Высшее образование в России. 2004. № 5.

Юревич А.В. Умные, но бедные: ученые в современной России. М., 1998.

Ямпольский М. Личные заметки о научной институции // Новое литературное обозрение. 2001. № 50 (4).

Berelson B. Graduate Education in US. N. Y., 1960.

Bourdieu P. Homo Academicus. N. Y., 1998.

Bourdieu P. Homo Academicus. Ed. de Minuit. P., 1984.

Kerr C. The Uses of the University. Harvard University Press, 1995.

Lucas Ch. American Higher Education. A History. N. Y., 1994. P. 356–364.

Merton R. Sociology of Science. University of Chicago Press, 1973.

Oakley F. Community of Learning. The American College and the Liberal Arts Tradition. N. Y., 1992.

Parsons T., Platt G. The American University / Harvard University Press, 1973.

Readings B. The University in Ruins. Harvard University press, 1998.

Ringer F. The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community, 1890–1933. Hannover; London, 1990.

Thwing Ch.F. The American and German University. One Hundred Years of History. N. Y., 1928.

Дополнительная литература

Американский ежегодник. 1986. М., 1987.

Аскольдова С.М. Колледжи и университеты США. М., 1993.

Вульфсон Б.Л. Стратегия развития образования на Западе на пороге XXI в. М., 1999.

Гершунский Б.С. Философия образования. М., 1998.

Университетское образование. Приглашение к размышлению / В.А. Садовничий, В.В. Белокуров, В.Г. Сушко, Е.В. Шижин. М., 1995.
Филиппова Л.Д. Высшая школа США. М., 1981.

Johnson V.E. Grade Inflation. A Crisis in College Education. N. Y., 2003.

Steal this University / Ed. by B. Johnson, P. Cavanagh and K. Mattson. N. Y., 2003.

The Future of the City of Intellect / Ed. by S. Brint. Stanford University Press, 2002.

¹ О современном положении в российской науке и высшей школе см. в работах: Юревич, 1998; Юревич, 2004; Иванов, Осипов, 2003; Иванов, 2004.

² Об истории российского университета, в частности, см.: Иванов, 1991; Аврус, 2001; Ляхович, Ревушкин, 1998.

³ См.: Parsons, Platt, 1973; Bourdieu, 1998 (в оригинале книга вышла во Франции в 1984 г. – Bourdieu, 1984). Подробную библиографию университетской проблемы в США см.: Lucas, 1994, p. 356–364.

⁴ См.: Berelson, 1960, p. 11. О влиянии немецкой традиции на американскую модель университета см.: Thwing, 1928.

⁵ Например, в старейшем английском университете – Оксфорде – в XVII в. преподавание геометрии приравнивалось к колдовству. Как известно, Т. Гоббс только в возрасте 40 лет познакомился в Женеве с «Началами геометрии Эвклида» (см.: Ляхович, Ревушкин, 1998, с. 21).

⁶ См.: National Center for Educational Statistics (NCES), Digest of Education Statistics, 1983–1984. Table 114, p. 132.

⁷ См.: Ringer, 1990. Фрагмент книги Ф. Рингера опубликован в журнале «Новое литературное обозрение» и сопровождается обстоятельной статьей Д.А. Александрова (Александров, 2002, с. 90–104).

⁸ Цит. по: Ридингс, 2003, с. 150. Книга Б. Ридингса вызвала оживленную полемику в академическом сообществе США и получила большую известность. См.: Readings, 1998.

⁹ В современных российских университетах постепенно формируется «драгоценный социальный сплав», реализующий на высоком интеллектуальном уровне полилог представителей различных общественных классов и страт, народностей и религий, культур и субкультур, воплощая его в конкретных поступках и продуктах. Университетское товарищество и братство – те институции, которые способны преодолеть разобщенность нарождающегося нового поколения отечественной интеллигенции, закрепить ее в статусе инициато-

ра и проводника гражданской активности. Универсальностью природы человека обусловлена ведущая роль университетов в системе институтов общества на новом этапе ее эволюции. — *Прим. ред.*

¹⁰ См.: Полтерович, 2004, с. 5–16. К вопросу о качестве образования в современном российском университете: профессор университета Миссури Л. Поттс, рассказывая о своем опыте работы со студентами МГУ в конце 1990-х гг., отметил среди прочего и такие обстоятельства — финальный экзамен показал, что российские студенты мало читают, широко используют плагиат и постоянно делятся информацией друг с другом. Из 23 курсовых работ американский профессор только в трех обнаружил признаки дополнительного чтения и обращения к первоисточникам (см.: *American Studies International. February 2003, vol. XLI, № 1–2, p. 54*).

¹¹ Хорошим примером является отдел фандрайзинга университета Сан Диего (Калифорния), в котором учатся 34 тыс. студентов и аспирантов. Годовой бюджет университета в 2001 г. составил почти 560 млн долл. В отделе фандрайзинга работают 64 чел. с бюджетом в 3,75 млн долл. Из 560 млн долл. в 2001 г. 225 млн было получено с помощью отдела. Почти 50 млн долл. этой суммы принесли университету его бывшие выпускники. С ними в отделе специально работают 9 чел. За год они обратились к 158 тыс. чел. Откликнулось около 11 тыс. (см.: *Коммерсант-Власть. 02.04.2002 г., с. 62*).

¹² Университет можно представить как институциональное поле генерации норм национальной, религиозной и идеологической толерантности, разделяя которые осуществляют свои функции его агенты и клиенты. Специфика университетского образования состоит в закреплении разумно-критического восприятия жизни во всем ее многообразии и осмысленном «уходе» от однозначных оценок людей, вещей и событий. В процессе универсального образования возникает человек, совмещающий в себе гораздо большего новатора (по сравнению с социальной массой) и, как ни парадоксально, гораздо большего консерватора, ибо революции делают «нищие разумом»... — *Прим. ред.*

Глава 27

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Мысль о необходимости целостного восприятия и изучения социального пространства высказывалась во многих исследованиях. Но синтез знаний об обществе невозможен до тех пор, пока не выявлены все его основные составляющие как целого, не эксплицировано значение и предназначение каждой из них. Социальные науки стоят перед необходимостью выделения и анализа тех составляющих общества, которые в рамках традиционных методологических подходов игнорировались, в частности, этнического компонента как особого ракурса исследования.

Неравномерность и разнокачественность социальных взаимодействий позволяет через аналитическую процедуру дифференцировать их элементы и сконструировать модель, которая позволит выявить глубинные механизмы проявления этнического начала в социальном развитии, показать их соотношение по месту и роли в цивилизационном процессе, осмыслить диалектику их взаимодействия;

Решить эти задачи в рамках «нео-» и «постклассической» научной парадигмы уже нельзя. Традиционные подходы предполагали анализ этнических закономерностей через призму социальных, что, безусловно, правомерно, если целью познания являются законы развития общества. Но такой подход полностью игнорировал двойственную сущность этноса, поэтому целесообразно подойти к проблеме с другой стороны: рассмотреть социальное развитие через призму этнического начала.

Начнем с того, что появление биологического вида «человек» стало результатом развития биосферы Земли, перехода ее в новое качество. Идея органической двойственности природы человека в форме убедительного парадокса была высказана Д. Хеббом: природа человека на 100 % определена врожденными свойствами и на 100 % – благоприобретенными, или, как комментирует эту мысль Д. Фридмен, человек на 100 % социален и на 100 % биологичен (Freedman, 1979). С этим мнением перекликается идея К. Лоренца о том, что человек филогенетически куль-

турное существо (Лоренц, 1998, с. 412, 437); развитие аналогичной концепции можно найти у современного антрополога К. Гирца, который настаивает на пересмотре «того, что принято называть происхождением человека» (Гирц, 1997, с. 128).

Этногенез и антропогенез относятся к самым сложным проблемам в этнологии. Это обусловлено тем, что этническая история разных народов детерминирована противоречивым взаимодействием антропологических, лингвистических, исторических, хозяйственных, культурных, демографических, политических и других факторов. Тем не менее, на основе сопоставления материалов разных наук (лингвистика, антропология, палеология, археология, геногеография) можно воспроизвести схему самого раннего этапа этногенеза.

Очевидно, исходные популяции были малочисленны, эндогамны (браки в их примитивной институциональной форме совершались в пределах одной группы) и относительно оседлы, то есть имели значительную охотничью территорию, в пределах которой регулярно передвигались в зависимости от смены фаз природных циклов. Замкнутость популяции была относительной, поэтому она периодически, хотя и случайно, включала в свой состав инородных членов, особенно при встрече с другими популяциями на границах охотничьих территорий. Антропологически эти популяции были специфичны и отличались кранеологическим полиморфизмом (разнообразием форм черепа), но в то же время объединялись в пределах крупных территорий по некоторым сходным вариациям единичных морфологических признаков, которые затем вошли в число специфических характеристик более поздних этнических комплексов (Садожин, 2000, с. 111). В пределах этих популяций закреплялись различные традиции обработки камня и навыки изготовления орудий, а также формировалось первичное самосознание, основанное на противопоставлении чужим.

Первичные языки охватывали, скорее всего, не одну, а несколько популяций, стимулируя коммуникации внутри них, а языковое объединение разных групп популяций было затруднено. Здесь налицо взаимодействие процессов дифференциации и интеграции, которые стали составными частями этногенеза с самых ранних его стадий, причем интеграция особенностей ант-

ропологического состава, культуры и языка одной популяции с группой других протекала в форме наложения одного социально-лингвистического пространства на другое, что стало исходным пунктом этнообразования.

Разнообразие природно-географических условий существования и форм социальной адаптации привело к появлению множества подвидов биологического вида «человек», то есть родоплеменных этносов. Эти сообщества, с одной стороны, обеспечивали связь с природой и сохранение генотипических особенностей этноса, выработку основных стереотипов поведения, обеспечивающих выживание, развитие этнического самосознания, где кодировались основные идентификационные признаки. С другой стороны, выработывалась единая система внутриэтнических, но уже социализированных ценностей, поскольку все природные проявления и побуждения людей облечены в специфические человеческие модели и «отягощены» рефлексией. Родоплеменные этносы на протяжении как минимум ста тысяч лет медленно, но неуклонно осваивали поверхность Земли. Образовалась подвижная, но тесно связанная с биосферой, сфера этнической жизни, или этносфера (термин Л.Н. Гумилева).

В результате «неолитической революции» там, где сложились относительно благоприятные природно-географические условия, и за счет более прогрессивных форм хозяйственной деятельности группы родоплеменных этносов создают первые цивилизации, что можно считать индикатором начала социального развития. Этот процесс хорошо проиллюстрирован в работе Л. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» (Мечников, 1899, 1981).

Появление первых цивилизаций включает особый механизм развития, основанный на социокультурных взаимодействиях, что позволяет развитию общества приобрести нехарактерные для биосферы и этносферы темпы и размах. Иногда человечество сравнивают с вирусом, «поразившим» планету Земля. С этого момента формируется качественно новое поле взаимодействий, которое отличается подвижностью, изменчивостью, «рациональной агрессивностью». Можно говорить о начале цивилизационной истории человечества, в которой определяющими становятся именно социальные параметры, условно отделяемые нами от эт-

нических, хотя этнос, безусловно, можно считать социальным образованием.

На эволюционной траектории можно зафиксировать «точку», в которой история человечества начинает разворачиваться при доминанте социокультурных факторов. С этой точки начинается разграничение этнического и социального пространственно-временного континуума, поскольку время протекания и особый порядок этнических взаимодействий, являясь частью биологической эволюции, не подчиняются только социальным закономерностям и не сопоставимы по историческим масштабам и темпам с социальными процессами.

С этого момента в общественном сознании именно социальное развитие занимает доминирующее положение и становится главным объектом познания. Этнические архетипы социальной жизни гораздо труднее поддаются рефлексии. Дело в том, что человек является участником обоих процессов – и этнического, и социального, но воспринимаются они им по-разному. Пространство и время протекания этнических процессов не соизмеримы с индивидуальными параметрами бытия индивида, тогда как социальные изменения, пусть даже в некоторых областях, вполне соизмеримы с ними. Поэтому этническая определенность сознания индивида часто остается скрытой и проявляется только в периоды, когда существование этноса подвергается опасности. Именно этническое время составляло постоянный «общий фон» существования общества и каждого его члена в отдельности. Социальные факторы периодически актуализировали этнос, возводя его архетипы до мировоззренческого уровня, особенно в кризисные периоды жизни общества.

Темпы и размах социальной эволюции обусловлены постоянной деятельностью людей, направленной на удовлетворение их естественных и искусственных потребностей. Человек не в состоянии приспособиться к окружающей среде иначе, как создавая и воспроизводя качественно отличную от природной среду обитания, свою «вторую природу». Для удовлетворения бесконечно растущих потребностей непрерывно изобретаются новые орудия и средства труда, что, в свою очередь, меняет и самого человека, вводя его в новые технологические статусы. Этот процесс никогда не прекращается, являясь системообразу-

ющим фактором социального развития, а технологические революции формируют предпосылки или являются отражением этапов бурного социогенеза.

Ускорение темпов социального развития оказывает влияние на систему этнических отношений. В результате экономических, политических, культурных контактов (войны, колонизация, дипломатия, династические браки, торговля) этносы или объединялись с другими группами и входили в историю как государственные образования, или же включались в сферу интересов более сильных государственно-политических систем, что, в свою очередь, влияло на ход и темпы межэтнических взаимодействий. Технологические «скачки» генерировали качественные изменения этнических связей, что и вело к смене одного исторического типа этнических объединений другим.

Появление первых цивилизаций в истории человечества знаменует собой начало формирования социально-политической сферы жизни человека, которую по аналогии можно назвать социосферой, или пространством относительно изученной мезоистории. Получается, что, с одной стороны, система этнических отношений как бы создает условия для образования социальной системы взаимодействий, является ее составной частью, с другой же – сохраняет связь с биосферой, «страхуя» от перегрузок биологические параметры выживания этноса.

Из вышесказанного следует, что макроисторический процесс или, иначе говоря, «Большая (Универсальная) история» включает историю биосферы, историю этносферы и историю социосферы, причем эта последовательность жесткая (хотя рациональное познание шло как раз наоборот, от последнего к первому, что вполне закономерно). Все эти сферы неразрывно взаимосвязаны как функционально, так и генетически, то есть одна без другой просто не могла бы возникнуть и существовать. Этот момент их диалектического взаимодействия постоянно «ускользал» от взгляда специалистов.

Социосфера – образование достаточно «агрессивное». Она, хотя и является результатом развития первых двух «сфер», не только пытается оторваться, стать автономной, но и стремится «господствовать» над ними. Общественные науки сегодня еще не обладают достаточным понятийным аппаратом, методологией и

методикой охвата истории на таком уровне. Традиционно биосфера была предметом интереса естественных наук, а этносфера рассматривалась как одна из частей социосферы. Но ведь очевидно, что процесс «напластования», «разбухания» социосферы не отменяет законов остальных двух «сфер», точно так же, как образование земной коры не отменяет законов самостоятельного развития и существования ядра Земли и непосредственной зависимости земной коры от состояния ее ядра.

Этническая история человечества характеризуется особыми параметрами развития, отражающими результаты взаимодействия этносов с природой (в широком и узком смысле) и всю гамму межэтнических и внутриэтнических взаимодействий. Эволюция вертикальной смены исторических типов осуществляется через разнообразные процессы в горизонтальном срезе, через опосредованное и непосредственное влияние друг на друга синхронно существующих этносов.

Этнические общности представляют собой сложные многомерные системы. Наряду с собственно этносами в большинстве случаев могут быть выделены единицы более низкого уровня. Ю.В. Бромлей предлагал вычленять основные этнические подразделения, элементарные этнические единицы, субэтнические подразделения, макроэтнические единицы или метаэтнические (суперэтнические) общности. В системе суперэтноса может существовать достаточно большое количество этносов другого уровня, которые, в зависимости от древности и путей формирования, численности и способа хозяйствования, размера территории и степени ее природной расчлененности, имеют значительные историко-культурные особенности.

Вершина этносоциальной иерархии, точнее, ядро полиморфного пространства суперэтноса будет представлено этносом-большинством, на котором лежит основная, социоформирующая функция. Вокруг него и происходит интеграция и образование других, при этом компоненты культуры этноса-большинства будут базовыми для всей социальной системы, имеющей в основании сложное полиэтническое пространство. Хотя это возможно только в том случае, если этнос-большинство опережает остальных по уровню развития и способен в исторической перспективе

управлять параметрами своей динамики, выступая как целое при взаимодействии с другими этническими системами.

Попытка в самом общем виде систематизировать и классифицировать межэтнические взаимодействия означает необходимость выделения этноэволюционных и этнотрансформационных процессов. В первом случае при изменении отдельных компонентов этнос остается самим собой, так как не меняется его самосознание. При этнотрансформационном процессе самосознание изменяется и этническая принадлежность человека становится иной.

В зависимости от преобладания центростремительных или центробежных тенденций этнические процессы подразделяются на две основные типологические группы: этническое объединение и этническое разделение. К первой обычно относят этническую консолидацию, этническую ассимиляцию, этническую интеграцию, этногенетическую миксацию. Ко второй чаще всего причисляют этническую парциацию и этническую сепарацию. Отметим только, что разделительные процессы ведут к образованию новых этносов, а вот объединительные процессы не всегда дают новое этническое образование.

Классическим примером является история формирования русского этноса. Мегаэтносом в данном случае являлись восточные славяне, а собственно этносом – русские. Существовало большое количество субэтносов, таких как казаки, поморы и т. д. Произшедшее в V–VII вв. в ходе «великого переселения народов» разделение единой славянской общности на восточных, западных и южных славян является ярким примером этнической парциации, в результате которой образовались новые общности. Когда на основе восточнославянских племен в VIII–XI вв. произошло образование древнерусской народности, то это можно рассматривать как пример внутриэтнической консолидации, а включение в ее состав угро-финских племен – пример этнической ассимиляции.

Впоследствии динамика этнического развития привела к распаду древнерусской народности и выделению на основе этнической парциации трех великих восточнославянских этносов: великорусского, белорусского и малорусского. Этноконфессиональное единство стало основой последующей межэтнической интег-

рации, хотя это не привело к слиянию народов и формированию нового этноса. Если геополитические факторы работали на разъединение данных этносов (Украина по географическим и историческим причинам всегда находилась под значительным влиянием западноевропейской культуры и выполняла роль «проводника» западных институциональных влияний на Россию), то общеславянские корни, этнокультурное и конфессиональное единство работали на интеграцию народов. События последних десятилетий концентрированно демонстрируют обе эти исторические тенденции.

История России — это история перманентного расширения ее территории и, следовательно, включения в ее состав все новых малых этносов. Поэтому присутствуют процессы межэтнической миксации, которые через слияние народов, проживающих в одном государстве и на одной территории, могут вести к слиянию народов, ранее не связанных родством. Русский народ включает большое число инородных элементов финского, тюркского происхождения, а также балтского, иранского и т. д. Имевшие место попытки оживить сознание единства по родству в конце концов не выдержали ни общественной, ни научной критики перед лицом очевидных фактов вхождения в русский народ этнически разнородных элементов. В его генофонде присутствует все это многообразие, поэтому населению России никогда не был свойственен расизм или шовинизм как острое неприятие представителей другой расы, народа, культуры. Более того, как считают генетики, процесс выравнивания генофонда и тысячелетие спустя будет еще далеким от завершения.

Крайне сложна и трагична этническая история России XX столетия. Мы только подходим к пониманию ее роли и места в общеисторическом «потоке». Оглянемся на XX век: смена нескольких взаимоисключающих политических режимов, в том числе крах российского самодержавия в феврале 1917 г., затем — буржуазного Временного правительства и, как следствие, территориальный развал Российской империи; формирование Советской власти, первоначально облаченной самыми демократическими лозунгами и устремлениями, ее трансформация в тоталитарную систему и фактически возрождение Российской империи в институциональном облике СССР; стремительный и, можно ска-

зять, насильственный развал Союза и трудное становление «новой» России... Все эти социально-политические катаклизмы коренным образом меняли жизнь многих народов и народностей, поэтому чаще исследуется факт воздействия бурных событий истории XX в. на судьбу того или иного этноса. Но народы России – это, прежде всего, активные участники этих событий, поэтому важно не только осмысление того, как «выжили» российские народы в ходе социальных потрясений, войн и революций, но выявление активной роли этнического компонента в этих событиях и преодолении их последствий.

Совершенно очевидно просматривается очень важный момент. В начале XX в. социально-политический прессинг (экономический кризис 1901–1903 гг., русско-японская война, столыпинская реакция, Первая мировая война) превзошел предел адаптивных возможностей народов России, прежде всего, русского крестьянства. Народ грозно заявил о себе в годы «Первой русской революции». Но это были лишь первые «подземные толчки», проявления долгие годы накапливавшихся латентных институциональных противоречий. Предотвратить всенародный «взрыв» власть смогла благодаря некоторым уступкам (создание Думы, земельная реформа, обещание политических свобод, рабочего законодательства и т. д.) и, как всегда, репрессиям. В Февральской революции гигантский народный поток без следа смел российскую монархию, а затем и буржуазное Временное правительство, обманувшее его ожидания. Этническая составляющая исторического процесса взорвалась, разрушив весь социально-политический (по сути антинародный) порядок существования, социальный строй. Но сегодня больше говорят о «большевистском заговоре», «насильственном перевороте», «германских деньгах», уходя от анализа глубинных причин событий начала прошлого века.

До сих пор русский и другие российские народы рассматриваются лишь как объекты приложения национальной политики государства, а не самостоятельные субъекты исторического процесса (Русский оптимизм..., 2003, с. 5–6). Полиэтничность России является «головной болью» власти, а не уникальным фактом нашей многовековой истории, гарантирующим ее единство. В России любое существенное изменение общественного устрой-

ства является проблемой национальной политики и не может быть сведено к политической, социальной или экономической проблеме. Но существует и обратная связь – решение любой проблемы национальной политики реализуется через изменение государственного устройства, экономического и социального порядка.

Ситуация смены научной парадигмы требует иного подхода к пониманию характера взаимосвязи этнического и социального в истории. Обычно в научной литературе делается упор на выявление и анализ внешних противоречий общественного развития: через раздвоение единого на противоположности и борьбу между ними. Однако чем в более глубокие слои развития общества мы погружаемся, тем сильнее обнаруживается мощь базовых взаимодействий этнического и социального начал, которые допустимо понимать как две неразрывно связанные спирали макроисторического процесса, звенья которых расположены так, что обеспечивают «страховку» и инициируют развитие друг друга. Разрушаются политические системы и государства, но сохраняются народы и нации как целостные социальные организмы, поддерживаются и развивается через цепь качественных преобразований их социокультурный генотип.

Не случайно идеи В.И. Вернадского о природно-биологических основах развития общества получили свое развитие в социальной философии последних лет. И естественники, и гуманитари все более склоняются к мысли о том, что наблюдаемое во Вселенной разнообразие отражает некое ограниченное число «универсалий». Исследования, проведенные «на стыке» биологии и социологии (Плюснин, 1990), показывают, что колоссальное многообразие форм общения и социальных структур базируется на некоем едином каркасе из немногих основополагающих типов отношений между организмами в сообществе. «Хранителем» этих инвариантов в социальной истории является, как подчеркивает В.М. Найдыш, «этнический архетип» (Найдыш, 1998, с. 47). Имеется в виду не некая вне (над) историческая структура, а результат исторического становления, развития и приспособления универсальных биосоциальных инвариантов к конкретным природно-географическим и историческим условиям.

Можно выделить четыре типа инвариантных отношений между индивидами как элементами некоторой целостной биосоциальной системы:

- отношения к пространству (включая первичную персонализацию пространства, отношения по поводу присвоения ресурсов, меру агрессивности как способа защиты «сферы жизнеобеспечения» и др.);
- отношение к воспроизводству себе подобных как способу «освоения» времени (сексуальные, семейно-брачные отношения, забота о потомстве, характер воспитания);
- отношения по поводу распределения социальных ролей (асимметрические отношения доминирования-подчинения; иерархия ролей; ранжирование целей и др.);
- отношения, направленные на поддержание социального единства (альянсы на основе предпочтения, эмпатии, дружеские связи, распознавание сородича, отношения типа «мы-они» и др.).

Эти инвариантные основы являются фундаментом и гарантом цивилизационного (социального) развития, без которых переход к чисто человеческим, культурным формам эволюции просто невозможен. Речь идет о социально-биологических основах любого человеческого сообщества, к которым относятся: поиск экологической ниши, адаптация к ней, ее охрана и защита; система сохранения генетического тождества (распространения и повторяемости особых генетических черт, обеспечивающих выживание в определенных природно-географических условиях); социально-культурные способы внутригрупповой адаптации и регуляции (язык, запреты, религия, традиции). Все это универсальные условия нормальной жизнедеятельности этноса в качестве целостной системы взаимодействий, которые осознаются как набор отличительных признаков (всегда индивидуальный), обеспечивающий сохранение идентичности в ходе исторического развития и динамичных межэтнических взаимодействий.

Идея об особой роли этнической системы взаимодействий в социальной истории неоднократно высказывалась целым рядом современных ученых (Ракитов, 1994, с. 14–34; Трофимова, 2001). Она рассматривается как ядро, в котором заложен код цивилизационного развития. Следовательно, социальное простран-

ство может развиваться только на определенной страховочной основе, которая связана с природой, опирается на ее законы и приспособливает эти законы к потребностям человеческого общества. Поэтому этническое пространство функционально выполняет как бы роль «моста» или «буфера», отграничивающего, но и соединяющего биологическое и социальное пространства. Оно обладает особой устойчивостью по сравнению с полями социальных взаимодействий, но кроме них не имеет других возможностей для самореализации. Природные параметры этноса: его биологическая жизнеспособность, численность, рождаемость, физические параметры каждой особи – все это лишь важнейшие и необходимейшие условия социального развития.

Предлагаемая модель социума, выраженного через призму этнического развития, в отличие от объекта исследования, параметры которого представляют собою сложную сеть взаимодействий, с трудом поддающуюся «прочтению», позволяет конструировать системное и релевантное представление. Эта модель основана на понимании многомерной структуры социального пространства, когда каждый его «срез» играет самостоятельную роль. В этом случае целое не есть механическая совокупность частей, и в то же время часть не проще целого, она содержит в себе целое в снятом виде. Получается, что эти категории как бы уравниваются, становятся равнозначными для анализа. Часть, с этой точки зрения, представляет собой равноценное измерение общественного целого, в которое она входит.

Социум можно представить в виде модели атома, где выделяются ядро и электронные слои, количество и сила которых зависит от силы ядра. Этническое пространство выполняет как бы роль подобного ядра, вокруг которого, в зависимости от его силы, концентрируются новые и новые слои социального пространства. Структура социума будет представлять собой многомерный мир, который образуется взаимодействием природно-географического, этнического, социально-культурного, социально-политического, геополитического, исторического и других пространств. Через эту модель можно структурировать социальное пространство в некую целостность. По аналогии с моделью атома, в социуме этнические сообщества «излучают» энергию, необходимую для формирования слоев социального простран-

ства, которая пронизывает всю структуру общества. Эта модель позволяет выявить специфику взаимодействия социального и этнического пространства, суть которого состоит в превращении природного в культурное.

Разграничение этнического и социального пространств определяется по их функциональной предназначенности в структуре социума: если социальное пространство реализует социализацию и институционализацию индивида, то этническое пространство обеспечивает сохранение связи человека с природой вокруг и внутри себя, иначе биологический вид «человек» не может существовать. В то же время этнос представляет собой и социальное сообщество, в котором должны быть обеспечены условия внутригрупповой адаптации. Напряжение этнического пространства создается этим неразрывным, но и «неслиянным» единством биологического и социального в этносе. Все популяционные характеристики в нем приобретают социальный смысл, более того, появляются новые – в виде социальных институтов, охраняющих целостность этноса.

Тензор социального пространства менее устойчив, более подвижен, имеет тенденцию к постоянным изменениям. В самом деле, можно изменить социальный статус, сферу профессиональной деятельности, регион проживания, даже страну проживания. Человек очень подвижен в рамках социального поля, оно привязывает его скорее как внешняя сила, дающая импульс самореализации в обществе. Но изменить этническую принадлежность невозможно по крайней мере на протяжении жизни трех поколений.

При создании искусственной среды обитания (социокультурного пространства) общество опирается на законы своего развития, основанные на большей или меньшей рациональности субъектов, и хотя это сфера активного вмешательства разума, но ему здесь не все подвластно. Этническое же пространство формируется на основе социально-природных закономерностей, поэтому вмешательство человека пока только деформирует его. Ведь этнос имеет двойное подчинение, в нем неразрывно переплелись и природные, и социальные начала, главное его предназначение – сохранение связи человека с биосферой и страховка социального развития человечества. Хотя социальная составляющая всегда стремится оторваться от природной основы, но это

недопустимо, поскольку ведет к гибели данного вида (Мильдон, 1996). Таков драматизм взаимодействия природного и социального в этносе.

Здесь, очевидно, будет присутствовать следующая закономерность: чем больше физических, эмоциональных, психологических сил «забирает» у человечества внешняя природная среда и забота о сохранении себя как биологического подвида, чем больше природного в этносе, тем выше напряжение его внутреннего социального поля. Следовательно, будут формироваться те слои социального пространства, которые обслуживают базовую цель существования этноса – его физическое выживание. Это касается и форм политической организации. В результате все меньше сил остается на создание социокультурного пространства (ведь природные возможности человека и этноса не безграничны). И наоборот, чем меньше усилий требует внешняя природная среда и борьба за выживание, тем активнее идут процессы социальной дифференциации, разделения труда, формирования новых институций и институтов, развития интеллектуальной сферы и т. д. В данном случае, очевидно, природно-климатические условия, географические масштабы, геополитическое положение, демографический фактор и плотность населения напрямую влияют на темпы социального развития и специфику структурирования социального пространства.

Этот тезис в первую очередь относится к России, процесс настойчивой мифологизации ее загадочности представляет собой достаточно тревожный симптом, своего рода оправдание непредсказуемости и неуправляемости событий, стремление к фатализации исторического развития. В этом видится определенный «социальный заказ» со стороны всех уровней и «ветвей» власти. Однако современная наука обладает всем необходимым для объяснения специфики исторических особенностей социального и этнического развития России.

Можно говорить о становлении отдельного научного направления – россиеведения, которое обеспечено и источниковой базой, и глубокими теоретическими концепциями (Шаповалов, 2001). Начиная с эпохи средневековья подробное описание России велось торговцами, миссионерами, дипломатами, европейскими исследователями. В последнее десятилетие стали дос-

тупны и все достижения так называемой «западной советологии». В XX в. советология сложилась в крупную научную дисциплину, вовлекшую огромное количество квалифицированных кадров и огромные материальные средства. Ознакомление с работами западных ученых по проблемам России показывает достаточно высокое качество исследований. С другой стороны, в XIX–XX вв. в нашей стране сложились сильные исторические, этнографические, экономические школы. Появился целый ряд комплексных исследований крупнейших естествоиспытателей (Менделеева, Вернадского, Докучаева, Чижевского и т. д.). Наконец, русская классическая литература (Пушкин, Толстой, Лесков, Достоевский, Шолохов, Горький, Пастернак, Солженицын и др.), философы «русского ренессанса» дали глубокий анализ отечественной действительности. Пока вся эта информация не синтезирована в единую «картину». Модель социума через призму этнического развития — шаг в этом направлении. При таком подходе феномен природно-географических масштабов России должен рассматриваться как результат деятельности русского этноса по расширению своей экологической и хозяйственной «ниши».

Сделаем некоторые предварительные выводы. Место и роль этнического пространства в структуре социума определяется двойственной природой этноса, который выполняет роль своеобразной границы и буфера, отделяя и связывая биосферу и социосферу, параллельно выступая своеобразным генератором и трансформатором природного в социальное. Биосоциальная энергия этноса преобразуется в социальные потенциалы общества, и чем полнее она используется, тем «спокойнее» этническое поле. Если эта энергия не сублимируется обществом, то этническое напряжение (недовольство) выплескивается в «непрочные швы» социального пространства. До XVIII в. этнический каркас выполнял роль институциональной «страховки» социального развития, а в современных условиях общество должно включить в свои стратегические цели сохранение этнического многообразия планеты Земля.

ЛИТЕРАТУРА

- Гирц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследования культуры. Т. 1. СПб., 1997.
- Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998.
- Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Киев; Харьков, 1899.
- Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1981.
- Мильдон В.И. Природа и культура (опыт философии безнадежности) // Вопросы философии. 1996. № 12.
- Найдыш В.М. Цивилизация как проблема философской антропологии // Человек. 1998. № 3.
- Плюснин Ю.М. Проблемы биосоциальной эволюции. Теоретико-методологический анализ. Новосибирск, 1990.
- Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4.
- Трофимова Р.П. Локальные цивилизации и взаимодействие культурных и экономических факторов // Вестник ФА. 2001. № 2 (18).
- Русский оптимизм и национальное примирение. Круглый стол // Литературная газета. 2003. № 45.
- Садохин А.П. Этнология. М., 2000.
- Шаповалов В.Ф. Россияведение: Учеб. пособие для вузов. М.: ФАИР-Пресс, 2001.
- Freedman D. G. Human Sociobiology: A Holistic Approach. N. Y.; L.: Free Press: Collier Macmillan. 1979.

Глава 28**ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Бытие государства, права и производных от них явлений по преимуществу носит институциональный характер. Это утверждение с точки зрения политико-правовой науки вряд ли вызы-

вает сомнение, но его подлинный смысл далеко не всегда учитывается при исследовании содержания и форм развития человека в системе правовых институтов. Гносеологический акцент обычно делается на экономической, психологической, естественно-правовой, нормативной и т. д. природе государства и права, позволяя развивать соответствующие теории и избегая комплексного институционального анализа происхождения, развития и социальной природы такого рода явлений. Между тем практически все исследователи (историки, социологи, экономисты, юристы, культурологи и др.) констатируют объективную обусловленность генезиса государства и формального права, их эволюции в контексте изменения системы факторов общественной жизни. Универсальным механизмом со-бытия государства и права выступает их реализация в многообразных исторически определенных формах институционализации, группирующихся в особые «рубрики» – нормы и отрасли права, юридические конструкции, органы государства и общественных союзов и т. д. Институционализация предстает как всеобщая закономерность возникновения, развития и функционирования конкретных феноменов государственно-правовой сферы, чем обусловлена задача выявления внутренней логики его социального опредмечивания.

Институциональный подход в юриспруденции основывается на идеях правовой социологии, представленных в трудах Ж. Гурвича, П. Сорокина, М. Ориу, Э. Дюркгейма и др. Среди современных отечественных исследователей выделяются Л.И. Спиридонов и особенно А.А. Матюхин (см.: Спиридонов, 1995; Матюхин, 2000). Однако широкое распространение этой методологии детерминировано ее внутренними проблемами, особенно нечеткостью и многовариантностью трактовок центральной категории представителями различных гуманитарных наук.

В традиционной версии институт рассматривается как ключевой элемент социальной структуры, являющийся исторической формой организации и регулирования общественной жизни путем упорядочения отношений между людьми в процессе их взаимодействия. Социальные институты выступают в виде совокупности учреждений, норм и культурных образцов, определяющих устойчивые формы поведения людей (см.: Философский..., 1989, с. 215).

В юридической науке понятием «институт» обозначается совокупность правовых норм, призванных регулировать обособившиеся и качественно однородные общественные отношения. Как ни странно, употребление этого термина в общей теории права, а тем более в теории государства, весьма ограничено и используется в основном при характеристике отдельных элементов правовой системы. Парадоксально, но институциональный подход как особая методология научного познания, призванная стать «сквозной идеей» всех направлений юридических исследований, не получил сколь либо углубленной разработки и признания. Сфера действия институтов не ограничивается формально-правовым регулированием, воплощаясь в нормах и учреждениях экономики, политики, религии, морали, культуры и быта, выступая базой любой организации деятельности, методологически интегрируя сферы изучения отдельных течений социального знания.

В зарубежной литературе институты понимаются довольно широко: как явления общественного бытия, выражающиеся в виде комплекса общественных действий (М. Вебер) и социальных ролей (Т. Парсонс); социальных фактов, имеющих внешнее принудительное значение для индивидов (Э. Дюркгейм) и норм, регулирующих отношения обмена (П. Блау); идеи дела, предприятия (М. Ориу); органического единства идей и людей (Ж. Ренар) и т. д. (см.: Матюхин, 2000, с. 343). Хотя в таком широком спектре мнений представлены особенности авторской интерпретации сущности институтов и используемой терминологии, очевидно, что институциональное видение общественных процессов не связывает себя особой строгостью и логической четкостью понятий.

Однако в большинстве взглядов на природу социального института принято выделять в качестве его составных элементов идеи, символы, власть, нравы и менталитет, социальные процедуры и технологии. По мнению Ж. Ренара, несмотря на бесчисленное множество институтов, всем им свойственны такие признаки, как наличие организующей идеи, властность, нормативно-правовой характер. Право при этом выступает как система институционально оформленных социальных связей, и в обществе существует столько юридических систем, сколько существует институтов. Аналогичной позиции придерживается В.М. Бьченков, понимающий под институтом совокупность установлений,

кодифицированных систем правовых, нормативных положений, определяющих существо того или иного социального явления как образования частноправового и публично-правового характера и как совокупность субъектов гражданского и государственного права (см.: Бьченков, 1996, с. 30–31).

Тесная связь права и институтов стала поводом для возникновения правового институционализма, основателем и лидером которого считается М. Ориу (см.: История политических..., 1998, с. 673–677). Для различных вариантов институционального понимания права в той или иной степени характерно стремление приписать юридические свойства любым социальным институтам. В частности, этим отличается так называемая институциональная социология права, рассматривающая общество как объединение разного рода институций, каждая из которых творит собственное право наряду с государственным, а нередко вразрез с ним. Создателем права, согласно этой концепции, может быть не только государство, но и любой социальный институт. Виднейший представитель институциональной социологии права, русско-французский правовед Ж. Гурвич создал учение о «социальном праве», под которым подразумевал неформальные правила, складывающиеся в различных общественных союзах и группах (см.: Социология права, 2001, с. 36–40). Такой подход фактически отрицает специфику права и «растворяет» юридическую науку в социальной нормативистике, что едва ли продуктивно.

Во всех приведенных определениях заключена определенная гипертрофия роли права и правовых структур в организации социальных институтов. Между тем социальные организации достаточно разнообразны, в разной степени формализованы и эффективны, могут существовать в стадии идеи, принципа или идеала. Это позволяет различать, в зависимости от юридической оформленности, два основных вида социальных институтов: неформальные и формализованные, то есть юридически закрепленные. Главное же в институте – это его идеологическое содержание или, точнее, обеспечение. Поэтому заслуживает внимания мысль А.А. Матюхина о том, что в структуре института выделяются его идея, символическое закрепление и институциональная форма (места, процедуры, формальные правила), каналы и механизмы, представительство, материальные и духовные опоры

(см.: Матюхин, 2000, с. 348). Институт, таким образом, представляет как материализованная в человеческой деятельности и общении идея, социально закрепленная и утвержденная, опирающаяся на специальные механизмы упорядочения совместной деятельности людей.

Первичным элементом структуры института выступает, по видимому, не идея, а система обособленных, однородных по своему характеру социальных интересов, получивших в процессе социализации свое идеологическое обоснование и выражение. Сама идея, на основе которой формируется и действует институт, вторична по отношению к интересам, производна от их осознания и формального закрепления. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса» (см.: Маркс, Энгельс, с. 89). Поэтому в отечественной правовой науке настойчиво подчеркивается, что правовая идея по своей сути – это идея о возведении тех или иных интересов в статус юридической нормы: «Объективные интересы при формулировании правовой идеи остаются как бы на втором плане, но именно они «дирижируют» целями, определяют их жизне-способность» (Экимов, 1985, с. 12–13). Институциональные интересы как осознанные человеческие потребности в коллективных формах жизнедеятельности приобретают свое идейно-психологическое выражение в виде явлений экономического, политического, нравственного, правового сознания и побуждают людей к поиску специальных символов, норм, процедур их объективизации. Возникновение и существование центральной идеи социального института, таким образом, является результатом осознания групповых интересов и соотнесения их с основной целью институционального образования. Она есть идеологическое выражение заинтересованности субъектов в совместной деятельности, защищенной от произвола отдельных индивидов.

В этом смысле институциональная идея, безусловно, является центральным элементом социального института, его сквозным цементирующим началом. Она определяет его внутреннюю организацию, символику, влияет на ментальность субъектов, их социально-культурную ориентацию и внутреннюю жизнь. В зависимости от характера идеи, лежащей в основе института, формируются или учреждаются средства и способы деятельности,

происходят изменения его функций. Так, для государственно-правовых институтов характерны рамочные идеи, выражающие потребности нормативной регламентации общественной жизни; в сфере нравственности преобладают идеи-идеалы, ставящие перед людьми обобщенные ориентиры и ценности жизни; в области экономики – идеи-цели повышения эффективности процессов производства, распределения, обмена и потребления; для политики характерны идеи, обеспечивающие проведение в жизнь интересов отдельных социальных групп и классов через использование властных структур. Для государственно-правовых институтов исключительно важное значение имеют идеи правопонимания, законности и справедливости, прочности правопорядка, защиты прав и свобод граждан. Ряд этих идей положены в основу организации и деятельности государственных органов или общественных объединений. Такова идея правосудия, лежащая в основе институтов судебной системы, или идея законности, в соответствии с которой функционируют органы прокуратуры. Если одни государственно-правовые институты реализуют заложенные в них идеи путем формирования органов, организаций и учреждений, то другие «застывают» на уровне институционально выраженной идеи со своими специфическими механизмами реализации, преимущественно духовного или общественного характера. Это как бы «недоразвитые» социальные институты, не достигшие учредительно-организационной формы материализации. Такое значение имеют в государственно-правовой жизни политико-правовые принципы и презумпции: справедливость, гуманизм, идеологический плюрализм, разделение властей, правовая государственность и т. д.

В своем развитии институциональная идея раскрывается не только в гипотезах, понятиях, логических конструкциях как элементах человеческого мышления, но обретает и символические, ритуально-обрядовые формы своего выражения. Фирменный знак производственной или торговой организации, государственный гимн и герб, обряд бракосочетания, инаугурация президента или губернатора и прочие привычные явления экономической, политической и правовой символики несут в своей внешней форме значительную идеологическую нагрузку. Институциональные символы выполняют достаточно важные функции.

Они не только являются знаковыми выражениями центральной идеи институтов, но служат наглядным средством их идентификации, а также, как отмечает П. Сорокин, организуют коллективное единство социальной группы, ибо связь многих индивидов с одним и тем же символом связывает их друг с другом (см.: Сорокин, 1991, с. 114). Так, правовые символы в виде щита и меча, весов правосудия, судейской мантии и т. п. достаточно широко распространены и являются объединительными знаками корпорации юристов-профессионалов.

Основным показателем степени развитости социального института и одновременно его важнейшим качеством является организационная оформленность, выражающаяся в наличии особых норм, регулирующих структуру, формы и методы реализации его функций и идеологии. Особенности права как сферы бытия институциональных образований, как отмечает С.С. Алексеев, свидетельствуют о том, что среди юридических явлений намного большее значение, чем это принято считать, должно быть придано внешней форме права – его источникам, то есть законам, иным нормативным юридическим актам, всей признаваемой государством совокупности документов, в которых выражаются юридические нормы (см.: Алексеев, 1994, с. 95). Именно институты типизируют и закрепляют изменения в праве. Справедлива позиция Л. Фридмэна: «Все наши правовые институты – суды, законодательные учреждения и прочие – одновременно выполняют функции как развития, так и изменения. Они предназначены для упорядочивания проведения законодательных изменений в соответствии с изменениями в социальной жизни общества» (Фридмэн, 1992, с. 16).

Как было отмечено выше, в криспруденции традиционно принято называть правовыми институтами обособленные комплексы правовых норм, регулирующих качественно однородные общественные отношения. Таковы институты собственности, мены, дарения, договора в гражданском праве; институты гражданства, прав и свобод граждан, президента, правительства в конституционном праве и т. д. Эта традиция юридического понимания института как относительно самостоятельного комплекса правовых норм, имеющих специфические механизмы обеспечения их действия, в современных условиях выглядит несколько устаревшей,

к тому же справедливо критикуется с позиций чрезмерной расширительности (см., например: Иншаков, Фролов, 2002).

Фактически же в политической и правовой науке институтами принято именовать также органы, организации и объединения, созданные для реализации определенных идей, целей, пользующихся значительной поддержкой у населения, а также идеи-принципы, не получившие организационного выражения и оформленности в виде самостоятельных социальных образований, но имеющие существенные материальные и духовные опоры в общественном сознании и практике политико-правовой жизни. Называя подобные политико-правовые идеи институтами, юристы тем самым подчеркивают их социальную значимость и эволюционную устойчивость. Поэтому А.А. Матюхин справедливо выделяет в качестве правовых институтов принципы правосудия, сообщества юристов, организационно-административные формы юридических институтов, нормативно-законодательную базу, юридические знания и обучение (Матюхин, 2000, с. 351–352). Думается, что к этому перечню следует добавить наиболее важные идеи-принципы политико-правовой жизни, имеющие тенденцию к социальной институционализации посредством приобретения материальной и духовной поддержки в обществе и постепенного наращивания идейного и организационного потенциала своего развития.

Возникновение и функционирование правовых, а в широком смысле и всех социокультурных институтов осуществляется при их неременной и постоянной поддержке со стороны общественного мнения, материальной и духовной практики. Это объясняется тем, что институциональные образования способны удовлетворять определенные групповые интересы людей и обеспечивать стабильность социального развития. Для государственно-правовых институтов данные функции вполне репрезентативны, соответствуя социальной природе политической власти и права, призванных содействовать реализации идеи общего блага членов общества и прочного правового порядка их жизни. Процесс институционализации общественных отношений предполагает их формализацию и стандартизацию, иначе субъекты не смогли бы предвидеть действия других и обеспечить слаженное взаимодействие – функциональную основу любого коллективного целого

(см.: Спиридонов, 1995, с. 120). Государственно-правовые институты, отличающиеся повышенной степенью формализации и связью с коренными, наиболее значимыми социальными интересами классов, наций, народностей, способствуют юридическому оформлению и защите таких ценностей совместной организованной жизни, как демократия, свобода, равенство, справедливость, права личности, законность, правопорядок. Данные явления политико-правовой жизни, получая свою понятийную и юридическую определенность, обретают преимущественно социально-функциональную форму бытия, способствуя формированию многочисленных и разнообразных по содержанию государственно-правовых и общественных институтов.

В бесконечном разнообразии частных изменений правовых форм институты, как своего рода «фильтры эффективности», вычленяют сходные, типичные, эффективные и перспективные характеристики, которые выстраиваются в упорядоченные линии и составляют внутреннюю логику институционализации в сфере бытия государственно-правовых феноменов.

Институционализация представляет собой форму эволюции человеческой деятельности от вариативных форм ко все более стандартным, от «импровизированных» к заранее известным, от разрозненных к согласованным, от индивидуализированных к общепринятым. Право является сферой стабильности, точности, гарантированности поведения, где институционализация достигает своей высшей точки. Государство выступает гарантом и корректором права, поэтому единство публичной власти, как системы легитимных отношений субординации, и права образует «очаг» напряженной формальной институционализации в обществе.

Пока что единого представления об источниках институционализации не сложилось: в этом качестве выделяют исторические случайности и непредвиденные обстоятельства, технологические инновации и демографические сдвиги, стратегические действия политических акторов и проявление действия эволюционных механизмов и т. п. (см.: Нечаев, 2002, с. 6). Дискуссионной остается роль социальных интересов в возникновении и трансформации институтов. Так, теория рационального выбора исходит из того, что при создании или изменении институтов члены общества руководствуются своими ценностными ориента-

циями, производят своеобразный расчет, калькулируя выгоды и издержки с целью максимизации индивидуальной полезности. Альтернативный подход обращает внимание на то, что любой институт налагает определенные ограничения на поведение индивидов и использует санкции против нарушителей установленных правил, не позволяет применять к институциональным процессам модели автономно-рационального поведения. Формирование институтов связано не столько с «расчетом выгод и издержек», который сам по себе невозможен в идеальном виде (по причине когнитивных ограничений человека), сколько с неким «непрактическим» смыслом (Нечаев, 2002, с. 7–8). Иными словами, в первом случае основное значение придается прагматическим мотивам и интересам, а во втором – идеологическим.

Итак, интерес и идея в одинаковой степени являются обязательными компонентами любого института. Разумеется, они не могут сложиться одновременно, с полной синхронностью, то есть единый хронологический порядок, в котором возникают различные элементы института, отсутствует. Государственно-правовой институт формируется по мере накопления определенных предпосылок, которые могут появляться в различной последовательности. Идеи, не подкрепленные соответствующими социальными интересами, не имеют перспектив институционализации. Многие смелые проекты политических и юридических институтов, принадлежащие Платону, Т. Мору, И.Г. Фихте и иным выдающимся мыслителям, так и не воплотились в жизнь, в то время как идеи И. Бентама, К. Маркса, Ф. Энгельса и других в различной степени, но подверглись институционализации. Это связано, в первую очередь, с наличием или отсутствием у этих идей социальной базы, то есть со степенью их соответствия реально существующим интересам общественных групп и классов. С другой стороны, многие социальные интересы до сих пор не удовлетворены на институциональном уровне, так как все еще не осознаны надлежащим образом, существуют в неявном виде, как бы подразумеваются. В целом наиболее распространенным является вариант, когда интерес предшествует идее, а не наоборот. Любая политико-правовая идея отражает особенности той исторической ситуации, в которой она возникает, и интересы определенной социальной общности. Попытки использовать та-

кую идею для удовлетворения иных интересов в изменившихся условиях чреватые значительными проблемами, что подтверждается практикой российских институциональных реформ.

В какой степени институционализация носит объективный характер? Безусловно, государственно-правовые институты возникают в результате сознательной деятельности людей, часто даже конкретных лиц. Многие из современных правовых институтов имеют своих «авторов», например, федерализм прочно ассоциируется с отцами-основателями американской Конституции, разделение властей – с именами Дж. Локка и Ш. Монтескье. Однако подобная персонификация всегда условна, поскольку в качестве «создателей» того или иного института обычно рассматриваются исторические фигуры, которые дали его формированию либо первоначальный идеологический, либо завершающий организационный импульс. Кроме того, ведущие институты и принципы политической и правовой системы (государственная власть, правовые нормы, правоспособность, юридическая ответственность и др.) не только не имеют своих «изобретателей», но и появляются в различных сообществах, совершенно независимых друг от друга, при обстоятельствах, исключающих заимствование. Удачный пример приводит Р.О. Халфина: исследования показали, что на территории Бухарского эмирата и некоторых других районов Средней Азии в обычном праве существовали все виды сервитутов, известных римскому праву. Так как рецепция римского права в данном случае маловероятна, можно заключить, что налицо проявление объективной закономерности, когда одни и те же экономические отношения порождают функционально схожие правовые формы, конкретизирующиеся в конкретных условиях пространства и времени своего непосредственного бытия (см.: Халфина, 1982, с. 32).

В отношении человека, являющегося участником правовой жизни, нередко употребляют выражения «правовое существо», или «человек юридический» (*homo juridicus*) (см., например: Ковлер, 2002, с. 4). Такая терминология предполагает понимание плотной интеграции людей в систему правовых связей и закономерностей. Невозможно согласиться с тем, что «поиск детерминант и закономерностей, причин и обстоятельств вводит нас лишь в такую реальность, в которой правовое существо не мо-

жет не чувствовать себя посторонним, а потому вынуждаемым, неменяемым, несвободным, неответственным» (Малахов, 2002, с. 273). Ведь человек становится «правовым существом» не сам по себе, а лишь вступая в «мир права», попадая в сферу соответствующего регулирования и оказываясь под действием государственно-правовых механизмов нормирования, координации, контроля и санкционирования. Применять к индивиду юридические мерки, оценивать его с правовой точки зрения как свободного или несвободного, ответственного или безответственного можно лишь в том случае, если он уже находится в пространстве правовой жизни и испытывает на себе влияние закономерностей его динамики.

Это не означает, что «человек юридический» следует в своих действиях лишь институциональной логике. Но его отличительной чертой является опосредованность индивидуальных интересов и обусловленных ими действий объективно сложившимися институциональными моделями. Право – это область коллективного взаимодействия, в котором поведение редко осуществляется на основе единоличных решений и индивидуального выбора. Любой современный нормативно-правовой акт представляет собой продукт коллективного, а не индивидуального творчества; правоприменительная деятельность также по преимуществу осуществляется в групповых формах, а любой ее субъект неизбежно учитывает опыт и тенденции практики в соответствующей области. Каждый отдельный гражданин, находящийся в сфере правового регулирования и принимая решения личного характера, фактически участвует в социальных процессах использования и контроля качества формальных институциональных моделей, соотнося свои действия с их образцами и незаметно для себя становясь «человеком юридическим».

Для благоприятного совпадения двух основных факторов институционализации – социального интереса и новаторской политико-правовой идеи – необходимы определенные условия. Периоды, способствующие усиленной институционализации, могут сменяться стадиями стагнации, консервации, стабильного функционирования существующих институтов при минимуме новаций. Наиболее бурное и интенсивное протекание институционализации свойственно переходным, пограничным этапам эво-

люции системы институтов государственно-правовой сферы (см. подробнее: Сорокин, 2003). Так, в результате глубоких и радикальных социально-экономических реформ в России оформились такие институциональные элементы правовой системы, как федерализм, президентство, парламентаризм, свобода совести, двойное гражданство, суд присяжных и др., хотя в предшествующие десятилетия динамичность институциональной структуры общества носила рутинно-инерционный характер.

Функцию субъекта, выступающего «от лица» всего общества и избирающего идеологическую основу институционализации, в настоящее время оккупировала господствующая социальная сила в лице правящей элиты и финансовой олигархии, поскольку широкие слои населения не готовы выразить свои потребности в виде конкретных интересов и политико-правовых идей, инициировав продуктивные институциональные трансформации (см., например: Рыбаков, Татаров, 2001, с. 10–11). Таким образом, отражение интересов народа в институциональных преобразованиях на практике зависит от воли правящей элиты, а легитимность и социальная эффективность вновь возникающих политических и правовых институтов определяется тем, в какой мере элита готова прислушиваться к требованиям масс и придавать им идеологическую форму. Здесь также проявляется роль субъективных факторов, в том числе личных усилий, в институциональном развитии, но гораздо более важными являются механизмы прямой и обратной связи элиты и общества, взаимный обмен институциональными идеями. Напротив, отрыв элиты от народа и ее замыкание на своих интересах, связанных в современной России больше с перекачкой нефти и мозгов, нежели с созданием условий реализации человеческого потенциала и повышения благосостояния, ведут к накоплению институциональных противоречий и их массовому «выбросу» в конфликтной форме.

Институциональная идея предполагает наличие относительно разработанной структуры политико-правового института, его компонентов, символического обеспечения, взаимоотношений с иными институтами и особенно механизма удовлетворения соответствующих социальных интересов. В этой связи особенно острой является проблема соотношения оригинальных и заимство-

ванных институтов. Известно, в частности, что подавляющее большинство новых институтов российской политической и правовой системы относятся к числу воспроизведенных по иностранным моделям (см.: Арановский, 2003, с. 142–143). Сам по себе этот факт является вполне естественным и закономерным: по выражению Р. Иеринга, «жизнь есть заимствование извне и внутреннее усвоение, рецепция и ассимиляция суть две основные функции, на бытии и равновесии которых покоится существование и здоровье всякого живого организма» (цит. по: Покровский, 2001, с. 58). Институциональная политико-правовая модель должна рассматриваться в координатах эффективности в данных социальных условиях и адаптивности к функционированию в других. Одним из индикаторов последней является временной лаг выхода «трансплантированного» института на плановую эффективность.

Исследуя с философских позиций феномен римского права, В.В. Библихин обратил внимание, что наибольшее историческое значение имело не столько содержание законов, сколько их форма, конструкция, связанная с отчетливой определенностью и общей институциональной структурой (см.: Библихин, 2002, с. 61–64). Римское право представляло собой не столько набор норм определенного содержания, сколько институциональный правопорядок, который именно в силу своей системности смог возродиться в средневековой Европе, когда эта институциональная модель из прошлого стала идеей, в полной мере отвечавшей сложившимся интересам социальных акторов. Наиболее позитивный результат достигается не при заимствовании отдельных разрозненных институтов, а при реконструкции определенной институциональной системы, внутри которой уже существует налаженная связь элементов (разумеется, при условии ее адекватности новым социальным условиям).

Особенность правовой системы заключается в наличии формализованных процедур институционализации, универсальным механизмом которой выступает правотворчество. Юридическое закрепление образцов поведения, типов социальных организаций, принципов заключения сделок возможно лишь путем их официального признания в рамках правотворческого процесса; без этого речь может идти о социальной, но не о государствен-

но-правовой институционализации. Институциональная структура общества отражается прежде всего в Конституции, что признается не только в юридической, но и в экономической науке: «...посредством Конституции общество отбирает и закрепляет полезные институты, координируя их на основе общественного консенсуса и компромисса, в результате чего происходит консолидация их многообразия в единстве институциональной системы» (Иншаков, 2003, с. 45).

Применительно к специфике правовой системы здесь требуется некоторое пояснение: юридическая формализация института осуществляется, строго говоря, не самим обществом, а государством как официальным представителем общества, его институциональным агентом. Но и государство, в свою очередь, в каждом случае действует не как единый субъект, а посредством сложной разветвленной системы органов и должностных лиц, правомочных принимать соответствующие решения. Личностное начало на этом этапе институционализации выражается в том, что правовое закрепление определенного социального института, в сущности, всегда зависит от конкретных лиц, облеченных властью. Все объективные факторы институционализации проявляются и реализуются именно в поведении этих лиц, и если их волей данный институт в том или ином виде не был санкционирован, то он не приобретает правового характера, какой бы существенной ни была его роль в обществе. Это означает, что объективные условия для его субъективной юридизации еще не сложились.

Возможны два основных пути институционализации в сфере государства и права. При первом из них институты учреждаются решениями органов публичной власти и нормативно фиксируются в соответствующих документах, то есть фактором институционализации выступает субъективная воля носителей власти. Второй путь связан с формированием политических и правовых институтов в практике общественных отношений, функционирующих в виде фактических моделей поведения и постепенно принимающих характер общего правила, «когда тот или иной вариант взаимодействия (его форма) приобрел достаточное распространение и значение всеобщего эквивалента» (Трофимов, 2002, с. 73–74). Несмотря на кажущуюся объективность такого

варианта институционализации, его независимость от волевых действий субъектов власти лишь частична. Государственно-правовой институт может считаться сложившимся лишь после того, как будет официально признан, с той разницей, что первый вариант предполагает непосредственное установление данного института государством, а во втором – происходит его санкционирование в форме правового обычая, прецедента и т. п.

В последнее время, впрочем, часто высказывается мнение, что институционализация в сфере права не требует какого-либо государственного санкционирования, что те или иные нормы могут носить правовой характер и независимо от воли государства. Так, известный исследователь институциональной коррупции Л.Н. Тимофеев полагает, что за пределами легитимных юридических актов и действий существует теневой порядок как «полиинституциональная система частных правовых решений» (Тимофеев, 2000, с. 51). Ф.М. Раянов и Р.Г. Миннихметов считают, что «правом можно обозначить не только систему юридических, но и религиозных, нравственных, корпоративных и некоторых других норм» (Раянов, Миннихметов, 2003, с. 147). Такие трактовки, вслед за идеями институциональной социологии права Ж. Гурвича и психологической теории Л.И. Петражицкого, разделяют общество и отдельные группы его агентов способностью к непосредственному созданию права, что якобы отражает подлинно объективную природу институционализации, которая может происходить и без участия государства. Представляется, что подобный подход, допускающий возможность бытия правовых институтов без их официального признания, попросту обезличивает право как социальное явление, отрицает его специфику по сравнению с иными нормативными регуляторами. Хотя институционализация порождает как формальные, так и неформальные явления, последние методологически некорректно отождествлять с правовыми.

Факт официального закрепления еще не свидетельствует о завершении процесса институционализации. Вновь возникший институт должен пройти «проверку временем», причем социальная практика может существенно видоизменить его облик, строение, символику и т. п. Как писал об этом П.Я. Чаадаев, «сперва история создает учреждения; затем народы, воспитанные

своими учреждениями, продолжают дело истории, завершают или искажают его...» (Чаадаев, 1986, с. 154). Результатом данного процесса должно стать формирование структурно и функционально целостного политико-правового института, находящегося в устойчивых отношениях с иными институтами, действующего стабильно и предсказуемо. Именно на этой стадии общество в лице своих представителей формирует свое отношение к правовому институту: в случае, если он идеологически слаб или неспособен эффективно защищать социально значимые интересы, то остается «на бумаге» или функционирует в нестабильном виде, далеком от юридически зафиксированной идеальной модели. Формальная правовая институционализация в такой ситуации не подкрепляется реальной общественной практикой, правовой институт не становится в полном смысле социальным, сохраняя некоторую ущербность.

Институционализация в сфере государства и права может быть определена как процесс официального нормативного закрепления социальных интересов и идей, выражающийся в превращении государственно-правовых явлений в устойчивые системные образования. Обязательными атрибутами данного процесса выступают осознание социального интереса, его отражение в институциональной идее, официальное санкционирование института, его апробация в правовом сознании и юридической практике. На каждой ступени развития правового института субъективные факторы взаимодействуют с объективными, причем первичность скрыта сложностью их метаморфозы. Скорее они действуют по принципу взаимного дополнения, нежели противостояния. «Человек юридический» может поддерживать правовые институты своим личным участием, бороться с ними или относиться к ним безразлично, но его поведение в любом случае будет определяться социальными интересами, имеющими объективную основу. Современный человек не может быть полностью «выключен» из правовой жизни и в этом смысле его деятельность всегда институционально обусловлена, а система юридических институтов несет «отпечаток» индивидуальной и групповой активности людей.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев С.С. Теория права. Харьков, 1994.

Арановский К.В. Конституционное развитие России: отечественная практика и зарубежный опыт // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 3.

Бибихин В.В. Форма римского права // Новая правовая мысль. 2002. № 1.

Быченков В.М. Институты: сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. М., 1996.

Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // СОЦИС. 2003. № 9.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли: В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1998.

Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002.

Малахов В.П. Философия права. М., 2002.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2.

Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы, 2000.

Нечаев В.Д. Когнитивные революции и институциональные изменения // ПОЛИС. 2002. № 5.

Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001.

Раянов Ф.М., Миннихметов Р.Г. Некоторые проблемы правопонимания (полемиические заметки) // Право и политика. 2003. № 4.

Рыбаков А.В., Татаров А.М. Новый общественно-институциональный порядок в России: проблемы формирования и оптимизации // Власть. 2001. № 7.

Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

Сорокин П.А. Система социологии. Ч. 2. Сыктывкар, 1991.

Социология права / Под ред. В.М. Сырых. М., 2001.

Спиридонов Л.И. Теория государства и права. СПб., 1995.

Тимофеев Л.Н. Институциональная коррупция. М., 2000.

Трофимов В.В. Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект. Тамбов, 2002.

Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

Фридмэн Л. Введение в американское право. М., 1992.

Халфина Р.О. О закономерностях права // Право и правотворчество: вопросы теории. М., 1982.

Чаадаев П.Я. Отрывки и разные мысли // Вопросы философии. 1986. № 1.

Экимов А.И. Проблема интереса в социалистическом праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1985.

РАЗДЕЛ V

БЫТИЕ *HOMO INSTITUTIVUS* В ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМАХ

Глава 29

СОДЕРЖАНИЕ И ВЫРАЖЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В условиях изменений, происходящих на современном этапе в ресурсном и факторном потенциале производства, в структуре народно-хозяйственного комплекса, социальной стратификации населения разных регионов России, актуальным становится рассмотрение проблем институционального развития и формирования общества, переработки и хранения больших массивов информации в рамках гуманитарных наук, исследующих социум как «продукт» общественного бытия. Это, в свою очередь, требует не только системного осмысления и упорядочения базовых и производных понятий, связанных с данной областью

экономической теории, но также и средств их языкового выражения. Возникает необходимость изучения способов обозначения постоянно воспроизводимых социально значимых действий, состояний, отношений, обобщения классифицирующих факторов, которые определяют формирование «категориальных рядов», релевантных при обучении и для изысканий в рамках предмета общественных наук, регламентации сфер использования русского языка в определенных образцах (Функционирование..., 2002, с. 9, 32).

Задачи такого исследования могут быть представлены, в частности, следующим образом:

1) современный специалист с высшим профессиональным образованием – это прежде всего «человек общающийся», который не может не владеть навыками устной и письменной речи в разных сферах функционирования языка. Речевые умения языковой личности определяют эффект от ее деятельности в обществе, поэтому описание форм речевого общения на разных уровнях социальной стратификации и обобщение языкового опыта в сводах рекомендаций и правил «внутренней цензуры», маркирующей целесообразное применение языковых единиц в различных жанрах речи и ситуациях общения, становится значимой стороной наукоемких технологий;

2) качество функционирования языка в профессиональной, общественной и культурной сферах деятельности является одной из важнейших составляющих национальной политики современного государства. В связи с этим вопросы мониторинга терминологического пространства, лингвистических средств и способов фиксации сложившихся социально-экономических отношений в динамике их развития приобретают большую актуальность в аспекте изучения языка как одного из инструментов управления обществом;

3) основой научно-образовательного процесса является преемственность всех ступеней обучения и развития личности, возрождение и сохранение национальной исторической памяти. Это предполагает формирование у специалиста приоритета профессионального знания, составной частью которого, в том числе, является лингвистическая и коммуникативная компетенция, личная ответственность носителя языка за чистоту и уместность

использования речевых средств в важнейших сферах своей деятельности.

Учитывая, что язык современного общества представляет собой очень сложное, противоречивое и многоаспектное образование, целесообразно по-новому взглянуть на предположение Р. Якобсона «о глубоко неслучайной, целенаправленной слитности языковой эволюции с развитием остальных общественно-культурных систем» (Якобсон, Поморска, 1982, с. 50) с точки зрения неоднозначного и многовариантного взаимодействия экстралингвистических и собственно лингвистических явлений, отображающих процесс трансформации предметов природы и закрепления функционально значимых для общества отношений, которые связывают производителей и потребителей (Иншаков, 2002, с. 30).

Благодаря уникальности языка, его способности сохранять и концентрировать все многообразие человеческого опыта, представляется возможным соотнести комплекс параметров, важных в рассматриваемых областях научного знания (экономической и лингвистической), базируясь на понятии *константа*, что связано с представлением о постоянной величине в ряду изменяющихся (Словарь..., 1956, т. 5, с. 1315). Использование данного термина в гуманитарной сфере известно применительно к исследованиям французского ученого Э. Жильсона, специалиста по западноевропейской философии, который имел в виду значение «*принцип*», то есть постоянный принцип реализации устойчиво воспроизводимых признаков, релевантных в рамках данной системы (см.: Степанов, 1997, с. 77). Употребление этого понятия в рассматриваемом аспекте дает возможность выявить тенденции в специализации определенных языковых средств для выражения постоянных признаков, лежащих в основе базовых констант.

Языковые средства, фиксирующие специфику взаимовлияния таких необходимых элементов и созидательных сил общественно-экономического развития, как человек – активно действующий субъект с его интеллектуальным и физическим потенциалом, техника – средства, с помощью которых субъект осуществляет преобразовательную деятельность, и природа – совокупность предметов труда и ресурсов, используемых человеком в своей деятельности (Иншаков, 2002, с. 30), представляет-

ся обоснованным выделять на основе констант **«существо»**, **«вещество»**, **«пространство»**.

В разработанной О.В. Иншаковым модели общественного бытия и «ядра» развития хозяйственных систем (Иншаков, 2003) человек, техника, природа (или природные ресурсы), то есть вещественные, трансформационные факторы, противопоставлены факторам, связывающим производителей и потребителей общими отношениями. К таким полевым, транзакционным факторам относятся: *институция*, которая является социальной формой типизации, закрепления и воспроизводства функций хозяйствующих субъектов, *организация* как социальная форма структуры их отношений и *информация*, представляющая собой социальную форму развития человека. Средства обозначения экофункционального, экоструктурного и экогенетического аспектов бытия человека могут рассматриваться через константы **«свойство»**, **«общество»**, **«преемство»**.

Принимая положение о том, что все сущее в мире имеет свою функцию, определим ее специфику в системе названных констант и соотнесем понятие «институция» с названными феноменами.

Известно, что слово *функция* имеет несколько определений: а) проявление жизнедеятельности организма; б) явление, зависящее от другого, основного явления и служащее формой его осуществления; в) значение, назначение чего-либо; г) зависимость одних величин от других (Словарь..., 1964, т. 16, с. 1592–1593). В основе этих толкований лежит указание на некий отличительный признак, характерную особенность, то есть *свойство* кого- или чего-либо в плане определения его состояния, роли, зависимости, соотнесенности в системе явлений и т. д. С учетом понятия *функция* возможно, на наш взгляд, рассматривать **свойство** в качестве основной константы того феномена, который получил название *институция* и суть которого сводится к *типизации и закреплению за субъектами определенных функций с последующим их воспроизводством*, что формирует их статус и место в функциональной структуре общества (см.: Иншаков, 2002, с. 16).

Важно подчеркнуть социальный аспект определения всех проявлений жизнедеятельности субъекта при квалификации рассматриваемых функциональных взаимозависимостей. В современ-

ных отечественных исследованиях, посвященных разработке категориальных основ институционализма, **ИНСТИТУЦИЯ** определяется как «функциональное отношение или отношение функций людей в процессе воспроизводства их жизни. Такая общая форма предполагает соотношение не с конкретным, единичным, отдельным и преходящим действием, но способствует пониманию связи и сцепления постоянно воспроизводимых общественно значимых действий в значении более самостоятельном и отвлеченном. Институция определяет образ жизни и дает возможность уподобления, сравнения с действием другого социального субъекта или даже животного» (Иншаков, 2002, с. 17).

Учитывая это, процесс *институции* нужно представлять как введение субъекта в определенную функцию и соответствующий статус исполнителя данного действия, владеющего сложившимися в обществе приемами его реализации. С понятием **ИНСТИТУЦИЯ** будет связан принцип константности свойства (действия, состояния, отношения) как устойчивой функциональной и статусной идентификации признаков не единичного, не отдельно, не случайного, не скоротечного характера.

Названный термин, отсутствующий в данном значении в лексическом составе русского языка, требует не только специального объяснения, но и обоснования способов обозначения соответствующего явления, сложившихся в процессе развития отечественной экономической практики, но не получивших до сих пор системного описания. Вполне правомерной в этой связи представляется разработка лингвистических основ определения научного аппарата, позволяющего раскрыть суть феномена **ИНСТИТУЦИЯ** и показать специализированные средства обозначения функциональных связей, отражающих его основное содержание.

Потребности языкового выражения институциональных понятий реализуются в процессе наименования различных уровней «социальной включенности». С позиций институционального подхода и в историко-философском аспекте, учитывая классификации, предложенные В.О. Ключевским, их можно разделить на исторические (эволюционные ряды) и актуальные (синхронные). Те и другие включают понятия, обозначающие простой, неизбежный факт общения индивидов, потребность в этом общении, источники, которые создают и направляют прогресс «об-

щежития», и/или понятия, связанные с формированием общества как произведения «совокупности нескольких сил» и социального организма (Ключевский, 1989, с. 22–24).

В лингвокультурологическом плане эволюционный и синхронный уровни соотносятся с соответствующими семиотическими рядами, при этом синхронный ряд может объединять явления, относящиеся к разным эволюционным рядам, приходящимся на одну эпоху. В лингвистическом аспекте названное деление совпадает с разграничением диахронии и синхронии.

Значение «информация» у слова *институция* становится известно носителям русского языка со времен Петра Великого (Фасмер, 1996, с. 135; Смирнов, 1910, с. 121) благодаря заимствованию через польский, который в XVII – начале XVIII в. часто выступал в качестве языка-посредника при возрастающей потребности обогащения русской речи иноязычными словами из области техники, науки и культуры. Семантика лексемы «информация» отражала свойственное латинскому языку значение «представление, понятие о чем-либо», «разъяснение, изложение» (Фасмер, 1996, с. 136; Современный..., 1994, с. 245). Синонимичность лексем *информация* и *институция* в данном абстрактном значении, зафиксированном в старорусском языке историческими источниками начала XVIII в., связана с близостью значений латинских эквивалентов *in + statuo, instituo* (ставлю, строю, устраиваю, устанавливаю) и *informo, formo* (придаю вид, формирую, организую, устраиваю), послуживших источником появления рассматриваемых слов в русском языке (Черных, 1999, с. 350, 355). Думается, любая институция может пониматься как введение человека в социальный формат определенной деятельности, что позволяет раскрыть информационную сущность этого явления в качестве процесса и его результата.

В словарях современного русского языка отражено существительное в форме множественного числа *институции* (по происхождению от лат. *institutio* – наставление), которое определяется как юридический термин; в его значении находит отражение категориально-лексическая сема (= КЛС) '*установление чего-либо на основе каких-либо правил*'. Данное образование служило для обозначения учебников права в Риме, излагавших начала юриспруденции, а также в Византии для названия правовых сбор-

ников, систематически представлявших своды правил и имевших силу закона (Современный..., 1994, с. 239). Социальный смысл имеет в русском языке производное слово *институционализация*, соотнесенное с производящим *институт* и толкуемое как «учреждение каких-либо новых социальных институтов, правовое и организационное закрепление тех или иных общественных отношений» (там же). Существительное *институт* зафиксировано, в частности, в значении «социальный институт – определенная форма организации, регулирования, упорядочения общественной жизни, деятельности и поведения людей; совокупность социальных норм, образцов поведения и деятельности; в праве – совокупность норм, регулирующих какие-либо определенные общественные отношения, например, институт гражданства...» (там же).

Анализ приведенных выше дефиниций свидетельствует о некорректном смешении понятий *институт* и *институция* (Иншаков, Фролов, 2002а). Эти термины традиционно не разграничиваются в русском языке, и различие названных лексических единиц не фиксируется в толковых словарях, то есть слово *институт* обозначает как конкретную организацию, учреждение, так и абстрактное, функционально значимое свойство кого-/чего-либо, установление чего-либо (Черных, 1999, с. 349–350; Русский..., т. 2, 2000, с. 516–520), совокупность норм права в определенной области социальных отношений, форму общественного устройства (Русский..., т. 3, 2003, с. 482).

Сопоставление рассматриваемых существительных в родственных славянских языках дает основания считать, что в западноевропейской традиции сложилось четкое терминологическое разграничение лексем *институт* – *институция*: в отличие от слова *instytut*, выступающего с конкретным значением учреждения, организации, одно из значений существительного *intytucja*, отмеченного, в частности, в составе лексики польского языка, представлено следующим образом: «*zespół norm prawnych lub obyczajowych dotyczących organizacji jakiejkolwiek dziedziny życia; placówka, organizacja oparta na tych normach: instytucja moralności*» – «совокупность юридических или моральных норм, касающихся организации какой-либо сферы жизни; установление, учреждение, основанное на этих нормах» (Mały słownik, 1997, s. 267).

В других славянских языках лексемы *институт* и *институция* также разграничиваются: например, в чешском языке находим образования *institut, instituce*, первое из которых имеет лексико-семантические варианты «учебное заведение», «научное заведение», а второе – *instituce* – определяется как «общественное установление». Ср. в сербском: *институт, институција* (Черных, 1999, с. 350; Влчек, 1985, с. 201).

Анализ семантической структуры слова **ИНСТИТУЦИЯ** (*instituce, институција*), первоисточником которого послужило латинское *institutum*, то есть «устройство, организация, обычай, установление», позволяет выделить в его семантической структуре иную, нежели в слове *институт*, КЛС: «введение в определенный социальный формат, норму, общественное установление (форматирование)». Это дает возможность соотнести лексико-семантические варианты, отраженные в русском языке в одной парадигме слова *институт*, с разными лексемами и подчеркнуть семантико-смысловые различия лексических единиц: **ИНСТИТУТ** – 1) высшее учебное заведение; 2) научно-исследовательское учреждение; и под.; **ИНСТИТУЦИЯ** – 1) совокупность норм в какой-либо области общественных отношений; 2) определенная форма общественного устройства или отдельных его функций; социальное установление; и под.

Факт наличия слова *институция* в родственных славянских языках и особенности толкования существительного *институт* в русском языке дают ключ к разграничению в русской терминологической системе образований *институт/институция* и к описанию тех языковых средств, которые сложились в лингвистическом пространстве для обозначения понятий, характеризующих институциональное устройство общества. Необходимость этого актуальна, поскольку отмечается различие стилистико-словообразовательных связей существительного *институт*, выступающего в разных значениях: как «учреждение, организация» это слово, будучи общеупотребительным, является производящим для стилистически нейтрального прилагательного *институтский*; абстрактная семантика имени сопряжена с его книжной окраской, и при указании на совокупность норм права в какой-либо области общественных отношений, формы социального устройства данное существительное служит базовым для прилагатель-

ного *ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ*, имеющего в словарях помету «специальное» (ср.: Русский..., т. 2, 2000, с. 516–520; там же, т. 3, 2003, с. 482).

Кроме того, справочники нового поколения начинают фиксировать использование слова *ИНСТИТУЦИЯ* в русской речи не только в узкоспециальных, но и в общепонятных контекстах. Так, В.К. Харченко приводит в «Словаре богатств русского языка» существительные *ИНСТИТУТ* и *ИНСТИТУЦИЯ* с разным смысловым наполнением: «**Институт**. “Хижина на мысе Гаратасси была целым научным институтом, который вел один человек”». – «**Институция**. “Параллельно происходит отмирание традиционных способов существования литературы и ее институций, например, угасание толстых журналов”» (Харченко, 2003, с. 217). В первом случае мы имеем дело с особой организацией, структурой, агенты которой выполняют особые конкретные функции, во втором же – со сложившейся социальной формой выражения и материального воплощения самой функции, а именно – журнальной публикацией объемных литературных произведений.

Как отмечалось выше, обозначение социальных форм функций людей и вещей (то есть их институций) связано с указанием на *константное свойство* этих феноменов, постоянных, надежно закрепляемых, устойчиво воспроизводимых. Важно, что во всех случаях выражения институциональных понятий основной составляющей семантического объема лексем, обозначающих институции, а также смыслового наполнения слова в контексте должен являться субъект (конкретный индивид или ассоциированный человек), который в экономической генетике рассматривается как центр области пересечения двух условных сфер бытия – природной и общественной (Иншаков, 2003а, с. 1).

Анализ фактического материала, иллюстрирующего сложившиеся в разных славянских языках способы фиксации явлений, связанных с действием трансформационных и трансакционных факторов общественного развития, свидетельствует: к древнейшим средствам характеристики разных сторон деятельности лица-субъекта, указывающей на то, что «мера бытия человека как живого организма ограничена природой, а как социального существа – обществом» (там же), относятся образования с фор-

мантом *-ство*. Это подтверждается эволюционным осмыслением изменений таких терминов в русском языке.

Так, значение слова *институт* при использовании его в социально-функциональном (а не в социально-структурном, социально-нормативном и т. д.) смысле иллюстрируется в современных словарях, в частности, примером *института гражданства* (Современный..., 1994, с. 239). Существительное *гражданство* зафиксировано И.И. Срезневским в значении «гражданское устройство» в текстах по спискам XI в. («XIII слов Григория Назианзина») и XIV в. («XVI слов Григория Богослова с толкованием Никиты Ираклийского») (Срезневский, т. I, 1989, с. 577). Для сравнения: в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. отражена лексема *гражаньство* в конкретном и абстрактном значениях: 1) митрополия, административно-территориальная единица в Византии; 2) образ жизни (Словарь древнерусского..., т. II, 1989, с. 381). Лексикографическое толкование рассматриваемого слова и практика его употребления в книжных текстах свидетельствуют о том, что модель с формантом *-ство* служила для выражения признака 'введение в определенный социальный формат, норму, общественное установление (форматирование)', который реализуется и в современном значении этого слова: «гражданство» – принадлежность к числу граждан государства, правовое положение (статус) гражданина (Русский..., т. 3, 2003, с. 482–483).

Можно предположить, что названная модель в славянских языках сформировалась как способ прямой или косвенной фиксации (маркировки) абстрактной семантики слова для выражения совокупности признаков особого типа, связанных с наличием определенной функции и статуса, закрепляющих актора в социальной структуре и являющихся продуктом его институционализации на основе иерархии, субординации, координации, интеграции, дифференциации, дополнения, комбинации, кооперации, замещения, смещения, поглощения, пересечения, включения и т. д. субъектов и их свойств, действий, состояний, отношений. Так, в качестве примера *институций* толковые словари современного польского и чешского языков приводят существительное *malbetstwo* (польск.), *manielství* (чешск.) с рассматриваемым общеславянским суффиксом *-stw-o*, *-stv-ш (-ств-o)*, который характерен для образования имен отвлеченной семантики

(Новый..., 2004, с. 137; Rusko-český..., 1986, s. 124). Русский аналог – лексема *супружество* – входит в состав слов, обозначающих такие социальные связи, которые квалифицируются как семейные, брачные, родственные (Русский..., т. 3, 2003, с. 495).

В ряду сходных по названному тематическому признаку явлений могут быть выделены следующие значения в рамках констант «существо», «свойство», «преемство»: переходный или промежуточный статус (*детство, юношество, девичество, жениховство, сватовство* и др.); статус, обретенный после значимого события в родственных отношениях (*вдовство, сиротство, содержанство, иждивенчество*); основной статус в системе родства и семейства (*материнство, отцовство*); бытие, пребывание в семейно-родственном статусе, конкретизирующемся по своему характеру (*двоеженство, многоженство, замужество, супружество*); статус, характеризующий место и роль субъекта в системе кровных/некровных связей и отношений (*родство, кумовство, свойству, сожительству*); и т. д.

В истории русского языка модель существительных на *-ство* с семантикой отвлеченного качества увеличивала свою продуктивность постепенно. Она использовалась в книжной речи (*храбрство, мученичество, пророчество* и др.), вовлекала в словопроизводство собственно русскую, в том числе и народную лексику (*мотовство, нахальство, плутовство* и др.). В начале XVIII столетия появляются новообразования с этим общеславянским формантом от иноязычных основ (*герцогство, баронство, аббатство* и др.).

При использовании модели на *-ство* как языкового средства обозначения типизированных и закреплённых в социальной структуре функций людей доминировали лексемы, имплицитно выражавшие сущность и взаимосвязь констант «существо» и «пространство», «существо» и «свойство», «свойство» и «общество», «существо» и «преемство». Об этом свидетельствует древнерусский лексический состав, включавший языковые единицы, где рассматриваемый аффикс мог присоединяться к широкому кругу имен существительных (*государь – государство*), прилагательных (*богатый – богатство*), глаголов (*сватать – сватовство*), наречий (*как – качество*). Широта словообразовательных связей находит отражение и в современном русском языке при

образовании абстрактных имен от местоимений (*свой – свойству*) и окказиональных наречий (*почему – почемуство*).

Языковые способы фиксации действий, состояний, отношений, отражающих взаимовлияние трансформационных и транзакционных факторов развития общества, обуславливали становление группы имен со значением отвлеченного действия, характеризующего поступки, моральный облик человека, его поведение, психический склад: *благородство, геройство, отважество, тиранство, дурачество* и др. В этих случаях модель на *-ство* могла иметь синонимические параллели с образованиями на *-ствие* типа *пророчество – пророчествие*. Частотность, продуктивность и устойчивость первых обнаруживалась при выражении констант «существо» и «свойство» в именах, определяющих социальную оценку действий, поступков, поведения кого-либо: *мужичество, зверство, ласкательство* (в значении «поджалимство») и др.

Доминирование в процессе функционирования слов, созданных по модели существительного на *-ство*, названных выше релевантных смыслообразующих констант способствовало также появлению лексем со значением отвлеченного признака, служащих для определения особенностей внутреннего мира и внешнего вида человека, черт его характера и поведения: *добросердство, доброходство, обходительство, бесстыдство* и др. Большая часть названных образований не сохранилась в русском языке, поскольку они конкурировали с продуктивными именами на *-ость*, развивавшими и закреплявшими за собой значение *отвлеченного качества* (Улукханов, 1996, с. 154). Как показывает сопоставление функционировавших в языке XVII–XVIII вв. дублетов, модель на *-ство* оказалась в большинстве случаев менее жизнеспособной при выражении названной семантики: *взаимство – взаимность, мнительство – мнительность, знатство – знатность, бездейство – бездейственность, смиренство – смиренность, смелство – смелость, доброхотство – доброхотность, благородство – благородность, глупство – глупость* и т. д.

Столь широкая дублетность объясняется не только отсутствием строгих норм и состоянием самой словообразовательной системы в период формирования единого русского литературного языка, но и процессом развития постепенной специализации конкурирующих моделей: среди образований на *-ство* закрепля-

лись те, которые при ярко выраженной «глагольности», когда формант активно использовался для образования имен со значением отвлеченного действия (*искательство, водительство, проводительство, разбирательство, учредительство, заирательство, язвительство* и др.) (История лексики..., 1981, с. 132–138), имели семантику результативности, обобщенной предметности как результата действия.

Влияние оказывала и сфера употребления «институциональных» существительных. Традиция использования общеславянского суффикса с отвлеченным значением обуславливала частотность образования слов от основ славянизмов (*благорассудство, надзирательство* и т. д.). Эта лингвистическая модель широко распространялась в философской литературе, освещавшей вопросы соотношения личности и общества, актуализируя разные стороны бытия индивидов – умственную, практическую, правовую, психическую, моральную, поведенческую, а также в социологии, истории, политической экономии, характеризовавших статус человека в исторически меняющейся системе общественных отношений и связей: *банкротство, эксплуататорство, вассальство, невольничество, затворничество, членство, рабство, крестьянство, дворянство* и др. Расширение использования этих производных в научной речи постепенно стимулировало повышение частотности применения модели в комедийных, дневниковых, эпистолярных жанрах: *диктаторство, педантство, subtilьство, юнкерство, регентство, адвокатство, шпионство, фамильярство* и др. Имена на *-ство* служили названиями общественно-политических, религиозных и других учений: *масонство, якобинство, атеистство, гегельянство, мальтузианство, фритредерство* и др. Словотворчество с использованием данной модели поддерживалось активным процессом индивидуальных новообразований: например, перу русских писателей принадлежат слова: *рабчество, детинство, эличество* и др.

Исторически сложившиеся семантико-словообразовательные характеристики производных на *-ство* можно представить следующим образом:

- обозначение отвлеченного статичного признака, выделяемого у существительных, образованных от прилагательных: *удобство, богатство, ничтожество* и др.;

- обозначение сферы деятельности, стиля поведения, занятий, положения, отрасли общественного производства именами, образованными от основ существительных (*вдовство, репетиторство, кокетство* и др.) либо от основ прилагательных (*материнство, студенчество* и др.);
- обозначение отвлеченного действия существительными, образованными от глаголов действия либо состояния (*предательство, разбирательство* и т. д.).

Таким образом, характеристика наименований феноменов разного уровня «социальной включенности» в рамках исторических (эволюционных) рядов позволяет выделить несколько особенностей развития способов обозначения институциональных понятий при помощи образований с формантом *-ство*.

Во-первых, наблюдается участие этой модели в развитии переносных, образных средств языка при изображении духовного мира, творческой деятельности, психологического состояния субъекта. Примером может служить церковнославянское слово *божество*, значение которого первоначально было связано с принятым издревле в законоучении принципом деления вещей на имеющие сверхъестественную, естественную и искусственную природу. Не случайно И.И. Срезневский толкует существительное *божество* как «божественное естество» (Срезневский, т. I, 1989, с. 142). В современном русском языке отмечено два лексико-семантических варианта в парадигме слова «божество»: 1) По религиозным представлениям – создатель Вселенной, всего сущего; высший разум, управляющий миром; при многобожии – одно из сверхъестественных существ, управляющих какой-либо частью мирового целого. 2) «Переносное». О ком-либо как предмете восхищения, поклонения, обожания; кумир (Словарь современного..., т. I, 1991, с. 657, 659, 675).

В процессе функционирования со значением, указывающим на «предмет поклонения вообще», это слово начинает обнаруживать принадлежность к массиву имен с ослабленной номинативной функцией – с оценочным и оценочно-характеризующим значениями, а именно – способных выражать положительную оценку, таких, как *блаженство, волшебство, колдовство* («очарование»), *совершенство* и др. Поскольку оценочная семантика лексических единиц данного класса является смысловой доминан-

той, определяющей их функциональный профиль, то данное значение вытесняет или заменяет собственно номинативную функцию, то есть исчерпывает коммуникативное назначение слова (Русский..., т. 3, 2003, с. 563–564).

Данное обстоятельство объясняет возможность отнесения приведенных выше существительных к широкому кругу субъектов (или объектов) и, как следствие, нерелевантность признака «типизация функций субъекта», что, в свою очередь, приводит к нивелированию, даже «затемнению» институциональной семантики рассматриваемых наименований. Значение оценки лица-субъекта развивается у существительных с рассматриваемым формантом при выражении отвлеченного качества (в том числе у лексем с отрицательно-характеризующей семантикой: *ничтожество* и др.), а данный признак – отвлеченная качественная оценка – не является значимым для образования слов с институциональной семантикой.

Во-вторых, в процессе эволюции наблюдается использование книжных славянских слов на *-ство* в общественно-политических контекстах: *отечество* (традиции происхождения и идея единения), *общество* (идея общего блага), *равенство* (идея предоставления одинаковых возможностей и условий деятельности всем людям), а также *государство*, *гражданство*, *подданство* и др. Приведенные слова являются компонентами различных тематических рядов с константными признаками, позволяющими говорить о выражении институциональных понятий. Например, *равенство* включается в группу слов, обозначающих социальные условия и правовое обеспечение статуса индивида, отражающие одинаковые издержки доступа и пользования предоставляемыми публичными благами и одинаковые затраты на функционирование государственного механизма, гражданские права (там же, с. 482–483).

Расширение функционального пространства модели имени существительного с формантом *-ство* связано с ее использованием в наименовании понятий социально-идеологического порядка, названий политических, философско-религиозных, литературных объединений, направлений и течений: *богоискательство*, *декадентство*, *землячество*, *искровство*, *толстовство*, *черносотенство*, *примиренство* и др. Следует отметить появление слов

с узкоспециальным значением (например, в финансово-кредитной сфере – *ликвидаторство*, в ремесленной среде – *кустарничество*, в религиозной – *сектантство* и т. д.), а также их переносное использование. Так, активизация словоупотреблений в общественно-политической сфере способствовала, в частности, тому, что *ликвидаторство* перешло и закрепилось как название отдельного социального течения; *кустарничество* стало широко трактоваться как явление недостаточно умелого, чрезмерно консервативного и исполняемого архаичными средствами ведения какого-либо дела; *сектантство* стало по сути одним из синонимов понятия «фракционизм» (или «кастовость») и т. д.

Образования от заимствований, оформленные с помощью общеславянского аффикса *-ство* (*якобинство* и др.), могут менять границы своего использования, переходя в разряд общеупотребительных или теряя жизнеспособность (*полячество*, *немечество*). Последнее могло быть связано с конкуренцией со стороны дублетов – заимствованных и общеславянских слов (например, *двойство* – *дуализм*).

Дальнейшая специализация рассматриваемой модели как средства выражения социальных институций состоит в расширении светских значений книжных слов на *-ство*, развитии их употребительности для изображения всех аспектов деятельности человека как универсального творческого актора, физический и интеллектуальный потенциал которого направлен на преобразование природы с целью создания социально значимых продуктов в рамках жизненного пространства и в системе функциональной структуры общества.

Характеристика наименований институциональных феноменов в рамках синхронных рядов приводит к следующим выводам. В последние десятилетия XX в., как свидетельствуют научные исследования, рассматривающие процессы, происходящие в русском языке, и изменения коммуникативных потребностей общества, не фиксируется особой активности модели имен существительных на *-ство*, несмотря на то, что в целом «язык живет интенсивно, все механизмы его действуют сверхактивно» (Русский язык..., 2000, с. 18). Отметим, что указатель книги «Русский язык конца XX столетия» включает лишь 12 лексем на *-ство*, иллюстрирующих, наряду с другими, более активными

способами номинации, особенности современной русской речи. Очевидно, это связано с тем, что сфера словообразования, по словам Е.А. Земской, «используя морфемный инвентарь языка, выполняет заказ общества на создание необходимых для коммуникации наименований» (Земская, 2000, с. 90), а до последнего времени российское общество не нуждалось в восстановлении институциональных традиций. Постепенная стабилизация социальной динамики и переход от трансформации хозяйственной системы России к ее прогрессивной модернизации на основе интенсификации воспроизводственного механизма потребовали глубокого анализа роли институций в экономической мысли и практике и создали импульс соответствующим лингвистическим исследованиям, повысив частотность использования модели институциональных номинаций на *-ство* (см.: Иншаков, Фролов, 2002а, 2002б; Дудина, 2003; Аленичев, 2003; Лебедева, 2004).

Изменения представлений о различных формах институционализации социальных отношений и осмысление их во всем многообразии конкретных воплощений потребовали от ученых все более интенсивных исследований институциональных проблем, что опосредованно отражается в особенностях формирования системы языковых средств, выражающих новые научные понятия, обозначающие функции и статусы, образ жизни, модель поведения и роли субъектов. Возможно, это связано с усилением дифференциации и специализации словообразовательных моделей, функционирование которых ранее могло быть параллельным.

Так, анализ употреблений производных на *-ство* в различных сферах использования языка, в отличие от модели на *-ость*, дает возможность говорить о тенденции к установлению взаимно-однозначных отношений между аффиксом и выражаемым им определенным значением. В русле этой тенденции надо, видимо, рассматривать достаточно частотное и устойчивое использование в речи названных образований в качестве средств обозначения объективно обусловленной, постоянной возобновляемой деятельности, устойчиво воспроизводимых состояний и общественных отношений субъектов. Это проявляется в расширении функций анализируемых лингвистических единиц.

Данная модель может, например, выполнять «заказ общества» на расширение границ «естественной среды обитания» специальной речи. В таком случае намечается выход специальной лексики на *-ство* за пределы сферы профессионального общения. Это обуславливает появление ситуаций, в которых слова на *-ство* выступают в функции общеупотребительных номинативных единиц в непринужденном общении, активно используются в составе новых сочетаний, в том числе сленговых (*мажорство, диджейство, рэпперство, тинейджерство, лоховство* и т. д.), асоциативно-поэтических (*единочество*) и др.

Кроме того, рассматриваемая модель в системе терминологии служит для обозначения разного типа взаимосвязи субъектов и объектов, поэтому может участвовать в номинациях, базирующихся на метафоре: например, употребление слова *общество* при обозначении особой организации отношений между фирмами и т. д. (Китайгородская, 2000, с. 190). Особую роль в активизации употребительности «институциональных лексем» играет социальный заказ, когда, например, установка на защиту отечественного хозяйственного пространства от чрезмерного иностранного влияния «возрождает» слова с названным формантом для традиционного наименования современных институций: *земство, купечество* и др.

В последнее время устойчиво реализуются функции, ранее не свойственные образованиям на *-ство*:

- функция эвфемизации речи с целью вуалирования существа дела: например, *хозяйство* в значении «воинская часть»;
- экспрессивная функция, когда словообразовательная модель служит основой нового префиксального образования, обозначающего высокую степень проявления признака, что отражает тенденцию к повышенной эмоциональности современной речи: *суперсредство*;
- социально-оценочная функция наблюдается при характеристике каких-либо свойств группы лиц, когда основой образования служит имя собственное: *жириновство* и др.

Оценка общественно-политической ситуации может быть реализована при образном выражении смысла с помощью рассматриваемых существительных на *-ство* в составе сочетаний: *болезнь общества, микробы мещанства* и др. Для функционирова-

ния русского языка нового времени свойственно употребление модели на *-ство* в характерологической функции, что проявляется в активности окказиональных слов, изображающих беды, пороки, противоречия современного общества: *беженство, борисоборчество* и др. Подобные образования служат, если использовать выражение П. Флоренского, «системой угловых зеркал, многократно и разнообразно отражающих» один общий или несколько близких, сопоставляемых смыслов (Флоренский, 1990, с. 180).

В научных исследованиях (Улуханов, 1996; Хабибуллина, 2001) отмечаются следующие новые особенности мотивации производных существительных с формантом *-ство* при обозначении:

- поведения или вида деятельности субъекта. Здесь активность имеют производящие имена на *-тель* (потребитель – *потребительство*), *-ник* (надомник – *надомничество*), *-ень* (оборотень – *оборотничество*), имена и глаголы со значением поведения (собиратель – *собирать* – *собирательство*);
- оценки поведения, стиля жизни как отвлеченного действия. В этом случае наблюдается производство от имен существительных со значением рода деятельности (*зануда* – *занудство*, *партнер* – *партнерство*), работы как профессиональной деятельности (*лесничий* – *лесничество*, *депутат* – *депутатство*);
- двойной мотивации – от имен на *-ец* со значением лица и прилагательных на *-ский* со значением сферы деятельности (управленческая деятельность – *управленец* – *управленчество*, законотворческая деятельность – *законотворец* – *законотворчество*);
- характерных черт кого-/чего-либо – от прилагательных на *-ский* (мелкособственнический – *мелкособственничество*), от прилагательных на *-ый, -ий* (*умелый* – *умельство*, *сходный* – *сходство*).

Многовековая история и особенности современного употребления существительных на *-ство* в русском языке свидетельствуют о потенциальной полифункциональности данной словообразовательной модели при всей «консервативности» форманта, традиционно ориентированного прежде всего на создание слов книжных, абстрактных.

В русле названных проблем осмысления способов выражения институциональных феноменов можно говорить о развитии комплекса средств, характеризующих специфику взаимовлияния необходимых элементов и созидательных сил общественного развития, экофункционального, экоструктурного и экогенетического аспектов бытия человека и формирующихся на основе актуализации константных смыслов «существо», «вещество», «пространство», «свойство», «общество», «преемство». Одним из таких средств являются словообразовательные форманты. Рассмотренный материал позволяет говорить о том, что в русском языке модель существительных на *-ство* способна прямо или косвенно маркировать социальный смысл лексической единицы¹, семантика которой связана с обозначением институциональных характеристик жизнедеятельности людей.

Литература

Аленичев В.В. Эволюция страховых институтов в дореволюционной России: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2003.

Влчек Й. Русско-чешский словарь. М., 1985.

Дудина И.А. Особенности категориального ряда международного научно-академического сотрудничества вуза // Волгоград – Мэнсфилд. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М., 2000.

Иншаков О.В. «Ядро развития» в контексте новой теории факторов производства // Экономическая наука современной России. 2003. № 1.

Иншаков О.В. Введение // Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

Иншаков О.В. Время энциклопедистов // Форум. 27 июня, 2003а.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002а.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в экономических воззрениях И.Т. Посошкова // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. М.: Изд-во ИТРК, 2002б. № 6 (24).

История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М., 1981.

Китайгородская М.В. Современная экономическая терминология: (Состав. Устройство. Функционирование) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М., 2000.

Ключевский В.О. Методология русской истории. Т. VI. М., 1989.

Лебедева Н.Н. Корпоративное гражданство как институция социальной политики РФ // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: Ежегодник. Вып. 4. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004.

Лопушанская С.П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол. История и современное состояние. Волгоград, 2000.

Новый польско-русский словарь. М., 2004.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 2. М., 2000.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 3. М., 2003.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М., 2000.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. II. М., 1989.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 16. М.; Л., 1964.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 5. М.; Л., 1956.

Словарь современного русского языка: В 20 т. Т. I. М., 1991.

Смирнов Н. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // ОРЯС. Т. 88. № 2. СПб., 1910.

Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репр. изд. Т. I. Ч. 1. М., 1989.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. 3-е изд., стер. СПб., 1996.

Флоренский П. У водоразделов мысли. Т. 2. М., 1990.

Функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации в Волгоградской области: Материалы расширенного заседания Ученого совета Волгоградского государственного университета, 28 июня 2002 года. Волгоград, 2002.

Хабибуллина Е.В. Суффиксальное субстантивное словообразование в современном русском языке (на материале словарей новых слов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2001.

Харченко В.К. Словарь богатств русского языка. Редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты, биографемы: В 2 т. Т. 1. Белгород, 2003.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стер. Т. I. М., 1999.

Якобсон Р., Поморска К. Беседы. Jerusalem, 1982.

Mały słownik języka polskiego. Warszawa, 1997.

Rusko-český a česko-ruský slovník. Praha, 1986.

¹ Подробнее о понятии «смысловая структура слова» см. в работе: Лопушанская, 2000, с. 20–29.

Глава 30

ТИПОЛОГИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Система социальных институтов глубоко дифференцирована по уровням, отраслям, сферам и масштабам осуществляемых ими функций. Ее элементами являются следующие виды типовых моделей социальных организаций: политические (парламент, правительство и др.), силовые (армия, милиция, полиция и др.), судебные (суд, прокуратура, адвокатура и др.), пенитенциарные (тюрьма, следственный изолятор, поселение и др.), управленческие (департамент, управление и др.), масс-медиальные (пресса,

телевидение, радио и др.), общеэкономические (банк, биржа, казначейство и др.), промышленные (предприятие, компания, холдинг и пр.), образовательные (университет, институт, академия и др.), сельскохозяйственные (колхоз, совхоз, ферма и др.), здравоохранительные (больница, клиника, диспансер и др.), культурные (театр, кино, консерватория, музей и др.), религиозные (церковь, монастырь и др.), рекреативные (центр досуга, туристическое бюро и пр.), воспроизводства человеческого потенциала (семья, центр планирования семьи и пр.) и другие, выделяемые в зависимости от принадлежности к определенной отрасли, территории, сфере деятельности и т. д.

Социально-экономические институты обеспечивают выполнение функций, закрепленных за ними социумом: установление, удержание и юридическое обоснование политической власти, управление производством, контролирование финансовых потоков, освоение материальных ресурсов, установление норм и распространение духовных ценностей в социуме, восполнение социума, поддержание и охрана здоровья его членов и т. д.

Социальный институт представляет собой систему целесообразно ориентированных стандартизированных образцов поведения акторов, которые обеспечивают реализацию комплекса общественно значимых функций, воплощаемого в комбинации статусов и ролей, характеризующей представителей данного института. Статус правомочно действующего лица, актора (*homo actionis*), и формы закрепления его социальных функций становится центром культурно-специфического институционального пространства, которое своеобразно преломляется в национальных языках.

Институциональное лингвистическое пространство представляет собой результат отражения в языке форм, механизмов и атрибутов взаимодействия представителей различных социальных классов, групп и общностей, направленного на реализацию функций формирования жизненных ориентиров, согласования интересов, выработки целей, регуляции и стимуляции потребностей социума по их изменениям на программно-индикативной основе.

Одной из базовых единиц, отражающих природу и механизмы реализации этих функций, является институция, пред-

ставляющая собой социальную форму типизации и воспроизводства функций участников транзакций и интеракций в обществе. Институты, присваивая своим агентам постоянные роли, как особым действующим лицам с закрепленными типическими «надъиндивидуальными» качествами, обуславливают их общественную ценность для исторически конкретных условий жизни. Акторы, будучи агентами институтов, определяются, отождествляются и различаются через их статус, масштаб правомочий и притязаний, сферу деятельности и ответственности, время принятия ими решений и др. Действие, которое закрепляется в форме отдельной институции, должно быть не единичным, не случайным, но по способу возобновляемым, а по форме и результату – законченным. При таком понимании институции она выступает условной «точкой» интеграции индивидов в социум и стратификации последнего. Объединяются функция индивида и социум. Для типологии и классификации институций важно, что их масштабы и взаимосвязь различны: одни функционируют в рамках всего общества и существуют веками и тысячелетиями в неизменном виде, другие же реализуются в отдельных социальных группах, непрерывно модифицируясь (Иншаков, 2003; Иншаков, Фролов, 2002).

В языке институции закреплены в особых номинациях, обозначающих объективно обусловленные, постоянно возобновляемые действия человека, вводящие его в статус, определяемый в соответствии с потребностями общества и индивидуальной полезностью субъекта. Целью этой главы является выявление в англосаксонской лингвокультуре языковых средств, специализирующихся на передаче институционального признака, отражающего социальные функции разностатусных представителей англосаксонской государственности.

Анализ языкового материала¹ выявил широкий спектр культурно-значимых институциональных признаков, указывающих на существование определенной иерархии институций и их социально-аксиологической дифференциации. Компаративный анализ выделенных признаков в английском и русском языках позволил определить общее и особенное в культурно-специфической организации и когнитивном наполнении институциональ-

ных концептосфер двух языков, являющихся следствием специфики исторического становления и развития этноса и государственного механизма в этих странах.

Так, в отличие от русской лингвокультуры, в которой разноуровневые и по-разному оцениваемые институты, демонстрируя многообразные связи индивида с социумом, синкретично маркируются суффиксом **-ство** (*государство, хозяйство, предпринимательство, рабство* и т. д.), в английской лингвокультуре, напротив, институты, в соответствии с аксиологической и социальной иерархией, представлены дифференцированно, с помощью разветвленной системы исконных и заимствованных суффиксов и моделей, манифестирующих их разнообразные признаки.

В номинациях институций англосаксонской лингвокультуры четко выделяются *пространственный, темпоральный, функциональный, процессуальный, результативный, статусно-ролевой, профессиональный* и другие признаки, иерархия которых дает возможность реальной структуризации социально-функционального пространства данной культуры.

В отличие от русского соборного синтетизма в восприятии институционального пространства, в англосаксонской лингвокультуре имеет место своеобразный номинативный институциональный аналитизм. Чем выше социально-аксиологическая значимость институции, тем шире ее номинативный потенциал, тем более дифференцированно представлены разнообразные аспекты институции в языке и, соответственно, тем разнообразнее ее институционально-квалификативная палитра признаков.

Так, функции представителя короля в англосаксонском социуме были закреплены за шерифом, социальный статус которого был значительно выше статуса герцога, графа или барона, поскольку король делегировал шерифу свою власть/полномочия на определенный срок и в границах территории, объединяющей несколько графств. Этим обусловлено появление в английском языке однокорневых номинаций, маркирующих *пространственный* (*sheriffdom* – территория, в пределах которой действуют полномочия шерифа), *функциональный* (*sherriffship* – полномочия шерифа), *темпоральный* (*sheriffhood* – время пребывания шерифа во власти) признаки агента институции шерифства как предста-

вителя королевской власти. Аналогичная модель дифференциации квалификационных признаков других институций отмечена в номинациях *masterdom*, *masterhood* и *mastership* (мастерство); *saintdom*, *sainthood* и *sainthood* (священство); *serfdom*, *serfhood* и *serf-ownership* (крепостничество); *heirdom* (наследство), *heirship* (наследство в значении право наследования), *squiredom*, *squirehood* (сквайерство), *cousinhood*, *cousinship* (~кузинство), etc.

Пространственный признак институции в англосаксонской лингвокультуре относительно рестриктивен и маркируется суффиксом **-dom** (denoting a domain/sphere, position, rank or status; a class of people operating or controlling this sphere – ANDEL/COD), преимущественно обозначая территорию действия соответствующей институции: *kingdom/queendom* (королевство), *tsardom* (царство), *princedom* (княжество), *earldom* (герцогство), *dukedom* (графство), *serfdom* (крепостничество), *thanedom ~ holding land granted by king* (графство, дарованное королем в обмен на воинскую службу), *fiefdom ~ a person's sphere of operation or control* (собственничество), *heathendom* (язычество), *martyrdom* (мученичество), *crippledom* (уродство), *Christendom* (христианство – как сфера распространения этого учения), *fogeedom* (консерваторство), *junkerdom* (юнкерство), *whoredom* (проститутство), *heirdom* (наследство), *masterdom* (мастерство), *Gaeldom ~ speaking of a Gaelic person* (*кельтское ораторство), *mega/superstardom ~ being famous in a world of entertainment or sport* («звездность») ², etc. На долю институциональных номинаций, выделяемых по пространственному признаку, приходится 17,3 % от их общего числа.

Темпоральный признак институции маркируется суффиксом **-hood** (denoting a state or condition; a group sharing a specific state – ANDEL/COD), обозначая временной период институциональных действий или состояний: *grandparenthood* (прародительство), *motherhood* (материнство), *fatherhood* (отцовство), *maidenhood /girlhood* (девичество), *matronhood ~ arrangement of domestic and medical affairs by a woman in charge at boarding schools or other establishments* (*матронство), *bachelorhood* (холостячество), *brotherhood* (братство), *sisterhood* (сестринство), *knighthood* (рыцарство), *neighbourhood* (соседство), *orphanhood* (сиротство), *serfhood* (крепостничество) и т. д. На долю институциональных

номинаций, выделяемых по темпоральному признаку, приходится 16 % от их общего числа.

Наряду с перечисленными институциями универсального характера в английском языке отмечаются специфические лакунарные номинанты, не имеющие эквивалентов в русской лингвокультуре: *wifehood/ husbandhood* (~ пребывание женщины в роли жены и выполнение ею соответствующих функций, узаконенных социумом / период исполнения мужчиной роли мужа и комплекса соответствующих функций), *womanhood* (~ период реализации институций взрослой женщины, *женство в отличие от *manhood* ~ мужество), *queenhood* (период правления королевы). В русской лингвокультуре отмечены лишь наиболее социально значимые номинации *материнство* и *отцовство*, непосредственно связанные с социальными функциями воспроизводства и «полнения» социума.

Своеобразие социокультурной значимости институций демонстрирует «лакунарность» их номинаций, примером которой является монашеское движение в Великобритании. Номинации типа *monk* (монах) и *nun* (монахиня) не образуют типовых обозначений социальных институций в англосаксонской культуре по объективным причинам: удалившиеся от мира и живущие в изоляции монахи не реализуют каких-либо общественно значимых функций, поэтому их статусы не находят отражения в языке. Напротив, в русской лингвокультуре, в которой монашество рассматривается как религиозный вариант сподвижничества, выполняющий важную функцию замаливания грехов за всех членов общества, действия монахов получают социальный смысл, закрепляясь, типизируясь и воспроизводясь в особых институциях (*иночество*, *монашество* и т. д.), определяя образ жизни и мировоззрения этих агентов, выделяя их в структуре церкви.

Наибольшее количество англосаксонских институций образовано по **функциональному** признаку, который маркируется суффиксом **-ship** (denoting status, office, honour or rank; the collective individuals of a group – AHDEL/COD) и обозначает ранг, статус, принадлежность к социальной группе или облечение определенными частичными функциями, детерминированными соответствующей институцией: *chairmanship* (председательство), *membership* (членство), *comradeship* (товарищество),

companionship (компаньонство), *citizenship* (гражданство), *serf-ownership*³ (крепостничество), *sherriffship* (шерифство), *sainthood* (священство), *mayorship* (мэрство), *abbotship* (аббатство), *king/queenship* (королевское/царское величество – ср., например: *His Kingship* ~ его королевское/царское величество), *kaisership* ~ *rule of a German Emperor* (*кайзерство), *governorship* (правительство в значении *правление*), *heirship* (право наследства), *generalship* (генеральство), *judgeship/justiceship* (судейство), *sponsorship* (спонсорство), *authorship* (авторство), *instructorship* (инструкторство), *professorship* (профессорство), *penmanship* (писательство), *scholarship* (эрудиция), *studentship* (1. студенчество; 2. стипендия как поощрение за успешное выполнение данной институции). Выделенные по функциональному признаку номинации институций составляют 66,7 % от их общего количества. Эта тенденция подтверждает общие принципы развития аналитических языков как механизма инструментального мировосприятия, приводящего к формированию мозаичных функциональных полей с ядерными (абстрактными) и периферийными (конкретными) элементами.

Многоуровневая система «властных» номинаций в англосаксонской институциональной концептосфере отражает первостепенную значимость концептов «власть», «главенство», «авторитарность», представленных на верхних ярусах этой парадигмы. Примером может служить функциональное поле институции *headship = the position of leader or chief* (COD) (главенство), образованное номинантами *kingship/queenship* (монархические институции – монаршество, царство, королевство), *emperorship* (императорство), *leadership* (лидерство), *aldermanship* (старшинство – как институции старшего советника муниципалитета), *chieftainship* (институция вождя племени – вождество), *premiership* (премьерство), *chairmanship* (председательство), *principalship* (руководство), *directorship* (директорство), *sherriffship* (шерифство), *protectorship* (протекторство), *governorship* (губернаторство), *mayorship* (мэрство), *councillorship* (институции члена муниципального совета), *deputyship* (депутатство), *generalship* (генеральство), *ambassadorship* (посольство), *clanship* (кланство), *sponsorship* (спонсорство), *laureatship* (лауреатство), *messiahship* (мессиянство), *legateship* ~ *delegatcy of the legate, the representative*

of the Pope of Rome (*легатство), *landownership* (владение землей), *lairdship*~ (*in Scotland*) *owing a large estate, etc.*

Нижние ярусы этой системы представлены институциями, маркирующими подчиненный статус в рамках данной социализированной функции: *membership* (членство); *citizenship* (гражданство); *comradeship* (товарищество); *fellowship* (братство); *companionship* (компаньонство); *stewardship* (камергерство); *monitorship* (дежурство в школе); *discipalship* (ученичество при изучении религиозной/философской концепции); *craftmanship* (ремесленничество); *apprenticeship* (ученичество при освоении ремесла); *indentureship* ~ *binding an apprentice to a master by an agreement*; *licentiateship*~ *holding a certificate of competence to practice a particular profession*; *sonship*~ *holding hereditary rights*; *heirship*~ *legitimate owing of property*; *mistress-ship*~ 1) *position and rights of the head, host*, 2) *position of a teacher* и т. д.

Социально-аксиологические параметры институционализации в английской лингвокультуре отражают явное предпочтение исконных социально-функциональных номинаций: так, институции, получившие позитивную общественную оценку, номинируются преимущественно дериватами, образованными антропонимами с древнеанглийскими суффиксами **-dom**, **-hood**, **-ship**, а негативно маркируемые институции зачастую обозначаются с использованием заимствованных из латинского и французского суффиксов **-ery/ry**, **-cy**:

- **-dom** – *kingdom/queendom* (королевство), *sheriffdom* (шерифство), *earldom* (герцогство), *dukedom* (графство), *popedom* (папство), etc.;
- **-hood** – *nationhood* (государство с самостоятельным статусом), *priesthood* (священство), *neighbourhood* (соседство), *knighthood* (рыцарство), *brotherhood* (братство), *boyhood* (мальчишество), *adulthood* (нет эквивалента, ~ период взрослости), etc.;
- **-ship** – *messiahship* (мессианство), *pastorship* (пасторство), *presbytership* (пресвитерианство), *kinship* (родство), *citizenship* (гражданство), *residentship* (жительство), *denizenship* (~ вид на жительство для иностранцев), *companionship* (компаньонство), *dictatorship* (диктаторство), *sensorship* (цензорство), *partisanship* (~ партизанство),

courtship (~ ухажерство), *emperorship* (императорство), *cousinship* (*кузинство), *draughtsmanship* (конструкторство), *curatorship* (~ функции смотрителя музея; нет эквивалента ~ *смотрительство);

- **-ery/ry, -cy** – *wizardry* (колдовство), *slavery* (рабство), *bribery* (взяточничество), *daredevilry* (лихачество), *banditry* (бандитство), *charlatanry* (шарлатанство), *cuckoldry* (*рогоноство), *piracy* (пиратство), *belligerency* (вероломство), *bankruptcy* (банкротство) и т. д.

В дериватах с исконным суффиксом **-ing** оценочная дифференциация коррелирует с социально обусловленными ролевым/профессиональным и процессуальным признаками институционального содержания: *housekeeping* (домоводство), *racketeering* (рэкетирство), *teaching* (учительство), *killing* (убийство), *farming* (фермерство), *bookmaking* (букмейкерство), *poaching* (браконьерство), *flaying* (живодерство), *hairsplitting* (крохоборство), *doomsaying* (пророчество), *inheriting* (наследство), *spying* (шпионство), *coaching* (репетиторство, особенно перед сдачей экзамена), *stealing/thieving* (воровство), etc.⁴

В англосаксонской лингвокультуре институциональные номинации отчетливо дифференцируются по гендерному признаку, который не находит отражения в институциях русской лингвокультуры. Так, английские институции, отражающие место и роль женщины в социальной системе, выражаются номинациями *womanhood* – *state of being a woman* (нет эквивалента в русском языке); *wifhood* – *state of being a wife* (нет эквивалента); *matronhood*⁵ – *arrangement of domestic and medical affairs by a woman in charge at boarding schools or other establishments* (нет эквивалента, ~ *матронство); *mistress-ship* ~ 1) *position and rights of the head, host*, 2) *position of a teacher* (нет эквивалента); *queenhood* (период правления королевы – нет эквивалента); *queendom* (королевство, в котором правит женщина, – нет эквивалента в русском языке). Ср. исторические события, связанные с правлением (*queenhood*) королевы Бодицеи (*Queen Boadicea*), возглавившей сопротивление против отборных римских легионов на территории Великобритании, исполнявшей институции/социальные функции королевы (*queenship*) в пределах своего королевства (*queendom*) в I веке н. э. Однако в английс-

ком языке нет номинаций **princessdom*, **female feifdom*, etc., поскольку согласно историческому прецеденту, связанному с принятым во времена правления династии Капетингов Салическим законом наследования, наследником могло стать только лицо мужского пола: так появились институции *princedom* (княжество) как территориальная единица, управляемая из Лондона, и *male fiefdom* (нет эквивалента в русском языке) как социальные функции хозяина феодального поместья, которым мог быть только мужчина. Этим же объясняется различие институциональных номинаций *daughterhood* (*дочеринство) и *sonship* (*сыновство), где в первом случае маркируется временной признак дочернего статуса, а во втором – функциональный, наследственно-правовой – сыновнего.

Номинанты институций, образованные дериватами от антропонимов и заимствованных из латинского и французского языков суффиксов, преимущественно стилистически маркированы, что выражается либо в негативной оценке социумом этих функций, либо в придании им официального (легитимного) статуса. Так, институции с суффиксом **-e/ry**, **-cy** (denoting an occupation, class or kind, rank or status – AHDEL/COD) обозначают, как правило, отвергаемую общественным большинством функцию жизнедеятельности:

- **-e/ry** – *treachery* (вероломство), *bribery* (взяточничество), *rougery* (жульничество), *usury* (ростовщичество), *mockery* (издевательство), *rivalry* (соперничество), *masonry* (масонство), *buffoonery* (шутовство), *tanfoolery* (дурачество), *savagery* (дикарство), *wizardry/witchery* (колдовство), *hackery* (хакерство), *filbertry* (пижонство), *peasantry* (крестьянство), *cookery* (кухарство), *gentry* (мелкопоместное дворянство как сословие), *chivalry* (рыцарство как сословие), *housewifery* (домохозяйство), etc.;
- **-cy** – *piracy* (пиратство), *bankruptcy* (банкротство), *infancy* (малолетство), *baronetcy* (баронетство), *residency* (жительство), *tenancy* (арендаторство), *regency* (регентство), *degeneracy* (дегенератство), etc.

Институциональные номинации с использованием суффикса **-ty** относятся к официальному стилю и маркируют легитимный статус обозначенных функций по сравнению с исконными обы-

денными номинациями: *principality* (княжество) vs *princedom*, *maternity* (материнство) vs *motherhood*, *fraternity* (братство) vs *brotherhood*, *conjugal* (замужество) vs *wedding*, *paternity*–1) (отцовство) vs *fatherhood*, 2) (авторство) vs *authorship*, *infidelity* (язычество) vs *heathendom*, etc. Здесь же – самые абстрактные институции *качества* – *quality* (> L. *qualitas* from *qualis* «of what kind, of such kind») и *количества* – *quantity* (> L. *quantitas* from *quantus* «how great, how much»).

Институции с суффиксом **-age** (denoting function, result or sphere of action – AHDEL/COD) в большей степени обозначают организационный механизм функционирования в данном узаконенном социальном положении: ср. *orphanhood* (сиротство) vs *orphanage* (residential **institution** for the care and education of orphans – COD); *serfdom/serfhood* (крепостничество) vs *serfage* (**institution** of serfdom); *marriage* (the **formal** union of a man and woman **recognized by law** – COD) – замужество; *espionage* (a **state practice** of spying or the use of spies esp. to obtain information about the plans and activities of a **foreign government** – WNSD) – шпионство; *heritage* (property that descends to a **lawful** heir – WNSD) – наследство; *alienage* (**acknowledgement** of belonging to a foreign country) – чужестранство; *patronage* (support or influence of a person **entrusted** to be a protector, supporter – WNSD) – шефство; *chaperonage* (**social responsibility** of an older woman for the decorous behaviour of a young unmarried girl at social occasions) – попечительство/покровительство; *pilgrimage* (a journey of a pilgrim to an **acknowledged** sacred place or shrine – WNSD) – паломничество; *peerage* (holding the title and rank of peer or peeress) – пэрство; *hermitage* (living in solitude, especially for religious reasons) – отшельничество.

Институции с суффиксом **-ment** (< Fr. < Lat. -mentum), обозначающие форму, средства или результат социально-управленческих действий: *government* – правительство, *establishment* – учреждение (государственное – the Establishment), *management* – директорство, *commitment* – обязательство, *employment* – трудоустройство, *judgement* – судейство, *retirement* ~ *пенсия, etc.

Новая волна заимствований в сфере институциональной номинации приходится на период Ренессанса (XV–XVI вв.), с которым связано возобновление интереса к научным и культурным достижениям античной Греции и Рима. В английскую линг-

вокультуру проникает большое количество греческих и латинских заимствований, номинирующих абстрактные процессы и явления, поскольку научная латынь становится в эту эпоху международным языком западноевропейской науки, культуры, образования. Институциональные номинации из греческого маркируются суффиксом **-ism** (< Fr. *-isme*, via Lat. < Gk. *-ismos*, *-isma*): *messiahism* (мессиянство), *heathenism* (язычество), *sectarianism* (сектанство), *puritanism* (пуританство), *barbarism* (варварство), *monarchism* (монаршество), *republicanism* (республиканство), *clericalism* (клериканство), *heathenism* (язычество), *Anglicanism* (Англиканство = Англиканизм как религиозная институция), *nomadism* (кочевничество), *philanthropism* (филантропство), *voluntarism* (волонтерство), *idealism*, *landlordism*, *fetishism*, *baptism*, *racism*, *gourmandism*, *feminism*, *womanism* – *a form of feminism that acknowledges women's natural contribution to society (esp. among black women)*, *humanism*, *pacifism*, *demonism*, etc.

Особые закрытые лексико-грамматические группы образуют институциональные номинации с полуаффиксами **-cide** (< Lat. *caedere* «killing» – убийство), **-latry** (< Gk. *-latria* «worship» – поклонение), которые в современном английском языке употребляются относительно редко и несут негативную оценку обозначаемых институций:

- *idolatry* (идолопоклонство), *demonolatry* (демонопоклонство), *anthropolatry* (worship of humans as if gods), *bibliolatry* (excessive reverence for books), *gyneolatry* (adoration of women), *hagiolatry* (worship of saints), *Mariolatry* (idolatrous worship of the Virgin Mary), *zoolatry* (worship of animals) – нет эквивалентов в русском языке;
- *homicide* (murder, the killing of a person) – убийство, *infanticide* (the killing of a baby) – детоубийство, *deicide* (the killing of a god) – богоубийство, *fratricide* (the killing of one's brother or sister) – братоубийство, *filicide* (the killing of one's son or daughter) – детоубийство, *regicide* (the killing of a king) – цареубийство, *tyrannicide* (the killing of a tyrant) – убийство тирана, *suicide* (the intentional killing of oneself) – самоубийство, *uxoricide* (the killing of a wife) – женоубийство, *patricide* (the killing of a father), *matricide* (the killing of a mother), *genocide* (the killing of a large number of people within

a single population), *parricide* (the killing of a parent or near relation), *siblicide* (the killing of siblings in animal groups).

Заимствованные из греческого языка институциональные номинации на **-cracy** (< Fr. -cratia, via Lat. from Gk. -kratia «power», «rule») и **-archy** («rule or government» > Gk. arkhein «to rule») являются терминами социально-экономических наук, преимущественно нейтральны и образуют закрытие лексико-грамматические группы:

- *democracy* (Gk. demos «the people»; referred to direct rule through assembly by the citizens of the ancient Greek city states), *aristocracy* (Gk. aristos «the best»; referred to rule by the best comprising people of noble birth with hereditary titles), *ochlocracy* (Gk. okhlos «mob»; mob rule), *plutocracy* (ploutos «wealth»; government by the wealthy), *theocracy* (Gk. theos «god», government by priests – as God's representatives), *hierocracy* (Gk. hieros «sacred», «holy»; government by a ruling body of priests as God's representatives), *autocracy* (Gk. autos «self»; government by one person with absolute power), *gerontocracy* (Gk. geront «old man»; government by old people), *bureaucracy* (a system of government by state officials), *mediocracy* (government by those selected on merit), *mobocracy* (Lat. mobile, abbrev. for mobil evulgus «excitable crowd»; rule or domination by the masses);
- *anarchy* (Gk. an- «without»; a state of disorder), *hierarchy* (Gk. hieros «sacred»; used to denote the system of orders of angels and other heavenly beings; a system ranked accordingly to status), *monarchy* (Gk. monos «alone»; government by a king or queen), *oligarchy* (Gk. oligoi «few»; holding power by a small group of people), *matriarchy* (Lat. mater «mother»; a social organization in which the mother is head of the family), *patriarchy* (Gk. Patria «family»; a social organization in which the father is head of the family), *squirearchy* (based on *squire* + *hierarchy*; landowners as the dominant class).

Особый интерес представляет механизм номинирования институций на **-tion** (< OF. -tion < Lat. -tio WNSD; < Lat. Participial stems ending in -t + **-ion COD**), образующий имена действий и процессов, ставших «интернационалистами» на **-ция**: *intervention* (вмешательство/интервенция), *organisation*, *foundation*, *institution*, *prostitution*, *realization*, etc. Представляется, что в отличие от искон-

ных англосаксонских институциональных номинаций, обозначающих временной, пространственный, функциональный, статусно-ролевой аспекты деятельности конкретного агента, в латинских заимствованиях на **-tion** социализированные функции носят абстрактный, отчужденный от их носителя характер, не специфицируют отдельных характеристик его статуса и выполняемых функций, а номинируют процесс/действие и/или его общественно-признанный результат в форме институции⁶ (ср. *whoredom vs prostitution*).

Анализ дефиниций позволил выявить своеобразную омонимию суффикса **-tion**, которая проявляется в параллельном обозначении процесса/действия (*the action of instituting/establishing*) и его результата (*an organization*) в виде соответствующего института, интегрировавшего разнообразные аспекты выполнения соответствующей функции. **Institution** = 1. A large important organization such as a university, church or bank. Контекст: Class size varies from one type of *institution* to another (результат). 3. A *custom or system* that is considered an important or typical feature of a particular society or group because it has existed for a long time (результат). 4. *The act of starting a new system or custom or bringing it in* (процесс) (CCED). **Intervention** (вмешательство/интервенция) = 1. The interference by a state in another's affairs (процесс). 2. The government exercising it (результат) (CCED).

Подобного рода омонимия процессуального и результативного признаков институций отмечается и в исконных институциональных номинациях: **Dictatorship** (диктаторство) = 1. *The process of governing* a country by a dictator. Контекст: A new era of democracy after a long period of military *dictatorship* in the country (процесс); 2. A country which is ruled by a dictator or by a very authoritarian government. Контекст: Every country in the region was a communist *dictatorship* (результат) (CCED).

Снятие омонимичных значений происходит в результате контекстуального анализа институциональных номинаций: **Occupation** = 3. a) *The process of invasion, conquest and control* of a nation or territory by a foreign military force. Контекст: He has become fluent in German during the Wehrmacht's *occupation of Estonia* (процесс); b) *The military government exercising such control*. Контекст: The Soviet *occupation* (оккупационное правительство) in Romania ... (результат) (CCED). **Invention** = 1. *A machine, device*

or system that has been invented by somebody. Контекст: It has been a tricky business marketing his *new invention* (результат). The spinning wheel was a *Chinese invention* (результат). 2. *The act of inventing something* that has never been made or used before. Контекст: More than eight million books were printed within fifty years *after the invention* of printing press (процесс). *The invention* of the telephone brought the new era of communication (процесс) (CEED).

Процесс институции как типизация функций и закрепление их за конкретными субъектами, становление моделей взаимодействия в устойчивых социальных формах эксплицируется определенным артиклем (*the*) и постпозитивными предложениями (*of, by*), а институция как *результат* описывается при помощи препозитивных атрибутов, притяжательных местоимений и неопределенного артикля (*a*).

Поскольку язык – это коммуникативный инструмент интеграции и дифференциации общества, то в нем с наибольшей частотностью употребляются обозначения наиболее значимых социальных феноменов. Поэтому тематическая классификация институций в англосаксонской лингвистической культуре позволяет представить структуру данного институционального пространства.

Наибольшее количество англосаксонских институций (32,5 %) связано с реализацией властных функций и полномочий, прав и обязанностей: *kingdom, queendom, kingship, queenship, emperorship, tsardom, principedom, principality, sheriffsdom, sherriffship, sheriffhood, earldom, thanedom, squiredom, squireship, serfdom, serfhood, serf-ownership, thralldom, gentry, fiefdom, chieftainship, clanship, slavery, knighthood, baronetcy, regency, residency, citizenship, denizenship, ambassadorship, etc.* Большинство греко-латинских заимствований маркируют тип власти (*democracy, aristocracy, autocracy, ochlocracy, plutocracy, theocracy, hierocracy, gerontocracy, bureaucracy*) и ее характер (*anarchy, hierarchy, monarchy, oligarchy, etc.*).

Далее по убыванию социальной значимости следуют управленческие институции, характеризующие положение акторов в системе субординации (16 %): *headship, dictatorship, aldermanship, premiership, senatorship, governorship, mayorship, deputyship, councillorship, principalship, directorship, leadership, chairmanship,*

protectorship, censorship, membership, rivalry, companionship, comradeship, fellowship, instructorship, guardianship, sponsorship, etc., – и профессиональные институты, отражающие статус и роли индивида в системе общественного разделения труда (26,5 %): *judgeship, marshalship, professorship, penmanship, scholarship, authorship, apprenticeship, stewardship, craftsmanship, matronship, mistress-ship, dealership, draughtsmanship, housekeeping, racketeering, teaching, killing, farming, bookmaking, poaching, flaying, hairsplitting, doomsaying, spying, coaching, stealing/thieving, usury, housewifery, banditry, wizardry, witchery, piracy, bribery, masonry, cookery, hackery, chivalry, brokerage, etc.*

Значительное место в общей структуре институциональных номинаций занимают социально-функциональные формы воспроизводства человеческого фактора в обществе, дифференцирующие семейные отношения в систему специфических статусов (16 %): *grandparentship, adulthood, womanhood, manhood, motherhood, fatherhood, mistress-ship, wifehood, husbandhood, sonship, daughterhood, brotherhood, sisterhood, maidenhood, girlhood, cousinhood, cousinship, heirship, heirdom, bachelorhood, spinsterhood, widowhood, widowerhood, orphanhood, toddlerhood, infancy, clanship, kinship, etc.*

Достаточно представительны религиозные институты (9 %): *messiahship, saintship, sainthood, sainthood, popedom, priesthood, parstorship, presbytership, priorship, legateship, precentorship, martyrdom, prophethood, Christendom, heathendom, discipalship, abbotship, Anglicanism, baptism, etc.* Они формируют морально-нравственные императивы и принципы бытия людей, определяют структуру их ценностей и смысложизненные приоритеты, создавая латентную основу выбора и интегрируя их в качестве агентов религиозных общностей.

Реальные пропорции англосаксонского институционального пространства, установленные на основе анализа соответствующих номинаций в языке, представлены на диаграмме (рис. 1).

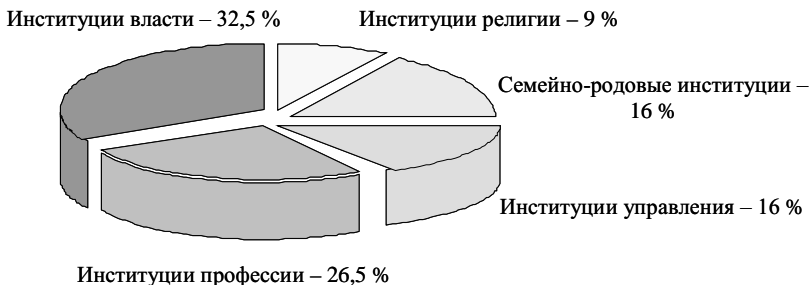

Рис. 1. Структура институциональных номинаций в англосаксонском лингвистическом пространстве

Институциональные номинации выполняют также презентационную функцию, под которой предлагается понимать трехчастный взаимосвязанный процесс, представляющий собой: 1) когнитивно-номинативную фиксацию говорящим индивидом объективно окружающей его действительности (мира) или реальности субъективной, то есть сконструированной им самим (возможно-го мира, реально не существующего) в сознании, представленной в концептуально-образной форме, которая представляет собой набор дескриптивных признаков, характеризующих объективную действительность с учетом корректив ее индивидуального восприятия; 2) оценку и селекцию дескриптивных признаков зафиксированных концептов и образов, которые индивид полагает наиболее важными для реализации его жизненных, в том числе коммуникативных потребностей; 3) использование результатов селекции этих признаков для целей влияния и воздействия в процессе коммуникации.

Для соборной ментальности российского общества характерно диффузное номинирование институционального пространства, в результате чего преобладает целостное восприятие социальных институций, игнорирующее их специфику и выражаемое суффиксом широкого значения **-ство**. Для англосаксонской культуры, напротив, характерно когнитивно-целесообразное представление (презентация) стороннему наблюдателю (иному миру, «чужим» культурам) четкой дифференциации институций по их масштабу, общественной значимости, сфере реализации и степени детализации и т. д.

В информационном пространстве англосаксонской лингвокультуры институции представлены многообразными дескрипциями, что не свойственно отечественному институциональному лингвистическому пространству. Поэтому в англосаксонский номинативный процесс вовлекается огромное число вариаций функционально обремененных образов и концептов социальной значимости, что нехарактерно для российского номинативного процесса, предстающего функционально монотонным. Не случайно в русском языке имена существительные с суффиксом **-ство** обозначают как субъектов институциональной деятельности, так и ее объектов (ср.: *президентство, председательство* и т. д., с одной стороны, и *хозяйство, средство* и пр. – с другой), что часто приводит к совпадению терминов, обозначающих институции и институты – например, *государство, министерство, хозяйство* и т. п.

Выявленные словообразовательные компоненты дифференциации институциональных признаков в англосаксонской лингвокультуре являются знаками, обеспечивающими идентификацию и демонстрацию сущности социальных институций и институтов посредством их детализированных описаний и сложных образов, которые могут быть представлены в виде особых функциональных единиц языка и речи – презентем. Последние будем трактовать как мельчайшие информационные единицы отражения реальности в языке, представляющие собой сложные лингвосемиотические (знаковые) комплексы, состоящие из когнитивно освоенных субъектом образов окружающего мира и переданных другому субъекту в ходе коммуникации с целью воздействия на него. Процесс коммуникации может быть представлен в виде разворачивающейся во времени и в пространстве последовательности презентем, как сугубо семиотически (визуально), так и дискурсивно (преимущественно вербально).

Этот презентационный процесс в определенной степени подвержен своеобразной театрализации, поскольку сугубо семантически каждая институциональная номинация содержит в себе сценарные компоненты: достаточно проанализировать семантику институций, сформированных на базе основы **sheriff-**. Институции *sherriffship, sheriffdom, sheriffhood* не только анонсируют функциональные различия, но еще и номинируют раз-

личные образы действия агента, транслируя обществу его детализированные ролевые ипостаси. В первом случае (*sheriffship*) потенциалом воздействия обладает презентема «статус облеченной властью персоны и соответствующие этому статусу процедуры и действия», во втором (*sheriffdom*) – презентема «место или территория, на которую распространяется власть персон», в третьем (*sheriffhood*) – презентема «время пребывания шерифа у власти и соответствующие этому сроку его деяния». Разумеется, воздейственный потенциал каждой из упомянутых номинаций выявляется лишь в соответствующем контексте (дискурсе). Так, контекст *His glorious sheriffship was emblazoned in hymns and legends* разворачивает перед потребителем дискурса героическую картину правления управляющего территорией, в которой он неминуемо предстает как мудрый администратор, сумевший настолько грамотно вести дела, что они были сочтены достойными воспевания и увековечивания (мифологизации). Употребление в том же контексте номинанта *sheriffhood* переключает вектор позитивного воздействия на «славные времена», которые не могли бы быть «славными» без мудрого руководства. Тот же контекст при погружении в него *sheriffdom* номинативно «высвечивает» процветание всей территории, находившейся под юрисдикцией воспеваемой персоны.

Детализацией функций и разграничением соответствующих оценок объясняются различия в гендерно-маркированных институциональных номинациях *daughterhood* (*дочеринство) и *sonship* (*сыновство), где в первом случае выделяется относительно временная легитимно-ограниченная роль дочери в семье, а во втором – постоянный функциональный статус сына как будущего наследника и распорядителя семейной собственностью. Как видим, экономическая основа социальных институций является приоритетной при их номинации, что позволяет предположить высокую научную эффективность междисциплинарных исследований (лингвисты + филологи + экономисты + историки + ...) институциональной структуры различных обществ посредством анализа соответствующих номинаций.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Институциональные номинации в англосаксонской лингвокультуре представляют собой формы отражения в языке ре-

ально существующих социальных форм типизации и воспроизводства функций акторов. По своей сути эти номинации глубоко аналитичны, описывая и характеризуя отдельные типологические аспекты и классификационные признаки этих институций (пространственный, темпоральный, функциональный и т. д.). Англосаксонские институциональные образы и концепты, как правило, номинативно и информативно насыщены, детализированы, их семантическая «картинка» предельно детализирована и визуализована, чего не скажешь о слабо сфокусированных (эврисемантических) номинациях русскоязычной лингвокультуры, представленных синкретично. Это обстоятельство во многом связано с типом ментальности «языковой личности» сопоставляемых лингвокультур – преимущественно соборным, коллективистским мировоззрением россиян и прагматическим индивидуализмом англосаксов.

Наиболее разработанным и потому наиболее представительным в англосаксонской лингвокультуре является функциональный аспект институциональной номинации, маркированный самым частотным и продуктивным суффиксом **-ship**. Это подтверждает обоснованный в ряде экономических исследований (Иншаков, Фролов, 2002; Иншаков, 2002) тезис о том, что в основе институции лежит функция, исполняемая в данном обществе определенными субъектами. Закономерно, что гендерный признак в англосаксонских институциональных номинациях отражен системно и последовательно, включая описания институций власти (*queendom, queenhood, queenship, girlhood, maidenhood, daughterhood, womanhood, wifehood, matronhood, mistress-ship, womanism, etc.*), что свидетельствует о более активном участии женщин в становлении и развитии механизмов и институтов англосаксонского общества по сравнению с российским.

Литература

Дудина И.А. Практикум по переводу терминологии теории новой институциональной экономики: English – Russian. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004.

Иншаков О.В. Глобальная природа и современная теория факторов общественного бытия // Философия хозяйства. 2002. № 5. С. 99–112.

Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Соисс. 2003. № 9.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

¹ Материал исследования насчитывает более 200 лексических единиц-номинантов институций, отобранных методом сплошной выборки из Concise Oxford Dictionary of the English Language (COD), The American Heritage Dictionary of the English Language (AHDEL), Webster's New Students Dictionary (WNSD), Collins Cobuild English Dictionary (CCED).

² Для английского и русского языков характерно отсутствие однозначных соответствующих терминов для институтов или (чаще) институций. Это еще более затрудняет решение задачи согласования терминологии отечественной и зарубежной институциональной теории (см.: Дудина, 2004).

³ Интересно, что в отличие от однокорневых номинаций *serfhood* и *serfdom*, функциональный признак данной институции закрепляется за владельцем крепостных (*serf-owner*).

⁴ Относительно частотная институция русского лингвопространства «взымательство» в англосаксонской лингвокультуре отсутствует, лакуарна, а соответствующая функция представлена именем действия (*to blackmail*) и деятеля (*a blackmailer*).

⁵ Любопытно, что противоположный член гендерной оппозиции в словарях не зафиксирован: **patronhood*, **patronship*.

⁶ *Institute* v = to establish (COD); *Institute* n = an organization for the promotion of science, education, etc. *Institution* n = 1. an organization founded for a religious, educational or social purpose: an official organization with an important role in a country; 2. an established law or custom; 3. the action of instituting.

Глава 31

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС
В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

С позиций социолингвистики дискурс – это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, что позволяет акцентировать и специально исследовать его институциональный аспект. Представляется возможным выделить применительно к современному социуму политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса. Разумеется, приведенный список может быть скорректирован. Важно отметить, что институциональный дискурс исторически изменчив – исчезает общественный институт как особая культурная система и, соответственно, растворяется в близких, смежных видах дискурса свойственный исчезающему институту дискурс как целостный тип общения его агентов между собой и с представителями других институтов. Например, в современной России вряд ли можно установить охотничий дискурс, поскольку охотничество как особая хозяйственная институция (Иншаков, 2003) утратило свои позиции в новой институциональной макрогенерации (Маевский, 1999), характерной для современной России, а число ее агентов ограничено узкими рамками проведения досуга, перестав быть образом жизни.

Для определения типа институционального общения необходимо учитывать статусно-ролевые характеристики участников общения (учитель – ученик, врач – пациент, офицер – солдат), цель общения (педагогический дискурс – обучение нового члена общества, политический дискурс – сохранение или перераспределение власти), прототипное место общения (храм, школа, стадион, тюрьма и т. д.). Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Разу-

меется, любое общение носит многомерный, партитурный характер и его типы выделяются с известной степенью условности. Полное устранение личностного начала превращает участников институционального общения в манекенов, но, вместе с тем, существует интуитивно ощущаемая участниками общения граница, выход за которую подрывает основы существования того или иного социального института. Институциональность носит достаточно градуальный характер. Ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации – учителя и ученика, священника и прихожанина, ученого и его коллеги, журналиста и читателя (слушателя, зрителя). Следует отметить, что центральные концепты, образующие основу общественных институтов, обладают большой генеративной силой в том плане, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составлять достаточно объемный словарь. Примером может послужить «Кратологический словарь», представляющий собой тезаурус по политологии, организованный вокруг концепта «власть» (Халипов, 1997).

Институциональный дискурс строится по определенному шаблону, но степень трафаретности различных его типов и жанров различна. Дело в том, что в реальной жизни прототипный порядок дискурса часто нарушается. Р. Водак приводит характерный пример медицинского дискурса, в основе которого лежит схема необходимых и достаточных коммуникативных действий, связанных с приемом пациента в одной из клиник Вены: 1) пациента приглашают в кабинет; 2) пациент раздевается и ложится на кушетку; 3) один из присутствующих врачей производит осмотр; 4) пациент одевается и возвращается в прихожую; 5) врач, который осуществил осмотр, диктует результаты своему коллеге, затем они обмениваются мнениями либо врач сам делает записи в рабочем журнале; 6) приглашают следующего пациента. Фактически эта схема очень редко воплощается в жизнь, поскольку попутно в кабинет заходят коллеги; врач отвечает на телефонный звонок; медсестра приносит рентгеновский снимок предыдущего пациента; обнаруживается, что потеряна учетная карта пациента и медсестра отправляется ее искать; электрокардиографический прибор не функционирует; следующий паци-

ент, который записался на определенное время, заглядывает в кабинет и т. д. Все участники общения привыкли к отклонениям и накладкам и реагируют на них нормально (Wodak, 1996, p. 55–56). Вероятно, существуют мягкие и жесткие разновидности институционального дискурса. Приведенный пример иллюстрирует мягкую разновидность коммуникативного события, структура которого весьма вариативна, но ее определяющие компоненты – осмотр и его фиксация – не могут исчезнуть. Примером жесткой разновидности институционального дискурса являются различные ритуалы – военный парад, защита диссертации, вручение награды, церковная служба. Необходимо отметить, что с позиций социолингвистики, то есть с учетом того, кто и в каких обстоятельствах принимает участие в общении, можно выделить столько типов дискурса, сколько вообще существует типизируемых личностей и соответствующих обстоятельств, например, дискурс театральной репетиции, молодежной дискотеки, психотерапевтической консультации и т. д.

Базовые социологические характеристики бытового и институционального общения пронизательно схвачены в трудах известного американского социолога И. Гоффмана, который разработал категориальный аппарат для измерения личности как участника социального действия: 1) благо (*good*) – желаемые объект или состояние; 2) притязание (*claim*) – право на обладание, контроль, использование и распоряжение благом; 3) претендент (*claimant*) – лицо, предъявляющее права на благо; 4) препятствие (*impediment*) – действие, средства или источники, ставящие притязание под угрозу; 5) контр-претендент (*counter-claimant*) – лицо, от имени которого исходит угроза притязаниям на то или иное благо; 6) агенты (*agents*) – индивиды, разыгрывающие роли претендента и контр-претендента применительно к притязаниям; 7) фиксированные, ситуативные и эгоцентрические территории индивида (например, квартира, скамейка, на которой сидит человек, кошелек в его кармане); 8) ритуальные условные действия, поддерживающие и исправляющие усилия индивида, направленные на достижение блага (*supportive and remedial interchanges*); 9) знаки связанности (*tie-signs*) – принадлежность индивида определенным коллективам

в качестве их члена и связь с другими индивидами через социальные отношения (Goffman, 1974, p. 51, 52, 88, 124, 226).

Для анализа дискурса наиболее интересны коммуникативные действия, посредством которых индивид стремится осуществить свои права на получение символического блага либо отвести угрозу от своих притязаний на это благо. Например, совершив неодобряемое действие, виновник этого проступка пытается объяснить свое поведение и выбирает следующие варианты тактики поведения:

- утверждает, что приписываемый ему проступок не имел места;
- доказывает, что обстоятельства действия радикально отличались от того, что ему ставится в вину;
- говорит, что он не знал о возможных последствиях проступка;
- признает вину, но ссылается на непреодолимые обстоятельства, такие как усталость или страсть;
- соглашается с обвинением и признается, что не задумывался о последствиях.

Эти линии объяснения сводятся к трем моделям поведения: полному раскрытию всех обстоятельств случившегося проступка, частичному уменьшению своей вины и заранее заготовленному оправданию. В этой связи речевое действие извинения представляет собой сложный социально-драматургический процесс, главный участник которого как бы распадается на две части: на виновного в совершении проступка и на того, кто осуждает этот проступок, признавая принятые правила поведения. В наиболее полной форме извинение, как отмечает И. Гоффман, включает пять элементов: 1) выражение неудобства и огорчения; 2) понимание того, как надо было себя вести и принятие наказания (отрицательных санкций); 3) словесно выраженное самоосуждение; 4) обещание вести себя впредь хорошо; 5) демонстрация раскаяния и стремления искупить свою вину (Goffman, 1974, p. 140–144).

Важное место в концепции И. Гоффмана принадлежит понятию «ключ», «переключение» (key, keying), которое понимается как серия условных перекодирований той или иной деятельности, имеющей свой смысл в некотором исходном сцена-

рии, но воспринимаемой участниками общения в новом смысле. К числу таких переключений относятся игры (действия «понарошку»), игровые соревнования, церемонии, изменения в оформлении действий (*technical redoings*), изменения в мотивировках (*regroundings*) (Goffman, 1974, pp. 43, 44, 48, 58, 74). Институциональный дискурс в значительной мере может быть прояснен, если исследователь примет в качестве исходной посылки тезис о переосмыслении бытового дискурса в социально-функциональном смысле, поскольку обыденное общение является генетически исходным и содержит в свернутой форме особенности общения на статусно-представительском уровне. С позиций бытового общения многие моменты институционального дискурса кажутся странными, например, символические жесты военного дискурса, или ритуальные формулы юридического дискурса, произносимые во время заседания суда, или формульные модели дипломатического этикета.

Переход от бытового дискурса к институциональному связан с определенными трудностями, о которых в свое время писал Б. Бернстайн, разграничивая расширенный и сокращенный коды общения (*elaborated and restricted codes*). В условиях обыденного общения все коммуниканты хорошо знают друг друга, ведут разговор о конкретных делах и не испытывают необходимости рассуждать о сложных материях либо объяснять близкому человеку очевидные вещи, поэтому разговор ведется при помощи сокращенного кода, который имеет высокую контекстную зависимость. Выходя за рамки обыденного общения, сталкиваясь с незнакомыми людьми, человек вынужден создавать для них необходимую фоновую информацию на основе предположений о том, чего собеседник, вероятно, не знает, и поэтому общение при помощи расширенного кода в меньшей мере зависит от контекста. Люди, относящиеся к среднему классу в традициях современной цивилизации, должны свободно переключать коды в общении. Этому учат школа и университет. Представители недостаточно образованных социальных слоев не владеют приемами общения при помощи расширенного кода, так как дома и в приятельской среде такое общение бессмысленно, что в известной степени препятствует их самореализации в жизни (Bernstein, 1979, p. 164–167).

Контекстная зависимость является величиной, определяющей не только личные и социально-групповые, но и национально-культурные особенности общения. Сравнивая культуры с высокой и низкой контекстной зависимостью, И.Э. Клюканов предлагает в качестве ключевых моментов для определения этнокультурного типа использовать следующие параметры:

- эпистемность характеризует коммуникативный универсум с точки зрения отношения культуры к знанию в целом, показывая, сколь успешно субъект функционирует в незнакомых ситуациях и насколько он тяготеет к сознательному поиску новой информации;
- акториальность позволяет описать коммуникативное расстояние между представителями сравниваемых культур, то есть степень зависимости поведения от мнения сообщества, приоритет сохранения лица как уважения со стороны других либо как самоуважения;
- пространственность трактуется как приемлемая в обществе степень авторитарности поведения. Например, американцы считают российскую культуру более авторитарной, чем свою, это прослеживается в приглашениях, стремлении прийти на помощь и т. д., обратное же воспринимается россиянами как замкнутость, неискренность, нежелание идти на контакт;
- темпоральность позволяет охарактеризовать отношение представителей культуры к временному континууму. Так, дуализм полихроничности времени в традиционных сообществах и монокроничности в понимании времени представителями современной западной цивилизации ведет к повышенной чувствительности последних к точности измерения времени, опозданиям, успеху как опережению, фетишизации скорости и т. д. (Клюканов, 1999, с. 23–26).

Анализируя лингвокультурные основания мышления применительно к западноевропейской и восточно-азиатской культурам, Т.Н. Снитко устанавливает фундаментальное различие между ними в виде позиции осваивающего мир человека: познание либо понимание. Культура познания представляет собой противопоставление субъекта и объекта, отсюда закономерны вопросы о природе объекта «Что есть это?» и ответы в виде понятий,

совокупность которых и составляет основу культуры. Культура понимания – это погруженность в мир, неразрывная связь человека и окружающего его мира, акцент на связях, а не на противоположностях между мирами, и поэтому закономерен вопрос «Что есть мир для меня?». Западная лингвокультура стремится вербализовать смысл, а восточная – показать его в богатстве его символических связей. Символическая природа иероглифов-понятий обеспечивает им широкие возможности смыслопорождения в культурном пространстве, символ обращен к духовному миру человека как целому, а не только к его разуму (Снитко, 1999, с. 16, 17, 141). Понимание есть, прежде всего, осознание себя в контексте, а познание – отталкивание от контекста.

Попытка разработать категориальный аппарат для социально-культурного измерения общения предпринята в монографии Р. Ходжа и Г. Кресса «Социальная семиотика», где обоснована модель «логономической системы», представляющей собой набор правил, предписывающих условия для производства и восприятия смыслов, которые (условия) определяют, кто имеет право устанавливать и получать смыслы, какие темы могут наделяться смыслами, при каких обстоятельствах и в какой модальности это может происходить. Эти правила в наибольшей степени выражены в условностях этикета, законодательстве, производственных отношениях. Логономические правила определяют жанровую специфику дискурса, будь это производственное совещание, газетное интервью или лекция в университете (Hodge, Kress, 1988, pp. 3–6). Рассматриваемая модель наделяет общественной значимостью широкий круг взаимосвязанных явлений, включающих речь, одежду, пищу, жилище, образ жизни, при этом «социальными маркерами» могут служить любые переосмысленные предметы или явления. Знание ключей переосмысления является показателем принадлежности индивидуума к определенному институту.

В этой главе предлагается описание институционального дискурса по определенной схеме: типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы. Проиллюстрируем сказанное на материале педагогического и научного дискурса.

Участники педагогического дискурса – учитель и ученик. Учитель наделен правом передавать ученику знания и нормы поведения, принятые в данном обществе, и оценивать его успехи. Учитель персонифицирует мудрость поколений и поэтому априорно обладает высоким авторитетом. В современном русском языке возникла потребность лексически разграничить характеристики учителя как социального типа, поэтому сформировался семантико-стилистический ряд дифференцирующих понятий: *учитель, преподаватель, воспитатель, наставник, педагог, доцент, профессор, ментор, тренер, инструктор, гуру, гувернер (гувернантка), репетитор*. Семантически противопоставляются слова, обозначающие человека, который передает предметные знания в какой-либо области (*преподаватель*), и того, кто оказывает влияние на формирование характера растущего человека (*воспитатель, наставник*).

Предметный аспект статуса учителя уточняется характеристикой типа учебного заведения, в котором он осуществляет свою деятельность (начальная, общеобразовательная, высшая школа), при этом в средней школе градация учительской квалификации отражена только в документах, определяющих квалификационный разряд (категорию), а в высших учебных заведениях такая квалификация формально закреплена в ученых званиях. Отдельно обозначена профессия спортивного педагога (*тренер*) и человека, который учит конкретным навыкам (например, *инструктор* по стрельбе или по вождению автомобиля). Для подготовки к экзаменам в частном порядке обращаются к помощи *репетитора*. В дворянском быту дореволюционной России к воспитанию и домашнему обучению детей часто привлекались *гувернеры* и *гувернантки*, обычно иностранцы. В словарь вошло заимствованное слово для названия наставника в религиозном становлении человека (*гуру*), теперь этот термин используется не только в контекстах, связанных с буддизмом, но для обозначения человека, являющегося высшим авторитетом для ученика в особых областях знания, обычно закрытого для посторонних. Обучение не заканчивается за школьной партой или студенческой скамьей, на производстве его ведут *наставники*. Крайне интересна ассоциативная семантика слова «педагог»: здесь подчеркивается профессиональная подготовка (сравним: педагогические и учительс-

кие, преподавательские учебные заведения), способность к этому виду деятельности и высокая оценка личности преподавателя («Кто Ваш педагог?»).

Отрицательная характеристика наиболее распространенного дефекта личности учителя (эта профессия, как и всякая другая, может деформировать личность) выражена в слове «ментор», или, скорее, в прилагательном «менторский» (постоянно поучающий, навязчиво воспитывающий); обычно говорят о менторском (или дидактическом) тоне. В английском, впрочем, *mentor* – *a wise and trusted counselor* (WEUD) – не имеет отрицательных коннотаций и означает «наставник»: так, например, говорят о своем научном руководителе. Интересно, что в русском языке нет специального слова для обозначения человека, выдающего себя за учителя (сравним: врач может быть шарлатаном, ученый – дилетантом, писатель – графоманом), если не рассматривать слово *лжеучитель*, относящееся к религиозной сфере общения.

Реалии нашей жизни таковы, что статистически в школах работают в основном женщины, особенно в начальных классах. Поэтому в Русском ассоциативном словаре преобладающей реакцией на стимул «учительница» является слово «первая», характеристики «добрая» и «любимая» значительно перевешивают реакции «строгая» и «мучительница». Стимул «учитель» представлен гораздо меньшим и поэтому менее надежным количеством реакций, из которых оценочные уравнивают друг друга («добрый», «любимый» – «злой», «мучитель»). С возрастом оценка респондентов меняется по содержанию: преподаватель – не «добрый» или «злой», а «умный» или «глупый», «хороший» или «плохой». Гендерная специфика распределения учителей в школе привела к тому, что у нас может быть «училка» (и «воспиталка» в детском саду), но нет параллельных обозначений для мужчин. Сленговое студенческое «препод» или «проф» – это оценочно нейтральные слова.

В английском идеографическом словаре-тезаурусе П. Роже (Roget) дан весьма значительный список слов, ассоциативно связанных с понятием «teacher» – «учитель»: *teacher, preceptor, mentor, guide; minister, pastor; guru, sage; instructor, educator; tutor, private tutor, coach; governess, nursemaid, keeper; educationist, educationalist, pedagogue; pedant, wiseacre; schoolmarm; schoolmaster*

or mistress, schoolteacher, class teacher, subject teacher; assistant teacher, department head, head teacher, head, headmaster or -mistress (Brit), principal, chaplain; student teacher, monitor; prefect, proctor; dean, chairman or -woman, chairperson, chair, fellow; lecturer, expositor, exponent, interpreter; prelector, assistant professor, associate professor, professor, adjunct professor, chaired professor, visiting professor, professor emeritus; catechist, catechizer; initiator, mystagogue; confidant, consultant, adviser; teaching staff, faculty, professoriate.

В этом издании приводятся и синонимичные формы этого существительного: *Other Forms – scholar: don, reader, professor, pedagogue, teacher; sage: master, mentor, guide, guru, pundit, rabbi, teacher; interpreter: interpreter, clarifier, explainer, exponent, expounder, expositor, exegete, teacher, religious teacher; lecture: lecturer, teacher; director: director of studies, teacher; adviser: guide, philosopher and friend, mentor, confidant (e), teacher; expert: professional, pro, specialist, authority, doyen, professor, teacher; master: schoolmaster or -mistress, teacher.*

В приведенном списке даны различные наименования преподавателей высшей и средней школы Англии и США с детальной характеристикой реалий их образовательной системы. Для некоторых из них трудно, а порой невозможно подобрать адекватные аналоги в русском языке, например, такие обозначения, как *visiting professor (A professor on leave who is invited to serve as a member of the faculty of another college or university for a limited period of time, often an academic year – университетский преподаватель, который во время своего отпуска приглашен в другой колледж или университет для временной работы на определенный период, обычно на учебный год), professor emeritus (Retired but retaining an honorary title corresponding to that held immediately before retirement – ушедший в отставку профессор университета, имеющий право на это звание и, как правило, пожизненное жалованье в размере прежней заработной платы – tenure – the status of holding one's position on a permanent basis without periodic contract renewals: a teacher granted tenure on a faculty)*. В перечне П. Роже даны обозначения религиозных учителей в различных конфессиях (интересно, что в английском «учитель» и «проповедник» сближаются как семантически, так и по форме: *teacher – preacher*), приводятся наименования специалистов в области тео-

рии педагогики (*educationist, educationalist, pedagogue* – последнее слово содержит негативную ассоциацию «педантичный»).

Обращение к учителю со стороны учащегося на любой ступени обучения в русской лингвокультуре требует названия имени и отчества, в английской лингвокультуре используется формула *Mr/Ms + фамилия (Mr. Preston)*, в репликах, адресованных учителям-мужчинам, школьники используют вежливое слово *sir*. В университетском общении возможна более свободная система обращения в зависимости от того, каковы обстоятельства общения – возраст преподавателя, степень личного знакомства с ним, место встречи (большая лекционная аудитория, небольшой класс для практического занятия, неформальная встреча вне стен учебной аудитории). К учащимся учителя обращаются официально по фамилии, неофициально – по имени.

Наименования учащихся в русском языке вариативны, хотя и уступают количественно наименованиям учителей (это закономерно, поскольку агенты института обозначаются всегда более детально, чем клиенты). Наименования учащихся различаются по ступени обучения (*школьник, пятиклассник, студент, второкурсник, аспирант*), по виду учебного учреждения (*курсант, слушатель, адъюнкт, семинарист*), по успеваемости (*отличник, двоечник* – эти понятия, кстати, лишь описательно переводятся на английский, но в высшей школе англоязычных стран более четко концептуализировано понятие «*стипендиат*», поскольку стипендию там надо выиграть в конкурсе), по отношению к периоду обучения (*выпускник*). В словаре П. Роже мы сталкиваемся приблизительно с такой же ситуацией: *student, university student, college student, coed, collegian, seminarist; undergraduate, undergrad, freshman, frosh, sophomore; former student, alumnus, alumna; scholarship-holder, Rhodes Scholar; honors student; graduate student, fellow; mature student, researcher, specialist*.

Other Forms – inquirer: student, seeker, thinker, seeker of truth, philosopher; scholar: student, serious student, learner; learner: pupil, scholar, schoolboy or -girl, student.

Специфика английского языка состоит в более широком обозначении понятия «*student*» – «тот, кто изучает что-либо»: *a person who makes a thorough study of a subject; Example: a keen student of opinion polls* (Collins).

Хронотоп педагогического дискурса четко очерчен: это время, закрепленное за учебным процессом (школьный урок, университетская лекция), и место, где соответствующий процесс происходит (школа, класс, учебная аудитория). Метафорика школы рассматривается в статье О.В. Толочко (1999). Автор показывает, что школа в произведениях художественной литературы ассоциируется с войной, адом, посещением врача, каторгой, судом, духовной смертью. Пространство школьного класса семиотически распределено в виде территории учителя (учительский стол, пространство перед классной доской, доска) и территории учащихся (парты), при этом задние парты («камчатка») часто являются местом, где любят сидеть слабо успевающие ученики, а передние парты – это либо места для слабовидящих и низкорослых учеников, либо места, куда сажают тех, кто мешает вести урок, либо – в старые времена – места для лучших, «первых учеников». Учитель имеет право находиться в любом месте класса, передвигаться по классу, учащиеся должны сидеть на своих местах и выходить к доске только по вызову учителя. Учащиеся обязаны выполнять ритуальные действия: приветствовать учителя в начале и конце урока коллективным вставанием, показывать готовность к ответу специальным жестом – поднятием согнутой в локте руки, а готовность к слушанию – лежащими на парте руками, согнутыми в локтях, при этом ладонь правой руки покоится на локте левой (учителя начальных классов внимательно следят за соблюдением этих жестов).

Цель педагогического дискурса – первичная социализация нового члена общества, т. е. объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов.

Ценности педагогического дискурса объясняются его системообразующей целью и могут быть выражены аксиологическими протокольными предложениями, то есть высказываниями, содержащими операторы долженствования (следует, нужно, должно) и положительные ценности. Такие предложения являются исследовательским конструктом, но в ряде случаев они могут получать реализацию в определенных кодексах, могут быть за-

шифрованы в пословицах, могут проявляться в различных модификациях (вплоть до пародирования и прямого отрицания) в прецедентных текстах и, главным образом, находят прямое выражение в ситуациях коммуникативного сбоя, когда участники общения вынуждены формулировать то, что обычно подразумевается и является условием нормального общения. Например, существует ряд модифицированных вариантов императива «*Старших нужно уважать*»: «*Яйца курицу не учат*», «*Старый конь борозды не испортит*», «*Старая раковина жемчуг дает*», «*Почитай старших – вас станут почитать младшие*» и т. д.

Издержки составления полного списка ценностей педагогического дискурса весьма велики, ведь этот аспект дискурса представляет собой коммуникативное пространство, в котором происходит метаморфоза почти всех моральных ценностей, в том числе относящихся к религиозному, научному и политическому типам.

Кроме того, ценности дискурса несут идеологический заряд, следовательно, в разных социальных системах возможны расхождения между ними. Ценностная «картина мира» представляет собой не совокупность дискретных образований, а особый континуум, который членится людьми с известной долей условности. Тем не менее можно очертить примерный вариант такого списка, открытый для расширения, модификаций и корректировок:

- Жизнь есть благо, поэтому следует ценить жизнь, в том числе свою, ближних и дальних людей, а также всех живых существ.
- Познание есть благо, поэтому следует учиться. Следует с почтением относиться к учителю, к источникам знания, прежде всего – книгам, к процессу учения и месту обучения.
- Знания приходят с опытом и возрастом, поэтому следует с почтением относиться к старшим. Они должны наставлять младших, младшим следует учиться у старших.
- Учение сопряжено с преодолением трудностей, поэтому следует проявлять упорство и настойчивость в учении. Следует поощрять упорных и порицать нерадивых учеников, помогать обучаться.

- Учение неразрывно связано с ошибками, которые следует замечать и исправлять.
- Знания могут быть поверхностными и глубокими, но следует стремиться к получению последних знаний. Следует с почтением относиться к носителям глубоких и достоверных знаний, необходимо проверять поверхностные знания.
- Знания передаются постепенно, поэтому следует определять меру знания для ученика. Нужно передавать знания ученикам, подготовленным к усвоению этих знаний, избегая поспешности и замедленности в обучении.
- Знания закрепляются в повторениях, упражнениях и практике, поэтому следует многократно повторять то, что должно быть усвоено.
- Учитель должен быть образцом для ученика.

Ценности педагогического дискурса соответствуют ценностям социализации как общественного явления, реализуемого всей системой институтов, в том числе рядом специальных. Существует несколько путей выявления ценностей дискурса. Во-первых, это моделирование культурных концептов, необходимым компонентом которых являются ценности, что позволяет установить ценностную картину мира применительно к определенному этносу или социуму (Карасик, 1994, 1996). Во-вторых, это моделирование нормативных постулатов и следствий в рамках поведенческих стереотипов, например, приоритет родственных отношений «муж и жена» либо «родители и дети»: первая модель соответствует западноевропейской и американской культурной парадигме, вторая – китайской (Hsu, 1969). В-третьих, это анализ топосов, или общих мест в риторике, например, народная педагогика, отраженная в пословицах: характеристики трудолюбия и лени, честности и нечестности, смелости, трусости и безрассудства, гордости и утраты доброго имени, терпеливости и нетерпеливости, бескорыстия и корысти, скромности и нескромности, силы и слабости (Рождественский, 1997, с. 523–524).

Литература

Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социс. 2003. № 9.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.

Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология – Philologica. 1994. № 3. С. 2–7.

Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999.

Маевский В.И. Эволюционная теория и неравновесные процессы (на примере экономики США) // Экономическая наука современной России. 1999. № 4.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997.

Снитко Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах. Пятигорск: Изд-во Пятигорск. лингв. ун-та, 1999.

Толочко О.В. Образ как составляющая концепта «школа» // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Перемена, 1999. С. 178–181.

Халипов В.Ф. Власть: Кратологический словарь. М.: Республика, 1997.

Bernstein B. Social Class, Language and Socialization // Language and Social Context: Selected Readings. Harmondsworth: Penguin, 1979. P. 157–178.

Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1974.

Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Cambridge: Polity, 1988.

Hsu F.L.K. The Study of Literate Civilizations. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1969.

Wodak R. Disorders of discourse. L.; N. Y.: Longman, 1996.

Глава 32

СИСТЕМА СТРАТЕГИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Коммуникативная функция институционального дискурса реализуется в ряде специфических взаимосвязанных форм –

объясняющей, оценивающей, контролирующей, содействующей и организующей, – которые состоят из коммуникативных интенций, конкретизирующих основную цель социализации человека – превращение его в члена общества, разделяющего систему универсальных и специфических ценностей, знаний и мнений, норм и правил поведения. Раскроем систему соответствующих стратегий поведения и общения на примере педагогического дискурса, приняв во внимание его ведущую роль в сохранении преемственности в обществе.

Объясняющая коммуникативная стратегия представляет собой последовательность интенций, сориентированных на информирование человека, сообщение ему знаний и мнений о мире. Эта интенция реализуется во множестве жанров педагогического общения: от бытового разговора между родителями и детьми об окружающей действительности (наименование предметов, их характеристики и связи) до философской беседы между учителем и его последователями. Именно эта интенция отражена в исходном значении глагола *учить* – «передавать знания». Разумеется, мы говорим не только о знаниях, то есть о сложившейся системе информации, признаваемой в обществе в качестве коллективного объективного достояния, но и о мнениях, то есть об индивидуальных субъективных представлениях. Научные и обыденные знания пересекаются, во многих случаях не совпадая: научная система знаний о мире две тысячи лет тому назад вряд ли будет признана объективной по меркам сегодняшнего дня. Данная стратегия в наибольшей степени сближает педагогический дискурс с научным: разница состоит в том, что педагогический дискурс не нацелен на поиск объективной истины, он опирается на аксиоматику, которую следует принять на веру. Соответственно и намерение учителя сводится к передаче накопленного опыта, а не к поискам новой информации. О. Розеншток-Хюсси, в известной степени прямолинейно схематизируя действительность, верно определил основную сущность педагогического дискурса – это передача традиций, это повествование, это запись человеческой истории, человек «заслонен своим поступком, он замещен фактом, который теперь передается и записывается для потомства» (Розеншток-Хюсси, 1994, с. 198–199). Для ученика же

цели педагогического дискурса в значительной степени совпадают с целями научного общения.

Коммуникативная стратегия как рубрика для речевых действий может быть обозначена глаголами речи. В теории речевых актов велась дискуссия по поводу возможности их исчисления по языковому наименованию. Сложилось два полярных подхода к решению этого вопроса: выделяется столько речевых действий, сколько есть в языке глаголов для их именованя, и столько речевых актов, сколько можно установить коммуникативных ситуаций. Недостатки первого (вербоцентристского) подхода – попытка заменить метаязык естественным языком с его размытой семантикой (чем, например, отличаются речевые акты «хвастаться» и «хвалиться») и невозможность выделить речевые действия, для которых нет однословного наименования (сделать комплимент, сказать колкость); недостаток второго (ситуативноцентристского) подхода – известный субъективизм классификации. По-видимому, целесообразно сочетать оба подхода, при этом на начальном этапе вербоцентристский подход является с некоторыми оговорками достаточно обоснованным приемом для выделения интересующего нас корпуса явлений.

Дискуссионный вопрос о том, является ли термин «объяснить» родовым понятием в данном контексте, остается открытым. Итак, объяснять – значит называть, характеризовать, определять, соотносить, обобщать, конкретизировать, спрашивать, отвечать, интерпретировать, переформулировать. Называя что-либо в педагогическом дискурсе, учитель показывает, произносит имя, отчетливо проговаривая его, выделяет наименование предмета из слов в составе высказывания. Назвать – значит предъявить, обозначить и акцентировать. Характеризуя названное явление, учитель раскрывает его признаки. Здесь можно было бы и остановиться, сказав, что характеристика предмета с лингвистических позиций есть содержательный анализ этого предмета, описание сигнификата понятия. Действительно, определение, сравнение, обобщение, конкретизация и интерпретация являются разновидностями характеристики. Вместе с тем эти уточнения объясняющей стратегии настолько важны, что заслуживают специального выделения. В узком смысле слова характеристика есть описание предмета.

Последовательно раскрывая свойства и качества предмета, учитель приходит к выделению наиболее существенных признаков, то есть к определению понятия. Если логическое определение строится на родо-видовом соотношении признаков, то для педагогической дефиниции требуется не столько научная точность, сколько соответствие новой информации уровню знаний адресата. Педагогическая дефиниция имеет тройную ориентацию: во-первых, требуется адекватная характеристика предмета (научная ориентация), во-вторых, определение предмета должно быть понятно получателю речи (адресатная ориентация), в-третьих, отсюда вытекает процессуальность дефиниции, ее временный и рабочий характер на каждом этапе обучения, поскольку в целом задача состоит не в том, чтобы определить нечто, а в том, чтобы научить определять (процессуальная ориентация). Данные три свойства педагогической дефиниции в некотором смысле противоречат друг другу. Противоречие разрешается в нестандартных формах определения, например, в загадках (Коротеева, 1999).

Определение подчинено цели дискурса. Например, в толковом словаре С.И. Ожегова слово *волк* раскрывается как «хищное животное, родственное собаке» (СО), в четырехтомном Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой – как «хищное животное сем. Псовых, обычно серой окраски, родственное собаке» (МАС). В английских толковых словарях находим следующие дефиниции: *wolf* – wild, flesh-eating animal of the dog family, hunting in packs (OALD); erect-eared straight-tailed coarse-furred tawny-grey fierce usu. Gregarious carnivorous doglike mammal of genus *Canis*, esp. *Canis lupus*, preying on sheep etc. Or combining in packs to hunt larger animals (COD). В словаре для детей (РАФИСК) сказано: «Волк – это дикое животное. Он похож на собаку. Волки живут стаями». В Русском ассоциативном словаре (РАС) приводятся характерные признаки этого животного в коллективном сознании респондентов: *серый, злой, голодный, зубастый, страшный* и др. Для многих детей волк – это знакомый по сказкам страшный зверь, который съел Красную Шапочку и безжалостно убивает слабых и маленьких животных – зайцев, овец (попытка высмеять волка в известном мультфильме «Ну, погоди!» являются карнавальным переверачиванием детских страхов). За-

дача педагогической дефиниции – сформировать в сознании адресата культурный концепт, в состав которого входят разнообразные признаки образного, понятийного, оценочного, инструментального характера.

Научная дефиниция (определение по Краткому Оксфордскому словарю в максимальной степени приближено к энциклопедической дефиниции) стремится к фиксации существенных для познания признаков (млекопитающее, хищное стадное животное такого-то разряда), в то время как педагогическая дефиниция направлена на закрепление в памяти как объективно-описательных, так и оценочно-предписательных признаков, необходимых для правильного поведения при встрече с этим животным: это опасный дикий хищный (поедающий других животных) зверь. Экологический оценочный признак, как видим, в приведенных дефинициях отсутствует.

Одним из направлений определений является сравнение, выявление сходства и различия данного явления в сопоставлении с другими. Эта мыслительная операция является, по-видимому, базовой; не случайно вывод по аналогии (трандукция) характерен для людей, не получивших систематического образования. Основой для объясняющей стратегии в данном случае является опора на опыт адресата. Соотнесение является дискурсивным дейктиком, указателем на знакомые ситуации, характеристики, явления. Существует набор языковых способов соотнесения явлений, например, *как известно; в прошлый раз мы говорили о том, что...; помните ли вы...* С грамматической точки зрения соотнесение является операцией выделения темы высказывания (тематизацией). Операция соотнесения прослеживается в любом языке, это – универсальная характеристика мышления, но в языках с грамматически выраженной категорией определенности тематизация представлена наиболее отчетливо. Так, на билете в музей мадам Тюссо в Лондоне написано: *«Where the People meet THE people»* – «Где народ встречается с известными людьми». Соотнесение и сравнение в педагогическом дискурсе позволяют не только подготовить почву для выделения признаков нового явления, но и систематизировать прежние знания.

Обобщение (генерализация) и ограничение (детерминация) представляют собой важнейшие операции теоретического позна-

ния, позволяют выделить классы и оперировать абстрактными именами, пользоваться дедукцией и индукцией в мышлении. Эти логические ходы в объяснении являются формальным признаком образованного человека. В научной литературе приводятся результаты социолингвистического анализа собеседования с людьми, пережившими смерть: разница в образовательном цензе респондентов состояла, как пишут Л. Шатцман и А. Стросс, не в грамматической правильности речи и богатстве вокабуляра, а в четырех факторах – взгляд на событие с чужой точки зрения, учет позиции адресата, классификаторы, иерархическая организация повествования (Schartzman, Strauss, 1972, p. 207–215). Недостаточно образованные люди уверены в том, что их собеседник должен понимать их с полуслова, они не способны описывать событие в различных аспектах, принимать во внимание то, что рассказу должно предшествовать пояснение, им не удается отвлечься от наблюдаемого мира, различные фрагменты которого выстраиваются в их речи в однопорядковую цепь. В целом такая ущербность общения объясняется тем, что этим людям приходилось говорить только с хорошо знакомыми им людьми на бытовые темы, пользуясь «ограниченным кодом», по Б. Бернстайну (Bernstein, 1979, p. 164). Операции отвлечения (абстрагирования) и обобщения (генерализации) так же, как связанные с ними операции конкретизации и перехода от общего к частному, основываются на вычленении признаков предметов и закрепляются в человеческой практике, но способность артикулировать ненаблюдаемые признаки развивается с помощью специальных приемов (обобщающая, изолирующая, идеализирующая абстракция) (Кондаков, 1976, с. 11). Обобщение в процессе объяснения выражается также в виде резюмирования, кратко подведения итогов с выделением основных мыслей.

Объяснение диалогично по своей природе, и хотя диалог шире, чем вопросно-ответное единство, вопросы и ответы занимают в процессе передачи знаний ведущее место. Учитель, стремясь побудить познавательную активность учащихся, ставит вопросы и, объясняя, дает на эти вопросы ответы. Специфика вопросов и ответов в педагогическом дискурсе заключается в том, что учитель, задавая вопрос, должен заранее знать ответ. Представляет интерес классификация вопросов на информативные и

псевдоинформативные высказывания: к последним, в частности, относятся вопросы-загадки и вопросы викторин (Гедз, 1998). Отвечая на информативный вопрос, адресат ликвидирует незнание адресанта, отвечая же на псевдоинформативный вопрос, он демонстрирует свои знания. Как показано в цитируемой работе, задавая вопрос, говорящий влияет на активное, деятельное поведение собеседника, и это влияние в рамках ситуации коммуникативного сотрудничества реализуется посредством речевых актов реквестива (просьбы) и пропозива (предложение услуг, приглашения и запроса относительно желания адресата), а в конфликтной ситуации, задавая вопрос, говорящий прибегает к речевым актам угрозы и упрека. В лингвистических исследованиях противопоставляются информационные и риторические, уважительные и контролирующие, верификативные и апеллятивные, модальные и диктальные вопросы (Арутюнова, 1998; Чахоян, 1979; Goody, 1978). Вопросы в педагогическом дискурсе, разумеется, представлены во всей полноте своих первичных и вторичных функций, но специфика экспликативных (объясняющих) вопросов заключается в постепенном раскрытии сущности предмета, и поэтому прототипным вопросом в рассматриваемом дискурсе является вопрос в эвристическом диалоге Сократа (Михальская, 1998, с. 44–47). Соответственно ответ в педагогическом дискурсе – это стимул к постановке нового вопроса.

Важнейшая характеристика познания – интерпретация действительности, то есть толкование, направленное на раскрытие смысла. Противопоставляя значение и смысл как объективное абстрактное и субъективное конкретное содержание, человек в процессе интерпретации окружающего мира определяет предметы и явления для себя, здесь и сейчас. Обычно об интерпретации говорят применительно к содержанию художественного произведения, то есть в тех случаях, когда возможно неоднозначное толкование смысла. Педагогическая интерпретация представляет собой увязку учителем новой для ученика информации с жизненным опытом и мировоззрением ученика. Например, в курсе лекций по языкознанию в разделе «Прагмалингвистика» (тема: «Постулаты общения») в качестве педагогической интерпретации объясняемого теоретического материала может служить следующий комментарий: «Анализ постулатов об-

щения имеет большую практическую значимость для понимания инокультурных норм поведения. Так, в англоязычной культуре коммуникативная дистанция на уровне социального общения (то есть общения с незнакомыми и полунзнакомыми людьми) для представителей среднего класса превышает дистанцию соответствующего уровня, принятую в России, и это выражается не только в том, что англичанин или американец могут в разговоре инстинктивно отшатнуться, если к ним подойти ближе, чем у них это принято, но и в тональности беседы, которая должна быть непременно приятной и вежливой; проблемные темы на социальной дистанции обычно табуируются, откуда и фразы "It's your problem", "Business as usual" (Это – ваша проблема, это – обычный бизнес). На это следует обратить внимание в живом общении, при просмотре фильмов и чтении художественной литературы». Педагогическая интерпретация часто реализуется как рассказ о собственном опыте, это весьма убедительное средство доказательства при передаче знаний.

В процессе объяснения нередко приходится возвращаться к предмету речи, повторять, показывая разные стороны проблемы. В этих случаях уместным оказывается прием переформулирования, перифразы, названия одного и того же явления разными именами. Этот прием полезен не только для оживления внимания, но и для развития речи, а также и для осознания неоднозначного соотношения слова и идеи. Кроме того, перифраза выполняет функцию косвенного контроля понимания: участники педагогического дискурса могут увидеть, насколько глубоко усвоен материал.

Оценивающая стратегия педагогического дискурса выражает общественную значимость учителя как представителя норм общества и реализуется в его праве давать оценку как событиям, обстоятельствам и персонажам, о которых идет речь при обучении, так и достижениям ученика. Разумеется, оценка в чистом виде встречается весьма редко, обычно она сопряжена с выражением личностного отношения. Показателями личностного отношения выступают модусные операторы «Мне нравится / не нравится», в частности, эмоциональные знаки («Ах, какое было время!»). Эмоции выражают отношение человека к содержанию знания в виде субъективной значимости этого содержания для

языковой личности (Шаховский, 1995, с. 12). Общеоценочное значение выражается операторами «хорошо – плохо», частнооценочные значения могут быть сенсорно-вкусовыми («душистый»), психологическими («увлекательный»), эстетическими («уродливый»), этическими («добрый»), утилитарными («вредный»), нормативными («правильный»), телеологическими («эффективный») (Арутюнова, 1998, с. 198–199). Оценивать – значит хвалить, порицать, критиковать, мотивировать, определяя место объекта на условной оценочной шкале, устанавливать идеалы и эталоны.

Похвала – это объективированная, вербальная форма одобрения, то есть высказанная положительная оценка кому- или чему-либо. Речевой акт похвалы включает одобрительный отзыв в прямой или косвенной форме, может содержать как обще-, так и частнооценочные значения. Порицание выступает в качестве антипода похвалы. В педагогическом дискурсе похвала редко переходит в восхваление и прославление, в то время как порицание легко трансформируется в осуждение и обвинение. Тем самым нарушается специфика именно педагогического общения. В естественном языке, как известно, существует асимметрия положительной и отрицательной оценки, слова с отрицательным оценочным значением превалируют в общей лингвистической структуре. Это объясняется тем, что негативно маркируемые события имеют большее значение для человека, позволяя извлекать опыт и устанавливать императивы в поведении. Специфика успешного педагогического дискурса заключается в изменении естественного языкового оценочного баланса: положительная оценка поступка адресата может трансформироваться в положительную оценку адресата в целом как личности, а отрицательная оценка соответствующего поступка не должна подвергаться подобной трансформации, поскольку ее следствием может стать потеря учеником чувства собственного достоинства. Наиболее эффективным является порицание «с глазу на глаз», поскольку в публичной форме оно неизбежно вызывает протест и поэтому не практикуется в современной высшей школе Великобритании и США, хотя в нашей стране закрепилась в качестве традиционного элемента педагогического дискурса. Принцип *path dependence* оказывает влияние в том числе и на практики преподавания.

Критика представляет собой обсуждение с целью выявления достоинств и недостатков и вынесения оценки. В процессе критического обсуждения в педагогическом дискурсе определяются оценочные стереотипы, то есть объекты, входящие в классификационные структуры и обладающие стандартным набором признаков (Вольф, 1985, с. 57), например, образы отлично выполненного чертежа, правильно решенной задачи, красиво прочитанного стихотворения. Критика тесно связана с мотивировкой оценки, которая направлена на формирование у адресата системы ценностей и формулируется в виде аксиологического протокольного предложения либо его эквивалента. Например: *Нельзя опаздывать, потому что человек должен быть дисциплинированным*, что означает осуществлять самоконтроль на основе общих правил, представляющих собой нормы и установленные модели поведения в сочетании с механизмами социального санкционирования. Агентам образовательных институтов следует соблюдать законы и контролировать себя – в этом ряду протокольных предложений выражены ценности коллективной жизни.

Важнейшей характеристикой оценки является наличие оценочной шкалы, точки которой выделяются в соответствии с заранее выработанными критериями. Основным критерием для градации является возможность фиксации некоторого состояния для объективного определения его количественных и качественных характеристик. Например, критериями оценки «7 баллов» по десятибалльной системе на экзамене по английскому языку могут быть обеспечение в процессе чтения понимания основного содержания текста, ведение аргументации посредством простых языковых штампов; выявление в ходе говорения навыков поддержания беседы с наводящими вопросами, причем налицо недостаточное выражение собственного отношения к теме, нарушение связности высказываний; в грамматике сделано 7–9 ошибок¹. В педагогическом дискурсе оценка сопряжена с ее градуальным выражением (*получить «пятерку» на экзамене по физике*), но при переходе в иные виды институционального дискурса столь жесткая цифровая градация оценки выглядит абсурдно (*исповедаться на «тройку»*). В естественном языке градация обычно распространяется на оценку отклонений качества объекта от нормы

в сторону недостатка или избытка, например: трусость – храбрость – безрассудство.

Контролирующая стратегия в педагогическом дискурсе представляет собой сложную интенцию, направленную на получение объективной информации об усвоении знаний, завершенности умений и навыков, осознании и принятии системы ценностей. Ее можно трактовать как особый механизм обратной связи, выражающейся в проверке готовности к получению некоторого объема информации, в контроле понимания во время объяснения и после предъявления нового материала. Вместе с тем эта стратегия включает действия учителя по формированию ответственности и дисциплинированности как необходимых качеств жизни в коллективе. Контролировать – означает поддерживать контакт с адресатом, стимулируя его внимание, вести опрос, экзаменовать, тестировать.

Поддерживая контакт с адресатом (обычно коллективным в случае педагогического дискурса), учитель осуществляет невербальный контроль общения, дозирует время объяснения нового и повторения пройденного материала, называет этапы занятия, соотносит моменты информативного и фактического (контактоустанавливающего) общения. Существуют дискурсивные фразы для привлечения внимания, это, прежде всего, обращения, этикетные формулы, замечания, специальные комментарии. Знаком привлечения внимания может послужить изменение громкости голоса как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения силы звука, а также значимое молчание учителя. К числу способов привлечения внимания относятся и намеренные неправильные ходы в объяснении, например, сообщение о логической структуре материала и пропуск одного из компонентов: *Известный отечественный языковед Б.Н. Головин выделяет четыре типа грамматических категорий – категории слов, словоформ и словесных конструкций* (намеренно пропущена категория словесных позиций).

Как текущий, так и итоговый опрос представляет собой серию заданий, в которых формулируются наиболее важные моменты применительно к темам теоретических дисциплин и практических курсов. Содержание заданий может быть выражено в виде вопросительных или побудительных предложений; в пись-

менном опросе формулировки обычно даны как номинативные повествовательные предложения. Сказанное относится и к экзаменационным заданиям. Основное отличие экзамена как формы итогового контроля знаний, умений и навыков состоит не в содержательном, а в ситуативно-статусном отношении: экзамен представляет собой формальную процедуру оценки, параллельно реализующую важную функцию ритуала, обозначая определенный этап в жизни человека. Экзамен как вид педагогического дискурса является инициацией и в институциональном смысле значит гораздо больше, чем контрольное мероприятие. Различного рода тесты, то есть «стандартные задания, применяемые с целью определения умственного развития, специальных способностей, волевых качеств человека и других сторон его личности» (МАС) широко используются в педагогическом общении. Различаются тесты для внешней самопроверки; с пробелами, которые требуется заполнить, и с выбором правильного ответа из нескольких предложенных вариантов; стимулирующие креативную или клишированную речь и т. д.

Содействующая стратегия педагогического дискурса состоит в поддержке и исправлении учащегося. Эта стратегия имеет много общего с оценивающей, но различие заключается в том, что оценка направлена на установление объективного положения дел, а содействие – на создание оптимальных условий формирования личности человека (критика либо эмпатия). Содействующая стратегия выражается в виде положительного отношения к адресату как исходного постулата общения; она отражена в таких универсальных высказываниях, как следующие: *Человеку свойственно ошибаться; Не ошибается только тот, кто ничего не делает; Действительна только благожелательная критика; Where there is a will, there is a way.*

Организирующая стратегия дискурса заключается в совместных действиях участников общения: 1) этикетные ходы педагогического дискурса (приветствия, обращения, знаки внимания); 2) директивные ходы (*Откройте тетради; Прочитайте текст на стр. 24*), а также трафаретные формулы, используемые при возникновении и разрешении конфликта; 3) тренировочные и игровые высказывания как на уроке, так и во время внеклассных мероприятий.

Стратегии дискурса выделяются с известной степенью условности, являясь исследовательской абстракцией. В реальном общении существует совокупность интенций, переходящих друг в друга, быстро меняющихся в зависимости от изменения условий интеракции, которая отнюдь не является суммой отдельных действий, но основана на смене и координации стратегий (Макаров, 1998). Кроме того, идеально сконструированный тип институционального дискурса в действительности встречается очень редко.

Жанры педагогического дискурса могут быть исчислены либо в рамках дедуктивной модели, построенной на основании тех или иных признаков (например, цели, типы участников и сценариев, степень ритуализации и т. д.), либо на основании реально существующих, естественно сложившихся форм общения, для которых возможно выделить прототипные (канонические) единицы: урок, лекция, семинар, экзамен, родительское собрание, диспут, беседа родителей и ребенка, учителя и ученика и др. Наиболее важные жанры дискурса распадаются на виды (обычный урок, урок-экскурсия, урок-зачет и т. д.). Они тесно связаны с его стратегиями (Милованова, 1998): так, одним из жанров педагогического дискурса является определение – важный компонент объясняющей стратегии. Учебные дефиниции отличаются от логических, свойственных научному дискурсу, поскольку для объяснения признаков достаточности (то есть опоры на знания адресата) не менее важен, чем признак полноты (то есть объективной характеристики явления). В педагогическом дискурсе выделяются остенсивные, классификационные, трансформационные, интерпретационные, экземплификативные, инструментальные, косвенные, а также квази- и псевдодефиниции (Коротеева, 1999, с. 3).

Речь учителя как представителя профессиональной институции может быть измерена с помощью подсчета актуализаторов стратегий (в данном случае имеются в виду такие стратегии общения, как уверенное либо неуверенное речевое поведение, акцентирование автором элементов высказывания, удовлетворение им прагматических ожиданий получателя), в результате чего приходим к выводу: типичными чертами речи учителей являются убежденность, уверенность, категоричность; умение

выделить коммуникативно-значимую информацию; способность излагать материал в достаточном и развернутом объеме (Ленец, 1999, с. 3, 8). Эти характеристики речи учителя имеют универсальный характер.

Распространенной разновидностью коммуникативной неудачи в речи учителя является неправильно выраженное порицание, цель которого – добиться, чтобы ученик изменил свои действия в нужном направлении, – не достигается вследствие замещения речевого акта побуждения выражением эмоционального состояния учителя, сопровождаемым оскорблением и унижением учащегося (Базилевская, 1991, с. 19). Для моделирования педагогического дискурса очень важен учет коммуникативных потребностей школьников. Так, для младших школьников характерны (по данным специального исследования) следующие коммуникативные потребности: поговорить с окружающими о своих чувствах, о том, что его интересует, волнует; получить интересующую информацию; узнать о жизни взрослого или сверстника; послушать интересный рассказ, сказку, смешную историю; прибегнуть к установлению эмоционального контакта через физический (просто обнять маму, папу, прикоснуться к учителю, подержать за руку подругу). Очень часто эти потребности не удовлетворяются. Дети (70 % опрошенных) считают, что взрослые редко используют позитивные оценки, чаще – негативную лексику (Лемяскина, 1999, с. 9–10).

К числу прецедентных текстов педагогического дискурса относятся прежде всего школьные учебники и хрестоматии, правила поведения учащихся, а также многие известные тексты детских книг, сюжеты популярных художественных и мультипликационных фильмов, тексты песен, пословицы, поговорки, известные афоризмы на тему учебы, знаний, отношений между учителем и учеником.

Заслуживают внимания определенные выражения, свойственные именно педагогическому дискурсу и определяющие данный тип общения. Например: «Садись, два!» – учитель ставит ученику отрицательную отметку за ответ, что сопряжено с объяснениями дома, последующим наказанием и связанными с этим эмоциями ученика. Все учащиеся в русской лингвистической культуре остро осознают и переживают фразу в устах учителя «К дос-

ке пойдет...», в этот момент каждый, затаив дыхание, ждет, кто окажется «жертвой». К числу моментально угадываемых диалогов относится следующий: «Где твой дневник?» – «Дома забыл». – «А голову ты дома не забыл?». Интересно отметить, что в военно-учебных заведениях, где отрицательные оценки связаны с дисциплинарными наказаниями, в частности, отсутствием увольнения из части во время выходных, курсанты используют стандартную формулировку: «Извините, я сегодня не готов к занятию». – «Почему?» – «Недопонял». Такое выражение психологически переносит часть вины на преподавателя, который недостаточно успешно объяснил материал. Нельзя не согласиться с О.В. Толочко (1999), доказывающей, что в педагогическом дискурсе выделяется система таких оценочно насыщенных концептов, как «школа», «урок», «экзамен», «отличник» и «двоечник», «дневник», «отметка» и др., в совокупности образующих концептосферу «образование».

Итак, педагогический дискурс объективно выделяется в системе институционального дискурса, системообразующими признаками которого являются участники, хронотоп, цель, ценности, стратегии, жанры и прецедентные тексты. Стратегии педагогического дискурса – последовательности интенций речевых действий в типовой ситуации социализации – могут быть охарактеризованы как объяснение, оценка, контроль, содействие и организация деятельности основных участников этого дискурса – учителя и ученика.

Научный дискурс традиционно привлекает к себе внимание лингвистов. Его участниками являются исследователи, общение которых осуществляется на основе принципа равенства в том смысле, что никто из участников не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого из них критически относиться к результатам как чужих, так и своих изысканий. В научном сообществе принято уважительное обращение «коллега», нейтрализующее все статусные признаки. Вместе с тем ученые отличаются своим стремлением устанавливать различные барьеры для посторонних, в том числе ученые степени и звания, а также сложную систему членства в академических структурах разного ранга и значимости. Диада «агент – клиент», удобная для описания участников институционального дискурса, при-

менительно к его научному типу нуждается в модификации. Дело в том, что задача ученого — не только «добыть» знания, оценить их и «выдать на суд» общественности, но и подготовить себе смену. Поэтому ученые выступают одновременно в нескольких статусно-ролевых ипостасях — исследователя, педагога, эксперта, популяризатора и др. Клиенты научного дискурса четко очерчены только на его периферии, в целом же это широкая публика, которая читает научно-популярные журналы и смотрит соответствующие телепередачи, с одной стороны, и начинающие исследователи, которые проходят обучение на кафедрах и в лабораториях, — с другой.

Хронотопом научного дискурса является обстановка, типичная для научного диалога. Последний может быть устным и письменным, поэтому для него подходят как зал заседаний, лаборатория, кафедра, кабинет ученого, так и библиотека — прототипное место письменной формы данного дискурса.

В одном из новейших исследований подчеркивается, что целью научного общения является вывод нового знания об объекте, его свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный заданными коммуникативными канонами — логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстрактивизацией предмета речи (Аликаев, 1999, с. 60–68). Правда, автор ведет речь не о научном дискурсе, а о научном функциональном стиле. Это означает, что акцент делается не на характеристиках участников и обстоятельств общения, а на текстуальных особенностях, которые вытекают из специфики языковых единиц, используемых в соответствующих текстах. В рамках научного стиля автор выделяет собственно научный (академический), научно-учебный, научно-технический, научно-публицистический, научно-информационный и научно-разговорный подстили. При этом в основу противопоставления академического и научно-технического подстилей положено не их дисциплинарное содержание, а доминирование теоретической или экспериментально-прикладной ориентации. Научно-учебный и научно-публицистический подстили являются периферийными по отношению к академическому как архетипу, но они весьма частотны, поэтому такого вида тексты фиксируют состояние дисциплинарного знания в определенный

период. Научно-информационный подстиль является пограничной областью между научным и официально-деловым стилями.

Сравнив русские и немецкие фрагменты подстилей, выделенных в рамках научного стиля, Р.С. Аликаев доказывает, что максимальным межкультурным сходством характеризуются центральные подстили научного стиля, а наибольшее различие свойственно научно-публицистическому (научно-популярному) подстилю. Он устанавливает прагматические характеристики научного стиля: 1) типизированный отстраненный субъект и объект речи, которые находятся в равных ролевых позициях; 2) типизированные условия общения, которые предполагают свободный обмен мнениями; 3) равные пресуппозиции участников; 4) сформированная традиция общения и наличие значительного пласта общих текстов. Рассматривая жанры научной речи, автор дифференцирует их на основании двух критериев – членимость / нечленимость и первичность / вторичность макротекста, выделяя в качестве первичных монографию, диссертацию, статью, а под вторичными понимая автореферат, аннотацию, тезисы (Аликаев, 1999, с. 81, 116). Научно-разговорный подстиль, в котором разграничиваются доклад и полемическое выступление, не отличается принципиальными особенностями, тип мышления, как показано в другой работе, является более сильным фактором, чем форма речи (Богданова, 1989, с. 39). Заслуживает внимания специальное исследование, посвященное монографическому предисловию как особому типу вторичного научного текста, представляющему собой метатекст (информацию об информации), в котором реализуются различные виды прагматических установок – интродуктивная, экспозитивная, дескриптивная и др. (Бельх, 1991, с. 7).

Ценности научного дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах (истина, знание, исследование), сводятся к признанию познаваемости мира, к необходимости умножения знаний и доказательства их объективности, к уважению к фактам, к беспристрастности в поисках истины («Платон мне друг, но истина дороже»), к высокой оценке точности в формулировках и ясности мышления. Эти ценности сформулированы в изречениях мыслителей, но не выражены в специальных кодексах, они вытекают из этикета, принятого в научной среде, и могут быть сформулирова-

ны в виде определенных оценочных суждений: *Изучать мир необходимо, интересно и полезно; Следует стремиться к раскрытию тайн природы; Нужно систематизировать знания; Следует фиксировать результаты исследований (отрицательный результат тоже важен); Необходимо подвергать все сомнению; Интересы науки следует ставить выше личных интересов; Целесообразно принимать во внимание все факты; Важно учитывать достижения предшественников («Мы стоим на плечах гигантов»)* и т. д.

Оценочный потенциал ключевого для научного дискурса концепта «истина» сводится к следующим моментам: истина требует раскрытия; она неочевидна; путь к ней труден и на нем возможны ошибки и заблуждения; сознательное искажение истины подлежит осуждению; ее раскрытие требует упорства и большого труда, но может прийти и как озарение; истина независима от человека. Истина сравнивается со светом, метафорой абсолютного блага; она едина, а путей к ней множество. Истине противопоставляется ее видимость и ложь. В русском языке осмысление истины зафиксировано в диаде «правда – истина». Системным контекстом для концепта «истина» выступает совокупность оппозитивных концептов «правда», «заблуждение», «ложь», «фантазия», «вранье» (Гак, 1998, с. 44). Для научного дискурса актуальным является выявление и обоснование отклонения от истины, то есть доказательство заблуждения, способы которого достаточно детально разработаны в логике.

Стратегии научного дискурса определяются его частными целями: 1) определить проблемную ситуацию и выделить предмет изучения; 2) проанализировать историю вопроса; 3) сформулировать гипотезу и цель исследования; 4) обосновать выбор методов и материала исследования; 5) построить теоретическую модель предмета изучения; 6) изложить результаты наблюдений и эксперимента; 7) прокомментировать и обсудить результаты исследования; 8) дать экспертную оценку проведенному исследованию; 9) определить область практического приложения полученных результатов; 10) изложить полученные результаты в форме, приемлемой для специалистов и неспециалистов (студентов и широкой публики). Эти стратегии можно сгруппировать в следующие классы: выполнение исследования, его экспертиза и внедрение в практику полученных результатов.

Стратегии научного дискурса реализуются в его жанрах, среди которых – научная статья, монография, диссертация, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, научно-технический отчет, рецензия, реферат, аннотация, тезисы. Письменные жанры научного дискурса достаточно четко противопоставляются по признаку первичности / вторичности (статья – тезисы), хотя ведутся дискуссии по поводу того, что считать прототипным жанром научного дискурса – статью или монографию. Спорным является и вопрос о том, относится ли вузовский учебник к научному дискурсу. Устные же жанры данного дискурса более размыты: например, выступление на конференции меняется по своей тональности в зависимости от обстоятельств (пленарный доклад, секционное выступление, сообщение, дополнение, комментарий, доклад на заседании круглого стола и т. д.). Л.В. Красильникова (1999) рассматривает жанр научной рецензии и выделяет его важнейшие функции – репрезентацию научного произведения и его критическую оценку. Соотношение этих функций в тексте конкретной рецензии в значительной мере обусловлено фактором адресата: для читателя, незнакомого с рецензируемым текстом, важно получить представление о нем, поэтому рецензия должна включать элементы реферативного обзора, в то время как для специалистов в определенной области науки (и для автора, произведение которого рецензируется) в первую очередь важна оценка выполненной работы. Существенное изменение в жанровую систему научного дискурса вносит компьютерное общение, размывающее границы формального и неформального дискурса в эхо-конференциях. Стратегии дискурса являются ориентирами для формирования текстовых типов, но жанры речи кристаллизуются не только в рамках дедуктивно выделяемых коммуникативных институциональных стратегий, но и в соответствии со сложившейся традицией. Чисто традиционным является, например, жанр диссертаций, поскольку для определения уровня научной квалификации автора вполне достаточно было бы обсудить совокупность его публикаций. Но в качестве ритуала, фиксирующего инициацию нового члена научного сообщества, защита диссертации в ее нынешнем виде молчаливо признается необходимой. Ритуал, как

известно, является важным способом обеспечения преемственности в социальном институте.

Тематика научного дискурса охватывает очень широкий круг проблем, но принципиально важным в этом вопросе является выделение естественнонаучных и гуманитарных областей знания. Гуманитарные науки менее формализованы и обнаруживают сильную зависимость объекта познания от познающего субъекта: показательно стремление философов противопоставлять научное и философское знание. Научный дискурс характеризуется выраженной высокой степенью интертекстуальности, поэтому опора на прецедентные тексты и их концепты (Сльшкин, 2000) для рассматриваемого дискурса является одним из системообразующих признаков. Интертекстуальные связи применительно к тексту научной статьи представлены в виде цитат и ссылок и выполняют референционную, оценочную, этикетную и декоративную функции. Прецедентными текстами для научного дискурса являются работы классиков науки, общеизвестные цитаты и терминологические обороты, названия монографий и статей, прецедентными становятся и иллюстрации: так, лингвистам хорошо известны фразы *«Colourless green ideas sleep furiously»* и *«Flying planes can be dangerous»*, используемые в работах по генеративной грамматике, а современные экономисты широко оперируют терминологическими метафорами типа «невидимая рука», «трансплантация экономических институтов», «макрогенерация», «ядро развития», «правила игры» и др. (Смит, 1993; Полтерович, 2001; Маевский, 2001; Иншаков, 2003; Норт, 1997).

Под дискурсивными формулами понимаются своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте, интегрирующие всех его агентов. Существуют четкие ориентиры, позволяющие, например, во многих случаях отличить литературоведческое исследование от лингвистического. Сравним: *«Итак, на конкретном историко-культурном фоне Йейтс свободно находит символы для своего поэтического воображения. Словно архитектор, он построил новую Византию с помощью собственных образов, переданных в условных рамках символизма»* и *«В художественном тексте разноуровневые знаки (от звука до текста) получают смысловые приращения, не представленные необходимо в их «дотекстовой» семантике»*. Стремление к максимальной точно-

сти в научном тексте иногда приводит авторов с чрезмерному семантическому (терминологическому) и синтаксическому усложнению текста. Но поскольку научное общение предполагает спокойную неторопливую беседу и вдумчивое чтение, то усложненный текст в рамках научного дискурса эффективно выполняет возложенные на него функции: на максимально точном уровне раскрывает содержание проблемы, делает это содержание доступным для недостаточно подготовленных читателей (защита текста) и организует адекватный для обсуждения данной проблемы темп речи. Дискурсивные формулы конкретизируются в клише, например, в жанре рецензий: *Высказанные замечания, разумеется, не ставят под сомнение высокую оценку выполненной работы.*

Таким образом, основные направления изучения институционального дискурса сводятся к определению релевантных признаков его культурно-ситуативной сущности, моделированию структуры и освещению лингвокультурных особенностей дискурса в межъязыковом сопоставлении, установлению его типов и жанров. Пристальное внимание исследователей к институциональному дискурсу несомненно принесет плодотворные результаты и позволит построить более мощную объяснительную базу общей теории дискурса, а также усовершенствовать методику обучения иноязычной культуре.

Литература

Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик: Эль-фа, 1999.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1998.

Базилевская В.Б. Порицание в устах учителя (опыт анализа речевого акта) // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц: Тез. докл. / Ин-т языкознания АН СССР, Воронеж. гос. ун-т. М., 1991.

Белых А.В. Реализация прагматических установок монографического предисловия (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991.

Богданова В.А. Письменная и устная формы научного стиля (на материале лексики) // Вопросы стилистики. Вып. 23. Устная и письменная формы речи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 33–39.

- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
- Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Гедз С.Ф. Коммуникативно-прагматические особенности высказываний с интеррогативным значением в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1998.
- Иншаков О.В. «Ядро развития» в контексте новой теории факторов производства // Экономическая наука современной России. 2003. № 1.
- Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1976.
- Коротеева О.В. Дефиниция в педагогическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Красильникова Л.В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. М.: Диалог-МГУ, 1999.
- Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника (психолингвистическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999.
- Ленец А.В. Прагмалингвистическая диагностика особенностей речевого поведения немецкого учителя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1999.
- Маевский В.И. Эволюционная макроэкономическая теория // Институциональная экономика: Учеб. пособие / Под рук. акад. Д.С. Львова. М.: ИНФРА-М, 2001.
- Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1998.
- Милованова Ж.В. Жанрово-речевые особенности педагогического дискурса // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград: Перемена, 1998. С. 63–64.
- Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория. М.: Академия, 1998.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов. // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.
- Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994.
- Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1993.

Толочко О.В. Образ как составляющая концепта «школа» // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Перемена, 1999. С. 178–181.

Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М.: Высш. шк., 1979.

Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции. Волгоград: Перемена, 1995. С. 3–15.

Bernstein B. Social Class, Language and Socialization // Language and Social Context: Selected Readings. Harmondsworth: Penguin, 1979. P. 157–178.

Goody E.N. Towards a theory of questions // Questions and politeness: strategies in social interaction. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1978. P. 17–43.

Schartzmann L., Strauss A. Social Class and Modes of Communication // The Psychosociology of Language. S. Moscovici (Ed.). Chicago: Markham, 1972. P. 206–221.

Основные лексикографические источники

Ожегов С.И. Словарь русского языка. 16-е изд. М.: Рус. язык, 1984 (=СО).

Русский ассоциативный словарь / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасова. М., 1994–1996 (=РАС).

Русско-англо-франко-итальянский словарь в картинках. СПб.: ИМА-пресс-реклама, 1993 (=РАФИСК).

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Рус. язык, 1981–1984 (=МАС).

Hornby A.S. with A.P. Cowie, A.C. Gimson. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 3rd ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 1980 (=OALD).

The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford, 1978 (=COD).

¹ Такая практика существует на вступительном экзамене для абитуриентов по английскому языку в Волгоградском государственном педагогическом университете.

Глава 33

**ИНСТИТУТ И ИНСТИТУЦИЯ
В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО, АНГЛИЙСКОГО
И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

В настоящее время в связи с бурными процессами, происходящими в общественной, политической, экономической и культурной сферах жизни, в языке наблюдается расширение сферы функционирования новой лексики, в большей степени импортированной, а также актуализация значения слов, уже входящих в словарный состав языка, которые в изменившихся условиях наполняются новым смыслом и образуют новые словосочетания. Рассмотрим, как протекают эти процессы в сфере меж- и интракультурной коммуникации.

Очевидно, что при межкультурной коммуникации автоматически возникают более сложные проблемы, чем при интракультурной коммуникации, поскольку в первом случае происходит встреча представителей двух разных культур. Как правило, для партнеров по интеракции ориентиром в общении является общий запас знаний, который образует основу ожидания в отношении определенного коммуникативного поведения. Предполагается, что эта общая база знаний в интракультурном коммуникативном процессе имеется у каждого из его участников.

В условиях межкультурной коммуникации обнаруживается, что не все носители культуры располагают одинаковым объемом знаний, и это проявляется прежде всего на уровне языка, в связи с чем особого внимания заслуживают так называемые коммуникативные барьеры.

Учитывая теоретические исследования в области межкультурной коммуникации, в частности, положение о разграничении в ее рамках планов содержания и выражения, остановимся на коммуникативных барьерах на содержательном уровне. Препятствия этого вида возникают, когда не достигается цель обмена информацией, что можно объяснить прежде всего расхождениями в семантике, синтаксисе или морфологии, то есть лингвистическими различиями. Коммуникативные барьеры могут про-

являться в форме непонимания или неверного понимания. При непонимании, как правило, отсутствует общая система «языковых символов» (Sapir, 1966) у партнеров коммуникации, в то время как при неверном понимании она присутствует, но интерпретируется партнерами по-разному. В данной главе в аспекте несовпадающей интерпретации «языковых символов» рассматривается семантическая структура имен существительных *институт* и *институция* в разных языках.

Следует заметить, что существительное *институт* входит в основной состав русского, немецкого, английского и французского языков. Что касается существительного *институция*, то в толковых словарях современного русского литературного языка оно вообще не зафиксировано, за исключением этимологического словаря М. Фасмера. Так, справочная служба русского языка в Интернете на вопрос «используется ли в современном русском языке слово *институция* в значении “учреждение” и если нет, то в каком значении используется?» (вопрос № 99735) дает следующий ответ: «В доступных нам источниках это слово употребляется только во множественном числе: *институции* – название элементарных учебников римских юристов, дающих систематический обзор действующего (в основном частного) права» (spravka). Однако существительное *институция* безусловно относится к разряду новой лексики, до настоящего времени не получившее словарной фиксации, хотя, например, только в поисковой системе Rambler нами обнаружено 962 web-сайта с 2 359 документами, содержащими это слово.

В тематическом аспекте слово *институция* встречается в лексических разрядах и группах, которые наиболее полно отражают общественные изменения конца XX – начала XXI в., охватившие такие сферы социального бытия, как политика, социальное устройство, идеология, экономика, финансовое дело, религия, верования, армия, правоохранительные органы, массовая культура, образование и наука и др. Не случайно, что данное существительное достаточно широко представлено в работах по социологии (Wössner, 1970, s. 177–182), в трудах по экономике (Иншаков, Фролов, 2002), в социолингвистике в рамках анализа институционального дискурса (Карасик, 2002).

В зарубежной социологии можно выделить несколько подходов к трактовке понятия *институция*. Один из них представлен в работах А. Геблена, который связывает понятие *институции* с «освобождением» (*Entlastung*). Для удовлетворения основных человеческих потребностей отдельному человеку как члену данной культуры группой людей предписываются определенные формы поведения. Тем самым человек освобождается от поиска оптимальной формы удовлетворения потребностей, что позволяет рассматривать социальные институции как организованные, культурно закреплённые пути удовлетворения основных социальных потребностей.

Другим путем идут Самнер и Кулей, которые опираются на традиции и обычаи как элементарные социальные феномены. При таком подходе отправным пунктом понимания *институции* является координирующий и принудительный, но в недостаточной степени осознаваемый аспект образца поведения в обществе.

В работах Б. Малиновски понятие *институции* характеризуется прежде всего на основе антропологических исследований первобытных обществ: это основополагающие единицы культуры, которые обнаруживают значительную степень длительности, универсальности и независимости. Автор рассматривает их как системы человеческого поведения, которые он, собственно, и называет институциями. Каждая из них концентрируется на какой-либо фундаментальной потребности и ведет отдельных людей к кооперативному поведению (стимулируя, в частности, образование групп) для удовлетворения этих потребностей (Wössner, 1966, s. 181).

Рассматривая феномен *институции* в контексте образцов поведения, социальных ролей и групп, можно дать ему следующую характеристику. Институции являются средством удовлетворения базовых потребностей людей путем предписания им определенного порядка и манеры поведения. Последние закрепляются в социальных ролях, носители которых воспринимают экзогенно определенное поведение как «обязанность» или даже «учреждение». Поскольку институции призваны удовлетворять основные человеческие потребности, то они определенным образом взаимосвязаны в рамках сетевой или вертикально-интегрированной структуры, непосредственно реализуя свое социальное

содержание на уровне небольших групп, но корректируясь более крупными образованиями вплоть до общества в целом.

Выделяются некоторые базовые институты, дифференцирующиеся на ряд частных. Так, важная потребность в продолжении человеческого рода и в расширенном воспроизводстве кровнородственных связей в рамках первичных групп создает основу функционирования институций семейства и родства. Если экономические институты связаны с производством, распределением, обменом и потреблением благ, необходимых человеку для его физического существования, то осмысление им своего бытия, попытка объяснения существования космоса и поиск своего места в нем создают основу возникновения религиозных институций. Наряду с этими тремя важнейшими видами институций, которые присущи всем социальным системам, в более развитых обществах выделяются государственные институты, связанные с обеспечением, организацией и контролем условий расширенного воспроизводства ресурсов и факторов материальной и духовной жизни людей. Они также призваны защищать членов общества от диверсий и внешних угроз.

В языкознании институциональный дискурс рассматривается в исследованиях, посвященных определенным типам общения, выделяемым на основании социолингвистических признаков. При этом акцентируются такие его виды, как политический, деловой, массово-информационный, научный, педагогический, религиозный, медицинский и т. п. Алгоритм описания институционального дискурса включает характеристику его типовых участников, хронотопа, целей, ценностей, стратегий, жанров, прецедентных текстов и дискурсивных формул (Карасик, 2002, с. 299–300).

Сфера распространения существительного *институция* позволяет включить его в систему языка для специальных целей (или профессионального языка), который занимает особое место в межкультурной коммуникации, поскольку в меньшей степени зависит от национальной принадлежности носителей языка и совсем не зависит (по крайней мере, не должен зависеть) от типа и вида хозяйственного механизма, господствующей идеологии и доминирующего мировоззрения. Последнее обстоятельство в настоящее время представляется бесспорным, тогда

как в недалеком прошлом исследователи находились в состоянии повального заблуждения, утверждая зависимость языка для специальных целей от «конкретной общественно-экономической формации (капиталистической, социалистической), то есть зависимость от идеологии, мировоззрения говорящих на этом языке» (Лейчик, 1986). Владение языком для специальных целей – явление вторичного характера, поскольку его носители изначально должны быть «агентами» национального литературного языка (правда, они не обязательно должны владеть им в равной мере).

Язык для специальных целей – это национальный в своей основе язык, но с постоянной, традиционной тенденцией к его интернационализации, являющейся неизбежным следствием того факта, что профессиональные знания (прежде всего научные) не имеют государственных, национальных, идеологических и других границ. Интернационализация языков для специальных целей предполагает прежде всего гармонизацию их на понятийном уровне, на уровне содержания и объема основных понятий. Иными словами, термины *биржа*, *банк*, *брокер*, *рынок*, *налог*, *права человека*, *инвестиция*, *спекуляция*, *предпринимательство*, *институт*, *институция* и т. п. на всех языках должны содержательно характеризовать одни и те же феномены в любых странах. Только в этом случае возможны содружество, торговля, совместные предприятия и другие формы международного разделения труда, кооперации и профессионального общения.

Однако дефиниции слова *институция* в различных областях знания не являются однозначными, что во многом способствует появлению коммуникативных барьеров не только в межкультурной, но и в интракультурной сферах общения и взаимодействия. С целью разграничения терминов *институт* и *институция* и преодоления коммуникативных барьеров на уровне содержания, проанализируем семантическую структуру данных существительных на материалах словарных дефиниций в русском, немецком, английском и французском языках. Семантическая структура понимается как «единство взаимодействующих разноуровневых значений, организованных в пределах слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с

закономерностями функционирования этой системы в речи (тексте)» (Лопушанская, 1988, с. 5–19).

Существительные *институт* и *институция* имеют длительную историю развития: «институт» – от латинского «*institutum*» = установление, учреждение; «институция» – от латинского «*institutio*» = 1) устройство; образ действия; наставление, учение, указание (ЛРС, с. 537).

В английский язык слово *институция* (*Institution*) в значении «установленный закон или порядок» пришло в 1551 г. из старо-французского *institution* (еще раньше в старо-французский из латинского как *institutio*); а значение «учреждение или организация, созданная для благотворительных целей» это слово получило в 1707 г.

Слово *Institute* в значении «вводить, назначать на должность» пришло в английский язык в 1325 г. из латинского *institutus*; общее значение «устанавливать, вводить, учреждать» впервые зафиксировано в 1483 г. В значении «организация, общество» это слово употребляется с 1828 г. Данное значение было перенято от названия французского «*Institut national des Sciences et des Arts*» (Национальный институт наук и искусств), основанного в 1795 г. и заменившего Королевские академии (*picosearch*).

Наиболее детальную характеристику семантической структуры анализируемых существительных можно представить, используя понятия «категориальная сема», «интегральная сема» и «дифференциальная сема», которые находятся в отношениях иерархии.

Лексемы *институт* и *институция* связаны прежде всего с организацией какой-либо деятельности, поэтому возможно их объединение в рамках одной лексико-семантической группы. В качестве категориально-лексической семы в их семантической структуре выделим «установление (организация) чего-либо», реализующуюся в ряде интегральных сем: «функция установления (организации)»; «сфера установления»; «характер установления» и «объект установления», которые, в свою очередь, представлены дифференциальными признаками. Поскольку установление, организация чего-либо непосредственно связаны с определенными функциями и целями, релевантной интегральной семой в семантической структуре указанных слов следует считать сему «функ-

ция установления». Остановимся подробнее на характеристике выделенных сем.

Релевантная интегральная сема «функция установления» может быть представлена в семантической структуре анализируемых слов различными дифференциальными признаками, что во многом связано с определенной сферой и объектом установления.

Так, в семантической структуре существительного *институт* релевантная интегральная сема «функция установления» может быть реализована в дифференциальных семмах «обучение (воспитание)»; «исследование»; «нормирование». Раскроем данный тезис на конкретных примерах: *Дабы на будущее время не нуждаться в инженерах, учреждено для них особое высшее училище под названием института инженеров сообщения* (ССРЛЯ, т. 5, с. 376) – в данном случае выражена дифференциальная сема «обучение». *Наметилась и стала в широкой мере поощряться новая форма организации науки – большие, хорошо оборудованные научно-исследовательские институты по специальным вопросам* (ССРЛЯ, т. 5, с. 377) – в приведенном примере представлена дифференциальная сема «исследование». Следует заметить, что такая реализация релевантной интегральной семы в семантической структуре существительного *институт* отмечена прежде всего в русском языке.

В немецком языке также возможна ее реализация в указанных дифференциальных семмах, однако имеются свои особенности. Так, в случае представленности дифференциальных сем «обучение», «исследование» следует учитывать, что существительное *Institut* в немецком языке употребляется по отношению к организации, которая не является самостоятельной, а представляет собой структурное подразделение вуза, например: *Sprachen- und Dolmetscher-Institut* при университете Карла Франца в Австрии; *Forschungsinstitut* – научно-исследовательский институт в рамках университета; *Institut fuer deutsche Sprache* – (научно-исследовательский) институт немецкого языка (Маннгейм, ФРГ). В английском и французском языках под институтами прежде всего понимаются исследовательские организации, например: *a research institute – the Massachusetts Institute of Technology* (Longman).

Помимо указанных дифференциальных сем, выделенная релевантная интегральная сема может быть реализована в семан-

тической структуре существительного *институт* как «нормирование». Данное значение отмечено в случае, когда речь идет о каком-либо общественном установлении, либо о правовых нормах, например: *Когда появились классы, везде и всюду вместе с ростом и укреплением этого деления появлялся и особый институт – государство* (ССРЛЯ, т. 5, с. 377). Или: *Хотя в одном случае полномочия президента предполагается отнять в пользу коммунистической Думы, а в другом – в пользу «яблочного» премьера, суть дела не меняется: самому институту президентской власти в России, которая остается сегодня главным гарантом конституционной стабильности, наносится болезненный, если не смертельный удар* (ТССРЯ, 139).

Рассматривая реализацию интегральной семы «функция установления» в дифференциальной семе «нормирование», следует особо отметить ее актуализацию в контексте современного употребления существительного *институт*. В настоящий период развития языка многие слова подвергаются так называемой актуализации, то есть претерпевают семантические, стилистические, сочетаемостные, оценочные и другие изменения. Под актуализацией в научной литературе понимают прежде всего повышение интенсивности семантических преобразований (расширение сочетаемости и изменение ее характера, образование новых значений слов, в том числе переносных, а также изменение значений слов в связи с идеологической переориентацией); возникновение серии устойчивых словосочетаний; словообразовательную активацию (формирование словообразовательного гнезда с новыми единицами).

Образование устойчивых сочетаний (с разной степенью терминологичности) также свидетельствует об актуализации существительного *институт* в русском языке, например: *институт гражданства* (= правовые нормы, обеспечивающие вступление человека в статус гражданина какой-либо страны); *институт двойного гражданства* (= правовые нормы, позволяющие гражданину быть подданным двух государств) – *Ни российские, ни казахстанские законы не предусматривают института двойного гражданства*. ОГ, 03.12.93–09.12.93 (ТССРЯ, 186); *институт президентства* (= президентское правление; правовые нормы, определяющие роль и место президента в политической системе

государства) – *Ввести в стране институт президентства; Думаю, что в XXI веке мы откажемся от института президентства, как отказались от царизма, потому что в России этот институт «трещит по швам». АиФ, 1999, № 35 (ТССРЯ, 307); институт президентской власти (= институт президентства) – ...самому институту президентской власти в России, которая остается сегодня главным гарантом конституционной стабильности, наносится болезненный, если не смертельный удар. РМ, 23.05.96–26.05.96 (ТССРЯ, 139).*

Однако рассмотренный процесс актуализации существительного *институт* способствует во многом расширению его значения и пересекается с контекстами употребления существительного *институция*. Речь идет, в частности, о так называемых социальных институтах. Как подчеркивает О.В. Иншаков, «используемые определения социальных институтов изначально многозначны настолько, что могут ввести в глубокое заблуждение. К институтам относят все: нормы и правила, организации и учреждения, органы и отношения, сообщества и статусы, рутины и ритуалы, обычаи и традиции, образ мышления и поведения. При таком собирательном подходе понятие социального института теряет границы и масштабы собственного содержания, перестает быть тем особенным, которое есть результат взаимодействия всеобщего и единичного для определенного класса феноменов с качественной специфической информацией» (Иншаков, 2002, с. 11).

Особо следует отметить также, что если в русском языке сема «нормирование» может быть представлена в семантической структуре существительного *институт* и как общественное установление (*институт брака*), то в немецком, английском и французском языках подчеркивается правовая природа такого нормирования: *Institut des Eigentums* – *институт собственности; институты* – свод законов (*Institutes of Laws* – только множественное число); *институт* – устав, который закрепляется за религиозным орденом в момент его образования (*L'institut*) (RD; DF; DH; НФРС).

Рассмотрим реализацию релевантной интегральной семы «функция установления» в семантической структуре существительного *институция*, опираясь на данные словарей немецкого, английского и французского языков, поскольку в толковых словарях современного русского литературного языка существитель-

ное *ИНСТИТУЦИЯ* не обнаружено. Однако при анализе данного слова в русском языке нами привлекались различные контексты его употребления. Было установлено, что данное существительное обладает более широкой семантикой по сравнению с существительным *ИНСТИТУТ*. Так, релевантная интегральная сема в семантической структуре существительного *ИНСТИТУЦИЯ* реализуется прежде всего в дифференциальной семе «введение чего-либо (в качестве образца, регулятора – правил, традиций и т. п.; узаконение)», например: *ИНСТИТУЦИЯ брака, семьи* – *Institution der Ehe, Institution der Familie (DUW)*. Следует отметить, что данное значение не отмечено в словаре современного немецкого языка (WDG), изданного в ГДР.

В английском языке – *the institution of marriage (ИНСТИТУЦИЯ брака)*; *the institution of a new law – (ВВЕДЕНИЕ НОВОГО ЗАКОНА)* (Longman). В словарных материалах французского языка – *Institution du suffrage universel en France (ИНСТИТУЦИЯ, УЧРЕЖДЕНИЕ всеобщего избирательного права во Франции)* (RD; DF; DH). Примечательно, что во французском языке под *ИНСТИТУЦИЯМИ* (множественное число) понимаются основные законы, управляющие политической и социальной жизнью страны. В приведенных случаях наблюдается сходство с употреблением существительного *ИНСТИТУТ* в русском языке (ср.: *ИНСТИТУТ семьи*, понимаемый как нечто абстрактное, как определенная модель социального устройства и воспроизводства).

Продуктивный анализ сущности понятий *ИНСТИТУТ* и *ИНСТИТУЦИЯ* в рамках экономической проблематики предпринят в работах О.В. Иншакова. Автор устанавливает логическую взаимосвязь этих социальных феноменов следующим образом: *ИНСТИТУЦИЯ* характеризуется как содержательная основа института, она «обуславливает звание, должность, социальную группу, сословие, общность интересов и взглядов... фиксирует свойства однотипных субъектов посредством закрепления социальной специфики их действий. Действие не может быть единственным в данном обществе, оно – совокупность повторяемых одним лицом либо многими лицами одновременно или исторически действий и их результатов, что приводит к образованию социальных типов с соответствующими общественно признанными ролями, образами и нормами действия и поведения»

(ср. реализацию релевантной интегральной семы «функция установления» как «введение чего-либо, узаконение»). *Институт* же понимается как организационная форма институции; он «обеспечивает связи между однородными по функции субъектами и обеспечивает ее (институции) воспроизводство и гомеостазис как целостной системы социально признанной и необходимой деятельности» (Иншаков, 2002, с. 16). В нашей интерпретации происходит реализация интегральной семы «функция установления» в дифференциальной семе «нормирование как организационная форма институции».

Помимо указанной формы реализации релевантной интегральной семы в семантической структуре существительного *институция*, в анализируемых трех языках может быть представлена и иная – в дифференциальной семе «решение специальных целей», при этом обнаруживается полифункциональность (в зависимости от целей). При такой форме реализации интегральной семы в английском языке отмечены различные объекты установления: *больница, детский дом, церковь* и др., например: *He went rather strange and had to be put into an institution* – эвфим. для психиатрической больницы: *Он стал вести себя странно, и его пришлось отправить в заведение* (буквально: в институцию); *I could never put my mother in an institution* – букв.: *Я никогда не отправлю свою мать в заведение* (институцию); имеется в виду – учреждение для престарелых (Longman).

В семантической структуре существительного *Institution* (институция) в немецком языке дифференциальная сема «решение специальных целей» имеет свою специфику, так как в понятие специальных целей включаются в данном случае только те, достижение которых служит на благо всех членов общества или отдельных значимых социальных групп, например: *Das Parlament ist eine Institution des Staates* – *Парламент – это институция государства* (DUW, 770); *Hier wurde die These verfochten, dass die Ehe unter keinen Umstaenden Institution der Kirche sein duerfte* – *Здесь отстаивался тезис о том, что брак ни при каких обстоятельствах не должен стать институцией церкви* (WDG, Bd. 3, 1963), то есть в центре такого установления, именуемого «институцией», – ориентация на сферу субъекта, отсюда и сочетаемость с «позитивно окрашенными» компонентами *Kultur-, Kunst-*,

Musik-, Staat- и др. (например, Kulturinstitution). Во французском языке дифференциальная сема «решение специальных целей» представлена весьма разнообразно в зависимости от сферы действия установления, например, политическая, религиозная, национальная институция (*institutions politiques et religieuses, institutions internationales*) и т. д.

То, что «институция» представляет собой *более высокий уровень* установления, чем «институт», подчеркивается тем фактом, что в английском, немецком и французском языках лексема *институция* употребляется по отношению к различным процессам в сфере церковной иерархии: ср. в английском языке: установление чина таинств, облечение духовной властью (НБАРС); возведение в сан – *Institution d'un évêque* (французский язык). В немецком языке сама церковь как особая организация именуется *институцией* (4. *Die durch die Geistlichen, den Klerus repraesentierte, auf bestimmte Weise organisierte und verwaltete Institution der kirchlichen Glaubensgemeinschaft* – представляемая духовенством, клирусом, определенным образом организованная и управляемая институция церковной религиозной общины: *Die Kirche hat sich zu dieser Frage nicht geäußert* – церковь не высказалась по этому вопросу (DUW, 836).

Представленность в семантической структуре анализируемых существительных других интегральных сем тесным образом связана с реализацией релевантной интегральной семы. Так, выделенная выше интегральная сема «сфера установления» может быть реализована в семантической структуре существительного *институт* и в русском языке в дифференциальной семе «образование» в том случае, если функция установления выражена как «обучение»: *Кончил он шесть классов гимназии, потом поступил в ветеринарный институт* (ССРЛЯ, т. 5, 376); в дифференциальной семе «наука», если функция установления выражена как «исследование»: *Совхоз превратился в своеобразный практический институт вина, в лабораторию виноградарства и виноделия* (ССРЛЯ, т. 5, 376); в дифференциальной семе «социально-политическая (экономическая) сфера» (в широком понимании), где функция установления представлена как «нормирование»: сюда включаются примеры употребления таких словосочетаний, как *институт семьи, институт президентства* и др. Во французском языке может

быть представлена какая-либо узкая, специальная сфера: Institut dentaire (стоматологическая лечебница) (RD; DF; DH).

В семантической структуре существительного *институция* в английском, немецком и французском языках отмечена разнобразная реализация интегральной семы «сфера установления», поскольку релевантная интегральная сема «функция установления» здесь может быть представлена весьма широко – как «решение специальных целей», поэтому можно говорить о так называемой полифункциональности при определении сферы действия установления: церковь, больница, детский дом и др. Примечательно, что во французском языке это может быть также сфера частного образования: Institution de jeunes filles (женская частная школа) (RD; DF; DH). В случае, если объект установления носит абстрактный характер, отмечена социальная сфера (социально-экономическая, социально-политическая): the institution of marriage; die Institution der Ehe, der Familie.

Следующая выделяемая нами интегральная сема «объект установления» может быть выражена в семантической структуре существительного *институт* в дифференциальной семе «единичный, конкретный»: институт как вуз, как НИИ. В английском и французском языках при этом единичный конкретный объект может иметь гораздо более узкий характер: institute – в значении «кружок» (НВАРС); institut de coupe – курсы кройки и шитья (DF). В случае, если функция установления представлена как «нормирование», интегральная сема «объект установления» реализуется в дифференциальной семе «абстрактный»: *институт гражданства, институт семьи* (в русском языке). В английском языке также отмечена дифференциальная сема «абстрактный», но существительное выступает во множественном числе (*institutes and customs – законы и обычаи*) (НВАРС).

В семантической структуре существительного *институция* интегральная сема «объект установления» может реализовываться в дифференциальных семмах «конкретный», «единичный» (*больница, детский дом*) и «абстрактный» (*собственность*). При этом объект установления может иметь и множественный (расширенный) характер. Такая реализация интегральной семы отмечается в английском языке: (*a large building for*) *an organization, usu. a long-established or well-respected one: the big City institutions*

(= the banks and other companies in the City of London that deal with money) / The Royal institution in a British organization for scientists – (большое здание для организации или) организация, давно функционирующая и уважаемая: институты Лондонского Сити (= банки и другие финансовые компании Лондонского Сити) / Королевский институт Британской организации ученых (Longman).

И, наконец, интегральная сема «характер установления» может быть представлена в семантической структуре существительных *институт* и *институция* дифференциальными семами «облигаторный / необлигаторный» и, соответственно, «постоянный / непостоянный». Если в качестве объекта установления выступает конкретный, единичный объект – вуз, НИИ; либо абстрактный (брак, гражданство), то характер установления можно охарактеризовать как облигаторный. Когда же в качестве объекта установления выступает церковь или какое-либо объединение (кружок – см. НБАРС), то характер установления можно охарактеризовать (по отношению к обществу в целом) как необлигаторный.

Анализ материалов словарей на предмет особенностей функционирования существительных *институт* и *институция* позволил зафиксировать наличие переносных значений у первого из них в английском и немецком языках, например: Jones' drink at the bar is an institution – Давно стало привычным видеть Джона с выливкой в этом баре (Collins); That old man walking in the park is a regular institution – Этот старик, прогуливающийся в парке, – привычная картина (буквально: институция) (Longman). В данном случае в смысловой структуре существительного *институция* происходит переосмысление интегральных сем «объект установления» и «сфера установления», поскольку в качестве объекта выступает одушевленное конкретное лицо (Джон, старик), а сферу можно обозначить как бытовую. В контексте выражено значение регулярного, постоянно повторяющегося, привычного действия, события, явления.

Проведенный анализ семантической структуры существительных *институт* и *институция* в различных языках, позволив выявить сходства и различия в их семантической структуре, привел к следующим выводам.

Указанные существительные входят в состав имен, обозначающих те или иные отношения, процессы или объединения, характерные для общества как особого феномена. Поэтому в ка-

честве категориально-лексической семы в структуре анализируемых существительных была избрана сема «установление чего-либо», реализующаяся в ряде интегральных и дифференциальных признаков. Релевантной интегральной семой можно считать сему «функция установления». Помимо этого, в семантической структуре существительных выделяются интегральные семы «сфера установления», «объект установления», «характер установления».

В русском языке слово *институт* имеет длительную традицию употребления, хотя некоторые значения этого слова не вошли в систему современного языка и даются в словарях с пометой «устаревшее», например: *женское закрытое среднее учебное заведение в дореволюционной России* (ССРЛЯ; СО).

Релевантная интегральная сема «функция установления» в семантической структуре существительного *институт* может быть представлена в дифференциальных семах «образование», «исследование» во всех рассматриваемых языках. При этом в немецком языке институт рассматривается как составная часть вуза (несамостоятельная структура), а в английском и французском языках – преимущественно как научно-исследовательская организация. В русском языке, в отличие от английского и французского, отмечена такая форма реализации релевантной интегральной семы, как «нормирование» – в сочетаниях *институт семьи*, *институт президентства* и др. В немецком языке возможна аналогичная реализация – *Institut des Eigentums* (*институт собственности*). В английском языке в близком значении зафиксировано множественное число – *institutes* как своды законов, правил (юрид. основы права, институции; *a digest or summary, esp. of laws* – *свод или сборник особ. законов*; *Institutes of Justinian* – *ист. свод законов Юстиниана, вводный курс правоведения в Древнем Риме, составленный по приказу императора Юстиниана и разделенный на четыре книги, входящие в состав Свода гражданского права* (см. НБАРС).

По отношению же к приведенным объектам установления (типа *институт брака*) в английском, немецком, французском языках закрепилось существительное *институция*, которое имеет очень широкий спектр значений. Так, релевантная интегральная сема «функция установления» может быть представлена в семантической структуре существительного *ин-*

ституция (в английском, немецком, французском языках) как «введение чего-либо» (*институция семьи, институция нового закона*); «решение специальных целей» (*больница, детский дом, церковь, парламент* и др.). При этом в немецком языке отмечается употребление данного существительного в позитивном социальном контексте.

В русском языке отмечается неупорядоченность в употреблении существительного *институция*. Так, анализ материалов печати и Интернета показал, что данное существительное употребляется по отношению к различным объектам установления: *художественная галерея, дом мировых культур, церковь, медиацентр* и др. Объект установления может иметь и абстрактный характер: *институция аскетизма, самоуправления*. В отличие от иностранных языков, в частности от немецкого, объект установления может иметь и негативную окраску: *институция терроризма, институция публичного дома*. В связи с этим необходимо комплексное разноуровневое исследование функционирования таких востребованных в современный период существительных как *институт* и *институция*.

В группу однокорневых с ними включается ряд слов, появившихся в системе русского языка относительно недавно, но уже зафиксированных в ряде словарей. Среди них: глаголы *институционализировать / институционализироваться* и производное отглагольное существительное *институционализация*; существительные *институциональность* и *институционализм*, прилагательное *институциональный*. Данные слова тесно связаны с нормативно-правовой сферой и в словарях сопровождаются пометой «спец.»: «институционализация» – спец. 1. Учреждение каких-либо новых общественных институтов; 2. Правовое и организационное закрепление тех или иных общественных отношений (Крысин, 2000, с. 276). Приведенные глаголы и прилагательное также сопровождаются пометой «офиц.» (там же).

В немецком языке от базовой лексемы *Institution* образованы аффиксальные производные *institutionalisieren* – институционализировать (ся) в значении *придать (получить) устойчивую (общественно признанную) форму, сделать институцией* (во втором значении в словаре DUD); *Institutionalisierung* – институционализация и *institutionell* – институциональный в двух значе-

ниях: 1. а) касающийся какой-л. институции, относящийся к ней, гарантированный институцией (в первом значении); с помощью какой-л. институции: *Конституционный суд институционально независим (то есть самостоятелен)*; б) относящийся к какой-л. институции (во втором значении): *Брак и семья – институциональные формы совместного проживания людей (DUW)*.

Сложная семантическая структура анализируемых существительных *институт* и *институция* отражает структурно-функциональный аспект различных процессов, происходящих в современном обществе, и требует специального изучения, особенно в аспекте межкультурной коммуникации, в частности, в профессиональной сфере. Подробное описание коммуникативных барьеров на уровне содержания с детальным анализом семантических и функциональных особенностей активно употребляющихся слов и словосочетаний из глоссария институциональной теории будет способствовать улучшению взаимопонимания не только на международном уровне, но и в рамках одной культуры.

Литература

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX – XXI вв.): В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

Иншаков О. Введение // Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX – XXI вв.): В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Лейчик В.М. Языки для специальных целей – функциональные разновидности современных развитых национальных языков // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1986.

Лопушанская С.П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении): Межвуз. сб. науч. трудов. Волгоград, 1988.

Sapir E. Die Sprache / Muehlmann E., Mueller E.W. (Hrsg.): Kulturanthropologie. Koeln, Berlin, 1966.

Wössner J. Soziologie. Eine Einfuehrung und Grundlegung. Wien – Koeln – Graz: Verlag Hermann Boehlaus Nachv., 1970.

Словари

Русский язык

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2000.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965 (=ССРЛЯ).

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; Под ред. Г.Н. Скляревской. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001 (=ТССРЯ).

<http://spravka.gramota.ru> (=spravka).

Латинский язык

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976 (=ЛРС).

Французский язык

Новый французско-русский словарь = Nouveau dictionnaire français-russe. М.: Русский язык, 1994 (=НФРС).

Dictionnaire Hachette encyclopédique. Grande format. Paris. Hachette libre. 2001 (=DH).

Le dictionnaire du Français. Hachette, 1992 (=DF).

Le Robert 1. Dictionnaires le Robert. Paris, 1988 (=RD).

Английский язык

Новый большой англо-русский словарь / Под ред. Ю.Д. Апресяна. 5-е изд. М., 2000 (=НБАРС).

Collins English Dictionary. HarperCollins Publishers, 2000 (=Collins).

Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 1992 (=Longman).

www.picosearch.com (=picosearch).

Немецкий язык

Duden Universalwörterbuch = Duden Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u.d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung v. G. Günter Drosdowski, 2. völlig neu bearb. u. stark erw. Aufl. Mannheim etc.: Dudenverlag, 1989 (=DUW).

Klappenbach R., Steinitz W. (Hrsg.) / Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. 6 Bd. Berlin, 1980–1982 (=WDG).

РАЗДЕЛ VI

РОССИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК НА ПУТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Глава 34

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОПОРЦИЙ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ АГЕНТОВ В РОССИИ

В каком количественном соотношении находятся в каждой конкретной стране популяции двух типов агентов: *homo institutus* и *homo economicus*? Ответ на этот вопрос имеет фундаментальное значение, поскольку определяет особенности исторического развития экономики.

Представляется, что в каждой стране пропорции представительства двух рассматриваемых типов агентов в среднесрочном аспекте являются относительно устойчивыми и определяются особенностями развития страны, в свою очередь, обус-

ловленными социально-культурными и экономико-географическими факторами. Выдвинем гипотезу: для населения России преобладающим был и остается тип *homo institutus* (далее – *HI* в отличие от *homo economicus* – *HE*). Это можно обосновать следующими аргументами историко-географического и культурологического характера.

Традиционно Россия была преимущественно крестьянской страной, что определяло культурные особенности населения и соответствующую институциональную структуру. Деревенский, общинный образ жизни, во-первых, предполагал весьма развитую культуру и традиции взаимных отношений и между крестьянином и помещиком, и в самой общине. В рамках сельской общины долговременные институциональные факторы, сложившиеся в течение сотен лет порядки играли значительно более существенную роль, чем текущие соображения чистой выгоды. Во-вторых, натуральное хозяйство, культивировавшееся в течение длительного времени, способствовало формированию восприятия и осмысления мира как вместилища многих качественно различных сущностей, что соответствует политеистическому, языческому взгляду на мир. Поскольку крестьянин получал денежный эквивалент произведенных им товаров лишь после их реализации, по истечении значительного времени с начала производственного цикла, деньги не могли служить повседневным и универсальным мерилom ценности, а следовательно, и основным стимулом. В-третьих, разрыв связи между финансовыми результатами и натуральными затратами труда возникал из-за неурожаев, ущерб от которых российское крестьянство испытывало в значительно большей степени, чем, скажем, европейское (Гольц, 2002). Наконец, в-четвертых, язычество как политеистическая религия формировала партикуляристское восприятие мира, в отличие от монотеистических религий, в том числе христианства. В партикуляристском восприятии мир состоит из множества различных и относительно самостоятельных сущностей. Эта мозаика не имеет единого центра регуляции и требует особого внимания к каждой из ее частей. Такое видение тоже способствовало смещению ценностных ориентиров от обобщенной (агрегированной) денежной формы к детализированным натураль-

ным или институциональным формам. В конечном счете все это способствовало росту популяции *homo institutus*.

Одновременно в сознании людей закреплялось представление об отсутствии зависимости результатов труда от вложенных затрат труда. «От трудов праведных не наживешь палат каменных» – гласит одна из наиболее популярных отечественных поговорок. В какой-то степени данный феномен объясняет целый ряд важных психологических особенностей населения. В мире, где результат не зависит от вложенных усилий, можно, условно говоря, представить себе два возможных способа действий: один – чисто религиозный, опирающийся на безоглядную веру в милосердие Бога («будет день, будет и пища»), другой – чисто криминальный: использовать для себя то, что является результатом затрат труда другого субъекта. Ведь если зависимость результата от затрат случайна, то и принадлежность его также может быть поставлена под сомнение! В своем экстремальном выражении первый путь ведет к крадству, второй – к преступлению.

В городской части России, как показывает Г.А. Гольц (Гольц, 2002), также не могла укрепиться накопительная связь между затратами и результатами труда. Одной из причин этого были городские пожары. Практически через каждые 30 лет пожар уничтожал имущество, находившееся в деревянном доме.

Все это влияло на социально-психологические основы формирования личности в России и вызывало торможение роста числа «денежно ориентированных» индивидов и расширения множества «институционально ориентированных» субъектов. Знаменитый пушкинский спор между денежным «златом» и институциональным «булатом» в России традиционно решался в пользу «силовых», то есть институциональных решений. В определенной степени этому способствовала пред- и послереволюционная агитация и пропаганда, систематически и не без успеха борвавшаяся с культом «золотого тельца».

Таковы исторические корни преобладания институционального типа индивидов в России. Рассмотрим теперь некоторые культурные факторы, влияющие на соотношение *HE* и *HI*.

По мнению культурологов Ю.М. Лотмана и В.А. Успенского, «специфической чертой русской культуры является ее принципиальная полярность... Основные культурные ценности <...>

располагаются в двуполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» (см.: Успенский, 1994, с. 220). Такая бинарность отличает в социокультурном плане Россию от стран Запада, сделавшего выбор в пользу трехзначной оценочной логики вместо двузначной и неизбежно ведет к «взрывному», по выражению Ю.М. Лотмана, характеру развития, при котором полюса общественно-ценностных диполей стремительно, а в историческом плане – одновременно меняются местами (Лотман, 1992).

О ментальной неустойчивости в этом же смысле писал и И. Бунин: «Есть два типа в народе. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений» (Бунин, 1990). Сходное мнение формулировал академик И.П. Павлов в лекции «О русском уме», прочитанной в 1918 г.: «Все дело в детальной оценке подробности условий. Это основная черта ума. Что же? Как эта черта в русском уме? Очень плохо. Мы оперируем насквозь общими положениями, мы не хотим знаться ни с мерой, ни с числом. Мы все достоинство полагаем в том, чтобы гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями. Это наша основная черта» (Павлов, 1999).

Отметим, что полярная ментальность отечественных субъектов рынка определяет и такое распространенное явление, как несклонность к компромиссу: если срединная ценностная зона отсутствует, то процесс принятия решений сводится к победе в «перетягивании каната». Стоит сравнить базар в Центральной России с восточным базаром, чтобы понять ментальное различие между жителями этих местностей: основой торговли на восточном базаре является взаимный компромисс продавца и покупателя, в то время как на типичном российском базаре покупка, как правило, осуществляется по цене продавца.

Тот же «бескомпромиссный» способ принятия решений имеет место в большинстве ситуаций, где присутствуют противоположные интересы. Л. Горичева справедливо противопоставляет российский тип согласования интересов при принятии решений западному «симфоническому» стилю совместного функционирования (Горичева, 1996). По нашему мнению, бинарный характер отечественного менталитета допускает «симфонический» способ функционирования только при наличии сильных институцио-

нальных ограничителей и мотиваций, которые способны обеспечить гармонизацию поведения участников, имеющих полярные и неустойчивые взгляды. Иными словами, в российской экономике «оркестр» без дирижера-лидера и административных методов руководства, по-видимому, невозможен.

Поскольку система ценностей *homo institutus* индуцируется институциональной структурой окружения, а принципы поведения носят экзогенный характер, в то время как *homo economicus* ориентируется на собственные меркантильные интересы, слабо зависящие от внешней социальной среды, все сказанное в данном разделе приводит к выводу, что преобладающим типом личности в России является *homo institutus*.

При этом характер целевой ориентации *homo economicus* относительно стабилен (финансовые цели), в то время как целевая ориентация *homo institutus* нестабильна и существенно зависит от институциональной системы. Такими целями могут быть карьерные устремления, занятие авторитетного положения среди окружения, завоевание власти и т. п. В принципе, с точки зрения внешнего наблюдателя цели субъектов обоих типов могут в отдельных случаях казаться неразличимыми: приобретение квартиры в престижном доме может быть и реализацией «отношенческих» устремлений *homo institutus*, и выгодными инвестициями *homo economicus*. Однако более детальный «исторический» анализ действий каждого агента выявляет его принадлежность к одному из двух указанных типов.

Мир, населенный субъектами *homo institutus* с биполярной и неустойчивой, «переключательной» системой базисных ценностей, можно в каком-то смысле сравнить с множеством магнитных диполей («стрелок компасов»). Каждый диполь может быть ориентирован в любом направлении и может изменить свою ориентацию под действием внешнего магнитного поля. Роль институтов в этой условной картине играют силовые линии магнитного поля, зависящие от комбинаций сил магнитного притяжения и отталкивания.

В рамках такой модели единственный способ консолидации общества или группы – это создание достаточно мощного «магнитного поля» (поля влияния), которое бы определило ориентацию этих диполей. Устранение такого поля автоматически

приводит к рассогласованию ценностной ориентации и действий агентов. В недавнем прошлом в России роль такого глобального поля для всех граждан исполнял институт коммунистической идеологии вкупе с соответствующим идеологическим аппаратом. Вместе с глобальным полем на ориентацию каждого агента в России сильное воздействие оказывает локальное «поле влияния». Россия относится к числу так называемых «лидерских» обществ, где следование указаниям локального лидера (руководителя, «авторитета» и т. п.) важнее, чем следование требованиям макролидера (включая законодателя).

Поскольку ценностная ориентация индивидов неустойчива и институционально зависима, для координации социально-экономической деятельности субъектов необходимы достаточно мощные институциональные структуры и воздействия. Деинституционализация общества в условиях России однозначно приводит к росту преступности, массовому падению моральных устоев. При этом под влиянием переключения ценностей на путь нарушения закона вставали даже те люди, которые ранее не могли и помыслить об этом. Для многих членов общества, в котором преобладает тип *homo institutus*, это стало личной трагедией. Доперестроечная гиперинституционализация, явившаяся результатом закономерной инерции развития институционального строительства (уместно вспомнить одну из важнейших дисциплин советской цивилистики – «советское строительство», в которой трактовались вопросы организации и функционирования избираемых органов управления всех уровней) в среде *homo institutus*, сменилась на «недоинституционализацию», преодоление которой является и во многом осознается как главная по сути задача социально-экономической политики на современном этапе.

Следует подчеркнуть такую отличительную особенность отечественного индивида *homo institutus*, как локальность его референтной группы. Это означает, что главные факторы формирования их ценностной ориентации относятся к непосредственному микроокружению, а не к макросреде. Смена установок в высших эшелонах власти легко приводит к замене верхнего, трансформируемого и менее значимого слоя установок агентов типа *HI*, в то время как наиболее значимый слой остается зависимым от микроокружения. Так, в случае конфликта между требованиями

непосредственного руководства и требованиями закона предпочтение отдается первым. Эта особенность также имеет, по-видимому, исторические корни и связана с организацией жизни сельского населения в виде сельской общины или «мира».

Такой характерный элемент этой организации, как ориентация индивида на мнение «общества», по мнению многих социологов (см., например: Горичева, 1996), сохранился до наших дней. Несмотря на высокие темпы информатизации социально-экономической жизни, распространение Интернета, глобализация едва коснулась основной массы отечественных экономических агентов. На очереди стоит не столько глобализация экономики России, сколько преодоление локализации и регионализации и переход к «макроэкономизации» (справедливости ради стоит отметить, что межстрановая глобализация также может рассматриваться как фактор преодоления внутристрановой регионализации).

Ниже рассматриваются другие особенности функционирования общества *homo institutus* как среды институциональных трансформаций.

Структура общества с точки зрения пропорции между двумя типами агентов – *homo economicus* и *homo institutus* – оказывает существенное влияние как на процесс, так и на тип общественного развития. В «мире *homo institutus*» доминирует личностный характер отношений между агентами, в то время как в «мире *homo economicus*» преобладают обезличенные, экономически опосредованные взаимоотношения («ничего личного»). Изменение «вектора» общественных настроений в «мире *homo institutus*» происходит благодаря импульсам, идущим «сверху вниз», поскольку *homo institutus* обладает повышенной чувствительностью к мнениям «начальства» и внутренней готовностью к ценностной переориентации. Это обстоятельство в значительной степени определило характер общественного движения в России в течение XX – начала XXI в.

Социально-экономическое развитие каждой страны имеет свои отличительные особенности, свойства, закономерности, которые О. Шпенглер предлагал обобщенно характеризовать термином «стиль» (Шпенглер, 1998). Для России свойственен особый «кризисный» стиль общественного движения. Этот стиль характеризуется тем, что противоречия общественного развития не

снимаются вскоре после их обнаружения в результате корректировки избранного курса при сохранении его общей направленности, а сохраняются, развиваются, генерируя очередную «лже-тенденцию», пока не приводят к новому кризису. Символически такое движение можно представлять себе в виде пилообразной ломаной линии, пиковые точки которой соответствуют кризисным моментам перелома сложившихся микротенденций.

Можно заметить, что в общественной истории России имеет место ярко выраженное последовательное отрицание практически каждого из когда-либо царивших в умах граждан общественных идеалов: определенные и общепризнанные на одном историческом этапе ценности (неважно, заимствованные или выработанные самостоятельно), ориентиры, цели на том или ином из последующих этапов подвергаются не только сомнению или забвению, но и категорическому отрицанию. Так было с идеями самодержавия, общинности, коммунизма, укрепления централизации и расширения децентрализации экономического регулирования, соотношения между отраслевым и региональным механизмами управления, укрупнения и измельчения основных единиц сельскохозяйственного и промышленного производства. Каждый из этих идеалов принимался на вооружение и потом заменялся на противоположный. Можно полагать, что такая же судьба рано или поздно постигнет и разделяемые в настоящее время подавляющим большинством российских граждан идеалы строительства рыночной экономики.

Зигзагообразная линия общественного движения России с высокой амплитудой, в отличие от развитых стран Запада, разворачивается вокруг воображаемого тренда. Куда же направлен этот тренд? Отражает ли он поступательное движение социума, деградацию или «застой»? К сожалению, определить направление и суть развития России можно только в те переломные моменты, которые общественное мнение характеризует как «кризисы».

В этом смысле кризисы в России (если говорить о последнем десятилетии, то можно вспомнить ситуации 1991-го, 1993-го, 1994-го и 1998-го гг.) следует рассматривать не как автономные феномены, а как органическую часть развития страны. Именно в моменты кризисов происходит изменение

направления «вектора общественных ценностей», и именно по ориентации этих послекризисных изменений осуществляются попытки восстановления общей «стрелы прогресса». Таким образом, каждый кризис в отдельности и все кризисы в совокупности следует рассматривать как своеобразное «зеркало русской эволюции».

Вывод состоит в том, что социально-экономическое развитие России носит возвратно-поступательный характер. Долгосрочная «тезаурация» ни в части экономических накоплений, ни в части достижений общественной мысли, как представляется, недостижима. Это объясняется устойчивыми особенностями менталитета граждан.

Палитра ценностей для индивидуумов типа *homo economicus* не только изменчива, но и узка. Ценностная ориентация носит бинарный характер: по отношению к каждому явлению имеет место либо не критическое принятие, либо безоговорочное осуждение. Бинарная ментальность сказывается не только на принятии текущих социально-экономических решений, но и на результатах метаконкуренции институтов. В результате основополагающие общественные институты также носят бинарный характер.

Индивидуальное восприятие окружающего мира в виде полярной ценностной структуры и соответствующее политическое кредо («кто не с нами, тот против нас»), создает ментально-идеологическую основу кризисного стиля и противостоит самой сути идеи эволюционного кумулятивного развития. Эволюционный стиль движения может иметь место только при наличии промежуточной, «нормальной» зоны в общественном сознании (Лотман, 1992). Именно здесь, в «средней» зоне, происходит непредвзятый (объективный) анализ ситуации, сепарация позитивных элементов и тенденций, закрепление достигнутого и формирование перспектив последовательного роста. Срединная зона общественного сознания служит хранилищем эволюционной исторической памяти, позволяющей не повторять прошлые ошибки. Полярность ментальной культуры трудно совместима с исторической эволюцией.

Поэтому одной из главных задач поддержки стабилизации развития общества должна стать институционализация новой социокультурной парадигмы с третьим, нейтральным, «нормальным» началом, существующим в виде достаточно широкого и

самоценного общественного поля. Это и есть ментальное выражение идей «третьего пути», о которых в последнее время часто говорится как о наиболее естественном варианте выхода России из кризиса (см., например: Львов, 2001). Заметим к слову, что именно на этом поле должна чувствовать себя «как дома» истинная российская интеллигенция, задача которой – удерживать российское общество в рамках «неполярных» институтов.

Можно продолжить номинальный анализ полярной ментальности и дальше. Следствием бинарной ментальности индивидуумов является соединение в каждом из субъектов в близких пропорциях элементов добра и зла при неустойчивом равновесии между ними. В древнегреческой мифологии существа с такими свойствами именовались «демонами». В российском обществе в целом, видимо, как и в каждом демоне, столько же зла, сколько и добра. Поэтому более правильной, чем предложенная Р. Рейганом для СССР характеристика «империя зла», была бы характеристика «империя демонизма». В этом смысле, развитие в России, как заметил культуролог и философ М. Эпштейн, реализуется через противостояние тех или иных «демонов». На «демона самодержавия» был спущен «демон большевизма», на него – «демон перестройки», «демон Ельцина» сменен «олигархическими демонами» и т. д.¹

Возможно, что различие между характером развития российского, западного и восточного общества может быть объяснено различием в типах мышления. Для Востока характерна монадность, целостность, устойчивость ментальной культуры; для России – бинарность, полярность, переменчивость полюсов мышления: Западу присущи тернарность, наличие, кроме полярных, устойчивой нейтральной зоны для эволюционного развития и восприятия реальности.

Для того, чтобы изменить сложившуюся за долгие годы тенденцию, необходимо изменить содержание и целевую ориентацию реформ. Путь к использованию этого потенциала лежит через создание институтов, обеспечивающих устойчивость и поступательный характер развития. Особую роль в этом процессе играют предприятия. Именно поэтому всемерная поддержка должна быть оказана созидательным инициативам, базирующимся на развитии объектов реального сектора экономики.

При этом упор должен быть сделан не столько на проектное, сколько на объектное инвестирование, поскольку именно в объектном развитии заключен потенциал поступательного движения экономики.

Если в начале трансформационного периода 1990-х гг. большинству населения России казалось, что основная задача – «разбрасывать камни», то теперь необходимо их собирать, то есть создавать структуры и институты, направленные на изменение общественного сознания в плане перехода от полярной, двузначной, переключательной логики оценок к трехзначной, эволюционной, дополненной эффективными функциями социально-экономического анализа и памяти. Понятно, что эта задача носит весьма долгосрочный характер, однако ее решение необходимо для создания предпосылок будущей эффективной экономики России. Необходим социальный слой, который стал бы носителем новой социокультурной парадигмы, отражающей более содержательную логику оценок, расширение нормальной, срединной полосы между крайними оценками. Именно в этом, как представляется, состоит в России историческая миссия так называемого «среднего класса».

Средний класс в социологических исследованиях иногда определяют как «экономически самостоятельный социальный субъект, способный выступать в качестве основного налогового донора, внутреннего инвестора экономики и стабилизатора политической жизни» (Аврамова, Овчарова, 2000). Кто же входит в этот «класс»? Далее в цитированной работе выясняется, что его основу составляет «статистически значимый слой, представители которого сумели использовать различные стратегии адаптации для достижения устойчивого и достаточно высокого уровня жизни», а затем становится ясным, что критерий отнесения к данной группе – «индивидуальный месячный доход» (там же). На наш взгляд, такое выделение среднего класса вряд ли обосновано. Скорее всего, люди, обладающие столь высокой гибкостью, которая позволила выдержать различные потрясения и сохранить уровень доходов, не станут всерьез противодействовать экстремизму, рассчитывая на свои адаптивные возможности.

По нашему мнению, критерий отнесения к среднему классу должен быть иным. Истинный средний класс образуют не граждане, обладающие средними в масштабах страны доходами и не налоговые доноры. Представитель среднего класса – это человек, отличающийся чувством ответственности, стабильными, взвешенными взглядами и определенными нравственными устоями.

В настоящее время такая социальная группа (а тем более – класс) в России надлежащим образом не оформилась, ее потенциальные члены, как правило, не пользуются достаточным авторитетом в массах и не достигают желательного уровня в общественной иерархии. Причины этого коренятся не только в характере ментальных социально-психологических особенностей населения, но и в сложившейся в 1990-е гг. системе распределения доходов. Большинство потенциальных представителей среднего класса в России – это интеллигенция, то есть средний промышленный менеджмент, врачи, учителя, ученые, работники культуры, которые по сути оказались у черты бедности, что в сегодняшних условиях не позволяет им рассчитывать на значимую роль в формировании общественного сознания и коррекции индивидуального менталитета.

Часто можно встретить утверждение, что средний класс в России должны составить средние и мелкие предприниматели. На самом деле в отечественных условиях этот класс не может быть составлен из предпринимателей – людей зачастую авантюристического склада, склонных к риску, тесно связанных с теневой и криминальной частью экономики. Основой среднего класса в России должны стать люди, наделенные как самостоятельностью, так и определенной основательностью мышления наряду с исторической и культурной памятью.

Формирование среднего класса – не только социально-политическая, но и экономическая задача. Ее решение возможно только на институциональной основе. Должны существовать институты поддержки и воспроизводства этой группы в составе населения, система продвижения и распространения агентов среднего класса в различных подразделениях народного хозяйства, уважительное отношение к этим людям в обществе. Какая же подсистема социально-экономической

структуры общества может стать генератором таких институтов? Этот вопрос чрезвычайно важен для долгосрочной ориентации реформ. В первую очередь здесь следует обратить внимание на организационно-экономический институт, по своему статусу призванный осуществлять упорядоченную во времени и в пространстве, скоординированную и целенаправленную деятельность, в рамках которой корректируется и стабилизируется поведение и, следовательно, в какой-то мере — менталитет участников. Речь идет о предприятии.

Коснемся вопроса о различии индивидуального (для социальных агентов) и группового (для экономических агентов — предприятий) принятия решений. Если речь идет о групповом выборе, скажем, поведении предприятия, зависящем от соотношения интересов и возможностей целого ряда участников принятия решений, то здесь ситуация носит, вообще говоря, более комплексный, чем для случая физического лица, характер (см.: Мулен, 1991). Однако экономика России по-прежнему обладает многими признаками, характерными для «экономики физических лиц» (Клейнер, 1996; Person, Position..., 2001)², когда стратегические решения в организациях принимаются главным образом отдельными личностями (руководителями), действующими от имени всей структуры. Соответственно, поведение коллективных агентов приобретает много общих черт с поведением индивидов-лидеров и можно говорить об особенностях психологической структуры поведения данного агента — предприятия или, шире, организации. Согласно эволюционной концепции предприятия (Нельсон, Уинтер, 2000), с каждым предприятием связана относительно устойчивая система рутин — правил, определяющих внутреннее функционирование предприятия в различных условиях, что сближает предприятие как институционального агента с индивидом как агентом социальным. «Антропоморфный» подход к анализу поведения предприятий может быть обоснован аналогией между предприятием и физическим лицом, основные элементы которой представлены в таблице.

**Интерпретация близких характеристик
социальных и экономических агентов**

Индивид	Предприятие
Талант, способности	Ключевые компетенции
Потенциал как совокупность способностей, при определенных условиях дающих возможность занять индивиду достойное место в обществе	Потенциал как совокупность ресурсов и факторов, дающих предприятию возможность при определенных условиях занять достойное место на рынке, в деловом сообществе
Жизненный цикл	Жизненный цикл
Знание жизни	Знание рыночной, деловой и административной среды
Понимание себя	Накопление и осмысление знаний об истории и эволюции предприятия, его потенциала и возможностей его использования
Душа человека как внутреннее неповторимое духовное начало, придающее активность и целенаправленность деятельности предприятия, обеспечивающее его стремление к гармоничному функционированию и развитию в соответствии с его потенциалом. Проявляется в особенностях восприятия, оценки и осмысления действительности, а также в поведенческих особенностях	«Душа» предприятия как внутреннее единое духовное начало, придающее активность и целенаправленность деятельности предприятия, обеспечивающее его стремление к гармоничному функционированию и развитию в соответствии с его потенциалом. Проявляется в особенностях внутреннего климата атмосферы, реакции на внешние факторы, взаимодействия со стейкхолдерами
Индивидуальность человека, необходимость ее учета в социальных отношениях	Индивидуальность предприятия, необходимость ее учета в экономических отношениях
Принципиальность поведения	«Стратегичность» поведения
Совокупность генов	Совокупность рутин
Степень и особенности рациональности/иррациональности поведения	Степень и особенности рациональности/иррациональности поведения
Реактивность/проактивность поведения	Реактивность/проактивность поведения
Экстравертность/интравертность	Экстравертность (акцент в деятельности предприятия на внешние сигналы рынка) / интравертность (акцент на внутренние возможности предприятия)

С одной стороны, предприятия как социальные агенты особого типа участвуют в процессе формирования и развития институтов, с другой – как «поля взаимодействия» индивидов и их групп, как коллективные образования представляют собой своего рода миниинституты по отношению к участникам своей деятельности.

Литература

- Авраамова Е., Овчарова Л. Финансовый кризис августа 1998 г.: выдержал ли удар средний класс России? // Вопросы экономики. 2000. № 1.
- Бунин И. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990.
- Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века. XVIII–XX вв. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Горичева Л. К вопросу о целостности национального хозяйства // Вопросы экономики. 1996. № 9.
- Клейнер Г.Б. Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. 1996. № 4.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.
- Львов Д.С. Третий путь для России. М.: ТПП РФ, 2001.
- Мулен Э. Кооперативное принятие решений. М.: Мир, 1991.
- Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 2000.
- Павлов И.П. О русском уме // Природа. 1999. № 8.
- Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М.: Гнозис, 1994.
- Шпенглер О. Закат Европы. Т. II. Гл. пятая: Мир форм экономической жизни. М.: Мысль, 1998.
- Person, Position, Power and Property: the General Director in the «Economy of Individuals». Explaining Post-Soviet Patchworks. Vol. 2: Pathways from the Past to the Global / Ed. by Klaus Segbers. Aldershot, Ashgate, 2001.

¹ Такие рассуждения основаны на негативной трактовке демонов, хотя более правильно их нейтральное понимание как существ с жесткой моноцелевой ориентацией. «Демон – это сгусток жизненной энергии, обладающий единственной целью существования» и связанный с энергией достижения целей (<http://melfo.h1.ru/sushestvo192.html?#ponyatie>). Демонов можно рассматривать как идеи, монополизирующие сознание людей, делающие их ограниченными во многом, но совершенными в определенной «точке» бытия. Эти идеи («демонь») обладают все большей энергией по мере расширения числа их приверженцев. Таковы демоны инквизиции и колонизации, глобализации и вестернизации, массового потребления и конвейера, Internet и компьютерных игр, фанатизма и работы, реинжиниринга и генной инженерии, нанотехнологий и институционализма и т. д. Они присущи отнюдь не только России: судя

по масштабам корпоративной пропаганды и рекламы, США с полным основанием могут считаться ведущей «империей демонизма» в наши дни. Бинарную же ментальность россиян в таком нейтральном контексте можно понимать как непрерывную смену «демонов», боязнь которых переходит в постоянную борьбу с ними, идущую параллельно с созданием все новых и новых. — *Прим. ред.*

² С. Кара-Мурза называет сегодняшнюю Россию обществом «общинных людей, у которых сумели уничтожить все их старые общины» (Литературная газета. 2002. 25–31 дек. (№ 52)), что по сути соответствует понятию «экономика физических лиц».

Глава 35

ИНСТИТУТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ «ТЕНЬЮ» И «СВЕТОМ»

Перестроечные процессы, происходившие в СССР «под знаменем» управленческих реформ, привели, словами М.С. Горбачева, к «необходимости радикальной переделки всего нашего общественного здания — от экономического фундамента до надстройки» (Правда, 1989, с. 1). Подобная «переделка» потребовала кардинальных изменений в образе жизни миллионов людей, в их взглядах на окружающий мир, на самих себя и свое место в обществе, на прошедшую историю страны и ее перспективы.

Происходит, и уже во многом произошла, переделка мировоззрения людей. То, что еще недавно в представлении большинства казалось незыблемым, «скроенным» на века, уже разрушилось или «ветшает» и «осыпается» на глазах современников. Это создает у многих ощущение потери основы, утраты точки опоры, замутненного видения окружающей хозяйственной действительности.

Разрушение «единомыслия» и появление альтернативных мировоззренческих платформ не позволяет точно диагностировать специфику происходящих общественных процессов, так как реальность становится и представляется «теневой» — непонятной, непрозрачной, негативной.

Значительная часть социальных явлений всегда была и будет оставаться для каждого отдельного индивида непрозрачной, затемненной, скрытой для понимания и недоступной для интерпретации. Есть мир повседневной жизни, который человек знает как свой и ориентируется в нем, – это мир, находящийся в его власти, но есть «миры» общества и государства, удаленные от рутинной повседневности, о которых индивиду трудно, даже невозможно судить самостоятельно и которые кажутся ему почти сплошным темным фоном. Ориентироваться индивидам позволяют оценочные шкалы, нормативно задаваемые вышестоящими институциональными субъектами государства и общества, которым индивид делегирует свои полномочия по проведению границы между «светом» и «тенью» в основных хозяйственных процессах. Поэтому в условиях доверия к институтам общества и государства «тень знает свое место» и находится на периферии социальной жизни. Теневые явления воспринимаются как случайные, временные, не связанные с основами общественного устройства, их наличие можно рассматривать как реакцию на возникающие в протекании основных процессов «временные трудности». Так, например, причинами современной «теневизации» («shadowization») экономики России называют дефицит, инфляцию, «гнет» налогов и т. п. Хотя названные причины при многократном воспроизведении могут «подпитывать» протекание теневых процессов, таких как спекуляция, мелкое воровство, неуплата налогов и др., сами по себе они не способны сформировать самостоятельную и альтернативную социальную реальность, а выступают в качестве институционального дополнения к основным, «светлым», официальным, легитимным общественным структурам.

Основная общественная структура приобретает особую ясность и прочность при наличии господствующей идеологии, позволяющей применить к любой жизненной ситуации «твердые» принципы, основанные на абсолютном знании «чистых» и «нечистых», «здоровых» и «больных», «своих» и «чужих». Пользуясь «идеологическим зеркалом», становится возможно провести четкую границу: «сюда можно, а туда – нельзя», «здесь – свет, а там – тень». Классический пример умелого включения идеологического освещения дает история биологической науки и сель-

скохозяйственной практики, художественно отраженная в произведении В. Дудинцева «Белые одежды», известный персонаж которого занимался тем, что ловко переводил «картофельные вопросы», по его собственному определению, в «идеологическую плоскость», успешно прибегая при этом к помощи НКВД с целью максимизации своей полезности в краткосрочном аспекте и преуспевания своего клана в среднесрочной перспективе.

Гораздо меньшие возможности для классификации явлений общественной жизни в качестве «здоровых» и «больных» предоставляет использование политического подхода, являющегося более «осторожным», различающим «полутона», учитывающим конъюнктуру. Хотя и здесь есть варианты обострения, манипулирования позициями, ярлыками «новаторов» и «консерваторов». В политическом срезе социальная реальность предстает в виде противоречивого взаимодействия многообразных силовых групп, конкурирующих с использованием всех доступных ресурсов и средств, независимо от их моральной оценки.

Другой способ определения характера общественных процессов заключается в сопоставлении их с регулирующими правовыми нормами, совокупность которых в узком смысле слова может быть названа нормативной системой общества. Правовая оценка социальных явлений в современных условиях, когда идеология и политика утратили свое господствующее значение, становится универсальным и достаточно гибким инструментом научного познания. На условном «пересечении» общественной реальности и нормативной системы возникают такие явления, которые все более устойчиво квалифицируются современными учеными как «теневые». Какое бы содержание ни вкладывалось в понятие правовой нормы, за ними, равно как и за нормативами, инструкциями и т. д., стоит определенная модель отвечающего условиям обеспечения гомеостазиса хозяйственной системы протекания социальных процессов и поведения людей, отказ от следования которой (а следовательно, нарушение соответствующей нормы) приводит к отрицательным для общества и государства последствиям. Поэтому нарушения такого рода получают отрицательную правовую (уголовную, административную и др.) оценку.

Способность права давать в идеале самостоятельную и точную оценку нормальности общественных процессов и явлений вызывает обоснованные сомнения, в связи с чем требуется учет их экономического содержания, что было обосновано еще К. Марксом (Маркс, 1951, с. 91). Обращает на себя внимание распространенное в современной публицистике, учебной и даже научной литературе жесткое противопоставление «экономики», «права», «идеологии», «политики», «морали» и «культуры». Но хотя в каждой из названных сфер воспроизводится и реализуется специфический комплекс самостоятельных социально обусловленных функций, человеческая жизнь целостна, то есть указанные «сферы» не могут быть представлены в «чистом» виде. Относительно самостоятельное функционирование этих сфер социальной жизни обслуживается и поддерживается специальными институтами, тенденция к корпоратизации и замкнутости которых отражает фундаментальную проблему дисфункциональности.

Речь идет вовсе не об отрицании необходимости рубрикации сложной общественной жизни, ее «анатомирования», а всего лишь о стремлении подчеркнуть всю относительность и условность подобного подхода. Иначе сами «рубрики», созданные в ходе научного абстрагирования, станут препятствиями для понимания хозяйственной реальности. И вся ученая премудрость будет сведена к изобретению и исчислению терминов, манипулированию ими вместо того чтобы служить формой для развертывания познавательных процессов. Отсюда «право» и прочие рубрики социальной реальности обладают гносеологической ценностью не как таковые, но неразрывно с выражаемой ими онтологической базой.

Нормативное предписание, устанавливаемое государством, при благоприятном исходе может быть воспринято участниками общественных отношений в качестве действующей, «живой» нормы их практики. Возможен и другой вариант, связанный с его превращением в формальность, «пустую» оболочку, которая или совсем не воспроизводится хозяйствующими субъектами в их реальной деятельности, или применяется под давлением власти с бесчисленными затруднениями и нарушениями, повышающими уровень транзакционных издержек в экономике. Законодательное творчество может рассчитывать на успех только ориен-

тируясь на устоявшиеся результаты общественных событий, и в этом смысле оно сводится к их юридическому оформлению и закреплению, созданию условий расширенного воспроизводства складывающихся или имеющих в хозяйстве норм и стандартов поведения. Большой притягательной силой в качестве ориентира для нормотворчества обладают многовековые традиции, обычаи, базовые культурные ценности, моральные нормы и т. п., устоявшиеся и отложившиеся в социальной реальности, приобретая силу непреложного факта, воспроизводящегося в жизни с известной степенью автоматизма на основе продуктивных рутин.

Изначальная однородность права с другими формами общественной жизни вытекает из наличия у них одного и того же источника – объективной хозяйственной реальности, только в пределах целостности которой могут иметь самостоятельный статус правовые и другие институты. Инструментальная роль права – это вовсе не заблуждение законодателя и субъекта правоприменения и не отклонение от некоей идеальной, истинной сущности данного института, но форма отражения этой фундаментальной целостности социальной среды, в которой функционируют соответствующие институты.

Существует высокая степень преемственности между идеологией, политикой, моралью и правом, когда одно является продолжением другого. Социально-экономические явления, определенным образом оцененные в ракурсе господствующих идеологических, политических и моральных установок и принципов, получают аналогичную административную, гражданско-правовую, уголовную и другую оценку, отражая тем самым наличие взаимосвязи указанных социальных подсистем. Тем самым они конкретизируются, выражаются в юридических терминах, дифференцируются и классифицируются по степени наносимого вреда, количественно измеряются.

Изменить основание правовой нормы путем вывода ее из-под влияния идеологии и политики – это иллюзия, за которой стоит непонимание действительной роли последних в обществе. Столь же наивными выглядят требования деидеологизации и деполитизации хозяйственной жизни, поскольку действительным содержанием подобных лозунгов является смена господствующей

щих форм идеологической ориентации и политической власти, отрицание их претензии на монополизацию правильности.

Специфическая функция идеологии состоит в том, что она задает социальный идеал, которым руководствуются при определении высших ценностей и достижении стратегических целей различные классы, слои и группы общества. Такой идеал одновременно выступает и как своеобразная интегральная норма, то есть обобщенный образ сложившейся системы социальных отношений, сконструированный доминирующей группой влияния. В соответствии с заданным идеалом строятся остальные «частные» (политические, правовые, моральные и т. д.) нормы поведения и стереотипы мышления, сплывающиеся в нормативную систему данного общества. Последняя в широком смысле охватывает все виды норм, регулирующих трансакции хозяйствующих субъектов независимо от их масштаба, степени формализации, охвата агентов, зависимости от «базиса» и «надстройки» и т. д., в том числе огромное количество неявных норм поведения, лишь частично отражаемых в праве, но широко распространенных в повседневной жизнедеятельности людей.

В любой норме человеческое поведение выглядит как унифицированное, стандартизированное, шаблонное, за счет чего достигается контролируемость и управляемость социальными процессами. Нарушение нормы в отсутствие механизма действия юридических, моральных, экономических и других санкций ведет к разрушению соответствующего общественного отношения. Столь же естественной в социуме, как и необходимость соблюдения нормы, является индивидуальность человеческого поведения, известная степень его спонтанности, стихийности, эмоциональности, импульсивности, иррациональности, изменчивости от случая к случаю, от индивида к индивиду. Это можно связать с длительным периодом и высокими издержками формирования поведенческих рутин. Поэтому существуют известные объективные границы для любого нормативного предписания. Если оно сведется к утверждению единственно правильного способа действия по жесткой схеме, то наиболее вероятно, что такое требование встретит массовое противодействие, чреватое торможением социальных инноваций, застоєм и ростом сопутствующих нарушений. Наглядным примером данного варианта институцио-

нальной политики государства из советского опыта являются массовые спекуляция и нарушения, связанные с проявлением хозяйственной инициативы. Любая норма логически дополняется комплексом девиаций, то есть типовых вариантов ее нарушения, ввести которые в контролируемое русло возможно лишь при исходно высокой гибкости нормы, учитывающей вариантность реального поведения людей. Поэтому мера институциональной требовательности может колебаться между полюсами в пространстве значений: от норм, нарушение которых недопустимо (техника безопасности, охрана труда, личная и имущественная безопасность и др.), до построенных по принципу «разрешено все, что не запрещено законом».

Параметры теневой сферы хозяйства невозможно определить, если не задана основная, «светлая» социальная структура, феноменологически представленная нормативной системой. Поэтому и основным теневым явлением общественной жизни является нарушение ее элементов, приобретающее разные контуры и масштабы. В развитом обществе эти элементы являются согласованными, а сама система приобретает характер монолитного образования по отношению к «институциональным сферам» отдельных индивидов. Сама по себе ее «массивная» объективность как бы принуждает индивида автоматически следовать стандартам нормативного поведения. Рутинный характер нормального поведения проявляется при стандартных условиях в следовании большинства людей одобряемым обществом формам поведения в определенной степени независимо от существующих специальных механизмов социального контроля.

В социологии и криминологии термин «девиантное поведение» в широком смысле охватывает любые отклонения от принятых в обществе социальных норм, от проступков до преступлений. Доказано, что отклонение от норм – столь же естественное явление общественной жизни, как и следование им. В получившей широкое признание теоретической модели девиации, построенной Р. Кевин, все многообразие типов человеческого поведения представлено в виде кривой нормального распределения Гаусса, из чего следует, что в зоны полностью одобряемого и поощряемого обществом поведения попадает 70–80 % человеческих действий, а остальные поступки составляют «теневую континуум».

Понятие отклоняющегося поведения является собирательным и имеет по меньшей мере три формы проявления – девиантное, делинквентное и криминальное поведение, представляющие собой шкалу нарастания санкций за нарушение социальных норм. Этот теневого «континент» как целое остается малоисследованным. И чаще всего о нем судят по отдельным, наиболее заметным проявлениям – уголовным преступлениям, наркомании, самоубийствам, алкоголизму, институциональный анализ которых в последнее время становится все более востребованным.

Особое место среди теневых феноменов занимают делинквенты – совокупность противоправных поступков. Их значение вытекает из той роли, которую играет право в нормативной системе. С помощью правового закрепления нормы, правила, формы поведения приобретают всеобщее значение, получают статус признанных государством институциональных образцов. В едином универсальном правовом пространстве становится возможным с высокой точностью фиксировать, диагностировать и анализировать любые виды социальных «теней». Кроме того, в правовых нормах находят выражение все остальные элементы нормативной системы. С ее помощью устанавливаются наиболее значимые моральные, культурные, политические, экономические и другие эталоны и стандарты, принципы и запреты. Поэтому феномен нарушения правовой нормы имеет синтетический характер и одновременно несет в себе нарушение целого комплекса взаимосвязанных институциональных моментов.

Выше нормативная система рассматривалась преимущественно со стороны своей самодостаточности и самостоятельности по отношению к индивиду. Однако индивид не только агент или функционер, но и результат персонификации заданных в обществе форм деятельности, производящий и воспроизводящий в своей жизнедеятельности реально существующие социальные структуры. И как только он перестанет их воспроизводить, все эти «объективные» элементы социальной жизни утратят свое значение и исчезнут (конечно, по преодолении порога массовости данного явления).

В процессе постоянного возобновления общественных, коллективных и индивидуальных стандартов жизнедеятельности находится первоисточник тенеобразования в экономике. Ретранс-

ляция индивидами этих стандартов во времени и пространстве происходит с неизбежными погрешностями, порождая «теневой шум» – характеристику естественного формирования теневой сферы, совокупности отклонений от нормативных требований, связанных с их индивидуальными трактовками. Главный вклад в такого рода «естественную тень» вносит социально-биологическая природа человечества, при нормальном развитии общества порождающая примерно 5 % преступников-злодеев, в то время как людей, предрасположенных к совершению тяжелых преступлений непреднамеренно и готовых впоследствии ступить на путь исправления, не должно быть более 15 %.

Рассматриваемая дистанция, некий «зазор» между индивидуальным и социальным не будет преодолен ни при каком уровне институционального развития общества и описывается в теории с помощью категорий «фетишизм» и «отчуждение» (см.: Пигалев, 2003). Поэтому принятая ранее посылка об абсолютном доверии индивида к обществу и государству должна быть уточнена.

На процесс естественной тенефикации накладывается вторичное тенеобразование, возникающее в ситуации, когда под влиянием некоторых фундаментальных факторов возникают устойчивые расхождения в оценках действительности индивидом, государством и обществом, делающие неустойчивыми и неопределенными границы между «светом» и «тенью», создавая условия для многократного увеличения масштабов тенефикации и изменений в ее характере.

В 1960–80-х гг. многие позитивные социальные тенденции, прежде всего, разнообразные формы проявления хозяйственной инициативы, оценивались и маркировались государством негативно; наряду с этим, производственный брак и потери, мелкое воровство, приписки, спекуляция и другое, хотя и преследовались по закону, однако в глазах большей части общества получали моральную поддержку, так как приносили ощутимую материальную выгоду. Легитимация нарушений сделала их по сути легальными, так как они происходили большей частью на виду, открыто и при участии населения. Правоохранительная система, не будучи в состоянии справиться с массовыми нарушениями, реагировала только на отдельные случаи.

Такой характер протекания теневых процессов свидетельствует о том, что они приобрели систематический, воспроизводимый, длящийся, закономерный и структурный характер. Теневое поведение превратилось в альтернативный нормативный элемент общественной жизни. Любой процесс, осуществлявшийся в советском обществе, реализовывался во «втором измерении» и, наряду с официально одобряемой, имел диссидентскую, контркультурную, двойную моральную и другие формы.

Первоначально в общественном сознании существование теневой сферы как структурного элемента современной социальной реальности фиксировалось применительно к экономике. И до сих пор теневая экономика остается удобной моделью для исследования феноменов такого рода: для нее, в частности, можно сформулировать системные признаки, характерные для любых современных форм проявления социальных «теней». В их числе негативный характер, заключающийся в нарушении установленных государством норм или их «обходе»; систематичность и закономерность, закрепляющиеся в соответствующих структурных комплексах; дополнительность теневых явлений по отношению к основной, формальной структуре и др. (Московцев, 1997).

Крушение советского общества и радикальное изменение нормативной системы перевело многие теневые процессы в разряд официально признанных, но это не стало заметным фактором ослабления теневого формообразования. Во-первых, размеры теневого «сектора» современной российской экономики в 2–3 раза превышают его оценки, сделанные для советского периода. Во-вторых, одной из особенностей советского хозяйствования было беспрецедентное развитие системы неформальных взаимодействий между субъектами, базирующихся на личных отношениях и непосредственных контактах между ними, дополняющих или заменяющих официально установленный порядок организации и реализации экономических связей. Основным регулятором при этом выступали акты индивидуального управления, господство которых создавало ситуацию произвола, «телефонного права», а реально – хозяйственного бесправия. Эта специфика советского строя нашла свое закономерное продолжение в современном российском «дефиците» правосудия (Олейник, 2002, с. 23–45). Под дефицитом права понимается господство все тех

же «антимодернизаторских практик» использования личных связей для избежания обращения к представителям официальных институтов или обеспечение правосудия в индивидуальном порядке. В результате действия подобных принципов совокупность универсальных и общепризнанных официально зафиксированных норм поведения не находит своего систематического подтверждения в повседневных транзакциях российских граждан.

В-третьих, «зазор» между оценками действительности институциональными субъектами разного масштаба (индивидом, обществом и государством) в современных условиях продолжают увеличиваться. Не слишком доверчивое отношение граждан к советскому государству усиливалось и в начале XXI в. выразилось в почти 90%-м отказе в кредите доверия российским законодательным и исполнительным институтам (Олейник, 2002, с. 38). Стратегический курс на развитие институтов гражданского общества, предполагающих плюрализм мнений, сочетается с преследованием «инакомыслящих» олигархов, «финансовой цензурой» и т. д.

В-четвертых, пространство теневых практик в российской современности не только расширилось, но и приобрело особую институциональную прочность. Многие исследователи сегодня обращают внимание на произошедшую институционализацию теневой экономики, состоящую в закреплении соответствующих норм хозяйственного поведения в организационно-устойчивых формах, признаваемых всеми участниками данной деятельности и транслируемых следующим поколениям занятых ей субъектов (Косалс, Рывкина, 2002, с. 13). Об этом свидетельствует систематическая регистрация теневых институциональных форм во всех сферах бытия российского общества — политической, правовой, культурной, моральной и др. Теневые институты начинают выполнять системообразующую роль, интегрируя эти сферы в единое целое и способствуя нормальному функционированию социума.

Очевидно, что усиление процессов теневизации в России произошло в результате распада советского государства и закрепилось в ходе рыночных преобразований. Главным фактором теневого формообразования является современная модернизационная динамика экономики, характеризующаяся неустойчивостью многих общественных институтов. В этом близком к ирреальному, но вполне реальном экономическом мире, где непрерывно

«свет» пересекается с «тенью», а большая часть отношений «утопает» в транзакционном «сумраке», государство лицемерно самоустранилось от осуществления в статусе институционального агента общества функций «дневного» и «ночного» дозора, делегировав их другим агентам, повышая коррупционную и криминальную напряженность.

Аналогичные российской теневизации процессы переживает большинство развивающихся и бывших социалистических стран. В качестве объяснения причины их экономической слабости и беспрецедентного развития теневого «сектора» предлагается принять правовую необеспеченность частной собственности и частного предпринимательства, отсутствие надлежащего оформления имущественных прав, в результате чего «большая доля находящихся в частной собственности ресурсов является с финансовой и коммерческой точек зрения не существующей или недейственной. Никому не известно, что, где и кому принадлежит, кто несет ответственность за выполнение обязательств, кто отвечает за убытки и мошенничество, каким образом можно принудить к оплате поставленных товаров и услуг. Следовательно, в этих странах большая часть потенциала активов пребывает в тени, не используется; объем доступного капитала незначителен, а хозяйственная деятельность отличается вялостью» (Сото де, 2001, с. 39).

Если для рассматриваемых стран главные источники теневизации их хозяйственных систем заключаются в неустойчивости и неопределенности политических, правовых и других институтов, то, размышляя о развитии девиантного поведения в будущем, Н. Смелзер устанавливает ряд более фундаментальных оснований, способных инициировать теневые процессы (Смелзер, 1999, с. 238–239). Он отметил действующую «в течение последних десятилетий и, может быть, даже веков... общую тенденцию к ослаблению многих правил, особенно тех, которые регулируют нравственное и индивидуальное (приватное) поведение». Вывод ученого однозначен: это будет происходить и в дальнейшем. Истоки же девиации находятся в повышении степени многообразия, многоаспектности общественной системы, в связи с чем прежние методы контроля за нравственностью перестали соответствовать «духу времени».

Гипотетические предположения Н. Смелзера нашли свое систематическое подтверждение в концепции «Великого разрыва» Ф. Фукуямы, который выявляет и анализирует совокупность феноменов, связанных с быстрым изменением системы социальных норм в большинстве развитых стран мира, начиная с 1965 г. Эти феномены на поверхности общественной жизни проявляются в росте преступности, разводов, внебрачной рождаемости, наркомании, недоверия и социальной разобщенности, бедности, низком уровне образования и др. Их развитию способствовали разнообразные факторы – демографические, экономические, технологические и др.

Сущность сдвига ценностей, лежащего в основании «Великого разрыва», по Ф. Фукуяме, заключается в росте моральной индивидуализации и вытекающей из нее миниатюризации общества (Фукуяма, 2003, с. 131). В современных обществах степень свободы выбора для индивидов чрезвычайно возросла, в то время как узы, связывающие их с системой социальных обязательств, заметно ослабли. Принудительные связи и обязательства, основанные на принадлежности к различным социальным группам (религии, полу, расе, нации и др.), заменяются добровольно принимаемыми связями, люди стараются поддерживать отношения только с теми, кого они выбирают сами. Участие в разнообразной групповой и общественной жизни не ослабевает, но авторитет самих групп и связанный с ними радиус доверия уменьшается. В то же время общих ценностей, которые бы разделялись всеми членами общества, становится меньше, а соперничество среди групп – усиливается.

«Проблема большинства современных демократий заключается в том, – пишет Ф. Фукуяма, – что они не могут принять свои предпосылки как нечто незыблемое» (там же, с. 24). В «Великом разрыве» с особой отчетливостью обнаруживается кризис норм масштабных человеческих сообществ – человечества, наций, классов и других, – которые перестали восприниматься как «свои» и воспроизводятся инерционно и автоматически. Теоретически закономерность возникновения подобного кризиса предвосхищается в модели «трагедии общего», которая демонстрирует, что проблема человека, эгоистически пользующегося общественными ресурсами, становится все более острой по мере

роста размеров сообщества и, соответственно, повышения транзакционных издержек наблюдения и контроля за поведением каждого индивида в отдельности.

Эмпирически рассматриваемая закономерность реализуется в интенсивном развитии процессов вторичной тенефикации (своего рода наложение «теней» на «тени»), которые наблюдаются практически во всех странах современного мира. Но если в постсоциалистических и развивающихся странах основным феноменом тенефикации является нарушение формальных норм (делинквентность, «дефицит права»), то в развитых социальных системах таким феноменом выступают формы отклоняющегося поведения, имеющие моральную направленность (собственно девиантность).

Теоретическую интерпретацию приведенных выше практических обобщений целесообразно основывать на логике Э. Гидденса, рассматривающего общество как сложную совокупность институциональных форм поведения социальных акторов, то есть комплекс устойчиво воспроизводимых, типичных, традиционных алгоритмов мышления и действия, ставших общепринятой практикой в данном экономическом пространстве-времени.

Институты являются наиболее прочными формами функционального структурирования общественных процессов, реализуя тем самым интегральную функцию упорядочения деятельности людей за счет формирования устойчивых моделей статусного поведения. Институты, образно говоря, «программируют» поведение участвующих в совместной деятельности людей, хотя и не определяют каждое их конкретное действие. В пределе жизнь состоящих в институтах людей типизирована и стандартизирована настолько, что превращается в функционирование по заданному шаблону с автоматическими действиями. Такой «институциональный человек» воспринимает себя и позиционируется исключительно как исполнитель общественно значимой функции и носитель определенных статусов, вырождаясь в агента-функционера. Например, у К. Маркса капиталист — это персонифицированный и одушевленный капитал, наделенный сознанием и волей (Маркс, Энгельс, с. 163, 318–319), каждый конкретный агент которого полностью «захвачен» общественными отношениями, в которых он участвует (там же, с. 84), так что его бытие

сводится к существованию в качестве фанатика накопления и приращения капитала.

Конечно, подобную чистоту социального поведения можно «наблюдать» разве только в продуктах теоретической абстракции или в редких, почти исключительных ситуациях. Функционирующий с максимально возможной эффективностью институт также представляет собой идеал предельного развития институционализации, достижение которого на всем протяжении культурно-исторического процесса развития нарушается действием многочисленных корректирующих и отклоняющих факторов и импульсов.

Реальная институционализация создает и непрерывно обновляет пространство социально-функциональных форм и структур, находящихся на разных этапах эволюции, в разных фазах жизненного цикла, функционирующих с различной степенью эффективности, являющихся самостоятельными, зависимыми, интегрированными в другие институты и их альянсы или представляющие своего рода «материалом» становления новых институтов.

Социальная детерминация и канализация охватывает все виды человеческой деятельности, в том числе биологические (удовлетворение сексуальных потребностей, питание, сон и др.), составляя сущность институционализации (Бергер, Лукман, 1995, с. 292). Контролирующий характер присущ всем конкретным формам институционализации как таковой, независимо от и еще до того, как созданы какие-либо специальные механизмы санкционирования, поддерживающие требуемые формы поведения. Первичный социальный контроль задан существованием института как такового (там же, с. 93).

Сделанные теоретические уточнения позволяют предположить наличие некой особой, институционализированной не по общепринятым стандартам, дисфункциональной по отношению к ним формы бытия общества. Этим обусловлено возникновение «теневой сферы», в которой хозяйственные субъекты взаимодействуют на основе норм, отклоняющихся от стандартных требований, попутно продуцируя своеобразный «теневой шум», сопровождающий нормально протекающие общественные процессы. Он представляет исходный пункт теневой институционализации и нижнюю границу анализа относящихся к ней явлений. Вместе с тем неправомерно говорить о теневых операциях как не институционализированных,

ведь и в них происходит создание, распределение, вменение, кооперация и интеграция определенных функций, присваиваются статусы, развиваются нормы и особые правила и т. д.

Элементарными единицами анализа теневого сектора, следуя версии представителей Волгоградской школы институциональных исследований (Иншаков, Фролов, 2002; Лебедева, 2002), будем считать институты, сущность которых состоит в объективации, фиксации и регуляции исполнения отдельных функций, характеризующих социальную специфику человеческих действий. Момент закрепления функции за агентами является решающим, поскольку он служит условием упрочения и распространения отдельных типов социального действия, их расширенного воспроизводства как особой формы капитала. Институты, будучи социальной формой типизации, закрепления и воспроизводства функций, вводит человека в статус исполнителя социально значимых действий, то есть социального функционера, обуславливая его принадлежность к определенной общности людей.

В юридической и социологической литературе до сих пор не сложилась единая позиция в определении феномена институции, который продолжает инерционно трактоваться, во-первых, как установление, обычай, порядок, принятый в обществе, стереотип поведения; во-вторых, как процесс принятия законодательным органом новых норм (Добренков, Кравченко, 2000, с. 140–142). Но формально-правовое закрепление, видимо, представляет собой лишь один из возможных способов объективации социального действия и придания ему четкой институциональной формы. Другим механизмом институции является формирование системы социальных ролей на основе постоянного выполнения и устойчивого закрепления за индивидами, их группами и сообществами специфических функций. Постоянное выполнение одних и тех же действий, специализация по ним, развивают у людей совершенно отличные от других физические и умственные способности, образ жизни, психологию поведения. Можно сказать, что общественные процессы и институты проникают тем самым внутрь человеческого организма. Следовательно, институты могут быть представлены и физическими объектами, как естественными, так и искусственными, порождающими специфику человеческих действий. Все продукты труда и производ-

ства (вилка, ложка, станки, автомобили, здания, сооружения и др.) заключают в себе институциональную программу последующего использования, выражающую их функции в конкретно-исторических условиях.

Устойчивое закрепление выполняемых индивидами и их коллективами функций включает также общественную оценку (положительную или отрицательную, так как нейтральность институции свидетельствует о ее непродуктивности, а значит, о безжизненности) результатов их реализации в различных сферах жизни: хозяйстве, политике, образовании, семье и др. Непрерывно исчезающая и вновь возникшая теневая реальность есть множество негативных институций, выступающих систематически воспроизводимыми, достаточно устойчивыми социальными формами типизации функций, ориентированных на неэффективное использование человеческого потенциала, частную эксплуатацию общественного достояния, игнорирование общепринятых норм и ценностей и т. д.

Обширный набор подобных институций можно составить на основании их словника на русском языке, приведенного в работе (Иншаков, Фролов, т. 2, 2002, с. 523–539): браконьерство, бродяжничество, бомжатничество, взяточничество, вымогательство, волокитство, воровство, грабительство, иждивенчество, казнокрадство, лжепредпринимательство, местничество, мошенничество, обжорство, обывательство, проходимость, пьянство, распутство, расточительство, самодурство, стяжательство, фальшивомонетничество, хамство, хулиганство и др. Как видим, большинство перечисленных институций прошло длительную эволюцию, сменив многочисленные формы реализации и вновь актуализировавшись в современных условиях. Характер их воспроизводства подлежит дальнейшему изучению на широкой конкретно-эмпирической базе.

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: «Медиум», 1995.

Гидденс Э. Социальные институты // Социологические исследования. 1994. № 2.

Добренъков В.И., Кравченко А.М. Социология: В 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М.: ИНФРА-М, 2000.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // СОЦИС. 2002. № 4.

Лебедева Н.Н. Институциональный механизм экономики: сущность, структура, развитие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. М., 1951.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.

Московцев А.Ф. Современные представления о теневой экономике. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1997.

Олейник А. Дефицит права (к критике политической экономии частной защиты) // Вопросы экономики. 2002. № 4.

Пигалев А.М. Призрачная реальность культуры. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.

Правда. 1989. 26 нояб.

Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1999.

Сото Э., де. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение в остальном мире. М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2001.

Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003.

Глава 36

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Российская Федерация на конституционном уровне объявила человека, его права и свободы высшей ценностью и одновременно провозгласила, что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ). Формулировка положений Основ-

ного Закона такова, что позволяет предположить, что государство признает себя ответственным за благо человека отнюдь не как биологического существа, а как носителя социальных свойств, как члена общества, как представителя различных институций последнего¹.

Идея эта, как представляется, четко выражена и в уголовном законодательстве. Так, в качестве задач Уголовного кодекса названы: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Показательна и ч. 2 упомянутой статьи, гласящая: «Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений».

Подобное определение задач уголовного права и методов их решения помогает осознать следующие моменты. Во-первых, все защищаемые с помощью уголовно-правовых средств блага социальны. Во-вторых, охраняя человека, уголовное право защищает от общественно опасных посягательств все подверженные внешнему контролю общественно полезные отношения, которые поддерживает этот человек как представитель объединений (институций) разного уровня, начиная с межличностных связей и завершая межгосударственными контактами. Иными словами, уголовное право защищает человека и как отдельно взятую личность, и как члена мирового сообщества², и как представителя населения страны, избирательного корпуса, государственного органа, законно действующего политического или общественно-го объединения, и как члена семьи и т. д.

Сказанное не означает, что сохранность и развитие биологических свойств человека не представляет для уголовного права никакого интереса. Безусловно, они имеют значение, поскольку являются важным условием функционирования человека как институционального существа, являющегося «реальным носителем общественных отношений» (Общественная практика..., 1989,

с. 6) . Это непосредственно касается и таких физиологических состояний, как жизнь и здоровье.

Именно жизнь и здоровье нередко приводятся в качестве примера учеными, высказывающимися за необходимость отказа от традиционной концепции объекта преступлений, одним из постулатов которой является признание базовой категорией для определения объекта преступного деяния понятия «общественные отношения». Так, А.В. Наумов пишет: «Во многих случаях трактовка объекта преступлений как определенных общественных отношений вполне справедлива, например, в случаях признания объектом преступления отношений собственности при краже, грабеже и других хищениях имущества... Однако в ряде других случаев теория объекта преступления как общественного отношения "не срабатывает". Особенно это относится к преступлениям против личности, в первую очередь, к убийству» (Наумов, 1996, с. 147) . Не соглашаясь с трактовкой жизни человека как совокупности определенных общественных отношений (Курс советского..., 1973, с. 478) , автор подчеркивает: «Очевидно, что такое понимание жизни человека как объекта убийства явно приносило абсолютную ценность человека как биологического существа, жизни вообще как биологического явления» (Наумов, 1996, с. 147) .

Позволим себе усомниться в том, что человек как биологическое существо или жизнь как особое физиологическое состояние человека могут рассматриваться в качестве абсолютной ценности. Ведь с этим явно не согласуется целый ряд положений уголовного закона. Обратим внимание лишь на некоторые из них.

Например, с позиций признания жизни абсолютной ценностью нельзя, на наш взгляд, объяснить, почему признается правомерным причинение смерти посягающему в состоянии необходимой обороны (ч. 1 ст. 37 УК РФ) , ибо в этом случае жизнь одного человека является объектом уголовно-правовой охраны, а жизнь другого – перестает таковым быть. С идеей жизни как абсолютной ценности, думается, несовместимы и положения Уголовного кодекса, предусматривающие возможность применения за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, смертной казни (п. «н» ст. 44, ст. 59 УК РФ) . Представляется, что сам факт допущения правомерного причинения смерти свидетель-

ствует о том, что уголовное право охраняет не всякую жизнь, а жизнь, признанную полезной или нейтральной для общества.

Таким образом, в случае совершения убийства или иного общественно опасного посягательства на жизнь, последняя рассматривается отнюдь не как биологический процесс. Она должна быть раскрыта «через категорию социальной возможности, и в этом качестве "жизнь" (возможность пользоваться этим социальным благом) вписывается в структуру общественного отношения» (Галиакбаров, 1999, с. 96–97).

В свете сказанного следует согласиться с А.В. Кузнецовым, который пишет: «Общественные отношения органически связаны с личностью как субъектом, их носителем. Без нее вообще немислимо существование общественных отношений. Последние включают в себя и личность. Исключение ее из системы общественных отношений разрушает их. Вот почему... убийство человека — это не только лишение его жизни как биологического существа, но вместе с тем и уничтожение всей совокупности общественных отношений, составляющих социальную сущность данного человека» (Кузнецов, 1977, с. 51).

Закономерен, однако, и следующий вопрос: если жизнь как биологический процесс не является абсолютной ценностью, то чем объяснить законодательный запрет эвтанази? В самом деле, согласно ст. 45 Основ законодательства РФ «Об охране здоровья», медицинскому персоналу запрещено удовлетворять просьбы больного об ускорении его смерти любыми средствами и способами, в том числе и путем прекращения применения искусственных мер по поддержанию жизни (см.: Ведомости съезда..., 1993, ст. 1318). Но названный запрет следует объяснять не признанием жизни как физиологического состояния абсолютной ценностью, а целым рядом других соображений социального порядка, в частности, невозможностью избежать злоупотреблений на этой почве, надеждами общества на быстрый прогресс медицинской науки и т. п.

Институциональный анализ помогает во многих случаях возникновению затруднений в толковании положений уголовного закона уяснить его действительный смысл, понять, какими именно соображениями руководствовался законодатель, устанавливая ту или иную правовую норму. Так, предусматривая повы-

шенную ответственность за некоторые виды убийства, законодатель иногда именно социальным качествам потерпевшего, его социальной роли придает решающее значение при конструировании соответствующих квалифицирующих составов. Одним из ярчайших примеров тому может служить квалифицирующий признак, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга». Потерпевшими от данного вида убийства выступают лишь четыре категории граждан: лица, осуществляющие служебную деятельность; близкие лиц, осуществляющих служебную деятельность; лица, выполняющие общественный долг; близкие лиц, выполняющих общественный долг.

Нетрудно заметить, что в указанном пункте ч. 2 ст. 105 УК РФ учтено важное значение трех различных институциональных связей личности:

- служебные отношения;
- отношения с обществом в целом;
- отношения с членами семьи и другими лицами, чья жизнь, здоровье и благополучие дороги субъекту (то есть близкими).

При этом важно подчеркнуть, что речь идет не только о факте наличия подобных отношений, но и о качестве выполнения потерпевшим соответствующей социальной роли. Так, применительно к убийству лица в связи с осуществлением им служебной деятельности можно утверждать, что мотив или цель данного преступления формируются под влиянием реализации потерпевшим его прав и обязанностей, основанием возникновения которых являются отношения службы. Понимание последних как одного из видов платной, общественно полезной деятельности (Бахрах, 1993, с. 116) не только исключает квалификацию по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ убийства, продиктованного стремлением воспрепятствовать незаконной деятельности потерпевшего, но и заставляет усомниться в правильности юридической оценки убийства, вызванного мотивом неудовлетворенности качеством трудовой деятельности лица.

К сожалению, такого рода оценка подобных убийств иногда встречается в практике высших судебных инстанций. Например, соответствующее квалифицирующее обстоятельство было,

на наш взгляд, ошибочно вменено в вину субъекту в нижеприведенном случае.

Сапронов В., пьяный, около 24 часов возвратился домой, пожаловался на плохое состояние здоровья, а затем со словами: «Умираю», – упал на пол и потерял сознание. Для оказания больному медицинской помощи к Сапроновым пришла Евдокимова, работавшая заведующей медпунктом. Она сделала больному несколько уколов, но жизнь его спасти не удалось. В связи со случившимся сын умершего решил покончить жизнь самоубийством, незаметно для других взял ружье, имевшееся в доме, и зашел в спальню. В это время Евдокимова стояла у дивана, на котором лежал умерший. Полагая, что в смерти отца повинна и Евдокимова, которая, по мнению Сапронова-мл., явилась по вызову с опозданием, он произвел в нее выстрел и убил (см.: Сборник постановлений..., 1974, с. 235). Решение суда по этому делу было одобрительно встречено некоторыми учеными (см., например: Савинов, 1985, с. 151–152).

По нашему мнению, описанное выше убийство не достигает того уровня общественной опасности, который присущ убийству, совершенному в связи с осуществлением лицом служебной деятельности. У этого преступления была совершенно иная мотивация. Оказывать своевременную помощь больным является непосредственной обязанностью медицинского персонала. Пользуясь институциональной терминологией, можно сказать, что Сапронов-мл. трактовал якобы имевшее место опоздание Евдокимовой как проявление социальной дисфункции со значительным ущербом из-за несоответствия ее занимаемой статусной позиции работника медицины. Отсюда у виновного возникла стойкая неприязнь к потерпевшей, которая осуждается не более, чем неприязнь личного характера. Следовательно, оценивать убийство, совершенное Сапроновым-мл., было необходимо как неотягощенное квалифицирующими признаками.

С тех же позиций, думается, целесообразно подходить и к толкованию понятия «убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим общественного долга». Различны будут только критерии качества реализации потерпевшим своей социальной роли, поскольку поведение последнего должно соотноситься в этом случае не только с правовыми нормами, но и с принципа-

ми нравственности, с общественной пользой. В постановлении № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» отмечается, что под выполнением общественного долга следует понимать «осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах отдельных лиц, так и совершение других общественно полезных действий (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершенном или готовящемся преступлении либо о местонахождении лица, разыскиваемого в связи с совершением им правонарушений, дача свидетелем или потерпевшим показаний, избобличающих лицо в совершении преступления, и др.)» (Бюллетень Верховного..., 1999, № 3, с. 3). Из приведенного положения видно, что об общественной пользе можно говорить как применительно к защите интересов всего общества, так и отдельных его членов, если при этом интересы последних признаются законными. Наличие между защищаемым лицом и его защитником каких-либо межличностных связей, скажем, родственных, не препятствует тому, чтобы рассматривать охрану интересов отдельных лиц как выполнение общественного долга, поскольку индивидуальные интересы в этом случае не противостоят публичным.

В этом отношении примечателен казус, приводимый А.В. Наумовым. Некто Богданов домогался вступления в половую связь с Востоковой. Встретив отпор, он ударил потерпевшую кулаком по лицу. Муж Востоковой, Николай, пытаясь предотвратить избиение жены, встал между ней и Богдановым. Тогда последний выхватил кинжал и ударом в грудь убил Востокова. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР согласилась с квалификацией действий Богданова по п. «в» ст. 102 УК РСФСР (ныне п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ), данной Мурманским областным судом, указав, что Востоков был убит при выполнении общественного долга в момент, когда осужденный намеревался нанести второй удар его жене (см.: Наумов, 1969, с. 67–68).

Сам А.В. Наумов полагает, что квалификация совершенного Богдановым преступления как убийства в связи с выполнением потерпевшим общественного долга является избыточной. «Внима-

тельный анализ обстоятельств данного дела, – рассуждает автор, – особенно его мотивов, показывает, что Богданов совершил убийство Востокова не в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга, а на почве личных, бытовых отношений. Потерпевший, его жена и осужденный являлись хорошими знакомыми, сослуживцами, и тот факт, что Востоков заступился за свою жену, воспринимался виновным не как выполнение потерпевшим какой-то общественной деятельности, а как поступок, непосредственно вытекающий из отношений супругов. Это вызвало у него чувство злобы, мести по отношению к потерпевшему, что и послужило движущим мотивом убийства. Однако месть эта носит бытовой характер, в то время как месть, могущая быть мотивом квалифицированного убийства... должна быть лишена личной окраски и целиком вытекать из общественной или служебной деятельности потерпевшего» (Наумов, 1969, с. 68).

Приведенные ученым доводы нам представляются недостаточно убедительными для того, чтобы отказаться от мысли о возможности признания общественно полезной деятельности, заключающейся в защите законных интересов лиц, с которыми защитник находится в семейных или других близких отношениях. Иначе можно прийти к абсурдным выводам, во-первых, о том, что закон считает родственные отношения препятствием для выполнения гражданином своего долга перед обществом, а во-вторых, о том, что выполнение лицом одновременно нескольких социальных ролей, скажем, представителя семьи и члена общества, невозможно. Однако известно, что семья – ячейка общества и как таковая она находится под защитой государства (ст. 38 Конституции РФ, гл. 20 УК РФ). Это подтверждается и глубокими экономико-историческими исследованиями современных институционалистов (см., например: Иншаков, Фролов, 2002).

Складывающиеся в обществе нравственные нормы диктуют человеку необходимость проявлять заботу о безопасности не только членов своей семьи, но и других лиц, с которыми он связан близкими отношениями. Соответственно и жизнь граждан, близких лицу, осуществляющему служебную деятельность или выполняющему общественный долг, получает особую социальную окраску, так как становится не только условием реализации социальных свойств данного гражданина, но и успешного выпол-

нения социальной роли субъекта, действующего в публичных интересах. Именно поэтому жизнь такого рода граждан и стала объектом усиленной уголовно-правовой охраны.

Применительно к убийству близких лицу, выполняющему служебные обязанности или общественный долг, думается, также важен учет, насколько качественно выполняется потерпевшим соответствующая роль. В данном случае речь должна идти о выяснении как действительно существующих отношений между жертвой убийства и лицом, действующим в публичных интересах, так и восприятия этих отношений виновным. «Квалифицирующий признак убийства его близких, – верно замечает О.В. Белокуров, – характеризуется не только субъективным моментом (желание причинить боль потерпевшему или воспрепятствовать его деятельности путем лишения жизни заведомо дорогого для него человека), но и объективным – наличие в действительности добрых отношений между лицом, осуществляющим общественно-полезную деятельность, и погибшим» (Белокуров, 2004, с. 42). Представляется, что заблуждение субъекта относительно реальных взаимоотношений потерпевшего и лица, осуществляющего служебную деятельность или выполняющего общественный долг, должно влиять на квалификацию убийства точно так же, как меняет юридическую оценку значимая фактическая ошибка в других свойствах личности потерпевшего.

Так, если субъект, убивая гражданина, ошибочно полагает, что потерпевший является ближайшим другом лица, выполняющего общественный долг, и желает тем самым отомстить этому лицу, а на самом деле отношения между убитым и действующим в публичных интересах были далеко не дружескими, то содеянное должно квалифицироваться как покушение на преступление, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Несколько сложнее определиться с квалификацией убийства близкого родственника лица, осуществляющего служебную деятельность или выполняющего общественный долг, в том случае, когда между потерпевшим и указанным лицом были неприязненные отношения, и виновный об этом знал, но, тем не менее, совершил преступление, скажем, в целях воспрепятствовать родственнику погибшего заниматься общественно полезной деятельностью. Нам представляется, что само допущение воз-

возможности факта убийства подобного рода дает основание утверждать, что таковое должно расцениваться как квалифицированное убийство, как убийство гражданина, близкого лицу, осуществляющему служебную деятельность или выполняющему общественный долг. Ведь близкое родство – прочная институция, независимо от того, какие отношения складываются при этом между родственниками. Говоря словами Г.В.Ф. Гегеля, «семья... имеет своим определением свое чувствующее себя единство... Умонастроение внутри семьи состоит в обладании самосознанием своей индивидуальности в этом единстве... чтобы являть себя не как лицо для себя, а как член этого единства» (Гегель, 1990, с. 221), основанного на браке или кровном родстве, члены которого «связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью» (Новый иллюстрированный..., 2003, с. 651). Соответственно человек вполне способен ощущать обиду, нанесенную его близкому родственнику, к которому он не чувствует любви и привязанности, как обиду или предостережение самому себе.

Надо полагать, это учитывал в абзаце 3 п. 6 упомянутого постановления и Пленум Верховного Суда РФ, который, разъясняя понятие «близкие потерпевшему лица», отделил близких родственников от иных близких лиц. Пленум указал: «К близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений» (Бюллетень Верховного..., 1999, № 3, с. 3). Можно утверждать, что Пленум Верховного Суда различает лиц, являющихся близкими потерпевшему в силу близкого родства, и лиц, которые могут быть признаны таковыми в силу сложившихся личных отношений³.

Вернемся, однако, к формулировке п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Как явствует из текста данного пункта, в нем упомянуто два вида деятельности: служебная и выполнение общественного долга, общим для которых является их общественно-полезный характер. Вместе с тем вне рамок усиленной уголовно-правовой охраны остается платная общественно-полезная деятельность, не охватываемая термином «служба».

В русском языке словом «служащий» обозначается работник, занятый интеллектуальным, нефизическим трудом в различных сферах деятельности (см.: Ожегов, Шведова, 1997, с. 732). Однако обществом поощряется любой полезный труд вне зависимости от его формы, в том числе физический. Далее, изменение экономических отношений привело к распространению в обществе таких платных видов социально полезной деятельности, основанием осуществления которых является не трудовой договор (контракт), а, скажем, гражданско-правовые отношения⁴. Содержание подобной деятельности либо основание ее возникновения не позволяют считать ее служебной, а платный характер препятствует отнесению таковой к выполнению общественного долга. Ведь долг — это этическая категория, в которой выражается нравственная задача отдельного индивида в конкретных социальных условиях и ситуациях, становящаяся для него внутренне принимаемым обязательством. В общественном долге выражается нравственная специфика социально-идеальной позиции личности по отношению к создавшейся общественной ситуации, конфликту внутренних убеждений и способов их реализации (см.: Философский..., 1983, с. 40). При выполнении того или иного вида деятельности в интересах общества на платной основе внутреннему нравственному принятию лицом этой деятельности отводится незначительная, можно сказать, ничтожная роль. Но подобная деятельность не утрачивает статуса источника общественной стоимости. Следовательно, убийство такого деятеля характеризуется повышенной социальной опасностью. Однако чтобы оно могло преследоваться по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, необходимо уточнить формулировку данного пункта. Одним из вариантов новой редакции последнего может быть следующий: «убийство лица, действующего в публичных интересах, либо его близких в целях воспрепятствовать осуществлению полезной деятельности данного лица либо по мотивам мести за такую деятельность».

С институциональных позиций следует подходить и к анализу такого квалифицирующего признака убийства, как «убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии» (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Ни практика, ни теория в толковании понятия «беспомощное состояние потерпевшего» не

отличаются единообразием. По-разному оцениваются, например, ситуации убийства спящего или находящегося в состоянии алкогольного опьянения лица. В одних случаях подобное состояние признается высшими судебными инстанциями обстоятельством, обуславливающим беспомощность потерпевшего (см., например: Бюллетень Верховного..., 1999, № 6, с. 22), а в других случаях – нет (см., например: Бюллетень Верховного..., 2000, с. 12). Одни ученые полагают, что факт убийства и невозможность оказать сопротивление должны осознаваться потерпевшим, испытывающим от этого особые страдания (см., например: Дементьев, 1999, с. 43), другие, напротив, допускают возможность признания причиной беспомощного состояния невозможность потерпевшего осознавать происходящее (см., например: Уголовное право..., 1996, с. 28). Не исключает этого и Пленум Верховного Суда РФ. В абзаце 1 п. 7 упомянутого постановления разъясняется: «По п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать как умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее» (Бюллетень Верховного..., 1999, № 3, с. 3).

Чтобы верно определить в рассматриваемой проблеме, необходимо разобраться в мотивах, которыми руководствовался законодатель, признавая беспомощность потерпевшего обстоятельством, способным существенно изменить типовую степень общественной опасности убийства, то есть возводя это обстоятельство в статус квалифицирующего признака.

Вряд ли законодатель исходил из тех соображений, что осознание своей беспомощности потерпевшим при посягательстве на его жизнь связано с дополнительными страданиями жертвы, поскольку это обстоятельство уже учтено в законе. Сознательное причинение излишних для лишения жизни страданий потерпевшему (или его близким) составляет сущность такого квалифици-

рованного вида убийства, как убийство с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ). На наш взгляд, не может обуславливать повышенную общественную опасность убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии, и тот факт, что такое состояние облегчает совершение преступления. Скорее уж наоборот: чем больше трудностей способен преодолеть субъект для реализации своего преступного намерения, тем опаснее он для общества.

Представляется, что введение рассматриваемого квалифицирующего признака может быть объяснено тем, что при совершении подобного убийства потерпевшим становится такое лицо, которое с точки зрения нравственных критериев нуждается в повышенной заботе, защите, внимании. Убийца же, избрав такое лицо жертвой своего преступного посягательства, проявляет исключительную аморальность и цинизм. Следовательно, в контексте п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ беспомощность потерпевшего не может интерпретироваться просто как неспособность оказать сопротивление. Далеко не случайно закон в данном случае не связывает наличие квалифицирующего признака с использованием такого состояния. Здесь беспомощность проявляется скорее как потребность человека в помощи, постороннем уходе, причем потребность, находящая адекватный отклик в общественном сознании, признаваемая обществом, в том числе и путем установления дополнительных гарантий безопасности.

В свете сказанного нам представляется правильным решение, принятое Президиумом Верховного Суда РФ по делу г-на Тарасова, когда из приговора, вынесенного в отношении осужденного, было исключено указание на квалифицирующий признак, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Президиум при этом признал, что убийство спящего нельзя считать убийством лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, в том понимании, как это предусмотрено в диспозиции п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку сон является жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием человека (см.: Бюллетень Верховного..., 2000, с. 12). Таким образом, Верховный Суд РФ не усмотрел в данном случае беспомощного состояния потерпевшего, хотя последний и был лишен возможности оказать виновному сопротивление, исходя из того, что сон не является каким-то исключительным

состоянием человека, определяющим необходимость посторонней помощи и заботы.

Совсем иное содержание вкладывает, на наш взгляд, законодатель в такой конструктивный признак изнасилования, как «использование беспомощного состояния» (ст. 131 УК РФ). Здесь слово «беспомощное» скорее всего употреблено не по назначению, поскольку специфика объекта данного преступления заставляет предположить, что «беспомощное состояние» в данном случае означает невозможность для лица проявить свою волю. Для изнасилования обязательным является использование беспомощного состояния жертвы, а не просто сам факт беспомощности последней. Ведь половое сношение в подобной ситуации потому и будет рассматриваться как изнасилование, поскольку оно осуществляется виновным благодаря тому, что потерпевшая в силу различных причин не обладает свободой волеизъявления и отсутствие сопротивления с ее стороны не может означать добровольного вступления ее в половую связь.

Ограниченный объем настоящей работы не позволяет нам остановиться на вопросах, касающихся содержания других квалифицирующих признаков убийства, для понимания которых институциональные моменты имеют немаловажное значение. Это касается, в частности, таких обстоятельств, как совершение убийства группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ), по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Но уже вышесказанное позволяет сформулировать следующий вывод.

Жизнь человека является не только личным, но и важнейшим социальным благом, поэтому она является объектом усиленной уголовно-правовой охраны. Государство отказывает человеку в охране его жизни лишь в том случае, если он ставит себя вне общества и вне его законов, в остальном же оно движимо стремлением создать дополнительные гарантии безопасности для лиц, выполняющих значимые для общества функции, подвергающихся дополнительному риску по роду своей деятельности, а также являющихся наиболее уязвимыми для противоправного воздействия. Институциональный анализ законодательных актов с целью выявления противоречий или обоснования трактовки

отдельных положений и статусов в различных ситуациях позволяет усилить их комплексность и гуманистическую ориентацию, задав соответствующий вектор развитию всего институционального пространства современной России.

Литература

- Бахрах Д.Н. Административное право: Учеб. Часть Общая. М., 1993.
- Белокуров О.В. Квалификация убийства (ст. 105 УК РФ): Учеб. пособие. М., 2004.
- Екуллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.
- Екуллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 6.
- Екуллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 5.
- Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33.
- Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть: Учеб. Краснодар, 1999.
- Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
- Дементьев С. Понятие беспомощного и бессознательного состояния // Российская юстиция. 1999. № 1.
- Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
- Кузнецов А.В. Уголовное право и личность. М., 1977.
- Курс советского уголовного права. Т. 3: Часть Особенная. Л., 1973.
- Мальцев В.В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2000.
- Наумов А.В. Мотивы убийств: Учебное пособие. Волгоград, 1969.
- Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996.
- Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Бородулина, А.П. Горкина, А.А. Гусева, Л.М. Ланда и др. М., 2003.
- Общественная практика и общественные отношения: философский анализ проблем социального детерминизма / Отв. ред. Р.Г. Яновский. М., 1989.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003.

Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовая охрана жизни человека и ее оптимизация // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация: Науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. А.Н. Красикова (20–21 марта 2003 г.) / Под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2003.

Савинов В.М. Правильное толкование квалифицирующих признаков умышленного убийства – важная гарантия охраны прав и законных интересов личности // Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном праве и процессе: Сб. науч. тр. Ярославль, 1985.

Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964–1972 гг. М., 1974.

Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. М., 1996.

Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Шишко И. Квалификация «служебного долга» в условиях рыночных отношений // Российская юстиция. 2003. № 4.

¹ Нельзя согласиться с толкованием ст. 2 Конституции РФ, предложенным Б.Т. Разгильдиевым. Автор утверждает, что данная статья признает в качестве высшей ценности, прежде всего, самого человека и только потом его права и свободы. По его мнению, под понятием «человек» следует подразумевать биологические свойства: жизнь, здоровье, честь и достоинство, то есть то, без чего человек как сознательное и волевое существо состояться не может» (Разгильдиев, 2003, с. 5–6). Во-первых, употребление существительного «ценность» в формулировке статьи в единственном числе свидетельствует о том, что человек как таковой и его права и свободы рассматриваются законодателем как нечто единое. Во-вторых, фраза «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» ясно показывает, что государственной охране подлежит человек как носитель прав и свобод, а не как биологическое существо.

² Можно согласиться с В.В. Мальцевым в том, что слово «обеспечение» применительно к «миру и безопасности человечества», употребленное в ч. 1 ст. 2 УК РФ, «не до конца точно отражает задачи, стоящие перед Уголовным кодексом. Мир и безопасность человечества, – верно отмечает автор, – охраняются так же, как и права и свободы человека и гражданина, и поэтому искать в слове “обеспечение” иной смысл, чем в слове “охрана” нет оснований» (Мальцев, 2000, с. 143).

³ Наша позиция, думается, близка к точке зрения, занимаемой А.Н. Поповым. Автор, однако, не довел свою мысль до логического завершения. Правильно утверждая, что необходимо учитывать, является ли потерпевший близким родственником лица, занимающегося общественно полезной деятельностью, или относится к иным лицам, А.Н. Попов почему-то полагает, что ошибка относительно истинных взаимоотношений между этими иными лицами и лицом, действующим в публичных интересах, не влияет на квалификацию (см.: Попов, 2003, с. 162–164.).

⁴ Гражданско-правовые отношения могут служить основанием для осуществления и управленческих функций, скажем, функций руководителя организации или главного бухгалтера. Подробнее об этом см.: Шишко, 2003, с. 52–53.

Глава 37

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ПРИКАЗНОЙ БЮРОКРАТИИ XVI–XVII вв.

В соответствии с современными направлениями развития отечественной и зарубежной науки представляется весьма актуальным комплексное изучение социального содержания человека с новых методологических позиций, позволяющих в полной мере использовать достижения философии, социологии, политэкономии, истории и других гуманитарных дисциплин, объектом изучения которых являются общество и его институты.

Бюрократические институты государственного управления являются одной из важнейших составляющих любой государственной системы. Знание механизмов их функционирования и эволюции позволяет по-новому оценить перспективы развития современного общества, определить приоритетные направления государственного регулирования и проведения дальнейших реформ в современной России, учитывая национальные особенности и институциональную самобытность Российского государства, специфику отечественного менталитета.

Период с конца XV до конца XVII в. представляет особый интерес для изучения истории России: именно в это время происходит становление и укрепление централизованного государства. Вместе с тем, это был важный этап формирования базовых институтов российского общества, определивших его современный облик. Важно провести углубленное исследование закономерностей и специфики данного периода в рамках нового для отечественной науки и активно развивающегося институционального подхода, выявить и классифицировать существовавшие институты, определив значение и содержание каждой из них. Важной задачей является также изучение их специфических исторических особенностей в аспектах генезиса, структуры, функций, состояния и динамики хозяйственной системы. Предпримем далее попытку осмысления институционального потенциала человека в средневековой России применительно к нарождавшейся системе институтов бюрократии.

Раскрывая сущность и содержание интересующих нас процессов, будем вести речь о следующих характерных для изучаемого исторического периода институтах: государство, чиновничество, дьячество, делопроизводство, столоначальство, законотворчество, дворянство, местничество, взяточничество, волокитство и др. Доминирующими институтами являлись Боярская дума, Государев двор, приказы, приказные избы городов, вотчина, поместье, семья. Основными субъектами институциональной деятельности выступали государь, члены Государева двора, бояре, дворяне и дети боярские, дьяки, подьячие, воеводы.

Модификация и дифференциация институций и институтов в рассматриваемый период была связана с необходимостью оптимизации состава, структуры, механизма функционирования и контуров хозяйственной системы, а также с эффективной реакцией на воздействия внешней среды, включая влияние процессов слияния с другими социальными системами или выделением элементов хозяйственного порядка из состава суперсистем. Следовательно, причинами, приводившими к изменениям институтов, являлись как внутренние закономерности их эволюции, так и адаптация к изменению отдельных компонентов и всей системы факторов хозяйства (Иншаков, Фролов, 2002, с. 32).

Государство в описываемых исторических условиях выступало мощной институцией, представляя собой функциональную базу организации взаимодействий людей, групп и сообществ в рамках целостной хозяйственной системы. Государственное управление выступало механизмом реализации функции распоряжения общественным богатством. Центральное и местное управление являлись функциональными и генетическими подсистемами в структуре общественных отношений. Приказная бюрократия выделялась как отдельная институциональная организация, содержательной основой которой была институция дьячества. Можно вести речь об эволюции подсистем управления в рамках уже существовавшего государства и оформлении в течение нескольких десятилетий с конца XV в. до середины XVI в. новых институций.

Средневековая Россия является ярким примером того, как в переходные эпохи повышается степень влияния внешних процессов и событий на внутренние тенденции институционализации. Переломным моментом, обладавшим созидательной энергией, стало преодоление Россией периода феодальной раздробленности, обретение статуса независимого государства, что являлось объективным и закономерным отражением прогресса системы факторов производства (производительных сил общества). Поскольку государство, как новая для того времени институция, произвело новые формы статусов социальных субъектов, параллельно формировались новаторские институты практически во всех сферах жизни общества. Наряду с этим происходила содержательная реорганизация сложившихся ранее институтов и институций.

Церковь как институт Русского государства насчитывала к концу XV в. уже пять веков существования. Оценивая ее как наиболее консервативную и устойчивую систему функциональных отношений, тем не менее, в XVI–XVII вв. можно отметить определенную ее эволюцию, в частности, появление ранее не существовавшей на Руси институции – патриаршества. Активизировались институции стяжательства и нестяжательства, что вызвало внутрицерковные споры и противоречия, «вылившиеся» в церковный раскол, связанный с именем и деятельностью патриарха Никона.

Изменения коснулись практически всех сфер жизни общества, взаимовлияние которых в целостной системе несомненно. Поэтому изучение становления и развития отдельных институций вне широкого исторического контекста не отвечает задаче полного понимания происходивших процессов. Интересно, что в период приобретения Россией статуса Московской Руси стали оформляться новые механизмы взаимодействия институтов, в основе формирования которых лежало перераспределение собственности хозяйственных субъектов, главным из которых выступало государство. Именно государство, по сути, являлось крупнейшим собственником на «землю» и «труд» (по концепции Ж. – Б. Сэя) – основные источники дохода. Для конца XV–XVI вв. данный вопрос был как никогда актуален, так как происходило активное присоединение новых территорий, а в течение XV–XVII вв. происходило закрепощение крестьянства. Вторым по значению собственником была церковь. Это и обусловило ряд внутрицерковных споров, а также постоянный антагонизм церкви и государства как самостоятельных институциональных субъектов.

С другой стороны, к уже существовавшему институту вотчины в конце XV в. добавился институт поместья. Государство пыталось выиграть «гонку собственников» и не упустить права распоряжения доходами с земли. Именно этим было обусловлено появление поместья, экономическое содержание которого основывалось на функции временного держания земли за службу, просуществовавшей в течение двух веков и прошедшей за этот период ряд институциональных изменений.

Эти процессы отразились и на сословной структуре общества: в течение первой половины XVI в. активизировался процесс оформления новых сословий – дворянства, казачества и др., причем во всех них, начиная с боярства, наблюдался процесс расслоения с изменением ранга политического и социального статуса. Однако главным продолжал оставаться принцип местничества, которое, с точки зрения институциональной теории, является самостоятельной институцией, определявшей отношения субъектов в системе государственного управления на основе родственной преемственности соответствующего статуса.

Изучение функциональной специфики аппарата государственного управления само по себе невозможно без учета тех процес-

сов, которые имели место в конкретную историческую эпоху. Тем не менее, определившись с набором социальных институций, попадающих в поле нашего научного наблюдения, можно классифицировать их с использованием иерархической четырехуровневой пирамиды эволюции институций О. Уильямсона (Иншаков, Фролов, 2002, с. 23–29). Согласно данной схеме, объекты нашего изучения соответствуют третьему уровню – институциям управления, без которых эффективное функционирование хозяйственной системы не представляется возможным, хотя собственность и остается основой любых трансформаций.

В настоящий момент остается открытым вопрос о методологии анализа каждой институции в отдельности, учитывая сложность их взаимосвязей и содержательное многообразие. Изучение взаимоотношений бюрократии и общества дает возможность представить эту проблему в широком контексте, используя достижения философии и социологии конца XVIII – начала XXI в. Комплексное изучение сложившихся в этот период подходов позволяет дополнительно обосновать необходимость применения институционального подхода к изучаемой проблеме.

Возникает необходимость уточнения предмета нашего исследования. Нужно проводить четкую грань между собственно бюрократией и политической элитой общества. Неясность, а порой неразличимость границ между этими социальными образованиями составляла специфику политической системы России в рассматриваемый период. И то, и другое понятие часто сопоставляют с правящим классом. Отправным моментом для разрешения данной проблемы может послужить суждение американского историка Дж. Ле Донна, следующего традиции В. Парето, Г. Моска и М. Острогорского, по концепции которого правящий класс представляет собой совокупность индивидов, осуществляющих функции исполнения и управления, то есть совмещающих статусы принципала и агента, а также обладающих следующими типичными признаками: монополия власти над остальным населением, широкий спектр привилегий, целостность и особый социальный статус, строгая иерархия (Ле Донн, 1993, с. 56–59). Термин «элита» следует употреблять для обозначения «избранных людей», прежде всего высшей знати, а также привилегированных служилых людей. Бюрократия же возникает в связи с

тем, что различия в уровне государственного сознания создают предпосылки для формирования определенной группы, не имеющей четких границ, способной брать на себя функции управления, что может быть фактически властью над обществом, в котором элита представляет собой не более чем «верхушку» бюрократии (Ашин, 1985, с. 8, 64–67).

Основные черты бюрократии были сформулированы в рамках концепции идеальных типов М. Вебера (Weber, 1965, р. 3–6; Вебер, 1990а, с. 666–667). В дальнейшем концепция нашла отражение и получила развитие преимущественно в зарубежной науке XX столетия – в трудах В. Вильсона, А. Вебера (Вебер, 1988, с. 120–128), Р. Михельса (Bureaucrasy, 1994, р. 643), в работах исследователей «формальной» («классической») школы с конца 1920-х гг., сконцентрировавшей усилия на изучении организационных структур, иерархии и взаимодействии информационных потоков, статуса служащих различных уровней и нормативного регулирования всех сторон деятельности организации, и «школы человеческих отношений», сделавшей акцент на организации как системе связей и взаимодействий различных групп, актуализировав социально-психические аспекты их поведения. Позже многие теоретические элементы были синтезированы, появились альтернативные подходы к изучаемой проблеме, в том числе представленные трудами Р.К. Мертсона, Р. Бендикса, Ф. Селзника, А. Гоулднера, М. Крозье, С.М. Липсета, Н.Е. Лонга, Л. Фримана, Г. Саймона, П. Блау, М. Крозье, Д. Валдо, В. Острома, Р. Майкелсона, Т. Парсонса, Ф. Рурка и др.¹ Концепция «реалистической» бюрократии до сих пор привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей.

Бюрократия в отрыве от исторической реальности не может обладать какими-либо признаками, которые можно выделить, если речь идет об историческом явлении, то есть бюрократическом аппарате определенного государства в конкретный период времени. Можно лишь говорить о критериях, по которым следует проводить анализ системы государственного управления, которые были сформулированы в рамках концепции идеального типа государства М. Вебером, по праву считающимся основоположником административной науки. По своему содержанию данная конструкция носит идеальный характер, поэтому задача ис-

торического исследования состоит в том, чтобы «в каждом отдельном случае установить, насколько действительность близка такому мысленному образу или далека от него» (Вебер, 1990б, с. 390). Все исследователи XX в. дополняли, уточняли и развивали положения теории М. Вебера. Выявленные им критерии можно использовать как методологическую основу изучения системы административного строения России XVI–XVII вв., выявления степени проявления признаков бюрократии идеального типа для каждого конкретного периода развития институций государственного устройства.

При этом необходимо учитывать, что если на микроуровне бюрократическая организация рассматривается как образец устойчивости, рациональности и эффективности, то на макроуровне усиление власти государственных управленцев представляет угрозу для либеральных ценностей в масштабе всего общества и, по мнению М. Вебера, в принципе «окончательное решение» проблемы бюрократии невозможно ни эволюционным, ни революционным способом. Именно это стимулирует поиск институциональных противовесов общей тенденции бюрократизации хозяйства и общества в целом в любой конкретный исторический период.

Применительно к истории России начала XVII в. можно сформулировать основные вопросы, конкретизирующие состояние бюрократических институтов и институций: подчинено ли было управление учреждениями (приказами и приказными избами) общим законам государства? Определены ли были статьями закона (Судебником 1550 г. и отдельными указами) полномочия приказных служащих (дьяков и подьячих)? Насколько профессионально исполнялись обязанности дьяков и подьячих? Каковы были критерии оценки уровня их профессионализма и квалифицированности? Имел ли место наследственный характер службы или предпочтение отдавалось способностям и личным качествам приказных служащих? Было ли в работе дьяков и подьячих отделено общественное служение от преследования частных интересов? Можно ли к началу XVII в. говорить о сложившейся иерархии институтов центрального и местного управления, а также соответствующих должностных статусов? Каковы были факторы, определявшие специфику отношений типа «прин-

ципал – агент» между думными дьяками, дьяками и подьячими? Было ли управление беспристрастным? Насколько глубоким было разделение управленческого труда? Выдавалось ли жалование приказным служащим и соответствовал ли его размер их позиции в должностной иерархии? Можно ли говорить о личной свободе служащих в России начала XVII в.? Зависели ли они от власти в отношении их безличных официальных обязанностей?

Восстановление реальных процессов и явлений в управленческой среде начала XVII в. в России возможно с помощью метода просопографии – изучения коллективных биографий. Документов сводного характера, содержащих интересующие нас сведения, либо просто не существовало, либо они погибли в многочисленных пожарах Москвы, крупнейшие из которых случились в 1626 г. и 1812 г. Делопроизводство начала XVII столетия не испытывало потребности фиксировать все назначения приказного человека в процессе его движения по «служебной лестнице» в отдельных документах, отмечая его «трудовой стаж». Говоря о сводной документации, можно было бы рассчитывать на ежегодные перечни имен членов Государева двора, в число которых входили думные дьяки и дьяки московских приказов – боярские списки; боярские книги, составлявшиеся 1 раз в 10 лет на основании боярских списков; разрядные книги, фиксировавшие текущие служебные назначения. Однако боярские списки периода Смуты сохранились отрывочно и только за 1602/03 г., 1607 г., 1610 г. (в списке 1602/03 г. имена дьяков утрачены). Боярских книг от начала XVII в. в нашем распоряжении нет совсем (уцелели лишь с 1626 г. и далее), а официальные разрядные записи велись только до 1605 г. С усилением же внутреннего кризиса в Московском государстве их ведение было приостановлено: имеются лишь списки частного характера, требующие более пристального изучения и проверки степени полноты и достоверности содержащейся в них информации.

Путем сплошного обследования актового материала, документов официального делопроизводства, нарративных источников были «по крупницам» восстановлены биографии 673 дьяков и подьячих конца XVI – начала XVII в. Анализ и обобщение имеющихся сведений в соответствии с выбранной методологией позволяет сделать ряд наблюдений.

Бюрократизации аппарата способствовала прежде всего государственная политика: управление учреждениями было подчинено общим законам государства, определенным статьями Судебника 1550 г. и Соборного уложения 1649 г. В этих же документах была закреплена сфера полномочий дьяков и подьячих, иерархия приказных чинов, а также обязанности служащих в соответствии с местом в этой иерархии. Отслеживая по биографиям служебные передвижения приказных людей, можно проверить установленные законом нормы и раскрыть их на реальных фактах.

Иерархия приказной службы выглядела следующим образом: подьячий, думный дьяк, дьяк московского приказа, дьяк приказной избы города, подьячий московского приказа, подьячий приказной избы города. Принцип отделения общественного от частного определялся самим характером несения службы – в приказах и приказных избах велась особая делопроизводственная документация, расходы на которую, а также на какие-либо другие государственные нужды находились в ведении казны, имевшейся практически в каждом учреждении. За свою службу приказные люди получали годовое жалование согласно месту в иерархии Государева двора.

Но столь важный, согласно М. Веберу, признак бюрократии, как беспристрастное управление, являлся для России описываемого периода не более, чем идеалом. Взятничество в приказах, выраженное в «посулах», было большой проблемой и в XVI – начале XVII в. В специальных статьях закона Судебника 1550 г. определялись меры наказания за недобросовестное ведение дел, а в эпоху Смуты известен текст присяги на верность государю царю Федору Борисовичу, в которой отдельно для приказных служащих была составлена клятва «взятки в приказах не брать».

При рассмотрении окладов дьяков и подьячих, можно полагать, что в начале XVII столетия уже существовала вполне определенная система годовых денежных пожалований, хотя величина окладов внутри чиновных перечней строго не регламентировалась. Она скорее зависела от конкретных обстоятельств пожалования того или иного лица. Удалось выявить сведения о денежных и поместных окладах 78 дьяков и подьячих. Денежные оклады составляли от 1,5 до 30 руб., у подьячих городов до 15–100 руб. – у дьяков московских приказов. Самые большие окла-

ды зафиксированы у дьяка Богдана Власьева – в 1604 г., по данным Кормленной книги Галицкой чети, ему дано жалованье «на 112 год сполна 80 рублей», при этом в росписи он значился первым из дьяков² и стоял во главе чети. Той же суммой 15 июля 1604 г. по памяти за приписью дьяка Григория Клобукова был наделен Григорий Желябужский, служащий Разрядного приказа. По данным Большого сыска денежных и поместных окладов 1622 г. (Зерцалов, 1894, с. 28–32) в «Памяти из Разряда в Галицкую четъ» справлен денежный оклад Андрею Подлесову (дьяку Патриаршего приказа) 100 руб., учинен был при царе Василии, что подтверждается в Столбцах Галицкой и Владимирской четей³. В целом, денежные оклады дьяков по своим размерам приравнивались к окладам выборных городских дворян и, при удачной карьере, приближались к жалованию дворян московских, а в исключительных случаях – и к боярским окладам.

Что касается поместных жалований, то ситуация менее определенная. Практически вся дьяческая верхушка в лице представителей родов московского, выборного и городского дворянства имела в собственности вотчинные и поместные земельные владения. Однако точный их размер установить не представляется возможным. В Смуту произошли серьезные перемены в распределении земельных владений в пользу феодальной «верхушки», и какая-либо определенная система поместных и вотчинных пожалований отсутствует. Дополнительные поместные раздачи со стороны царей и претендентов на престол говорят о стремлении заручиться поддержкой наиболее влиятельной части общества, в состав которой входило и чиновничество.

Самыми богатыми землевладельцами в приказной среде были дьяки Щелкаловы. Василий Яковлевич Щелкалов в правление Бориса Годунова занимал должность думного дьяка и печатника, возглавлял Посольский приказ, ведал четвертным приказом, при Лжедмитрии I был возведен в чин окольничего, оставался в этом чине и при В. Шуйском. Об окладе В.Я. Щелкалова нам позволяет судить запись «Докладной выписки о вотчинах и поместьях 1613 г.». За его сыном, дворянином московским Иваном был записан отцовский оклад: «Вотчины за ним старые отца его 2 738 чети да поместья отца ж его 200 чети. А и с вотчиною за ним 2 938 чети» (Докладная..., 1895, с. 17). Размер оклада

И.В. Щелкалова вполне сопоставим с размерами земельных владений княжеско-боярской аристократии. Так, боярин кн. А.П. Куракин имел вотчин и поместий 1 749 чети, кн. В.И. Бахтеяров-Ростовской – 2 736 четей. Согласно приведенному документу, только 13 % служилых людей Московского государства, владеющих в городах поместной землей без окладов, имели более крупную собственность. Таким образом, источник показывает, что Щелкаловы на рубеже XVI–XVII вв. превратились в крупных землевладельцев.

В качестве примера обладателей крупной собственности можно привести думного дьяка Разрядного приказа Сапуна Тихоновича Аврамова. В 1593/94 г. он был помещиком Вяземского уезда, имел также поместье в Доблинском стане Московского уезда, которое в мае 1605 г. было отдано дьяку Василию Маркову (Сухотин, 1911, с. 36). В общей сложности его поместья составляли 1 000 четей (Павлов, 1992, с. 234). Однако размеры земельной собственности В.Я. Щелкалова и С.Т. Аврамова являются скорее исключением, тогда как в среднем поместные оклады дьяков составляли 400–500 четей (Рыбалко, 2001а, с. 43–56).

Продолжительный характер несения службы предполагал развитие профессиональных качеств дьяков и подьячих, ведь только смерть или опала могли стать причиной окончания трудовой деятельности служащих приказов. Поскольку в России того времени не было учебных заведений, в которых человек мог пройти квалифицированную подготовку для приказной службы, то наследственность являлась не дестабилизирующим фактором, а, напротив, гарантом профессионализма, поэтому дети дьяков получали домашнее образование, параллельно приобретая порой и профессию. Во многих дворянских фамилиях дьяческая служба приобрела наследственный характер.

Одной из самых влиятельных дьяческих династий были Щелкаловы. Основатель рода Яков Семенович Щелкалов служил дьяком у Ивана Грозного. Его сын Андрей Яковлевич, думный дьяк Посольского приказа царя Федора Ивановича, был женат на сестре московского дворянина кн. Г.О. Зубка-Засекина⁴. Служебная карьера Андрея закончилась 30 июня 1594 г., когда его обязанности перешли к брату Василию Яковлевичу Щелкалову. О том, что Василий и Андрей являлись братьями, свидетель-

ствуют записи о вкладах Троице-Сергиева монастыря, по которым в 1568/69 г. они дали сельцо Настасьино с 12 деревнями в Переяславском уезде, а 6 августа 1599 г. Василий «дал по брате Андрее и дочери Марье 229 золотников жемчугу ценой 460 рублей» (Вкладная книга..., 1987, с. 133). Дальнейший неожиданный поворот в карьере В.Я. Шелкалова — пожалование в окольниковые Лжедмитрием I (Собрание..., 1819, с. 209) — позволяет высказать осторожное предположение, что дьяку удалось удержаться, благодаря поддержке Боярской думы.

К известной дьяческой фамилии Яновых принадлежали братья Федор и Василий Осиповичи. При Лжедмитрии I последний был думным дьяком Разряда и тому, что он остался в своей должности и при царе Василии, дьяк во многом был обязан своим родственным связям, так как был «Шуйскому по жене племя»⁵. Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря 1673 г. записано много вкладов Яновых (Вкладная книга..., 1987, с. 71).

Отец думного дьяка Поместного и Посольского приказов Ивана Тарасьевича Грамотина (до Смуты и позже писался Иван Курбатов) — Грамотин Тарасий Курбат Григорьевич — был посольским дьяком Ивана Грозного⁶. Отец дьяка Нечая Федоровича Чередова (Перфильева) (чаще обозначаемого в источниках как Нечай Федоров)⁷ упоминается как приказной человек в Галиче⁸, это дворянская фамилия из рода Благово (Богоявленский, 1937, с. 224). К дворянской фамилии принадлежали Желябужские Петр и Григорий Григорьевичи⁹, Филипп Федорович и Анфиноген Филиппович Голенищевы (Веселовский, 1975, с. 120; Сухотин, 1911, с. 55). Оба Голенищевых упоминаются в источниках как дворцовые дьяки, «злые шептунь», «похлебцы» царя В. Шуйского¹⁰. Дьяк Игнатий Тимофеевич Софонов возглавлял Разрядный приказ в Тушине, а его сын Денис в том же приказе был печатником и думным дьяком¹¹, дети Игнатия — Матвей, Тимофей и Денис — были выборными дворянами по Карачеву (Павлов, 1992, с. 238). Дьяками были отцы следующих приказных служащих: Ивана Салманова¹², Бохина Алексея Дорофеевича¹³, подьячих Посольского приказа Иванов Веригиных детей Ковернева (Шепелев, 1957, с. 341), Свяязева Захария Григорьева (Савва, 1983, с. 343). Зиновьев Василий, отец известного дворцового и полкового дьяка В. Шуйского Васильева Сыдавного Семена Зиновьевича также был

дьяком в 1606 г., известен по вкладу в Троице-Сергиев монастырь¹⁴. Родными братьями были новгородский дьяк Ефим Григорьевич и думный дьяк Поместного и Посольского приказов Василий Григорьевич Телепневы¹⁵.

Но, несмотря на складывание дьяческих династий, наследственная передача государственных должностей не была официально утверждена, а институция родства не закрепились в качестве определяющего момента приказного служебного назначения.

В конце XVI – начале XVII в. проявилась тенденция поступления на службу и совершения успешной карьеры от подьячего до чина думного дьяка людей, выдвинувшихся не только из-за родственных связей, но и, во многом, благодаря своим личным качествам и способностям к данному рода службе. Причем люди из дворянских фамилий нередко начинали службу также в подьячих. В должности Новгородского подьячего началась карьера думного дьяка Разрядного приказа Сапуна Тихоновича Аврамова; подьячим Новгородской чети в начале своей карьеры был думный дьяк Разрядного приказа и Приказа Большого дворца периода ополчений Семен Зиновьевич Сыдавной Васильев; подьячим Галицкой чети при Лжедмитрии I служил думный дьяк Новгородского разряда боярского правительства периода междуцарствия Евдоким Яковлевич Витовтов; из подьячих до думного дьяка Московского Разряда дослужился Тимофей Андреевич Витовтов; предположительно из подьячих Мастерской палаты вышел виднейший думный дьяк Посольского, Казанского и Мещерского дворца эпохи Смуты Афанасий Иванов сын Власьев; из подьячих или из жильцов выслужился думный дьяк Поместного приказа Елизар Данилович Вылузгин, возглавлявший также Четвертной приказ при Борисе Годунове; с должности подьячего Посольского приказа до думного дьяка Посольского и Поместного приказов сложилась карьера Ивана Тарасьевича Грамотина (= Иван Курбатов); из подьячих думным дьяком Поместного приказа стал Иван Яковлевич Ефанов; подьячим был в начале своей деятельности думный дьяк Посольского приказа Василий Григорьевич Телепнев.

Не зафиксированы на подьяческой службе из думных дьяков эпохи Смуты: В.Я. Щелкалов (печатник, во главе Четвертного и Посольского приказов), В.О. Янов (в Московском и Нов-

городском разрядах), Г.Г. Желябужский (в Московском разряде), Т.И. Луговской (в Новгородском Разряде, позже – в Посольском приказе); И.А. Нармацкий (в Четвертном приказе), И.Ф.Стрешнев (в Разрядном приказе Лжедмитрия I), В.И. Сутупов (в Печатном приказе и Приказе Большого дворца при Лжедмитрии I), Ф.Д. Шушерин (в Поместном приказе). Также не служили в подьячих тушинские думные дьяки Д.Т. Рындин (в Печатном приказе, в период ополчений – в Приказе Казанского и Мещерского дворца), П.А. Третьяков (Лошаков) (в Поместном приказе), в прошлом городские дворяне С.Н. Линева (в Поместном приказе), Н.Ф.В. Лопухин (в Посольском приказе), Д.И.Софонов (в Разрядном приказе), из дворян – И.И. Чичерин (в Поместном приказе), из выборных дворян – С.В. Чередов (в Поместном приказе Лжедмитрия I). Из гостей происходили назначенные по приказу Сигизмунда III думные дьяки Новгородской чети Кирилл Сазонов Скоробовицкой, Степан Михайлов Соловецкий (Тюменцев, 1999; Рыбалко, 2001б).

Восстановленные биографии дьяков и подьячих XVI–XVII вв. дают основание утверждать, что к началу XVII столетия в России уже сложилась особая правящая группа лиц, сосредоточившая в своих руках управление государством и обладавшая достаточным постоянством своего состава и характера несения службы. В рамках сложной системы бюрократических учреждений того времени для людей практически любого статуса существовали институциональные возможности карьерного продвижения за счет адаптивности, исполнительности, мобильности и креатизма. В начале XVII столетия не делалось особых различий для получения чина думного дьяка между людьми дворянского происхождения, имевших возможность, минуя должность подьячего, попасть в дьяки московских приказов, а затем в думные, и людьми незнатного происхождения, прошедшими всю бюрократическую иерархию от подьячих городских приказных изб до думных дьяков.

Таким образом, институциональный подход позволяет наметить новые пути изучения различных общественных институтов в их взаимосвязи в конкретные периоды истории, проецировать полученные данные на состояние институтов современного общества, дает возможность разрабатывать новые критерии оценки

деятельности людей в рамках современных институтов, преодолеть идеологические споры в рамках стремления к свободному, объективному изучению общественных процессов и явлений и их исторической эволюции.

Литература

Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал А. Юшков. № 220. Б. г.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2 (1598–1613 гг.). СПб., 1841.

Акты Московского государства / Под ред. Н.А. Попова, Д.Я. Самоквасова: В 3 т. Т. 1 (1571–1634 гг.). СПб., 1890.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1836.

Архив П.М. Строева: В 2 т. Пг., 1917.

Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985.

Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.) // Чтения ОИДР. Кн. 2. М., 1907.

Богоявленский С.К. Приказные дьяки XVII в. // Исторические записки. Т. 1. М., 1937.

Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946.

Боярские списки последней четверти XVI – нач. XVII века и Роспись русского войска 1604 г. (указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа) : В 2 ч. / Под ред. А.Л. Станиславского. М., 1979.

Боярский список 1610/11 г. // Чтения ОИДР. Кн. 3. М., 1909.

Вебер А. Чиновник // Социологические исследования. 1988. № 6.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990а.

Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990б.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987.

- Гегель Г. *Философия права* // Гегель Г. Соч. Т. VII. М.; Л., 1934.
- Грамотин И.Т. // Бантыш-Каменский Д.Н. *Словарь достопамятных людей русской земли*. Ч. 2. СПб., 1847.
- Докладная выписка 121 (1913) г. о вотчинах и поместьях. М., 1895.
- Зерцалов А.Н. О большом сыске поместных и денежных окладов стольников, стряпчих, дворян и детей боярских всех городов в нач. XVII века (1622 г.) // *Чтения в обществе истории и древностей Российских*. Кн. 2. М., 1894.
- Иншаков О.В., Фролов Д.П. *Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.)*: В 2 т. Т. 1. Волгоград, 2002.
- Ле Донн Дж. *Правящий класс* // *Новое время*. 1993. № 41.
- Лисейцев Д. *Посольский дьяк Иван Грамотин: биографическое исследование* // *Русское средневековье*. 1998 г. Вып. 2. М., 1999.
- Павлов А.П. *Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.)*. СПб., 1992.
- Погорелый А.И. *Концепция бюрократии Альфреда Вебера* // *Социологические исследования*. 1988. № 6.
- Пуцилло М.П. *Думный дьяк И.Т. Грамотин (1606–1638)*. СПб., 1878.
- Разрядная книга 1550–1636 гг.* Вып. 2 / Сост. Л.Ф. Кузьмина; Отв. ред. В.И. Буганов. М., 1976.
- Рыбалко Н.В. *Приказная бюрократия Смутного времени: родственные связи, денежные и земельные оклады* // *Вестник ВолГУ*. 2001а. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Вып. 6.
- Рыбалко Н.В. *Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия*. Дис. ... канд. ист. наук / Волгоградский гос. ун-т. 2001б.
- Савва В.И. *Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке*: Справ. М., 1983.
- Сен-Симон А. *Рассуждения литературные, философские и промышленные. Об общественной организации (Отрывки из неизданного сочинения)* // Сен-Симон А. *Избранные сочинения*: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1948.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел*: В 4 ч. Ч. 2. М., 1819.
- Сухотин Л.М. *Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610–1611 гг.* // *Чтения ОИДР*. Кн. 4. М., 1911.

Сухотин Л.М. Четвертики Смутного времени (1604–1617 гг.) // Смутное время Московского государства. Вып. 9. М., 1912.

Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. СПб., 1999.

Цетлин Л.С. Комментарий // Сен-Симон А. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1948.

Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957.

Blau P.M. Bureaucracy in modern society. N. Y., 1968.

Bureaucracy // The New Encyclopedia Britannica. Vol. 1–29. Chicago, 1994.

Leiper F.J. The Bureaucracy in Pressure Politics // Rourke F. Bureaucratic Power in National Policy Making. Boston, 1965.

Long N.E. Power and Administration // Rourke F. Bureaucratic Power in National Policy Making. Boston, 1965.

Rourke F.E. Bureaucracy, politics and public policy. Boston, Toronto, 1984.

Simon H.A. Administrative Behavior. N. Y., 1976.

Weber M. Essay on Bureaucracy (From: Weber M. Essays in Sociology / Edited and translated by H.H. Gerth and C. Wright Mills. Copyright 1946 by Oxford University Press, Inc. Reprinted by permission) // Rourke F. Bureaucratic Power in National Policy Making. Boston, 1965.

¹ См.: Long, 1965, p. 14–23; Simon, 1976, p. 20–44; Leiper, p. 23–39; Blau, 1968; Rourke, 1984 и др.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Л. 9–89 об.

³ РГАДА. Ф. 396. Московская Оружейная палата. Оп. 24. № 37546; Сухотин, 1912, с. 243.

⁴ См.: Разрядная книга..., 1976, с. 69; Белокуров, 1907, с. 78, 82, 135, 138.

⁵ РГАДА. Шведские микрофильмы (новые поступления). Р. 133. № 16; РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. Ч. 1. № 142.

⁶ См.: Грамотин..., 1847; Пуцилло, 1878; Лисейцев, 1999, с. 48–66.

⁷ РГАДА. Ф. 1111. Верхотурская приказная изба. Оп. 2. Д. 2. Л. 10, 15, 16; Веселовский, 1975, с. 543; Боярские списки..., 1979, ч. 1, с. 182; Акты исторические..., 1841, с. 82; Акты, собранные..., 1836, с. 98; Собрание..., 1819, с. 188, 201, 315; Боярский список..., 1909, с. 86.

⁸ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1603 г. Д. 1. Л. 4; Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. 2.

⁹ □ См.: Боярские списки..., 1979, ч. 2, с. 46; Веселовский, 1975, с. 183; Павлов, 1992, с. 193; Архив П.М. Строева, 1917, т. 2, с. 183, 253; Богоявленский, 1946, с. 39.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. № 124; Акты исторические, издаваемые Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 2. № 217, 229. С. 414, 435; РГАДА. Шведские микрофильмы (новые поступления). Р. 133. № 16.

¹¹ См.: Боярские списки..., 1979, ч. 1, с. 107.

¹² См.: Разрядная..., 1976, с. 193, 203; Акты Московского..., 1890, с. 45; Боярские списки..., 1979, ч. 2, с. 46; Веселовский, 1975, с. 460.

¹³ Боярские списки..., 1979, ч. 1, с. 107, 182; Сухотин, 1912, с. 26; Разрядная книга..., 1976, с. 146, 184, 213, 215, 230, 233; Акты... (Юшков), с. 217, 221.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. № 124; Вкладная книга..., 1987, с. 169.

¹⁵ РГАДА. Шведские микрофильмы (новые поступления). Р. 133. № 16; Собрание государственных..., 1819, ч. 2, № 188, 189, 190, с. 374, 376, 378; Архив П.М. Строева, т. I, с. 69; Белокуров, 1907, с. 121 и др.

Глава 38

ФОРМЫ И ГРАНИЦЫ ТЕНЕВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Момент толерантности населения к нарушениям общепринятых норм предстает необходимым условием начала и развития теневой институционализации. Общество «привыкает» к нарушениям также из-за инерционности уже имеющихся теневых институций, за которыми стоят достаточно крупные социальные группы со сложившимися привычными формами поведения. Еще один важный фактор теневого формообразования – наличие у него мощного «прикрытия», которое образуется благодаря интеграции теневых институций с институциями, позитивный статус которых установлен обществом и государством.

Поскольку в рамках данной главы осуществление даже краткого обзора бесчисленного количества теневых институций, их вариаций и комбинаций с официально признанными социальными структурами не представляется возможным, сделаем акцент на обосновании закономерного характера теневой институционализации акторов, выявлении границ этого процесса и анализе наиболее типичных его форм на конкретных примерах.

В юридической литературе и практике термин «мошенничество» имеет точную уголовно-правовую квалификацию. Мошенничеству Уголовный кодекс РФ отводит строгие рамки ст. 159, которая определяет эту институцию как хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием. Как видим, необходимым элементом состава данного преступления, определяющим его специфику, является использование обмана как способа его совершения. Сами же формы обмана здесь не играют для квалификации существенной роли и могут быть различны: сообщение ложных сведений; сокрытие обстоятельств и фактов; умолчание об их наличии в ситуации, когда своевременная информация предотвратила бы заключение сделки и передачу материальных ценностей и др.

«Чистота» мошеннического обмана в уголовно-правовой норме необходима для строгого отграничения данного вида экономического преступления от других, например, с такими составами, как присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ) и др.

Обман потребителя составляет наиболее обширный поток нарушений, сопровождающий ежедневную жизнь чуть ли не каждого гражданина и проявляющийся в многочисленных формах. Среди них – обмеривание, обвешивание, обсчет, введение в заблуждение относительно потребительских свойств или качеств товара (услуги), иной обман потребителей, включающий любые действия, направленные на получение от граждан денежных сумм, превышающих стоимость приобретаемых товаров или оказываемых услуг.

На потребительском рынке имеют место и иные формы обмана, которые образуют состав других преступлений. К ним

относится, в частности, одна из общественно опасных форм обмана, которая связана с посягательством на собственность, ведущая к причинению имущественного ущерба (ст. 165 УК РФ). Список подобного рода деяний является достаточно обширным и открытым: предоставление отдельным людям возможности пользоваться не положенными им льготами, уклонение от обязательных платежей, незаконное использование чужого имущества, незаконное пользование тепловой энергией и электроэнергией и др. Субъектами большинства названных незаконных действий могут быть и потребители, которые ранее фигурировали только в качестве потерпевших. Обман как средство совершения или сокрытия экономических преступлений может претендовать на универсальность, поскольку используется подавляющим большинством фигурантов уголовных дел по правонарушениям такого рода (Московцев, Дьячков, 2001).

Кроме названных «экономических» статей в УК РФ есть множество статей, так или иначе связанных с обманом. Так, в гл. 30, посвященной преступлениям против порядка управления, непосредственное отношение к обману имеют ст. 288, 292 и др. Человек, неправоммерно выдающий себя за какое-то должностное лицо, если данное деяние сопряжено с существенным нарушением прав и законных интересов граждан или организаций, нарушает ст. 288 УК, что ведет к штрафу в размере от 50 до 100 минимальных размеров оплаты труда или исправительным работам на срок до двух лет и аресту на срок до трех месяцев. Преступлениям против правосудия посвящена гл. 31 УК, в рамках которой по ст. 306 «Заведомо ложный донос» можно получить до шести лет лишения свободы; ст. 307 «Заведомо ложное показание» карает лишением свободы на срок до 5 лет; ст. 302 «Принуждение к даче показаний», ст. 303 «Фальсификация доказательств» и др. также прямо или косвенно предостерегают против обманных действий субъектов правосудия.

Сходство названных составов преступления заключается в способе достижения преступных целей, в качестве которых выступает обман. Отличие же состоит в субъектах преступления (они имеют различные полномочия для посягательства на чужое имущество), формах и размерах наносимого ущерба (прямой материальный ущерб или упущенная выгода), сферах деятельности, в

которых происходит обман (кредитно-финансовая, торговая, потребительский рынок, управление, правосудие и др.).

Однако выведенный из «зацепления» с другими признаками соответствующих преступлений (наличие значительного ущерба, преступного умысла) обман как таковой в подавляющем большинстве случаев не является уголовно наказуемым деянием. Он может проходить по рубрикам «нестандартные методы бизнеса», «сомнительные или подозрительные операции», «махинации», «нечестные сделки», «неблаговидные действия», «особая ловкость в ведении дел» и др. Скрытые в них «тонкие» формы обмана чаще всего вообще находятся вне правового поля, а их нечеткая диагностика возможна лишь на основе общепринятых норм морали (честно/нечестно).

Очевидно, что, исходя из способа преступного посягательства, затруднительно или даже невозможно дать юридическую квалификацию деяния. Однако для расследования значима не только правильная квалификация преступных действий, но и исследование «техники» их совершения, имеющее относительно самостоятельный статус в криминалистике. Не случайно методики расследования уголовных дел по указанным выше «экономическим» статьям УК РФ во многом аналогичны методикам, используемым при выявлении мошеннических операций (см.: Расследование..., 1999, с. 96). При внимательном изучении комплекс обманных действий оказывается набором элементарных процедур, в числе которых подлоги в документах, нарушения правил документооборота, подкуп, приписки, неоприходование выручки и т. п. Процедуры, входящие в комплекс, поддаются обобщению и типизации в рамках институции мошенничества.

Чрезвычайная сложность выявления и доказательства фактов мошеннических действий приводит к тому, что до юридической квалификации доводится лишь очень небольшая их часть. «Готовые» (очевидные) факты мошенничества – редкость. Еще одной их специфической чертой является неочевидность, ведь в посягательствах такого вида незаконные операции маскируются под соответствующими установленным нормам, поэтому никогда нет уверенности, что имеет место факт преступления, а не случайная ошибка. В большинстве случаев, чтобы предъявить гражданский иск или начать уголовное преследование, не-

обходимо доказать по меньшей мере повторяемость признаков мошенничества, а само их наличие трактуется лишь как симптом, но не доказательство преступления. Издержки поиска и уточнения информации о совершении подозреваемым лицом различных обманных операций чрезвычайно велики и лежат в основе подготовительной деятельности к проведению следственных действий по выяснению мотивов, масштабов, алгоритма, временного диапазона, территории, методов мошенничества и иных его элементов.

Самую общую классификацию симптомов мошенничества можно представить следующим образом: 1) аналитические признаки данной институции, устанавливаемые на основе анализа совокупности некоторых данных и выделения нетипичного компонента (например, выявление процедур или взаимосвязей, которые слишком необычны, чтобы им верить); 2) точечное предоставление информации («наводка»), жалобы клиентов, изменения в образе жизни подозреваемых; 3) пропажа или подделка документов, обход существующих правил внутрифирменного контроля, инструкций, гражданско-правовых, административных и иных норм (см.: Альбрехт, Венц, Уильямс, 1995, с. 86).

Мошенничество может быть выявлено на разных стадиях реализации данной институции: в момент совершения акта — благодаря тому, что кто-то заметит, как это происходит; на этапе сокрытия следов преступления — за счет обнаружения фальшивых документов или записей; наконец, *post factum*, когда происходит изменение образа жизни мошенников при трате похищенных ими сумм (Альбрехт, Венц, Уильямс, 1995, с. 182). Для оперативного мониторинга и четкой идентификации фактов мошенничества необходимо комплексное взаимодействие механизмов и органов бухгалтерского учета, внутрифирменного контроля, аудита, ревизии, экспертизы, связей с общественностью.

Поскольку мошенничество проявляется в многообразных формах, а его агенты паразитируют в большинстве видов человеческой деятельности, выявление фактов осуществления этой институции требует систематических профилактических и следственных действий, совместных усилий различных правоохранительных и иных государственных институтов и органов.

Как уголовно-правовая институция мошенничество содержательно характеризуется следующими элементами:

1) уголовно-правовая норма (ст. 159 УК), преследующая за мошенничество. К этой норме примыкает целая совокупность статей УК РФ, в которых обман рассматривается как умышленное, общественно опасное и приводящее к значительному ущербу действие;

2) практика выявления и расследования случаев мошенничества, включающая соответствующее методическое и организационное обеспечение;

3) совокупность собственно мошеннических действий, выявленных, расследованных и получивших статус уголовно-правового факта. При мошеннических посягательствах незаконные операции, как правило, внешне выглядят как обычные действия, совершенные в соответствии с установленными правовыми, экономическими и прочими нормами. Для этого используются или подделываются официально признанные институциональные инструменты и атрибуты – служебные и должностные статусы и полномочия, платежные инструменты (банковские счета, ценные бумаги, кредитные карточки и др.), контракты, гарантии, документы, бланки, печати, помещения и техника реально существующих организаций и др. Более сложный мошеннический инструмент – использование статуса юридического лица с помощью образования лжефирмы. Для создания видимости успешного состояния дел нередко конструируется впечатляющий «фасад» – бутафория в виде солидных служебных помещений, оснащенных современной оргтехникой, рассказов об уже совершенных или находящихся в процессе исполнения грандиозных сделках, разыгрываемых деловых встреч с «компаньонами», «поручителями» и др. С помощью рекламы, поддельных финансовых отчетов, фиктивных договоров и заключений мнимых экспортеров создается ложная картина, за которой трудно распознать преступную комбинацию (Ларичев, 1997, с. 26).

Жизненный цикл специальных мошеннических средств довольно короток, ведь любое длительное воспроизведение одних и тех же приемов облегчает их обнаружение и раскрытие. Поэтому мошенники всех эпох должны были идти на шаг впереди своего времени, точнее, рутинеров, инертно воспроизводящих

свой быт по готовым моделям. Так, наиболее продвинутые программисты становятся хакерами и осуществляют мошеннические операции с кредитными картами (Ларичев, 1996, с. 153–158). Конечно, инновационная ориентация институции в целом не исключает, что некоторые мошеннические технологии воспроизводятся на протяжении нескольких веков (например, «финансовые пирамиды»).

Одним из классификационных признаков подобных преступлений является количество и степень организованности их субъектов, по которому множество мошеннических действий может быть сгруппировано следующим образом: а) совершенные отдельными индивидами; б) совершенные стихийно организовавшимися группами; в) совершенные организованными преступными группами (ОПГ).

В первом случае акты мошенничества характеризуются в целом как непрофессиональные, поскольку в современных условиях совершить крупный обман в одиночку практически невозможно. Такие индивиды действуют по схемам «украл – продал» либо «украл – промотал». Их инструментарий обычно примитивен и сводится к подделке подписей, документов и т. д.

Стихийно организовавшиеся группы чаще всего состоят из нескольких (2–4) человек, образовавшим по стечению обстоятельств коалицию для осуществления незаконных действий. Подобные группы, в частности, совершают наибольшее количество преступлений (около 40 %) среди всех злоупотреблений с кредитными карточками, вовлекая в свою деятельность под угрозой применения насилия или под обещанием долевого участия работников торговых предприятий. В рамках таких групп происходит обмен опытом и мнениями, осуществляется согласованное принятие решений, вырабатывается стратегия и тактика поведения всех членов в соответствии с заранее расписанными ролями.

Участники ОПГ отличаются глубоким знанием сферы мошенничества, высоким профессионализмом совершения преступлений. В таких группах наблюдается четкое распределение статусов и функций: так, при махинациях с кредитными картами одни специализируются на краже платежных средств («тягачи»), другие – на подделке подлинных и изготовлении фальшивых платежных средств («фальсификаторь»), третьи («кассирь») обес-

печивают реализацию похищенных платежных средств. Каждый участник имеет определенную долю в преступном доходе.

Именно ОПГ было совершено в свое время большинство преступлений с использованием подложных авизо. Существовала определенная специализация между участниками группы: одни изготавливали поддельные документы, другие осуществляли отправку через телетайп, третьи контролировали их прохождение в РКЦ и банках, четвертые специализировались на получении наличных денег и их перевозке. Таким образом, ОПГ – это наиболее технологичная, информированная, функционально сбалансированная, специализированная и эффективно структурированная часть «преступного мира», образно говоря, его «планирующий сектор», вырабатывающий стратегию и ориентированный на устойчивость получения дохода.

Импульс мошенничества создается, прежде всего, противоречивостью формальной институциональной базы, «белые пятна» и несогласованность которой стимулирует «теневых предпринимателей» выгодно их использовать. Пределами данной институции является толерантность хозяйственных субъектов и общества в целом к нарушению законодательных и неформальных норм, степень эффективности инструментов и механизмов социального маркирования мошенников (например, ведение банками кредитной истории клиентов), асимметрия информации о потенциальных партнерах и наличие специальных институтов ее аккумуляции и предоставления.

Действительно, одно дело – временная ситуация отклонения от нормального функционирования институтов общества и государства, но совсем другое – ситуация массового, сознательного и систематического нарушения их агентами установленных норм и правил, которая означает или трансформацию институциональной системы, необходимость коррекции и замены этих норм, или деградацию общества и распад его базовых институтов. Даже временная неспособность общества к диагностике фактов мошеннических действий (в том числе оппортунизма как уклонения от исполнения принятых на себя обязательств) отражает наличие системных функциональных проблем.

Так, в период бума «пирамидостроительства» в России было заведено более тысячи уголовных дел по факту мошенничества,

однако до суда удалось довести не более нескольких десятков, поскольку возникли сложности с доказательством умышленного характера такого рода действий, которые адвокатами трактовались как неизбежный и объективный в условиях рыночного хозяйства коммерческий риск. Конечно, и предприниматели, и потребители, и государственные функционеры постепенно формируют навыки действий в ситуациях повышенного транзакционного риска, в том числе связанного с потенциальным мошенничеством, по прямым и косвенным данным просчитывают обоснованность соглашения, вырабатывают механизмы защиты. Проявлением принципа path dependence применительно к развитию банковской системы современной России стали негативные воспоминания о дефолте государства и крахе финансовых пирамид, которые латентно тормозят интенсивную институционализацию кредитно-финансовых отношений.

Результаты исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), констатируют удручающие перспективы развития российского финансового рынка (Каледин, 2004, с. 2; Панина, 2004, с. 2) На вопрос: «Вкладывали ли Вы за последние 7–8 лет свои деньги в различные финансовые компании, банки, и если да, то как Вы оцениваете свой опыт вложения денег в эти компании?» ответы участвующих в опросе граждан России распределились следующим образом: не вкладывали – 70 %; вкладывали и оказались с прибылью – 4 %; вкладывали, но при этом ничего не приобрели и не потеряли – 13 %; вкладывали, но при этом потеряли свои деньги – 7 %; затруднились или не захотели ответить – 6 %.

Таким образом, у большинства россиян (около 90 %) отсутствует позитивный опыт общения с финансовыми организациями. В настоящее время, по данным Ассоциации российских банков (АРБ), в банках хранят свои сбережения всего 10–15 % граждан. А после событий мая-июня 2004 г., резко обостривших проблему доверия клиентов кредитно-финансовой системе, размещать свои средства в коммерческих банках решились бы только 25 (!) опрошенных.

Можно предположить, что, благодаря латентности своего проявления в большинстве (70–95 %) правонарушений, мошенничество является их широким функциональным основанием,

представленным множеством не выявленных и не доказанных случаев, которые не обладают всеми признаками уголовно-правового события, квалифицируемого как мошенническое действие. В результате образуется особая реальность обмана, более размытая и условная, чем криминалистические характеристики данной институции.

Судить об этой реальности можно лишь косвенно, во-первых, опираясь на специальные методики, одна из которых, например, основана на сопоставлении данных уголовной статистики с заявлениями, жалобами, сообщениями о преступлениях в средствах массовой информации и т. п. Другая подобная методика строится на сравнении таких данных с результатами анонимного анкетирования населения, должностных лиц, предпринимателей и т. д. Во-вторых, для определения действительных масштабов рассматриваемого явления необходимо проводить сопоставление уголовной статистики со статистикой гражданско-правовых деликтов, административных и дисциплинарных правонарушений, материалами судебных, контролирующих и иных организаций. Выявленные и получившие здесь правовую оценку факты некриминального обмана отличаются от собственно мошеннических действий размерами нанесенного ущерба и отсутствием прямого умысла.

Но грань между этими двумя видами фактов, имеющими различную правовую квалификацию, достаточно условна. Так, в ходе исследования теневой экономики в СССР (Московцев, Таджибаев, 1990) эмпирически была выявлена устойчивая связь между ее криминальной и некриминальной составляющими, в силу которой, например, на 1 руб. преступных доходов приходится 5–6 руб. незаконных, но некриминальных доходов. По аналогии, для того, чтобы состоялся один факт криминального мошенничества, в этой же сфере деятельности должно реализовываться не менее 5–6 событий некриминального обмана, идентифицированного под различными разделами правонарушений. Преступление же как закономерное событие происходит в обстановке систематических правонарушений.

В-третьих, массовая практика российского бизнеса, в том числе взаимодействие покупателей и продавцов на рынках, характеризуется отсутствием правовых оценок и удовлетворением

неформальными механизмами улаживания разногласий и недопущения конфликтов. Не получая соответствующей оценки со стороны общества и государства, такая практика является «кузницей» изощренных форм и методов обмана потребителей, партнеров по бизнесу, органов управления и контроля и др.

Для аналитического предвосхищения «нестандартных» форм деловых отношений требуется целостное представление феномена мошенничества, установление механизма совершения действий в рамках данной институции на основе их вербального моделирования, позволяющего раскрыть суть типовых форм обмана «изнутри».

В известной модели «треугольник мошенничества» (Альбрехт, Венц, Уильямс, 1995, с. 14–85) выделяются следующие необходимые элементы этой институции: 1) давление внешних обстоятельств, прежде всего, финансовых; 2) возможность совершить и некоторое время скрывать акт мошенничества; 3) способность оправдать это действие.

Исходя из такого набора детерминирующих сил, мошенничество предстает институцией, которую может осуществить любой актер в условиях адаптации к агрессивной внешней среде. «Если человек ощущает давление внешних обстоятельств, имеет возможность и может оправдать свой поступок перед самим собой, то он, скорее всего, пойдет на мошенничество», — пишут авторы модели (там же, с. 36). Они очень пессимистически смотрят на современного человека, обосновывая свою позицию разнообразными фактами: в частности, примерно 60 % всех американцев когда-либо в своей жизни что-либо «стащили» из магазина; $\frac{2}{3}$ опрошенных студентов ведущих колледжей когда-либо во время зачетов и экзаменов жульничали; 87 % менеджеров способны ради улучшения имиджа своей фирмы на совершение мошенничества и др.

Поскольку человеческий «материал», готовый для реализации мошеннических действий, всегда в наличии, основное значение придается внешним обстоятельствам, среди которых наиболее значимыми являются: стремление достичь успеха любой ценой, неудовлетворенность своим трудом, низкая оценка своего вклада в дела организации, боязнь потерять работу, желание свести счеты с начальством или с коллегами, непонимание в

семье, приверженность к азартным играм, наркотикам, алкоголю, дорогим сексуальным удовольствиям, жизнь не по средствам, большие долги, жадность, низкая производственная дисциплина, отсутствие или недостаточность контроля, равнодушие к происходящему со стороны окружающих, предоставление искаженной или недостаточной информации, неспособность оценить качество работы и др.

Нетрудно заметить, что за большинством из перечисленных жизненных обстоятельств стоят или могут стоять разнообразные институциональные формы, среди которых выделяются наиболее простые институты: стяжательство, очковтирательство, картежничество, пьянство, наркоманство, иждивенчество, потребительство, приспособленчество, аутсайдерство, беспутство, голотяпство, мотовство, разгильдяйство и др.

Даже там, где, казалось бы, действуют исключительно субъективные психологические факторы (необходимость оправдания мошенничества перед самим собой), сквозь них «просвечивают» те же устойчивые бытовые обстоятельства, прошедшие достаточно длительную обработку в общественном и индивидуальном сознании. Самые важные из этих институциональных форм социальной психики – мировоззренческие ориентиры и поведенческие установки, например, «так все делают», «это направлено на благие цели», «я заслуживаю большего», «невозможно вести дело без обмана», «не обманешь – не продашь» и др.

Мошенничество как социальное явление воспроизводится как широкий комплекс взаимодействующих друг с другом разнообразных социальных институций, в том числе и «светлых», зафиксированных с помощью правовых норм, методик, инструкций, многообразных способностей и свойств индивидов, их функций и статусно-ролевых позиций, на материальных носителях и вербально и т. д.

Создаваемая агентами институции мошенничества реальность подпитывается из еще более широкого основания, состоящего из неинституцированных форм обмана, образно говоря, из вездесущей лжи, «разлитой» тонким слоем по всей человеческой деятельности. По утверждению некоторых философов, «ложь укоренена в повседневной и общественной жизни, имеется всюду, где взаимодействуют люди; она есть функция любых человеческих

коммуникаций, при которых осуществляется «встреча» интересов индивидов и социальных групп. Дело не в том, что имеется она или нет (простой жизненный опыт свидетельствует о наличии лжи), а в том, каков ее удельный вес в каждом конкретном случае» (Алексеев, Панин, 1996).

Остается открытым вопрос, является ли склонность к обману запрограммированной генетически или же здесь все решают обстоятельства жизни человека, его воспитание и социальная среда. Выгодное для себя введение других людей в заблуждение вырабатывается с детства по принципам минимизации издержек на получение постоянного объема благ или повышение объема и качества благ при неизменных издержках. Так возникают отлынивание, прогулы школьных занятий, имитация болезни, ласкательство и т. д. Постепенно все более совершенно овладевая данной институцией, человек становится способен предугадывать поведенческие реакции на свои действия и выстраивать сложную логику мошеннических актов. При этом наказание за обман может стать фактором торможения развития в этой институции лишь в случае обнаружения мошенничества, то есть его устойчивое закрепление с детства выступает во многом следствием случайных событий.

В первобытном обществе обман мог способствовать борьбе за выживание, у современных же людей он является одним из факторов преуспевания в жизни. Правда, у нормального человека подобные действия вызывают душевный дискомфорт, желание исправить последствия своей лжи или найти ей какое-то оправдание (Щербатых, 2003, с. 20 и др.). Однако всегда были и находятся личности, которым обман столь же свойственен, как для других – правда. В таком случае мошенничество может стать и становится источником средств существования, как в случаях с различными «цыганами», фокусниками, шаманами, предсказателями, лженищами, шулерами и прочими категориями «непроизводительного класса».

Последнее обстоятельство указывает на появление у обмана свойств систематичности исполнения, специализации и усовершенствования его приемов, техники и профессиональности, превращения его в особый вид занятий с определенным доходом, то есть на начало институциональной организации человека в

отношениях обмана. Это дает представление о «нижней» границе институционализации мошеннического обмана, который на бытовом уровне отождествляется с обманом вообще.

Институция взяточничества позволяет еще более отчетливо представить социальные эффекты и пределы теневой институционализации. Главная проблема общества в этом случае не просто взятки, даже массовые и масштабные, а возникновение коррупции, ведущей к тому, что общественные институты, на которых она паразитирует, «портятся», перестают выполнять свои задачи, утрачивают «общественную миссию» (Яковлева, 2004, с. 8) и служат узкогрупповым, корпоративным и клановым интересам.

В результате формируется система устоявшегося произвола, которая охватывает целые сферы общественной жизни и, прежде всего, сферу государственного управления. В ситуации произвола взятка становится рутинным инструментом, сопровождая обычный ход подавляющего большинства хозяйственных процессов. В соответствии с отношениями коррупции формируются эффективные модели поведения (см.: Шонова, 2004), направленные на оптимизацию размера и структуры транзакционных издержек. Поэтому под словами «мне удобно, чтобы функционеры брали взятки» подпишутся многие добропорядочные граждане. В самом деле: удобно дать конверт с деньгами или ценный подарок, чтобы не стоять в очередях, не бегать по кабинетам, быстрее получить справку или паспорт, оформить сделку, чтобы ребенка взяли в детсад, чтобы получал хорошие оценки в школе и в вузе, приняли в институт, не отправили в армию, не изъяли водительские права, не взымали штраф в полном объеме и т. д. Как показывают глубокие социологические исследования, «все больше бизнесменов считает, что коррупция – это благо для России, что без коррупции невозможно реально работать в нашей экономике» (Григорьева, Максаков, 2004, с. 1–2). Коррупция выступает своего рода универсальной смазкой механизма функционирования российского общества и его хозяйства.

Благодаря коммерческой эффективности и типичности коррупция утрачивает криминальный смысл и обретает легитимность в глазах большинства населения, бизнеса и даже государства. Во-первых, чаще всего российская коррупция совершается

как бы по закону, на основании неких нечетко прописанных правил и законов, оставляющих конкретным чиновникам субъективное право их толкования (Оборотни..., 2003, с. 1–2). Во-вторых, вполне легальный «бюрократический бизнес» возникает из каждого пункта закона, который уполномочивает чиновника распоряжаться определенными активами. Обладая подобными полномочиями значительная часть чиновников неизбежно начинает извлекать из своего статуса ренту в дополнение к официальному доходу. В условиях же государственно-олигархического капитализма в России можно утверждать, что главным источником коррупции является «сплоченное коррумпированное сообщество», которое и продуцирует действующие в стране законы (Привалов, 2004, с. 10). Как приговор либеральным преобразованиям можно рассматривать тезис С. Роуз-Аккерман: «Широкомасштабное взяточничество способно трансформировать государственную систему, на первый взгляд основанную на демократических или меритократических принципах, в систему, основанную на подкупе» (Роуз-Аккерман, 2004, с. 19).

Несмотря на видимую прочность и внушительность масштабов современную российскую коррупцию вряд ли допустимо считать сложившейся и завершенной институциональной системой, хотя для этого и имеются многие фундаментальные основания: включенность коррупционеров в большинство отечественных институтов; корректировка «живыми» рыночными отношениями, основанными на частном интересе, жестких и недостаточно продуктивных «доктринальных норм» (Тимофеев, 2000, с. 122). До сих пор полные масштабы разрушительного воздействия легальной коррупции и чиновничьего бизнеса скрыты благоприятной конъюнктурой, но как только она ухудшится, страна увидит деформированную социально-экономическую систему и в полной мере «почувствует своих воров» (Привалов, 2004, с. 10).

Благодаря своим основаниям в обыденной жизни теневые институты мошенничества и взяточничества устойчиво воспроизводятся на протяжении многих веков, гибко адаптируясь к трансформациям и модификациям основных социальных институтов, встраиваясь в механизмы их функционирования и давая начало сложным и комплексным теневым институциональным формам. Большая часть последних может получить сколько-ни-

будь прочное существование только в меру своей легальности, дающей возможность скрыть имеющийся в них негативный для общества момент, сочетать его с нормальными формами человеческой деятельности и получить поддержку заметной части населения и государства. Ясно, что легитимация подобных институциональных форм не может не быть частичной и временной. Здесь и проходит основная граница теневой институционализации. Теневая реальность перестает быть таковой, когда становится полностью легитимной.

Институция пьянства порождает еще более обширный теневой институциональный комплекс, наиболее развитые и организованные элементы которого относятся к официально и общественно признанной деятельности: производство и реализация алкоголя; формирование за счет «пьяных» денег доходов бюджета и др. В СССР до 1985 г. ликероводочная промышленность формировала почти 30 % бюджетных поступлений (в настоящее время – не более 5–6 %).

Основу российской «индустрии пьянства» составляют 150 спиртовых и около тысячи крупных ликероводочных заводов. Кроме того, она включает огромное количество относительно небольших предприятий и цехов (легальных и нелегальных) местного значения, производящих алкогольную продукцию. Сюда же следует отнести и предприятия пивной промышленности, одной из наиболее характерных черт которой является, по данным налоговых органов, «повсеместная распространенность и массовость» (Сагдиев, 2001, с. 5), что также характерно для самогонарения.

Наиболее динамичной отраслью пищевой промышленности современной России является пивоварение, продукт которого занимает второе место в структуре потребления алкоголя (17 %), уступая водке и ликероводочным изделиям (73 %) и опережая виноградные и плодово-ягодные вина (7 %), коньяки (1,6 %), шампанские и игристые вина (1,4 %) (Борисов, 2003, с. 32). Закономерно, что в рейтинге наиболее рекламируемых в России продуктов и услуг в 2003 г. пиво находилось на втором месте (после мобильной связи) с около 200 тыс. выходов рекламы (Борисов, 2004, с. 50).

Бурные дискуссии о поправках к ст. 16 Федерального закона «О рекламе», существенно ограничивающих продвижение пива, показали, какие инвестиции могут потерять спорт и телевидение из-за подобных ограничений. В пресс-службе компании «Балтика», например, заявили о намерении отказаться от спонсорства чемпионата России по футболу: «Наша компания за год поддерживает тридцать-сорок спортивных мероприятий, поправки же означают запрет на спонсирование, и мы вынуждены будем прекратить поддержку спорта» (Борисов, 2004, с. 49).

Урон, наносимый пьянством российскому обществу, поистине огромен и ни в коей мере не нивелируется позитивными эффектами «пьяного образа жизни» наших сограждан, по данным профессора В.В. Лунева, почти каждое третье преступление совершается людьми в состоянии алкогольного опьянения (Ячменникова, 1999, с. 9); ежегодно от случайных отравлений алкоголем умирает более 40 тыс. человек (Смовж, 2004, с. 1); на учете в психических и наркологических диспансерах находится более двух миллионов россиян (Онищенко, 2004, с. 11). По данным Всемирной организации здравоохранения, показатели смертности среди алкоголиков в 2–4 раза выше, чем среди населения в целом; с употреблением спиртных напитков связано 30–50 % всех дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом; систематическое и чрезмерное потребление алкогольной продукции отрицательно влияет на все основные показатели здоровья человека – заболеваемость, смертность, физическое развитие, инвалидность; пьянство – непосредственная причина более, чем 40 % разводов (Панкратьева, Попов, Шиленко, 1989, с. 128–138).

Результаты функционирования институции пьянства противоречивы, но в целом негативны с социально-экономической точки зрения и несамостоятельны в институциональном смысле. Следует иметь в виду глубокую укорененность пьянства в современной социальной структуре. Отчасти она предопределена генетически, другой частью связана с проблемами идентификации и продуктивной реализации человеческого потенциала на возмездной основе. Потенциал слишком многих людей остается невостребованным, а их труд адекватно не оплачивается. Низкая степень мобильности населения, высокие транзакционные издерж-

ки поиска и смены места работы и проживания, отсутствие накоплений еще более осложняют социально-психологическую ситуацию в стране. Значительная часть населения не может удовлетворить свои потребности в творчестве, самоутверждении, добиться справедливости, сочувствия. Алкоголь выполняет своеобразную компенсаторную функцию при обострении указанных проблем и при их хроническом протекании. От конкуренции со стороны наркотических средств алкогольную продукцию «спасает» ее относительно невысокая цена, тем более в реалиях обилия суррогатов. Расширенное воспроизводство агентской базы теневых институций пьянства и наркоманства создает избыточное давление на социальную систему нашей страны, обостряет ее функциональные противоречия и диспропорции.

Организованная преступность, будучи наиболее развитой теневой институциональной формой, демонстрирует тенденцию экспансии в «светлую зону», что опосредованно отражается в лингвистических изменениях в сторону повышения частотности использования жаргонных выражений, характерных для преступного мира, и их рутинизации в коммуникациях, в трансформации репертуара телевидения, новостей прессы и т. д.

Институционализация преступности – качественно новый этап ее развития. Если традиционно организованная преступность была всецело основана на насилии, а ее лидеры являлись маргиналами, аутсайдерами общества, то современные ОПГ выполняют функции, позитивные эффекты от которых передаются в общество (например, обеспечение гарантий при сделках и внесудебного разбирательства по долгам), а также позволяют многим людям пользоваться определенными услугами (приобретение качественных наркотиков, проституция во всех ее формах, игорные дома и тотализаторы и т. д.). «Понятия» преступного сообщества оказались предпочтительнее неустойчивых, зыбких, подлых «миражам» и «фантомам» законодательным нормам. В результате мафия становится органическим институтом рыночного хозяйства (Латов, 2001, с. 68–69).

До сих пор отсутствуют фундаментальные институциональные разработки проблем экономики организованной преступности, поэтому нет достаточно четкой и системной интерпретации природы этого понятия. По логике, вымогательство есть базовая

институция организованной преступности, так как в основе ее деятельности – силовое превосходство, которое предстает в виде прямого насилия или угроз причинения физического или имущественного ущерба.

Если согласиться с доминированием этого сугубо криминального элемента, то организованная преступность развивается по пути «консолидации», «единения», «сплочения» на силовой основе с последующей экспансией выработанных институциональных технологий в законопослушную часть общества (Организованная преступность, 1993, с. 121 и др.). В ОПГ следует видеть прежде всего качественно новое состояние криминальной по своей сути основы. Данная модель достаточно объективно описывает специфику эволюции российского бизнеса: наиболее показательный пример – контроль бандитами автозавода в Тольятти (см.: Эксперт, 1997, № 48, с. 21–22). Широкий размах рэкета в России стал следствием высокого уровня спроса со стороны предпринимательства на правоохранительные услуги в условиях «размытой» структуры прав собственности, разгула традиционной преступности, низкой эффективности деятельности органов внутренних дел, отсутствия общепризнанных правил ведения бизнеса. Вплоть до настоящего времени рэкет остается одним из самых заметных доходов отечественной организованной преступности¹.

Силовые методы были скопированы и воспроизведены в крупном и среднем бизнесе. По оценкам, часто приводимым в печати, в середине 90-х годов 55 % капитала в российской экономике и 80 % голосующих акций перешли в руки преступных кланов (Организованная преступность, 1996, с. 84). Подобные оценки в силу несовершенства методологии изучения экономики преступности существенно завышены. Более реалистичную картину дают социологические опросы предпринимателей, согласно которым на долю криминальных субъектов приходится 15 % рыночного пространства (Радаев, 1998, с. 100).

Не удовлетворяясь традиционными сферами организованной преступной деятельности – воровство, наркобизнес, контрабанда, проституция, торговля оружием, азартные игры, рэкет, – ее участники постепенно легализуются и авансируют капитал «с криминальным прошлым» в наиболее прибыльные сферы

хозяйства. К таковым относятся: государственные программы, финансируемые из бюджета; кредитно-финансовая сфера; приватизационные операции; внешнеэкономическая деятельность; сырьевая и топливная промышленность; сфера обращения драгоценных камней и металлов; шоу-бизнес; рыбный и икорный бизнес и т. д. Этот процесс неизбежно сопровождается привнесением криминальными элементами в указанные отрасли методов насилия и запугивания, что подтверждается их трансформацией в рутинный инструмент российских хозяйственных отношений.

Однако отечественная модель институционализации преступности не универсальна. Мировой опыт показывает, что имеет место не простое распространение криминального элемента на отдельные, или даже многие, сферы «здорового» общественного «организма», а, скорее, процессы адаптивного взаимодействия, «тонкого» приспособления их друг к другу. Во-первых, преступные организации все больше приобретают корпоративный вид. И по внешней форме, и по внутренней структуре они структурно уподобляются формам организации основного звена современной экономики. Даже органы их управления напоминают советы директоров крупнейших компаний². Основное отличие подобных организаций от официально действующих корпоративных структур состоит в наличии у них подразделений оперативного силового реагирования (хотя крупные коммерческие банки содержат мощные службы безопасности...).

Во-вторых, происходит конвергенция технологий, применяемых организованной преступностью и оппортунистическими и коррумпированными «белыми воротничками». Сокращение применения ОПГ методов прямого насилия и угроз физической расправой редуцирует проблему выявления совершаемых ими противоправных действий к стандартным экономическим преступлениям. Происходит налаживание организованной преступностью взаимовыгодных отношений с органами правопорядка, политиками, населением. Мафия не только минимизирует насильственные действия, но и сдерживает их проявления со стороны неорганизованной преступности, например, взяв под контроль уличные банды. Благодаря ОПГ люди получают возможность покупать запрещенные или дефицитные товары, получить работу и т. д. Заметные суммы мафия имеет возможность расходовать на

благотворительность, инвестируя общество за его счет и устанавливая атмосферу «согласия», терпимого отношения к ней. Тем самым вуалируется угроза организованной преступности для общества, приуменьшается ее содержательное отличие от предпринимательского сообщества.

В-третьих, формальное слияние организованной преступности с окружающими ее хозяйственными субъектами происходит особенно успешно при активном «отмывании» преступных доходов с последующим инвестированием их в легальный бизнес (Карпец, 1992, с. 263). Игнорирование «происхождения» капитала недопустимо, равно как и амнистия капиталов, поскольку тем самым государство выступит оппортунистом своей функции институционального агента всего общества, в обмен на перспективу инвестиций предав его законные интересы.

Идеалистически настроенные исследователи предвосхищают «радужные» перспективы институционального развития мафиозной организации (Латов, 2001, с. 104), когда она полностью «растворится» в законном бизнесе, порвет с преступными функциями и начнет соблюдать установленные правила предпринимательства. В наибольшей степени подобному варианту соответствует японская организованная преступность, которая действует легально и поддерживает тесные связи с полицией. Правда, в последнее десятилетие это «кидиллическое» сосуществование полиции и якудза начинает разрушаться...

Формально границы теневой институционализации зависят от всеобщности лежащих в ее основе базисных институций (Бергер, Лукман, 1995, с. 132). Если они полностью и повсеместно разделяются членами общества, то границы институционализации будут широкими. Если же теневые институции воспроизводятся лишь в рамках отдельных социальных групп, эти границы становятся более узкими, а формирующийся порядок хозяйства будет фрагментарным. Таковыми оказались в связи с этим почти все теневые институциональные образования, рассмотренные выше.

Некоторое исключение из этого ряда представляют два крайних варианта институционализации организованной преступности. Вариант растворения в официальном обществе означает утрату ее базисных институций – вымогательства и силового превосходства – и движение вспять процесса теневой институцио-

нализации. Вариант достижения организованной преступностью господства в государстве демонстрирует ее интеграционные возможности – объединение многообразных, но разрозненных легальных и нелегальных, легитимных и нелегитимных институциональных процессов.

Однако в этой высшей форме институционализации преступности отчетливо обнаруживается ограниченность силового базиса. Даже теоретически трудно себе представить, что ценности насилия могут разделяться большинством граждан, поэтому историческая перспектива подобной институциональной системы – дезинтеграция (термин А.А. Богданова), то есть распад на фрагменты с последующим их обособлением и элиминацией. Для сохранения экономической базы ОПГ в своей новейшей форме международного терроризма прибегают к идеологической диффузии ортодоксального ислама. Без религиозной обработки исходно недостаточно критичных масс сохранение насилия и силового превосходства как институциональной основы организованной преступности проблематично, ибо общество воспринимает такие ценности и нормы, как преходящие, временные и с течением времени, стабилизацией экономического положения произойдет их неизбежная элиминация.

Включение в анализ институции новаторства позволяет более отчетливо зафиксировать выявленную закономерность эволюции «теневой» институционализации: природу и специфику этого процесса не удастся раскрыть, представляя его как автономное воспроизводство «теневых» институций. Его границы и формы могут быть установлены только при анализе взаимодействия и взаимопроникновения «теневых» и «светлых» структур и функций человеческой деятельности. Само по себе новаторство позитивно оценивается обществом, хотя составляющие его «акционистскую» основу элементарные действия в разнообразных сферах имеют в большинстве случаев «теневой» характер, проявляясь как нарушения норм, правил, стандартов и т. п., регулирующих функционирование этих сфер. Так, почти вся экономическая инициатива в советское время принадлежала «теневым» субъектам, которые действовали активно и творчески ценой нарушения законодательства, в том числе уголовного, добивались общественно-полезных результатов, терпели личные лишения –

получали выговоры, увольнялись с работы, теряли в зарплатке, садились в тюрьму и др. Лишь некоторая часть проявляемой инициативы находилась в «законе» и осуществлялась по специальным разрешениям.

Таким образом, в институции новаторства особенно органично сочетаются социальные силы «света» и «тени», в столкновении создающие импульс креативного порождения нового и конструктивного разрушения старого, которое, тем не менее, может в течение длительного времени доминировать в рассматриваемом неустойчивом единстве на основе механизма инерции.

Хотя легитимация теневых институциональных форм всегда остается ограниченной, они могут пользоваться поддержкой широких слоев населения и государства, интегрироваться со «светлыми» институциями, образуя крупные комплексы. Но по причине неустойчивости в долгосрочной перспективе оптимальной формой их существования является воспроизводство момента неопределенности своего социального статуса, синтезирующего позитивные и негативные оценки.

Литература

- Алексеев П.В., Панин А.В. *Философия: Учеб.* М.: ТЕИС, 1996.
- Альбрехт У., Венц Дж., Уильямс Т. *Мошенничество. Луч света на темные стороны бизнеса.* СПб.: Питер, 1995.
- Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания.* М.: Изд-во «Медиум», 1995.
- Борисов М. Пиво вреднее водки // *Эксперт.* 2004. № 30. С. 48–50.
- Борисов М. Худшее лето // *Эксперт.* 2003. № 23. С. 30–34.
- Григорьева Е., Максаков И. Касьянова бросили на коррупцию // *Известия.* 2004. 14 янв.
- Каледин Е. Банкам доверия нет // *Известия.* 2004. 29 июля.
- Карпец И.И. *Преступность: иллюзии и реальность.* М., 1992.
- Ларичев В.Д. *Злоупотребления в сфере банковского кредитования. Методика их предупреждения.* М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997.
- Ларичев В.Д. *Преступления в кредитно-денежной сфере и противодействие им.* М.: ИНФРА-М, 1996.

Латов Ю.В. Экономика вне закона: Очерки по теории и истории теневой экономики. М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

Московцев А.Ф., Дьячков А.М. Мошенничество на потребительском рынке: выявление и особенности расследования: Учеб. пособие. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2001.

Московцев А.Ф., Таджибаев И.Т. Свет и тени современной советской экономики. Душанбе: Дониш, 1990.

Оборотни в пиджаках // Известия. 2003. 12 нояб.

Овчинский В.С. Стратегия борьбы с мафией. М.: СИМС, 1993.

Онищенко Г. Охранная грамота пиву от Циолковского // Российская газета. 2004. 21 июля.

Организованная преступность-2 / Под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. М.: Криминологическая ассоциация, 1993.

Организованная преступность-3 / Под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. М.: Криминологическая ассоциация, 1996.

Панина Т. Меняем сберкнижку на квартиру // Российская газета. 2004. 29 июля.

Панкратьева Н.В., Попов В.Ф., Шиленко Ю.В. Здоровье – социальная ценность. М.: Мысль, 1989.

Полькен К., Сцепонек Х. Кто не молчит, тот должен умереть. М.: Мысль, 1988.

Привалов А. О парше и раке // Эксперт. 2004. № 9.

Радаев В. О роли насилия в российских деловых отношениях // Вопросы экономики. 1998. № 10.

Расследование преступлений в сфере экономики: Руководство для следователей. М., 1999.

Роуз-Аккерман С. Взятничество // Экономическая теория / Под ред. Дж. Истуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004.

Сагдиев Р. Пена со спиртом // Известия. 2001. 30 марта.

Сможж М. Даю наводку // Известия. 2004. янв.

Тимофеев Л. Институциональная коррупция. М.: РГГУ, 2000.

Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989.

Шонова А. Обыкновенная коррупция // Российская газета. 2004. 20 янв.

Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969.

Щербатых Ю.В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М.: Изд-во «Эксмо», 2003.

Яковлева Е. Гражданское общество – это не группа диссидентов // Российская газета. 2004. 22 июля.

Ячменникова Н. Особенности национальной «малины» // Российская газета. 1999. 23 апр.

¹ Ср.: в доходах мафиозных структур развитых стран доля рэкета составляет от 2 до 7 % (Овчинский, 1993, с. 15; Уэда, 1989, с. 128).

² Так, специальная комиссия США по расследованию деятельности организованной преступности в 1978 г. установила, что капиталы «Коза Ностра» инвестированы в 46 отраслей легального бизнеса, а структура управления ими представлена конфедерацией 24 «семей», деятельность которых координируется «комиссией» из 9 боссов крупнейших организаций (Полькен, Сцепонек, 1988, с. 361).

Г л а в а 39

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Более десяти лет Россия «погружена» в континуум системных трансформаций, ориентиром которых является достижение эталонных параметров социально-рыночного хозяйства. Преодоление сил инерции институтов государственно-монополистического социализма потребовало кардинальной реформации всей «институциональной карты» страны, выражаясь в глубоких изменениях трудовой мотивации акторов, сформировав новые неформальные практики, оказывающие латентное влияние на образ повседневной жизни людей. Изучение функциональной реструктуризации трудовой среды этими практиками необходимо для достижения большей системности научного осмысления произошедших социальных перемен. Выявление основных неформаль-

ных трудовых практик и тенденций их динамики позволит не только понять, как нужно преобразовать то, что можно изменить, но и как использовать то, что изменить нельзя.

Под неформальными трудовыми практиками понимается совокупность устойчивых массовых типовых моделей взаимодействия между институциональными агентами на основе закрепления необходимых функций и установления на их основе статусов работников и руководителей по поводу преобразования предметов естественной и искусственной природы в продукт и придания ему новых характеристик в процессе создания стоимости. Такие практики представляют собой объективированные в процессе труда индивидуальные и коллективные рутины, которые, будучи результатом закрепления в поведении формально установленной системы специализации и кооперации, делают их содержательно богаче и повышают адаптивность работников к неожиданным изменениям стандартных параметров производственного процесса.

В современной России неформальные практики в сфере труда не просто широко распространены и продолжают комплексно усиливаться: идет активный процесс их институционализации, или, словами отечественных социологов, «превращения в устойчивый постоянно воспроизводящийся феномен, который, интегрируясь в формирующуюся систему экономических и иных общественных отношений, становится привычным образцом поведения социальных акторов и постепенно интернализуется ими. Большие группы работников не осуждают и внутренне принимают неформальные практики в сфере труда» (Заславская, Шабанова, 2003, с. 190). Этот процесс связан прежде всего с расширением неформального поля реализации частичных и комплексных функций трудовой деятельности, позволяющим удовлетворить (зачастую, только в нем) растущие потребности работников. Следует учесть, что «принципиально не может быть не институционализированных человеческих действий в обществе, так как любая функция общественного существа реализуется посредством определения ее места в кооперации и разделении труда, оценки ее необходимости и полезности» (Иншаков, 2002, с. 19).

Акцент на изучении неформальных трудовых практик определяется следующими методологическими посылками. Во-пер-

вых, в России социальные отношения всегда были в большей степени неформальными, межличностными, нежели базировались на следовании принципам государственных институтов и законов. С 80-х гг. XX в. дифференциация институциональной специфики охватила и западноевропейские страны в связи с усилением миграционного давления, что повысило роль неформальных практик в коммуникации и трудовой деятельности. Произошел мощный сдвиг, связанный с повышением внимания к ценностям, которые разделяются всеми членами этнических сообществ независимо от их имущественного статуса. Совокупность неформальных практик формирует маргинальную субкультуру в рамках организационной культуры, функционально дополняя последнюю или выступая по отношению к ней как аномия. В этом случае такие практики представляют собой устойчивый феномен, эволюционно возникший на основе устойчивых черт национальной культуры, постоянно воспроизводимых на основе традиции. Такие типы культур Э. Холл называет высоко контекстными: значительная часть коммуникаций в них протекает на невербальном уровне, а эффективность использования социального капитала зависит в большей степени от дружеских отношений и доверия сторон друг к другу, чем от положений, зафиксированных в контракте. Напротив, в низко контекстных культурах люди склонны опираться на формальные отношения, законы, правила, пункты контракта, отдавая предпочтение краткосрочным сделкам, многократно продлеваемым на оговоренных условиях (США, Германия, Швейцария и др.) (Латов, Нестик, 2002, с. 42).

Во-вторых, идентификация трудящегося и его доверие к реальным и потенциальным контрагентам формируется в незначительных по масштабам и достаточно замкнутом социальном пространстве близких, родных и знакомых людей. В России ценности доминирования персонифицированных отношений, поддержки выживания «своих» при игнорировании законных требований «чужих» являются наиболее распространенными. Социальный капитал¹ в сфере функционирования неформальных практик локализуется в тех сообществах, где индивид в состоянии непосредственно контролировать все акции, события и отношения. Уровень доверия к другим людям и институтам «формаль-

ного сектора» предельно низок (Василенко, Дулина, Токарев, 1995). Поскольку одним из важнейших условий расширенного воспроизводства неформальных трудовых практик является наличие определенного уровня солидарности и доверия между работниками, то происходит активная неформальная дифференциация крупных организаций, замыкание трудящихся в ограниченных по числу участников социальных группах. Согласно результатам социологических опросов, лишь треть россиян считает, что людям в какой-то степени можно доверять, поэтому общество «рассыпается» на мозаику малых групп, члены которых доверяют только друг другу и никому более (за исключением контрагентов по рекомендации своих членов). Поскольку неформальные нормы, неявные контракты с нефиксированными условиями и практики межличностной трудовой координации «пронизывают» деятельность буквально всех институтов и организаций современной России, то их преодоление в среднесрочной перспективе представляется невозможным (Олейник, 2001). При этом вполне вероятным является изменение их характера в направлении институциональных эталонов социально-ориентированного рыночного хозяйства, что позволит осуществить компенсацию неэффективности формальной институциональной структуры.

Имплантированные в ходе реформы из высокоразвитых зарубежных стран модели эталонных формальных институтов, попав в «щелочную среду» экономического пространства России, быстро «обросли» комплексными противоречиями, дисфункционализовали или деградировали, были вытеснены или дополнены неформальными принципами, ценностями, установками, нормами, функциями и инструментами хозяйственных взаимодействий. Можно принять сколь угодно замечательные законы, но если люди привыкли решать свои проблемы не по закону, а с помощью «связей», то эти законы все равно окажутся недействующими. Поэтому совершенствование общества – это длительный процесс изменения сознания населения страны в течение жизни нескольких поколений (Мюрдаль, 1972).

Несмотря на то, что многие современные исследователи признают, что система общего права лучше стимулирует экономическое развитие, чем система гражданского права, зависи-

мость от предшествующего развития не дает возможности откаться от традиций, но позволяет производить некоторые постепенные изменения в рамках существующих реалий. При этом следует учитывать, что разные институты обладают различной степенью эластичности – культурные традиции, в частности, заметно менее эластичны и более инерционны, чем правовые (Латов, Нестик, 2002, с. 46). Иными словами, в каждом обществе существуют специфические спонтанно складывающиеся социально-культурные зависимости, не связанные с формально установленными законами, правилами и нормами, и они формируют формальную и неформальную среды жизнедеятельности людей. В частности, «можно утверждать, что “неформальные” практики часто связаны с формальными установлениями, дополняют друг друга. Они нередко развиваются под “крышей” завода, его руководителей. Можно предположить, что на более высоком уровне они косвенно поддерживаются государственной системой. Сужая сферу формального заработка и защиты, государственные институты явно полагаются на “неформальную” сферу, призванную решать проблемы выживания населения» (Клеман, 2003, с. 70). Поэтому в России неформальные трудовые практики можно представить как специфическую форму стратификации общества, основанную на логике межличностных связей, системе гибких социальных статусов и ролей, узкогрупповых норм. Неформальные действия, осуществляемые в социально-функциональных рамках этих практик, являются важнейшим источником возникновения новых «точек» социального неравенства, так как одни индивиды используют их для адаптации к изменившимся условиям, а другие – как способ нелегитимного продвижения своих институциональных интересов.

Критерий формальности институтов является одним из измерений социальной среды, а неформальные практики представляют собой одну из недостаточно изученных характеристик труда в условиях глобального капитализма (Валерстайн, 2001). Практики такого рода образуют специфическое социальное поле, в котором работники обретают возможность относительно автономных действий и свободу общения, используя для этого все свои умения и проявляя чудеса изобретательности, пытаясь компенсировать свое подчиненное положение в обществе. Вследствие

особенно масштабных и ускоренных социальных перемен в России неформальные практики приобретают огромную силу и охватывают большую часть трудящихся: «...современная "неформальная" сфера поглощает все больше и больше пространства, а формальная – ослабляется» (Клеман, 2003, с. 70). Итак, формальное и неформальное начала в социокультурной среде тесно взаимосвязаны, а пропорции форм их выражения различны в разных странах и продолжают эволюционировать.

Возникает вопрос: какой же из широкого спектра методологических подходов к объяснению институциональной среды в контексте социологического исследования лучше – классический институционализм, «десотианский», «мюрдалистский» или какой-либо другой? При выборе целесообразнее исходить из более общего типа институциональной среды, интегрирующей все возможные ситуации взаимосвязи формальной и неформальной областей деятельности.

Традиционный институционализм основной акцент делает не на нормы и принципы формального права, а на те ценности, традиции, практики, которые часто никем и нигде не зафиксированы и даже не осознаются людьми в их повседневной деятельности, но гораздо основательнее программируют поведение людей. Главные категории для институционалистов традиционного толка – не «права собственности» и «транзакционные издержки», а «хозяйственная ментальность» или «экономическая культура». Под последней они понимали системы стереотипов и ценностей, влияющих на индивидуальное и коллективное поведение, которые являются общими для крупных социальных общностей (классов, этносов, конфессий) (Веблен, 1984).

Согласно неинституциональной теории Э. де Сото масштабы распространения неформальных хозяйственных, в том числе трудовых отношений связаны с неэффективностью формальных институтов, сдерживающих процесс достижения индивидом (группой) своих потребностей и ожиданий (Сото де, 2001). Научая концепция Г. Мюрдаля делает акцент на приращение социального знания, формирование определенных представлений об эффективных методах производства и сохранение их в качестве неформальных трудовых практик, постепенно формализующихся и закрепляющихся в инструкциях, штатных рас-

писаниях и т. д. При этом неформальность рассматривается как система отношений и особого рода паттернов, альтернативных и чуждых легитимации, предполагающих свои определенные способы определения реальности на основе обыденной философии (Мюрдаль, 1972).

Известный английский антрополог, специалист по крестьяноведению Дж. Скотт, развивая идеи Г. Мюрдаля, объясняет иррациональность (с точки зрения европейцев) азиатских крестьян своеобразной «этикой выживания», на которой базируются различные виды их противозаконной деятельности – браконьерство, уклонение от налогов и т. д. как способы их адаптивного реагирования на чрезмерное давление со стороны государства и крупных частных собственников (Скотт, 1996). Многочисленные, но небольшие нарушения установленных законом норм позволяют крестьянам азиатских стран обеспечить минимально приемлемый уровень жизни. Впоследствии концепт культуры бедности в исследованиях неформальной экономики постепенно уступает концепту национальной культуры. Применительно к исследованию институционализации неформальных практик «десотиянство» указывает на причины, а «мюрдализм» – на сущность данного процесса. Еще более продуктивным представляется подход Д. Норта, выделяющего во внутреннем устройстве любого института три взаимосвязанных элемента, регулирующих конкретные области общественного бытия. Первый – это система формально-правовых, административных и организационных норм/правил, устанавливаемых и регламентируемых властными и административными органами. Вторым элементом служат укорененные в культуре каждого общества неформальные правила, нормы и образцы поведения. Третий компонент – механизмы правового и социального контроля выполнения норм. Соотношение эффективности и масштабов распространения этих элементов определяет те институциональные ограничения, в рамках которых осуществляется свободная деятельность людей (Норт, 1997, с. 26).

При анализе причин поведения человека в любой сфере необходимо учитывать в неразрывной связи как воздействие условий внешней среды в каждой конкретной ситуации, так и особенности восприятия, интерпретации и оценки этих условий в ходе деятельности. Тогда каждое институциональное явление

целесообразно трактовать как ценностно-поведенческую реакцию адаптирующегося населения на проводимые социально-экономические преобразования.

Трудящиеся как хозяйственные субъекты действуют в экономическом пространстве, структурированном соотношением ассоциированных интересов «труда» и «капитала». При капиталистической системе наемные работники неизбежно находятся в подчинении капитала. Юридические, социальные и политические институты могут смягчать дисбаланс этих агрегированных сил, но не могут полностью их уравновесить, поскольку лишь фиксируют и отражают в праве реальное соотношение экономических интересов.

Исследования последних лет констатируют увеличение разрыва между административно-правовым и социокультурным компонентами российских институтов (Неформальная..., 1999; Трансформация..., 2000; Шабанова, 2000). Отмечается, что новые законы и нормы нередко остаются «на бумаге», реальные же практики развиваются по альтернативному варианту, базирясь на доминирующих неформальных отношениях, радикальный «перекос» в сторону которых в институциональной структуре представляет собой отечественную специфику, выделяющую нашу страну в массиве государств Центральной и Восточной Европы и обуславливающую неудачи экономической трансформации (Капелюшников, 2001).

Вместе с тем происходящие изменения оказывают непосредственное влияние на адаптацию людей, эффективность которой определяется функциональной и интеллектуальной гибкостью, когнитивными навыками быстрой оценки ситуации и выбора адекватного сценария поведения. Как и любой социальный процесс, адаптация предполагает реальную диалектику внешних по отношению к субъекту параметров, субъектов и объектов институциональной среды, с одной стороны, и особенностей ее субъективного восприятия – с другой. Представляется, что характеристике становления и модернизации конкурентно-рыночной среды отечественных хозяйственных субъектов в научной литературе уделяется значительное внимание, часто в ущерб изучению второго, не менее важного аспекта проблемы. Проведенные социологические исследования выявляют, с одной сторо-

ны, широкое распространение практики нарушения формальных трудовых правил, закрепление их в морали и этике труда, а с другой – преобладание неформального компонента организации трудовых и производственных процессов².

Анализ формальной стороны организации трудового процесса привел к выводу, что большая часть работников производственных предприятий игнорирует необходимость соблюдения формальных правил и принижает их значение. Это объясняется широкой институционализацией неформальных практик, позволяющих работникам удовлетворить свои потребности и найти адекватную сложившейся ситуации позицию и образец поведения. Так, на вопрос о знакомстве работников со своей должностной инструкцией, утвердительно ответили 98,4 % опрошенных предприятия «А» и 94,6 % респондентов предприятия «Б». Таким образом, большинство «агентов наемного труда» признают себя формально организованными. При ответе на проверочный вопрос о четкости понимания своих обязанностей утвердительно ответили уже меньшее число респондентов: соответственно 95,7 % и 93,8 %. Когда же речь коснулась оценки исполнения работниками своих должностных обязанностей, то давших положительный ответ оказалось намного меньше: на предприятии «А» – 39,0 %, на «Б» – 31,3 %. На неформальном уровне представлений и оценок исполнительская дисциплина почти в 2,5 раза ниже, чем по формальным признакам, и, по всей видимости, это наиболее объективно отражает реальную ситуацию.

Неформальные практики характеризуются глубокой двойственностью. С одной стороны, они позволяют людям адаптироваться к нестабильным условиям, уменьшить свою уязвимость, повысить свой статус. «В основе природы институциональных феноменов лежит <...> стремление к более высокому общественному положению, статусу, а не <...> препятствие, помеха или ограничение возможностей» (Иншаков, 2003а, с. 43). Новый статус может быть связан с созданием «особых» отношений с руководителем, занятием «значимого места» в коллективе, с созданием образа «души компании», «своего человека» и т. д. Но, с другой стороны, такие практики, будучи распространены повсеместно, определенным образом усиливают дестабилизацию, вводят в механизм капиталистического хозяйствования элементы не-

формальности, генерируя противоречие с формальными компонентами институциональной системы. Вместе с тем неформальные институты выступают компенсаторами транзакционной неэффективности современной российской экономики и своеобразными «двигателями» социальных перемен.

Организационную и координационную сторону трудовых отношений позитивно оценивают 24,2 % опрошенных на предприятии «А» и 16,9 % работников предприятия «Б». Вполне довольны результатами и условиями своего труда соответственно 58,8 % и 37,6 % респондентов. Трудовая деятельность воспринимается положительно в 2–2,4 раза большим числом опрошенных, чем организация и координация работ, что свидетельствует о наличии компенсационных механизмов в труде, позволяющих уравновесить неудовлетворенность формальной стороной трудовой деятельности за счет гипертрофии сферы неформальных отношений и норм.

В рамках неформальных отношений работники достигают своих целей, используя разные ценности, мотивы, представления и способы решения возникающих проблем, чем обусловлено особое внимание к изучению мотивации поведения и особенностей коллективных представлений трудящихся, включенных в неформальные трудовые практики. Эти феномены имеют социально-культурную природу и рассматриваются как органически взаимосвязанные. Под трудовой мотивацией понимается стремление индивидов реализовать определенные потребности в рамках процесса труда на основе сформированных представлений об институциональной среде и своем месте в ней, а также целях, эталонах и ориентирах дальнейшего развития. В зависимости от характера актуализации потребностей и субъективной интерпретации социальной реальности возникают и развиваются стратегия и тактика экономического поведения. Большинство респондентов указало на сложные жизненные обстоятельства, на необходимость выживания семьи в условиях нестационарного хозяйства. Для субъектов неформальных трудовых практик характерна, главным образом, традиционная мотивация хозяйственной деятельности, ориентирующая на удовлетворение базовых потребностей своей семьи. Мотивация институционального продвижения, предполагающая установку на совершенствование спо-

способностей и навыков исполнения своих трудовых функций, реализуется только в том случае, когда индивид выходит из сферы деятельности, ограничивающей возможности его роста, или достигает приемлемого уровня доходов.

На высокорентабельном предприятии «А» испытывают потребность в повышении заработной платы 91,3 % работников, на «Б» – 98,6 %. В контексте повышения оплаты труда у опрошенных было зафиксировано стремление к улучшению профессиональных навыков и повышению компетентности: это отметили 79,8 % респондентов предприятия «А» и 85,9 % – «Б».

Возникает вопрос: каким же образом работники включаются в неформальное сообщество? Чтобы дать обоснованный ответ, необходимо наблюдение за реальной повседневной жизнью трудящихся, глубокое изучение их практик, «проникновение» в их мировоззрение.

Конкретные повседневные неформальные трудовые практики формируются и реализуются на уровне рабочей/профессиональной группы (мезоуровень 4 – нано/мини – по классификации О.В. Иншакова), распространяясь далее на мини- и микроуровень (Иншаков, 2003б, с. 7), создавая различные типовые модели действий, которыми могут воспользоваться при конструировании сценария своего поведения индивиды, в том числе возможности адаптации и самореализации, связанной с повышением своего статуса и расширением трудовой автономии. Процесс адаптации индивида к изменению параметров его бытия в коллективе может выражаться в самозащите своего статуса и дохода; автономии через достижение таких целей, как материальное благосостояние, престиж профессии, умений, опыта; взаимной поруче и диверсификации ответственности между работниками и руководителями низшего звена; коллективной защите нарушителей, а также в более мягкой форме «этики выживания», связанной с адаптацией к снижению статуса и параллельным подключением к другим формам деятельности.

Характер и особенности использования индивидами неформальных трудовых практик объясняются многими факторами: бытующими традициями; развитием формальных рычагов управления на предприятии; социальными установками, хранящими тип наиболее благоприятного в традиционном обществе по-

ведения; гибкостью мышления человека; умением приспособляться к изменяющейся среде. Одни работники пытаются найти для себя сферу автономных действий и мыслей, другие – приспособиться к нестабильным условиям, актуально снизить риски потери работы. Большинство работников использует неформальные трудовые практики как инструмент сохранения приемлемой степени устойчивости и контроля над своей жизнью, достижения своих потребностей и реализации ожиданий.

Своеобразие поведения в рамках таких практик детерминруется содержательной (ценностно-установочной) стороной неформальных институтов, соотношением рационального и иррационального в обусловленных ими мотивации и действиях трудящихся. Ограниченно рациональный (по объективным причинам) работник разрабатывает и продумывает сценарий своих действий с целью достижения определенных результатов, например, для повышения своего статуса или расширения масштабов автономии. На обследованных предприятиях такими целями являются повышение заработной платы (91,3 % и 98,6 % респондентов соответственно), улучшение системы стимулирования труда (87,0 % и 92,6 %), повышение уровня профессионализма и квалификации (79,8 % и 85,9 %), обогащение содержания труда (73,8 % и 75,0 %). Модель рационального выбора акцентирует внимание на индивидуальных агентах, максимизирующих полезность в рамках целевой функции при определенных ограничениях и множестве имеющихся в распоряжении данного лица альтернативных возможностей (Эггертссон, 2001, с. 21). Потенциал поведенческой рациональности определяется масштабом имеющихся и доступных возможностей, умением конструировать оптимальные схемы целедостижения (Бэккер, 2003, с. 31). Такое поведение более характерно для акторов западных стран с развитой системой экономических институтов и цивилизованной рыночной мотивацией агентов, свободой выбора и развитым формальным правом. В отечественной социально-экономической реальности альтернативные возможности трудоустройства, как правило, отсутствуют (или их поиск связан с экстремально высокими транзакционными издержками), поэтому большая часть работников использует для достижения своих целей неформальные методы и среды, включая дружеские отношения с руковод-

ством и «нужными» людьми, то есть, в соответствии с концепцией Г. Саймона, применяют стратегию нахождения удовлетворительного результата, ищут способ достичь некоего уровня, адекватного их устремлениям (Эггертссон, 2001, с. 23).

Наличие иррациональных элементов неформальных практик воплощается в таких образцах поведения, как вызов официальным правилам и иерархии, скрытая борьба с руководством, латентные провокации коллектива к острой постановке своих проблем перед менеджерами и собственниками. Респонденты обоих предприятий обращают мало внимания на конфликты в коллективе и нарушения трудовой дисциплины, причем сходство в оценках просто поразительное. Например, на предприятии «А» 32,3 % опрошенных считают, что состояние трудовой дисциплины вполне нормальное. На предприятии «Б» доля таких респондентов составляет 33,6 %, при этом около трети работников обоих предприятий отмечают случаи нарушения трудовой дисциплины не только со стороны простых работников, но и руководителей. Тем не менее руководитель является примером трудовой дисциплины для 60,8 % респондентов предприятия «А» и 70,7 % – «Б». Преобладание иррациональных компонентов в конструировании своего поведения приводит к возникновению таких его характеристик, как отчаяние, замкнутость, недоверие к государству, власти, окружающим, нарочитая демонстрация запрещенных и не одобряемых форм поведения. Постоянные перекуры, употребление спиртных напитков в рабочее время, безразличие к проблемам предприятия и окружающих фиксируют стремление к специфической независимости трудового коллектива и его губительную «оторванность» от интересов предприятия.

Стратегия радикальной трансформации базовых институтов общества стимулировала значительные слои населения, не обладавшие исходно благоприятными жизненными шансами, подкрепленными финансовыми, материальными, социальными и иными ресурсами к самостоятельным поискам способов адаптации к новой социально-экономической реальности. Сложность проблемы адекватной адаптации оказалась обусловленной тем, что населению приходится приспосабливаться не только к официально провозглашаемым принципам и нормам функционирования рыночной экономики, но и к конкретным методам их

воплощения. Очевидно, что между декларациями и практикой существует значительное расхождение, неизбежно дезориентирующее население.

Несоответствие между формальной идеологией рыночных преобразований и реальными социально-экономическими условиями ориентирует значительные массы населения на самостоятельную интерпретацию взаимных ожиданий и поиск приемлемых форм адаптации на основе сформировавшихся представлений и опыта. Уместным представляется вывод Р. Мертонa, сделанный при анализе явных и латентных функций политических институтов: «...функциональные недостатки официальной структуры породили альтернативную (неофициальную) структуру для выполнения существующих потребностей более эффективным путем» (Мертон, 1994, с. 439). Развитию неформальных трудовых практик способствует не только сложная адаптация населения к новым условиям, но и массовая дестабилизация общества, в том числе резкое падение уровня жизни и кризис жизненных устоев, радикальная трансформация структуры общественных ценностей, реструктуризация социума, переходящая в его деструкцию, отсутствие правовой защиты и доминирование принципа силы в регуляции отношений любого рода. Население адаптируется не только к возникновению новых прав и свобод, предполагающих в большей или меньшей степени рост самостоятельности и независимости, но и параллельно к существенно расширившемуся за годы реформ неформальному пространству, охватившему все основные сферы общества, приобретаая все более неприкрытый характер. Важные функции социальных институтов, особенно в периоды их интенсивной трансформации, сочетающейся с нарушением их баланса и неформальной компенсацией, нередко выполняются неэффективно или вообще блокируются. «Дедовщина», царящая в армейских частях, массовая коррупция госаппарата, финансовая олигархия, организованная преступность, будучи де-факто приняты обществом, «входят» в его повседневную жизнь, распространяются вширь и вглубь, превращаясь в институты, удовлетворяющие потребности конкретных групп в ущерб всему обществу. Закономерно, что наиболее понятными и органичными для большинства населения оказались неформальные трудовые практики, которые применитель-

но к производственным предприятиям, имеют многообразные формы проявления, которые рассмотрим далее.

1. Межличностные отношения, складывающиеся по горизонтальному и вертикальному принципам и предполагающие личное обращение к непосредственному начальнику, формирование статуса в трудовом коллективе не по профессиональным, а по личным качествам. Такой фон трудовых отношений может порождать, с одной стороны, разобщенность и раздробленность, а с другой – принятие коллективом функции средства защиты и поддержки своих членов. Подобные коллективы в большей степени замкнуты на себе, а солидарность в них носит скорее оборонительный характер, хотя в перспективе может перейти в форму активного сопротивления.

Контакты с руководителем на неформальном уровне осуществляют соответственно около 40,2 % и 37,6 % респондентов предприятий «А» и «Б». Более слабыми являются отношения между руководителем и коллективом (32,9 % и 27,0 %), а также между коллективом и индивидом (32,4 % и 30,9 %). Это свидетельствует о переносе акцента адаптации на уровень отдельных индивидов, которые стараются приспособиться к происходящим изменениям в поле неформальных практик с помощью использования своих отношений с руководством, с одной стороны, и своими коллегами – с другой. Вместе с тем на основании этих данных нельзя сделать вывод о разобщении, недостаточно выраженной солидарности и низком уровне доверия в коллективе, так как, судя по результатам исследования, трудовые коллективы единыдушны в покрытии фактов негативных поступков и нестандартных ситуаций.

2. Солидарность и доверие к членам своего коллектива. Отношениями групповой солидарности охвачено меньшее число работников предприятия «А» – 32,4 % респондентов по сравнению 41,2 % предприятия «Б». Потенциал солидарности равен соответственно 60,5 % и 53,2 %. Его дальнейшая реализация связана с подключением социальной идентичности как процесса отождествления индивидом себя с некоей общностью. «Без осознания своей принадлежности к четко очерченной группе (в представлении индивида, а не институциональной конвенции общества) нет ни апелляции к ресурсу солидарности, ни желания к солида-

ристским действиям» (Барсукова, 2002, с. 3). В нашем случае уровень идентичности работников предприятия «А» равен 33,5 %, а «Б» – 49,3 %. Вне идентичности солидарность не возникает, но и сама по себе идентичность не является гарантией солидарности субъектов, входящих в идентификационную группу. Представление об уровне идентичности дает информацию об институциональном капитале трудового коллектива, который может быть использован как в интересах развития предприятия при эффективном управлении, так и во вред им при преобладании неформальных отношений, в которых отсутствует административный и социальный контроль (которые сами по себе могут быть применены в индивидуальных корыстных целях).

Шансы возникновения внутригрупповой солидарности резко возрастают в ситуации реальных и потенциальных неблагоприятных обстоятельств, в которых оказался или может оказаться трудовой коллектив. Если действия институционального окружения, какую бы природу они не имели (социальную, политическую, экономическую), оцениваются как возможное или реальное ухудшение положения коллектива, то возникающее ситуативное родство создает потенциал солидарного поведения. Более высокий уровень солидарности работников предприятия «Б» определяется возрастанием неустойчивости его деятельности в последнее время, сменой высшего руководства в Москве.

Между тем ущербное положение или угроза благополучию социальных групп не означает автоматического достижения солидарности их членов. Важно осознание оснований своих подлинных или мнимых потерь. Придание социальному дискомфорту статуса проблемы предстает результатом определенной коррекции коллективного дискурса. В нашем примере уровень солидарности в коллективе предприятия «Б» объясняется общей проблемой – низкой заработной платой (в 3 раза ниже, чем на предприятии «А») и сопутствующими ей факторами: плохим состоянием оборудования, низкой интенсивностью и слабой организацией труда и т. д.

Групповая солидарность «вырастает» не из механической суммы индивидуальных потерь, а зарождается на базе группового неблагополучия, интерпретация которого подчеркивает единую природу трудностей, питаемых действиями «враждебного»

окружения. Показатель внутригруппового психологического «климата» двух указанных предприятий составляет 5,7 и 6,9 баллов соответственно (при max = 9,0). Ценности, используемые такими коллективами, даже при неполной солидарности ее членов защищаются подчас вопреки их индивидуальным интересам. Ю. Хабермас подчеркивал, что «мир институционально упорядоченных отношений морализуется», в результате чего «вопросы морали <...> в аспекте обобщаемости интересов <...> отделяются теперь от вопросов оценки <...> в горизонте индивидуального образа жизни» (Хабермас, 2000, с. 168, 171). Ценности неформальных отношений становятся основными. При опросе работники стараются нейтрально оценить поведение своих коллег в конфликтных ситуациях, в случаях нарушения трудовой дисциплины, например, при появлении на рабочем месте в нетрезвом виде. Эти факты были выявлены посредством контрольных и проверочных вопросов. Конфликтным называют коллектив лишь 3,9 % работников предприятия «А» и 11,9 % – «Б». В то же время на неформальном уровне пытаются нейтрализовать конфликты 69,0 % и 57,1 % респондентов, признают наличие случаев нарушения трудовой дисциплины 27,1 % и 38,9 % опрошенных соответственно. Среди основных причин нарушения трудовой дисциплины были названы плохая организация труда (45,5 % и 71,4 %), отсутствие должного контроля со стороны непосредственного руководителя (45,5 % и 21,4 %), отсутствие в коллективе взаимной требовательности (9,1 % и 7,1 %).

Характерна оправдательно оборонительная ориентация подобной солидарности. Работники предприятия либо скрывают действительное положение дел с нарушениями трудовой дисциплины, а если и проговариваются, то оправдывают нарушителей, называя, зачастую, внешние, формальные причины. Подобная ситуация наблюдается в отношении пьянства на рабочем месте. С одной стороны, респонденты отмечают, что в большинстве случаев употребление спиртных напитков происходит только по праздникам, торжествам и выходным дням. С другой стороны, они указывают на наличие случаев появления на работе в нетрезвом виде, а также употребления спиртных напитков на рабочем месте.

Солидарность в контексте неформальных практик формируется на базе размежевания общества, раскол которого на «мы»

и «они» — будь то руководители и подчиненные, власть и народ, те, кому можно все и те, кому нельзя ничего, богатые и бедные, работники-ветераны и «пришлые» — это не просто вычленение себя из совокупности других как основа институциональной самоидентификации, но способ объяснения игнорирования и неосуществления своих интересов через реализацию интересов контрсубъектов. Тем самым в массовом сознании закрепляются устойчивые социальные оппозиции, еще более «расшатывающие» устойчивость общественной системы. Вместе с тем неформальные практики порождают и «соглашательство» между начальником и подчиненным в том случае, если «включенность» последнего в солидарную группу не приносит ему успеха в достижении запланированного результата; между коллективом и индивидом, если последний не закрепился в солидарно-доверительном поле коллектива, но его необходимо привлечь для решения сложившейся проблемной ситуации; между руководителем и коллективом, если надо убедить группу осуществлять деятельность требуемым образом при отсутствии стимулирования работников формальными способами.

3. Система оплаты труда. В подавляющем большинстве случаев зарплата формально нормирована, то есть соответствует табельным расценкам, но на практике ее размер зависит от множества факторов, большинство которых не контролируется работниками. Они не могут повлиять на состояние оборудования, на организацию труда, снабжения и взаимодействия производственных подразделений, но реально несут материальную ответственность за износ машин и ритмию производственного процесса, отвечая за это своей зарплатой. Более того, трудящиеся должны соблюдать нормативы, не всегда соответствующие технологическим возможностям и зависящие от рыночной конъюнктуры. Нередко трудовые функции организуются посредством устных указаний, исходящих от непосредственного начальника, и в этом случае оплата происходит по факту выполнения задач, а не только по показателям труда. Не случайно наблюдается повышенная социальная напряженность в аспекте оплаты труда: доля вполне удовлетворенных уровнем заработной платы на предприятии «А» составила 8,7 %, на «Б» — 1,4 %. В рамках общего недовольства оплатой труда формируется негативная оценка со-

путствующих ей элементов: так, состояние системы материального и морального стимулирования позитивно оценивают соответственно 13,0 % и 7,4 %; состояние оборудования – 18,6 % и 6,3 %; организацию труда – 24,2 % и 16,9 %; интенсивность труда – 27,6 % и 16,6 %; учет результатов труда – 18,6 % и 16,2 % респондентов указанных предприятий.

4. Неформальный характер управления рабочим временем. Работникам, чаще всего в устной форме, выдаются определенные задания устанавливаются сроки их выполнения, в рамки которых они должны уложиться. Но последние не формализованы, не фиксированы, время на выполнение таких заданий не распланировано, задачи часто меняются, загрузка неустойчива. Рабочие приспособляются к изменениям производственной ритмики, иногда при неформальном содействии мастера, который может «закрывать глаза» на прогул или временное отсутствие на рабочем месте, рассчитывая на последующую отработку. Неформальная организация рабочего времени осуществляется через адаптивные навыки трудящихся и межличностные отношения взаимной поддержки. Именно поэтому организацию и координацию работы одобряют 24,2 % и 16,9 % опрошенных предприятий «А» и «Б», а распределение труда – соответственно 25,2 % и 21,1 %.

5. На конструирование неформальных отношений оказывают непосредственное влияние такие качества работников, как трудовой стаж и приобретенные в его рамках умения, навыки, рутины, в том числе связанные с изобретательностью (смекалкой). Главный «козырь», имеющийся в распоряжении рабочих, – не столько их формальная квалификация, сколько уникальные, полученные на данном конкретном предприятии и непосредственно связанные с его технологиями знания и умения, позволяющие в определенной степени манипулировать своими принципами, реализуя оппортунизм в поведении. Обладая «специфическими активами» и зная о своей необходимости, работник позволяет себе моменты лени, может отказаться от выполнения некоторых заданий, а порой и диктовать свои условия непосредственному начальнику. Общая доля таких работников составляет по предприятию «А» – 40,2 %, по предприятию «Б» – 37,6 %.

6. Торможение ритма и снижение интенсивности работы в результате действий работников, осуществляемых в рамках про-

тестных неформальных практик. Корреляционный анализ данных, полученных в ходе исследования, показал, что оценка интенсивности работы прямо пропорциональна уровню заработной платы: чем выше последний, тем больше тех, кто работает более интенсивно и удовлетворен темпом труда. Так, на предприятии «А» заработная плата в 3 раза выше, чем на «Б», поэтому позитивная оценка интенсивности работы составляет соответственно 27,6 % и 16,6 % респондентов. Работники, имеющие позитивную установку на интенсивность труда, не намерены ее снижать, тогда как остальные могут, как осознанно, так и неосознанно, тормозить темп и нарушать ритм труда. Инерционность институциональных практик обуславливает наличие временного лага перестройки коллективного трудового мышления в сторону повышения интенсивности даже после однократного выполнения руководством требований работников по оплате труда. Очевидно, что ее повышение должно носить не дискретный, а континуальный характер на программной основе, как и в целом процесс мотивации.

7. Нарушения трудовой дисциплины, принятие которыми систематического характера сигнализирует о попытках работников таким способом повысить уровень своей автономии в труде. Такая практика становится установкой всего коллектива, принимая многообразные формы. В целом состояние с трудовой дисциплиной беспокоит лишь 0,8 % опрошенных работников предприятия «А» и 7,6 % – «Б». При этом 27,1 % и 38,9 % респондентов соответственно свидетельствуют о наличии случаев нарушения дисциплины. Этот факт отражает наличие коллективной солидарности, направленной на сохранение практики дисциплинарных нарушений и выгораживания «своих», а факт отсутствия в сознании работников данной проблемы характеризует превращение этой практики в норму.

8. Пьянство, курение и воровство. Случаи выхода на работу в нетрезвом виде отмечают 21,0 % опрошенных, 18,8 % замечали факты употребления спиртных напитков в рабочее время. Больше всего злоупотребляют спиртными напитками рабочие (49,9 %), но склонны к этому и руководители (23,9 %). Поскольку последние выступают, как было показано выше, своего рода эталонном поведения для работников, то подаваемые ими примеры

нарушения дисциплины ориентируют трудящихся действовать по типу «следования нормам принципалов». Основными причинами употребления спиртных напитков являются: неустроенность жизни и низкий социальный статус – 22,6 %; отрицательные личные качества – 20,5 %; нехватка денежных средств – 15,4 %; алкоголизм – 13,6 %; личная трагедия – 13,1 %; невозможность самореализации в интересной работе – 10,9 % респондентов.

Эта информация может быть оценена по-разному. В некоторых случаях она свидетельствует о понимании работниками пагубной неформальной практики употребления спиртных напитков на рабочем месте. Отрицательно к пьянству относятся около 45,0 % работников обследованных предприятий. В других случаях, особенно когда выпивают коллективно, доминируют оправдательные трактовки: 21,2 % опрошенных считают, что это отечественная традиция, 13,7 % расценивают пьянство на рабочем месте как нормальное явление в наше трудное переходное время, 11,5 % опрошенных относятся к проблеме безразлично, что свидетельствует о замкнутости и пассивности людей. Напрашивается вывод об оппозиционном содержании данной неформальной практики.

Тем не менее 94,3 % респондентов убеждены, что количество людей, употребляющих спиртные напитки на работе, постоянно растет, причем 47,6 % высказали мнение, что в регионах распространение пьянства имеет гораздо большие масштабы и темпы, чем в столичных центрах. Объективной причиной является значительный разрыв столицы и провинции в уровне оплаты труда, отсутствие перспектив в регионах, апатия и безнадежность простых людей, потеря мотивации к мобилизации своего человеческого потенциала и т. д.

Итак, социальный контроль над проблемой пьянства отсутствует и замещен «коллективной поручкой», а административный – слаб и однообразен, включая две основные позиции – увольнение и лишение премии. Как правило, подобные меры принимаются лишь на словах: необходимых работников трудно найти и удержать на небольшой зарплате, а премии платят персоналу далеко не всегда по причине нестабильности работы предприятий.

В большей степени незаконна практика мелкого воровства. Бывает так, что рабочие уносят домой детали, материалы. С одной стороны, это иногда позволяет выжить, дает некоторое основание для самоутверждения («все воруют, а я чем хуже?»). Но, с другой стороны, такие действия работников делают их соучастниками общей системы воровства, что не позволяет им по моральным соображениям критично разоблачать мошенничество администрации или собственников предприятия.

На основании обобщения полученных в ходе социологического исследования результатов можно сделать следующие выводы. Во-первых, неформальные трудовые практики преимущественно реализуются в рамках ограниченной по масштабам хозяйственной деятельности отдельных рабочих/профессиональных групп, перерастая за счет своей распространенности на уровень производственных подразделений, предприятий, их комплексов и интеграционных объединений, отраслей, «пронизывающая» отношения субъектов всех сегментов, сфер и секторов хозяйственной системы.

Во-вторых, для субъектов неформальных трудовых практик характерна традиционная мотивация хозяйственной деятельности, ориентирующая на удовлетворение базовых потребностей себя и своей семьи. В сложных реалиях трансформационной экономики большинство работников сохраняет установку на выживание, поэтому основным мотивом повышения интенсивности и производительности труда является размер заработной платы.

В-третьих, трудящиеся достаточно точно калькулируют и сопоставляют издержки своей деятельности в условиях преобладания неформальной экономики и выбирают наиболее доступные и эффективные способы действий в системе трудовых отношений, то есть, в большинстве случаев, неформальные практики, на основе которых конструируют системы отношений тернарного типа «работник – коллектив – руководитель» и перекрестные бинарные в его рамках («работник –руководитель»; «работник – коллектив», «руководитель – коллектив»), обретая оптимальные варианты адаптации для наиболее полного удовлетворения своих потребностей.

В-четвертых, «социальный капитал» в сфере функционирования неформальных практик локализован в непосредствен-

но контролируемых индивидом внутригрупповых отношениях. Доверие к другим людям, руководству и государству как институциональному представителю легальной экономики практически отсутствует, но в сплоченных коллективах существуют и имеют значительный потенциал развития нормы солидарности и взаимного доверия, позволяющие индивидам лучше адаптироваться к нестабильным жизненным условиям, находить для себя некоторую автономию, проявлять «власть» над руководством, хотя бы с помощью снижения производительности труда и смягчения контроля в отношении нарушителей трудовой дисциплины.

В-пятых, помимо объективных условий внешней среды, а также ресурсных ограничений на индивидуальном уровне, значительную роль в воспроизводстве неформальных трудовых практик играют социально-культурные факторы – ценности, мотивы, представления, принципы, образы, стереотипы, модели конструирования реальности. Среди них доминирует влияние сохраняющихся традиций решения своих проблем с помощью «связей» и «знакомств», недоверия к власти вообще и руководству предприятия – в частности. Это позволяет работникам оправдывать и укреплять неформальные трудовые практики, осуществлять их расширенное производство как особого рода нанотехнологий в труде. Вопрос о достижимости стратегической задачи глубокой модернизации хозяйственной системы России на такой институциональной основе остается открытым...

Литература

Барсукова С.Ю. Солидарность участников неформальной экономики. На примере стратегий мигрантов и предпринимателей // СОЦИС. 2002. № 4.

Бэккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход // Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ. / Сост., науч. ред., послесл. Р.И. Капелюшников; предисл. М.И. Левин. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Валерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М., 2001.

Василенко И.В., Дулина Н.В., Токарев В.В. Социальные установки молодых предпринимателей // Социологический журнал. 1995. № 3.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

Заславская Т.И., Шабанова М.А. Распространение и институционализация неправовых практик в сфере труда и занятости // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, Э.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003.

Иншаков О.В. Введение // Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли IX–XXI вв.: В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. Т. 1.

Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // СОЦИС. 2003а. № 9.

Иншаков О.В. О стратегии развития Южного макрорегиона России: (Методологические и методические проблемы формирования). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003б.

Капелюшников Р. Где начало конца?.. (К вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. № 1.

Клеман К. Неформальные практики российских рабочих // СОЦИС. 2003. № 5.

Латов Ю.В., Нестик Т.А. «Плохие» законы или культурные традиции? // Общественные науки и современность. 2002. № 5.

Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994.

Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972.

Неформальная экономика: Россия и мир. М., 1999.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

Олейник А.Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» // ПОЛИС. 2001. № 2.

Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996.

Сото Э., де. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2001.

Трансформация экономических институтов в постсоветской России. М., 2000.

Хабермас Ю. Этика дискурса: замечания к программе обоснования // Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.

Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.

Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.

¹ Понятие «социальный капитал» методологически не совсем корректно, так как любой капитал социален по своей природе, представляя собой конкретно-исторический продукт развития общества. По сути, его синонимом является транзакционный капитал, интегрирующий институциональный, организационный и информационный компоненты, выступающие, в свою очередь, особыми формами капитала. – *Прим. ред.*

² Далее используются данные комплексного социологического исследования, проведенного на предприятиях нефтехимической и химической отраслей промышленности Волгоградского региона. В качестве опытно-экспериментальной базы были выбраны два крупных предприятия, по одному из каждой отрасли. Их объединяет ряд сходных черт: аналогичная организационная структура, близкая численность персонала, включенность в наиболее успешные отрасли хозяйства, производственный профиль деятельности. Вместе с тем имеются и некоторые различия, как то: уровень заработной платы, во многом определяющий состояние и содержание неформальных отношений, качественный состав кадров и т. д. В дальнейшем предприятие нефтехимической отрасли ООО «ЛУКОЙЛ-Волгограднефтепереработка» обозначим условно предприятие «А», а предприятие химической отрасли ОАО «СИБУР-Волжский» – предприятие «Б». Исследование проводилось в период с 2002 по 2004 год (май-июль) с использованием методов глубоких и структурированных интервью, включенного наблюдения. Выборка 600 человек (по 300 чел.), пропорциональная.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	9

РАЗДЕЛ I МЕТОДОЛОГИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ЧЕЛОВЕКА

Глава 1	
«Человек институциональный» в интеллектуальной и исторической спирали	23
Глава 2	
«Человек институциональный» – субъект социально освященного действия	59
Глава 3	
Агенты и институты: к проблеме институционального выбора	87
Глава 4	
«Человек институциональный» как экономический актор	113
Глава 5	
Трансакционная модель бытия «человека институционального»	128
Глава 6	
Институты, человек и социальное знание: теоретические основы воспроизводства	147

Глава 7	
Факторно-институциональный анализ хозяйственных изменений	172

Глава 8	
Человек – институциональная система	195

РАЗДЕЛ II
ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Глава 9	
Рациональность, неполная рациональность, иррациональность: психологические факторы	220

Глава 10	
Институциональные фракции в современном обществе	237

Глава 11	
<i>Novo institutius</i> в теории институциональных матриц	259

Глава 12	
Математические модели и методы исследования институциональной структуры	283

Глава 13	
Методика синтеза понятия «институт» на основе системы детерминант	313

Глава 14	
Управление институциональными изменениями	331

Глава 15	
Планирование и моделирование инвестиций в институты	345

Глава 16	
Институция как латентная функция производства социально-субъектного бытия	374

РАЗДЕЛ III
ЧЕЛОВЕК В ИНСТИТУТАХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Глава 17	
Место человека в системе социальных институтов: константа или переменная?	395

Глава 18	Лоббизм как механизм реализации институциональных интересов	410
Глава 19	Человек в гражданском обществе: проблемы институционализации и идентичности	435
Глава 20	Корпоративное гражданство в модели <i>homo institutus</i>	463
Глава 21	Современная российская политическая институционализация	489
Глава 22	Континуальная парадигма культуры как инструмент исследования процесса институционализации ..	506

РАЗДЕЛ IV
ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
ПОЛИМОРФИЗМА ЧЕЛОВЕКА

Глава 23	Человек и политические институты: опыт философско-социологического анализа	522
Глава 24	Человек в поликонфессиональном пространстве России: право на свободу совести	540
Глава 25	Что значит для человека «быть»?	558
Глава 26	Институционализация человека в университете: американский опыт и российские аналогии	578
Глава 27	Институциональные параметры этнического развития	603
Глава 28	Объективные и субъективные факторы институционализации в сфере государства и права	618

РАЗДЕЛ V
БЫТИЕ *HOMO INSTITUTIVUS* В ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМАХ

Глава 29

Содержание и выражение институциональных
понятий в русском языке 637

Глава 30

Типология и классификация институциональных номинаций
в англосаксонской лингвокультуре 658

Глава 31

Институциональный дискурс
в межличностной коммуникации 679

Глава 32

Система стратегий институционального дискурса 695

Глава 33

Институт и институция в коммуникативном пространстве
(на материале русского, немецкого, английского
и французского языков) 716

РАЗДЕЛ VI
РОССИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК
НА ПУТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Глава 34

Культурно-исторические факторы формирования пропорций
между различными типами агентов
в России 735

Глава 35

Институты современной России:
между «тенью» и «светом» 750

Глава 36

Институциональные аспекты
уголовно-правовой охраны
человеческой жизни 767

Глава 37

Институциональные возможности человека
в российской системе приказной
бюрократии XVI–XVII вв. 783

Глава 38

Формы и границы
теневой институционализации человека 800

Глава 39

Региональный аспект институционализации
неформальных трудовых практик
в современной России 824

Научное издание

HOMO INSTITUTIUS

**ЧЕЛОВЕК
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ**

Под редакцией доктора экономических наук О.В. Иншакова

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редакторы: *С.А. Астахова, Н.В. Горева, Л.С. Сморгалова*
Технический редактор *М.Н. Растёгина*
Художник *Н.Н. Захарова*

Подписано в печать 20.12.04. Формат 60S84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 49,64.
Уч.-изд. л. 53,38. Тираж 500 экз. Заказ . «С» 3.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100.